

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС
ОБ
ИСКУССТВЕ

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС
ОБ
ИСКУССТВЕ

В ДВУХ ТОМАХ

∞

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

• ИСКУССТВО •

МОСКВА • 1957

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС
ОБ
ИСКУССТВЕ

ТОМ ПЕРВЫЙ

Составил
Мих. ЛИФШИЦ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

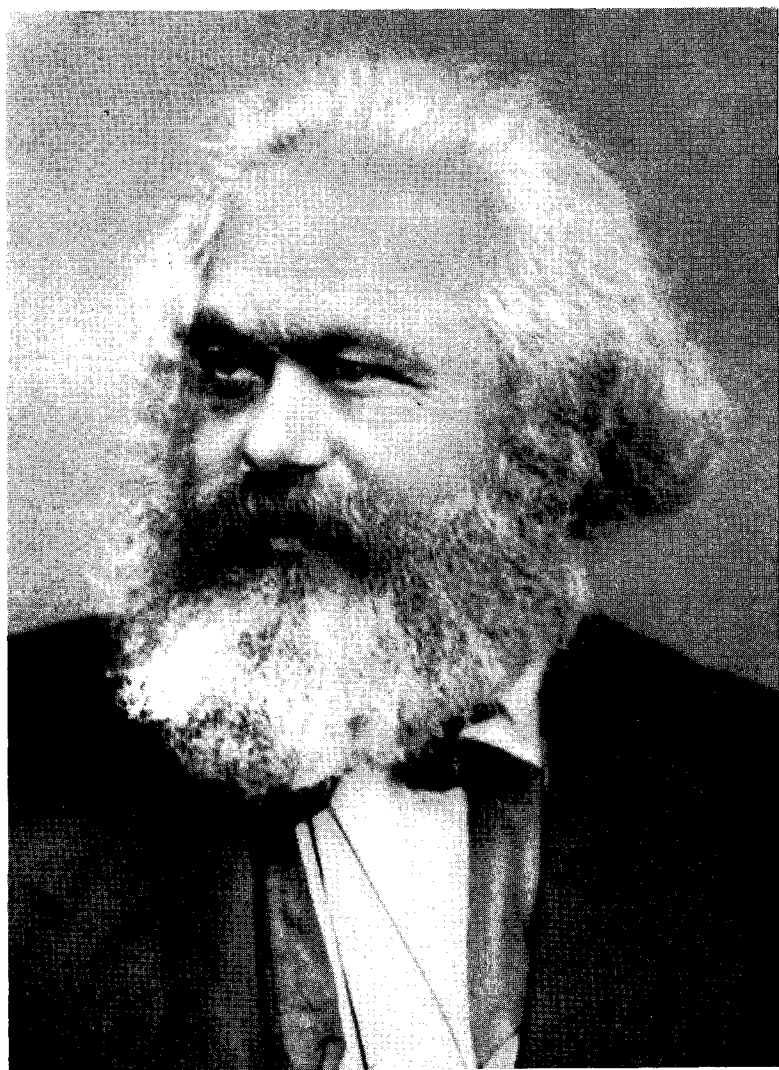
• ИСКУССТВО •

МОСКВА • 1957

Вступительная статья
МИХ. ЛИФШИЦА

Комментарии

А. ВЫГОДСКОГО и Г. ФРИДЛЕНДЕРА

I

Более ста лет назад в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс писали: «Обвинения против коммунизма, выдвигаемые с религиозных, философских и вообще идеологических точек зрения, не заслуживают подробного рассмотрения».

С тех пор много воды утекло, но полемика врагов коммунизма за истекшее столетие не стала более убедительной. Реакционная печать сейчас особенно широко применяет оружие клеветы и обмана. Однако главным предметом ее нападок в настоящее время является идейный базис коммунизма. Нельзя оставить этот факт без внимания.

Буржуазия уже не может смотреть на коммунизм с высоты своего практического могущества. Коммунизм сегодня — это страны с большим народонаселением, развитой промышленностью, прочной военной системой. Оспаривать силу нового общественного строя бесполезно, да и не выгодно имущим классам. Тем более важное значение для буржуазной пропаганды приобретает теперь критика коммунизма с «идеологических точек зрения». Не отрицая больших материальных успехов социалистических государств, прежде всего в области промышленности, буржуазия стремится вызвать разочарование в идеях коммунизма, представить их страшной угрозой для духовной культуры и морального уровня личности.

Движимые реальным чувством страха, защитники классовых привилегий делают вид, что их тревожат судьбы европейской гуманистической традиции. Марксизм изображается ими как образец темной догматики, род социальной религии. Вся громадная машина буржуазной пропаганды повторяет неслышанно пошлые фразы о закате свободной мысли в эпоху подъема угнетенных народов.

К этому общему хору присоединяются голоса современных ревизионистов. Чтобы оправдать свои шатания в сторону чуждых рабочему классу буржуазных идей, они объявляют догматические тенденции неизбежной чертой марксистской теории и практики.

На деле вся история рабочего движения подтверждает существование принципиально важной грани между марксизмом догматическим и марксизмом творческим. Существование этой грани обнаружилось довольно рано,

как об этом свидетельствует ироническая фраза Маркса, сказанная им по адресу своих мнимых последователей во Франции конца семидесятых годов прошлого века: «Ясно одно, что сам я не марксист»¹.

Для Маркса и Энгельса не осталось секретом то обстоятельство, что догматические тенденции в рабочем движении являются следствием влияния буржуазной идеологии, которое в те времена было прямо связано с нашествием литераторов и доцентов, присоединившихся к рабочим партиям в период их массового подъема.

Примером такого сочетания политического карьеризма и вульгарного понимания революционной теории является деятельность Пауля Эрнста, впоследствии так далеко ушедшего в сторону реакции, в частности его статьи о женском движении на севере Европы (в связи с драматургией Ибсена). «Что касается Вашей попытки подойти к вопросу материалистически, — писал ему Фридрих Энгельс 5 июня 1890 года, — то я прежде всего должен сказать, что материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроют и перекраивают исторические факты»².

Вульгарное понимание революционной теории сводит ее к сумме абстрактных выводов; оно отражается и на самом содержании этой теории, облегчая проявление буржуазных идей в их наиболее прямой и опасной форме всякого рода ренегатства и ревизионизма. Само слово «ревизионизм» еще не возникло, когда Марксу и Энгельсу пришлось выступить против попытки подавить пролетарский характер партии «худосочной дурацкой эстетической филантропией» (оппозиция правых литераторов в период закона против социалистов). Не менее характерен эпизод «бунта литераторов» ультралевого направления с участием Пауля Эрнста в начале девяностых годов. Переписка Энгельса рисует образ подобного литератора, образованного или, скорее, полубразованного «декласированного молодого буржуа», устремившегося в пролетарское движение с целью занять в нем выгодную позицию и нахватывшегося социал-демократических идей, чтобы превратить их в пустые фразы, деревянный шаблон, который затем признается несостоятельным, стесняющим творческую индивидуальность и дополняется мещанским вздором, заимствованным из явно буржуазных источников. «Беспомощность этих людей может сравниться только с их нахальством»³; — писал Энгельс Лафаргу (от 27 октября 1890 г.).

¹ Ф. Энгельс — Э. Бернштейну 2—3 ноября 1882 г. Соч., т. XXVII, стр. 256.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVIII, стр. 219—220.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVIII, стр. 255.

Маркс и Энгельс были беспощадны ко всякому понижению идейного уровня марксистской литературы. Решительно отвергая шатания случайных попутчиков марксизма, они не останавливались перед резкой критикой своих лучших друзей, таких борцов немецкого пролетариата, как Вильгельм Либкнехт, когда замечали у них малейшие признаки догматического подхода к явлениям живой действительности. Примером может служить полемика Энгельса с Либкнехтом по поводу пренебрежительной оценки Гегеля как «пруссак» в немецкой социал-демократической газете «Фольксштаат». Особенно преследовали Маркс и Энгельс всякую односторонность выводов, преподносимую во имя революционной фразы — наследие вульгарной демократии, — но замечали они и признаки нарастающей новой опасности — гордого своей филистерской научностью катедермарксизма. В их сочинениях и письмах, насыщенных глубокой уверенностью в конечной победе рабочего класса, сквозит постоянное беспокойство за судьбы созданной ими революционной теории в связи с громадным распространением ее влияния вширь.

Будущее показало, что эта тревога не была напрасной. Несмотря на большие заслуги в области теории таких талантливых пропагандистов марксизма, как Поль Лафарг, Франц Меринг, Г. В. Плеханов, общий уровень марксистской литературы после смерти ее основателей, в период II Интернационала, понизился. Достаточно вспомнить полемику ревизионистов против диалектического метода, учения о социальной революции и других важных пунктов теории Маркса и Энгельса. Преодоление этой болезни, разьедавшей рабочее движение, было возможно только на путях л е н и н и з м а.

Нет необходимости здесь говорить о том искаженном облике, который получила марксистская теория у вождей II Интернационала в области политики, экономической науки и философии. Но одна сторона дела требует упоминания. Маркс и Энгельс были создателями всеобъемлющего и цельного мировоззрения. Отвергая значение философии как системы абсолютной истины, подчиняющей себе все отрасли знания, обращаясь повсюду к изучению конкретных материальных фактов в свете последних доступных им открытий, они вместе с тем глубоко презирали ученое крохоборство цеховой науки, эклектическую нищенскую похлебку, преподносимую в немецких университетах под видом философии после Гегеля, мертвое разобщение специальностей и другие подобные явления официальной буржуазной культуры второй половины XIX века.

Люди великой революционной энергии, Маркс и Энгельс были действительными наследниками и критическими истолкователями лучшей поры европейского гуманизма. Их учение является реальным ответом на все общественные вопросы, поставленные этой эпохой, и если материал для решения подобных вопросов они черпали прежде всего в экономике, то их дальнейшие выводы охватывают всю область деятель-

ности людей среди окружающего их действительного мира природы и общества.

В литературе II Интернационала это широкое и цельное мировоззрение было низведено до уровня односторонней социологической доктрины, облегчающей примирение с любыми фактами жизни посредством ссылки на «развитие производительных сил». Не удивительно, что такая постановка вопроса породила множество попыток дополнить марксизм при помощи этики Канта, религии Фейербаха и т. п. Глубокие исторические и философские идеи Маркса, заключенные в его экономических трудах, были совершенно не поняты. Характерно пренебрежительное отношение к литературному наследству Маркса и Энгельса со стороны его официальных хранителей. Философско-экономические рукописи 1844 года, «Немецкая идеология», «Очерки критики политической экономии» 1857—1858 годов, «Диалектика природы» — все это могло увидеть свет только в советское время.

Мало занималась литература II Интернационала таким существенным периодом в истории марксизма, как сороковые годы. В произведениях этого десятилетия с наибольшей яркостью выступает связь учения Маркса и Энгельса с его источниками, особенно немецкой классической философией конца XVIII — начала XIX века, но вместе с тем и *революционный перелом*, созданный марксизмом в истории общественной мысли. Для квазимарксистов и дельцов реформистского большинства II Интернационала, не замечавших революционных выводов Маркса и Энгельса под оболочкой их объективно-научного метода, было совершенно естественно желание отделить зрелый марксизм времен «Капитала» от критической эпохи его зарождения и развития. Стремление установить несуществующую грань между двумя видами марксизма — революционной теорией сороковых годов и научной системой второй половины века — до сих пор заметно в буржуазной социологии.

Разумеется, научное здание марксизма было завершено лишь в пятидесятих-шестидесятих годах в результате решающих экономических исследований Маркса, которые образуют главное содержание его учения. Благодаря этому критика общественных противоречий приобрела твердую основу и окончательно вышла из той стадии, когда ее аргументы носили преимущественно моральный, философский или эстетический характер. Поскольку марксизм вырос в борьбе с различными проявлениями эпигонского утопического социализма и вульгарной демократии, Маркс и Энгельс должны были всячески подчеркивать объективную научность своей точки зрения, ее независимость от любого абстрактного идеала. Эта тенденция проходит через всю их литературную деятельность и перелиску начиная с 1843—1844 годов. Она тесно связана с формированием коммунистического мировоззрения рабочего класса. В том же духе и Ленин всегда подчеркивал отсутствие в марксизме моральной риторики и всякой склонности к абстрактным идеалам или, скорее, идеальным фразам буржуазных партий.

Но это вовсе не значит, что живой, творческий марксизм лишен своего общественного идеала, внутренне присущего ему и вытекающего из научной основы учения Маркса и Энгельса. Напротив, отвращение к фразе и громадное значение, которое марксизм придает общественной практике, свидетельствуют о том, что в рамках этого учения идеал впервые перестает быть только утешительной иллюзией, «нас возвышающим обманом». Напомним слова В. И. Ленина: «Мысль о превращении идеального в реальное *глубока*: очень важна для истории. Но и в личной жизни человека видно, что тут много правды. Против вульгарного материализма. NB. Различие идеального от материального тоже не безусловно, не чрезмерно»¹.

Эта связь идеального и реального в общественном процессе жизни образует гуманистическое содержание марксизма. «Наша теория не догма, а разъяснение процесса развития, который заключает в себе ряд последовательных фаз»², — писал Энгельс Келли-Вишневецкой. Историческая схематика чужда Марксу и Энгельсу, поэтому магических формул в духе Шпенглера или Тойнби нечего искать в их произведениях. Но бесконечно более глубокий и точный взгляд на историческое развитие культуры в их мировоззрении безусловно содержится. Книга, предлагаемая вниманию читателя, является прежде всего попыткой представить в более или менее связанном виде «философию культуры» Маркса и Энгельса, если можно принять такое определение, весьма условное, за неимением лучшего.

Обратившись к подлинным словам основоположников марксизма, непредвзятый читатель сумеет отличить эту симфонию Бетховена от грубой карикатуры, которой пугает мир буржуазная пропаганда.

Наша цель будет достигнута, если эта книга поможет участникам современной идейной борьбы за ум и волю людей, борьбы нелегкой вследствие множества сложных явлений жизни, затемняющих основное содержание нашей эпохи, революционный переход от старого мира частной собственности к обществу коммунистическому.

II

В своих произведениях и письмах Маркс и Энгельс заложили основу энциклопедии революционного марксизма. Но, разумеется, они не могли завершить ее во всех разветвлениях. Это превышало возможности чело-

¹ В. И. Ленин, *Философские тетради*, М., 1947, стр. 88.

² Ф. Энгельс — Келли-Вишневецкой 28 декабря 1886 г. Соч., т. XXVII, стр. 610.

веческой жизни, даже такой титанической и могучей, как у Маркса и Энгельса. Вспомним, что Маркс хотел написать изложение положительного содержания гегелевской диалектики, но так и не успел осуществить своего намерения. Впоследствии народник Н. К. Михайловский требовал от последователей Маркса, чтобы они указали «книгу», где все их учение было бы изложено в таком же систематическом порядке, как учение Дарвина изложено в его «Происхождении видов». Буржуазная литература долго отказывалась видеть в Марксе философа на том основании, что он не оставил систематического курса своей философии.

Нечто подобное произошло и с взглядами Маркса и Энгельса на искусство. В них видели только случайные мнения, не заключающие в себе никакой теории. Даже такие выдающиеся представители марксистской литературы, как Плеханов и Меринг, считали, что в этой области им приходится создавать науку заново, руководствуясь только общим пониманием диалектического материализма. Есть определенная связь между господством оппортунизма в рабочем движении эпохи II Интернационала и тем обстоятельством, что общественно-эстетический идеал Маркса и Энгельса оставался в тени как нечто необязательное для социалистов. В истории искусства и литературы видели только материал для подтверждения теории исторического материализма. Лишь в гениальных статьях о Толстом и других произведениях В. И. Ленина был снова сделан важный шаг вперед в том направлении, которое связывает научный коммунизм с наследством Белинского, Чернышевского и Добролюбова, Гёте и Шиллера, Лессинга и Дидро.

С другой стороны, нельзя признать случайным то обстоятельство, что один из выдающихся представителей марксистской эстетики эпохи II Интернационала — Франц Меринг стоял на левом фланге германской социал-демократии, а безусловно наиболее значительный из них — Г. В. Плеханов был деятелем русского революционного движения. Плеханов в России и Меринг в Германии сохранили в известной мере наследство революционной демократии, которая видела в искусстве изображение жизни и разговор над ее явлениями. Этот элемент *оценки жизни*, принадлежащий эстетике, был чужд марксизму II Интернационала с его претензией на невозмутимую научность и отказом от революционной критики буржуазного строя. Если такая оценка допускалась, то лишь в виде чисто субъективного взгляда, в виде, например, неокантовской системы условных «ценностей», иногда переодетых в социологический и даже классовый костюм «пролетарской культуры» или полезного «социального мифа» (в анархо-синдикалистских течениях 1889—1914 гг.).

Вот почему богатые идейным содержанием, тесно связанные с теорией познания и всемирно-исторической точкой зрения марксизма мысли Маркса и Энгельса об искусстве остались незамеченными. Даже люди, специально занимавшиеся изучением их литературного наследия, прошли мимо этих

фрагментов целого, образующих стройную систему взглядов. Как пережиток догматического марксизма такое отношение к взглядам Маркса и Энгельса не сразу уступило место нашей современной оценке. Точно так же многими литераторами не сразу было понято и принципиальное значение статей Ленина о Толстом и других документов ленинизма, имеющих отношение к искусству и литературе.

Еще в конце двадцатых годов считалось очевидным, что из марксистских авторитетов в области искусства на первом месте стоит Плеханов. Существовал даже термин «плехановская ортодоксия». Большим подспудным влиянием пользовалась социологическая теория А. Богданова. Даже Шулятиков и Фриче, от которых в свое время отрешивался Плеханов, имели своих многочисленных подражателей.

Еще в 1929 году в сборнике в честь В. М. Фриче М. Н. Покровский писал: «Теорию исторического процесса мы давно имеем, марксистскую теорию художественного творчества приходится еще создавать». И далее: «Это не то, что общая история или политическая экономия. Там нам оставили ряд классических образцов наши великие учителя. По истории художественной литературы, кроме нескольких работ Плеханова и Меринга, ничего нет»¹.

И так смотрели на дело не только Покровский и сам В. М. Фриче — за ними следовал целый легион более мелких авторов. Все они внушали читателю, что у Маркса и Энгельса ничего, кроме самой общей исторической точки зрения, найти нельзя, что марксистскую теорию искусства и литературы нужно создавать заново, руководствуясь главным образом статьями Плеханова да сомнительными открытиями западной «социологии искусства». То законное место, которое принадлежит в наших глазах эстетическим идеям основоположников марксизма, они заняли только в результате долгой борьбы против пережитков старой точки зрения, сохранившейся в виде системы взглядов так называемой вульгарной социологии, которая выступала, то в солидном академическом облачении, то в виде самых разнообразных ультралевых течений.

Нельзя забывать о громадной критической работе, проделанной партией, особенно в период больших социальных сдвигов конца двадцатых — начала тридцатых годов. Другим важным политическим обстоятельством, открывшим новые возможности для марксистского просвещения, было поражение «самодовольного сектанства» в Коммунистическом Интернационале и начало тактики народного фронта на Западе. Опыт показывает, что в настоящее время эстетические идеи Маркса и Энгельса играют большую роль в идейной борьбе коммунистических и рабочих партий всех стран.

¹ Сб. «Марксистское искусствознание и В. М. Фриче», М. 1931, стр. 29.

III

Мыслящих представителей современной интеллигенции привлекает в марксизме великая идея исторической миссии рабочего класса не только в области материального производства, но и во всех областях культуры, искусства. Это совершенно естественно. Буржуазное общество уже в момент своего зарождения было для лучших мыслителей прошлого воплощением пошлой трезвости и прозы. Марксизм продолжает эту критику, переходя от формы проявления к сущности дела — экономической природе капитализма, высшей ступени товарного общества. Сопоставляя отрывки из произведений Маркса и Энгельса, мы старались показать, что их взгляд на историческое развитие искусства в эпоху буржуазной цивилизации не случайное мнение, высказанное в момент особенной ненависти к окружающей среде, а глубоко продуманный вывод из анализа основных черт капиталистического способа производства.

В центре старой культуры стоял обособленный индивид, «атом», сталкивающийся с другими членами общества, такими же одинокими лицами, на великом рынке жизни. Мыслители и художники прошлого подвергли детальному исследованию диалектику его страстей и стремлений, различные случаи столкновения обязанностей и прав, иерархию способностей и личных качеств, навязанную индивиду всей организацией старого общества. Они установили общий антагонизм между влечением эгоистического субъекта и бескорыстием отвлеченного долга, между чувственным и рациональным, поэзией и прозой, полезным и эстетическим, индивидуальным вкусом и общезначимым суждением.

Старая эстетика создала целую систему подобных взаимнопротивоположных отношений. Но реальные, исторически преходящие причины этих внутренних коллизий оставались неясными для мыслителей прошлого вследствие неразвитости окружающих общественных условий. Противоречия внутреннего мира казались им следствием изначальной двойственности человеческой природы, осужденной на постоянные колебания между идеалом и реальной жизнью.

В эстетике просветителей XVIII века эти противоречия приобретают форму «парадоксов» человеческой природы. Таков, например, знаменитый «Парадокс об актере» Дидро. Это в сущности парадокс о человеческом общении. Дидро повсюду проводит аналогию между театром и жизнью. С одной стороны, он сенсуалист, отстаивающий права чувственной жизни, защитник реализма в искусстве. С другой стороны, разбирая внутреннюю логику художественного творчества на примере игры актрис Клерон и Дюмениль, он приходит к выводу, что самый слабый актер тот, кто отдается своим непосредственным переживаниям, умеет играть только самого себя. «Спектакль подобен хорошо организованному обществу, в котором каждый поступает частью своих прав в интересах всех и для блага целого. Кто лучше

определил меру этой жертвы? Энтузиаст? Фанатик? Конечно, нет. В обществе это лучше всего сделает человек справедливый, а в театре — актер с холодным умом. Ваша уличная сцена относится к драматической сцене так же, как орда дикарей — к сообществу людей культурных.

Отсюда Дидро делает вывод, имевший принципиальное значение для его эпохи — настоящие актеры и действительные благодетели человеческого рода, гении общественной жизни должны стремиться к обузданию патологического природного эгоизма страстей и личных интересов при помощи холодного «идеала», «идеального образца». Правда сцены не совпадает с правдой жизни. Актер — обманщик. Искусство создает иллюзию общественной гармонии, но этот благородный обман или самообман — полезен, а верность жизни, в которой человек разъединен с другими людьми грубым противоречием интересов, — является, отступлением от более высокой истины.

В такой постановке вопроса заключалась серьезная мысль, но по условиям времени она могла получить только одностороннее развитие. Вопрос, затронутый здесь, был освещен в «Парадоксе» Дидро с особенной яркостью и в то же время слишком резко, причудливым и странным светом. Возникла типичная для XVIII века «абберация зрения». Реалистический исходный пункт французского просвещения был утрачен, и реализм вследствие ограниченности его исторической основы перешел в свою собственную противоположность. Там, где человек выступает как частный собственник, homo oeconomicus, в моральном отношении он рассматривается как естественный эгоист, потенциальный участник гоббсовской «войны всех против всех», и общественное начало является в виде чего-то искусственного, иллюзорного, как тень отвлеченного идеала, который требует от частного лица гражданского аскетизма, самоотречения. Искусство эпохи французской революции и наполеоновской империи несет на себе отпечаток сознательной отвлеченности, рожденной в умственных исканиях XVIII века.

У Канта парадоксы эстетической теории превращаются в неразрешимые антиномии, восходящие к основному дуализму естественной необходимости и свободы, мира реального и мира идеального. Центральным пунктом кантовской критики способности суждения является так называемая *антиномия вкуса*, развивающая то, что было уже дано «аналитикой прекрасного» и «дедукцией чистых эстетических суждений». С одной стороны, по словам Канта, «суждение вкуса определяет предмет со стороны наслаждения (как красоту) с притязанием на согласие с ним каждого, как будто наслаждение здесь нечто объективное», с другой стороны, «суждение вкуса определяется не через доказательство, а это придает ему вид субъективного суждения». Люди говорят, что о вкусах не спорят, и в то же время продолжают спорить о них, да и не могут не спорить, так как всякое подлинное суждение вкуса, в отличие от оценки съеденного блюда, заключает в себе властное требование общественного признания. Таким образом, обязательные для

всех нормы вкуса приводятся здесь в безысходное противоречие с тем, что Кант назвал однажды «эстетическим эгоизмом».

В кантовской антиномии вкуса перед нами новое выражение противоречия между обществом и личностью, представленное с большей диалектической остротой, чем у французских просветителей, и в то же время преувеличенное до идеализма. Раздвоенность человеческой природы приобретает в немецкой философии конца XVIII — начала XIX века абсолютный смысл. Тезис и антитезис кантовской антиномии одинаково справедливы, и наша познавательная способность, по словам философа, бессильна объяснить возможность их совместного существования.

Таково общее направление философии Канта, которая превращает идеал общественной жизни в недостижимую «вещь в себе». Человечество может лишь постепенно приближаться к этому идеалу, без всякой надежды когда-нибудь его достигнуть. По учению Канта, вместе с развитием цивилизации растет и сумма общественного зла. «Радикально злое в человеческой природе» можно прикрыть внешним покровом культуры, возникающим в силу самой естественной необходимости («природы»), но совершенно устранить его нельзя, разве только в мечте поэта.

Замечая противоречивый характер человеческого сознания, что само по себе является немалой заслугой, старая эстетика еще не видела и не могла видеть объективной исторической основы этих противоречий, в которой заключается тайна их преувеличенной до грубого антагонизма формы развития. Она не могла установить объективную связь этих психологических проблем с общими условиями формирования личности в рамках социальной организации, основанной на неравенстве и борьбе классов. Она искала выхода в утопическом «среднем состоянии», таинственном «синтезе противоположностей».

Этот идеал выступает перед глазами мыслителя как гармоническая форма общественной жизни и личного развития человека, как высшее единство чувственного и рационального, идеального и реального, личного и общественного в определенные счастливые эпохи, уже преодолевшие первичное «варварство чувств» (по выражению Вико), но еще не ставшие жертвой противоречий цивилизованного общества, вторичного «варварства рефлексии». Историческое осуществление идеала переносилось обычно в прошлое, чаще всего в Грецию эпохи Перикла. «Гельвеций находит счастье общественного человека в среднем состоянии, — писал Дидро. — Я думаю аналогичным образом, что существует какая-то ступень цивилизации, более соответствующая счастью человека вообще и не настолько далекая от дикого состояния, как это обыкновенно воображают; но как вернуться к нему, когда удалиться от нее, а когда находишься на ней, то как остаться там? Я этого не знаю. Общественная жизнь развивается, может быть, в направлении к тому пагубному совершенству, которым мы наслаждаемся с почти такой же необходимостью, с какой становятся белыми на старости наши волосы. Древние

законодатели знали только дикое состояние. Современный законодатель, более просвещенный, чем они, основывая колонию где-либо в неизвестном уголке земли, может быть, нашел бы какой-нибудь промежуточный между диким состоянием и нашей чудесной цивилизацией строй, который задержал бы быстрый прогресс потомка Прометея, защитил бы его от коршуна и дал бы цивилизованному человеку место между детством дикаря и нашим старческим увяданием».

В глазах людей эпохи Дидро и Гельвеция искусство является вестником этого счастливого «среднего состояния» и могучим средством для убеждения людей в том, что такое состояние *возможно* для возвышения человека над крайностями цивилизации. Развитие эстетической теории в XVIII и первой половине XIX века тесно связано с утопическим взглядом на художественное творчество и наслаждение прекрасным. Под небом искусства видели ту счастливую страну, в которой заложены семена гармонии внутреннего мира. Отсюда эта гармония человеческих сил, как полагали уже английские писатели века королевы Анны, должна распространиться и на мир внешний. Впервые в Англии XVIII века была детально исследована психология эстетического субъекта, и (на основе античных источников) возникло учение о своеобразной роли вкуса как посредствующего звена между миром эгоистической борьбы интересов и духовной сферой моральных обязанностей. Общим местом литературы XVIII века является высокая оценка искусства как средства общения между людьми, способного ослабить их одностороннее развитие в системе разделения труда и прежде всего связать народную почву с оторванным от нее образованием.

В тесной связи с политической экономией и теорией моральных чувств двумя большими отделами, которые в рамках науки этого времени охватывали сферу эгоизма и сферу общительности, английские просветители разрабатывали также *критику вкуса* как важный элемент теории цивилизации, внешней культуры. Это направление мысли является до некоторой степени своеобразной чертой английской эстетики XVIII века. Французские просветители, в лице Монтескье, Дидро и энциклопедистов, выдвигают на первый план *социально-воспитательную роль искусства* (очень характерна в этом отношении теория «искусственных страстей» аббата Дюбос). Их эстетический идеал непосредственно связан с идеей переворота в общественных отношениях, установления разумного порядка на земле. Наконец, третье, главное направление западноевропейской мысли XVIII века — немецкое просвещение, переходящее в гуманизм Гёте и Шиллера и философию великих идеалистов от Канта до Гегеля — переносит центр тяжести на *эстетическое воспитание* в собственном смысле слова как средство преодоления общественных противоречий или по крайней мере личной ограниченности, созданной неравенством и калечащим действием разделения труда.

Теория эстетического воспитания, в том виде, который она получила у Шиллера, развившего элементы этой теории, имевшиеся уже у Канта, существенно отличалась от английской эстетики. Последняя, за немногими исключениями, ставила вопрос о воспитании индивида в более узких рамках сложившейся буржуазной цивилизации. Для немецкой поэзии и философии конца XVIII — начала XIX века речь идет о чем-то большем — об идеальном типе всесторонне развитой и цельной личности, связанной с окружающим обществом прочной нравственной связью. Такая постановка вопроса приближала это учение к французской теории социального воспитания и даже в некоторых отношениях выдвигала его на более передовую позицию. Но, с другой стороны, немецкая эстетика во многом ближе к английскому либерализму с его умеренным тоном. Так, в замечательных по возвышенности общей точки зрения, по глубине и тонкости анализа теоретических сочинениях Шиллера эстетическое воспитание личности выступает как антитеза к революционному методу изменения действительного мира. В противоречиях буржуазной революции конца XVIII века Шиллер находит отражение вечной антиномии духа и тела, неразрешимой противоположности между необходимостью и свободой. В грубом «царстве сил» общественные различия и конфликты можно смягчить только гуманизирующим действием искусства, поэзии.

Являясь наиболее глубокой и вместе с тем наиболее отвлеченной философской теорией искусства, учение немецких мыслителей этого времени впитало в себя все недостатки старой эстетики. При самом отчетливом понимании уродства окружающих общественных отношений их философия искусства оставалось только описывать идеальное решение противоречий, которое Кант признал недостижимым. «Засилье прозы во всем нашем состоянии в целом, — писал Шиллер Гердеру 4 ноября 1795 года, — не оставляет поэтическому гению иного спасения, кроме ухода из сферы действительного мира».

Этот мотив получил наиболее полное и одностороннее развитие в философии искусства немецких романтиков. Та исключительная роль, которую уже отводила царству прекрасных образов эстетическая мысль прежних веков, выступает в мистическом освещении на страницах «Системы трансцендентального идеализма» Шеллинга. Ступень искусства рассматривается как завершение этой системы. Художественное творчество, по словам Шеллинга, нужно считать «единственным от века сущим откровением». Искусство является органом абсолютного, оно должно воссоединить то, что разъединила, противопоставила, исказила история. «Искусству удастся совершить невозможное».

Но философия, придающая искусству столь великую и целительную роль, не могла преодолеть собственных противоречий. Сила искусства зависит от чувственной реальности его образов, оно само является, если не частью, то по крайней мере отражением реального мира, против

которого направлены требования эстетического воспитания. Если искусство, как нечто идеальное, выше жизни, то чистая идея, лишенная чувственной оболочки художественного образа, должна быть выше искусства. На этой точке зрения стоит наиболее значительный представитель школы немецких идеалистов — Гегель. Он рассматривает противоположность *идеального* и *реального* исторически, но делает это на почве абсолютного идеализма. Поэтому реальная история у него в конце концов поглощается логической схемой противоречий, заключенных в единстве абсолютной идеи. Его эстетика воспроизводит старую антиномию духа и плоти в еще более аскетической и отвлеченной форме.

С одной стороны, Гегель признает, что внутренняя раздвоенность и проблематичность общественного сознания являются чертой, присущей определенным эпохам, чреватых глубокими социальными противоречиями. О шиллеровской и романтической идеальности он судит отрицательно. Искусственная сублимация, попытка преодолеть конфликты реальной жизни в фантазии, с его точки зрения, ничего не стоят. Приведем в качестве примера одно замечательное место из «Эстетики» Гегеля.

«Эта иллюзия идеальности есть частично благородная абстракция современной субъективности, которой не хватает мужества войти в непосредственную связь с внешней действительностью, частью же она есть род насилия, производимого субъектом над самим собой, чтобы выйти из этого круга, если по рождению, сословию или положению он уже в себе и для себя из него не изъят. Как средство для такого самоизъятия остается всегда лишь уход в себя, во внутренний мир чувств, из которого индивид не выходит и так в этой недействительности считает себя посвященным, ибо он только и делает, что с тоской смотрит на небо и посему считает себя вправе презирать всякое земное существо. Истинный идеал, однако, не остается при неопределенном и чисто внутреннем, но должен во всей своей целостности всесторонне распространиться вовне, вплоть до определенной наглядности во внешнем. Ибо человек, это полное средоточие идеала, живет, он по существу здесь и теперь, современность, индивидуальная бесконечность, а к жизни относится противоположность с окружающей внешней природой, и тем самым связь с ней и деятельность в ней».

Из этих слов Гегеля, однако, вовсе не следует, что он считает осуществимым реальный идеал человеческой практики. Наивное единство человека с обществом и природой для него однажды превзойденная ступень, а распавшийся в себе мир Гегель, как идеалист, предлагает лечить не реальными средствами, а философской резиньяцией — примирением противоположностей в «конкретной полноте идеи». Он освещает эпохи классического расцвета искусства в прошлом как высшее проявление общественного идеала и одновременно признает этот идеал ступенью невозвратимого детства человеческого общества, которое сменяется мужественным примирением с трезвой прозой буржуазной эпохи.

Это была суровая и глубокая диалектика, не допускающая мысли о возвращении вспять, к утраченной простоте в духе Руссо, или к «среднему состоянию» Гельвеция и Дидро, лежащему где-то между крайностями первобытного общества и цивилизации. С большим историческим пониманием рисует Гегель те общественные условия, которые делают невозможной в XIX веке эпическую поэзию древних или живопись итальянцев позднего средневековья. Он ссылается на общий характер материального производства, на взаимное разобщение членов «гражданского общества», связанных между собой только «системой всеобщей физической зависимости», на колоссальный рост полицейского государства, регламентирующего жизнь отдельной личности, на отвлеченный характер духовной культуры, преобладание рефлексии в умственной жизни людей.

Местами Гегель очень близко подходит к материализму, но отсутствие революционной перспективы, признание буржуазного строя единственно возможной рамкой для движения вперед всех человеческих сил, закрывает ему глаза на действительный вывод, который должен следовать из его нередко блестящего анализа. Вместо этого Гегель старается доказать невозможное — духовная мертвенность, или, говоря философским языком гегелевской школы, «отчужденность» буржуазной цивилизации выступает в его системе как великое приобретение духа, который не нуждается больше в непосредственных чувственно-конкретных формах прежних культур и выступает теперь в чистом виде, как самопознание абсолютной идеи. Классическая немецкая эстетика возвышает искусство над жизнью и одновременно ставит его на более низкую ступень по сравнению с отвлеченным мышлением.

Таким образом, эстетика, или философия искусства до Маркса и Энгельса остается в кругу одних и тех же проблем, которые она не может решить в силу ограниченности ее исторического горизонта. Противоречия, свойственные старому общественному строю, представляются здесь вечными загадками человеческой природы; они вне истории, как бы над ней.

Такой способ мышления основоположники марксизма называли *идеологией*, употребляя это понятие в отрицательном смысле.

Историческая теория познания Маркса и Энгельса включает в себе учение о том, как из противоречий действительности возникают ложные формы сознания, односторонние, преувеличенные до фантастических размеров, превратные отражения реальных фактов. Необходимо привести туманные образования, возникающие в головах людей к их «истинным побудительным силам», найти тот реальный аспект, который позволяет восстановить пропорции и отношения различных сторон действительности, смещенные в ложном сознании под влиянием ограниченных исторических условий.

«Люди являются производителями своих представлений, идей и т. д., — но речь идет о действительных, действующих людях, обусловленных определенным развитием их производительных сил и — соответствующим этому развитию — общением, вплоть до его отдаленнейших форм. Сознание [das

Bewußtsein] никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием [das bewusste Sein], а бытие людей есть реальный процесс их жизни. Если во всякой идеологии люди и их отношения оказываются поставленными на голову, словно в камере-обскуре, то и это явление точно так же проистекает из исторического процесса их жизни, — подобно тому как обратное изображение предметов на сетчатке глаза проистекает из непосредственно физического процесса их жизни»¹.

Понимание этой противоречивой связи между исторической действительностью и ее отражением в сознании людей само по себе становится возможным лишь в результате объективного развития общественных противоречий, принимающих более зрелую и доступную правильному анализу форму. Так, развитие капитализма и подъем рабочего класса раскрывают подлинный смысл предшествующей истории. Отражением этого факта является возникновение марксизма — великая идейная революция, действительный выход за пределы обычного кругозора прежней общественной мысли.

IV

Мировые загадки старой культуры марксизм рассматривает в свете действительной истории. Он далек от высокомерного отношения к этим «объективным представлениям», в которых всегда содержится отблеск действительной жизни и более или менее фантастическое изображение ее процессов. Сама условная сторона таких представлений принадлежит к независимым от людей, исторически проходящим формам сознания, вытекающим из материальных фактов их общественного производства. Это относится и к обычным представлениям прежней эстетики и философии истории.

Маркс показал, что реальной почвой «среднего состояния», которое писатели XVIII и первой половины XIX века переносили в Древнюю Грецию и позднее средневековье, является классическая форма простого товарного хозяйства. Экономическим базисом античной культуры эпохи ее расцвета было мелкое крестьянское хозяйство и производство самостоятельных ремесленников! «Они, — говорит Маркс в «Капитале», — представляют экономическую основу классического общества в наиболее цветущую пору его существования, после того как первоначальная восточная общинная собственность уже разложилась, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени»².

Этот способ производства «достигает полного расцвета, проявляет всю свою энергию, приобретает классическую соответствующую ему форму там, где рабочий является свободным частным собственником своих, им же

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. 3, стр. 24—25.

² К. Маркс, Капитал, т. I, гл. XI, примеч. 24, стр. 341.

самим применяемых условий труда, где крестьянин обладает полем, которое он возделывает, работник — инструментом, на котором он играет, как виртуоз». Маркс показал далее, что эта «классическая форма общества», основанная на свободной мелкой собственности, никогда не существовала в чистом виде, но всегда сочеталась с рабством и отношениями личной зависимости. Кроме того, этот тип общественной организации «совместим лишь с узкими традиционными границами производства и общества. Стремление увековечить его равносильно, по справедливому замечанию Пекера, стремлению «декретировать всеобщую посредственность»¹.

Вступая однажды в действие, законы товарного производства неизбежно порождают все диспропорции и антагонизмы капиталистического строя. Классический тип мелкого производства, стесняющий развитие производительных сил, неизбежно должен исчезнуть, уступая место концентрации собственности и общественного труда, хотя этот процесс совершается ценой неслыханных жертв. Капитализм основан на отклонении от священной нормы менового общества — равенства эквивалентов, на отрицании своей предпосылки — частной собственности, основанной на личном труде. По мере развития противоречий буржуазного строя пресловутое «среднее состояние», которое в эпохи расцвета Афин и Флоренции еще имело свою относительную реальность, окончательно превращается в утопию.

Высоко оценивая художественное развитие классических эпох, Маркс далек от желания вернуться к «нормальному детству» человеческого общества. Это состояние невозродимо, а вместе с ним невозродимы и художественные формы и самый способ эстетического восприятия, присущий людям прежних эпох. «Обаяние, которым обладает для нас их искусство, не стоит в противоречии с той неразвитой общественной ступенью, на которой оно выросло. Наоборот, оно является ее результатом и неразрывно связано с тем, что незрелые общественные отношения, при которых оно возникло и только и могло возникнуть, никогда не могут повториться снова»².

Само собой разумеется, что секрет превосходства греческого искусства, сохранившего в известном смысле «значение нормы и недосыгаемого образца», состоит не в самой неразвитости как таковой, а в неразвитости общественных противоречий более зрелых эпох, то есть в двойственности дальнейшего прогресса на почве классового общества.

Отвлеченные формы, в которых переживала общественные противоречия передовая мысль прошлого, наполняются у Маркса и Энгельса конкретным экономическим содержанием. Примером может служить проблема игры и труда, широко известная в той постановке, которую она получила у Шиллера. Эту противоположность марксизм рассматривает исторически, то есть в

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, гл. XXIV, стр. 765.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. XII, ч. I, стр. 204.

конкретных рамках классового общества и особенно капиталистического способа производства, лишаящего труд всякой связи с творчеством, свободной игрой физических и моральных сил. Разумеется, труд всегда будет принадлежать к сфере материальной необходимости. Создание универсальной системы общественного труда является громадной заслугой капитализма. Но, с другой стороны, именно капитализм создает нездоровый разрыв между трудом и свободной самодеятельностью живого существа. В этом разрыве заключается тайна гегелевского «отчуждения». Масса накопленного общественного труда выступает против трудящегося индивида в абстрактной и вместе с тем совершенно реальной форме капитала. Мертвое господствует над живым. «Отчуждению» труда соответствует преобладание его количественной стороны, которая выражается в меновой стоимости товара, над качеством — своеобразной, специфической природой определенной деятельности и ее продукта.

Если мыслители прошлого в самых различных формах изображали противоречие между прогрессивным развитием общества и поэтическим миром искусства, то в учении основоположников марксизма это противоречие впервые приобретает реальные исторические черты и границы. Высшим созданием старого общества является система капиталистического производства, но внутренне присущее этой экономической формации понятие производительности труда (не совпадающее с понятием производительности в «общественном» смысле слова, по выражению Маркса) противоречит условиям художественного творчества. Это отношение заключается уже в присущем капитализму преобладании абстрактного труда над своеобразной природой различных видов человеческой деятельности, в господстве количества над качеством, так ярко отличающем буржуазный взгляд на общественное разделение труда от античного. В рамках капиталистического способа производства Мильтон, написавший «Потерянный рай», является непродуцируемым рабочим, а пачкотня писателя-ремесленника, создающего бульварные романы на фабричный лад, есть производительный труд, поскольку он умножает капитал издателя. Общественный интерес к искусству Мильтона и всякому подлинному творчеству (в этом примере из «Теорий прибавочной стоимости» Маркса) прямо противоположен интересу накопления — единственному голосу, доступному совести владельца капитала, пока речь идет о серьезных материях.

Из этого вытекает получившая широкую известность формула Маркса: «Так капиталистическое производство враждебно известным отраслям духовного производства, например искусству и поэзии»¹. Отсюда понятны также обычные у Маркса и Энгельса сравнения буржуазного общества с античностью и эпохой Возрождения, невыгодные для капитализма.

¹ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. I, стр. 261.

Это не значит, что в буржуазные времена искусство остановило свое развитие после того высокого уровня, которого оно достигло в древности и на исходе средних веков. Музыка и особенно литература явно не подчиняются такому закону, да и в других областях искусства эпоха капитализма выдвинула много замечательных деятелей. Но было очень наивно думать, что Маркс и Энгельс этого не знали. Их взгляд основан на материалистической диалектике и кто не желает учиться этой науке, тому остается пенять только на самого себя.

Возьмем аналогичный пример из другой области. Капитализм есть отрицание демократии. Не могут быть равны и свободны люди, которые не равны в экономическом смысле и не свободны от власти голода. Но никогда марксизм не отрицал значения борьбы народных масс за демократические права и возможность определенных завоеваний в этой области. В такой постановке вопроса заключается противоречие, но противоречие это действительное, а не выдуманное. Ведь именно на почве капитализма вырастают требования демократии, а вместе с тем растет полезное разочарование в иллюзиях формального демократизма, опыт классово-борьбы, который учит, что подлинная демократия может быть достигнута лишь путем уничтожения власти капитала.

Приблизительно так же обстоит дело и с положением искусства в капиталистическом обществе. Его развитие совершалось в неблагоприятных условиях, под гнетом капиталистического рабства, в борьбе с окружающей средой. Эта борьба создала свои специфические формы творчества, она научила художника, по выражению Белинского, «искать лекарства в самом зле», она сама по себе является величайшим шагом вперед в истории искусства или по крайней мере некоторых его видов и возможностей. Другие виды художественной деятельности принадлежат прошлому. «Относительно некоторых форм искусства, например эпоса, даже признано, что они в своей классической форме, составляющей эпоху в мировой истории, никогда не могут быть созданы, как только началось художественное производство как таковое, что, таким образом, в области самого искусства известные формы, имеющие громадное значение, возможны только на сравнительно низкой ступени художественного развития. Если это имеет место в области искусства в отношении между различными его видами, то еще менее поразительно, что это обстоятельство имеет место в отношении всей области искусства к общему социальному развитию»¹.

Рассматривая вопрос о судьбах искусства в буржуазный период мировой истории с этой единственно научной, диалектической точки зрения, легко понять, что высокое развитие таких форм художественного творчества, как музыка, лирическая поэзия, литературная проза, особенно роман, известный античности только в эпоху ее упадка, не противоречит тезису

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. I, стр. 200.

Маркса о враждебности буржуазного строя жизни искусству и поэзии, а, наоборот, подтверждает его. Кстати говоря, эта враждебность является едва ли не главной темой художественного творчества, по крайней мере в XIX веке.

Историческая эстетика Маркса и Энгельса не имеет ничего общего с сентиментальной жалобой на упадок патриархальных нравов и поэзии прошлого. Прежде всего она указывает на громадное революционное значение тех экономических переворотов, которые созданы развитием товарного общества, особенно на почве капитализма. В широкой исторической перспективе эти процессы полезны и для художественного развития человечества. Сама погоня за богатством, которая диктует капиталистический принцип производства ради производства, при всей своей уродливости есть только ограниченная и превратная форма бесконечного развития человеческих сил. Это положение Маркса Ленин приводит в борьбе против экономического романтизма народников, с их обращением к патриархальному строю жизни — идиллической гармонии между производством и потреблением на низком уровне развития. В первом наброске «Капитала» есть замечательное место, заключающее в себе сравнительный анализ античной и буржуазной культуры с точки зрения их способности создавать *законченные формы определенного содержания* или, наоборот, открывать дорогу *безграничному развитию этого содержания*. В первом случае преимущество принадлежит античному миру, во втором — капиталистическому. Приведем это место полностью.

«У древних мы не встречаем ни одного исследования о том, какая форма земельной собственности и т. д. является самой продуктивной, создает наибольшее богатство. Богатство не выступает как цель производства, хотя Катон отлично мог заниматься исследованием того, какая обработка полей является наиболее выгодной; или Брут мог даже ссужать свои деньги за самые высокие проценты. Исследуется всегда вопрос: какой способ собственности обеспечивает государству наилучших граждан? Богатство выступает как самоцель лишь у немногих торговых народов — монополистов посреднической торговли, — живших в порах древнего мира, как евреи в средневековом обществе. Дело в том, что, с одной стороны, богатство есть вещь, воплощено в вещах, материальных продуктах, которым человек противостоит как субъект; с другой же стороны, богатство как стоимость — это просто власть распоряжаться чужим трудом не в целях господства, но для частного потребления и т. д. Во всех формах богатство принимает вещный вид, будь это вещь или отношение, опосредствованное вещью, находящейся вне индивида и случайно подле него. Вот почему кажется, что древнее воззрение, согласно которому человек, как бы он ни был ограничен в национальном, религиозном, политическом отношении, все же всегда выступает как цель производства, куда возвышеннее, если его сопоставить с современным миром, где производство выступает как цель человека, а богатство как цель

производства. На самом же деле, если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем же иным является богатство, если не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т. д. индивидов, созданной универсальным обменом? Чем иным является богатство, если не полным развитием господства человека над силами природы, т. е. как над силами так называемой природы, так и над силами его собственной природы? Чем иным является богатство, если не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому-либо *заранее установленному* масштабу? Когда человек воспроизводит себя не в каком-либо одном определенном направлении, производит себя во всей целостности, не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, но находится в абсолютном движении становления? В буржуазной экономике — и в эпоху производства, которой она соответствует, — это полное обнаружение внутренней сущности человека проявляется как полнейшее опустошение, этот универсальный процесс овеществления (*Vergegenständlichung*) — как полное отчуждение, а уничтожение всех определенных односторонних целей — как принесение самоцели в жертву совершенно чуждой цели. Поэтому младенческий древний мир представляется, с одной стороны, чем-то более возвышенным, нежели современный. С другой стороны, древний мир, действительно, возвышеннее современного во всем том, в чем стремятся найти законченный образ, форму и заранее установленное ограничение. Он дает удовлетворение, которое человек получает, находясь на ограниченной точке зрения, тогда как современное не дает удовлетворения; там же, где оно выступает самоудовлетворенным, оно — *пошло*¹.

Если необходимо экономическое обоснование глубокой общественной и психологической разницы между культурой эпохи Бальзака и Достоевского и другой культурой, которая вызвала к жизни совершенные формы греческой пластики, приведенных слов Маркса совершенно достаточно. Но, разумеется, его точка зрения не исчерпывается этой характеристикой *двух ступеней*. Возможна и необходима также *третья ступень* культуры. В ней устранивается негативная форма, форма «полнейшего опустошения», в которой проявляется себя универсальное богатство «человеческой сущности» при капитализме.

«На более ранних ступенях развития отдельный индивид выступает более полным, именно потому, что он еще не выработал полноты своих отношений и не противопоставил их себе в качестве независимых от него общественных сил и отношений. Точно так же, как смешно тосковать по этой

¹ «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie. 1857—1858», Москва, 1939, S. 387—388.

первоначальной цельности, столь же смешна мысль о необходимости остановиться на той полной опустошенности. Выше противоположности по отношению к этому романтическому взгляду буржуазный (взгляд) никогда не поднимался, и поэтому этот взгляд, как законная противоположность, будет сопровождать его до блаженного конца»¹. На развалинах капитализма возникает третья историческая ступень — коммунистическая ассоциация будущего. Энгельс говорит о ней: «Ассоциация будущего соединит трезвость капиталистических обществ с той заботой об общественном благосостоянии, которая была в древнем мире, и таким образом достигнет своей цели»².

Важнейшим преимуществом буржуазного периода истории является в глазах Маркса и Энгельса то обстоятельство, что он разрушает всякие устойчивые патриархальные порядки и создает систему быстрого движения вперед, среди самых напряженных общественных противоречий, которые заставляют трудящееся человечество по-новому смотреть на свое положение и толкают его на борьбу. Истинное «царство свободы» не позади, а впереди нас. Решение общественных противоречий основоположники марксизма искали не в утопическом «среднем состоянии», а в полном и всестороннем развитии этих противоречий, которое ведет к уничтожению их материальной основы, — частной собственности.

Маркс сам изложил свое понимание этой исторической диалектики в замечательной речи, произнесенной им на юбилее чартистской «Народной газеты» (19 апреля 1858 г.): «В наше время каждая вещь как бы чревата собственной противоположностью. Мы видим, что машина, обладающая чудесной силой сокращать и делать плодотворнее человеческий труд, приводит к голоду и истощению. Новоизобретенные источники богатства благодаря каким-то роковым чарам становятся источниками лишений. Победы искусства куплены, по-видимому, ценой потери морального качества. В той же самой мере, в какой человечество становится властелином природы, человек попадает в рабство к другому человеку или становится рабом своей собственной подлости. Даже чистый свет науки не может, по-видимому, сиять иначе, как только на темном фоне невежества. Результат всех наших открытий, всего нашего прогресса, очевидно тот, что материальные силы наделяются духовной жизнью, а человеческая жизнь отупляется до степени материальной силы. Этот антагонизм между современной промышленностью и наукой, с одной стороны, и нищетой и распадом, с другой, этот антагонизм между производительными силами и общественными отношениями нашей эпохи есть осязаемый, подавляющий и неоспоримый факт. Пусть одни партии оплакивают это, а другие желают отделаться от современных успехов техники, лишь бы избавиться вместе

¹ Из той же рукописи. Цитируем по фрагментам, переведенным на русский язык в Архиве Маркса и Энгельса, т. IV, стр. 99.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 451.

с тем от современных конфликтов; или пусть они воображают, что столь осязательный прогресс в промышленности непременно должен дополняться таким же столь же несомненным регрессом в политике. Мы, со своей стороны, безошибочно узнаем в этом печать того лукавого духа, который постоянно проявляется во всех этих противоречиях. Мы знаем, что для того, чтобы направить новые силы общества, необходимо, чтобы ими овладели новые люди, и люди эти — рабочие»¹.

Читая эти строки, можно подумать, что они написаны сегодня. Все перемены, совершившиеся в капиталистическом мире за истекшее столетие, лишь усливают краски в этом изображении общественной драмы современной эпохи. Колоссальные антагонизмы и неравномерности капитализма, особенно в его последней стадии, непосредственно ведут к осуществлению исторической миссии рабочего класса — диктатуре пролетариата. Только в результате этого социального переворота, говорит Маркс в своих замечательных «Письмах об Индии», прогресс человечества перестанет уподобляться отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепа убитого.

История с железной необходимостью ставит общество перед выбором: либо погибнуть в тисках чудовищных противоречий капиталистического строя, либо создать новые отношения, основанные на уничтожении господства человека над человеком, на взаимном сотрудничестве людей и разумном управлении развитием общественных сил. Этот реальный идеал человеческой истории в своем развитом виде — есть строй коммунистический, «он есть подлинное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Он — решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение»².

Результатом великого социального переворота, которым оканчивается «предыстория» (Vorgeschichte) общества, должно быть создание цельного, всесторонне развитого человека, свободного от калечащих последствий общественной системы разделения труда, холопской иерархии профессий. Коммунизм является реальным осуществлением идеала общественной жизни и личного развития. «В пределах коммунистического общества — единственного общества, где самобытное и свободное развитие индивидов перестает быть фразой, — это развитие обуславливается именно связью индивидов, связью, заключающейся отчасти в экономических предпосылках, отчасти в необходимой солидарности свободного развития всех и, наконец, в универсальном характере деятельности индивидов на основе имею-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. XI, ч. I, стр. 5—6.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, М., 1956, стр. 588.

щихся производительных сил. Сознание своих взаимоотношений так же, конечно, станет у индивидов совершенно другим и не будет поэтому ни «принципом любви» или *dévouement*¹, ни эгоизмом².

В обществе людей, не подчиненных более отупляющему действию неравенства классов и профессий, говорят Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», философы видели идеал, которому они дали имя «Человек». Весь исторический процесс рассматривался с философской точки зрения как процесс самоотчуждения этого «Человека» и возвращения его к себе. Действительная история движется в обратном порядке; всестороннее развитие личности является ее результатом, достигаемым только в процессе самой классовой борьбы, «революционно-критической практики». На почве нового общества становится возможным «развитие человеческой силы, которое является самоцелью, истинное царство свободы»³. С уничтожением частной собственности отпадает самое большое препятствие для расцвета художественного творчества.

Такова главная мысль исторической эстетики Маркса и Энгельса. Мы изложили ее самым кратким образом, минуя богатые подробностями картины отдельных ступеней развития, глубокие замечания о различных формах искусства, характеристики великих и малых имен, имеющих отношение к истории литературы. Читатель найдет все это в книге, предлагаемой его вниманию. Нам казалось наиболее важным подчеркнуть в этом предисловии ту основную мысль, которая является одновременно партийным знаменем коммунизма и основанием его эстетики.

* * *

Первое издание этой книги появилось в 1937 году, если не считать весьма несовершенного сборника отрывков, опубликованного мною совместно с покойным Ф. П. Шиллером к пятидесятилетию со дня смерти К. Маркса (1933, изд. Коммунистической Академии). За последние двадцать лет вышел целый ряд полных и сокращенных изданий сборника «Маркс и Энгельс об искусстве» на иностранных языках. Книга, предлагаемая вниманию читателя в настоящее время, отличается прежде всего большей полнотой. В ней имеется ряд новых отделов, значительно расширено собрание отдельных замечаний Маркса и Энгельса по истории искусства и литературы.

Конечно, простые упоминания писателей или литературных персонажей не вошли в эту книгу. Исключение было сделано в тех случаях, когда такое упоминание в известной степени характеризует взгляды Маркса и Энгельса. При решении вопроса о включении того или иного отрывка

¹ — самопожертвованием. *Ред.*

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 441.

³ К. Маркс, Капитал, т. III, ч. II, гл. 48, стр. 833.

приходилось принимать во внимание и другие обстоятельства, например важность определенной темы и полноту ее освещения в нашем сборнике. Так, например, ряд замечаний о Карлейле пришлось опустить. С другой стороны, в разделах, относящихся к Шекспиру или Бальзаку, приведены некоторые мелочи, не лишённые значения.

Изменения внесены также в структуру книги. Наиболее важное из них заключается в том, что раздел, посвященный общим вопросам художественного творчества, выдвинут в настоящее время на первое место. Как и в издании 1937 года, отрывки из ранних произведений Маркса и Энгельса (до эпохи «Немецко-французских ежегодников») выделены в особые разделы и помещены в конце книги, за исключением немногих, которые по тем или другим причинам включены в основной текст (они отмечены звездочкой). При расположении отрывков составитель руководствовался прежде всего их содержанием, принимая во внимание также хронологическую последовательность как самих явлений, о которых идет речь, так и высказываний Маркса и Энгельса.

Тексты даются по изданиям Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС или другим изданиям и публикациям. Только в тех случаях, когда отрывок ранее не переводился на русский язык, нам пришлось дать новый перевод. Но число таких отрывков в настоящем издании уже невелико благодаря издательской деятельности Института марксизма-ленинизма. К сожалению, нам удалось воспользоваться только 1—5 и 7 томами нового издания собрания сочинений, ввиду того что остальные тома к моменту сдачи книги в производство еще не вышли. Разнообразие изданий создало известные неудобства. Так, например, один и тот же отрывок из Шекспира, цитируемый Марксом, дается в разных переводах. Но мы не считали себя вправе вносить изменения в публикации сочинений Маркса и Энгельса, когда-либо изданных Институтом марксизма-ленинизма. Лишь в отдельных, исключительных случаях исправлены явные ошибки переводчика. Остальные подстрочные примечания принадлежат редакции собрания сочинений Маркса и Энгельса и других изданий (отмечено словом *Ред.*). Примечания, не имеющие никакой подписи, принадлежат Марксу и Энгельсу.

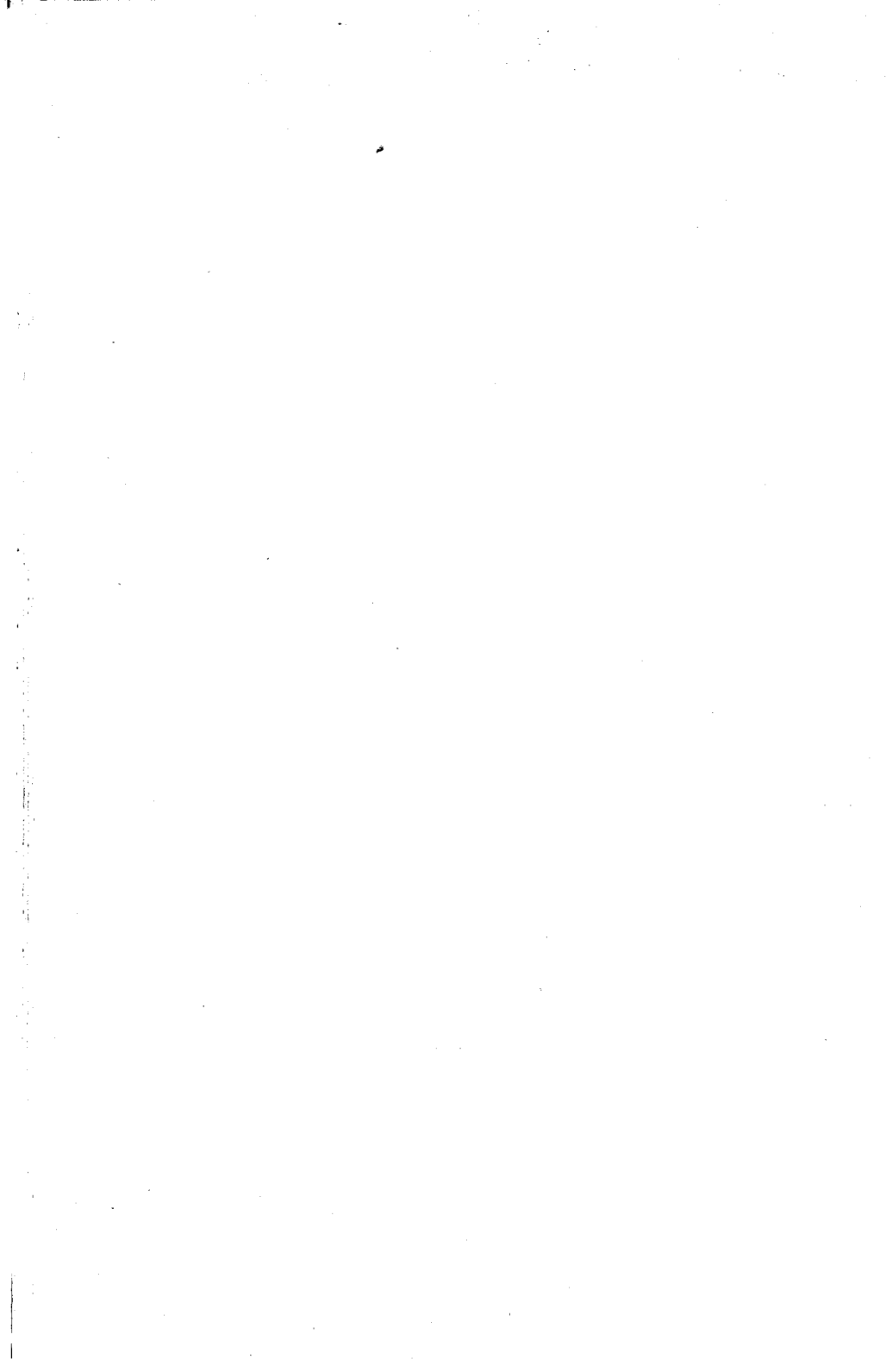
Переводы иностранных слов взяты из тех изданий, которыми пользовался составитель. В редких случаях, когда это было совершенно необходимо, они исправлены. Сокращения внутри отрывков допускались крайне редко; все подобные сокращения отмечены многоточием.

Составитель будет благодарен всем читателям этой книги за товарищескую критику и полезные указания.

Мих. Лифшиц

ОБЩИЕ
ВОПРОСЫ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ТВОРЧЕСТВА

ИДЕЙНОСТЬ И РЕАЛИЗМ

1

✓ ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС — МИННЕ КАУТСКОЙ *

Лондон, 26 ноября 1885 г.

Дорогая г-жа Каутская!

(Разрешите мне, пожалуйста, Вас так попросту и называть: к чему таким людям, как мы с вами, излишние церемонии?)

Прежде всего сердечно Вам благодарен за дружескую память обо мне. Я очень жалею, что наша здешняя встреча продолжалась так недолго. Уверяю Вас, что мне было бесконечно приятно познакомиться с немецкой писательницей, которая не перестала быть обыкновенной женщиной: ведь в этой области я имел несчастье знать лишь аффектированных «образованных» берлинок, которых только потому не хотелось отправить обратно на кухню, что они, в конце концов, наделали бы суповой ложкой еще больше бед, чем пером. Итак, я надеюсь, что в недалеком будущем Вы снова пересечете Ламанш и мы с Вами опять побродим по Лондону и его окрестностям, рассказывая друг другу всякие забавные истории, чтобы наша беседа не стала чересчур серьезной. Я охотно верю, что Лондон Вам не понравился. Когда-то я относился к нему так же. С трудом привыкаешь к его хмурому небу и хмурым по большей части людям, к замкнутости и классовой разобщенности в общественном быту, к жизни в закрытых помещениях, как того требуют климатические условия. Приходится сначала несколько обуздать принесенную с собой с континента жизненную энергию, понизить барометр жизнерадостности, примерно, с 760 до 750 миллиметров, чтобы постепенно свыкнуться с этим укладом. Зато, когда понемногу привыкнешь к окружающему, начинаешь находить в нем и положительные стороны, убеждаешься, что люди здесь в общем прямее и надежнее, чем где бы то ни было, что ни один город не приспособлен

* Звездочкой отмечен текст, к которому в конце книги даются комментарии.

для научных занятий лучше, чем Лондон, и что отсутствие полицейских придирок тоже искупает многое. Я знаю и люблю Париж, но если бы мне пришлось выбирать, то для постоянной жизни я предпочел бы Лондон. Чтобы всецело наслаждаться парижской жизнью, нужно самому стать парижанином со всеми его пред-рассудками, с его интересом, в первую очередь, к делам чисто парижским, с его привычкой верить, что Париж — пуп земли, начало и конец вселенной. Лондон некрасив, но зато он величественнее Парижа, это подлинный центр мировой торговли, и вдобавок он гораздо разнообразнее. Лондон допускает, к тому же, совершенную независимость от всего окружающего, столь необходимую для научной и даже художественной беспристрастности. Парижем и Веной восхищаются, Берлин ненавидят, к Лондону относятся с нейтральным равнодушием и объективностью. Это тоже чего-нибудь да стоит.

Кстати, о Берлине. Я рад, что этой злосчастной дыре удалось, наконец, стать мировым городом. Но еще Рахиль Варнгаген сказала 70 лет тому назад, в Берлине все *захолустно*, и Берлин, по-видимому, хочет показать миру, каким захолустным может быть мировой город. Если бы Вы передушили всех «образованных» берлинцев и чудом создали бы там хотя бы только сносную обстановку, если бы Вы перекроили весь Берлин вдоль и поперек, — тогда, быть может, из него и вышло бы что-нибудь порядочное. Но пока там говорят на *таком* диалекте, вряд ли это возможно.

«Старые и новые»¹ — за присылку их сердечно благодарен — я прочел. Жизнь рабочих соляных копей описана так же мастерски, как и жизнь крестьян в «Стефане»². Картины венского общества тоже большей частью очень хороши. Вена ведь единственный немецкий город, где есть общество. В Берлине имеются только «известные круги», а еще больше неизвестных, и поэтому там есть почва только для романа из жизни литераторов, чиновников и актеров. Не развивается ли мотивировка действий в этой части Вашего произведения местами несколько поспешно? Вам легче судить, чем мне. Много, что производит на нашего брата такое впечатление, может быть совершенно естественным в Вене при ее своеобразно интернациональном характере, насыщенном южными и восточно-европейскими элементами. Характеры той и другой среды обрисованы с обычной для Вас четкостью индивидуализации; каждое лицо — тип, но вместе с тем и вполне

¹ Роман М. Каутской «Die Alten und die Neuen». *Ред.*

² Роман М. Каутской «Stefan vom Grillenhof». *Ред.*

определенная личность, «этот», как сказал бы старик Гегель; так оно и должно быть. Однако, чтобы быть беспристрастным, я должен найти и что-нибудь отрицательное, и тут мне приходит на память Арнольд. В самом деле, он чересчур безупречен, и если он, в конце концов, погибает, упав с горы, то примирить это с поэтической справедливостью можно разве лишь сославшись на то, что он был слишком хорош для этого мира. Но автору никогда не следует слишком восторгаться своим героем, а мне кажется, что в данном случае Вы отчасти поддались этой слабости. Эльза еще сохраняет черты определенной индивидуальности, хотя тоже несколько идеализирована, но в Арнольде личность еще больше растворяется в принципе.

Корни этого недостатка чувствуются, впрочем, в самом романе. Очевидно, Вы испытывали потребность публично заявить о своих убеждениях, засвидетельствовать их перед всем миром. Это Вы уже сделали, это уже осталось позади, и в такой форме Вам нечего повторять об этом. Я ни в коем случае не противник тенденциозной поэзии, как таковой. Отец трагедии Эсхил и отец комедии Аристофан были оба ярко выраженными тенденциозными поэтами, точно так же и Данте и Сервантес, а главное достоинство «Коварства и любви» Шиллера состоит в том, что это — первая немецкая политически-тенденциозная драма. Современные русские и норвежские писатели, которые пишут превосходные романы, все сплошь тенденциозны. Но я думаю, что тенденция должна сама по себе вытекать из положения и действия, без того, чтобы на это особо указывалось, и что писатель не обязан подносить читателю в готовом виде будущее историческое разрешение изображаемых им общественных конфликтов. К тому же в наших условиях роман обращается преимущественно к читателям из буржуазных, т. е. не принадлежащих прямо к нам, кругов, а поэтому социалистический тенденциозный роман целиком выполняет, на мой взгляд, свое назначение, правдиво изображая реальные отношения, разрывая господствующие условные иллюзии о природе этих отношений, расшатывая оптимизм буржуазного мира, вселяя сомнения по поводу неизменности основ существующего порядка, — хотя бы автор и не предлагал при этом никакого определенного решения и даже иной раз не становился явно на чью-либо сторону. Ваше прекрасное знание как австрийского крестьянства, так и венского «общества» и удивительная свежесть изображения и того и другого найдут здесь для себя неисчерпаемый материал, а в «Стефане» Вы доказали, что умеете относиться к своим героям с той тонкой иронией, которая свидетельствует о власти писателя над своим творением.

Но на этом кончаю, чтобы не слишком Вам наскучить. У нас все по-старому. Карл ¹ с женой изучают физиологию на вечерних курсах Эвелинга и вообще прилежно работают, я тоже весь ушел в работу; Ленхен, Пумпс и ее муж идут сегодня вечером в театр смотреть сенсационную пьесу, а тем временем старая Европа снова собирается прийти в движение, — да и пора. Хочу только надеяться, что она позволит мне закончить третий том «Капитала», а там — в добрый час!

С сердечным дружеским приветом и искренним уважением

Ваш Ф. Энгельс.

Ф. Энгельс — М. Каутской в Париж.
Лондон, 26 ноября 1885 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 503—506.

2

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС — МАРГАРИТЕ ГАРКНЕСС *

Лондон, начало апреля 1888 г.

Черновик.

Дорогая мисс Гаркнесс,

Благодарю Вас за «Городскую девушку» ², присланную мне через г-на Визетелли. Я прочел эту вещь с величайшим удовольствием, прямо с жадностью. Это действительно, как говорит Ваш переводчик, мой друг Эйхгоф, маленький шедевр. Он к этому добавляет, и это должно доставить Вам удовлетворение, что перевод его должен быть буквальным, так как всякий пропуск или попытка изменения может только испортить ценность оригинала.

Что особенно поражает меня, помимо реалистической правды в Вашем рассказе, это мужество настоящего художника. Оно проявляется не только в Вашем толковании Армии спасения ³, резко расходящемся с понятиями самодовольных мещан, которые, быть может, впервые из Вашего рассказа узнают, почему Армия спасения встречает такую поддержку в народных массах; оно главным образом проявляется в той простой, неприкрашенной

¹ Каутский. *Ред.*

² Речь идет о книге М. Гаркнесс «Городская девушка» («A city girl»), 1887 г. *Ред.*

³ Армия спасения (до 1878 г. называвшаяся Христианской миссией) — религиозно-филантропическая организация, основанная Вильямом Бутсом в 1865 г. в Англии. *Ред.*

форме, в которую Вы облакаете старую-престарую историю девушки-пролетарки, соблазненной человеком из буржуазного класса. Посредственность попыталась бы скрыть шаблонный характер фабулы нагромождением искусственных деталей и украшений и тем не менее была бы обнаружена. Вы же почувствовали, что можете рассказать старую историю, потому что Вы в состоянии сделать ее новой благодаря одной лишь правдивости изложения.

Ваш мистер Артур Грант — шедевр.

Если я что-либо и могу подвергнуть критике, то разве только то, что рассказ все же недостаточно реалистичен. На мой взгляд реализм подразумевает, помимо правдивости деталей, правдивость воспроизведения типичных характеров в типичных обстоятельствах. Характеры у Вас достаточно типичны в тех пределах, в каких они действуют, но нельзя того же сказать об обстоятельствах, которые их окружают и заставляют их действовать. В «Городской девушке» рабочий класс фигурирует как пассивная масса, неспособная помочь себе, не делающая даже никаких попыток и усилий к тому, чтобы помочь себе. Все попытки вырвать ее из тупой нищеты исходят извне, сверху. Но если это было верно для 1800 и 1810 гг. в дни Сен-Симона и Роберта Оуэна, то в 1887 г. для человека, который около 50 лет имел честь участвовать в борьбе воинствующего пролетариата, — это не так. Революционный отпор рабочего класса угнетающей его среде, его судорожные попытки, полусознательные или сознательные, добиться своих человеческих прав вписаны в историю и должны поэтому занять свое место в области реализма.

Я далек от того, чтобы винить Вас в том, что Вы не написали чисто социалистического рассказа, «тенденциозного романа», как мы, немцы, его называем, для того чтобы подчеркнуть социальные и политические взгляды автора. Я совсем не это имею в виду. Чем больше скрыты взгляды автора, тем это лучше для произведения искусства. Реализм, который я имею в виду, проявляется даже независимо от взглядов автора. Разрешите мне привести пример. Бальзак, которого я считаю гораздо более крупным мастером реализма, чем всех Золя прошлого, настоящего и будущего, в своей «Человеческой комедии» дает нам самую замечательную реалистическую историю французского общества, описывая в виде хроники, год за годом, нравы с 1816 по 1848 г. Он рисует все усиливающийся напор поднимающейся буржуазии на дворянское общество, которое после 1815 г. перестроило свои ряды и снова, насколько это было возможно, восстановило знамя старой французской политики. Он показывает, как последние

остатки этого образцового для него общества либо постепенно гибли под натиском вульгарного выскочки, либо были им развращены. Супружеские измены великосветской дамы были лишь способом отстоять себя и вполне отвечали положению, отведенному ей в браке. Впоследствии она уступила место буржуазной женщине, приобретающей мужа для денег или нарядов; вокруг этой центральной картины Бальзак сосредоточивал всю историю французского общества, из которой я даже в смысле экономических деталей узнал больше (например, перераспределение реальной и личной собственности после революции), чем из книг всех специалистов — историков, экономистов, статистиков этого периода, вместе взятых. Правда, Бальзак по своим политическим взглядам был легитимистом. Его великое произведение — непрерывная элегия по поводу непоправимого разложения высшего общества; его симпатии на стороне класса, осужденного на вымирание. Но при всем этом его сатира никогда не была более острой, его ирония более горькой, чем тогда, когда он заставлял действовать именно тех людей, которым он больше всего симпатизировал, — аристократов и аристократок. Единственные люди, о которых он всегда говорит с нескрываемым восхищением, это его самые ярые противники, республиканцы — герои улицы Cloître Saint Merri^{1*}, люди, которые в то время (1830—1836) действительно были представителями народных масс. Я считаю одной из величайших побед реализма, одной из наиболее ценных черт старика Бальзака то, что он принужден был идти против своих собственных классовых симпатий и политических предрассудков, то, что он *видел* неизбежность падения своих излюбленных аристократов и описывал их как людей, не заслуживающих лучшей участи, и то, что он *видел* настоящих людей будущего там, где их единственно и можно было найти.

В Ваше оправдание я должен признать, что нигде в цивилизованном мире рабочий класс не проявляет менее активного сопротивления, большей пассивности судьбе, большей подавленности, чем в Ист-Энде * Лондона. И почему я знаю, не было ли у Вас достаточных оснований для того, чтобы довольствоваться изображением пассивной стороны жизни рабочего класса, оставляя активную сторону этой жизни для другого произведения?

Ф. Энгельс — Маргарите Гаркнесс.
Начало апреля 1888 г.
Сочинения, т. XXVIII, стр. 26—29.

¹ Речь идет о восстании 5 и 6 июня 1832 г. в Париже, поднятом левым крылом республиканской партии, — Обществом прав человека и гражданина. *Ред.*

3

На германской литературе тоже отразилось политическое возбуждение, в которое события 1830 г. ввергли всю Европу. Наивный конституционализм или еще более наивный республиканизм проповедовались почти всеми писателями того времени. Все более и более входило в привычку, особенно у литераторов низшего разбора, пополнять недостаток литературного искусства в их произведениях политическими намеками, которыми обеспечивался успех у публики. Стихотворения, повести, рецензии, драмы, всякие литературные произведения были преисполнены так называемой «тенденции», т. е. более или менее робких выражений противоположительственного духа. В довершение путаницы понятий, царившей после 1830 г. в Германии, к этим элементам политической оппозиции примешивались плохо переваренные университетские воспоминания немецкой философии и непонятые крохи французского социализма, особенно сен-симонизма. И клика писателей, преподносивших публике эту мешанину, кичливо называла себя «Молодой Германией»* или «Новой школой». Позднее они раскаялись в своих юношеских грехах, но манера их писания не улучшилась от этого.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Революция и контр-революция в Гер-
мании.
Сочинения, т. VI, стр. 25.

4

Было бы весьма желательно, чтобы люди, стоявшие во главе партии движения*, — будь то перед революцией, в тайных обществах или в печати, будь то в период революции, в качестве официальных лиц, — были, наконец, изображены суровыми рембрандтовскими красками во всей своей жизненной правде. Во всех существующих описаниях эти лица никогда не изображаются в их реальном, а лишь в официальном виде, с котурнами на ногах и с ореолом вокруг головы. В этих восторженно преобразенных рафаэлевских портретах пропадает вся правдивость изображения.

Оба рассматриваемые произведения*, правда, устраняют котурны и ореол, в которых обычно являлись до сих пор «великие мужи» февральской революции; они вторгаются в частную жизнь этих господ, показывая их нам в неглиже, со всем их окружением, состоящим из различного рода субъектов на подчиненных ролях. Но от этого они не становятся менее далекими от

действительно правдивого изображения лиц и событий. Один из этих авторов — разоблаченный многолетний шпи́к Луи-Филиппа, другой — старый заговорщик по профессии, отношения которого с полицией тоже очень двусмысленны и наблюдательность которого характеризуется уже одним тем, что он, якобы, видел между Райнфельденом и Базелем «ту великолепную цепь Альп, серебряные вершины которой спят глаз», а между Келем и Карлсруэ «рейнские Альпы, далекие вершины которых терялись на горизонте». От подобных людей — особенно, если они пишут в целях личного оправдания, — можно ожидать, разумеется, только более или менее карикатурной скандальной хроники февральской революции.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Рецензия на книги А. Шеню «Заговорщики. Тайные общества и др.» и Л. Делаода «Рождение республики в феврале 1848 г.».
Сочинения, т. 7, стр. 280—281.

ПРОБЛЕМА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТРАГЕДИИ

МАРКС И ЭНГЕЛЬС В ПЕРЕПИСКЕ С ЛАССАЛЕМ ПО ПОВОДУ ЕГО ПЬЕСЫ «ФРАНЦ ФОН-ЗИКИНГЕН»*

1

ФЕРДИНАНД ЛАССАЛЬ — КАРЛУ МАРКСУ

[Берлин, 6 марта 1859 г.]

Дорогой Маркс!

В тот самый день, когда я получил твое письмо относительно Энгельса*, я тотчас ответил тебе, уведомляя тебя, что дело мной улажено, и сообщая адрес, по которому ты или он должны послать рукопись. Ничего нового я по этому поводу пока не слышал. Надеюсь, что рукопись придет на этих днях, потому что в таких делах время не терпит.

Прилагаю при сем три экземпляра моего последнего произведения — для тебя, Фрейлиграта и Энгельса. Двум последним будь так добр доставить их экземпляры как можно скорее.

Какое изумление изобразится на твоем лице, когда ты увидишь драму, сочиненную мною! Почти такое же, какое испытал я сам, когда напал на мысль написать ее, или, вернее, когда эта мысль напала на меня! Ибо все это возникло у меня не как продукт свободного творчества, которым решаешь заняться, но как некое принуждение, которое нашло на меня и от которого я никак не мог отделаться. Я, который даже в юные годы не написал ни одного лирического стихотворения, я — поэт! Как безумно я смеялся над самим собой, когда мной впервые овладела эта мысль! Но кто может идти против своей судьбы! — Постараюсь же объяснить тебе, как эта судьба меня постигла.

Это было в то время, когда я с напряжением всех сил заканчивал своего «Гераклита»*. Ты, вероятно, увидел из него, что у меня есть некоторая способность, а следовательно и склонность к умозрительному мышлению. И тем не менее я бесконечно *страдал*, работая над этим сочинением. Пропасть, отделяющая эти научные, бесцветно теоретические интересы от всего, что сегодня практически волнует нашу кровь, или, правильнее выражаясь, та лишь *косвенная* и отдаленная связь, которая все же имеется в последнем счете между обеими этими областями, вот что было причиной моего страдания, и могу тебя уверить, что оно было огромно. О, как часто, когда какая-нибудь ассоциация идей уносила меня из того мира мыслей, в который я должен был насильственно втиснуть себя, к нашим жгучим современным интересам, к великим вопросам дня, которые хоть и казались внешне затихшими, но в моей груди продолжали кипеть с прежним жаром, — как часто

вскакивал я тогда из-за письменного стола и бросал прочь перо! Точно вся кровь застывала в моих жилах, и лишь после получасовой или еще более длительной борьбы с самим собой ко мне возвращалось самообладание, я мог заставить себя вновь сесть в кресло и вновь отдаться во власть железной концентрации мыслей, которой требовал мой труд. Очень тяжело после 48 и 49 гг., после того, как уже пролито столько крови и столько дел вопиет о мести, все еще быть вынужденным заниматься теорией (я исключая только политико-экономические сочинения, потому что они являются вместе с тем и практическими действиями), — особенно когда видишь, как никакое теоретизирование не приносит *непосредственной* пользы, как люди продолжают себе спокойно жить, словно лучшие и величайшие творения и мысли никогда не были написаны и высказаны! И в такое-то время заниматься умозрительными рассуждениями о греческой древности, — я при всем желании не мог бы тебе описать, каких усилий мне это стоило. Но я всегда буду расценивать это как одно из наилучших свидетельств железной силы воли, выданных мною самому себе. Прости, дорогой друг, это лирическое излияние. Ты знаешь, что я в общем не лирик и привык как раз сильнейшие чувства таить в себе. Но иногда бывает необходимо излиться перед другом. А ты, в сущности, последний друг, оставшийся у меня среди мужчин. Мендельсон умер, графиня* же, как ни превосходна эта женщина и как ни дорожу я ее дружбой, все-таки женщина и не в состоянии проникнуть с вполне исчерпывающим пониманием во все тайники мужского мышления. С тобой я, в сущности, мало жил. Тем не менее мне всегда казалось, что в тебе я имею истинного и настоящего друга. Да ты ведь и сам знаешь, что я всегда так смотрел на тебя. У меня есть, в особенности теперь, много так называемых добрых друзей. Но для дружбы, о которой я говорю сейчас, этим другим недостает хотя бы уж необходимого умственного развития и одинаковости духовных интересов.

Но довольно, вернусь к моему рассказу. Итак, я довел «Гераклита» до конца, но я, пожалуй, не сумел бы этого сделать, если бы не нашел спасительного средства в том, что занимался одновременно по ночам, как бы для успокоения, специальным изучением одного предмета, находившегося в тесном родстве с нашими актуально-политическими интересами и т. д., но вместе с тем не настолько непосредственно актуального, чтобы поглотить меня целиком. Привыкнув с ранних лет заниматься вперемешку четырмя-пятью науками, я изучал по ночам средние века, эпоху реформации, над которой я уже прежде много работал, в особенности произведения Гуттена и т. д. Сочинения и жизнь этого удивительного человека опьянили меня. Однажды я, потрясенный до глубины души некоторыми его вещами, ходил взад и вперед по своей комнате. Несколько дней до того мне пришлось перелистать одну ничтожную современную драму. Так возникла во мне ассоциация идей. Я сказал себе, — ибо я никогда не подумал бы при этом в первый же момент о себе самом, — боже, если бы хоть кто-нибудь из этих людей, тратящих по-пусту свой маленький талант на такие вещи, посоветовался бы со мною относительно темы. И я подумал, как бы я рекомендовал им Гуттена, и стал далее думать о том, как бы они составили план подобной драмы; затем от Гуттена — с которым дело опять застряло бы в чистой теории — я перешел к Зикингену как к главному герою. И едва мелькнула у меня эта мысль, как тотчас же, словно по какой-то интуиции, весь план возник передо мной в готовом виде, и в то же мгновение мною овладело повелительное чувство, от которого я уже не мог отделаться: «ты это должен и выполнить». И как я ни робел перед этой задачей, она все же захватила меня. Теперь я мог упиваться чувствами возмущения и ненависти, мог дать волю их набегающим волнам, мог наконец излить свое сердце! Так я нашел способ

освободиться от тех удушливых притоков крови к сердцу, которые без этого, пожалуй, не дали бы мне довести до конца «Гераклита».

Вот как возникла эта вещь. И я должен сказать, что считаю ее, в сущности, прекрасной, — не знаю, ослепляет ли меня субъективное чувство, но во всяком случае ты не сочтешь это откровенное заявление за тщеславие, которому оно скорее диаметрально противоположно. Но пусть бы это даже была прекраснейшая вещь в мире, — больше я не напишу ни одной драмы. Эта одна была на меня возложена как бы роковым велением свыше, и больше это не повторится!

О формальной, основной идее моей трагедии я написал для некоторых знакомых, менее тебя привыкших к спекулятивному мышлению, небольшую статью, предназначенную, разумеется, только для частного пользования, но никак не для печати. Чтобы ты не счел меня слишком педантичным и настолько глупым, что я сам выдаю своей трагедии свидетельство о бедности, точно она нуждается в особой *fabula docet* [морали], я замечу, что поводом к этому комментарию было возражение, сделанное мне одним хорошим знакомым, и к тому же еще в якобы гегелевском духе; этим объясняется и форма статьи. Кроме того, я воспользовался ею, как ты без труда увидишь из самого текста, чтобы заодно осветить в общих чертах мой спор с моими здешними знакомыми о политическом положении и нашем отношении к нему. Раз статья уже написана, я счел уместным прислать и тебе один экземпляр. Тебе она, конечно, не нужна, чтобы понять спекулятивную идею драмы. Но все же она представит для тебя тот интерес, что даст тебе возможность судить с полной уверенностью о том, что я сам хотел сказать своей драмой, в отличие от того, что в нее можно вложить со стороны, а также о том, насколько замысел и выполнение покрывают друг друга. Итак, прочти, пожалуйста, эту статью до или после прочтения драмы и будь так добр, передай ее потом Фрейлиграту, для которого, при его меньшей привычке к спекулятивному мышлению, она и вообще может оказаться не лишней интереса.

Наконец, сама собой подразумевающаяся просьба — *написать* мне обстоятельное и вполне откровенное мнение о том, как ты находишь мою вещь (из предисловия ты увидишь, что она в такой форме не предназначена для постановки на сцене. Для сцены я обработал ее отдельно* в очень сокращенном виде. Впрочем, надежда на постановку при нынешних политических условиях равна, разумеется, нулю). Итак, жду правдивого отзыва между прочим и о том, считаешь ли ты, что она будет полезной в ожидаемом мною смысле.

Жму сердечно руку, искренний привет твоей жене, Фрейлиграту и Энгельсу.

Твой Ф. Лассаль.

РУКОПИСЬ О ТРАГИЧЕСКОЙ ИДЕЕ, ПРИЛОЖЕННАЯ ЛАССАЛЕМ К ПИСЬМУ ОТ 6 МАРТА 1859 г.

Относительно формальной трагической идеи, положенной мною в основу предлагаемой драмы и ее катастрофы, — о глубоком диалектическом противоречии, присущем природе всякого действия, в особенности революционного, — я, конечно, не высказался в имеющем общий характер предисловии, а в самой трагедии наметил ее отчетливее лишь в пятом акте.

Вечная сила всех господствующих классов, защищающих существующий порядок, заключается в безошибочной, проработанной сознательности,

с какой они представляют себе свой классовый интерес, именно как уже господствующий, проработанный.

Вечная слабость всякой правомерной революционной идеи, пытающейся осуществиться практически, заключается в недостатке сознательности со стороны членов преданных ей классов, принцип которых еще не осуществлен, а также в связанной с этим неорганизованности имеющихся в ее распоряжении средств. Всегда повторяющееся при этом диалектическое противоречие состоит вкратце в следующем. Сила революции заключается в ее *воодушевлении*, в этом непосредственном доверии идеи к своей собственной мощи и бесконечности. Но воодушевление — как *непосредственная* уверенность во всемогуществе идеи — есть прежде всего абстрактное невнимание к конечным средствам действительного осуществления и к трудностям реальных осложнений. Воодушевление должно поэтому вязаться в реальные осложнения, перейти к действию с помощью конечных средств, чтобы достигнуть своих целей в конечной действительности. Иначе в своих мечтаниях о том, чего оно желает (о цели), оно упустит из виду реальную сторону осуществления.

При таких обстоятельствах следует, по-видимому, признать торжество высшего реалистического благоразумия революционных вождей, когда они считаются с данными конечными средствами, скрывают от других (и тем самым даже от самих себя) подлинные и последние цели движения и посредством этого умышленного обмана господствующих классов, более того — посредством их использования приобретают возможность организовать новые силы, чтобы затем с помощью этой умно завоеванной части действительности победить самое действительность.

Такое бесконечное реалистическое превосходство над Гуттеном проявляет Зикинген в третьем акте, как он и вообще постоянно сохраняет над ним, этим лишь духовным *революционером*, превосходство реалистического взгляда на вещи и практически-политического государственного гения. Но в этом вязывании воодушевления в конечное, в этом его подчинении последнему оно отнюдь не *осуществляет* себя, а, наоборот, *отказывается* от своего формального принципа — бесконечности идеи, отдает себя во власть своей противоположности, конечности как таковой, в упразднении которой и состоит ее значение, поэтому здесь оно должно потерпеть крах.

Действительно, хотя рассудку и трудно это признать, почти кажется, будто есть какое-то неразрешимое противоречие между спекулятивной идеей, составляющей силу и воодушевление революции, и конечным рассудком с его расчетливостью. Большинство революций, потерпевших крушение, разбились — всякий истинный знаток истории должен с этим согласиться — об эту расчетливость, или по крайней мере крушение потерпели все революции, пытавшиеся опереться на эту расчетливость. Великая французская революция 1792 года, победившая при самых трудных обстоятельствах, победила только потому, что сумела отбросить в сторону рассудок.

В этом разгадка силы крайних партий во время революций, и в этом же разгадка того, почему инстинкт масс во время революции в общем гораздо правильнее, чем сознание интеллигентов. «И чего не видит разум умников*, то осуществляет на деле» и т. д. Именно *недостаток образования*, свойственный массам, предохраняет их от подводных камней расчетливого образа действий.

Впрочем, в сказанном уже заключается действительное разрешение и внутренняя необходимость упомянутого диалектического противоречия между бесконечной целью идеи и конечным благоразумием компромисса.

Ибо 1) как уже было отмечено, интерес господствующих классов именно потому, что их принцип господствует и поэтому является вполне прорабо-

таннным, сознательным, не может быть обманут. Отдельные личности могут быть обмануты, но классы — *никогда!*

2) В особенности же компромисс, как уступка существующему, неизбежно должен — и притом, как уже было упомянуто, столько же в формальном отношении, сколько именно поэтому и в отношении содержания — в большей или меньшей степени порвать со своим принципом, т. е. с тем, что составляет силу и оправдание революций, должен встать на почву принципа противника и тем самым уже теоретически признать себя побежденным, и тогда остается только привести в исполнение этот его приговор над самим собою. Цель только тогда может быть достигнута каким-нибудь средством — как это с мастерским глубокомыслием показал старик Гегель и отчасти знал уже до него Аристотель, — когда уже заранее само средство насквозь проникнуто собственной природой цели. Цель должна быть выполнена и осуществлена уже в самом средстве, и последнее должно быть запечатлено ее природой, чтобы она могла быть достигнута с помощью этого средства (поэтому в гегелевской логике цель достигается не через средство, а обнаруживается в самом средстве* как уже выполненная). Таким образом, всякая цель может быть достигнута только посредством того, что соответствует ее собственной природе, и следовательно *революционные* цели не могут быть достигнуты *дипломатическими* средствами.

Или 3) говоря более реально, революции можно в конце концов делать только с помощью масс и их страстного самопожертвования. Но массы именно вследствие их так называемой «грубости», вследствие того, что они лишены образования, совсем не понимают компромиссов, они интересуются — ибо всякий неразвитый ум признает только крайности, знает лишь *да* и *нет* и никакой середины между ними — только крайним, цельным, непосредственным. Вместо того чтобы устранить перед собой своих обманутых противников и иметь позади себя своих друзей, такие революционные люди расчета (*Revolutionsrechner*) неизбежно кончают тем, что имеют перед собой врагов и устраняют позади себя своих единомышленников. Таким образом, минимй разум оказывается на деле высшим неразумием.

Впрочем, вполне естественно, что чем больше отдельные личности обладают весом и значением в действительном мире, зоркостью взгляда, благоразумием и образованием, тем легче они впадают в ошибку этой роковой, мнящей себя реалистической рассудочности. Этим объясняется то, что, например, во время французской революции (и во время английской было нечто аналогичное) абстрактные идеалисты, якобинцы угадывали возможное и реально осуществимое в тот момент лучше, чем кичившиеся своим образованием, реалистическим взглядом на вещи и государственным умом жирондисты, которые и получили поэтому от народа, ненавидящего это государственное благоразумие, странное ругательное прозвище «государственных людей».

Это «лукавство» Зикингена там, где дело идет об идее, впрочем, не наносящее ущерба его революционному величию и радикальной решимости и не превращающее его в примиренца, ибо он не изменяет ни на ноту революционным *целям*, по отношению к которым он идет дальше всех, и лукавит только в смысле способа их осуществления, — это лукавство и есть, таким образом, вина Зикингена, и конечно это — «великая ошибка», как того требует Аристотель*.

Но мог бы кто-нибудь возразить, эта «великая ошибка», как бы велика она ни была, есть все-таки лишь *интеллектуальная* ошибка, а не *нравственная* вина, и следовательно она не трагична.

На это я должен ответить *тройко*. Прежде всего я ни в каком случае не согласился бы с тем, что диалектика глубочайшего интеллектуального,

внутренне неизбежного и поэтому вечного идейного конфликта не является сама по себе *глубоко* трагическим мотивом, как это доказывает античная трагедия, почему Аристотель, вероятно, и ограничился требованием «великой ошибки». Во-вторых, эта интеллектуальная вина есть уже на том основании моральная вина, что к тому, кто ставит себя настолько выше существующего порядка, что хочет его ниспровергнуть и заменить его принцип своим собственным, должно быть предъявлено требование, чтобы он и действительно был *духовно* настолько выше, иначе придется сказать, что он «зазнался» (в античном смысле слова).

Наконец, в-третьих, несомненно, что эта интеллектуальная вина носит по преимуществу и *нравственный* характер, ибо она проистекает как раз из недостатка доверия к нравственной идее и к ее самой в себе и для себя сущей бесконечной мощи и из чрезмерного доверия к дурным конечным средствам. В ней заключается, таким образом, недостаток непосредственной уверенности и убежденности в идеальном, далее недостаток безграничной *полной откровенности*, а следовательно, так как и то и другое необходимо для революционной точки зрения, и уклонение от своего принципа, частичная надломленность.

В религиозных войнах это явление большей частью не наблюдается, непосредственная мечтательная убежденность во всемогуществе божественного исключает здесь его возможность.

(В том и состоит историческое величие и решающая сила Лютера, что в тех пунктах, которых он действительно хотел достигнуть во что бы то ни стало, он не знал этого благоразумия, не делал никаких уступок, не входил в компромиссы с господствующими силами и не считался с «возможным», но — я говорю об этом *первом* периоде — обращался непосредственно к простому человеку.) Отсюда та нередко чудесная победительная сила, с какой эти фанатики так часто осуществляют невозможное, почти непостижимое. Отсюда также драматически захватывающая сила этих вдохновенных фанатиков. В их односторонности заключается сила их действия, потому что всякое деяние односторонне.

Таким образом, названная вина Зикингена является именно *нравственной* виной по преимуществу, но виной, которая, если можно так выразиться, *смягчена* тем, что она интеллектуальна, и именно *потому*, что она интеллектуальна, что она основывается на идейном конфликте, постоянно повторяющемся во все переломные эпохи, она перестает быть виной *частного, случайного* лица и в свою очередь становится *необходимой вечной точкой зрения*, неоспоримая относительная правота которой и глубочайшая внутренняя неправда влекут за собой ее трагическую судьбу, ее диалектическую гибель. Mutato nomine de nobis fabula narratur [под другими именами речь идет о нас самих] и так это будет вечно. Именно такого рода виновность, в *одно и то же время* нравственная и интеллектуальная и как раз поэтому-то основанная на вечном и необходимом *объективном* идейном конфликте, и составляет, как мне кажется, *глубочайший* трагический конфликт.

Или, чтобы выразить теперь мой взгляд со всей определенностью и четкостью, всякая действительно *нравственная* вина только интеллектуальна, и лишь та вина является *нравственной*, которая интеллектуальна. Ибо нравственная вина в отличие от *моральной*, которая связана исключительно с отдельным субъектом и его внутренним миром, заключается не в чем ином, как именно в *практике* и *реализации объективной* и относительно правомерной *мысли* и мысленной позиции, которая, однако, не умеет справиться со своей диалектической противоположностью, вследствие этого нарушает созвучие как в мире идей, так и в реальном мире и поэтому в теории является *односторонней*, а на практике — *виновной*.

Впрочем, Зикинген снимает с себя в пятом акте как интеллектуальную, так и нравственную вину тем, что осознает ее и переходит к *искупляющему* действию. Отбросив в сторону свои дипломатические сомнения и лукавства, он ставит на острие меча свою судьбу и судьбу страны. — Но теперь уже *поздно*, и так оно *должно* быть согласно трагической идее. Оскорбленные боги мстят за себя, и, к несчастью, диалектика оскорбленных идей разума мстит за себя еще более жестоко и неумолимо, чем любой из греческих богов. Жизнь и история — жестокая практика логики, и какая жестокая!

В том, что Зикинген вынужден теперь силой обстоятельств сделать неправильный шаг: подвергнуть себя и заодно страну (как уже при осаде его замка, так и при вылазке) чистой *случайности*, в которой страна и его принципиальные приверженцы в ней вовсе не стоят за ним, так что подлинная сила обеих сторон здесь вовсе не обнаруживается и не является решающим моментом; в том, что этот великий дипломат и реалист, желающий тщательно вычислить все заранее и совершенно исключить всякую случайность, как раз потому-то и вынужден в конце концов предоставить все чистой случайности, — в этом заключается настоящая и самая жестокая диалектическая кара, выпавшая на его долю. Вместо того чтобы открыто апеллировать к принципам и развязать их революционную силу, он в трирском походе * поставил историческую идею и национальное дело на почву предпрятия, у которого старательно отнял его общее значение и которое облек в видимость *случайности*. И поэтому, как он ни хотел предусмотрительнейшим образом исключить всякую случайность, он *сам* призвал на помощь случай, и так как его расчет на обман с помощью видимости случайного и несущественного должен разбиться о сознательный характер существующего порядка, то он вынужден принять решение своей судьбы не из рук подготовленной случайности, как ему того хотелось, а скорей из рук подлинного, неподготовленного случая. Поэтому он и гибнет не вследствие превосходства старого — что не было бы действительно трагической гибелью, ибо неизбежное падение старого, впрочем, далеко еще не равносильное достижению великих целей Зикингена, достаточно ясно чувствуется в пятом акте, — но он гибнет вследствие собственной ошибки.

Необходимым представляется мне также и то, что Бальтазар только в пятом акте получает возможность раскрыть Зикингену истинную сущность дела, в третьем же акте не успевает этого сделать. Было бы ущербом либо для формального величия духа Зикингена, либо для его нравственного всодушевления, — что я еще менее мог допустить, — если бы Бальтазар уже раньше раскрыл ему эту истинную сущность, а Зикинген все-таки продолжал бы держаться своей точки зрения. Он тогда непременно сделался бы менее значительным умственно или нравственно, чем он должен быть. Теперь же его интеллектуальная вина отнюдь не роняет его, потому что она опирается на нечто тоже существенное и правомерное, и она особенно смягчается тем обстоятельством, что и зритель или читатель до пятого акта на верное будет на его стороне. Точно так же и его *нравственная* вина, до его беседы с Бальтазаром, является чисто *бессознательной*, но именно поэтому в данном случае вдвойне трагичной и подходящей к его чистому характеру, между тем как после этой беседы она стала бы сознательной и, следовательно, умаляющей его умственно или нравственно.

Только в тот момент, когда уже слишком поздно, допустима речь об ошибке, в которую впал Зикинген на победоносной высоте своего благоразумия, и тут Бальтазар должен быть настолько же выше Зикингена, насколько последний выше Гуттена в третьем акте *. Примыкающая непосредственно к этому диалогу крестьянская сцена являет как бы хор и ту среду, которая действительно откликается на ряд идей, высказанных Бальтазаром.

Впрочем, Зикинген в следующей же сцене возвращает себе свое яркое героическое превосходство над теоретическим превосходством Бальтазара: между тем как последний совершенно подавлен и удручен и кажется, что все должно погибнуть, Зикинген мгновенно выпрямляется и, став на точку зрения Бальтазара, задумывает и выполняет план спасения.

То, что названным превосходством я вообще наделил Бальтазара, а не Гуттена, мне тоже представляется необходимым.

Во-первых, в характере Гуттена, как я его обрисовал, преобладает лирический топ, и ему, таким образом, эта роль не подходит. Напротив, Зикинген есть и остается по отношению к нему, этому, как уже было замечено, лишь духовному революционеру, с начала до конца более сильным, политически дальновзорким реалистическим героем. Он предвидит развитие событий, как оно сложилось и *должно было* сложиться в результате одного только завоевания религиозной свободы, которую Гуттен считал нужным спасти прежде всего.

Во-вторых, у Гуттена не было бы, если бы он должен был руководить здесь Зикингеном, никакого другого средства, кроме *воодушевления*. Но в этом отношении Зикинген ни на йоту не должен уступать ему, как он и действительно в своем сосредоточенном, непосредственно практическом пафосе в третьем акте давно уже решился действовать и выработал соответствующий план, между тем как Гуттен, которого он настолько превосходит, думает, что его еще надо побуждать к действию.

В-третьих, наконец, *одно только воодушевление* — и это возвращает нас к сказанному вначале — никогда не могло бы быть более сильным и верным средством, чем реалистическая пронизательность Зикингена. Со своим игнорированием конечных средств, оно ведь так же абстрактно-одно-сторонне, как и сама эта точка зрения конечных средств, и если оно внутренне и *попадает в цель* более метко, то оно все-таки не может *достаточно сильно проявить* свое действительное внутреннее право и таким образом привлечь к себе противоположную точку зрения. Обе являются, стало быть, лишь относительно правомерными и абстрактными противоположностями. И Зикинген является тут, пожалуй, даже более высокой и сильной стороной. Действительно возвысить реалистическую точку зрения Зикингена над нею самой способна только еще более *реалистичная* натура Бальтазара, который из своего многолетнего опыта почерпнул свой зрелый взгляд на вещи и законченное познание законов истории и движения народов. Только реалистическая *мудрость* может преодолеть реалистическое *благоразумие* и поднять его над ним самим. Однако примирение заключается отчасти в том, что, поскольку дело идет о религиозных целях Зикингена, их позднее торжество является фактом и, как было уже замечено, достаточно ясно просвечивает в пятом акте; отчасти же и в особенности в том, что, поскольку дело идет о его более далеких и более важных политико-национальных целях, именно наше время снова начало борьбу за них в аналогичной, хотя еще более широкой форме и упорно выполняет этот суровый труд, страдая и борясь, — как бы в осуществление пророческого намека в заключительных словах Гуттена*. И я считаю немаловажным преимуществом для культурно-исторической трагедии — именно такой, как моя, цели и идейная борьба которой так близко соприкасаются с современностью, что это становится возможным, — если сознание современного зрителя, и не просто лишь как общечеловеческое сознание вообще, но именно вследствие *пронизывающего его содержания*, снова становится как бы *хором*, к которому непосредственно обращается трагическое действие и страдание героев. Сознание современного мира вносит, с одной стороны, примирение в *трагедию*, так как в нынешнем возобновлении борьбы и заключается высший триумф героя и его

целей, а с другой стороны — это сознание черпает для себя в тяжелых болениях современности утешение и веру из трагедии, поскольку в этом возобновлении борьбы через три столетия и в доказанной тем самым *вечности* этих целей заключается наивысшее доказательство их *победоносной необходимости*.

2

ФЕРДИНАНД ЛАССАЛЬ — ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

Берлин, 21 марта 1859 г.

Дорогой Энгельс!

Я был от души рад увидеть снова несколько строк от вас * после такого долгого перерыва. Кажется, будто все хорошее опять начинает налаживаться.

Ваши небольшие поручения* я исполнил, и я уже сообщил, что нужно Дункеру. С содержанием брошюры я жажду ознакомиться. Труд Маркса* тоже скоро выйдет в свет; не знаю, почему дело так медленно подвигается вперед; объясняют это черепашьим шагом корректур, которые приходится сперва посылать в Лондон. Мне тем более хочется прочесть его, что вот уже несколько лет я ношу в голове одно экономическое произведение и теперь собираюсь разрешиться им. Но я этого не сделаю, если Маркс, как я почти уверен, перехватил у меня самое важное из того, что я хочу сказать. С тем большим нетерпением жду я появления его книги. Но если даже дело обстоит так, как я предполагаю, это тоже не беда. Если то, что надо сказать, уже сказано другим, я готов молчать. И я не знаю никого, кроме Маркса, кому бы я так охотно позволил устранить меня.

То, что он не прислал вам «Гераклита», не хорошо с его стороны, так как сам он уже прочел его, а при ваших занятиях сравнительной филологией этот труд во всяком случае мог бы представить для вас кое-какой интерес. Если бы я только знал об этих ваших занятиях, то с большим удовольствием послал бы вам тогда отдельный экземпляр, но сейчас в моем распоряжении нет уж ни одного. — Вы, значит, прочли объявление о моем «Зикингене»? Еще десять дней назад я послал Марксу три экземпляра для него, для вас и для Фрейлиграта вместе с длинным, очень длинным сопроводительным письмом. Но послал через книгопродавца, и кто знает, когда посылка дойдет! По крайней мере Маркс пишет мне* в письме, которое я получил сегодня, что он еще ничего не получил.

Но я должен со смехом протестовать против выражения в вашем письме, как бы доброжелательно оно ни было, что я «также бросился в эту специальность (драму)». Сохрани меня, боже, от такого дела! До, во время и после сочинения этой драмы во мне было одинаково живо твердое убеждение, что я *никогда* больше не напишу ни одной драмы, как раньше у меня *никогда* не было желания писать их. Я не *хотел* бы этого, даже если бы мог; и не *мог* бы, даже если бы захотел. Эту одну драму я *мог* и *должен* был написать. Это мне было суждено. *C'était écrit là-haut!* [Это было предначертано свыше.] Об этом я подробно говорю в моем длинном письме к Марксу. Но вы и без того это поймете, когда *прочтете* драму. Надеюсь, что вы это сделаете, как только получите ее.

Но — несмотря на то, что, к моему изумлению, моя пьеса встретила необычайно сочувственный отклик, — больше я не напишу ни одной.

Отныне я остаюсь при своей политико-экономической и историко-философской специальности — я имею в виду историю в смысле социально-

культурного развития; если только, на что, впрочем, весьма хотелось бы надеяться, не начнется, наконец, практическое движение и не приостановит на время всякую большую теоретическую деятельность.

Как охотно я оставил бы ненаписанным все, что я знаю, если бы зато удалось сделать кое-что из того, что мы (вся партия) *можем*.

С приветом и рукопожатием

Ваш Ф. Лассаль.

С 28 марта мой адрес: улица Bellevue, 13.

3

V

КАРЛ МАРКС — ФЕРДИНАНДУ ЛАССАЛЮ

Лондон, 19 апреля 1859 г.

Дорогой Лассаль!

Я не посылаю тебе особого извещения о получении 14 ф. ст. 10 шиллингов, потому что письмо было заказное. Но я написал бы тебе раньше, если бы меня не посетил проклятый «кузен из Голландии»*, беспощадно присвоивший себе мое «прибавочное рабочее время».

Теперь он уехал, и я снова вздохнул свободно.

Я получил письмо от Фридлиндера*. Условия не так благоприятны, как сообщенные тебе вначале, но все же «приличны». Как только мы договоримся по некоторым второстепенным пунктам, — я думаю, что это будет сделано на этой неделе, — я начну писать для него.

Здесь в Англии классовая борьба развивается самым отчаянным образом. К сожалению, в данный момент не существует ни одной чартистской газеты, и потому вот уже около двух лет, как я вынужден был прекратить свое литературное участие в этом движении.

Перехожу теперь к «Францу фон-Зикингену». Прежде всего я должен похвалить композицию и живость действия, а это больше, чем можно сказать о любой современной немецкой драме. Во-вторых, оставляя в стороне чисто критическое отношение к этой работе, она при первом чтении сильно взволновала меня, а следовательно на читателей, у которых в большей мере преобладает чувство, она подействует еще сильнее. Это вторая, очень важная сторона. А теперь другая сторона медали. *Во-первых* — это чисто формальный момент, — раз уж ты писал стихами, ты мог бы отделать свои ямбы несколько более художественно. Впрочем, хотя *профессиональные поэты* и будут шокированы этой небрежностью, я в общем считаю ее преимуществом, так как у наших поэтов эпигонов не осталось ничего, кроме формального

лоска. *Во-вторых*. Задуманная тобой коллизия не только трагична, но она и есть та самая трагическая коллизия, которая совершенно основательно привела к крушению революционную партию 1848—1849 гг. Поэтому я могу только всецело приветствовать мысль сделать ее центральным пунктом современной трагедии. Но я спрашиваю себя, годится ли взятая тобой тема для изображения этой коллизии? Бальтазар, конечно, может вообразить, что если бы Зикинген не выдавал свой мятеж за рыцарскую распрю, а выкинул знамя борьбы против имперской власти и открытой войны с князьями, он победил бы. Но можем ли мы разделять эту иллюзию? Зикинген (а вместе с ним в известной степени и Гуттен) погиб не из-за своего собственного лукавства. Он погиб потому, что восстал против существующего [строя], или, вернее, против новой формы существующего [строя] как *рыцарь* и как *представитель гибнущего класса*. Если отнять у Зикингена то, что свойственно ему как личности с ее особыми природными склонностями, образованием и т. д., то останется Гетц фон-Берлихинген. А в этом жалком субъекте мы имеем трагическую противоположность рыцарства с императором и князьями в ее адекватной форме, и потому Гёте был прав, избрав его героем. Поскольку Зикинген, — а отчасти и сам Гуттен, хотя у него, как и у всех идеологов определенного класса, подобные высказывания должны были выражаться в значительно измененной форме, — выступает против князей (ведь против императора он идет только потому, что император из императора рыцарей превращается в императора князей), постольку он на самом деле просто Дон-Кихот, хотя и имеющий историческое оправдание. Что он начинает мятеж под видом рыцарской распри означает только то, что он начинает его *по-рыцарски*. Если бы он начал его иначе, то он должен был бы непосредственно, и притом с самого же начала апеллировать к городам и крестьянам, т. е. как раз к тем классам, развитие которых равносильно отрицанию рыцарства.

Если ты не хотел свести коллизию только к той, которая изображена в «Гетце фон-Берлихингене», — а это не входило в твои планы, то Зикинген и Гуттен должны были погибнуть, потому что они в своем воображении были революционерами (последнего нельзя сказать о Гетце), и совершенно так же, как *образованное польское дворянство 1830 г.*, стали, с одной стороны, проводниками современных идей, а с другой стороны, на деле представляли интересы реакционного класса. *Дворянские* представители революции, — за чьими лозунгами единства и свободы все еще скрывается мечта о старой империи и кулачном праве, —

не должны были бы, следовательно, в такой мере сосредоточивать на себе весь интерес, как это происходит в твоей драме. И, наоборот, представители крестьян (особенно их) и революционных элементов городов должны были бы составить весьма существенный активный фон. Тогда ты мог бы в гораздо большей степени давать высказывать как раз наиболее современные идеи в их самой наивной форме, между тем как сейчас основной идеей остается в сущности, кроме *религиозной* свободы, национальное *единство*. Тебе волей-неволей пришлось бы тогда в большей степени *шекспиризировать*, между тем как теперь основным твоим недостатком я считаю то, что ты пишешь *по-шиллеровски*, превращая индивидуумы в простые рупоры духа времени. Не совершаешь ли ты сам до известной степени, подобно твоему Францу фон-Зикингену, дипломатическую ошибку, ставя лютеранско-рыцарскую оппозицию выше плебейско-мюнцеровской?

Далее, в обрисовке характеров не хватает как раз характерных черт. Исключениями являются Карл V, Бальтазар и Рихард Трирский. А между тем, найдется ли эпоха с более резко очерченными характерами, чем XVI столетие? Гуттен, по моему мнению, уж слишком изображает одно лишь «воодушевление», а это скучно. Разве он не был в то же время даровит и чертовски остроумен, и не совершил ли ты поэтому по отношению к нему большую несправедливость?

До какой степени сам твой Зикинген, обрисованный, кстати сказать, тоже слишком абстрактно, является жертвой коллизии, не зависящей от всех его личных расчетов, видно из того, как ему приходится проповедовать своим рыцарям дружбу с городами и т. д., и как, с другой стороны, сам он охотно применяет к городам законы кулачного права.

Что касается частных, то местами мне не нравятся излишние рассуждения отдельных лиц о самих себе, что проистекает от твоего пристрастия к Шиллеру. Так, например, на стр. 121, где Гуттен рассказывает Марии историю своей жизни, было бы совершенно естественно, если бы ты заставил Марию сказать:

«Вся гамма ощущений»*.

и т. д. до

«И тяжелей он, чем бремя лет».

Преыдущие стихи, от «говорят» до «состарилась», могли бы следовать *после* этого, но рассуждение «Довольно ночи, чтоб девушка развиться в женщину могла» (хотя оно и показывает, что Мария знает не одну только абстракцию любви), совершенно излишне; во всяком случае, Мария не должна была начинать свою речь с размышления о том, что сама она «старится». После

ее слов о том, как много ей рассказано в «один» этот час, она могла бы дать общее выражение своим чувствам в словах о том, что она постарела. Далее, в следующих строках меня шокирует фраза: «Сочла я это *правом*» (т. е. счастье). К чему было отнимать наивное представление о мире, которое, как утверждает Мария, она имела до сих пор, превращая его в правовую доктрину? В другой раз я, может быть, изложу тебе свое мнение более подробно.

Особенно удачной я считаю сцену между Зикингеном и Карлом V, хотя диалог и с той и с другой стороны слишком смахивает на прения сторон. Далее, удачны сцены в Трире. Очень хороши сентенции Гуттена о мече.

Ну, на этот раз довольно!

В лице моей жены ты приобрел горячую поклонницу своей драмы. Она недовольна только Марией.

Привет.

Твой К. М.

Между прочим, в брошюре Энгельса «По и Рейн» имеются грубые опечатки, список которых я прилагаю на последней странице этого письма. [Следует список опечаток.]

К. Маркс — Ф. Лассалю в Берлин.
Лондон, 19 апреля 1859 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 250—253.

4

V ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС — ФЕРДИНАНДУ ЛАССАЛЮ.

Манчестер, 18 мая 1859 г.

Дорогой Лассаль!

Вам, вероятно, показалось несколько странным, что я так долго не писал, тем более, что я должен был сообщить свое мнение о вашем Зикингене. Но именно это и было причиной моего молчания. При том оскудении изящной литературы, которое сейчас повсюду царит, мне редко случалось прочесть что-либо подобное, и в течение ряда лет мне не приходилось читать подобного произведения *так*, чтобы в результате чтения дать обстоятельную оценку, высказать твердо установленное мнение. Появляющаяся макулатура и не стоит этого. Даже те немногие, сравнительно хорошие английские романы, которые я еще время от времени читаю, как, например, Теккерея, несмотря на их неоспоримое литературное и культурно-историческое значение, ни разу не могли в такой степени заинтересовать меня. Но вследствие столь долгого бездействия мои критические способности

не должны были бы, следовательно, в такой мере сосредоточивать на себе весь интерес, как это происходит в твоей драме. И, наоборот, представители крестьян (особенно их) и революционных элементов городов должны были бы составить весьма существенный активный фон. Тогда ты мог бы в гораздо большей степени давать высказывать как раз наиболее современные идеи в их самой наивной форме, между тем как сейчас основной идеей остается в сущности, кроме *религиозной* свободы, национальное *единство*. Тебе волей-неволей пришлось бы тогда в большей степени *шекспиризировать*, между тем как теперь основным твоим недостатком я считаю то, что ты пишешь *по-шиллеровски*, превращая индивидуумы в простые рупоры духа времени. Не совершаешь ли ты сам до известной степени, подобно твоему Францу фон-Зикингену, дипломатическую ошибку, ставя лютеранско-рыцарскую оппозицию выше плебейско-мюнцеровской?

Далее, в обрисовке характеров не хватает как раз характерных черт. Исключениями являются Карл V, Бальтазар и Рихард Трирский. А между тем, найдется ли эпоха с более резко очерченными характерами, чем XVI столетие? Гуттен, по моему мнению, уж слишком изображает одно лишь «воодушевление», а это скучно. Разве он не был в то же время даровит и чертовски остроумен, и не совершил ли ты поэтому по отношению к нему большую несправедливость?

До какой степени сам твой Зикинген, обрисованный, кстати сказать, тоже слишком абстрактно, является жертвой коллизии, не зависящей от всех его личных расчетов, видно из того, как ему приходится проповедовать своим рыцарям дружбу с городами и т. д., и как, с другой стороны, сам он охотно применяет к городам законы кулачного права.

Что касается частностей, то местами мне не нравятся излишние рассуждения отдельных лиц о самих себе, что проистекает от твоего пристрастия к Шиллеру. Так, например, на стр. 121, где Гуттен рассказывает Марии историю своей жизни, было бы совершенно естественно, если бы ты заставил Марию сказать:

«Вся гамма ощущений»*.

и т. д. до

«И тяжелей он, чем бремя лет».

Предыдущие стихи, от «говорят» до «состарилась», могли бы следовать *после* этого, но рассуждение «Довольно ночи, чтоб девушка развиться в женщину могла» (хотя оно и показывает, что Мария знает не одну только абстракцию любви), совершенно излишне; во всяком случае, Мария не должна была начинать свою речь с размышления о том, что сама она «старится». После

ее слов о том, как много ей рассказано в «один» этот час, она могла бы дать общее выражение своим чувствам в словах о том, что она постарела. Далее, в следующих строках меня шокирует фраза: «Сочла я это *правом*» (т. е. счастье). К чему было отнимать наивное представление о мире, которое, как утверждает Мария, она имела до сих пор, превращая его в правовую доктрину? В другой раз я, может быть, изложу тебе свое мнение более подробно.

Особенно удачной я считаю сцену между Зикингом и Карлом V, хотя диалог и с той и с другой стороны слишком смахивает на прения сторон. Далее, удачны сцены в Трире. Очень хороши сентенции Гуттена о мече.

Ну, на этот раз довольно!

В лице моей жены ты приобрел горячую поклонницу своей драмы. Она недовольна только Марией.

Привет.

Твой К. М.

Между прочим, в брошюре Энгельса «По и Рейн» имеются грубые опечатки, список которых я прилагаю на последней странице этого письма. [Следует список опечаток.]

К. Маркс — Ф. Лассалю в Берлин.
Лондон, 19 апреля 1859 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 250—253.

4

✓ ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС — ФЕРДИНАНДУ ЛАССАЛЮ.

Манчестер, 18 мая 1859 г.

Дорогой Лассаль!

Вам, вероятно, показалось несколько странным, что я так долго не писал, тем более, что я должен был сообщить свое мнение о вашем Зикингене. Но именно это и было причиной моего молчания. При том оскудении изящной литературы, которое сейчас повсюду царит, мне редко случалось прочесть что-либо подобное, и в течение ряда лет мне не приходилось читать подобного произведения *так*, чтобы в результате чтения дать обстоятельную оценку, высказать твердо установленное мнение. Появляющаяся макулатура и не стоит этого. Даже те немногие, сравнительно хорошие английские романы, которые я еще время от времени читаю, как, например, Теккерей, несмотря на их неоспоримое литературное и культурно-историческое значение, ни разу не могли в такой степени заинтересовать меня. Но вследствие столь долгого бездействия мои критические способности

изрядно притупились, и требуется не малый срок, прежде чем я могу позволить себе высказать свое мнение. Однако Ваш Зикинген заслуживает иного отношения, чем весь этот вздор, и поэтому я не пожалел на него времени. Первое и второе чтение Вашей во всех отношениях — и по теме, и по трактовке — национально-германской драмы взволновало меня до такой степени, что я должен был на время отложить ее в сторону, тем более, что мой вкус в наши скудные времена так притупился, — к стыду своему я должен в этом признаться, — что порой даже малоценные произведения при первом чтении производят на меня известное впечатление. Чтобы быть вполне беспристрастным, вполне «критическим», я отложил на время Зикингена, вернее — одолжил его кое-кому из знакомых (здесь еще есть несколько более или менее литературно образованных немцев). Но книги имеют свою судьбу, — когда их одалживаешь, то редко получаешь их обратно, — и моего Зикингена мне тоже пришлось отвоевывать силой. Должен признаться, что при третьем и четвертом чтении впечатление осталось то же самое, и в уверенности, что Ваш Зикинген способен выдержать критику, я скажу Вам о нем несколько «теплых слов».

Я знаю, что для Вас не будет большим комплиментом, если я констатирую тот факт, что ни один из современных официальных поэтов Германии никогда не был бы в состоянии написать подобную драму. Тем не менее, это все же факт, и притом для нашей литературы слишком характерный, чтобы о нем можно было умолчать. Прежде всего коснусь формы. Меня очень приятно поразила искусная завязка интриги и насквозь драматический характер пьесы. В области версификации Вы, однако, позволили себе некоторые вольности, которые, впрочем, больше мешают при чтении, чем на сцене. Хотелось бы прочесть Вашу драму в обработке для сцены. В своем настоящем виде она, конечно, не сценична. У меня здесь был один молодой немецкий поэт (Карл Зибель), мой земляк и дальний родственник, довольно много поработавший в области театра. Возможно, что ему, как прусскому гвардейцу запаса, придется поехать в Берлин, в таком случае я, пожалуй, возьму на себя смелость дать ему небольшое письмо к Вам. Он был очень высокого мнения о Вашей драме, но считал ее совершенно непригодной для постановки из-за длинных монологов, во время которых играет лишь один из актеров, между тем как остальным пришлось бы дважды или трижды исчерпать всю свою мимику, чтобы не стоять статистами. Два последних акта в достаточной степени показывают, что Вам не трудно сделать диалог быстрым и живым, а так как, по-моему,

за исключением отдельных сцен (что бывает в каждой драме), это можно было бы сделать и в первых трех актах, то я не сомневаюсь, что при обработке для сцены Вы учтете это обстоятельство. *Идейное содержание*, конечно, должно при этом пострадать, но это неизбежно. Полное слияние большой идейной глубины, осознанного исторического смысла, которые Вы не без основания приписываете немецкой драме, с шекспировской живостью и ответственностью будет достигнуто, вероятно, только в будущем, да, пожалуй, и не немцами. Во всяком случае, именно в этом слиянии я вижу будущее драмы. В Вашем Зикингене взята совершенно правильная установка: главные действующие лица *действительно являются* представителями определенных классов и направлений, а стало быть и определенных идей своего времени, и черпают мотивы своих действий не в мелочных индивидуальных прихотях, а в том историческом потоке, который их несет. Но дальнейший шаг вперед, который следовало бы сделать, заключается в том, чтобы эти мотивы более живо, активно и, так сказать, стихийно выдвигались на первый план ходом самого действия, а аргументирующие речи (в которых, впрочем, я с удовольствием узнал Ваш старый ораторский талант, блиставший на суде присяжных и на народных собраниях), напротив, становились бы все более излишними. Этот идеал Вы, по-видимому, сами считаете своей целью, поскольку Вы проводите различие между сценической и литературной драмой*. Мне думается, что Зикингена можно было бы превратить в этом смысле в сценическую драму, хотя, конечно, это дело трудное (достичь совершенства не так просто). С этим связана характеристика действующих лиц. Вы совершенно справедливо выступаете против господствующей ныне *плохой* индивидуализации, которая сводится к мелочному умничанию и составляет существенный признак выдыхающейся литературы эпигонов. Мне кажется, однако, что личность характеризуется не только тем, *что* она делает, но и тем, *как* она это делает; и в этом отношении идейному содержанию драмы не повредило бы, по моему мнению, если бы отдельные характеры были бы несколько резче разграничены и острее противопоставлены друг другу. Характеристика, как она давалась у *древних* авторов, в наше время уже недостаточна, и тут, по моему мнению, было бы не плохо, если бы Вы несколько больше учли значение Шекспира в истории развития драмы. Но это второстепенные вопросы, которые я упоминаю только для того, чтобы Вы видели, что я интересовался Вашей драмой и со стороны формы.

Что касается исторического содержания, то Вы очень наглядно и с правильным учетом дальнейшего развития изобразили обе

стороны тогдашнего движения, которые Вас наиболее интересовали: национальное дворянское движение, представляемое Зикин-геном, и гуманитарно-теоретическое движение с его дальнейшим развитием в теологической и церковной области, т. е. с реформацией. Больше всего мне понравились тут сцены между Зикин-геном и императором и между легатом и архиепископом Трирским (здесь Вам удалось в то же время дать прекрасную индивидуальную характеристику, противопоставляя светского, эстетически и классически образованного, политически и теоретически дальновидного легата тупому немецкому князю-попу, — характеристику, которая, однако же, прямо вытекает из *репрезентативного* характера обоих действующих лиц); большой меткостью отличается обрисовка характеров и в сцене между Зикин-геном и Карлом. Что касается автобиографии Гуттена*, *содержание* которой Вы справедливо считаете существенным, то Вы несомненно пошли на рискованный шаг, вставив это содержание в драму. Очень важен также разговор между Балтазаром и Францем в V акте, где первый излагает своему господину *подлинно революционную* политику, которой тот должен был бы следовать. Именно здесь выступает подлинно трагическое, и мне кажется, что именно эту сторону дела, вследствие ее большого значения, следовало бы несколько резче подчеркнуть уже в III акте, который дает для этого достаточно поводов. Но я опять занялся второстепенными вопросами. — Положение городов и князей того времени также изображено во многих местах очень ярко, и таким образом более или менее исчерпаны так называемые *официальные* элементы тогдашнего движения. Но я считаю, что Вами недостаточно подчеркнуты неофициальные плебейские и крестьянские элементы и сопутствующее им их теоретическое выражение. Крестьянское движение было в своем роде столь же национально и было в такой же степени направлено против князей, как и движение дворянства, а огромный размах борьбы, в которой оно потерпело поражение, резко контрастирует с той легкостью, с какой дворянство, бросив Зикин-гена на произвол судьбы, примирилось со своим историческим призванием — рабством. Но в таком случае и при Вашем понимании драмы, которое, как Вы, вероятно, заметили, я считаю слишком абстрактным, недостаточно реалистичным, крестьянское движение заслуживало более внимательного рассмотрения; правда, крестьянская сцена с Йоссом Фрицем характерна, и индивидуальность этого «смутьяна» изображена вполне правильно, но она не оттеняет с достаточной силой, в противовес дворянскому движению, бурно разлившийся уже тогда поток крестьянских волнений.

Согласно *моему* пониманию драмы, требующему, чтобы за идеальным не забывать реалистического, за Шиллером — Шекспира, привлечение тогдашней, поразительно пестрой плебейской общественности дало бы совершенно иной материал для оживления драмы, дало бы неопенимый фон для разыгрывающегося на авансцене национального дворянского движения и впервые представило бы в истинном свете само это движение. Какие только поразительно характерные образы ни дает эта эпоха разложения феодальных связей в лице странствующих королей-нищих, побирающихся ландскнехтов и всякого рода авантюристов, — поистине фальстафовский фон, который в исторической драме *такого* типа был бы еще эффектнее, чем у Шекспира! Но не говоря уже об этом, мне кажется, что, отодвинув на задний план крестьянское движение, Вы тем самым неверно изобразили и национальное дворянское движение и вместе с тем упустили из виду *подлинно* трагический элемент в судьбе Зикингена. По-моему, масса тогдашнего имперского дворянства не думала о заключении союза с крестьянами, этого не допускала его зависимость от доходов, получаемых путем угнетения крестьян. Союз с городами был еще скорее возможен, но и он либо совсем не осуществлялся, либо осуществлялся только частично. А между тем, проведение национальной дворянской революции было возможно только в союзе с городами и крестьянами, в особенности с последними. Как раз в том, на мой взгляд, и заключается трагический момент, что союз с крестьянами — это основное условие — был невозможен, что вследствие этого политика дворянства должна была по необходимости сводиться к мелочам, что в тот момент, когда оно захотело встать во главе национального движения, *масса* нации, крестьяне, запротестовала против его руководства, и оно неизбежно должно было пасть. Насколько исторически обосновано Ваше предположение, что Зикинген находился в известной связи с крестьянами, я не могу судить. Да это и не важно. Впрочем, насколько я припоминаю, там, где в своих произведениях Гуттен обращается к крестьянам, он лишь слегка задевает щекотливый пункт об отношении к дворянству и старается направить всю ярость крестьян главным образом против попов. Но я отнюдь не хочу оспаривать у Вас права рассматривать Зикингена и Гуттена как деятелей, поставивших себе целью освобождение крестьян. Однако тут и получается то трагическое противоречие, что оба они стояли между дворянством, бывшим решительно *против* этого, с одной стороны, и крестьянами — с другой. В этом и заключалась, по-моему, трагическая коллизия между исторически необходимым требованием и практической

невозможностью его осуществления. Упуская этот момент, Вы умаляете трагический конфликт, сводя дело к тому, что Зикинген, вместо того, чтобы сразу вступить в борьбу с императором и империей, начинает борьбу только с *одним* князем (хотя Вы и здесь с должным тактом вводите крестьян) и гибнет просто из-за равнодушия и трусости дворянства. Эта трусость была бы совершенно иначе мотивирована, если бы Вы уже до этого сильнее подчеркнули нарастающую угрозу крестьянского движения и ставшее неизбежно более консервативным после «Союзного башмака»* и «Бедного Конрада»* настроение дворянства. Но все это, впрочем, лишь *один* из путей, каким можно ввести в драму крестьянское и плебейское движение, и существует по крайней мере десяток других столь же или еще более подходящих способов.

Как видите, и с эстетической, и с исторической точки зрения я предъявляю Вашему произведению чрезвычайно высокие, даже *наивысшие* требования, и то, что только при таком подходе я могу выдвинуть кое-какие возражения, послужит для Вас лучшим доказательством моего одобрения. Ведь в *нашем кругу* уже с давних пор критика в интересах самой партии носит по необходимости самый откровенный характер, но меня и всех нас всегда радует, когда мы получаем новое доказательство того, что в какой бы области ни выступала наша партия, она всегда обнаруживает свое превосходство. В данном случае Вы показали пример этого.

Ф. Энгельс — Ф. Лассалю в Берлин.
Манчестер, 18 мая 1859 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 257—262.

5

ФЕРДИНАНД ЛАССАЛЬ — КАРЛУ МАРКСУ
И ФРИДРИХУ ЭНГЕЛЬСУ

Берлин, пятница, 27 мая [1859 г.]

Дорогие Маркс и Энгельс!

Я наполовину завален работами, наполовину чуть не задушен личными делами, так что всякое обстоятельное писание для меня настоящая мука. Тем не менее я чувствую настойчивую потребность ответить возможно более исчерпывающим образом на любезные письма твое и Энгельса, который тоже написал мне очень подробно о моей драме. Ответ на оба письма лучше всего соединить вместе, потому что ваши возражения, не будучи прямо тождественны, все-таки в главном касаются одних и тех же пунктов.

Вы найдете вполне естественным, дорогие друзья, если я попытаюсь по возможности доказать свою правоту в тех пунктах, в которых я считаю себя правым, находя ваши соответствующие возражения либо вообще не-

верными, либо опровергнутыми той или другой упущенной вами из виду стороной драмы. В этом вы, конечно, усмотрите отнюдь не личное тщеславие, не желающее терпеть никаких порицаний, а лишь тот же законный интерес к предмету, который и вас самих побудил написать мне так обстоятельно, за что я вам горячо благодарен, и который с моей стороны ни в коем случае не должен быть меньше оттого, что я — автор.

Относительно письма Энгельса я должен прежде всего заметить, что важнейшие из его возражений заранее отведены мною в письме о трагической идее моей драмы, которое я послал тебе, дорогой Маркс, одновременно с этой последней. Энгельс, правда, отнюдь не проглядел эту трагическую идею, которую я изложил в упомянутом письме и которая в самой драме выступает во всем пятом акте — в диалоге между Бальтазаром и Францем, в крестьянской сцене, в монологе Франца и в его пылких излияниях в сцене перед вылазкой — но зато и не уловил ее во всей ее отчетливости и цельности.

Прошу тебя поэтому переслать ему одновременно с этим письмом и то письмо, если только оно, как я надеюсь, еще у тебя: иначе и настоящее послание покажется ему висящим в воздухе, так как я тут везде предполагаю известными изложенными там идеи и молчаливо имею их в виду.

Что касается теперь твоей критики, дорогой Маркс, то не могу тебе выразить, до какой степени она меня обрадовала. Ибо можно быть уверенным, что критика, столь четкая, ничего не упустит из виду и не поддастся личному пристрастию. И потому, если ты так хвалишь композицию и действие, если ты заявляешь, что чтение моей драмы произвело на тебя такое сильное впечатление — и то же самое пишет мне Энгельс! — то я, конечно, могу быть весьма доволен. В особенности меня радует последнее. Ведь сам автор никогда не может судить, увлекательно ли его произведение или нет, а я всегда считал способность трагедии производить впечатление, бросать читателя в потлучшим ощутительным признаком ее достоинства.

Очень насмешило меня то, что ты даже ставишь мне в заслугу мои плохие стихи! Насмешило это меня не столько странностью такого утешения, сколько большим сходством наших характеров, которое тут проявилось. Ведь я, действительно, придавая большое значение силе *языка*, часто вполне сознательно и с почти умышленным равнодушием нарушал *правила стихосложения*. В процессе творчества мне это казалось настолько безразличным, что я даже не дал себе труда исправить стих там, где исправить его было бы легче всего на свете. К тому же другие места показывают, что я умею сочинять и другие стихи. Но оппозиция против смехотворно преувеличенного значения, какое обыкновенно придают стиху, увлекла меня к этой презрительной небрежности. При всем том мне теперь жаль, что я слишком поддался этому презрению. Кое-кого это может смутить, и вообще, когда хочешь произвести впечатление, важно сделать вещь безупречной даже в мелочах. Однако это уже *montré après dîner* [горчица после обеда]!

Затем ты переходишь «к другой стороне медали». При этом ты сперва еще соглашаешься со мной, что изложенная в моем письме трагическая идея не только проведена в драме, но что эта коллизия «не только трагична, но она и есть та самая трагическая коллизия, которая совершенно основательно привела к крушению революционную партию 1848—49 гг.», «Поэтому я могу, — прибавляешь ты, — только всецело приветствовать мысль сделать ее центральным пунктом современной трагедии».

В этих заявлениях содержится, в сущности, наивысшее одобрение, какого только я добивался для своей трагедии и на какое рассчитывал. Это как раз тот пункт, — и таково, собственно говоря, всегда должно быть отношение трагической идеи драмы к самой драме, — ради которого одного

лишь я и написал всю вещь и изображению которого я строго подчинил все остальное. Таким образом, в этих-то твоих заявлениях я и нахожу наивысшее для меня оправдание моей драмы в целом — разумеется, лишь со стороны ее *содержания*.

Какие же недостатки ты все-таки находишь в этом отношении?

Ты говоришь: «Но я спрашиваю себя, годится ли взятая тобою тема для изображения этой коллизии?» Несомненный утвердительный ответ на этот вопрос вытекает уже из того, что эта трагическая коллизия есть *формальная* и, как я уже разъяснил в своем письме, не специфически свойственная какой-либо *определенной* революции, но *постоянно* повторяющаяся во всех или почти всех прошлых и будущих революциях коллизия (иногда преодолеваемая, иногда нет), — словом, трагическая коллизия самой *революционной* ситуации, бывшая налицо как в 1848 и 49 гг., так и в 1792 г. и т. д. Эта коллизия присутствует, таким образом, в большей или меньшей степени во всякой революционной ситуации. Уже по одному этому ее можно было *приписать* и революционному положению 1522 года, если бы она даже и не играла тогда особенно важной роли.

Но и *исторически* нет никакого сомнения, что эта коллизия существовала и тогда *весьма реально*, что она во всяком случае была бы *тоже* очень важной, хотя и не *последней* причиной гибели Зикингена и что она — дипломатически-реалистическое направление Зикингена, отказ от открытого обращения к революционным силам — даже была *единственной* виновницей того, что Зикинген погиб именно так, как он погиб, т. е. что он погиб, не ввязавшись вообще ни в какую действительную борьбу, что он был сразу же задушен, не имея даже возможности развернуть свои силы. Бальтазар очень выразительно подчеркивает, что он мог бы погибнуть и действуя иначе, но что это была бы гибель совершенно *иного рода*:

Ты б мог изведать в исполнинской схватке *
 Всю мощь той *почвы*, что тебя *вскормила*,
 Ты пал бы, как стоял, во *всей* красе!
 Всего страшнее не погибель, — страшно,
 Что, погибая, падаешь в расцвете
Неизжитых, непобежденных сил.
Вот что герою тяжелей всего!

В самом деле, если бы Зикинген обратился с открытым воззванием к революционным элементам или, что сводится приблизительно к тому же, подождал бы еще 1½ года и дожил бы до начала крестьянских войн, то борьба была бы во всяком случае *совершенно иной* и приняла бы гигантские размеры. Несомненно, что в последнем случае крестьяне нашли бы в нем действительно преданного их делу вождя вместо вынужденного к этой роли и предательского вождя в лице Гетца. При государственном гении Зикингена, при его громадном влиянии на швабский союз*, при его близком родстве с влиятельными лицами того времени борьба приобрела бы чрезвычайно колеблющийся характер, чреватый самыми переменчивыми перипетиями. Поэтому и все исторички ставят себе вопрос: что было бы, если бы Зикинген подождал еще два года и оба движения встретились бы друг с другом?

Что получилось бы? Если исходить из конструктивной философии истории Гегеля, усердным приверженцем которой являюсь я сам, то придется, конечно, ответить вместе с вами, что в конечном счете все же неизбежно наступила бы и *должна* была наступить гибель, потому что Зикинген, как вы говорите, представлял реакционный *au fond* интерес и необходимо *должен* был представлять его, ибо дух времени и классовая принадлежность не давали ему возможности твердо стать на другую позицию.

Но это критико-философское понимание истории, в котором одна железная необходимость цепляется за другую и которое именно поэтому угашает действительность *индивидуальных* решений и поступков, как раз потому и не может явиться почвой *ни для практически революционного действия, ни для драматического представления.*

Для обоих этих элементов предпосылка преобразующей и решающей действительности *индивидуальных* решений и поступков является, наоборот, той необходимой почвой, вне которой драматически зажигаемый интерес так же невозможен, как и смелый подвиг.

(Правда, если в трагедии прославляется решающее значение индивидуального действия, отрешенного и оторванного от общего содержания, с которым оно оперирует и которое его определяет, то трагедия превращается в бессмысленную нелепость. Но такого разрыва этих двух факторов вы уже, конечно, не поставите в упрек моей пьесе, хотя в дальнейшем я и укажу на одну упущенную вами из виду сторону дела, с которой ошибочное индивидуальное решение Зикингена *необходимо определяется* именно той общей ситуацией, в которой он находится и на которую вы нападаете.)

Но если даже целиком придерживаться этого критически-конструктивного взгляда на историческую необходимость, все еще остается та возможность, что в случае слияния обоих этих движений, зикингеновского и крестьянского, разыгрался бы эпизод вроде того (привожу лишь приблизительно, а не аналогичный пример), каким в Англии было выступление индпендентов.

Союз между Зикингеном и крестьянами был вполне возможен в особенности потому, что идея крестьянской войны (чего, как мне кажется, вы совершенно не заметили и к чему я возвращаюсь ниже) была *в конечном счете не менее реакционной**, чем идея Зикингена.

Ты далее говоришь: «Бальтазар, конечно, может вообразить, что если бы Зикинген не выдавал свой мятеж за рыцарскую распрю, а выкинул знамя борьбы против имперской власти и открытой войны с князьями, он победил бы. Но можем ли мы разделять эту иллюзию?»

В вышесказанном уже дан ответ на этот вопрос.

Здесь следует прибавить еще только одно. Если Бальтазар, этот человек, поставленный в центр всей ситуации и так пронизательно ее постигающий, может предаваться подобной иллюзии, как ты и сам допускаешь, то этим все сказано. Ведь в драме мы имеем дело не с *критически-философской истинной, а с эстетической иллюзией и правдоподобием.* Если моя формальная трагическая идея, согласно которой Зикинген погибает только оттого, что он не преодолел вышеупомянутой коллизии и не решился своевременно на революционное действие, так проведена через всю пьесу и правдоподобно представленную в ней ситуацию, что даже столь пронизательный человек, как Бальтазар, может питать иллюзию, будто Зикинген был бы в силах вызвать революцию и с ее помощью победить, — то для *зрителя такое заблуждение*, конечно, еще гораздо более возможно. А в этой эстетической иллюзии и заключается все дело. Драма — не критико-философский трактат по истории.

Ты продолжаешь: «Зикинген (а вместе с ним в известной степени и Гутен) погиб не из-за своего собственного лукавства». (Если под этим «лукавством» ты понимаешь, как и я в моем письме, отсутствие у него решимости на революционное действие, то он погиб именно из-за него, чем бы ни была *в свою очередь неизбежно вызвана* сама эта нерешительность.)

«Он погиб, — говоришь ты, — потому, что восстал против существующего, или, вернее, против новой формы существующего, как *рыцарь* (этот момент был, как вскоре обнаружится, принят мною во внимание в высшей

степени) и как *представитель гибнущего класса*» (поскольку этот момент совпадает с предыдущим, он был принят во внимание вместе с ним; поскольку же он с ним не совпадает, он не был, и *справедливо* не был, принят во внимание).

Теперь я должен оправдать оба мои замечания, приведенные в скобках. Что он погиб оттого, что выступил «как рыцарь» против новой формы существующего, это говорю я, очень *резко* подчеркнуто мною. Ибо *оттого*, что он внутренне еще не может до конца порвать со старым, к которому он сам еще причастен и представителем которого он таким образом является, — оттого-то и происходит в *конечном счете* дипломатическое искажение его восстания, его не-революционное выступление и провал последнего. Этот момент составляет даже *всю* ось пьесы, и кроме того, он резко подчеркнут в отдельных деталях, ибо именно отсюда, из этого ветхого рыцарского Адама, который вдруг врывается в его революционные решения, и вытекает то, что он так ценит *рыцарские* орудия своей власти, свои *замки*, Эбернбург и т. д., вытекает *мучительная* борьба, которая происходит в его душе, когда Бальтазар убеждает его выбросить вон весь этот старый рыцарский хлам. И в высшей степени резко подчеркнуто у меня это противоречие Бальтазаром и самим драматическим развитием всей пьесы, поскольку Бальтазар и ход событий насильно ставят Зикингена перед альтернативой: если он *действительно* хочет достигнуть своих революционных целей, он должен пожертвовать всеми своими замками, в том числе и Эбернбургом — «моей твердыней и моим оплотом», — короче, *всем* своим рыцарским существованием, и, как беглый пролетарий, броситься нищим в объятия крестьянства. Уже в конце четвертого акта, когда он вынужден распустить войско, чтобы не разместить его по замкам своих друзей и тем самым не задушить их сразу же, начинает сказываться это противоречие между его революционными целями и всем его рыцарским существованием и способом войны, а в пятом акте Бальтазар четко резюмирует и чрезвычайно резко подчеркивает противоречие между его революционными тенденциями и его *рыцарством* с возможными в пределах последнего средствами борьбы:

Как, государь! Ужель сия нора —
 Предел могущества и сил Франциска?
 В вас, в вашем имени вся ваша мощь,
 В доверии, с каким душа народа
 Сочувственно несется к вам навстречу.
 И стены замка *только отделяют*
 От вашей силы, от народа вас, и т. д.

И он указывает ему на тлеющее крестьянское восстание. В целях овладения этим последним он требует от него, чтобы он одним взмахом отбросил от себя всю рыцарскую ветошь и предложил сдачу всех замков, включая Эбернбург. Рыцарский Адам в Зикингене страстно восстает против этого:

Ты бредишь, Бальтазар! Как? Эбернбург —
 Мою твердыню, мой оплот — я должен...

Но Бальтазар резко противопоставляет ему в ответ одно только слово:

Там за стенами встретит вас *народ*.

Зикинген переживает тяжелую борьбу, но он выходит и из нее *победителем*. Он переламявает себя и уполномочивает Бальтазара на все. Он так хорошо понял сделанный ему упрек, что повторяет его дословно (5-я сцена) в своем монологе:

Он прав! Мне эти стены не оплот,
 А только грань меж мною и народом.
 Там, там он ждет меня под тяжким гнетом,
 Ждет с страстной тоской и т. д.
 Иду, Германия, и т. д.

Теперь, в этот момент своего, я бы сказал, апофеоза, он умеет победить в себе, но слишком поздно, рыцарского Адама, он сам называет «обломками бесплодного лукавства» свое прежнее обращение к рыцарским средствам борьбы и связанное с этим дипломатически-расчетливое поведение в самый разгар революционного действия. Он восклицает:

...и еще тесней
 Сжимает грудь мою змея *укора*,
 Мой меч, теперь ты должен разрубить мне два узла,
 Один из них разрубишь ты наверно.

И особенно ясно он выражает это в обращении к Марни, с которым на устах и бросается в гибель:

Твой жребий поручаю добрым силам,
 Меня же призывают те, что *мстят*
 За *заблужденья*!

Причем здесь, конечно, следует понимать не простое заблуждение ума, а ту нравственную вину, что посреди революционной стихии он не был до конца революционерен, оставался во власти комбинаций своего класса, и что он должен искупить это противоречие действительной или хотя бы только возможной гибелью:

Иду, Германия! Будь ты мне искупленьем
 От всех пороков и земных сует:
 Коль меж тобой и мной воздвиг я стену,
 Так сам же я дерзну ее сломить!

Стало быть, когда ты говоришь: «Что он начинает мятеж под видом рыцарской распри, означает только то, что он начинает его *по-рыцарски*», — то это в высокой мере верно, но в такой же мере и принято во внимание в моей драме. Ибо ведь если он хочет действовать дипломатически-лукаво, орудуя своими рыцарскими средствами борьбы, вместо того, чтобы с самого начала открыто обратиться к революции, то и это не его случайное, индивидуальное свойство, а опять-таки *результат* того, что он своей *позицией* и *классовым положением* тесно связан с существующим порядком, с рыцарством, чем и определяется его индивидуальность. (Как у нас, например, лучшие буржуа, *сами по себе* наиболее демократичные, обыкновенно не становятся подлинными революционерами, потому что они сами участвуют в условиях жизни своего класса и связаны с ним.)

То, что вы, по-видимому, принимаете за чисто *случайную индивидуальность* Зикингена, я рассматриваю, наоборот, как неизбежное, удерживающее его от решительного революционного шага воздействие его классового положения, с которым он еще тесно связан. В том же смысле, в каком Карл V говорит во втором акте:

Кто ж образует сам свои решенья,
 А не находит их в готовом виде
 В железных письменах своей среды?

И что это воззрение есть *единственно правильное* вытекает еще из двух следующих соображений:

1) В противном случае, именно потому, что в остальном я приписал Зикингену вполне *революционные* цели, было бы совершенно непонятно, почему революционный элемент все же по-настоящему не прорывается у него наружу. Так как в отношении своих *целей, ума и воли*, во всем, что составляет *сознательную* сторону человеческого духа, Зикинген вполне революционер, то этот провал может объясняться только тем, что *бессознательная* сторона его существа, его *натура*, т. е. как раз та сторона, которая является *продуктом условий существования* индивида, остается еще тесно связанной с существующим строем, остается неревoluционной.

2) Это вытекает далее из того, что именно в этом отношении все трое, Зикинген, Гуттен и Бальтазар, желающие в общем одного и того же, отличаются друг от друга в точном соответствии с *условиями своего существования*, как раз тем, как они этого желают. Гуттен, хотя и рыцарь по рождению, но в качестве настоящего идеолога вообще независимый от каких бы то ни было сословных уз, всей своей жизнью порвавший со своим классом, наконец принадлежащий к рыцарству лишь по праву рождения, а не по своему *реальному положению* и материальным условиям, — Гуттен стоит в третьем акте за восстание как *чистый идеалист*: он — *за открытый призыв* повстанцев к дворянству, городам и крестьянам.

Дипломатические ходы Зикингена не по нем. Но как идеолог-идеалист он стоит за восстание только ради чисто духовных, религиозных целей. Увлеченный гораздо более обширными государственно-реальными целями Зикингена и силой, с какой тот развертывает перед ним свой величественный замысел, он тотчас же с бурным воодушевлением, свойственным ему, как чистому идеалисту, присоединяется к политическим планам Зикингена, предоставляя ему их детальное выполнение как нечто такое, в чем он сознает себя менее компетентным. Бальтазар, человек низкого происхождения, не связанный с условиями классового положения Зикингена, за восстание в его истинном и революционном виде. Только один Зикинген стремится к восстанию и представляет его себе в неревoluционной, реалистично-дипломатической форме, которая, с одной стороны, в отношении цели выходит далеко за пределы непосредственных планов Гуттена, но с другой — несомненным образом отмечена влиянием его классового положения, материальных средств и реальной позиции, словом, является продуктом еще не умершего в нем рыцарского Адама.

Все трое различаются, таким образом, между собой тем, как они хотят, — в точном соответствии с теми условиями существования, с которыми они связаны или не связаны.

Мимоходом замечу здесь еще кое-что против Энгельса. Вы оба находите, что и Зикинген обрисован все-таки слишком абстрактно. Об этом, как обо всех сторонах формального выполнения, я не позволю себе спорить. Это вам, как непредубежденным читателям, конечно, виднее, чем автору. Я спорю только о вопросах, относящихся к *содержанию*. Но когда Энгельс совершенно справедливо замечает: «Личность характеризуется не только тем, что она делает, но и тем, как она это делает», то я позволю себе заметить, что, согласно сказанному, все три лица представляются мне весьма определенно охарактеризованным в том отношении, как они хотят достигнуть общей цели.

Далее ты говоришь: «Зикинген погиб потому, что восстал против существующего, или, вернее, против новой формы существующего, как *рыцарь* и как *представитель гибнущего класса*». Поскольку этим утверждается лишь то, что он погиб именно потому, что бессознательно и непродуманно был связан с условиями существования этого класса и поэтому не мог добиться решительного выявления противоречий, — постольку это совпадает

с вышесказанным: он погиб потому, что восстал как рыцарь против одной формы существующего, что и было, как я уже заметил, полностью принято мною во внимание и даже сделано *центральной идеей* пьесы. Поскольку же твое утверждение идет дальше, то изобразить Зикингена *таким* я не считал возможным. Со стороны его *сознания* я приписал ему, наоборот, самые революционные цели и изобразил его человеком, способным подняться и до всех дальнейших революционных выводов, к которым его мог бы привести практический успех революции, если бы он победил и продолжал жить.

Ведь я наделил его даже способностью — правда, лишь в момент апофеоза, правда, когда это уже слишком поздно, — совлечь с себя и отбросить прочь все рыцарское.

Что я *имел право* приписать ему такую революционную позицию, вытекает из следующего: он стоит в начале революции, он занимает хотя бы в одном направлении революционную позицию. Последняя является, таким образом, неким весьма двусмысленным «в себе», которое, если движение продолжится и толкнет его к дальнейшим выводам, может развиваться как в том смысле, что он эти выводы сделает, так и в том, что он выступит против них с реакционной враждебностью. И счет его *класса* нельзя, конечно, усомниться ни на одно мгновение, что он занял бы эту последнюю позицию. И я готов также согласиться с тобой, хотя и можно было бы кое-что возразить на это, что *исторически определенный* индивид Зикинген вел бы себя как классовый индивид и взял бы именно это направление. Но *абсолютной необходимости* для любого индивида в этом *нет*. Индивид может все-таки целиком подняться над своим классом, в особенности когда он получил идеологическое образование, — а он получил его отчасти благодаря своему alter ego¹ Гуттену, отчасти же и в достаточной мере благодаря самому себе; сам Гуттен говорит о нем, что он настолько eruditus², насколько это вообще возможно sine litteris [без знания греческого и латинского языков]. Так, Сен-Жюст был маркизом, Сен-Симон — пэром Франции, а более близкий к той эпохе Ян Жижка был тоже рыцарем и дворянином. В жизни Зикингена мы имеем, кстати, то в высшей степени удобное для драматического поэта обстоятельство, что он погибает в самом же *начале* движения, что он не пережил ни одной действительной ситуации, которая поставила бы его перед указанной альтернативой, что поэтому нет ни одного совершенного им *факта*, дающего возможность судить, как он отнесся бы к дальнейшему развитию движения: все его бумаги и более или менее выработанные планы погибли при пожаре Эбернбурга, так что все известное относительно последних не выходит из круга все того же первоначального революционного «в себе» и поэтому производит очень благоприятное впечатление (не говорю уже о том, что имеется много весьма любопытных, хотя прямо и не решающих симптомов и в пользу его возможного дальнейшего развития). Я имел, таким образом, право представить его так, как будто его личный гений мог в случае надобности подняться до всех революционных выводов, именно потому, что он *фактически* не дождал до противоположной эволюции, и, следовательно, это можно было представить в достаточно приемлемой и правдоподобной форме, с достижением полной *эстетической иллюзии*, не нарушаемой никакими фактами из области народного сознания или истории. Но раз я имел на это *право*, то ясно само собой, что я и очень много *выигрываю* от этого. Действительно, как мог бы я возбудить интерес к личности, как мог бы сам заинтересоваться личностью, преследующей *сознательно реакционные дворянские цели*, являющейся сознательным представителем этого класса — не только против

¹ — второму я. Ред.

² — учен. Ред.

князей, но и против народа? Но тем более потрясающим и тем более революционным одновременно должно было стать впечатление, когда я одарил его всевозможными революционными добродетелями, частью действительными, частью внутренне для него возможными, и когда он тем не менее погибает у меня оттого, что он не вытравил из своей природы одну последнюю преграду, произвольный продукт его классового положения, еще отделяющую его от законченного революционера.

Если поэтому ты говоришь, что Зикинген должен погибнуть у меня оттого, что он был революционером лишь «в своем воображении», то так оно и есть в моей трагедии, ибо если от вполне законченного революционера его отделяет хотя бы только одна единственная преграда, значит, он и остается революционером лишь «в воображении». Одна преграда или сто преград — это безразлично: несоединимым останется несоединимым. Но сверх этой одной преграды я не хотел и не мог, при поставленной мною цели, создавать еще другие.

Ты думаешь, что Зикинген отличается от Гетца только тем, что он воображал себя революционером и что если отнять у Зикингена образование, врожденные задатки и т. д., то получится Гетц. Против этого я должен выдвинуть два обстоятельства:

1) Хотя это в сущности совершенно безразлично для моей драмы, — ты тут решительно ошибаешься и насчет исторического Зикингена. Я целиком подписываюсь под твоей характеристикой Гётца как «жалкого субъекта», и лишь отсутствием исторического чутья у Гёте я всегда объяснял себе то, что он мог сделать героем трагедии этого совершенно ретроградного молодца. С твоей похвалой по адресу Гёте я не могу поэтому согласиться, ибо ведь Гёте желает сосредоточить на нем положительный интерес.

Но совсем иначе обстоит дело с Зикингеном. Исторический Зикинген не совпадает, конечно, целиком с Зикингеном моей трагедии, несколько, — но еще менее совпадает он с тем Зикингеном, какого ты себе представляешь. В этом ты можешь мне пока поверить на слово, так как я подробнее знаю его биографию. При случае я мог бы представить доказательства в пользу моего утверждения. Существует множество указаний на то, что Зикинген мог бы даже пойти вместе с крестьянами. Таковы: «Новый Карстганс»*, в котором Гуттен в диалоге с одним крестьянином называет его крестьянским вождем; опасение князей, что он поднимет «восстание с простолюдном»; имя «Жижка», которым он любил сам себя называть и т. д. При всем том я согласен, что можно сомневаться, пошел ли бы он действительно вместе с крестьянами, и во всяком случае, как далеко он пошел бы вместе с ними. Но когда ты говоришь, что за его словами коварно скрываются мечты «о старом кулачном праве», то ты ошибаешься. Эту стадию он давно перерос; об этом свидетельствуют самые несомненные данные. С городами он пошел бы наверно, и он всячески добивался того, чтобы стать их вождем. Когда ты говоришь, что не будь он таким, каким ты себе его представляешь, он должен был бы апеллировать непосредственно к городам (и крестьянам), т. е. «к тем классам, развитие которых равносильно отрицанию рыцарства», то я возражаю, что он и в самом деле беспрестанно апеллировал к городам, даже еще до восстания, и что усерднее всего он добивался именно союза с городами в Страсбурге, Бамберге и т. д. В промежуток времени между трирским походом и осадой его замка он прямо засыпал города посланиями, созывал съезды городов или посылал к ним своих гонцов, обращался даже к своим старым врагам из Вормса и т. д. Города подвели его.

В речи, которую он произносит у меня в третьем акте перед жителями города Ландау, он в вопросе о городах вполне верен тому повороту, который позднее произошел в его политике.

Накопец, 2) — и это главный пункт — если бы ты был даже вполне прав относительно *исторического* Зикингена, ты все же не прав по отношению к *моему* Зикингену. Разве поэт не вправе идеализировать своего героя, наделять его более совершенным сознанием? Разве Валленштейн Шиллера историчен? Разве Ахилл Гомера — действительный Ахилл? Энгельс прямо признает это. Он говорит: «Но я отнюдь не хочу оспаривать у Вас права рассматривать Зикингена и Гуттена как деятелей, поставивших себе целью освобождение крестьян».

Раз я уже заговорил о праве поэта идеализировать свои исторические персонажи, то укажу тут же *обе границы*, в которых ему дозволено пользоваться этим правом: 1) он не смеет приписывать своему герою таких взглядов, которые выходят за горизонт *всей той эпохи*, в которой он жил. В противном случае он будет неисторичен и тенденциозен в худшем смысле этого слова. Но все то, что в *эту эпоху* так или иначе думали, говорили или представляли себе наиболее свободные и передовые умы, все это он может сконцентрировать, как в фокусе, в личности своего героя. И действительно, я не вложил в уста Зикингена или Гуттена ни одного воззрения, ни одного слова, про которое нельзя было бы доказать, что так думали или говорили в ту эпоху. 2) Но и этому праву поэта концентрировать все духовные лучи эпохи в личности своего героя, как в фокусе, наделять его *наивысшим* сознанием, какое только было *возможно* в ту эпоху (хотя бы он в действительности и не обладал им), поставлена вышеуказанная граница: необходимо, чтобы герой *не вступил в противоречие с этими воззрениями* на каком-либо этапе своего *фактического развития*. Необходимо, другими словами, чтобы он шел в ногу с развитием событий или же чтобы он вовсе не пережил это развитие, чтобы он погиб *в самом начале*, когда ситуация еще была двусмысленна. При несоблюдении этой границы поэт пойдет прямо против истории, допустит неправду и уже не сможет дать ничего правдоподобного и захватывающего, им будут нарушены все законы *эстетической иллюзии*. Поясню мой взгляд на одном примере. Так как Лютер дожил до крестьянских войн и выступил *против них*, то было бы невозможно и бессмысленно отвести ему в трагедии противоположную роль, роль защитника крестьянского дела; но если бы Лютер умер, подобно Зикингену, до крестьянских войн и до споров с Мюнцером, то было бы, пожалуй, возможно — хотя я не хочу сказать здесь ничего определенного об этом конкретном случае и привожу его только как пример — изобразить его в какой-нибудь драме так, как будто он взял на себя защиту крестьянского дела. Ибо если многое в его точке зрения должно было поставить и действительно поставило его во враждебное отношение к крестьянству, то было в его точке зрения и много других моментов (как фактически на него сначала и возлагали *надежды* в этом отношении). Значит, здесь был налицо неразрешенный конфликт разноречивых моментов, *а где положение таково, там свободна если и не историческая критика, то во всяком случае творческая фантазия*. Это ты, по-моему, упускаешь из виду. Так, например, в упомянутом случае Лютеру можно было бы отвести такую роль, как если бы он был способен к тому развитию, какое фактически породил из себя и переживал некоторое время протестантизм в лице английского индепендента.

Итак, ясно, что большинство твоих возражений касается лишь *исторического*, а не *моего* Зикингена. Мой Зикинген вовсе не мог бы пасть жертвой *реакционных* целей, потому что я и не наделил его ими, а только поставил его перед реакционной *преградой*, каковой является его не подходящая до революционного взрыва, определяемая его классовым положением *натура*.

Если признать мое право на это, которое я постарался обосновать в предыдущем и которое Энгельс признает и сам, то все остальное в драме

развивается, как мне кажется, в высшей степени последовательно. Но есть еще один упрек, который мне здесь делает Энгельс. Он согласен, что я мог приписать Зикингену и Гуттену намерение освободить крестьян. «Однако тут и получается, — говорит он, — то трагическое противоречие, что оба они стояли между дворянством, бывшим решительно *против* этого, с одной стороны, и крестьянами — с другой. В этом заключалась, по-моему, трагическая коллизия между исторически-необходимым требованием и практической невозможностью его осуществления». Короче говоря, он думает, что Зикинген должен был бы погибнуть у меня из-за нежелания его партии, дворянства, следовать за ним в его революционных планах, из-за возникшего отсюда разлада и т. д. Энгельс высказывает тут вполне верный взгляд, что я мог поднять *личность* Зикингена, но не его *класс*, над классовыми целями. Вызванный этим конфликт и должен был бы стать мотивом гибели моего героя. Но при всей пронизательности этого упрека он все-таки несостоятелен: 1) прежде всего замечу мимоходом, что я считаю даже невероятным, чтобы Зикинген, если бы он решился апеллировать к крестьянству, пал жертвой этого своего выступления. Если бы он только подчинил себе дворянство и крестьян, то с помощью последних он уже совладал бы и с первыми, тем более, что крестьяне являлись более сильным элементом. Для этого он был самый подходящий человек. Обречь его на такую гибель значило бы с моей стороны признать за дворянской партией силу и значение, которых она уже не имела. Кроме того, как бы ревностно и горячо ни было ему предано дворянство, без крестьян и городов он все равно должен был бы погибнуть. Истинную причину его гибели надо, значит, искать в чем-то другом, а не в сопротивлении дворянской партии. И, наконец, союз крестьян с дворянством тоже был вполне мыслим, о чем скажу ниже. Но 2) такого отказа со стороны дворянства следовать за ним в его планах освобождения крестьян и вызванных этим трений и ухода от него фактически вовсе не было. Все это вполне могло бы случиться, если бы Зикинген продолжал жить, заключил бы союз с крестьянами и т. д. Но на самом деле этого не было. А изменять в области истории такие реальные события я считаю прямо *непозволительным*. Зато внутренние цели, которые могли и не обнаружиться явно ни в каких фактах, я считаю вполне дозволенным — покуда, продолжается двусмысленная ситуация — вложить кому-нибудь в душу, так как в ней никто читать не может. Но сочинять такие реальные события, как раздоры, распри со своей партией, конфликты и споры с другими дворянами по поводу его тенденций в крестьянском вопросе — а такие осязательные факты пришлось бы внести в историю от себя, потому что ничего подобного фактически не случилось, — это, по-моему, *непозволительно*. 3) Наконец, и это главное, выбранный мною конфликт, несомненно, гораздо *глубже, трагичнее и революционнее*, чем тот, который мне рекомендует Энгельс. Он глубже и трагичнее уже потому, что мой конфликт *имманентен* самому Зикингену, между тем как энгельсовский конфликт имел бы место лишь *между ним и его партией*. Куда девалась бы тогда *собственная трагическая вина* Зикингена? Он погиб бы, внутренне совершенно оправданный и безупречный, исключительно из-за эгоизма дворянского класса, — страшное, но в сущности совершенно *не трагическое* зрелище.

Но именно потому, что вина Зикингена имманентна у меня ему самому, конфликт становится гораздо *более революционным*. Ведь нет никакой специфической или очень глубокой революционной «морали» в том, что можно погибнуть, когда идешь *далее* своей партии и поэтому уже не имеешь ее за собой. У меня наоборот: Зикинген погибает оттого, что *идет недостаточно далеко*. И я нахожу в высшей степени революционную «мораль» в обнаружении того, что, как бы *революционен* ни был кто-нибудь по своему *содержа-*

нию, какими бы материальными средствами и т. д. он при этом ни располагал, он все-таки должен погибнуть, если вступит в какой бы то ни было компромисс с существующим, хотя бы даже то была сделка только в отношении чисто формальных моментов его действий и хотя бы он именно благодаря этой сделке в области формы приобрел как угодно много благоприятных условий и реальных выгод. Энгельс, правда, говорит: «Упуская этот момент (его конфликт), Вы умаляете трагический конфликт, сводя дело к тому, что Зикинген вместо того, чтобы сразу вступить в борьбу с императором и империей, начинает борьбу только с одним князем (хотя Вы и здесь с должным тактом вводите крестьян) и гибнет просто из-за равнодушия и трусости дворянства».

Мне и в голову не приходило заставить Зикингена погибнуть из-за равнодушия и трусости дворянства. Бальтазар в пятом акте излагает перед Зикингеном совершенно иные причины его гибели и упоминает о нерешительной позиции дворянства только в таких выражениях: «пока напуганное первой неудачей дворянство робко отступает вспять» и т. д., — напоминает о ней только как об одной из наименее важных причин временного затруднения Зикингена. Ясно также, что, даже преодолев его, Зикинген все-таки не мог бы победить без крестьян, почему Бальтазар и указывает на них, как на единственных победоносных носителей движения. Даже о городах он упоминает при этом только вскользь.

Критика Бальтазара основывается не только на этом временном затруднении в Ландштуле. Ведь уже в третьем акте, а затем, возвращаясь к этому вопросу и развивая его подробнее в пятом, он порицает поход Зикингена на Трир, где дворянство было еще целиком и горячо предано ему. (Бальтазар говорит в третьем акте: «Будь я с вами, я дал бы вам, ей-ей, другой совет, не столь же умный и все-таки, быть может, поумнее»; и в пятом акте он только разъясняет, в чем заключался бы этот совет.) Таким образом, Бальтазар объясняет катастрофу не трусостью дворянства, этой отрицательной причиной, проявившейся лишь в Ландштуле*, а тем, что Зикинген не решился на положительное выступление совсем иного рода.

Точно так же и крестьяне выведены на сцену вовсе не между прочим, как это думает Энгельс, а объявлены Бальтазаром главной осью всего, единственным «символом победы», и, как я еще покажу ниже, все строится на них.

Когда Энгельс говорит, что Зикинген погибает у меня оттого, что он вступил в борьбу лишь с одним князем, а не сразу же с императором и имперскими чинами, то в такой форме это соображение совершенно парадоксально и даже непонятно. Ведь, вообще говоря, легче справиться с одним князем, чем со всеми князьями и с императором в придачу. Необходимо поэтому выразить это в положительной форме и сказать: Зикинген погибает оттого — и на это и указывает ему Бальтазар с беспощадной ясностью как на причину его гибели, — что он не ринулся со всего размаха в самое сердце революции, что он не апеллировал, сжигая за собой все корабли и мосты, к низшему и самому крайнему революционному слою и не развязал таким образом все революционные силы народа, что он не доверился в безумном идеалистическом порыве, пренебрегая всеми реалистическими сомнениями и умствованиями, одному лишь могучему напору революционной идеи и ее наивысшему напряжению.

Но в таком случае апатия дворянства и не является уже причиной его гибели. Выраженный в такой форме конфликт не сводится уже к «более мелким размерам», но вырастает в глубочайшую и вечную коллизию революционной идеи с самой собой и в то же время влагается в самого Зикингена как еще действующий в нем и поэтому обуславливающий его вину момент.

Но Энгельс не написал бы, конечно, этих фраз, если бы прочел мое первое письмо и усмотрел бы из него всю трагическую идею моей драмы. Ибо эта идея, как она изложена у меня в письме, действительно проведена и в самой пьесе, этого, я думаю, он точно так же не станет оспаривать, как не оспариваешь ты, да это, впрочем, доказывает весь пятый акт.

Перехожу, наконец, к последним, но вместе с тем наиболее важным для меня возражениям, потому что ими затрагивается интерес партии, который я считаю весьма правомерным. Вы оба сходитесь на том упреке, что я «слишком отодвинул на задний план» крестьянское движение, что я «недостаточно выдвинул его вперед». Ты обосновываешь это так: Зикинген и Гуттен должны были бы погибнуть у меня оттого, что они, подобно, например, польскому дворянству, были *революционны* лишь в своем *воображении* (поскольку это верно, это, как я только что показал, высказано в моей драме), на самом же деле защищали *реакционные интересы* (но в *моей драме* они их не защищают, а потому и не могут погибнуть из-за них). «*Дворянские* представители революции, — говоришь ты, — за чьими лозунгами единства и свободы все еще таится мечта о старой империи (recte! — но это относится также, и в такой же мере, к *крестьянам*) и кулачному праву (это неверно даже по отношению к историческому Зикингену в его второй период), не должны были бы *следовательно* (это «следовательно» показывает, что эти слова являются лишь выводом из предыдущего и падают вместе с ним) в такой мере сосредоточивать на себе весь интерес, как это приходится в твоей драме. И, наоборот, представители крестьян (особенно их) и революционных элементов городов должны были бы составить весьма существенный активный фон. Тогда ты мог бы в гораздо большей степени давать высказывать как раз наиболее современные идеи в их самой наивной форме (??!), между тем как сейчас основной идеей остается в сущности кроме *религиозной* свободы национальное *единство*. «Не совершаешь ли ты сам до известной степени, — восклицаешь ты, — подобно твоему Францу фон-Зикингену, дипломатическую ошибку, ставя лютеровско-рыцарскую оппозицию выше плебейско-мюнцеровской?»

О, в высшей степени несправедливый друг! Прежде всего отвечу мимоходом на упрек в том, что я инсценировал апофеоз лютеровско-рыцарской оппозиции! Каким это образом? Я думаю, наоборот, что в моей драме *протестантизму* приходится *гораздо хуже*, чем католицизму. Во втором акте папский легат сводит протестантизм, этот еще недозревший плод, к свободно-человеческому атеистическому *гуманизму* как к его истинной *основе* и конечной цели его развития, как к его действительному *духовному корню*. Гуттен делает то же самое в третьем акте, описывая свою борьбу с Рейхлином. Так обстоит дело с *духовной* стороной протестантизма и его критикой у меня. В *политическом* же отношении уже во втором акте, в диалоге с императором, и еще более решительно в третьем акте, в своем диалоге с Гуттенем, когда последний требует, чтобы он поднял меч в защиту религиозной свободы, Зикинген доказывает, что протестантизм может только разрушить всякое национальное и политическое бытие, если он не будет взят в руки самим *императором* и превращен в великую национальную и государственную идею. Он показывает, предрекая заранее ход развития, наступивший в Германии после Вестфальского мира и благодаря ему, что *протестантизм* неизбежно приведет нацию к окончательной *политической смерти и гибели*, что он является могильщиком нашей истории. (В этой мнимой протестантской пьесе нет *ни одной* протестантской фигуры, кроме осмеянного Эколампидуса. Гуттен изображен в *чисто* гуманистических, Зикинген в *чисто* политических тонах.) Так обстоит дело с прославлением *лютеровской* оппозиции.

Что же касается рыцарской оппозиции, то ведь для Зикингена она вообще не существенная цель, а (что вы оба проглядели) лишь средство, которое он хочет *употребить*, лишь движение, которое он хочет использовать, чтобы сделаться императором и затем, выполняя роль, от которой отказывается Карл, преобразовать и осуществить протестантизм как *государственную и национальную* идею. От всякого *другого* осуществления этой идеи, кроме *цельного и обязательного*, проведенного *императором* для всей Германии, от *всякого* частичного ее осуществления Зикинген ожидает, как он это подробно высказывает Карлу и Гуттену, гибели и упадка, и, значит, к *частичной рыцарско-лютеровской оппозиции* это относится в такой же мере, как к княжеско-лютеровской. До какой степени Зикинген не вовлечен у меня сам в дворянское движение, до какой степени он только использует его, чтобы сделаться *императором* с помощью дворян и *без их ведома* и осуществить затем свои великие *государственные планы*, — об этом ведь свидетельствует каждое слово моей драмы. *Никто* из дворян не знает о его стремлениях к императорской короне, только Гуттену он говорит о них. Он зовет дворянство в Ландау* в тот момент, когда собирается идти на Трир для осуществления *своих* целей. *Даже* в Ландау дворяне не узнают, за исключением всего нескольких доверенных лиц, что он собирается идти в Трир. Он *возбуждает* их в Ландау своими речами, заставляет их заключить союз, который по его расчету должен доставить ему Трир и императорскую корону, и эти господа кричат «да», ничего не зная ни о той, ни о другой его цели. Я умышленно не дал им слова и ни разу не вывел их на сцену до того, как Франц созвал их в Ландау. Я хотел изобразить их в виде партии, которую один Франц привел в движение, которой он механически управлял, дергая ее, как марионетку, взад и вперед, которая была им использована, ничего не зная о его тайных целях. До какой степени он властвует над ними, как мало их ценит и с каким превосходством командует ими, видно в четвертом акте, в момент прибытия герцога, и потом ясное всего после штурма, когда постепенно приходят известия о неудачах. Тогда они покидают его, но *не* вследствие сознания различия их внутренних целей, а из простой апатии, трусости, нерешительности; и как *единственный* элемент, достаточно способный и сильный, чтобы быть носителем и проводником стремления Зикингена к императорской короне, изображается *исключительно лишь крестьянство* — в речах Бальтазара, в крестьянской сцене, в согласии Гуттена с крестьянами, в упреках, которые Франц делает самому себе в монологах и сценах пятого акта, наконец в последней сцене между ним и Гуттенем... И то, что Зикинген не обратился с призывом к этому единственно сильному и имеющему будущность элементу, объявляется справедливой причиной его падения.

Так обстоит дело с «прославлением» «рыцарской» и «лютеровско-рыцарской» оппозиции!!!

И ты утверждаешь, что я сам до некоторой степени впал в *дипломатическую ошибку Зикингена*, поставивши лютеровско-рыцарскую оппозицию над плебейско-мюнцеровской.

Обожди, мой друг. Я построю свои основания в полном порядке:

1) Строго говоря, ваши замечания в этом отношении сводятся не к чему иному, как к отведенному уже Платоном и Аристотелем упреку по адресу какой-либо трагедии, что не те или иные отдельные черты в ней плохи или ошибочны, но что это вообще не *другая* трагедия. Ваши упреки сводятся в конечном счете к тому, что я вообще написал «Франца фон-Зикингена», а не «Томаса Мюнцера» или какую-нибудь другую трагедию из эпохи крестьянских войн. Но я отнюдь не думаю ограничиться одним только этим ответом.

2) Если бы я написал «Томаса Мюнцера» или какую-нибудь другую крестьянскую трагедию, то даже в том случае, если бы это не было связано со всеми теми затруднениями, к которым я еще вернусь, я все-таки написал бы *только* трагедию *определенной* исторической, законченной и *миновавшей* для нас революции.

Не мог же я вложить в «Томаса Мюнцера» *основную* трагическую идею моей драмы, этот почти при каждой революции повторяющийся вечный конфликт. Каковы бы ни были причины гибели Мюнцера, он ведь во всяком случае погиб не от того, что вел реалистическую дипломатию, а не апеллировал с непримиримым фанатизмом и с закрытыми глазами к *самой крайней революционной позиции* и к ее силе. Такого упрека Мюнцеру уже никак не сделаешь.

Я написал свою трагедию, как я уже сообщал тебе в моем письме, *только для того*, чтобы изобразить эту трагически-революционную основную идею. Следовательно, я не мог выбрать Мюнцера. Ты сам говоришь, что *«вполне одобряешь»* эту трагическую идею, что она и есть та коллизия, от которой погибла также революция 1848 и 1849 гг. Не станешь ты отрицать и того, что для будущей революции та же самая коллизия снова явится опаснейшим подводным камнем, хотя и будем надеяться, что нам тогда удастся благополучно обойти его. Вот это-то *вечно-современное* в этом революционном конфликте и побудило меня написать мою драму. Не какую-нибудь определенную минувшую революцию, как таковую, хотел я изобразить, но глубочайший и *вечно* вновь повторяющийся конфликт революционного действия и его необходимости. Словом, я претендую на то, что написал трагедию формально-революционной идеи *par excellence!* И это ты называешь дипломатией? Дипломатия в том, что я как раз показал *бессилие* даже самой незаметной сделки, относящейся бы, казалось бы, вовсе даже не к цели, не к существу, а только к выполнению, к форме?

3) Наконец, и крестьянские войны не таковы по своей природе, какими вы их, по-видимому, считаете. Они наоборот а) *не революционны*; б) и в *конечном счете* даже в высшей мере *реакционны*, ничуть не менее реакционны, чем *исторический* (не мой) Зикинген и историческая дворянская партия.

а) Не революционны. Ведь крестьяне требовали от дворян лишь уничтожения *злоупотреблений*, а не уничтожения *самых порядков*. Чем тщательнее изучаешь крестьянские войны, тем яснее видишь это; и это не удивительно. Идея прав субъекта, как такового, выходит за пределы всей той *эпохи*, внести ее туда — значило бы поступить неисторично в худшем смысле этого слова. Но на основе движения, поднявшегося только для устранения *злоупотреблений*, а не на почве свободного правового принципа, можно было бы написать трагедию *человечности*, но не трагедию сознательного принципа. Указанный характер крестьянского движения проходит через все это движение и видоизменяется у Т. Мюнцера, проповедников и т. д., — словом, там, где присоединяется элемент *религиозного фанатизма*. Но работать над материалом *религиозного фанатизма* и относиться к нему положительно я не в силах совершенно. Тут уже мне милей любой, даже менее радикальный по своим лозунгам свободно-человеческий пафос. Идеалистическое образование, которое я мог приписать Гуттену и Зикингену, сделал из него все выводы, казалось мне гораздо более удобным и по крайней мере не обоюдоострым материалом. Ибо единственное условие, при котором можно было бы согласиться написать драму «Мюнцер», — намерение показать, что движение Мюнцера гибнет как раз из-за своего *религиозного* характера, — это условие невыполнимо ни по существу, ни исторически.

б) И наконец меня *удивляет*, как могли вы не заметить, что крестьян-

ская агитация в последнем счете была насквозь реакционна, столь же реакционна, как и историческая дворянская партия. Дело в следующем: крестьяне хотели искоренить из имперского сейма всех князей лишь как промежуточную власть. Они хотели, чтобы в нем было представлено только дворянское землевладение наравне с крестьянским (князья должны быть представлены не как таковые, а лишь поскольку они являются вместе с тем дворянами-землевладельцами). Другими словами: определяющим политическим моментом является для них еще не субъект — это выходило за пределы той эпохи, — а частное землевладение. Оно одно считается правоспособным. На основе свободного личного землевладения предполагалось создать государство землевладельцев с императором во главе. Это была, следовательно, все та же старая, отжившая идея германской империи, которая и потерпела крушение. Именно благодаря этой архиреакционной идее крестьян их союз с дворянством был бы еще вполне возможен. В своей политической позиции дворянство не только ничего не теряло от крестьянских планов, но даже выигрывало. А то, что оно теряло в своих доходах с крестьян от ограничения злоупотреблений, компенсировалось уничтожением ленных прав князей по отношению к дворянам. Отсюда тот факт, что многие дворяне и графы — и не все предательски или во всяком случае не сразу же предательски и вынужденно — сближались с крестьянским движением.

Эта-то архиреакционная идея служит в равной мере фундаментом для исторического Зикингена, для исторической дворянской партии и для крестьянского движения и общей исторически-оправданной и необходимой причиной гибели всех трех. Ибо в противоположность этой идее, которая основывает общественное право на частной земельной собственности и в ней одной усматривает источник всякой политической правоспособности, князья с их господством над не составлявшей их частную собственность и не полученной ими в лен земель были представителями впервые зарождавшегося политического, независимого от частного землевладения государственного принципа.

Отсюда победа князей как над дворянством, так и над крестьянами, и в этом же причина того, что города не должны были погибнуть.

Итак, с точки зрения неумолчивой исторической критики крестьянские движения того времени столь же реакционны, как и дворянская партия. Это одна и та же идея. Если бы я писал критико-исторический трактат, я показал бы, что именно в этом причина гибели и дворянства, и крестьян. Но в художественном произведении, не говоря уже о трудности изложения таких мыслей в эстетической форме, это не могло бы возбудить особенного интереса к крестьянскому делу, а только весьма ослабило бы обычный интерес к нему. Таким образом, крестьянские войны и т. д., использовать ли их в вашем или моем смысле, должны оставаться в некотором полумраке, к ним нельзя подходить слишком близко. И я боюсь, что еще одно обстоятельство должно сделать драму на сюжет крестьянских войн почти отталкивающим зрелищем. Я не говорю уже о той большой трудности, что здесь нет объединяющей индивидуальности. С этим еще можно было бы справиться. Но дело в том, что внешней причиной неудачи крестьянских войн было полнейшее равнодушие, с каким каждая кучка крестьян относилась к другой, их эгоизм, обособленность, беспримерная ограниченность.

Сущность немецкого мещанства можно изучать на крестьянских войнах в большом масштабе. Каждая кучка крестьян думает только о себе, и как только она сожжет замки в своем округе, ей уже абсолютно безразлично, что творится с крестьянами соседнего округа. Изображение этого самого скверного и узколобого эгоизма, этого полнейшего отсутствия всякого

общественного чувства уже никак не могло бы стать особенно величественным!

Что же я сделал для изображения крестьянского движения при таком его нереволюционном и даже прямо пассивно-реакционном характере и заслужил ли я упрек в том, что не обратил на него достаточно внимания?

Чтобы хотя бы только ввести это движение в мою пьесу, я смело допускал всяческие анахронизмы. У меня крестьяне восстанут или готовы к восстанию на полтора года раньше, чем это было фактически, я воскресил Йосса Фритца, который умер или исчез за восемь лет до того; у меня Гуттен, вовсе не вернувшийся из Цюриха, приезжает в Германию, чтобы принять их предложение; крестьяне берут на себя в моей трагедии инициативу и предлагают Зикингену союз и восстание, — всего этого не было в действительности. Уже на одном этом основании я как будто мог считать, что сделал почти невозможное.

Но не то еще получится, если я спрошу, какую роль отвел я крестьянству по отношению к целому. С самого же начала все в драме рассчитано на крестьян. С самого начала слышны намеки на них, сперва нарочно в очень слабых, потом постепенно во все более усиливающихся тонах, пока наконец могучие аккорды и оглушительный барабанный бой не возвещают о них, как о мессии, от которого одного только можно было ждать спасения и которого следовало призвать на помощь.

Первое упоминание о них происходит во втором акте, в диалоге с Карлом, который показывает Францу объявление о крестьянском восстании и восклицает:

Как? Неужель мои дворяне могут
Забиться до того, чтоб с мужиком
Восстать против законного порядка, и т. д.

Так как ответ Франца перебивается императором, то зритель все еще остается пока в полном неведении. Далее, в третьем акте, Гуттен обращает внимание зрителя на крестьян и на свое отношение к ним:

На твой призыв крестьянская дружина
Вооружится в миг для новых битв.
Везде кругом насилие и гнет
Воспламеняют ненависть к дворянству,
Лишь ты один, и т. д.

Затем в Ландау Зикинген в своей речи все больше и больше обращает внимание дворянства на крестьян. Он говорит дворянству, что крестьянин ненавидит князей, а не их, не дворян (почему, я только что выяснил), упоминает о том, что крестьянин уже восстал однажды во время мятежа «бедного Конрада» против того же самого князя, против которого вслед за тем должно было выступить и дворянство, и что уже в этом сказывается общность их судьбы. Более того: он открыто указывает на крестьянство, как на ту силу, которая в свое время будет развязана и решит судьбу страны:

Когда по всей стране
Промчится фурия войны кровавой
И все расколется на два вражьих стана,
Тогда крестьянин мощною рукою,
Развязанной в последнюю минуту,
Решит исход чудовищной игры,
Решит судьбу Германии. *Об этом
Подумайте!*

В четвертом акте — в Трире — появляется городской элемент. В пятом акте, наконец, раздаются мощные аккорды Бальтазара, который со всей силой ударяет по этой струне:

Страдает население, и т. д.

В крестьянстве бродит, и т. д.

На ваш призыв к крестьянам сотни тысяч
 Поднимутся с оружием в руках.
 Лишь вымолвите слово, и страна
 Вам станет войском, вы стране — вождем!

И не успел Бальтазар убедить его, как в следующей сцене перед зрителем восстает в живом и развернутом виде то, о чем прежде только возмущалось. Это только одна сцена, но в эту сцену я вложил всю силу пластики, какая только у меня есть, причем охотно признаю, что у меня ее не так уже много. И, может быть, потому, что эта сцена единственная, она должна тем сильнее выделяться и производить тем большее впечатление.

Если до сих пор о крестьянстве говорилось лишь как об элементе, который еще только должны поднять официальные вожди движения, как о подходящем материале, оживить который может лишь инициатива этих вождей, — то теперь эта иллюзия сразу исчезает. Крестьяне выступают как внутренне-организованная и готовая к бою сила, твердо сплоченная и способная ударить на врага. Теперь оказывается, что, тогда как везде были только планы, колебания и половинчатость, здесь, и только здесь, была действительность и сила. Предоставленное исключительно самому себе, совершенно оторванное от всех официальных элементов движения, действуя исключительно от себя и в себе, крестьянское движение стоит во всеоружии, в любой момент готовое к удару. набросанная Йоссом Фритцем картина крестьянской войны с изображением ее могущественных ресурсов должна произвести огромное впечатление уверенной в себе силы, как в ней и действительно предвосхищена и заранее показана одна из самых великих сторон крестьянской войны. Не от Франца исходит призыв к крестьянам, а от крестьян — призыв к нему, от них исходит инициатива движения. И тотчас же все меняется. Гуттен увлечен, дает согласие на все и не только принимает предложение — что в данный момент психологически весьма понятно, ибо, как бы он ни отнесся к предложению крестьян в другое время, в том отчаянном положении, в котором Франц оказался теперь, ни Гуттен, ни Франц не могли от него отказать, — но мало того: Гуттен даже становится из вождя ведомым, духовное руководство переходит от него к Йоссу Фритцу. Словом, эта сцена должна произвести самое сильное и благоприятное для крестьян впечатление, и отчасти именно потому, что она появляется сразу, без всякой подготовки, что мы внезапно видим здесь совершившимся то, возникновение чего было от нас сокрыто. Предсказания Бальтазара не только осуществляются в этой сцене, но оказываются превзойденными действительностью в тысячу раз. Далее идут те сцены, в которых Франц, все настойчивей и все глубже упрекающий себя в том, что он не сразу же апеллировал к революции, как таковой, к крестьянину, решается на отчаянный искупительный подвиг. Его слова: «Иду, Германия!» исчерпывающе разъясняются в сцене с Бальтазаром и в сцене между крестьянами и Гуттеном в том смысле, что эта Германия есть не какая-нибудь другая, а именно крестьянская Германия. Он хочет пробиться вперед, хочет броситься без оглядки в объятия крестьянства, делать с ним общее дело и получить от него ту силу,

которую он искал повсюду, только не у крестьян, и повсюду, несмотря на всю вероятность успеха, совершенно тщетно. Но его попытка срывается, и еще раз в разговоре Гуттена с Францем крестьянское восстание изображается как осуществление и завершение всего, как такой момент, который ставит вверх ногами все положение; в кратких чертах изображаются его огромное могущество, сила его размаха, безусловная достоверность победы в союзе с ним:

Пора! За меч хватается крестьянин,
Зовет тебя в вожди. Я здесь стою
Его посланником. Скажи лишь слово,
И сотни тысяч встанут, как один, и т. д.

Это национальное движение описывается как «великий поток», в котором княжеские войска захлебываются подобно «нескольким утопающим в открытом море». Но уже слишком поздно, Франц умирает. Гуттен убит горем. Но он еще раз показывает в перспективе судьбу крестьянской войны. Дворянство и города трусливо и малодушно отступают.

Один крестьянин верен славной цели;
За меч берется он — по без друзей
Ему не сдобровать, в кровавой бойне
Он будет уничтожен и покроет
Родную землю грудой страшных трупов.

.....
И в черном мраке наступившей ночи
Затмится будущность родной страны.

Таким образом, все симпатии сосредоточиваются в конце концов на крестьянском восстании, и его неудача изображается как несчастье Германии и как несчастье, в котором сами крестьяне *не повинны*, как следствие их изолированности, вызванной тем, что только *они одни* были способны действовать. Франц и Гуттен погибают оттого, что они не апеллировали вовремя к крестьянскому восстанию как к единственному законному и победоносному носителю революции, и вся пьеса, все время возвещающая о нем как об *осуществителе и завершителе* данной ситуации и революционного переворота, относится к нему примерно так, как Иоанн к Христу! Но это такой Христос, которого нельзя рассматривать *вблизи* или разве только *в колыбели*, если желаешь сохранить о нем эстетическую иллюзию, как это и было возможно именно при моем способе изображения, при котором все сочувствие, вся правда, вся любовь сосредоточиваются на крестьянском восстании.

Поэтому, мой дорогой друг, я считаю в высшей степени несправедливым твое замечание, будто я отвел слишком мало места крестьянскому восстанию и из «дипломатических» соображений поставил рыцарско-лютеровскую оппозицию выше «плебейско-мюнцеровской»; это было у тебя, надеюсь, лишь мимолетным впечатлением. Хотя я отлично знаю, что вы — люди, критику которых нельзя объяснять лишь впечатлениями, вынесенными из моей пьесы, но я все же не считаю вполне исключительным, что как раз моя трагедия, сосредоточивая все значение и все сочувствие на мессии крестьянского восстания, этим-то своим отношением к нему и вызвала в вас

такое чувство, будто для его прославления сделано все-таки слишком мало. (Все другие «Францы фон-Зикингены», появившиеся до сих пор, не упоминают даже сколько ни *единым* словом о крестьянском восстании.) И поэтому если бы хоть тысячную долю вашего возражения можно было приписать благоприятному для крестьян впечатлению от моей драмы, то я мог бы поздравить себя и чел бы свою цель достигнутой.

Итак, более благоприятной *идейной* роли, чем какую я отвел крестьянскому восстанию в моей драме в целом, я не мог ему отвести. Если вы думаете, что из этой стихии можно было бы почерпнуть еще много благодарных сцен для драматического *оживления* трагедии, то это другое дело, и тут я вполне согласен с вами. Но от этого идейное положение крестьянства в составе целого нисколько бы не изменилось. С другой стороны, драма уже и так чрезмерно длинна. Какие-то границы надо было ей поставить. Я собирался написать пролог, в котором должны были выступать ландскнехты, крестьяне, нищие, начальники отрядов. Но так как трагедия и так уже несуразно длинна, то я отказался от этого. Иначе мне пришлось бы выпустить некоторые уже написанные сцены, а я не мог найти ни одной лишней. К тому же, прибавивши такой пролог, я ослабил бы, пожалуй, впечатление, производимое крестьянской сценой в пятом акте. Всякая предыдущая крестьянская сцена служила бы для нее *посредствующим* звеном, а между тем именно в ее *неопосредствованной внезапности* и заключается, как мне кажется, один из главных моментов производимого ею трагического впечатления.

Но довольно об этом! Простите мне мое многословие. Ни разу еще я не написал письма столь же скучного, растянутого, настолько лишнего всякого стиля и всякой четкости. Это произошло оттого, что меня все время прерывали на каждой фразе, и моя голова занята другим. Но все-таки главное сказано, и мысль, хоть и растянуто, но выражена.

Впрочем, вы не будете удивляться этому длинному посланию. Ведь вы — единственные люди, похвалы и порицания которых серьезно меня затрагивают. Если вы напишете мне, что я убедил вас в том или ином пункте, это будет для меня истинной радостью. Но я отнюдь не *требую* ответа, потому что не хочу мучить вас своей драмой больше, чем это необходимо, и думаю, что с вас достаточно того, что придется прочесть это послание¹.

.....

Ты, Маркс, еще не ответил мне на мое последнее письмо. В скором времени выйдет твоя книга, которую я жду со жгучим нетерпением.

Прощайте.

Ваш Лассаль.

Ferdinand Lassalle. Nachgelassene Briefe und Schriften.

Hrsgb. von G. Mayer. Bd. III. Der Briefwechsel zwischen Lassalle und Marx. Stuttgart und Berlin. 1922.

Русский перевод писем Лассалья — «Литературное наследство», т. III.

¹ Заключительная часть письма Лассалья не имеет отношения к трагедии «Франц фон Зикинген». *Примеч. составителя.*

6

ИЗ ПИСЬМА К. МАРКСА Ф. ЭНГЕЛЬСУ

Лондон, 10 июня 1859 г.

Дорогой Фридрих!

Сегодня получил две рукописи. Одну *превосходную*, это — твою о fortification^{1*}, причем испытал прямо угрызения совести, что так отнимаю твое и без того скудное время. Другую — *смешную*, а именно возражение Лассаля мне и тебе по поводу его Зикингена. Целый лес густо исписанных страниц. Непонятно, как в такое время года и при таких мировых событиях человек не только сам находит время писать нечто подобное, но еще думает, что и у нас найдется время прочесть это.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 10 июня
1859 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 419.

¹ — фортификации. Ред.

ТРАГИЧЕСКОЕ И КОМИЧЕСКОЕ В РЕАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

1

Борьба против немецкой политической действительности есть борьба с прошлым современных народов, а отголоски этого прошлого все еще продолжают тяготеть над этими народами. Для них поучительно видеть, как *ancien régime**, переживший у них свою *трагедию*, разыгрывает свою *комедию* в лице немецкого выходца с того света. *Трагической* была история старого порядка, пока он был существующей испокон веку властью мира, свобода же, напротив, была идеей, осенявшей отдельных лиц, — другими словами, пока старый порядок сам верил, и должен был верить, в свою правомерность. Покуда *ancien régime*, как существующий миропорядок, боролся с миром, еще только нарождающимся, на стороне этого *ancien régime* стояло не личное, а всемирно-историческое заблуждение. Потому его гибель и была трагической.

Напротив, современный немецкий режим, — этот анахронизм, это вопиющее противоречие общепризнанным аксиомам, это выставленное напоказ всему миру ничтожество *ancien régime*, — только лишь воображает, что верит в себя, и требует от мира, чтобы и тот воображал это. Если бы он действительно верил в свою собственную *сущность* разве он стал бы прятать ее под *видимость* чужой сущности и искать своего спасения в лицемерии и софизмах? Современный *ancien régime* — скорее лишь *комедиант* такого миропорядка, *действительные герои* которого уже умерли. История действует основательно и проходит через множество фазисов, когда уносит в могилу устаревшую форму жизни. Последний фазис всемирно-исторической формы есть ее *комедия*. Богам Греции, которые были уже раз — в трагической форме — смертельно ранены в «Прикованном Прометее» Эсхила, пришлось еще раз — в комической форме — умереть в «Беседах» Лукиана. Почему таков ход истории? Это нужно

для того, чтобы человечество *весело* расставалось со своим прошлым. Такой *веселой* исторической развязки мы и добиваемся для политических властей Германии.

К. Маркс. К критике гегелевской философии права. Введение. Сочинения, т. 1, стр. 418.

2

Гегель замечает где-то, что все великие всемирно-исторические события и личности, так сказать, появляются дважды. Он забыл прибавить: первый раз как трагедия, второй раз как фарс. Коссидьер вместо Дантона, Луи Блан вместо Робеспьера, Гора 1848—1851 гг. вместо Горы 1789—1795 гг., племянник вместо дяди. И та же карикатура в обстоятельствах, сопровождавших второе издание Восемнадцатого брюмера.

К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. Сочинения, т. VIII, стр. 323.

3

Но, Германия, неблагодарная Германия, хотя тебе и известна «*Kölnische Zeitung*» с ее объявлениями, но ты не знаешь величайших своих мужей, своего *Вольфера*, своего *Брюггемана*, своего *Дюмона*! Сколько потрачено умственных усилий, сколько пролито пота, кровавого пота в *борьбе классов*, в борьбе свободных и рабов, патрициев и плебеев, помещиков и крепостных, капиталистов и рабочих! *Но все это только потому, что еще не существовало «Kölnische Zeitung».* Однако храбрейший триумвират, если современное общество в таком количестве и с такой энергией порождает «*злодеев*», «*каннибалов*», «*убийц*» и «*грабителей*», что их восстание потрясает основы официального общества, то что это за общество! Какая педантично организованная анархия! И ты воображаешь, что кладешь конец раздорам, воображаешь, что возвышаешь и участников и зрителей страшной драмы, низводя их до роли действующих лиц лакейских трагедий Коцебу!

К. Маркс и Ф. Энгельс. «*Kölnische Zeitung*» об июньской революции. Сочинения, т. 5, стр. 146.

4

Ричард Кобден был истинным героем драмы и, как таковой, разделил участь всех настоящих героев — он был трагичен. Но затем пришел мнимый герой, отец обмана, человек эlegant-

ной лжи и придворных обещаний, рупор для всех тех храбрых слов, которые обыкновенно произносят, обращаясь в бегство, — лорд Пальмерстон. Этот опытный и коварный полемист увидел с первого взгляда, что подсудимый может избежать приговора, если отречется от своего адвоката. Он понял, что министерство, которому угрожают со всех сторон, сможет спасти положение, если оно произведет блестящую вылазку против единственного человека, осмелившегося защищать его, и если оно откажется от единственных оснований, которые могли бы послужить извинением для его политики. Нет ничего легче, как найти у Кобдена ряд противоречий. Пальмерстон начал с того, что выразил свое полное согласие с предыдущими ораторами, а кончил тем, что отступил от них в каждом пункте. Он начал с защиты неприкосновенности Турции, а затем сделал все, чтобы доказать, что она не заслуживает никакой защиты. Он, апостол мира, одобрил агрессивную политику России. Россия слаба, но война с Россией означала бы для Англии неминуемое разорение. Правда, Россия представляет собою лишь совокупность деревень; но так как Константинополь красивее Петербурга, то Россия должна получить право владеть обоими. Хотя он и сторонник свободы торговли, но предпочитает русскую покровительственную систему турецкой свободной торговле. Потребляет ли Турция сама ввозимые в нее товары или же она служит только каналом для их транзита в другие части Азии, — разве для Англии безразлично, сохранится ли свободный доступ к ней или нет? Г-н Кобден, горячий защитник принципа невмешательства, хочет теперь парламентскими решениями определить судьбы магометан, греков, славян и других народов Турецкой империи. И тут лорд Пальмерстон стал преувеличивать успехи, достигнутые Турцией, и силы, находящиеся в ее распоряжении. «Правда, Турция не имеет Польши и Черкесии»¹. Но так как Турция, тем не менее, достаточно сильна, то она, по мнению Пальмерстона, естественно, должна позволить России занять некоторые ее провинции. Сильная империя может все выдержать. И лорд Пальмерстон доказал г-ну Ричарду Кобдену, что не было ни одного разумного довода за то, чтобы поступать так, как поступили лорд Пальмерстон и его коллеги. И когда речь старого комедианта была покрыта шумным одобрением, он вернулся на свое место со следующими бесстыдными и противоречивыми словами: «Мне доставляет удовлетворение, что Турция носит в себе самой элементы жизни

¹ В «Трибуне» ошибочно: Сибири. Исправлено по Hansard's Parliamentary Debates. Ред.

и процветания, и я полагаю, что политика правительства ее величества разумна, заслуживает одобрения страны и что следовать ей и впредь является обязанностью всякого английского правительства». (Одобрение.) Пальмерстон был велик в своем «трусливом геройстве», как выражается Шекспир. Он проявил, по выражению Сиднея, «робкую смелость, которая стремится неустрашимо совершить то, о чем она заведомо для себя не знает, как это совершить».

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Турецкий вопрос в нижней палате.
Сочинения, т. IX, стр. 469—470.

5

«Ирония событий» (*irony of events*), о которой говорит один немецкий писатель*, сказывалась не только в прошлом, но она действует и в современной нам истории, и в данный момент бедный лорд Раглан является ее жертвой. Что касается Леруа Сент-Арно, то на него и без того никто не смотрел как на главнокомандующего. Это — старый мошенник высшего ранга, старый приятель воровок и достойный последователь человека, которого «долги, но не долг» заставили принять участие в Булонской экспедиции*. Несмотря на все цензурные запреты, его характер и его прошлое слишком хорошо известны в болтливом Париже. Там очень хорошо знают этого дважды разжалованного лейтенанта, этого капитана, ограбившего в качестве казначея полковую кассу в Африке. Чего бы он ни достиг в Крыму, его самым славным военным подвигом все же навсегда останется его успешная экспедиция с одеялами его квартирной хозяйки в лондонский ломбард, за чем последовало искусное отступление его в Париж. Но бедный Раглан, генерал-адъютант герцога Веллингтона, посевший в теоретических трудах и в тщательных деталях генерального штаба, несомненно, действительно верит аргументам, которыми Сент-Арно объясняет свои действия. И на него падает вся тяжесть ответственности за то, что вся эта кампания была так научно разработана, так искусно проведена, что 10 000 человек, т. е. почти один на семь, умерли прежде, чем они увидели врага, и что все эти искусные операции не привели ни к чему, кроме слишком спешной экспедиции в Крым на исходе самого благоприятного времени года. Да, нет ничего более едкого, чем эта «ирония событий».

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Наступление на Севастополь.
Сочинения, т. X, стр. 171.

6

Такова перспектива, если доведенная до крайности система взаимной конкуренции в военных вооружениях принесет, наконец, свои неизбежные плоды. Вот куда, господа короли и государственные мужи, привела ваша мудрость старую Европу. И если вам ничего больше не остается, как открыть последний великий военный танец, то мы не заплачем (*uns kann es recht sein*). Пусть война даже отбросит, может быть, нас на время на задний план, пусть отнимет у нас некоторые уже завоеванные позиции. Но если вы разнуздаете силы, с которыми вам потом уже не под силу будет справиться, то, как бы там дела ни пошли, в конце трагедии вы будете развалиной, и победа пролетариата будет либо уже завоевана, либо все-ж-таки (*doch*) неизбежна.

Ф. Энгельс. Введение к брошюре Боркгейма «На память урапатриотам 1806—1807 гг.».
Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 304.

7

Форма этой государственной власти опять-таки обусловлена той формой, которую имеют к этому времени общины. Там, где она возникает, — как у арийских азиатских народов и у русских, — в период, когда община обрабатывает землю сообща или, по крайней мере, передает во временное пользование отдельным семьям, где, таким образом, еще не создалась частная собственность на землю, — там государственная власть появляется в форме деспотизма. Напротив, на завоеванной германцами римской территории мы находим, как мы видели, отдельные наделы пахоты и луга уже в качестве аллода, в качестве свободной собственности владельцев, обязанных лишь обычными для марки повинностями. Теперь нам предстоит исследовать, как на основе этого аллода возник тот общественный государственный строй, который — такова обычная ирония истории — в конце концов разлагает государство и в своей классической форме уничтожает всякий аллод.

Ф. Энгельс. Переворот в аграрных отношениях при меровингах и каролингах.
Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 391—392.

8

Весело смотреть, как «Кёльнская газета» проповедует теперь ежедневно, что «il faut passer par la mer rouge»¹, и признается во всех ошибках конституционалистов 1848 г. Но увы, когда в обер-президенты Кобленцу дают Клейст-Ретцова и когда бесстыдная «Kreuzzeitung»^{*} становится все наглее в своих плоских шутках и виршах, что тут может поделаться образованная и законная конституционная оппозиция! Жаль, что мы здесь не получаем «Kreuzzeitung». Я вижу иногда разные выдержки оттуда. Нельзя даже представить себе, в каком низком мальчишеском вонюче-глупо-прусском тоне этот листок нападает теперь на приличные, богатые и респектабельные конституционные «величины». Если бы от таких молодцов, как Беккерат и компания, еще можно было бы ожидать немножечко чувства собственного достоинства и стойкости, они должны были бы предпочесть оскорбления и брань «Père Duchesne»^{*} в извозничьем стиле и весь terreur rouge² тому обращению, которому они теперь ежедневно подвергаются со стороны юнкеров и «Kreuzzeitung».

И молвил далее осел:
 Вот общинный советник фон-Везель.
 Не будь я осликом,
 Я хотел бы быть советником фон-Везель³.

Такими остроумными стихами «Kreuzzeitung» теперь оплевала всех конституционалистских корифеев, и эти молодцы спокойно это терпят. Но они и стоят этого, эти псы, которые лучшие статьи «Новой Рейнской газеты» называли «подлой руганью»; пусть они на своей собственной трусливой спине почувствуют различие обращения. Они будут с тоской вспоминать бесконечно остроумные насмешки «Новой Рейнской газеты».

Ф. Энгельс — К. Марксу 17 июля
 1851 г.
 Сочинения, т. XXI, стр. 223.

9

История Франции вступила в стадию совершеннейшего комизма. Можно ли представить себе что-нибудь более смешное, чем эта пародия на 18 брюмера^{*}, проведенная в мирное время, при помощи недовольных солдат, самым незначительным челове-

¹ — необходимо пройти через Красное море. *Ред.*

² — красный террор. *Ред.*

³ — По-немецки рифмуется Esel (осел) и von Wesel. *Ред.*

ком во всем свете, без всякого сопротивления, поскольку можно судить до настоящего момента. И как ловко все эти старые ослы были захвачены! Самая хитрая лисица во всей Франции — старый Тьер, самый тертый адвокат из всего адвокатского сословия — господин Дюпен попали в западню, которую им расставил самый признанный болван нынешнего столетия, — попали столь же легко, как это воплощение глупой республиканской добродетели — господин Кавеньяк и как жалкий болтун Шангарнье! И, чтобы довершить картину, — охвостье парламента с Одилоном Барро в роли «Леве-фон-Кальбе», и этот самый Одилон требует, чтобы его, ввиду такого нарушения конституции, арестовали, и ни за что не может добиться того, чтоб его потащили в Венсенн! Вся эта история придумана специально для красного Вольфа; он один может отныне писать историю Франции. Был ли когда-нибудь в мире произведен переворот при помощи более вздорных прокламаций, чем этот? И затем этот смешной наполеоновский аппарат, годовщина коронавания и Аустерлица, ссылка на конституцию консульства и т. д. Тот факт, что это могло удаться хотя бы на один день, действительно низводит господ французов до уровня ребячества, не имеющего себе равного.

Великолепен захват великих говорунов «порядка», прямо превосходит захват маленького Тьера и храброго Шангарнье. Великолепно заседание парламентского охвостья в 10-м округе с господином Берье, который до тех пор кричал через окно: «Vive la République» — пока, наконец, весь этот сброд не был захвачен и заперт среди солдат во дворе одной казармы. А затем этот глупый Наполеон, который начинает немедленно укладывать свои вещи, чтобы перебраться в Тюльери. Если бы над этим промучились целый год, не могли бы придумать более великолепной комедии.

А вечером, когда глупый Наполеон, наконец-то, бросился в давно желанную кровать в Тюльери, этот баран тогда еще, наверное, не знал толком, в каком он положении. *Le consulat sans le premier consul*¹. Никаких внутренних трудностей, более серьезных, чем вообще за последние три года, никаких чрезвычайных финансовых затруднений даже в его собственном кошельке, никакой коалиции на границах, никакой необходимости переходить через Сен-Бернар, никакой надобности одерживать победы при Маренго! От этого действительно можно прийти в отчаяние. К тому же теперь нет Национального собрания,

¹ — Консульство без первого консула. *Ред.*

которое расстраивало бы великие планы «Непризнанного»; нет, сейчас, по крайней мере, этот осел так же свободен, так же не связан, обладает такой же абсолютной властью, как первый Наполеон вечером 18 брюмера, и он настолько не стесняется, что не может обойтись без того, чтобы не обнаружить свою ослиную природу во всех направлениях. Ужасная перспектива отсутствия противоречий! Mais le peuple, le peuple! — Le peuple se fiche pas mal de toute cette boutique¹, тешится, как дитя, дарованным ему всеобщим избирательным правом и, вероятно, использует его также по-детски. Чего можно ожидать от этих смешных выборов в будущее воскресенье, если вообще дело дойдет до этого! Ни прессы, ни митингов, осадное положение в избытке и к тому же еще приказ в продолжение двух недель избрать депутата.

Но что же может получиться из всего этого? «Если мы станем на всемирно-историческую точку зрения», то в нашем распоряжении окажется великолепная тема для декламации. Так, например, — должно обнаружиться, возможен ли преторианский режим периода Римской империи, предпосылками которого являлись совершенно по-военному организованное обширное государство, обезлюдившая Италия и отсутствие современного пролетариата, — возможен ли такой режим в географически-концентрированной, густонаселенной стране, как Франция, обладающей многочисленным промышленным пролетариатом. Или: у Луи-Наполеона нет собственной партии; он попирает ногами легитимистов и орлеанистов, он должен теперь сделать поворот налево. Поворот налево включает амнистию, амнистия включает коллизии и т. д. Или еще: всеобщее избирательное право — основа власти Луи-Наполеона, он не может с ним поврать, а всеобщее избирательное право *в настоящее время* непримиримо с Луи-Наполеоном. И ряд других тому подобных умозрительных тем, которые так легко развивать. Но после того, что мы вчера видели, на народе совсем ничего нельзя строить, и кажется, будто историей на самом деле руководит старый Гегель из гроба в качестве «мирового духа», с величайшей добросовестностью заставляя все события повторяться дважды, раз — в качестве великой трагедии, и второй раз — в качестве жалкого фарса. Коссидьер вместо Дантона, Луи Блан вместо Робеспьера, Бартеlemi вместо Сен-Жюста, Флокон вместо Карно и недоносок с дюжиной отягощенных долгами лейтенантов вместо маленького капрала и его рыцарственных маршалов. До 18-го брюмера

¹ — Но народ, народ! — Народ плюет на всю эту лавочку. *Ред.*

мы, стало быть, уже добрались. Ребячески глупо вел себя парижский народ: «Cela ne nous regarde pas; que le président et l'assemblée s'entretient, peu nous importe»¹. Но то, что армия осмеливается навязать Франции правительство, да еще какое, это уже, несомненно, касается народа, и чернь будет дивиться, что это за такое всеобщее, «свободное» избирательное право, которым они должны будут воспользоваться «впервые со времени 1804 года»!

Как далеко наш, видимо, очень раздосадованный на человечество, мировой дух заведет этот фарс, придется ли нам в течение одного года пережить консульство, империю, реставрацию и т. д., или же наполеоновской династии придется потерпеть поражение на улицах Парижа, прежде чем она станет невозможной во Франции, — и сам черт не знает. Но мне кажется, что дело принимает сумасшедший оборот, и что этих безобразников ждут тяжелые унижения.

Ф. Энгельс — К. Марксу 3 декабря
1851 г.
Сочинения, т. XXI, стр. 301—304.

10

Трудно, даже невозможно предвидеть исход драмы, героем которой является Крапулинский*. Во всяком случае, мне кажется, что благодаря *coup d'état*² положение скорей улучшилось, чем ухудшилось. С Бонапартом легче справиться, чем с Национальным собранием и его генералами. А диктатура Национального собрания стояла уже у порога.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 9 декабря
1851 г.
Сочинения, т. XXI, стр. 305.

11

Можно прийти в отчаяние от этих французов, — их история, в общем, настоящее художественное драматическое произведение, но эти типы! Боже мой! Острота г. Блана напоминает мне анекдот, который мне рассказал Массоль. Каждый день, после двенадцати часов ночи, Бонапарт регулярно напивается пьяным в обществе «*mâles*» и «*femmelettes*»³, которых он собирает

¹ — Это нас не касается; пусть президент и собрание убивают друг друга, это нас мало трогает. *Ред.*

² — государственному перевороту. *Ред.*

³ — самцов [и] самочек. *Ред.*

вокруг себя во время своих оргий. Он тогда ругается на чем свет стоит, и вот одна из его дам извиняет его словами: «*Mais c'est un militaire*»!!¹

К. Маркс — Ф. Энгельсу 27 февраля
1852 г.
Сочинения, т. XXI, стр. 336.

12

История, т. е. мировая история, становится все более иронической. Что может быть лучше, чем это практическое издевательство над Бонапартом его ученика Бисмарка, который, несмотря на то, что он чистой воды юнкер, внезапно перерос своего учителя и ясно показал всему миру, что этот *arbitre de l'Europe*² существует только, поскольку его терпят. А затем сам же Бисмарк, чтобы получить возможность управлять внутри страны несколько месяцев феодальным и абсолютистским образом, проводит *with a vengeance*³ вонне политику буржуазии, подготавливает господство буржуазии, избирает пути, по которым можно двигаться только при помощи либеральных, даже революционных средств, и при этом заставляет своих собственных юнкеров фактически идти против своих собственных принципов. Те, которые преподносят почетный щит Францу Бомбе, заключают союз с Гарибальди, а защитники теории монархизма божией милостью поглощают землю против воли Виктора-Эммануила! Не может быть ничего более интересного, чем «*Kreuzzeitung*» в течение последних четырех недель, а исторически-феодальная партия, основание которой стоило таких усилий и трудов блаженному гению Фридриха-Вильгельма IV, давится теперь той грязью, которую она вынуждена пожирать по приказу своего собственного вождя.

Ф. Энгельс — К. Марксу 9 июля
1866 г.
Сочинения, т. XXIII, стр. 364.

13

Да что мне, просить Христа ради*
Пушу и детей и жену!
Иная на сердце забота:
В плену император, в плену.

Мировая история является величайшей поэссой, она сумела пародировать самого Гейне. В плену император, в плену!

¹ — Но ведь он солдат!! *Ред.*

² — третейский судья Европы. *Ред.*

³ — с яростью. *Ред.*

И притом еще в плену у «вонючих пруссаков»*, а бедный Вильгельм стоит тут и уверяет в сотый раз, что он поистине совсем не виноват во всей истории и что это только божья воля. Вильгельм выглядит при этом точно школьник: Кто создал вселенную? — Я, господин учитель, я это сделал, но, право, я больше не буду...

Ф. Энгельс — К. Марксу 4 сентября
1870 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 391.

14

Но какова ирония всемирной истории! Три-четыре года тому назад неомальтузианцы проповедовали необходимость ограничить прирост населения искусственным путем, так как иначе всем нам скоро нечего будет есть. Теперь же они доказывают, что не хватает населения даже для того, чтобы поглотить, помимо продукции самой Европы, еще и избыток произведенных в Америке жизненных припасов. О, мудрый Эдип, разреши мне эту загадку!

Ф. Энгельс — К. Каутскому 10 февраля 1883 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 280—281.

15

Во всяком случае здесь уже не место фразе о «единой реакционной массе»*, которая пригодна главным образом только для декламации (или же для действительно революционной ситуации). Ведь в том-то и заключается действующая в нашу пользу ирония истории, что *различные* элементы этой феодальной и буржуазной массы, к выгоде для нас, скандалят, грызутся и поедают друг друга и, стало быть, образуют нечто прямопротивоположное однородной массе, — нужно быть болваном, чтобы вообразить, что достаточно назвать их всех «реакционными», чтобы справиться с ними. Наоборот, все эти разношерстные прохвосты должны сначала расправиться друг с другом, окончательно друг друга обессилить и осрамить и подготовить для нас почву, поочередно доказав один за другим свою негодность. Одной из крупнейших ошибок Лассалья было то, что он совершенно забывал в своей агитации о тех крохах диалектики, которые он усвоил у Гегеля. В своей агитации он всегда видел только одну сторону дела, совсем как Либкнехт, но так как Либкнехт в силу случайных обстоятельств видел правильную сторону, то в конечном счете он все-таки стоит выше великого Лассалья.

Ф. Энгельс — Э. Бернштейну 12 июня
1883 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 319—320.

16

Предположим, эти люди* воображают, что могут захватить власть, — ну, так что же? Пусть только они пробьют брешь, которая разрушит плотину, — поток сам быстро положит конец их иллюзиям. Но, если бы случилось так, что эти иллюзии придали бы им силу воли, стоит ли на это жаловаться? Люди, хвалявшиеся тем, что *сделали* революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, — что *сделанная* революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории, той иронией, которой избегли не многие исторические деятели¹. Посмотрите на Бисмарка — революционера поневоле — и Гладстона, который в конце концов запутался со своим обожаемым царем.

Ф. Энгельс — В. И. Засулич 23 апреля 1885 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 462—463.

17

Наши катедер-социалисты в теоретическом отношении никогда не поднимались над уровнем слегка филантропически настроенных вульгарных экономистов, а в настоящее время они опустились до уровня простых апологетов бисмарковского государственного социализма. Для них II том [«Капитала»] навсегда останется книгой за семью печатями. Разве не прекрасным примером того, что Гегель называет иронией всемирной истории, является тот факт, что благодаря возвышению Германии до положения первой европейской державы германская историческая наука оказалась снова низведенной до такого же жалкого состояния, в котором она находилась в период глубочайшего политического упадка Германии, после Тридцатилетней войны. Но такова действительность. И вот, германская «наука» в недоумении таращит глаза на эту новую книгу, не будучи в состоянии понять ее; и только благодетельный страх перед последствиями мешает представителям этой «науки» критиковать книгу публично, и поэтому официальная экономическая литература сохраняет по отношению к ней осторожное молчание. III том, однако, заставит их заговорить.

Ф. Энгельс — Н. Ф. Даниельсону
13 ноября 1885 г.
«Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями».
Госполитиздат, 1951, стр. 123—124.

¹ «Деятели» написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

18

В Ливерпуле был нанесен превосходный удар*, и ирония истории такова, что благородный Брентано должен был сам находиться на трибуне, чтобы собственными глазами убедиться в провале своего утверждения, возвещенного им так самоуверенно и с таким пафосом, будто английские тред-юнионы — лучшая защита против социализма.

Ф. Энгельс — К. Каутскому 18 сентября 1890 г.
Сочинения, т. XXVIII, стр. 241.

19

Одним словом, рабочая партия заявила о себе* ясно и недвусмысленно, а это значит, что в следующий раз обе старые партии будут искать союза с ней. Тори в счет не идут, покуда ими руководят теперешние ослы. Либералы же должны быть приняты в расчет. А также и ирландцы. Когда Парнелл подвергся гонениям из-за смехотворной истории нарушения супружеской верности, он внезапно стал другом рабочих, и господа ирландцы в парламенте, как только они увидят, что одни лишь рабочие могут дать им гомруль*, поступят точно так же. Тогда начнется соглашательство, тогда и фабианцы, которые на теперешних выборах блистали своим отсутствием, опять полезут вперед, но подобных вещей здесь не избежать. Все-таки дело, как ты видишь, подвигается вперед, а это главное.

Великолепная ирония мировой истории: каждая из двух старых партий вынуждена прибегать к рабочим, делать им уступки, чтобы остаться у власти или пробиться к ней, и каждая при этом чувствует, что именно этим укрепляет позиции своего собственного преемника. И все же они не могут действовать иначе! Что значат крохи нашего остроумия по сравнению с гигантским юмором, который прокладывает себе путь в историческом развитии!

Ф. Энгельс — Августу Бебелю 7 июля 1892 г.
Сочинения, т. XXI, стр. 88.

20

Прочти на первой странице сегодняшнего «Workman's Times»* статью Аутоликуса (Бергесс) о манифесте фабианцев*. После того как эти господа в течение многих лет заявляли, что освобождение рабочего класса может быть осуществлено только «великой»

либеральной партией, объявляли всякое самостоятельное выступление рабочих на выборах также и против либеральных кандидатов скрытым торизмом, и «пропитывание» либеральной партии социалистическими принципами провозглашали единственной жизненной задачей социалистов, — после всего этого они теперь заявляют, что либералы предатели, что с ними не надо иметь никакого дела и что рабочие на ближайших выборах должны, не считаясь ни с либералами, ни с тори, выставить собственных кандидатов, при помощи 30 000 фунтов стерлингов, которые тем временем должны быть предоставлены тред-юнионами, если последние — чего, конечно, не будет — захотят оказать фабианцам эту любезность. Это полное покаяние в грехах этих высокомерных буржуа, милостиво снисходящих к пролетариату, чтобы освободить его сверху, если бы только он захотел понять, что такая серая необразованная масса не может сама себя освободить и ничего не может достигнуть без милости этих умных адвокатов, литераторов и сентиментальных баб. И вот теперь первый же, возвещенный под звуки труб и литавр как призванный потрясти мир опыт этих господ так блестяще провалился, что они сами вынуждены были это признать. Вот он — юмор истории.

Ф. Энгельс — Ф.-А. Зорге 11 ноября
1893 г.
Сочинения, т. XXIХ, стр. 265.

21

* Невежество — это демоническая сила, и мы опасаемся, что оно послужит причиной еще многих трагедий. Недаром величайшие греческие поэты в потрясающих драмах из жизни царских домов Микен и Фив* изображают невежество в виде трагического рока.

Передовица в № 179 «Kölnische Zeitung».
Сочинения, т. 1, стр. 112.

ИДЕАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ТРАГИЧЕСКОГО

1

Наконец-то мы покидаем, слава богу, плоские песчаные равнины каждодневной пустопорожней болтовни, чтобы вознестись на альпийские высоты больших дебатов! Наконец-то взбираемся мы на окутанную облаками вершину, где гнездятся орлы, где человек встречается лицом к лицу с божеством и откуда он с пренебрежением взирает на копошащихся где-то глубоко-глубоко внизу жалких человечков, побивающих друг друга с помощью скудных аргументов обыкновенного человеческого рассудка! Наконец-то, после схваток какого-то Блюма с каким-то Штенцелем*, каким-то Гёденом, каким-то Зенфом из Иновроцлава начинается великая битва, в которой герои в стиле Ариосто усеивают поле брани обломками копий своего духа!

Благоговейно расступаются ряды борцов, и, потрясая мечом, вперед выскакивает г-н *Вильгельм Йордан* из Берлина.

Кто же такой г-н Вильгельм Йордан из Берлина?

Г-н Вильгельм Йордан из Берлина во времена расцвета немецкого литературства был литератором в Кёнигсберге. В ту пору там устраивались полудозволенные собрания в «Бётхерсхёфхен»; г-н Вильгельм Йордан отправился туда, прочитал там стихотворение «Моряк и его бог» и был выслан.

Г-н Вильгельм Йордан из Берлина направился в Берлин. Там устраивались студенческие собрания. Г-н Вильгельм Йордан прочитал стихотворение «Моряк и его бог» и был выслан.

Г-н Вильгельм Йордан из Берлина направился в Лейпциг. Там тоже происходили какие-то невинные собрания. Г-н Вильгельм Йордан прочитал стихотворение «Моряк и его бог» и был выслан.

Г-н Вильгельм Йордан издал затем ряд сочинений: стихотворение «Колокол и пушка»; собрание литовских народных песен, в том числе и продукт своего собственного творчества, а именно

сочиненные им самим польские песни; переводы из Жорж Санд, некий журнал, — непонятный «понятый мир»* и т. д. к выгоде широко известного г-на Отто Виганда, который еще не столь преуспел, как его французский оригинал г-н Паньер; далее он издал перевод «Истории Польши» Лелевеля с полонофильским предисловием и т. д.

Наступила революция. En un lugar de la Mancha cuyo nombre no quiero acordarme¹, в некоей местности немецкой Манчи, сиречь Бранденбургской марки, где произрастают Дон Кихоты, в местности, названия которой и припоминать не стоит, г-н Вильгельм Йордан из Берлина выставил свою кандидатуру в германское Национальное собрание. Крестьяне этого округа были настроены благодушно-конституционно. Г-н Вильгельм Йордан произнес много проникновенных речей, полных наиконституционнейшего благодушия. Восхищенные крестьяне избрали великого мужа в депутаты. Едва явившись во Франкфурт, благородный «безответственный» усаживается на скамьях «крайней» левой и голосует с республиканцами. Крестьяне, которые в качестве избирателей породили этого парламентского Дон-Кихота, посылают ему вотум недоверия, напоминают ему его обещания, отзывают его. Но г-н Вильгельм Йордан столь же мало считает себя связанным своим словом, как какой-нибудь король, и продолжает при каждом удобном случае оглушать Собрание своим колоколом и пушкой.

Всякий раз, как г-н Вильгельм Йордан поднимался на кафедру собора св. Павла*, он, в сущности, прочитывал одно только стихотворение «Моряк и его бог» — этим, однако, не сказано, что он тем самым заслужил, чтобы его выслали.

Послушаем же последние удары колокола и самый последний гром пушки великого Вильгельма Йордана о Польше.

«Я, напротив, полагаю, что нам надо подняться на *всемирно-историческую точку зрения*, с которой надлежит изучать познанский вопрос как эпизод великой польской драмы».

Могучий г-н Вильгельм Йордан одним махом поднимает нас высоко над облаками, на покрытый снегом, устремленный к небу Чимборасо «всемирно-исторической точки зрения» и раскрывает перед нами необозримую перспективу.

Но перед этим он еще некоторое время подвизается в будничной сфере «специального» обсуждения — и притом весьма успешно. Вот несколько примеров:

¹ — В некоем селе ламанческом, названия которого и припоминать не стоит (начальные слова романа Сервантеса «Дон-Кихот»). *Ред.*

«Позднее он» (Нетцкий округ) «по Варшавскому договору» (т. е. по первому разделу Польши) «перешел к Пруссии и с тех пор, если не считать кратковременного промежуточного существования герцогства Варшавского, оставался за Пруссией».

Г-н Йордан говорит здесь о Нетцком округе в *противоположность* остальной Познани. Он, рыцарь всемирно-исторической точки зрения, знаток польской истории, переводчик Лелевеля, — из какого источника черпает он эти сведения? Не иначе, как из речи г-на Зенфа из Иновроцлава! Он так строго придерживается этой речи, что даже совершенно забывает о том, как и остальная, великопольская часть Познани в 1794 г. «перешла к Пруссии и с тех пор, если не считать кратковременного промежуточного существования герцогства Варшавского, оставалась за Пруссией». Но об этом «нетцкий брат» Зенф не говорил, и поэтому «всемирно-историческая точка зрения» ничего не знает, кроме того, что округ Познань лишь в 1815 г. «перешел к Пруссии».

Ф. Энгельс. Дебаты по польскому вопросу во Франкфурте.
Сочинения, т. 5, стр. 363—365.

2

Но, не смущаясь подобными мелкими возражениями, всемирно-исторический орел взлетает все смелее, все выше, пока, наконец, в чистом эфире в-себе-и-для-себя сущей идеи он не раздражается следующим героически-всемирно-исторически-гегельянским гимном:

«Пусть воздают должное истории, которая на своем предначертанном необходимости пути всегда безжалостно растаптывает железной пятой народность, уже не являющуюся настолько сильной, чтобы удержаться среди равных наций, но все же было бы бесчеловечным и варварским не проявлять никакого участия при виде долгих страданий такого народа, и я весьма далек от подобной бесчувственности». (Бог воздаст Вам, благородный Йордан!) «Но одно дело — быть потрясенным трагедией, а другое дело — хотеть, так сказать, дать ей обратный ход. Ведь только железная необходимость, которой подчинен герой, превращает его судьбу в *настоящую трагедию*, и вмешиваться в ход этой судьбы, хотеть из человеческого участия остановить катящееся колесо истории, да еще повернуть его вспять — значит самому подвергаться опасности быть им раздавленным. Желать восстановления Польши потому только, что гибель ее вызывает справедливую скорбь, — это я называю малодушной сентиментальностью!»

Какое богатство мыслей! Какая глубина премудрости! Какой вдохновенный язык! Так вещает всемирно-историческая точка зрения, когда задним числом выправит стенограммы своих речей.

Поляки стоят перед выбором: если они хотят разыграть «настоящую трагедию», тогда они должны покорно позволить растоптать себя железной пятой и катящимся колесом истории, сказав Николаю: «Государь, да будет воля твоя!» Или, если они желают бунтовать, и, в свою очередь, делать попытки, не удастся ли им наступить «железной пятой истории» на шею своим угнетателям, тогда они никакой «настоящей трагедии» не разыграют, и г-н Вильгельм Йордан из Берлина уже не может больше интересоваться ими. Так говорит эстетически воспитанная профессором Розенкранцем всемирно-историческая точка зрения.

В чем же заключалась неумолимая, железная необходимость, которая на время уничтожила Польшу? В разложении дворянской демократии, покоящейся на крепостном праве, т. е. в возникновении крупной аристократии *внутри* дворянства. Это было шагом вперед, поскольку являлось единственным выходом из отжившего свой век строя дворянской демократии. А каковы были последствия этого? Железная пята истории, т. е. три восточных самодержца, раздавила Польшу. Аристократия принуждена была заключить союз с заграницей, чтобы расправиться с дворянской демократией. Польская аристократия до недавнего времени, частью и поныне, оставалась неизменной союзницей поработителей Польши.

А в чем заключается неумолимая, железная необходимость того, что Польша вновь станет свободной? В том, что господство аристократии в Польше, которое с 1815 г. не прекращалось, по крайней мере в Познани и в Галиции и отчасти даже в русской Польше, теперь так же изжило себя и подорвано, как демократия мелкого дворянства в 1772 году; в том, что установление аграрной демократии для Польши стало вопросом жизни не только политическим, но и общественным; в том, что источник существования польского народа, земледелие, рухнет, если крепостной или «обязанный» [robotpflichtige] крестьянин не станет свободным землевладельцем; в том, наконец, что аграрная революция невозможна без одновременного завоевания самостоятельного национального существования, без обладания балтийским побережьем и устьями польских рек.

И это г-н Йордан из Берлина называет желанием остановить катящееся колесо истории, да еще повернуть его вспять!

Конечно, старая Польша *дворянской* демократии давно умерла и похоронена, и только г-н Йордан может приписать кому-либо намерение дать обратный ход «настоящей трагедии» этой Польши; но этот «герой» трагедии породил могучего сына, ближайшее знакомство с которым действительно может вызвать дрожь ужаса

у иного спесивого берлинского литератора. И этот сын, который еще только готовится разыграть *свою* драму и наложить свою руку на «катящееся колесо истории», но которому победа обеспечена, — этот сын есть Польша *крестьянской* демократии.

Немного затасканной беллетристической пышности, немного аффектированного презрения к миру, — которое у Гегеля было смелостью, а у г-на Йордана становится дешевым, плоским дурачеством, — короче говоря, немного колокола и пушки, «дым и звук»*, облеченные в фразы дурного стиля, и, вдобавок, невероятная путаница и невежество в том, что касается самых обыкновенных исторических отношений, — вот к чему сводится вся всемирно-историческая точка зрения!

Да здравствует всемирно-историческая точка зрения с ее понятным миром!

Ф. Энгельс. Дебаты по польскому вопросу во Франкфурте.
Сочинения, т. 5, стр. 366—368.

ЭСТЕТИКА ГЕГЕЛЯ

1

Превосходство способа мышления Гегеля над способом мышления всех других философов было в том огромном историческом чутье, которое лежало в его основе. Хотя форма была крайне абстрактна и идеалистична, все же развитие его мыслей всегда шло параллельно развитию мировой истории, и последняя, собственно, должна была служить только проверкой для первого. Если благодаря этому правильное отношение между мышлением и действительностью было перевернуто и поставлено на голову, то все же реальное содержание повсюду проникало в философию, тем более, что Гегель отличался от своих учеников тем, что не хвастался невежеством, а был одним из образованнейших людей всех времен. Он первый пытался показать развитие и внутреннюю связь истории, и каким бы странным ни казалось нам теперь многое в его философии истории, все же грандиозность основных его взглядов даже и в настоящее время еще достойна удивления, особенно, если сравнить с ним его предшественников или тех, которые после него позволяли себе общие размышления об истории. В «Феноменологии», в «Эстетике», в «Истории философии» — повсюду красной нитью проходит это грандиозное понимание истории, и повсюду материал рассматривается исторически, в определенной связи с историей, хотя и в извращенной, отвлеченной связи.

Ф. Энгельс. Рецензия на книгу:
Карл Маркс «Критика политической
экономии».
Сочинения, т. XI, ч. II, стр. 359.

2

Так как каждая категория у Гегеля представляет собой ступень в истории философии (как он по большей части ее приводит), то Вы сделаете хорошо, если просмотрите лекции по истории фи-

лософии (одно из гениальнейших произведений). Для отдыха могу Вам порекомендовать «Эстетику». Когда Вы уже несколько работаетесь, то будете поражены.

Ф. Энгельс — Конраду Шмидту 1 ноября 1891 г.
Сочинения, т. XXVIII, стр. 372.

3

Но философия истории искала этих двигателей не в истории; она привносила их туда извне, из философской идеологии. Так, например, вместо того, чтобы стараться объяснить историю Греции внутренней связью ее собственных событий, Гегель просто-напросто объявляет, что эта история есть не что иное, как выработка «прекрасной индивидуальности», осуществление «художественного произведения» и т. п. По этому случаю он делает много прекрасных, глубоких замечаний о древних греках, но тем не менее мы в настоящее время уже не довольствуемся подобными объяснениями, представляющими собой одни только фразы.

Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах.
Сочинения, т. XIV, стр. 668—669.

4

Поэтому у Гегеля отрицание отрицания не есть утверждение истинной сущности посредством отрицания мнимой сущности, а представляет собой утверждение мнимой или отчужденной от себя сущности в ее отрицании, или отрицание этой мнимой сущности как предметной, находящейся вне человека и не зависящей от него сущности и превращения ее в субъект.

Поэтому своеобразную роль играет у него *снятие*, в котором соединены как отрицание, так и сохранение, утверждение.

Так, например, в гегелевской философии права снятое *частное право* равняется *морали*, снятая мораль равняется *семье*, снятая семья равняется *гражданскому обществу*, снятое гражданское общество равняется *государству*, снятое государство равняется *всемирной истории*. В реальной *действительности* частное право, мораль, семья, гражданское общество, государство и т. д. продолжают существовать по-прежнему, они только стали *моментами*, формами существования и наличного бытия человека, которые не имеют силы изолированно друг от друга, отменяют друг друга, порождают друг друга и т. д. *Моменты движения*.

В их действительном существовании эта их *подвижная* сущность скрыта. Она обнаруживается, раскрывается впервые только в мышлении, в философии, и поэтому мое истинное религиозное

бытие есть мое бытие в *философии религии*, мое истинное политическое бытие есть мое бытие в *философии права*, мое истинное природное бытие есть мое бытие в *философии природы*, мое истинное художественное бытие есть мое бытие в *философии искусства*, мое истинное *человеческое* бытие есть мое бытие в *философии*. Таким же образом истинное существование религии, государства, природы, искусства, это — *философия* религии, *философия* природы, *философия* государства, *философия* искусства. Но если истинным бытием религии является для меня только философия религии и т. д., то я поистине религиозен лишь в качестве *философа религии* и таким образом я отрицаю *действительную* религиозность и действительно *религиозного* человека. Однако в то же время я их и *утверждаю*, отчасти в рамках моего собственного бытия или в рамках того чужого бытия, которое я им противопоставляю (ибо это *есть* лишь *философское* выражение их самих), отчасти же в их собственной первоначальной форме, ибо я считаю их только *кажущимся* инобытием, аллегориями, скрытыми под чувственными оболочками формами их собственного истинного, т. е. моего *философского* бытия.

Точно таким же образом снятое *качество* равняется *количеству*, снятое количество равняется *мере*, снятая мера равняется *сущности*, снятая сущность равняется *явлению*, снятое явление равняется *действительности*, снятая действительность равняется *понятию*, снятое понятие равняется *объективности*, снятая объективность равняется *абсолютной идее*, снятая абсолютная идея равняется *природе*, снятая природа равняется *субъективному* духу, снятый субъективный дух равняется *нравственному*, объективному духу, снятый нравственный дух равняется *искусству*, снятое искусство равняется *религии*, снятая религия равняется *абсолютному знанию*.

К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года.
К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, М., 1956, стр. 635—636.

5

Гегель построил теорию света и цветов из голых мыслей и при этом впал в *грубейшую эмпирию* доморощенного филистерского опыта, хотя, впрочем, с известным основанием, так как пункт этот тогда еще не был выяснен, — например, когда он выдвигает против Ньютона смешение красок художниками, стр. 314 внизу [«Философии природы» Гегеля].

Ф. Энгельс. Диалектика природы.
Сочинения, т. XIV, стр. 513.

РАЗЛИЧНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ МИРА

Конкретное потому конкретно, что оно есть сочетание многочисленных определений, являясь единством многообразного. В мышлении оно поэтому представляется как процесс соединения, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собою исходный пункт в действительности и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления. На первом пути полное представление испаряется до степени абстрактного определения; при втором же абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного путем мышления. Гегель поэтому впал в иллюзию, что реальное следует понимать как результат восходящего к внутреннему единству (*der sich in sich zusammenfassenden*), в себя углубляющегося и из себя развивающегося мышления, между тем как метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его духовно как конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного. Простейшая экономическая категория, например меновая стоимость, предполагает население, — население, производящее в определенных условиях, а также определенные формы семьи, общины или государства и т. д. Она не может существовать иначе, как абстрактное, одностороннее отношение уже данного конкретного живого целого.

Напротив, как категория, меновая стоимость ведет додильювиальное существование. Поэтому для сознания, — а философское сознание отличается тем, что для него логическое мышление, — это — действительный человек, и логически осознанный мир как таковой — действительный мир, — для сознания движение категорий выступает как действительный акт производства, — который лишь, к сожалению, получает толчок извне, — результатом которого является мир; и это постольку правильно, —

здесь мы снова впадаем в тавтологию, — поскольку конкретная целостность, в качестве мысленной целостности, мысленной конкретности, есть действительно продукт мышления, понимания; однако это ни в коем случае не продукт понятия, размышляющего и саморазвивающегося вне наглядного созерцания и представления, а переработка созерцания и представлений в понятие. Целое, как оно представляется в голове, как мыслимое целое, есть продукт мыслящей головы, которая осваивает себе мир единственным возможным для нее способом, способом, отличающимся от художественно-религиозно-практически-духовного освоения этого мира. Реальный субъект остается все время вне головы, существуя как нечто самостоятельное, и именно до тех пор, пока голова относится к нему лишь умозрительно, лишь теоретически. Поэтому и при теоретическом методе [политической экономики] субъект, т. е. общество, должно постоянно витать в нашем представлении как предпосылка.

К. Маркс. Введение к «Критике политической экономии».
Сочинения, т. XII, ч. I, стр. 191—192.

МЫСЛЬ И ЯЗЫК

(Уподобление денег крови — этому дало повод слово обращение — примерно столь же правильно, как сделанное Менением Агриппой сравнение патрициев с желудком*.) (Сравнение денег с языком не менее ложно. Идеи не превращаются в язык таким образом, чтобы при этом исчезло их своеобразие, а их общественный характер продолжал существовать наряду с ними в языке, подобно тому как цены существуют наряду с товарами. Идеи не существуют оторванно от языка. Идеи, которые должны быть предварительно переведены с их родного языка на чужой язык, чтобы обращаться, чтобы стать способными к обмену, представляют уже больше аналогии; но аналогия здесь заключается не в языке, а в его чуждости.)

К. Маркс. [Экономические рукописи 1857—1858 гг.]
Архив К. Маркса и Ф. Энгельса,
т. IV, стр. 99.

РОЛЬ МАТЕРИАЛА В ИСКУССТВЕ

Из вышесказанного вытекает следующее: особый продукт (*товар*) (материал) должен стать субъектом денег, которые существуют как свойство каждой меновой стоимости. Далекое не без-

различно, в каком именно субъекте будет воплощен этот символ, ибо притязания к тому, что воплощает, содержатся в условиях — определениях понятия, определенных отношениях — того, что должно быть воплощено. Поэтому исследование благородных металлов как субъектов денежного отношения, как воплощения последнего, вовсе не лежит вне области политической экономии, как полагает Прудон, — так же как физические свойства красок и мрамора не лежат вне области живописи и скульптуры.

К. Маркс. [Экономические рукописи 1857—1858 гг.]
Архив К. Маркса и Ф. Энгельса,
т. IV, стр. 123.

ИМПРОВИЗАЦИЯ И ПОЭЗИЯ

Слышал ли кто-нибудь, чтобы великие импровизаторы были также великими поэтами? В политике дело обстоит так же, как в поэзии. Революции не делаются по приказу. После страшного опыта, который народы проделали в 1848 и 1849 гг., для того чтобы вызвать национальное восстание, требуется нечто большее, чем бумажные воззвания находящихся вдали вождей.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Миланское восстание.
Сочинения, т. IX, стр. 107.

О ЗНАЧЕНИИ ЛИТЕРАТУРНОГО СТИЛЯ

1

Первых опытов Прудона я уже не помню. Его ученическая работа о «Всемирном языке» показывает, с какою бесцеремонностью он брался за вопросы, для решения которых ему не доставало самых элементарных знаний.

Его первое произведение «Что такое собственность?» является безусловно самым лучшим его произведением. Оно составило эпоху если не новизной своего содержания, то хотя бы новой и дерзкой манерой говорить старое¹. В произведениях известных ему французских социалистов и коммунистов «собственность»,

¹ Во всех опубликованных до сих пор текстах было: alles zu sagen, а должно было быть altes zu sagen, как это видно из имеющейся в архиве ИМЭЛ части рукописи Маркса. *Ред.*

разумеется, не только была подвергнута разносторонней критике, но и утопически «упразднена». Этой книгой Прудон стал приблизительно в такое же отношение к Сен-Симону и Фурье, в каком стоял Фейербах к Гегелю. По сравнению с Гегелем Фейербах крайне беден. Однако *после* Гегеля он сделал эпоху, так как выдвинул *на первый план* некоторые неприятные христианскому сознанию и важные для успехов критики пункты, которые Гегель оставил в мистической полутьме.

Если можно так выразиться, в этом произведении Прудона преобладает еще сильная мускулатура стиля. И стиль этот я считаю главным его достоинством. Видно, что даже там, где Прудон только воспроизводит старое, для него это — самостоятельное открытие; то, что он говорит, для него самого было ново и расценивается им, как новое. Вызывающая дерзость, с которой он нападает на «святая святых» политической экономии, остроумные парадоксы, с помощью которых он высмеивает пошлый буржуазный рассудок, уничтожающая критика, едкая ирония, проглядывающее тут и там глубокое и искреннее чувство возмущения мерзостью существующего, революционная убежденность — всеми этими качествами книга «*Что такое собственность?*» электризовала читателей и при первом своем появлении на свет произвела сильное впечатление. В строго научной истории политической экономии книга эта едва ли заслуживала бы упоминания. Но подобного рода сенсационные произведения играют свою роль в науке, так же, как и в изящной литературе. Возьмите, например, книгу Мальтуса «*О народонаселении*». В первом издании это было не что иное, как «*сенсационный памфлет*» и вдобавок — *плагиат* с начала до конца. И все-таки какое сильное впечатление произвел этот *пасквиль на человеческий род!*

К. Маркс. О Прудоне (письмо Швейцеру).
Сочинения, т. XIII, ч. I, стр. 23—24.

2

Что касается моей работы*, то я сообщу тебе об этом чистую правду. Осталось еще написать три главы, чтобы закончить теоретическую часть (первые три книги). Затем еще нужно будет написать четвертую книгу*, историко-литературную; это для меня относительно наиболее легкая часть, так как все вопросы разрешены в первых трех книгах, а последняя является скорее повторением в исторической форме. Но я не могу решиться что-нибудь отослать, пока все в целом не будет лежать передо мной

готовым. Whatever shortcoming they may have¹, одно является достоинством моих сочинений: они представляют собою художественное целое. А этого можно достигнуть только при моем способе — не приступать к печатанию, пока сочинение не будет лежать на столе *готовым*. Методом Якова Гримма* этого не достигнешь; он больше подходит к сочинениям, не представляющим собой диалектически-расчлененного целого.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 31 июля
1865 г.
Сочинения, т. XXIII, стр. 294—295.

3

В последние дни я разбирал письма с 1842 по 1862 г. Передо мною снова ожили старые времена и те веселые минуты, которые доставляли нам наши противники. Я часто до слез смеялся над этими старыми историями. Юмора наши враги никогда не могли у нас отнять. Но среди этого попадаетея также и много очень серьезных вещей.

Ф. Энгельс — И.-Ф. Беккеру 22 мая
1883 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 316.

4

Осел из «Vossische Zeitung»² (мне *четыре* раза присылали этот номер), по-видимому, действительно причинил доброй Германии немало печали своими речами о горемыке Марксе. Быть может, как-нибудь, когда я буду в особенно веселом настроении, я его взгрею. Если бы эти ослы имели возможность прочесть переписку между Мавром и мною, они бы просто остолбенели. Поэзия Гейне — детская игрушка по сравнению с нашей дерзкой, жизне-радостной прозой. Мавр мог приходить в ярость, но ныть — никогда. Я хохотал до упаду, когда перечитывал старые рукописи. Эта переписка, имеющая также и историческое значение, насколько это будет зависеть от меня, попадет в надлежащие руки. К сожалению, у меня есть письма Маркса только с 1849 г., но зато они сохранились полностью.

Ф. Энгельс — Э. Бернштейну 12 июня
1883 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 318.

¹ — Каковы бы ни были их недостатки. *Ред.*

² Г. фон Трейчке. *Ред.*

5

Как Вы думаете, не будет ли своевременным напечатать в «Sozialdemokrat»* в виде фельетона одну *безгранично* дерзкую работу Маркса и мою от 1847 г. *, в которой мы отделали сидящих и сейчас в рейхстаге «истинных социалистов»? Это самое дерзкое из всего, что было когда-либо написано на немецком языке.

Ф. Энгельс — Э. Бернштейну 13 июня
1883 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 321.

6

Относительно пуриста, который ратует против нашего стиля и нашей расстановки знаков препинания: он не знает ни немецкого, ни английского языка, иначе он не находил бы англицизмов там, где их нет. Тот немецкий язык, о котором он мечтает и который нам вколачивали в школе, с его отвратительно построенными периодами и со сказуемым, отодвинутым бесконечными придаточными на 10 верст от подлежащего, в самый хвост, — этот немецкий язык таков, что мне понадобилось тридцать лет, чтобы *отучиться* от него. Этот бюрократический немецкий язык школьных учителей, для которого Лессинг вообще не существует, исчезает теперь даже в Германии. Что сказал бы этот филистер, если бы услышал, как говорят в рейхстаге; там отменили эту ужасную конструкцию фразы, потому что постоянно путались в ней и говорили, как евреи: «Als der Bismark ist gekommen vor die Zwangswahl, hat er lieber geküsst den Papst auf den Hintern als die Revolution auf den Mund» [когда Бисмарк пришел к принудительным выборам, он предпочел целовать папу в задницу, чем революцию в губы] и т. д. Это нововведение принадлежит Ласкерчику — единственное хорошее из всего, что он сделал. Если господин пурист появится со своим школьным немецким языком в Германии, ему скажут, что он говорит по-американски. «Вы знаете, до чего мелочен немецкий ученый филистер», — таков он, по-видимому, особенно в Америке. Немецкое построение фразы вместе с правилами расстановки знаков препинания, в том виде, как их преподавали в школах 40—50 лет тому назад, стоят лишь того, чтобы бросить их в мусорный ящик. Так с ними и поступают в Германии.

Ф. Энгельс — Ф.-А. Зорге 29 апреля
1886 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 552—553.

О ЛИТЕРАТУРНОЙ ПОЛЕМИКЕ

1

И это должно было быть «забавно»! В самом деле, так и случилось, но не по желанию г. Brentano. Как Маркс, так позднее и его дочь, а теперь я, — все мы старались придать этой полемике веселый характер*. Но тот успех, которого мы в этом достигли, — велик он или мал, — был достигнут за счет г. Brentano. Его статьи представляют собою все что угодно, но только не нечто «забавное». Если здесь и есть что-либо забавное, то это может быть приписано исключительно тем ударам, которые Маркс направляет на теньевую сторону его «оставшейся неведомою личности» и которые потерпевший хотел бы теперь задним числом обойти, как «грубости его непристойной полемики». Острую полемику Вольтера, Бомарше, Поля-Луи Курье называли «грубостями непристойной полемики» их противники — юнкера, попы, юристы и иные противники по цеху, — что не помешало этим «грубостям» быть признанными ныне выдающимися и образцовыми произведениями литературы. И мы получили так много удовольствия от этих и других подобных же образчиков «непристойной полемики», что и целой сотне Brentano не удастся увлечь нас в область немецкой университетской полемики, где царит только бессильная злоба немощной зависти и самая отчаянная скука.

Ф. Энгельс. Brentano contra Маркс.
Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 168.

2

Г-н Ткачев говорит, что я «обрушился на него со всевозможными ругательствами». Но некоторая толика ругани, так называемая инвектива¹, является одним из наиболее выразительных риторических приемов, который применялся, когда это требовалось, всеми великими ораторами и которым сильнейший английский политический писатель, Вильям Коббет, владел с мастерством, вызывающим до сих пор восхищение и служащим недосягаемым образцом.

Ф. Энгельс. Эмигрантская литература.
Сочинения, т. XV, стр. 243.

¹ Инвектива (лат.) — резкая обличительная речь. *Ред.*

3

Непрерывно прочти статью О' Коннора против шести радикальных газет в последнем номере «Star»*; это — шедевр гениальной ругани, часто лучше Коббета, напоминающий Шекспира.

Ф. Энгельс — К. Марксу 26 октября
1847 г.
Сочинения, т. XXI, стр. 83.

4

Теперь газета * может действительно поднять дух и ободрить наших товарищей в Германии, в чем они, по крайней мере так называемые вожди, порой сильно нуждаются. Я опять получил несколько слезных писем и ответил на них надлежащим образом. Фирекк был тоже вначале очень уныло настроен, но несколько дней, проведенных на вольном лондонском воздухе, вернули ему равновесие. Этот вольный воздух газета должна внести в Германию, для чего нужно прежде всего писать о противнике с презрением, с насмешкой. Если только публика снова научится смеяться над Бисмарком и К°, это будет уже большим достижением. Не следует забывать, что люди, по крайней мере огромное большинство, впервые очутились в подобном положении и что многих агитаторов и редакторов пренебрежительнейшим образом вышибли с очень приятных мест. Поэтому сейчас необходимо поднять настроение, а также постоянно напоминать о том, что Бисмарк и К° все те же ослы, те же каналы и те же жалкие и бессильные перед лицом исторического движения людишки, какими они были до покушений. Стало быть, ценно всякое остроумное словечко об этой сволочи.

Ф. Энгельс — Э. Бернштейну 12 марта
1881 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 120—121.

5

Итак, ты в конце концов тоже приходишь к убеждению, что с этими «мудрецами» все-таки еще можно отлично справиться. Я просил прислать мне несколько номеров «Neue Welt»*, чтобы поближе присмотреться к этим господам. До сих пор я читал только ответы редакции в «почтовом ящике»; это — немецкие мальчишеские выходки, рассчитанные на очень смиренных читателей.

Вообще же не обращай внимания на булавочные уколы, это первое правило в борьбе, и помни, что,

Nichts schönres gibt es auf der Welt
 Als seine Feinde zu beissen
 Als über all' die plumpen Gesell'n
 Seine schlechten Witze zu reissen.

[Нет забавней ничего,
 Чем подразнить своих врагов
 И злою шуткой осмеять
 Неповоротливых глупцов.]

Ф. Энгельс — Э. Бернштейну 29 июня 1884 г.
 Сочинения, т. XXVII, стр. 393.

О ПЕРЕВОДЕ

1

Вчера я читал во французском переводе главу о фабричном законодательстве*. При всем почтении к искусству, с которым эта глава переведена на изящный французский язык, мне все же жалко прекрасной главы. Сила, сочность и жизнь — все пошло к черту. Возможность для писателя изящно выражать свои мысли покупается за счет кастрации языка. На этом современном скованном правилами французском языке становится все более невозможным высказывать мысли. Перестановка предложений, к которой принуждают правила педантичной формальной логики, отнимает у изложения всякую яркость, всякую живость. Я счел бы большой ошибкой положить в основу при английском переводе французский перевод. На английском языке нет необходимости смягчать силу выражения оригинала; что неизбежно будет утрачено в части действительно диалектического изложения некоторых мест, будет в других отношениях возмещено большей силой и лаконичностью английского языка.

Кстати. Знаешь, чем оправдывает господин Кокоский свой плохой перевод? Тем, что я пишу в весьма трудно переводимом «либкнехто-марксовском» стиле! Вот так комплимент!

Ф. Энгельс — К. Марксу 29 ноября 1873 г.
 Сочинения, т. XXIV, стр. 423.

2

Выражение «либкнехто-марксовский» стиль — большая любезность со стороны господина Кокоского. Однако это, по-видимому, относится к незнакомому нам французскому стилю

Либкнехта. Его немецкий стиль так же неуклюж, как и стиль господина Кокоского, и должен поэтому казаться последнему приятным и милым.

Раз ты уже занялся французским переводом «Капитала», то я бы хотел, чтобы ты его продолжал. Думаю, что ты найдешь отдельные места, которые лучше, чем на немецком.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 5 декабря
1873 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 425.

3

Критика Г. Джорджа, посланная тебе Марксом*, такой шедевр по своему содержанию и так монолитна стилистически, что было бы жаль ослабить ее, присоединив к ней отрывочные, написанные по-английски заметки на полях принадлежавшей Марксу книги Джорджа. Они пригодятся еще как-нибудь в другой раз. Все это письмо к тебе написано, как это обычно делал Маркс в таких случаях, с расчетом на позднейшее его дословное опубликование. Поэтому, напечатав его, ты не совершишь никакой нескромности. Если ты хочешь печатать по-английски, то я его тебе переведу, так как перевод «Манифеста»* снова показал, что там у вас, по-видимому, нет никого, кто мог бы переводить *наши* немецкий язык на литературный и грамматически правильный английский. Для этого необходимо иметь опыт литературной работы на обоих языках, и притом не только газетной работы. Переводить «Манифест» дьявольски трудно; русские переводы, пожалуй, лучшие из всех, которые я встречал.

Ф. Энгельс — Ф.-А. Зорге 29 июня
1883 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 322.

4

Дорогой Бернштейн!

Об одном Вы можете не беспокоиться: я не желаю себе лучшего переводчика, чем Вы*. В первом листе, стремясь к верной и точной передаче смысла, Вы несколько пренебрегли стилем, — только и всего. К тому же мне хотелось передать в переводе своеобразный, непривычный для Вас, стиль Маркса, — этим и объясняются многочисленные поправки.

Если Вы, переведя содержание на немецкий, прочтете затем рукопись еще раз, обращая внимание на стилистическую удобочитаемость, и будете при этом помнить, что везде, где только воз-

можно, надо избегать громоздкого школьного синтаксиса, который нам всем вбивали в голову и при котором глагол в придаточном предложении ставится непременно в самом конце, — то Вы не встретите больших затруднений и уж сами приведете все в порядок.

Ф. Энгельс — Э. Бернштейну 5 февраля 1884 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 350.

5

[Черновик.]

Уважаемый гражданин!

Я послал Вам заказным перевод¹ вместе с моими замечаниями. Очень жалею, что, не имея достаточной практики в итальянском языке, я не мог их лучше составить; надеюсь все же, что они понятны. Удивляюсь тому, что Вы, никогда не живя в Германии и не изучая язык в этой стране, все же столь хорошо сумели передать мои мысли. Я нашел лишь несколько сокращенных и идиоматических выражений и поговорок, где имеются ошибки; притом эти выражения не может как следует понять тот, кто не знает обыденной речи, вплоть до диалектов страны, — это вещи, которых нет ни в грамматиках, ни в словарях. В подобных случаях, если Вы хорошо поняли текст, то, полагаю, можете действовать несколько более свободно и смело.

Ф. Энгельс — П. Мартиньетти.
1885 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 519.

6

Для того чтобы переводить такую книгу [«Капитал»], недостаточно хорошо знать литературный немецкий язык. Маркс свободно пользуется выражениями из повседневной жизни и идиомами провинциальных диалектов; он создает новые слова, свой иллюстрационный материал он заимствует из всех областей науки, а свои ссылки — из литератур целой дюжины языков; чтобы понимать его, нужно действительно в совершенстве владеть немецким языком, разговорным и литературным, и кроме того, нужно кое-что знать и из немецкой жизни.

Приведу пример. Когда несколько оксфордских студентов переплывали через Дуврский пролив на четырехвесельной лодке, то в газетных отчетах сообщалось, что один из них «caught a

¹ «Происхождения семьи, частной собственности и государства». *Ред.*

сrab»¹. Лондонский корреспондент «Kölnische Zeitung» понял это выражение буквально и добросовестно сообщил в свою газету, что «краб зацепился за весло одного из гребцов». Если человек, много лет живший в Лондоне, встретившись с техническими терминами неизвестного ему искусства, способен совершить такую грубую и смешную ошибку, то чего же нам ждать от человека, который, посредственно зная только книжный немецкий язык, берется переводить одного из наиболее трудно поддающихся переводу немецких писателей, пишущих прозой? И мы действительно увидим, что Бродгаус большой мастер «ловить крабов».

Но в данном случае требуется еще кое-что. Из числа писателей нашего века у Маркса наиболее сильный и сжатый стиль. Чтобы передать его равноценным стилем, следует в совершенстве владеть не только немецким, но и английским языком. Однако Бродгаус, будучи, по-видимому, достаточно способным журналистом, владеет английским языком только в том ограниченном объеме, которым пользуются, чтобы удовлетворить условным литературным требованиям. Этим языком он владеет свободно, но это не тот английский язык, на который можно было бы переводить «Капитал». Сильный немецкий язык следует передавать сильным английским языком; нужно использовать лучшие ресурсы языка; вновь созданные немецкие термины требуют создания соответствующих новых английских терминов. Но как только перед Бродгаусом встают такие затруднения, у него недостает не только ресурсов, но и храбрости. Малейшее расширение его ограниченного запаса слов, малейшее новшество, выходящее за пределы условного повседневного языка английской литературы, его пугает, и скорее, чем рискнуть на такую ересь, он передает трудное немецкое слово более или менее неопределенным термином, который не режет его слуха, но затемняет мысль автора; или, что еще хуже, он переводит его, если оно повторяется целым рядом различных терминов, забывая, что технический термин должен всегда передаваться одним и тем же равнозначным выражением.

Ф. Энгельс. Как не следует переводить Маркса.
Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 230—231.

¹ Catch a crab — буквально значит поймать краба, в переносном смысле — неудачно погрузить весло в воду. *Ред.*

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ
ПОНИМАНИЕ
ИСТОРИИ
КУЛЬТУРЫ

ОБЩЕСТВЕННОЕ БЫТИЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

1

В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения, — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышаются юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче: от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и ведут свою борьбу. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что он сам о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта

между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже существуют или, по крайней мере, находятся в процессе становления. В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения, это — последняя антагонистическая форма общественного процесса производства, антагонистическая не в смысле индивидуального антагонизма, но антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидов, развивающийся же в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Этой общественной формацией завершается поэтому предыстория человеческого общества.

К. Маркс. К критике политической экономии.
Сочинения, т. XII, ч. I, стр. 6—7.

2

Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением материального отношения людей. То же самое относится к духовному производству, как оно проявляется в языке политики, законов, морали, религии, метафизики и т. д. того или другого народа. Люди являются производителями своих представлений, идей и т. д., — но речь идет о действительных, действующих людях, обусловленных определенным развитием их производительных сил и — соответствующим этому развитию — общением, вплоть до его отдаленнейших форм. Сознание [das Bewußtsein] никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием [das bewußte Sein], а бытие людей есть реальный процесс их жизни. Если во всей идеологии

люди и их отношения оказываются поставленными на голову, словно в камере-обскуре, то и это явление точно так же проистекает из исторического процесса их жизни, — подобно тому как обратное изображение предметов на сетчатке глаза проистекает из непосредственно физического процесса их жизни.

В прямую противоположность немецкой философии, спускающейся с неба на землю, мы здесь поднимаемся с земли на небо, т. е. мы исходим не из того, что люди говорят, воображают, представляют себе, — мы исходим также не из существующих только на словах, мыслимых, воображаемых, представляемых людей, чтобы от них прийти к подлинным людям; для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди, и из их действительного жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса. Даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса, который может быть установлен эмпирически и который связан с материальными предпосылками. Таким образом, мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности. У них нет истории, у них нет развития; люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание. При первом способе рассмотрения исходят из сознания, как если бы оно было живым индивидом; при втором, соответствующем действительной жизни, исходят из самих действительных живых индивидов и рассматривают сознание только как *их* сознание.

Этот способ рассмотрения не лишен предпосылок. Он исходит из действительных предпосылок, ни на миг не покидая их. Его предпосылками являются люди, взятые не в какой-то фантастической замкнутости и изолированности, а в своем действительном, наблюдаемом эмпирически, процессе развития, протекающем в определенных условиях. Когда изображается этот деятельный процесс жизни, история перестает быть собранием мертвых фактов, как у эмпириков, которые сами еще абстрактны, или же воображаемой деятельностью воображаемых субъектов, какой она является у идеалистов.

Там, где прекращается спекулятивное мышление, — перед лицом действительной жизни, — там как раз и начинается действительная положительная наука, изображение практиче-

ской деятельности, практического процесса развития людей. Прекращаются фразы о сознании, их место должно занять действительное знание. Изображение действительности лишает самостоятельную философию ее жизненной среды. В лучшем случае ее может заменить сведение воедино наиболее общих результатов, абстрагируемых из рассмотрения исторического развития людей. Абстракции эти сами по себе, в отрыве от реальной истории, не имеют ровно никакой ценности. Они могут пригодиться лишь для того, чтобы облегчить упорядочение исторического материала, наметить последовательность отдельных его слоев. Но, в отличие от философии, эти абстракции отнюдь не дают рецепта или схемы, под которые можно подогнать исторические эпохи. Наоборот, трудности только тогда и начинаются, когда приступают к рассмотрению и упорядочению материала — относится ли он к минувшей эпохе или к современности, — когда принимаются за его действительное изображение.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Немецкая идеология.
Сочинения, т. 3, стр. 24—26.

3

Излишне прибавлять к этому, что люди не свободны в выборе *своих производительных сил*, которые образуют основу всей их истории, потому что всякая производительная сила есть приобретенная сила, продукт предшествующей деятельности. Таким образом, производительные силы — это результат практической энергии людей, но сама эта энергия определена теми условиями, в которых люди находятся, производительными силами, уже приобретенными раньше, общественной формой, существовавшей до них, которую создали не эти люди, которая является созданием прежних поколений. Благодаря тому простому факту, что каждое последующее поколение находит производительные силы, добытые прежними поколениями, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства, — благодаря этому факту образуется связь в человеческой истории, образуется история человечества, которая в тем большей степени становится историей человечества, чем больше развились производительные силы людей, а следовательно, и их общественные отношения. Отсюда необходимый вывод: общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуального развития, сознают они это, или нет. Их материальные отношения образуют основу всех их отношений. Эти материальные

отношения суть лишь необходимые формы, в которых осуществляется их материальная и индивидуальная деятельность.

Г-н Прудон путает идеи и вещи. Люди никогда не отказываются от того, что они приобрели, но это не значит, что они не откажутся от той общественной формы, в которой они приобрели определенные производительные силы. Наоборот. Для того чтобы не лишиться достигнутого результата, для того чтобы не потерять плодов цивилизации, люди вынуждены изменять все унаследованные общественные формы в тот момент, когда способ их сношений (*commerce*) более уже не соответствует приобретенным производительным силам. — Я употребляю здесь слово «*commerce*» в самом широком смысле, в каком по-немецки употребляется слово «*Verkehr*». Пример: привилегии, учреждение цехов и корпораций, весь режим средневековой регламентации были общественными отношениями, единственно соответствовавшими приобретенным производительным силам и ранее существовавшему состоянию общества, из которого эти учреждения вышли. Под защитой корпоративного строя и его регламентации накоплялись капиталы, развилась морская торговля, были основаны колонии, и люди лишились бы плодов всего этого, если бы они захотели сохранить формы, под защитой которых созрели эти плоды. Поэтому разразились два громовых удара — революция 1640 и 1688 годов. Все старые экономические формы, соответствующие им общественные отношения, политический строй, бывший официальным выражением старого гражданского общества, — все это в Англии было разрушено. Таким образом, экономические формы, при которых люди производят, потребляют, обменивают, являются формами *преходящими и историческими*. С приобретением новых производительных сил люди меняют свой способ производства, а со способом производства они меняют все экономические отношения, которые были необходимы отношениями лишь данного, определенного способа производства.

К. Маркс — П. В. Анненкову 28 декабря 1847 г.

«Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями».

Госполитиздат, М., 1955, стр. 11.

Можно априорно определить культурный уровень какого-нибудь народа, зная лишь, из какого металла — золота, меди, серебра или железа — он изготавливает свое оружие, свои орудия

или свои украшения. *Гезиод* в своей поэме о земледелии:

«... и все работы производили медью: ибо не было еще черного железа»¹.

Лукреций — «В употребление вошла прежде медь, чем железо»². Джэкоб упоминает древнейшие медные рудники Нубии и Сибири (см. Дюро* 1,58); Геродот говорит, что у массагетов была лишь бронза, а железа не было. Судя по оксфордским памятникам железо не было известно до 1451 г. дохристианской эры. У *Гомера* железо встречается редко; зато очень распространено пользование бронзой, этим сплавом из меди, цинка и олова, которым греки и римляне долгое время пользовались даже для изготовления топоров и бритв.

К. Маркс. Подготовительные рукописи к «Критике политической экономии». 1857—1858. *Архив Маркса и Энгельса, т. IV, стр. 139—141.*

¹ [Ср. *Гезиод*. Подстрочный перевод поэм с греческого Г. Властова. Спб., 1885, стих 151, стр. 92.] *Ред.*

² [Ср. *Тит Лукреций Кар*. О природе вещей. Перевел с латинского размером подлинника И. Рачинский, изд. «Скорпион», Москва, 1904, стр. 184, кн. V, стих 1286; ср. изд. Гос. антирелиг. издательства, Москва, 1933, стр. 152, стих 1285.] *Ред.*

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ

Если отвлечься от общественного способа производства, то производительность труда зависит от природных условий, в которых он совершается. Все эти условия могут быть сведены либо к природе самого человека, к его расе и т. д., либо к природе его окружающей. Внешние природные условия с экономической точки зрения распадаются на два больших класса: естественные запасы средств существования, т. е. плодородие почвы, водоемы, богатые рыбой, и т. п., и естественные запасы средств производства, каковы, например, быстрые водопады, судоходные реки, лес, металлы, уголь и прочее. На ранних ступенях цивилизации главную роль играют природные богатства первого типа; позднее, в более развитом обществе, — второго. Сравните, например, Англию с Индией, или, в античном мире — Афины и Коринф с местностями, расположенными на побережье Черного моря.

Чем меньше естественных потребностей, требующих безусловного удовлетворения, чем более плодородна от природы почва и благоприятнее климат, тем меньше, стало быть, рабочее время, необходимое для поддержания и воспроизводства жизни производителя, и тем более продолжительным может быть его труд на другого по сравнению с трудом на самого себя. Это заметил уже Диодор Сицилийский по поводу древних египтян: «Трудно поверить, — говорит он, — как мало усилий и затрат стоит им вырастить детей. Они варят для них простую пищу, все, что придется; дают им часть корня папируса, которую можно поджарить на огне, а также корни и стебли растений как в сыром, так и в сваренном или поджаренном виде. Воздух здесь настолько нежный, что дети ходят большей частью без обуви и одежды. Таким образом, вырастить ребенка стоит родителям в общем не более двадцати драхм. Вот чем прежде всего объясняется многочисленность населения Египта, а равно и то, что здесь могли быть предприняты в таком количестве грандиозные сооружения»¹.

¹ Diod., I. c., I, ch. 80.

Однако своими грандиозными архитектурными творениями Египет обязан не столько численности своего населения, сколько возможности обратить довольно значительную часть его на исполнение работ непроизводительного характера. Как индивидуальный рабочий может доставить тем больше прибавочного труда, чем менее значительно его необходимое рабочее время, так и трудящееся население в целом: чем меньшая часть его требуется для производства необходимых средств существования, тем больше другая часть, которая остается для исполнения всех прочих работ.

Если капиталистический способ производства уже существует, то размеры прибавочного труда будут различны, при равных условиях, в соответствии с различными естественными условиями, прежде всего плодородием почвы. Но отсюда вовсе не следует, что наиболее плодородная почва является также наиболее подходящей и благоприятной для развития капиталистического производства, предполагающего господство человека над природой. Слишком расточительная природа «ведет человека, как ребенка, на помочах»; она мешает ему развиваться, не превращая его развитие в дело естественной необходимости¹.

Родина капитала — не в тропическом климате, среди роскошной растительности, а в умеренном поясе. Не абсолютное плодородие почвы, а скорее разнообразие ее химических качеств, ее геологического строения, ее физического рельефа, так же как разнообразие ее естественных продуктов, — такова природная основа общественного разделения труда, которая побуждает человека в результате изменчивости окружающих условий умножать свои потребности и силы, средства и приемы труда.

Необходимость общественного управления какой-нибудь силой природы, подчинения ее в интересах хозяйственной деятельности,

¹ Первое (естественное богатство), будучи гораздо более благоприятным и выгодным, делает население беззаботным, гордым и склонным ко всяким излишествам; тогда как второе развивает и укрепляет живость характера, бдительность, искусства, литературу и цивилизацию («England's Treasure by Foreign Trade. Or the Balance of our Treasure. Written by Thomas Mun, of London, Merchant and now published for the common good by his son John Mun», London, 1669, p. 181, 182). «Я не могу представить себе большего несчастья для народа, чем быть осужденным жить на клочке земли, где средства существования и пища производятся в значительной части сами по себе, и где климат не вызывает необходимости и не требует большой заботы об одежде... Возможна и противоположная крайность. Почва, неспособная производить даже после обработки, столь же плоха, как и почва, производящая все в изобилии без всякого приложения труда» («An Inquiry into the Causes of the Present high Price of Provisions, London, 1767, p. 10).

освоения ее в большом масштабе при помощи человеческого искусства, — вот что играет решающую роль в истории промышленности. Такова необходимость регулировать и распределять течение воды, как это было в Египте¹, Ломбардии, Голландии и т. д. Так же обстоит дело в Индии, Персии и т. д., где орошение посредством искусственных каналов не только доставляет почве необходимую для нее воду, но и приносит минеральные удобрения с гор, которые осаждаются вместе с илом. Тайна промышленного расцвета Испании и Сицилии при господстве арабов заключалась в искусственном орошении².

Karl Marx. Le Capital. Traduction de M. J. Roy, entièrement révisée par l'auteur, Paris, 1872, pp. 220—221.

¹ Необходимость вычислять периоды разлива Нила создала египетскую астрономию и одновременно господство касты жрецов как руководителей земледелия. «Солнцестояние есть тот момент в году, когда вода Нила начинает прибывать, и это явление египтяне должны были наблюдать с особым вниманием... Им важно было определить начало тропического года, чтобы регулировать свои земледельческие занятия. Они должны были поэтому настойчиво искать на небе признака, возвещающего его возвращение» (Cuvier, «Discours sur les révolutions du globe», éd. Hoefer, Paris, 1863, p. 141).

² В Индии распределение воды было одной из материальных основ существования центральной власти над маленькими организмами общинного производства, не связанными между собой. Магометанские завоеватели Индии поняли это лучше, чем их английские преемники. Достаточно напомнить только голод 1866 г., который стоил жизни более чем миллиону индийцев области Орисса, в Бенгалии.

ПИСЬМА ЭНГЕЛЬСА ПРОТИВ ВУЛЬГАРИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

1

...согласно материалистическому пониманию истории, в историческом процессе определяющим моментом в *конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большого никогда не утверждали. Если кто-нибудь это положение извратит в том смысле, что будто экономический момент является *единственно* определяющим моментом, тогда утверждение это превращается в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение, это — базис, но на ход исторической борьбы оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — конституции, установленные победившим классом после одержанной победы, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Тут имеется налицо взаимодействие всех этих моментов, в котором, в конце концов, экономическое движение, как необходимое, прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей (т. е. вещей и событий, внутренняя связь которых настолько отдаленна или настолько трудно определима, что мы можем забыть о ней, считать, что ее не существует). В противном случае применять теорию к любому историческому периоду было бы легче, чем решать самое простое уравнение первой степени.

2

Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т. д. развитие основано на экономическом развитии. Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономическую основу. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является *единственной активной причиной*, а остальное является лишь пассивным следствием. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, в *конечном счете* всегда прокладывающей себе путь. Государство, например, оказывает влияние при помощи покровительственных пошлин, свободы торговли, хорошей или дурной финансовой системы. Даже смертельная усталость и бессилие немецких мещан, происшедшие из экономически жалкого положения Германии в период с 1648 по 1830 г. и выразившиеся сначала в ханжестве, затем в сентиментальности и в рабском пресмыкательстве перед князьями и дворянством, не остались без влияния на экономику. Это было одним из величайших препятствий для нового подъема, и препятствие это было поколеблено только благодаря тому, что революционные и наполеоновские войны сделали хроническую нищету острой. Следовательно, нет автоматического действия экономического положения, как это для удобства кое-кто себе представляет, а сами люди делают свою историю, но в определенной, обуславливающей их среде, на основе уже существующих действительных отношений, среди которых экономические условия, как бы сильно ни влияли на них прочие — политические и идеологические, — являются в последнем счете все же решающими и образуют ту красную нить, которая пронизывает все развитие и одна приводит к его понижанию.

Ф. Энгельс — Гейнцу Штаркенбургу
25 января 1894 г.
Сочинения, т. XXIX, стр. 284.

3

Что же касается тех идеологических областей, которые еще выше парят в воздухе, религии, философии и т. д., то у них имеется предъисторическое содержание, находимое и усваиваемое историческим периодом, содержание, которое мы теперь назвали бы бессмыслицей. Эти различные ложные представления о природе, о существовании самого человека, о духах, волшебных силах и т. д. имеют по большей части лишь отрицательно-экономическую основу; низкое экономическое развитие предъисторического

периода имело в качестве своего дополнения, а порой даже в качестве условия и даже в качестве причины, ложные представления о природе. И все же, хотя экономическая потребность была и с течением времени все более становилась главной пружиной движущегося вперед познания природы, все же было бы педантизмом искать для всех этих первобытных бессмыслиц экономических причин. История наук это есть история постепенного устранения этой бессмыслицы или замены ее новой, но все же менее нелепой бессмыслицей. Люди, которые этим занимаются, принадлежат к особым областям разделения труда, и им кажется, что они обрабатывают независимую область. И, поскольку они образуют самостоятельную группу внутри общественного разделения труда, постольку их произведения, включая и их ошибки, оказывают обратное влияние на все общественное развитие, даже на экономическое. Но при всем том они опять-таки сами находятся под господствующим влиянием экономического развития. В философии, например, это можно всего легче доказать для ее буржуазного периода. Гоббс был первым современным материалистом (в смысле XVIII века), но он был сторонником самодержавия в то время, когда абсолютная монархия переживала свой период расцвета во всей Европе и в Англии вступила в борьбу с народом. Локк был в религии, как и в политике, сыном классового компромисса 1688 г. Английские деисты и их более последовательные продолжатели — французские материалисты были настоящими философами буржуазии, французы были даже философами буржуазной революции. В немецкой философии от Канта до Гегеля проглядывает немецкий буржуазный обыватель то положительно, то отрицательно. Но, как особая область разделения труда, философия каждой эпохи располагает в качестве предпосылки определенным мыслительным материалом, который передан ей ее предшественниками и из которого она исходит. От этого получается такое явление, что страны, экономически отсталые, в философии все же могут играть первую скрипку: Франция в XVIII веке по отношению к Англии, на философию которой французы опирались, а затем Германия по отношению к первым двум. Но как во Франции, так и в Германии философия и всеобщий расцвет литературы явились в ту эпоху результатом экономического подъема. Преобладание экономического развития в конечном счете также и над этими областями для меня неоспоримо, но оно имеет место в рамках условий, которые предписываются самой данной областью: в философии, например, воздействием экономических влияний (которые опять-таки оказывают действие по большей части только в своем поли-

тическом и т. п. одеянии) на имеющийся налицо философский материал, доставленный предшественниками. Экономика здесь ничего не создает заново, но она определяет вид изменения и дальнейшего развития имеющегося налицо мыслительного материала, но даже и это она производит по большей части лишь косвенным образом, между тем как важнейшее прямое действие на философию оказывают политические, юридические, моральные отражения.

Ф. Энгельс — Конраду Шмидту
27 октября 1890 г.
Сочинения, т. XXVIII, стр. 259—261.

4

Маркс и я были виноваты отчасти в том, что молодежь иногда придавала больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отрицали, и не всегда находилось достаточно времени, места и поводов отдавать должное и остальным моментам, участвующим во взаимодействии. Но как только дело доходило до изображения какого-либо исторического периода, т. е. до практического применения, дело менялось, и тут уже не могло быть никакой ошибки. К сожалению, сплошь и рядом полагают, что новую теорию вполне поняли и могут ее применять сейчас же, как только усвоены основные положения, да и то не всегда правильно. В этом я могу упрекнуть многих новейших «марксистов»; и благодаря этому также возникала удивительная путаница.

Ф. Энгельс — Иосифу Блоху 21—22
сентября 1890 г.
Сочинения, т. XXVIII, стр. 246—247.

5

Вообще, для многих молодых писателей в Германии слово «материалистический» служит просто в качестве фразы, которую они применяют к разным вещам, не давая себе труда заняться дальнейшим изучением, т. е. приклеивают этот ярлычок и считают, что этим все исчерпывается. Но наше понимание истории есть главным образом руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства. Всю историю надо начать изучать заново. Надо исследовать в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пы-

таться вывести из них соответствующие им политические, частно-правовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения. В этом отношении сделано до сих пор очень мало, потому что очень немногих людей серьезно этим занималось. В этом отношении нам нужна большая помощь, область бесконечно велика, и тот, кто хочет работать серьезно, может многое создать и отличаться. Но вместо этого у многих немцев из молодого поколения фраза об историческом материализме (все можно ведь превратить в фразу) служит только для того, чтобы возможно скорее систематически сконструировать свои собственные, относительно весьма скудные исторические знания (экономическая история ведь еще в пленках!) и затем с гордостью смотреть на свой подвиг и казаться самим себе великими. И тогда может явиться какой-нибудь Барт* и начать наступление на то, что в его среде, во всяком случае, сведено уже к пустой фразе.

Ф. Энгельс — Конраду Шмидту 5 августа 1890 г.
Сочинения, т. XXVIII, стр. 233.

РАБОТА ФРАНЦА МЕРИНГА «ЛЕГЕНДА О ЛЕССИНГЕ» В ОЦЕНКЕ ЭНГЕЛЬСА

1

Теперь я уже прочел и «Легенду о Лессинге»* Меринга в «Neue Zeit», она доставила мне большое удовольствие. Это действительно превосходная работа. Я бы кое-что мотивировал и оттенил по-иному, но в общем он попал в самую точку. Отрадно видеть, что материалистическое понимание истории, после того как оно в течение 20 лет, как правило, оставалось в работах молодых членов партии только трескучей фразой, наконец, начинает применяться надлежащим образом в качестве руководящей нити при изучении истории. Каутский и Эде написали несколько неплохих в этом отношении работ, но у Меринга своя специальная тема — прусский закоулок истории Германии, который он более досконально изучил; у него вообще более свободный взгляд и главным образом более твердый, определенный стиль. Я надеюсь, что эта работа появится отдельным изданием, как только закончится печатание в «Neue Zeit». Это лучшая из всех известных мне, проведенная по всем правилам осады цитадели прусской легенды: говорится о Лессинге, а подразумевается старый Фриц. Между тем прусская легенда обязательно должна быть развеяна, прежде чем Пруссия сможет раствориться в Германии. О *предпосылках* восточно-эльбской Пруссии как в германской, так в европейской и всемирной истории я бы кое-где сказал иначе, но все это — темы, которые Меринг лишь затронул.

Ф. Энгельс — Августу Бебелю
16 марта 1892 г.
Сочинения, т. XXIX, стр. 41.

2

Работы Меринга, как передовые статьи*, так и его «Лессинг», я нахожу превосходными, они очень меня порадовали.

Ф. Энгельс — К. Каутскому 29 сентября 1892 г.
Сочинения, т. XXIX, стр. 143.

3

Очень рад, что «Легенда о Лессинге» выходит отдельной книгой. Такие вещи сильно проигрывают, когда их читают по частям. Большой Вашей заслугой является то, что Вы расчистили дорогу в этой навозной куче прусской истории и показали истинную связь вещей. Современная прусская действительность делает это абсолютно необходимым, как ни неприятна эта работа сама по себе. В отдельных пунктах, и именно там, где Вы в различных местах устанавливаете причинную зависимость по отношению к предшествовавшим временам, я с Вами не вполне согласен. Это, однако, не мешает тому, что Ваша работа во много раз лучше всего, что имеется по этому периоду немецкой истории.

Ф. Энгельс — Францу Мерингу
11 апреля 1893 г.
Сочинения, т. XXIX, стр. 217—218.

4

Твой берлинский корреспондент¹ бесспорно обладает крайней субъективностью, но пером он владеет. Материалистическое понимание исторических событий — я бы сказал, что к текущим это не всегда относится, — он очень хорошо усвоил. Его «Легенда о Лессинге» была великолепно, хотя я в некоторых пунктах представляю себе дело иначе.

Ф. Энгельс — К. Каутскому 1 июня
1893 г.
Сочинения, т. XXIX, стр. 225.

5

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС — ФРАНЦУ МЕРИНГУ

14 июля 1893 г.

Дорогой г. Меринг,

Только сегодня могу, наконец, поблагодарить Вас за любезно присланную мне «Легенду о Лессинге». Я хотел не просто послать Вам формальное подтверждение в получении книги, а в то же время сказать что-нибудь о ней самой — об ее содержании. В этом причина задержки с ответом.

Я начинаю с конца — с приложения об историческом материализме, в котором главные факты Вы изложили превосходно и для всякого, кто свободен от предвзятого мнения, убедительно.

¹ Ф. Меринг. *Ред.*

Если у меня и возникают некоторые возражения, то лишь против того, что Вы приписываете мне большие заслуги, чем мне принадлежат, даже если считать все то, до чего я, быть может, додумался бы со временем самостоятельно, и что Маркс, обладая более проницательным глазом и более широким кругозором, открыл намного раньше. Тот, кому досталось счастье проработать в течение 40 лет вместе с таким человеком, как Маркс, при его жизни обычно не пользуется тем признанием, на которое мог бы, казалось, рассчитывать. Но когда великий человек умирает, легко случается, что его менее значительного соратника начинают оценивать выше, чем он заслуживал бы, и это, по-видимому, выпало сейчас на мою долю. История, в конце концов, все приведет в порядок, но к тому времени я благополучно отправлюсь на тот свет и ни о чем ничего не буду знать.

Кроме того, опущен еще один только пункт, который, правда, и в работах Маркса и моих, как правило, недостаточно подчеркивался, и в этом отношении вина в равной мере ложится на всех нас. А именно — главный упор мы делали сначала на *выведении* политических, правовых и прочих идеологических представлений и обусловленных ими действий из экономических фактов, лежащих в их основе — и так мы *должны были делать*. При этом из-за содержания мы тогда пренебрегали вопросом о форме: какими путями идет образование этих представлений и т. п. Это дало нашим противникам желанный повод для кривотолков, а также для искажений — разительным примером чего является Пауль Барт.

Идеология, это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные побудительные силы, которые приводят его в движение, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом. Он создает себе, следовательно, представления о ложных или кажущихся побудительных силах. Так как речь идет о мыслительном процессе, то он и выводит как содержание, так и форму его из чистого мышления — или из своего собственного, или из мышления своих предшественников. Он имеет дело исключительно с материалом мыслительным; без дальнейших околичностей он считает, что этот материал порожден мышлением, и не занимается исследованием никакого другого, более отдаленного и от мышления независимого источника. Такой подход к делу кажется ему само собой разумеющимся, так как для него всякое человеческое действие кажется *основанным* в последнем счете на мышлении, потому что совершается *при посредстве* мышления.

Исторический идеолог (исторический означает здесь просто собирательный термин для понятий: политический, юридический, философский, теологический, — словом, для всех областей, относящихся к *обществу*, а не просто к природе) располагает в области каждой науки известным материалом, который образовался самостоятельно из мышления прежних поколений и прошел свой собственный самостоятельный путь развития в мозгу этих следовавших одно за другим поколений. Конечно, на это развитие могли воздействовать в качестве сопутствующих причин и внешние факты, относящиеся к той или иной области, но факты эти, по молчаливому соглашению, считаются опять-таки просто плодами мыслительного процесса, и таким образом мы все время продолжаем оставаться в сфере чистой мысли, которая как будто благополучно переваривает даже самые твердые факты.

Именно эта видимость самостоятельной истории форм государственного устройства, правовых систем, идеологических представлений в любой области прежде всего и ослепляет большинство людей. Если Лютер и Кальвин «преодолевают» официальную католическую религию, а Гегель — Канта и Фихте, если Руссо своим республиканским «Общественным договором» косвенно «преодолеывает» конституционалиста Монтескье, то это — процесс, который остается внутри теологии, философии, государственной теории, представляет собой этап в развитии этих областей мышления и вовсе не выходит за пределы мышления. А с тех пор как к этому прибавилась буржуазная иллюзия о вечности и абсолютном совершенстве капиталистического производства, — с этих пор даже «преодоление» меркантилистов* физиократами* и Адамом Смитом рассматривается как чистая победа мысли, не отражение в области мышления изменившихся экономических фактов, а достигнутое, наконец, истинное понимание неизменно и повсюду существующих фактических условий. Выходит, что если бы Ричард Львиное Сердце и Филипп-Август ввели свободу торговли, вместо того чтобы впутываться в крестовые походы, то можно было бы избежать 500 лет нищеты и невежества.

На эту сторону дела, которой я здесь смог коснуться лишь слегка, мне думается, все мы обратили внимания меньше, чем она того заслуживает. Это старая история: вначале всегда из-за содержания не обращают внимания на форму. Повторяю, я сам это делал, и ошибка всегда бросалась мне в глаза уже после. Поэтому я не только далек от того, чтобы упрекать Вас за это, — наоборот, как виновный в том же еще раньше Вас, я даже не имею на то права, — я только хотел бы обратить Ваше внимание на этот пункт для будущего.

В связи с этим находится также нелепое представление идеологов: так как мы за различными идеологическими областями, играющими роль в истории, не желаем признать самостоятельного исторического развития, то, значит, мы отрицаем за ними и всякое *воздействие на историю*. В основе этого лежит шаблонное, недиалектическое представление о причине и следствии, как о двух неизменно противостоящих полюсах, и абсолютно упускается из виду взаимодействие. Эти господа часто намеренно забывают о том, что как только историческое явление вызвано к жизни другими, в конечном итоге экономическими, причинами, так оно тоже воздействует на окружающую среду и даже может оказывать обратное действие на породившие его причины. Так, например, Барт по поводу сословия священников и религии, у Вас — стр. 475. Мне очень понравилось, как Вы разделились с этим до невероятности пошлым субъектом. И его-то назначают профессором истории в Лейпциг! Ведь там был старик Вакмут, правда, такой же узколобый, но обладавший очень большим чутьем в области фактов, совсем другого склада человек!

О книге же вообще я могу только повторить то, что я уже не раз говорил по поводу статей, когда они появлялись в «*Neue Zeit*»; это наилучшее из имеющихся изложений генезиса прусского государства, могу сказать даже единственно хорошее, в большинстве случаев вплоть до мелочей правильно раскрывающее все взаимосвязи. Мне жаль только, что Вы сразу же не охватили всего дальнейшего развития вплоть до Бисмарка, и у меня невольно рождается надежда, что Вы это сделаете в другой раз и дадите общую картину в связном изложении, начиная с курфюрста Фридриха Вильгельма и кончая старым Вильгельмом. Ведь работа Вами уже проделана предварительно и, по основным вопросам по крайней мере, даже можно считать и окончательно. А это должно быть сделано, прежде чем сможет рухнуть все старинное сооружение. Разрушение монархически-патриотических легенд хоть и не является абсолютно необходимой предпосылкой для устранения прикрывающей классовое господство монархии (ибо *чистая*, буржуазная республика в Германии оказалась пройденным этапом, не успев возникнуть), но все же оно служит одним из наиболее сильно действующих рычагов для такого устранения.

Тогда у Вас будет больше простора и больше отдельных поводов для изображения прусской местной истории как частицы общегерманской жалкой судьбы. Это и есть тот пункт, в котором я кое в чем расхожусь с Вами, именно с Вашим пониманием причин раздробленности Германии и неудачи немецкой буржуазной

революции XVI века. Если мне доведется заново переработать историческое введение к моей «Крестьянской войне»*, что случится, надеюсь, будущей зимой, то я смогу развить там соответствующие моменты. Не то, чтобы я считал неправильными приведенные Вами причины, но я выдвигаю наряду с ними и другие и несколько иначе группирую их.

При изучении немецкой истории, которая представляет собой одно сплошное убожество, я всегда считал, что лишь сравнение с соответствующими эпохами истории Франции дает правильный масштаб, ибо там происходит как раз противоположное тому, что у нас. Там — образование национального государства из *disjecte membra*¹ феодального государства, у нас — в это время как раз период самого глубокого упадка. Там — редкостная объективная логика во всем ходе процесса, у нас — все более и более безнадежный развал. Там — в период средневековья чужеземное вторжение представлено английским завоевателем, который вмешивается в пользу провансальской национальности против северо-французской. Войны с англичанами представляют собой своего рода Тридцатилетнюю войну, но там эти войны оканчиваются изгнанием иностранных интервентов и покорением юга севером. Затем следует борьба центральной власти против опирающегося на свои иностранные владения бургундского вассала, роль которого соответствует роли Бранденбурга — Пруссии, но эта борьба оканчивается победой центральной власти и завершает образование национального государства. У нас — как раз в этот момент национальное государство разваливается окончательно (если только «немецкое королевство» в пределах Священной Римской империи можно назвать национальным государством), и начинается, в больших масштабах, разграбление немецких земель. Это для немцев в высшей степени постыдное сравнение, но оно тем более поучительно, и с тех пор как наши рабочие снова поставили Германию в первые ряды исторического движения, мы можем несколько легче проглотить позор прошлого.

Совершенно особой отличительной чертой немецкого развития является еще то, что две составные части империи, в конце концов разделившие между собой всю Германию, не являются ни та, ни другая чисто немецкими, а были колониями на завоеванной славянской земле: Австрия — баварской, Бранденбург — саксонской колонией; и власть в самой Германии они добыли себе только потому, что опирались на свои иноземные, не немецкие владения: Австрия на Венгрию (не говоря уже о Богемии), Бран-

¹ — разбросанные члены. *Ред.*

денбург на Пруссию. На западной границе, подвергавшейся наибольшей опасности, ничего подобного не было, на северной границе защищать Германию от датчан предоставили самим датчанам, а юг так мало нуждался в защите, что те, кто должен был охранять границы — швейцарцы, сами смогли отделиться от Германии!

Однако я увлекся всевозможными рассуждениями; пусть эта болтовня послужит Вам по крайней мере доказательством того, как живо заинтересовала меня Ваша работа.

Еще раз сердечная благодарность и привет.

Ваш Ф. Энгельс.

Ф. Энгельс — Францу Мерингу
14 июля 1893 г.
Сочинения, т. XXI X, стр. 227—232.

КЛАССОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И КЛАССОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ

1

Исходной точкой для индивидов всегда служили они сами, — взятые, конечно, в рамках данных исторических условий и отношений, — а не в качестве «чистого» индивида в понимании идеологов. Но в ходе исторического развития, — и как раз вследствие того, что при разделении труда общественные отношения неизбежно превращаются в нечто самостоятельное, — появляется различие между жизнью каждого индивида, поскольку она является личной, и его жизнью, поскольку она подчинена той или другой отрасли труда и связанным с ней условиям. (Этого не следует понимать в том смысле, будто, например, рантье, капиталист и т. д. перестают быть личностями, а в том смысле, что их личность обусловлена и определена вполне конкретными классовыми отношениями, и данное различие выступает лишь в их противоположности к другому классу, а для них самих обнаруживается лишь тогда, когда они обанкротились.) В сословии (а еще более в племени) это еще прикрыто: так, например, дворянин всегда остается дворянином, разночинец [roturier] — всегда разночинцем, вне зависимости от прочих условий их жизни; это — неотделимое от их индивидуальности качество. Отличие индивида как личности от классового индивида, случайный характер, который имеют для индивида его жизненные условия, появляется лишь вместе с появлением того класса, который сам есть продукт буржуазии. Только конкуренция и борьба индивидов друг с другом порождает и развивает этот случайный характер как таковой. Поэтому при господстве буржуазии индивиды представляются более свободными, чем они были прежде, ибо их жизненные условия случайны для них; в действительности же они, конечно, менее свободны, ибо более подчинены вещественной силе. Отличие от сословия особенно ярко обнаруживается в противоположности буржуазии пролетариату. Когда сословие горожан, кор-

порации и т. д. поднялись против поместного дворянства, условия их существования — движимое имущество и ремесленный труд, существовавшие в скрытом виде еще до их отрыва от феодальной системы, — показали себя как нечто положительное, что противопоставлялось феодальной земельной собственности и поэтому вскоре, в свою очередь, приняло своего рода феодальную форму. Во всяком случае, беглые крепостные рассматривали свое прежнее крепостное состояние как нечто случайное для их личности. Но в этом отношении они поступали так же, как всякий освобождающийся от своих оков класс, и кроме того, они освобождались не как класс, а поодиночке. Далее, они не вышли за рамки сословного строя, а только образовали новое сословие и в новом положении сохранили свой прежний способ труда и развили его дальше, освободив его от прежних оков, уже не соответствовавших достигнутой ими ступени развития¹.

Напротив, у пролетариев их собственное условие жизни, труд, а вместе с тем и условия существования всего теперешнего общества стали чем-то для них случайным, над чем отдельные пролетарии не имеют никакого контроля, да и никакая общественная организация им этого контроля дать не может. Противоречие между личностью отдельного пролетария и трудом, этим навязанным ему жизненным условием, становится теперь явным для него самого, — особенно потому, что он уже с ранних лет является жертвой и что в пределах своего класса у него нет шансов добиться для себя условий, делающих возможным его переход в другой класс.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология.
Сочинения, т. 3, стр. 77—78.

2

Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества,

¹ НЗ. Не нужно забывать, что уже необходимость сохранить существование крепостных и невозможность крупного хозяйства, которая влекла за собой распределение allotments [мелких участков земли] между крепостными, очень скоро свели повинности крепостных по отношению к феодалам к такому среднему уровню оброка и барщины, который сделал возможным для крепостного накопление движимого имущества, что облегчало ему побег от своего владельца и давало ему возможность устроиться в качестве горожанина, а также порождало дифференциацию среди крепостных; таким образом, беглые крепостные были уже наполовину буржуа. При этом ясно также, что крепостные крестьяне, владевшие каким-нибудь ремеслом, имели больше всего шансов приобрести движимое имущество.

есть в то же время и его господствующая *духовная* сила. Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчиненными господствующему классу. Господствующие мысли суть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений, как выраженные в виде мыслей господствующие материальные отношения; следовательно, это — выражение тех отношений, которые и делают один этот класс господствующим, это, следовательно, мысли его господства. Индивиды, составляющие господствующий класс, обладают, между прочим, также и сознанием и, стало быть, мыслят; поскольку они господствуют именно как класс и определяют данную историческую эпоху во всем ее объеме, они, само собой разумеется, делают это во всех ее областях, значит господствуют также и как мыслящие, как производители мыслей, они регулируют производство и распределение мыслей своего времени; а это значит, что их мысли суть господствующие мысли эпохи. Например, в стране, где в данный период времени между королевской властью, аристократией и буржуазией идет спор из-за господства, где, таким образом, господство разделено, там господствующей мыслью оказывается учение о разделении властей, о котором говорят как о «вечном законе».

Разделение труда, в котором мы уже выше (стр. [30—33]) нашли одну из главных сил предшествующей истории, проявляется теперь также и в среде господствующего класса в виде разделения духовного и материального труда, так что внутри этого класса одна часть выступает в качестве мыслителей этого класса (это — его активные, способные к обобщениям идеологи, которые делают главным источником своего пропитания разработку иллюзий этого класса о самом себе), в то время как другие относятся к этим мыслям и иллюзиям более пассивно и с готовностью воспринять их, потому что в действительности эти-то представители данного класса и являются его активными членами и поэтому они имеют меньше времени для того, чтобы строить себе иллюзии и мысли о самих себе. Внутри этого класса такое расщепление может разрастись даже до некоторой противоположности и вражды между обеими частями, но эта вражда сама собой отпадает при всякой практической коллизии, когда опасность угрожает самому классу, когда исчезает даже и видимость, будто господствующие мысли не являются мыслями господствующего класса и будто они обладают властью, отличной от власти этого класса. Существование революционных мыслей в определенную эпоху уже предпола-

гает существование революционного класса, о предпосылках которого необходимое сказано уже выше (стр. [32—33]).

Когда, однако, при рассмотрении исторического движения отделяют мысли господствующего класса от самого господствующего класса, когда наделяют их самостоятельностью, когда, не принимая во внимание ни условий производства этих мыслей, ни их производителей, упорно настаивают на том, что в данную эпоху господствовали те или иные мысли, когда, таким образом, совершенно оставляют в стороне основу этих мыслей — индивидов и историческую обстановку, — то можно, например, сказать, что в период господства аристократии господствовали понятия: честь, верность и т. д., а в период господства буржуазии — понятия: свобода, равенство и т. д. В общем, сам господствующий класс создает себе подобные иллюзии. Это понимание истории, свойственное — начиная главным образом с XVIII века — всем историкам, по необходимости наталкивается на то явление, что к господству приходят все более и более отвлеченные мысли, т. е. мысли, которые все более принимают форму всеобщности. Дело в том, что всякий новый класс, который ставит себя на место класса, господствовавшего до него, уже для достижения своей цели вынужден представлять свой интерес как общий интерес всех членов общества, т. е., выражаясь абстрактно, придать своим мыслям форму всеобщности, изобразить их как единственно разумные, общезначимые. Класс, совершающий революцию, — уже по одному тому, что он противостоит другому *классу*, — с самого начала выступает не как класс, а как представитель всего общества; он фигурирует в виде всей массы общества в противовес единственному господствующему классу¹. Происходит это оттого, что вначале его интерес действительно еще связан более или менее с общим интересом всех остальных, негосподствующих классов, не успев еще под давлением отношений, существовавших до тех пор, развиться в особый интерес особого класса. Поэтому многим индивидам из других классов, которые не могут достигнуть господства, победа этого класса также идет на пользу, но лишь постольку, поскольку она ставит этих индивидов в положение, позволяющее им подняться в ряды господствующего класса. Когда французская буржуазия свергла господство аристократии, перед многими пролетариями открылась в силу этого возможность

¹ Пометка Маркса на полях «(Всеобщность соответствует: 1) классу *contra* [против] сословие, 2) конкуренции, мировым сношениям и т. д., 3) большой численности господствующего класса, 4) иллюзии *общих* интересов. Вначале эта иллюзия правдива. 5) Самообману идеологов и разделению труда)». *Ред.*

подняться над пролетариатом, но это достигалось лишь постольку, поскольку они превращались в буржуа. Таким образом, основа, на которой каждый новый класс устанавливает свое господство, шире той основы, на которую опирался класс, господствовавший до него; зато впоследствии также и противоположность между негосподствующим классом и классом, достигшим господства, развивается тем острее и глубже. Оба эти обстоятельства приводят к тому, что борьба, которую негосподствующему классу предстоит вести против нового господствующего класса, направлена, в свою очередь, на более решительное, более радикальное отрицание предшествующего общественного строя, чем это могли сделать все прежние классы, добивавшиеся господства.

Вся эта видимость, будто господство определенного класса есть только господство известных мыслей, исчезнет, конечно, сама собой, как только господство классов перестанет вообще быть формой общественного строя, как только, следовательно, исчезнет необходимость в том, чтобы представлять особый интерес как всеобщий или «всеобщее» как господствующее.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология.
Сочинения, т. 3, стр. 45—48.

3

Нужно ли особое глубокомыслие, чтобы понять, что вместе с условиями жизни людей, с их общественными отношениями, с их общественным бытием изменяются также и их представления, взгляды и понятия, — одним словом, их сознание?

Что же доказывает история идей, как не то, что духовное производство преобразуется вместе с материальным? Господствующими идеями любого времени были всегда лишь идеи господствующего класса.

Говорят об идеях, революционизирующих все общество; этим выражают лишь тот факт, что внутри старого общества образовались элементы нового, что рука об руку с разложением старых условий жизни идет и разложение старых идей.

Когда древний мир клонился к гибели, древние религии были побеждены христианской религией. Когда христианские идеи в XVIII веке гибли под ударом просветительных идей, феодальное общество вело свой смертный бой с революционной в то время буржуазией. Идеи свободы совести и религии выражали в области знания лишь господство свободной конкуренции.

«Но», скажут нам, «религиозные, моральные, философские, политические, правовые идеи и т. д., конечно, изменялись в ходе

исторического развития. Религия же, нравственность, философия, политика, право всегда сохранялись в этом непрерывном изменении.

К тому же существуют вечные истины, как свобода, справедливость и т. д., общие всем стадиям общественного развития. Коммунизм же отменяет вечные истины, он отменяет религию, нравственность, вместо того чтобы обновить их; следовательно, он противоречит всему предшествовавшему ходу исторического развития».

К чему сводится это обвинение? История всех донныне существовавших обществ двигалась в классовых противоположностях, которые в разные эпохи складывались различно.

Но какие бы формы они ни принимали, эксплуатация одной части общества другою является фактом, общим всем минувшим столетиям. Не удивительно поэтому, что общественное сознание всех веков, несмотря на все разнообразие и все различия, движется в определенных общих формах, в формах сознания, которые вполне исчезнут лишь с окончательным исчезновением противоположности классов.

Коммунистическая революция есть самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого отношениями собственности; не удивительно, что в ходе своего развития она самым решительным образом порывает с идеями, унаследованными от прошлого.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Манифест Коммунистической партии.
Сочинения, т. 4, стр. 445—446.

4

Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что *существование классов* связано лишь с *определенными историческими фазами развития производства*; 2) что классовая борьба необходимо ведет к *диктатуре пролетариата*; 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к *уничтожению всяких классов* и к *бесклассовому обществу*. Невежественные олухи, вроде Гейнцена, отрицающие не только борьбу, но и самое существование классов, доказывают этим только то, что они, несмотря на весь свой кровожадный и якобы гуманистический вой,

считают общественные условия, на которых покоится господство буржуазии, последним продуктом, *pop plus ultra* [крайний предел] истории, доказывают, что они — лишь слуги буржуазии. И это прислужничество тем отвратительнее, чем меньше понимают эти болваны также и величие и преходящую необходимость самого буржуазного строя.

Из приведенных выше замечаний возьми то, что тебе покажется ценным. Между прочим, «централизацию» Гейнцен* позаимствовал от нас взамен своей «федеративной республики» и т. д. Когда те взгляды на классы, которые мы теперь распространяем, станут тривиальными и войдут в обиход «обыкновенного человеческого рассудка», тогда этот дурак громогласно провозгласит их новейшим продуктом «собственного глубокомыслия» и поднимет вой против нашего дальнейшего развития этих взглядов. Так, основываясь на своем «собственном глубокомыслии», он лаял на гегелевскую философию до тех пор, пока она носила прогрессивный характер, а теперь он пытается ее потерявшими всякий вкус крохами, которые изрыгает не переваривший их Руге.

К. Маркс — Иосифу Вейдемейеру
5 марта 1852 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 145—146.

5

Своеобразный характер социальной демократии выражается в том, что она требует демократически-республиканских учреждений не для того, чтобы уничтожить обе крайности — капитал и наемный труд, а для того, чтобы ослабить и превратить в гармонию существующий между ними антагонизм. Какие бы меры ни предлагались для достижений этой цели, как бы революционно ни окрашивалась сама цель, — суть остается та же: перестройка общества демократическим путем, но перестройка, остающаяся в рамках существования мелкой буржуазии. Было бы, однако, ограниченностью думать, будто мелкая буржуазия сознательно стремится отстоять эгоистический классовый интерес. Наоборот, она полагает, что *частные* условия ее освобождения — вместе с тем *общие* условия, при которых единственно может быть спасено современное общество и устранена классовая борьба. Точно так же не следует думать, что все демократические представители — *shopkeepers* (лавочники) или поклонники лавочников. По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от лавочников, как небо от земли. Их делает представителями мелкой буржуазии то, что их мысль не выходит

за пределы жизненной обстановки мелкой буржуазии, что они поэтому теоретически приходят к тем же задачам и решениям, к которым мелкий буржуа приходит практически, благодаря своим материальным интересам и своему общественному положению. Таково вообще отношение между *политическими и литературными* представителями класса и классом, который они представляют.

К. М а р к с. Восемнадцатое брю-
мера Луи Бонапарта.
Сочинения, т. VIII, стр. 349—350.

ПЕРЕДОВЫЕ МЫСЛИТЕЛИ И ЗАЩИТНИКИ КОРЫСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ ГОСПОДСТВУЮЩИХ КЛАССОВ

РИКАРДО И МАЛЬТУС

Для Мальтуса характерна *глубокая низость* мысли; низость, которую может позволить себе только поп, который в человеческой нищете видит наказание за грехопадение и вообще ссылается на «земную юдоль скорбей», имея в то же время в виду получение богатого прихода, который с помощью догмата о предопределении находит весьма выгодным «усладить» господствующим классам пребывание в юдоли скорби.

Эта низость мысли проявляется и в научном отношении. *Во-первых*, в его бесстыдно и топорно практикуемом *плагиаторстве*. *Во-вторых*, в тех *исполненных расчета*, а отнюдь не безразличных в этом отношении ¹ выводах, какие он делает из научных предпосылок. Рикардо с полным для своего времени правом рассматривает капиталистический способ производства как самый выгодный для производства вообще, как самый выгодный для создания богатства. Он хочет *производства ради производства* и в этом *он прав*. Если утверждать, как это делали сентиментальные противники Рикардо, что производство как таковое не является целью, то при этом забывают, что производство ради производства означает не что иное, как развитие человеческих производительных сил, следовательно, *развитие богатства человеческой природы* как *самоцель*. Если противопоставить, как это делает Сисмонди, этой цели благо отдельной личности, то это равносильно утверждению, что развитие рода должно быть *задержано* ради обеспечения блага отдельной личности, что, следовательно, нельзя вести никакой войны, ибо на войне отдельные личности, во всяком случае, погибают. Сисмонди прав только по отношению к тем экономистам, которые эту противоположность *затушевывают*, отрицают. Делаящие такое противопоставление не понимают, что

¹ В подлиннике игра слов: «Rücksichtsvoll» и «Rücksichtslos». *Ред.*

это развитие способностей рода — человек, [совершаясь] прежде всего на счет большинства человеческих индивидуумов и известных человеческих классов, в конце концов уничтожает этот антагонизм и совпадает с развитием отдельного индивидуума, что, следовательно, высшее развитие индивидуальности покупается только историческим процессом, в котором индивидуумы приносятся в жертву; не будем говорить уже о бесплодности таких размышлений, так как интересы рода и в царстве людей, как в царстве животных и растений, всегда находят себе удовлетворение на счет интересов индивидуумов. Прямолинейность Рикардо была, следовательно, не только *научно добросовестной, но и научно обязательной* для его точки зрения. Но вследствие этого ему тоже было безразлично, поражает ли насмерть развитие производительных сил земельную собственность или рабочих. Если этот прогресс лишает стоимости капитал промышленной буржуазии, для Рикардо он является столь же желанным. Если развитие производительной силы труда наполовину лишает стоимости наличный основной капитал, то какое это имеет значение? говорит Рикардо: производительность человеческого труда удвоилась. Здесь есть, следовательно, *научная добросовестность*. Если понимание Рикардо в общем соответствует интересам *промышленной буржуазии*, то только *потому, что ее* интересы совпадают с интересами производства или производственного развития человеческого труда, и постольку, поскольку совпадают. Где интересы развития производительной силы труда вступают в противоречие с интересами буржуазии, Рикардо столь же *прямолинейно* выступает против буржуазии, как в других случаях против пролетариата и аристократии.

Для характеристики Рикардо очень важны два следующих отрывка:

«Я в высшей степени сожалел бы, если бы соображения о выгодах какого-либо отдельного класса привели к задержке роста богатства и населения страны» (R i c a r d o, «Essay on the influence of a low price of corn on the profits of stock etc., 2-nd ed., Лондон, 1815, стр. 49).

При свободном ввозе хлеба «земля оставляется без обработки» (l. c.). [Но это благоприятно для промышленного производства.] Следовательно, землевладение приносится в жертву развитию производства.

Но при том же свободном ввозе хлеба:

«Нельзя отрицать, что некоторое количество капитала было бы потеряно. Но что такое представляет собой владение капиталом или сохранение его, — цель или средство? Несомненно — средство. В чем мы нуждаемся, так это

в изобилии благ¹; если бы могло быть доказано, что пожертвованием одной части нашего капитала мы могли бы увеличить годовое производство тех благ, которые служат для нашего наслаждения и нашего счастья, тогда, конечно, мы не должны были бы роптать на потерю части нашего капитала» («On protection to agriculture», 4-th ed., Лондон 1822, стр. 60).

«*Нашим капиталом*» Рикардо называет не тот капитал, который принадлежит *нам* или *ему*, а тот, который вложен в землю *капиталистами*. Но *мы* — это среднее всей нации (Durchschnitt der Nation). Увеличение «нашего» богатства есть увеличение *общественного* богатства, увеличение, которое является целью, как таковое, независимо от имеющих долю в этом богатстве!

«Для отдельного лица, обладающего капиталом в 20 000 ф., приносящим прибыли 2000 в год, совершенно безразлично, дает ли его капитал занятие 100 или 1000 чел., если только во всех подобных случаях прибыль его не падает ниже 2000 ф. Не имеет ли с этим сходства и действительный интерес нации? Если только чистый доход ее, рента и прибыль ее остаются одни и те же, то нет ни малейшей важности в том, состоит ли нация из 10 или 12 млн. жителей» («Principles of political economy», 3-rd ed., стр. 416; русск. пер. стр. 221).

Здесь принесен в жертву богатству «пролетариат». Поскольку он безразличен для существования богатства, постольку богатство безразлично для его существования. Он только масса — человеческая масса — и не имеет никакой стоимости.

На этих трех примерах мы показали научную беспристрастность Рикардо.

Но Мальтус, этот жалкий человек, делает из научных и всегда им *украденных* предпосылок только такие выводы, которые *приятны* и полезны аристократии против буржуазии и им обеим — *против* пролетариата. Он поэтому хочет не *производства ради производства*, а лишь производства, поскольку оно поддерживает или укрепляет (ausbaut)² *существующее*, соответствует интересам господствующих классов. Уже его первое сочинение*, являющееся одним из самых замечательных литературных примеров успеха плагиата за счет оригинальных произведений, имело практическую цель — представить в интересах английского правительства и землевладельческой аристократии стремления французской революции и ее сторонников в Англии к усовершенствованию существующего порядка вещей «экономически» как утопию. Другими словами, это был панегирический памфлет в пользу существующего строя и против исторического развития и, кроме того, оправдание войны против революционной Франции. Его

¹ Богатства вообще.

² В рукописи стоит: ausbausch (выпучивает). Ред.

сочинения 1815 г.* об охранительных пошлинах и о земельной ренте отчасти должны были подтвердить прежнюю апологию нищеты производителя, но главным образом защитить реакционное землевладение против «просвещенного», «либерального» и «прогрессивного» капитала и в частности оправдать задуманный шаг назад в английском законодательстве в интересах аристократов и против буржуазии. Наконец, его «Principles of political economy» против Рикардо имели в сущности своей целью ввести абсолютные требования промышленного капитала и законы, по которым развивается его производительность, в такие пределы, которые были бы «выгодны» и «желательны» с точки зрения интересов землевладельческой аристократии, государственной церкви, к которой принадлежал Мальтус, членов правительства (Regierungspersonen) и пожирателей налогов (Steuerverzehrer). Человека же, стремящегося *приспособить* науку к такой точке зрения, которая не почерпнута из нее самой, — как бы при этом она ошибочна ни была, — а взята извне, из *чуждых ей внешних интересов*, я называю «пизким». Со стороны Рикардо нет ничего низкого в том, что он ставит пролетариев наравне с машинами или с вьючным скотом, или с товаром, потому что, с его точки зрения, «*производство*» требует, чтоб они были только машинами или вьючным скотом, или потому, что они при капиталистическом производстве, действительно, только товары. Это придает его рассуждениям характер стоический, объективный, научный. Поскольку это возможно без греха против его науки, Рикардо всегда филантроп, каким он и был в практической жизни. Поп Мальтус [конечно, тоже] припирает рабочих ради производства до вьючных животных, осуждает их даже на голодную смерть и безбрачие. [Но] где подобное требование производства уменьшает «ренту» лендлорда или угрожает «десятине» государственной церкви или интересам пожирателей налогов, или даже приносит в жертву часть промышленной буржуазии, интересы которой тормозят прогресс той части буржуазии, которая представляет прогресс производства, где, следовательно, какие-либо интересы аристократии противостоят интересам буржуазии или интересы консервативной и ретроградной буржуазии противостоят интересам буржуазии прогрессивной — во всех этих случаях «поп» Мальтус не приносит в жертву производству отдельных интересов, а, наоборот, по мере своих сил стремится пожертвовать требованиями производства в угоду отдельным интересам существующих господствующих классов; для этой цели он умышленно искажает свои научные выводы. В этом заключается его научная низость, его преступление против науки, не говоря уже о его бесстыдном и то:

порном плагиаторстве. Научные выводы Мальтуса *построены в интересах* господствующих классов вообще и реакционных элементов этих господствующих классов в особенности; иными словами, ради этих интересов он *подделывает* науку. Интересы же эти *не считаются ни с чем*, раз дело касается угнетенных классов. В этих случаях ни с чем не считается и Мальтус. Мало того, он *чванится* беспощадностью, цинически хвастает ею и *преувеличивает* выводы, поскольку они направлены против живущих в нищете, даже *свыше* той меры, которая оправдывалась бы научно с его точки зрения.

Ненависть английского рабочего класса к Мальтусу — «*poor-law rascal*» (кричащего на рынке попа), как его невежливо называет Коббет, — является, следовательно, вполне оправданной; народ с верным инстинктом чувствовал здесь, что перед ним не *муж науки*, а *наемный адвокат*, защитник интересов его врагов, бесстыдный сикофант господствующих классов.

К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. I.
Партиздат, М., 1932, стр. 209—213.

О НАУЧНОМ И ВУЛЬГАРНОМ ПОНИМАНИИ КЛАССОВОЙ ИДЕОЛОГИИ

1

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС — ПАУЛЮ ЭРНСТУ *

Черновик.

Лондон, 5 июня 1890 г.

Милостивый государь,

К сожалению, я не могу исполнить Вашей просьбы и написать Вам письмо, которое Вы могли бы использовать против г. Бара. Это втянуло бы меня в открытую полемику с ним, для чего у меня буквально нет времени. Поэтому то, что я Вам пишу предназначено только для Вас лично.

К тому же я совершенно не знаком с тем, что Вы называете женским движением на Севере; я знаю только несколько драм Ибсена и абсолютно не представляю себе, в какой мере можно считать Ибсена ответственным за более или менее истерические полунощные бдения буржуазных и мещанских карьеристок.

Да и вся область, которую привыкли называть женским вопросом так обширна, что в пределах письма невозможно сказать о ней ничего исчерпывающего и даже хотя бы сколько-нибудь удовлетворительного. Но одно несомненно, что Маркс никогда не мог «стоять на точке зрения», которую ему приписывает г. Бар. Он еще с ума не сходил.

Что касается Вашей попытки подойти к вопросу материалистически, то прежде всего я должен сказать, что материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроют и перекраивают исторические факты. И если г. Бар полагает, что поймал Вас на этой ошибке, то мне думается, что тут он до известной степени прав.

Всю Норвегию и все, что там происходит, Вы подводите под одну категорию — мещанство, а затем это норвежское мещанство преспокойно подменяете своим представлением о немецком мещанстве. Но тут поперек дороги встают два факта.

Во-первых, когда победа над Наполеоном во всей Европе оказалась победой реакции над революцией и когда революция только на своей родине, во Франции, еще внушала такой страх, что вернувшаяся легитимная монархия была вынуждена дать буржуазно-либеральную конституцию, — в это время Норвегия сумела завоевать себе конституцию гораздо более демократическую, чем все существовавшие тогда в Европе.

И, во-вторых, за последние двадцать лет Норвегия пережила такой подъем в области литературы, каким не может похвалиться за этот период ни одна страна, кроме России. Мещане они или не мещане, но эти люди творят гораздо больше, чем другие, и налагают свою печать также и на литературу других народов, не в последнюю очередь и на немецкую.

На мой взгляд, эти факты обязывают нас точнее исследовать особенности норвежского «мещанства».

И тут Вы, вероятно, обнаружите сами весьма существенное различие. В Германии мещанство есть плод неудавшейся революции, плод прерванного и задержанного развития; благодаря Тридцатилетней войне и последовавшему за ней периоду оно приобрело свойственный ему крайне резко выраженный характер трусости, ограниченности, беспомощности и неспособности к какой бы то ни было инициативе, между тем как почти все другие крупные народы как раз в это время переживали быстрый подъем. Этот характер немецкое мещанство сохранило и впоследствии, когда Германия была снова подхвачена потоком исторического развития; этот характер был достаточно устойчив, чтобы в большей или меньшей мере наложить отпечаток и на все остальные общественные классы Германии в качестве общенемецкого типа, пока наш рабочий класс не прорвал, наконец, эти узкие рамки. Немецкие рабочие потому-то главным образом и «не имеют отечества»*, что они целиком стряхнули с себя немецкую мещанскую ограниченность.

Таким образом, немецкое мещанство — вовсе не нормальный исторический этап, а доведенная до крайности карикатура, своего рода вырождение, совершенно так же как польский еврей — карикатура на еврея. Английский, французский и всякий другой мелкий буржуа отнюдь не стоит на одном уровне с немецким.

Напротив, в Норвегии мелкое крестьянство и мелкая буржуазия с небольшой примесью средней буржуазии — примерно так

же, как было в Англии и во Франции в XVII веке, — есть нормальное состояние общества в течение многих столетий. Здесь и речи нет о насильственном отбрасывании назад в условия отжившего прошлого из-за неудавшегося крупного движения или из-за какой-нибудь Тридцатилетней войны. Вследствие своей изолированности, а также вследствие природных условий страна отстала, но общее ее состояние вполне соответствует ее производственным условиям и поэтому является нормальным. Лишь в самое последнее время в стране спорадически появляются кое-какие начатки крупной промышленности, но для сильнейшего рычага концентрации капиталов, для биржи, там нет места; к тому же огромный размах морской торговли оказывает как раз консервирующее влияние. Ибо если во всех других странах пароход вытесняет парусные суда, то Норвегия в огромной степени увеличивает свое парусное судоходство и обладает если не самым большим в мире, то, наверное, вторым по величине парусным флотом, составляющим по большей части собственность мелких и средних судовладельцев, как это было, скажем, в Англии около 1720 г. Но все же старое застойное существование пришло тем самым в движение, и это движение выражается также и в подъеме литературы.

Норвежский крестьянин никогда не был крепостным, и это дает всему развитию, подобно тому как в Кастилии, совсем другой фон. Норвежский мелкий буржуа — сын свободного крестьянина, и вследствие этого он *настоящий человек* по сравнению с опустившимся немецким менцанном. И каковы бы ни были недостатки, например ибсеновских драм, они отображают перед нами хотя маленький и среднебуржуазный, но совершенно несоизмеримый с немецким мир — мир, в котором люди еще обладают характером и инициативой и действуют, хотя зачастую с точки зрения иноземных понятий довольно странно, но самостоятельно. Подобные вещи я предпочитаю основательно изучить, прежде чем высказывать о них свое суждение.

Возвращаясь снова к тому, с чего я начал, т. е. к г. Бару, я должен сказать, что меня удивляет, до чего в Германии люди ужасно торжественно относятся друг к другу. Остроумие и юмор, по-видимому, запрещены более строго, чем когда бы то ни было, скука сделалась гражданским долгом. Иначе Вы, несомненно, несколько внимательнее рассмотрев «Женщину» г. Бара, увидели бы, что она лишена всех «исторически развившихся» черт. Исторически развилась ее кожа, ибо она должна быть белой или черной, желтой, коричневой или красной, — следовательно, у нее не может быть общечеловеческой кожи. Исторически развились ее волосы —

курчавые или волнистые, кудрявые или прямые; черные, рыжие или белокурые. Следовательно, в общечеловеческих волосах ей отказано. Что же останется, если отнять у нее вместе с кожей и волосами все исторически сложившееся? Перед нами предстанет женщина как таковая? Просто-напросто обезьяна *anthropopithecus*¹; пусть г. Бар берет ее — «легко осязаемую и прозрачную» — к себе в постель вместе с ее «естественными инстинктами».

Ф. Энгельс — Паулю Эрнсту 5 июля
1890 г.
Сочинения, т. XXVIII, стр. 219—222.

2

ОТВЕТ г. ПАУЛЮ ЭРНСТУ

Один приятель прислал мне газету «*Magdeburger Volksstimme*» от 16 сентября. Там в статье, подписанной именем Пауля Эрнста, я нашел следующее место:

«И если Энгельс характеризует теперь нашу оппозицию как «студенческий бунт», то пусть он все-таки укажет, где же мы отстаивали иные взгляды, а не взгляды его и самого Маркса; и если я изобразил нашу парламентскую социал-демократию частично весьма мелкобуржуазной по ее характеру, то пусть Энгельс посмотрит, что он сам писал в 1787 г. в предисловии к своему «Жилищному вопросу».

Общение с немецкими писателями уж много лет обогащает меня весьма диковинным опытом. Но, по-видимому, общению этому суждено стать еще более приятным. Я обязан, видите ли, сказать г. Паулю Эрнсту, где «мы» отстаивали иные взгляды и т. д. — Ну, что же, насчет «нас», т. е. так шумно недавно выступившей и так малодушно отступившей «оппозиции», которую я назвал литераторско-студенческим бунтом, можно ответить коротко: да чуть ли не в каждой статье, которую она выпускала в свет.

Что же касается самого г. Эрнста, то мне больше нечего говорить ему об этом. Я сказал ему это четыре месяца тому назад, а теперь волей-неволей должен опять надоедать публике этой моей «эрнст»овской² перепиской.

Г-н Эрнст писал мне 31 мая с. г. из Герберсдорфа, что г. Герман Бар упрекает его в «*Freie Bühne*» в неправильном применении

¹ Самка обезьяночеловека предполагаемой переходной формы между человекообразной обезьяной и человеком. *Ред.*

² Игра слов; «ernst» — по-немецки «серьезный». *Ред.*

марксова взгляда на историю к скандинавскому женскому движению; так вот, не буду ли я так любезен «сообщить в нескольких словах, соответствует ли мой (Эрнста) взгляд взгляду Маркса или нет, и кроме того, разрешить мне использовать Ваше письмо про- тив Бара».

На это я ответил 5 июня, что не могу вмешиваться в его спор с г. Баром: «скандинавское женское движение» мне совершенно незнакомо. Затем я продолжаю [следует отрывок из письма Энгельса Паулю Эрнсту от 5 июня 1890 г.]...

Здесь я, таким образом, хотя и в вежливой форме, но, тем не менее, достаточно ясно и определенно сказал г. Эрнсту — «где»: именно, в присланной мне им самим статье из «Freie Bühne». Если я разъясню ему, что он употребляет точку зрения Маркса просто как шаблон, по которому кроит и перекраивает исторические факты, то это и есть как раз пример того «глубокого непонимания» образа мыслей Маркса, в котором я упрекнул господ литераторов. И, показывая ему далее на предложенном им самим примере, на Норвегии, что применяемый им к Норвегии шаблон мещанства по немецкому образцу идет вразрез с историческими фактами, я тем самым ставлю ему на вид заранее и на примере его собственной особы то самое «грубое незнание решающих в каждом данном случае исторических фактов», в котором я упрекнул этих господ.

А теперь посмотрите, с каким жеманным благонаравием г. Эрнст разыгрывает из себя невинную поселянку, которую задел в Берлине на улице первый встречный сиятельный прохвост, как будто она «из таковских». С видом оскорбленной добродетели выступает он предо мною четыре месяца спустя после вышеприведенного письма: я обязан сказать ему — «где?». По-видимому, г. Эрнст переживает только две фазы литературных настроений. Сначала он наскაკивает с такой дерзостью и самоуверенностью, точно за этим в самом деле кроется что-нибудь, кроме чепухи; а когда люди начинают защищаться, тогда он спешит заявить, что он ничего не сказал, и жалуется на гнусное, оскорбительное отношение к его лучшим чувствам. Задетая добродетель — в его письме ко мне, в котором он плачется, что г. Бар «обошелся с ним невероятно бесстыдно!» Оскорбленная невинность — в его ответе мне, в котором он наивно спрашивает: где? — хотя он должен знать это уже целых четыре месяца. Непонятая благородная душа — в «Magdeburger Volksstimme», где у старины Бремера, заслуженно давшего ему по рукам, он тоже спрашивает: где?

Со вздохом вопрошаю: где?

Все вопрошаю: где?

Г-н Эрнст все еще хочет знать, где? — Да хотя бы в статье его в «Volkstribüne» об «опасностях марксизма», где он без обиняков воспринимает несуразное утверждение метафизика Дюринга, будто у Маркса история идет совершенно автоматически, без всякого участия людей (которые, однако, творят ее), и будто экономические отношения (которые, однако, сами создаются людьми) играют этими людьми, как простыми шахматными фигурами. Человеку, способному смешивать искажение теории Маркса таким противником, как Дюринг, с самой этой теорией, пусть поможет кто-нибудь другой, — я от этого отказываюсь.

Ф. Энгельс. Ответ г. Паулю Эрнсту.
Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 72—76.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ЕЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

1

Только от распространенности сношений зависит, теряются — или нет — для дальнейшего развития созданные в той или другой местности производительные силы, особенно изобретения. Пока сношения ограничиваются непосредственным соседством, каждое изобретение приходится делать в каждой отдельной местности заново; достаточно простых случайностей, вроде вторжений варварских народов или даже обыкновенных войн, чтобы довести какую-нибудь страну с развитыми производительными силами и потребностями до необходимости начинать все сначала. На первых ступенях исторического развития приходилось изобретать ежедневно заново, и в каждой местности — независимо от других. Как мало были гарантированы от полной гибели развитые производительные силы, даже при сравнительно обширной торговле, показывает пример финикийн¹, большинство изобретений которых было утрачено надолго в результате вытеснения этой нации из торговли, завоевания Александром и последовавшего отсюда упадка. Другой пример — судьба средневековой живописи на стекле. Только тогда, когда сношения приобретают мировой характер и базируются на крупной промышленности, когда все нации втягиваются в конкурентную борьбу, только тогда обеспечивается сохранение созданных производительных сил.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Не-
мецкая идеология.
Сочинения, т. 3, стр. 54.

2

Люди делают свою собственную историю, но они ее не делают самопроизвольно, — им приходится действовать не при обстоятельствах, выбранных ими самими, а при обстоятельствах, не

¹ Пометка Маркса на полях: «и производство стекла в средние века». *Ред.*

зависимых от их выбора, непосредственно их окружающих и унаследованных. Предания всех мертвых поколений тяготеют кошмаром над умами живых. Как раз тогда, когда люди, по-видимому, только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее, создают совершенно небывалое, — как раз в такие эпохи революционных кризисов они заботливо вызывают к себе на помощь духов прошедшего, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюм и в освященном древностью наряде, на чуждом языке разыгрывают новый акт всемирной истории. Так, Лютер переодевался апостолом Павлом, революция 1789—1814 гг. драпировалась поочередно в костюм римской республики и в костюм римской империи, а революция 1848 г. не нашла ничего лучшего, как пародировать то 1789 год, то революционные предания 1793—1795 годов. Так новичок, научившийся иностранному языку, всегда переводит его мысленно на свой родной язык; дух же нового языка он до тех пор себе не усвоил и до тех пор не владеет им свободно, пока он не может обойтись без мысленного перевода, пока он в новом языке не забывает родного.

При взгляде на эти всемирно-исторические заклинания мертвых тотчас бросается в глаза резкое различие между ними. Камилл Демулен, Дантон, Робеспьер, Сен-Жюст, Наполеон — герои, равно как партии и масса старой французской революции, — в римском костюме и с римскими фразами осуществили дело своего времени, — они освободили от феодальных уз и возвели здание современного *буржуазного* общества. Революционеры разбили феодальную землю на части и скосили выросшие на ней феодальные головы. Наполеон создал внутри Франции условия, сделавшие возможными развитие свободной конкуренции, эксплуатацию парцелированной поземельной собственности, приложение освобожденных от феодальных уз промышленных производительных сил нации, а за пределами Франции он всюду разрушил феодальные формы, поскольку буржуазное общество Франции нуждалось в соответственной, отвечающей потребностям времени обстановке на европейском континенте. Едва новая общественная формация успела сложиться, как исчезли допотопные гиганты и все римское, воскресшее из мертвых, — Бруты, Гракхи, Публиколы *, трибуны, сенаторы и сам Цезарь. Трезво-практическое буржуазное общество нашло себе истинных истолкователей и представителей в Сях, Кузенах, Роэ-Колларах, Бенжамен Констанах и Гизо; его настоящие полководцы заседали в коммерческих конторах, его политическим главой был жирноголовый Людовик XVIII. Уйдя с головой в накопление богатств и в мирную борьбу в области конкуренции, буржуазия забыла, что

ее колыбель охраняли древнеримские призраки. Однако, как ни мало героично буржуазное общество, для его появления на свет понадобились героизм, самопожертвование, террор, междоусобная война и битвы народов. В классически строгих преданиях римской республики борцы за буржуазное общество нашли идеалы и искусственные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии. Так, одним столетием раньше, на другой ступени развития, Кромвель и английский народ воспользовались для своей буржуазной революции языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из Ветхого завета. Когда же действительная цель была достигнута, когда английское общество было переделано на буржуазный лад, место пророка Аввакума занял Локк.

В этих революциях заклинание мертвых служило для возвеличения новой борьбы, а не для пародирования старой, служило для того, чтобы преувеличить значение данной задачи в фантазии, а не для того, чтобы увильнуть от ее разрешения на практике, — для того, чтобы найти снова дух революции, а не для того, чтобы носиться с ее призраком.

К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.
Сочинения, т. VIII, стр. 323—324.

3

Ты доказал, что рецепция римского завещания первоначально (а поскольку дело касается научного понимания юристов, то и сейчас) основывалась* на неправильном понимании. Но отсюда вовсе не следует, что завещание в своей *современной* форме, — каковы бы ни были те искажения римского права, посредством которых современные юристы его конструируют, — является *неправильно понятым* римским завещанием. В противном случае можно было бы сказать, что всякое достижение каждого предшествующего периода, усваиваемое периодом более поздним, представляет собой *неправильно понятое старое*. Так, например, несомненно, что три единства* в том виде, в каком их теоретически конструировали французские драматурги при Людовике XIV, основываются на неправильном понимании греческой драмы (и Аристотеля как ее истолкователя). Но, с другой стороны, столь же несомненно, что они понимали греков именно так, как это соответствовало потребности их собственного искусства, и потому долго еще придерживались этой так называемой «классической» драмы после того, как Дасье и другие правильно разъяс-

нили им Аристотеля. Известно также и то, что все современные конституции в значительной мере основываются на *неправильно понятой* английской конституции и перенимают как нечто существенное как раз то, что является признаком распада английской конституции и существует еще сейчас формально в Англии только *per abusum* [благодаря злоупотреблению], — например, так называемый ответственный *кабинет*. Неправильно понятая форма есть как раз всеобщая форма, и на определенной ступени развития общества — форма, пригодная для всеобщего употребления.

К. Маркс — Ф. Лассалю 22 июля
1861 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 394—395.

4

Сверх того необходимо для писателя различать то, что какой-либо автор в действительности дает, и то, что он дает только в собственном представлении. Это справедливо даже для философских систем: так, две совершенно различные вещи — то, что Спиноза считал краеугольным камнем в своей системе, и то, что в действительности составляет этот краеугольный камень. Поэтому не удивительно, что некоторые приверженцы Кенэ, вроде Мерсье де ла Ривьера, находили сущность всей системы в ее параферналиях, тогда как английские физиократы, писавшие в 1798 г., впервые доказывали, на основании Кенэ, наперекор А. Смиту, необходимость уничтожения частной собственности на землю.

К. Маркс — М. Ковалевскому, апрель 1879 г.
«Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями».
Госполитиздат, 1951, стр. 233.

5

Этикетка системы отличается от этикетки других товаров, между прочим, тем, что она обманывает не только покупателя, но часто и продавца. Сам Кенэ и его ближайшие ученики верили в свою феодальную вывеску, подобно тому, как наши школьные ученые верят в нее до сих пор. В действительности же система физиократов является первой систематической концепцией капиталистического производства. Представитель промышленного капитала — класс фермеров — является руководителем всего экономического движения. Земледелие ведется капиталистически, т. е. как крупное предприятие капиталистического фермера; непосредственный возделыватель земли — наемный рабочий. Производство создает не только предметы потребления, но и их стоимость; побудительным же мотивом производства

служит получение прибавочной стоимости, местом рождения которой является сфера производства, а не сфера обращения. Из тех трех классов, которые фигурируют в качестве носителей общественного процесса воспроизводства, опосредствуемого обращением, непосредственный эксплуататор «производительного» труда, производитель прибавочной стоимости, капиталистический фермер, отличается от того, кто просто ее присваивает.

Капиталистический характер физиократической системы еще во время ее расцвета вызвал оппозицию, с одной стороны, Ленгэ и Мабли, а с другой стороны, защитников свободного мелкого землевладения.

К. Маркс. Капитал, т. II.
Госполитиздат, 1950, стр. 358—359.

6

Все это — противоречия капиталистического производства того периода, когда оно, высвобождаясь из недр феодального общества, пока еще только дает самому этому феодальному обществу буржуазное толкование, но еще не нашло своей собственной формы; подобно тому как философия сначала вырабатывается в пределах религиозной формы сознания и этим, с одной стороны, уничтожает религию как таковую, а с другой стороны, по своему положительному содержанию сама движется еще только в этой идеализированной, переведенной на язык мыслей религиозной сфере...

Из всего этого видно, как мало понимают физиократов современные экономисты, вроде издателя физиократов господина Эжена Дэра с его удостоенным премии очерком о них, когда считают, что специфические положения физиократов об исключительной производительности земледельческого труда, о земельной ренте как единственной форме прибавочной стоимости, о выдающемся положении земельных собственников в системе производства — не стоят ни в какой связи и лишь случайно сочетаются у физиократов с провозглашением свободы конкуренции, с принципом крупной промышленности, капиталистического производства. Вместе с тем становится понятным, каким образом феодальная видимость этой системы — совершенно так же как аристократический тон эпохи Просвещения — должна была сделать немалое количество феодальных господ восторженными приверженцами и распространителями такой системы, которая по существу провозглашала буржуазную систему производства на развалинах феодальной.

К. Маркс. Теории прибавочной стоимости. (IV том «Капитала».)
Госполитиздат, М., 1954, стр. 18—20.

НЕРАВНОМЕРНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ВОПРОСЫ ИСКУССТВА

6. *Неодинаковое отношение развития материального производства, напр., к художественному.* Вообще понятие прогресса не следует брать в обычной абстракции. В вопросах искусства и т. д. эта диспропорция еще не так важна и не так трудна для понимания, как в сфере практических социальных отношений, напр., отношение образования Соединенных Штатов к Европе. Но собственно трудный пункт, который надлежит здесь разобрать, заключается в следующем: каким образом производственные отношения, как правовые отношения, вступают в неравное развитие. Следовательно, напр., отношение римского частного права (к уголовному и государственному праву это относится меньше) к современному производству.

7. *Это понимание выступает как необходимое развитие.* Однако признание прав за случаем *Varia*¹ (свобода и прочее). (Влияние средств сообщения.) Всемирная история существовала не всегда; история как всемирная история — результат.

8. *Исходный пункт, естественно, от природной определенности:* субъективно и объективно, племена, расы и т. д.

Относительно искусства известно, что определенные периоды его расцвета не находятся ни в каком соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также и развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации. Например, греки в сравнении с современными народами или также Шекспир. Относительно некоторых форм искусства, напр., эпоса, даже признано, что они в своей классической форме, составляющей эпоху в мировой истории, никогда не могут быть созданы, как только началось художественное производство как таковое; что, таким образом, в области самого искусства известные формы, имеющие крупное значение, возможны только

¹ В оригинале «*Va*». *Ред.*

на сравнительно низкой ступени художественного развития. Если это имеет место в области искусства в отношениях между различными его видами, то еще менее поразительно, что это обстоятельство имеет место в отношении всей области искусства к общему социальному развитию. Трудность заключается только в общей формулировке этих противоречий. Стоит лишь выделить каждое из них, и они уже объяснены. Возьмем, напр., отношение греческого искусства и затем Шекспира к современности. Известно, что греческая мифология составляла не только арсенал греческого искусства, но и его почву. Разве тот взгляд на природу и на общественные отношения, который лежит в основе греческой фантазии, а поэтому и греческого [искусства], возможен при наличии сельфакторов, железных дорог, локомотивов и электрического телеграфа? Куда уж Вулкану против Roberts & Co, Юпитеру против громоотвода и Гермесу против Crédit Mobilier! Всякая мифология преодолевает, подчиняет и формирует силы природы в воображении и при помощи воображения; она исчезает, следовательно, с действительным господством над этими силами природы. Что случилось бы с богиней Фамою при наличии Printinghousesquare?¹* Предпосылкою греческого искусства является греческая мифология, т. е. природа и общественные формы, уже переработанные бессознательно-художественным образом в народной фантазии. Это его материал. Но не любая мифология, т. е. не любая бессознательно-художественная переработка природы. (Здесь под последнею понимается все предметное, следовательно, включая общество.) Египетская мифология никогда не могла бы быть почвой или материнским лоном греческого искусства. Но, во всяком случае, именно мифология. Следовательно, отнюдь не такое развитие общества, которое исключает всякое мифологическое отношение к природе, всякое мифологизирование природы, которое, стало быть, требует от художника независимой от мифологии фантазии.

С другой стороны, возможен ли Ахиллес в эпоху пороха и свинца? Или вообще «Илиада» наряду с печатным станком и типографской машиной? И разве не исчезают неизбежно сказания, песни и музыки, а тем самым и необходимые предпосылки эпической поэзии, с появлением печатного станка?

Однако трудность заключается не в том, чтобы понять, что греческое искусство и эпос связаны известными формами общественного развития. Трудность состоит в понимании того, что они еще продолжают доставлять нам художественное наслаждение

¹ Типография «Times» в Лондоне. Фама — богиня молвы (Рим). *Ред.*

и в известном смысле сохраняют значение нормы и недостижимого образца.

Мужчина не может снова превратиться в ребенка или он становится ребячливым. Но разве не радуется его наивность ребенка и разве сам он не должен стремиться к тому, чтобы на высшей ступени воспроизводить свою истинную сущность. Разве в детской натуре в каждую эпоху не оживает ее собственный характер в его безыскусственной правде? И почему детство человеческого общества там, где оно развилось всего прекраснее, не должно обладать для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень? Бывают невоспитанные дети и старчески умные дети. Многие из древних народов принадлежат к этой категории. Нормальными детьми были греки. Обаяние, которым обладает для нас их искусство, не стоит в противоречии с той неразвитой общественной ступенью, на которой оно выросло. Наоборот, оно является ее результатом и неразрывно связано с тем, что незрелые общественные отношения, при которых оно возникло, и только и могло возникнуть, никогда не могут повториться снова.

К. М а р к с. Введение к «Критике политической экономии».
Сочинения, т. XII, ч. I, стр. 200—204.

ИСКУССТВО
В КЛАССОВОМ
ОБЩЕСТВЕ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИСКУССТВА

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЧУВСТВА

1

Мы видим, что история *промышленности* и возникшее *предметное* бытие промышленности являются *раскрытой* книгой *человеческих сущностных сил*, чувственно представшей перед нами человеческой *психологией*, которую до сих пор рассматривали не в ее связи с *сущностью* человека, а всегда лишь под углом зрения какого-нибудь внешнего отношения полезности, потому что, — двигаясь в рамках отчуждения, — люди усматривали действительность человеческих сущностных сил и *человеческую родовую деятельность* только во всеобщем бытии человека, в религии, или же в истории в ее абстрактно-всеобщих формах политики, искусства, литературы и т. д. В *обыкновенной, материальной промышленности* (которую в такой же мере можно рассматривать как часть вышеуказанного всеобщего движения, в какой само это движение можно рассматривать как *особую* часть промышленности, так как вся человеческая деятельность была до сих пор трудом, т. е. промышленностью, отчужденной от самой себя деятельностью) мы имеем перед собой под видом *чувственных, чужих, полезных предметов*, под видом отчуждения, *опредмеченные сущностные силы* человека. Такая *психология*, для которой эта книга, т. е. как раз чувственно наиболее осязательная, наиболее доступная часть истории, закрыта, не может стать действительно содержательной и *реальной* наукой.

2

В какой мере разрешение теоретических загадок есть задача практики и опосредствуется практически, в какой мере истинная практика является условием действительной и положительной теории, видно, например, на *фетишизме*. Чувственное сознание у фетишиста иное, чем у грека, потому что его чувственное бытие еще иное. Абстрактная вражда между чувством и духом необходима до тех пор, пока собственным трудом человека еще не созданы человеческий вкус к природе, человеческое чувство природы, а значит, и *естественное* чувство человека.

К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года.
К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, М., 1956, стр. 605—606.

3

Глаз стал *человеческим* глазом точно так же, как его *объект* стал общественным, *человеческим* объектом, созданным человеком для человека. Поэтому *чувства* непосредственно в своей практике стали *теоретиками*. Они имеют отношение к *вещи* ради вещи, но сама эта вещь есть *предметное человеческое* отношение к самой себе и к человеку¹, и наоборот. Вследствие этого потребность и пользование вещью утратили свою *эгоистическую* природу, а природа утратила свою голую *полезность*, так как польза стала *человеческой* пользой.

Точно так же чувства и наслаждения других людей стали моим *собственным* достоянием. Поэтому, кроме этих непосредственных органов, образуются *общественные* органы, в *форме* общества. Так, например, деятельность в непосредственном общении с другими и т. д. стала органом *проявления* моей жизни и одним из способов усвоения *человеческой* жизни.

Ясно, что *человеческий* глаз воспринимает и наслаждается иначе, чем грубый нечеловеческий глаз, человеческое *ухо* — иначе, чем грубое, неразвитое ухо, и т. д.

Мы видели, что человек не теряет самого себя в своем предмете лишь в том случае, если этот предмет становится для него *человеческим* предметом, или опредмеченным человеком. Это возможно лишь тогда, когда этот предмет становится для него

¹ Я могу на практике относиться к вещи по-человечески только тогда, когда вещь по-человечески относится к человеку.

общественным предметом, сам он становится для себя общественным существом, а общество становится для него сущностью в данном предмете.

Поэтому, с одной стороны, по мере того как предметная действительность повсюду в обществе становится для человека действительностью человеческих сущностных сил, человеческой действительностью и, следовательно, действительностью его *собственных* сущностных сил, все *предметы* становятся для него *опредмечиванием* самого себя, утверждением и осуществлением его индивидуальности, *его* предметами, а это значит, что предмет становится *им самим*. То, как они становятся для него *его* предметами, зависит от *природы предмета* и от *природы соответствующей ей сущностной силы*; ибо именно *определенность* этого отношения создает особый, *действительный* способ утверждения. *Глазом* предмет воспринимается иначе, чем *ухом*, и предмет глаза — иной, чем предмет *уха*. Своеобразие каждой сущностной силы — это как раз ее *своеобразная сущность*, следовательно и своеобразный способ ее *опредмечивания*, ее *предметно-действительного*, *живого бытия*. Поэтому не только в мышлении, но и *всеми* чувствами человек утверждает себя в предметном мире.

С другой стороны, со стороны субъективной: только музыка пробуждает музыкальное чувство человека; для немusикального уха самая прекрасная музыка *лишена* смысла, она для него не является предметом, потому что мой предмет может быть только утверждением одной из моих сущностных сил, т. е. он может существовать для меня только так, как существует для себя моя сущностная сила в качестве субъективной способности, потому что смысл какого-нибудь предмета для меня (он имеет смысл лишь для соответствующего ему чувства) простирается ровно настолько, насколько простирается *мое* чувство. Вот почему *чувства* общественного человека суть *иные* чувства, чем чувства необщественного человека. Лишь благодаря предметно развернутому богатству человеческого существа развивается, а частью и впервые порождается, богатство субъективной *человеческой* чувственности: музыкальное ухо, чувствующий красоту формы глаз, — короче говоря, такие *чувства*, которые способны к человеческим наслаждениям и которые утверждают себя как *человеческие* сущностные силы. Ибо не только пять внешних чувств, но и так называемые духовные чувства, практические чувства (воля, любовь и т. д.), — одним словом, *человеческое* чувство, человечность чувств, — возникают лишь благодаря наличию *соответствующего* предмета, благодаря оче-

ловеченной природе. *Образование* пяти внешних чувств — это работа всей до сих пор протекшей всемирной истории. *Чувство*, находящееся в плену у грубой практической погрешности, обладает лишь *ограниченным* смыслом. Для изголодавшегося человека не существует человеческой формы пищи, а существует только ее абстрактное бытие как пищи: она могла бы с таким же успехом иметь самую грубую форму, и невозможно сказать, чем отличается это поглощение пищи от поглощения ее *животным*. Удрученный заботами, нуждающийся человек невосприимчив даже к самому прекрасному зрелищу; торговец минералами видит только меркантильную стоимость, а не красоту и не своеобразную природу минерала; у него нет минералогического чувства. Таким образом, необходимо опредмечивание человеческой сущности — как в теоретическом, так и в практическом отношении, — чтобы, с одной стороны, *очеловечить чувства* человека, а с другой стороны, создать *человеческое чувство*, соответствующее всему богатству человеческой и природной сущности.

К. М а р к с. Экономическо-философские рукописи 1844 года.
К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, М., 1956, стр. 592—594.

РОЛЬ ТРУДА В ПРОЦЕССЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИСКУССТВА

Чтобы прямая походка могла стать у наших волосатых предков сначала правилом, а потом и необходимостью, нужно было, чтобы руки уже раньше специализировались на других функциях. Уже у обезьян существует известное разделение функций между руками и ногами. Как уже раньше замечено было, при лазании пользуются руками иначе, чем ногами. Первыми пользуются преимущественно для целей собирания и удержания пищи, как это уже делают некоторые низшие млекопитающие при помощи своих передних лап. При помощи рук некоторые обезьяны строят себе гнезда на деревьях или даже, как шимпанзе, навесы между ветвями для защиты от непогоды. Руками они схватывают дубины для защиты от врагов или бомбардируют последних плодами и камнями. При помощи рук они выполняют в плену целый ряд простых операций, подражая соответствующим действиям людей. Но именно тут-то и обнаруживается, как велико расстояние между неразвитой рукой даже наиболее подобных человеку обезьян и усовершенствованной трудом сотен тысячелетий человеческой рукой. Число и общее расположение костей и муску-

лов одинаковы у обеих, и тем не менее даже рука первобытнейшего дикаря способна выполнить сотни работ, недоступных никакой обезьяне. Ни одна обезьянья рука не изготовила когда-либо хоть бы самого грубого каменного ножа.

Поэтому операции, к которым наши предки в эпоху перехода от обезьяны к человеку, на протяжении многих тысячелетий, постепенно научились приспособлять свои руки, могли быть вначале только очень простыми. Самые низшие дикари, даже такие, у которых приходится предположить возврат к звероподобному состоянию с одновременным физическим вырождением, все же стоят выше тех промежуточных существ. До того, как первый булыжник, при помощи человеческих рук, мог превратиться в нож, должен был, пожалуй, пройти такой длинный период времени, что, в сравнении с ним, знаковый нам исторический период является совершенно незначительным. Но решительный шаг был сделан, *рука стала свободной* и могла совершенствоваться в ловкости и мастерстве, а приобретенная этим большая гибкость передавалась по наследству и умножалась от поколения к поколению.

Рука, таким образом, является не только органом труда, *она также его продукт*. Только благодаря труду, благодаря приспособлению к все новым операциям, благодаря передаче по наследству достигнутого таким путем особенного развития мускулов, связок и, за более долгие промежутки времени, также и костей, так же как благодаря все новому применению этих передаваемых по наследству усовершенствований к новым, все более сложным операциям, — только благодаря всему этому человеческая рука достигла той высокой ступени совершенства, на которой она смогла, как бы силой волшебства, вызвать к жизни картины Рафаэля, статуи Торвальдсена, музыку Паганини.

Ф. Энгельс. Диалектика природы.
Сочинения, т. XIV, стр. 453—454.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО И ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ

Производство не только доставляет потребности материал, но оно доставляет и материалу потребность. Когда потребление выходит из своей первоначальной природной грубости и непосредственности, — а длительное пребывание его на этой ступени было бы, в свою очередь, результатом закосневшего в первобыт-

ной дикости производства, — то оно само, как побуждение, опосредствуется предметом. Потребность, которую оно в нем ощущает, создана восприятием последнего. Предмет искусства, — а также всякий другой продукт, — создает публику, понимающую искусство и способную наслаждаться красотой. Производство производит поэтому не только предмет для субъекта, но также и субъект для предмета.

К. М а р к с. Введение к «К критике политической экономии».
Сочинения, т. XII, ч. I, стр. 182.

ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

Язык так же древен, как и сознание; язык *есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми¹. Там, где существует какое-нибудь отношение, оно существует для меня; животное не «относится» ни к чему и вообще не «относится»; для животного его отношение к другим не существует как отношение. Сознание, следовательно, с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди. Сознание, конечно, есть вначале осознание *ближайшей* чувственно воспринимаемой среды и осознание ограниченной связи с другими лицами и вещами, находящимися вне начинающего сознавать себя индивида; в то же время оно — осознание природы, которая первоначально противостоит людям как совершенно чуждая, всемогущая и неприступная сила, к которой люди относятся совершенно по-животному и власти которой они подчиняются, как скот; следовательно, это — чисто животное осознание природы (обожествление природы).

Здесь сразу видно, что это обожествление природы или это определенное отношение к природе обуславливается формой общества, и наоборот. Здесь, как и повсюду, тождество природы и человека обнаруживается также и в том, что ограниченное отношение людей к природе обуславливает их ограниченное отношение друг к другу, а их ограниченное отношение друг к другу — их ограниченное отношение к природе, и именно потому, что природа еще почти не видоизменена ходом истории; но с другой стороны, сознание необходимости вступить в сноше-

¹ Далее в рукописи перечеркнуто: «Мое отношение к моей среде есть мое сознание». *Ред.*

ния с окружающими индивидами является началом осознания того, что человек вообще живет в обществе. Начало это носит столь же животный характер, как и сама общественная жизнь на этой ступени; это — чисто стадное сознание, и человек отличается здесь от барана лишь тем, что сознание заменяет ему инстинкт, или же, — что его инстинкт осознан. Это баранье, или племенное, сознание получает свое дальнейшее развитие благодаря росту производительности, росту потребностей и лежащему в основе того и другого росту населения. Вместе с этим развивается и разделение труда, которое вначале было лишь разделением труда в половом акте, а потом — разделением труда, совершившимся само собой или «естественно возникшим» благодаря природным задаткам (например, физической силе), потребностям, случайностям и т. д. и т. д. Разделение труда становится действительным разделением лишь с того момента, когда появляется разделение материального и духовного труда¹. С этого момента сознание *может* действительно вообразить себе, что оно нечто иное, чем осознание существующей практики, что оно *действительно* представлять себе что-нибудь, не представляя себе чего-нибудь действительного, — с этого момента сознание в состоянии эмансипироваться от мира и перейти к образованию «чистой» теории, теологии, философии, морали и т. д. Но если даже эта теория, теология, философия, мораль и т. д. вступают в противоречие с существующими отношениями, то это может происходить лишь благодаря тому, что существующие общественные отношения вступили в противоречие с существующей производительной силой. Впрочем, в пределах отношений определенной нации это может произойти также благодаря тому, что противоречие обнаруживается не в данных национальных рамках, а между данным национальным сознанием и практикой других наций², т. е. между национальным и всеобщим сознанием той или другой нации (как это в настоящее время имеет место в Германии).

Впрочем, совершенно безразлично, что предпримет само по себе сознание; из всей этой дряни мы получаем лишь один вывод, а именно, что три указанных момента — производительная сила, общественное состояние и сознание — могут и должны вступить в противоречие друг с другом, ибо *разделение труда* делает возможным — более того: действительным, — что духов-

¹ Пометка Маркса на полях: «С этим совпадает первая форма идеологов, попы». Ред.

² Пометка Маркса на полях: «Религия. Немцы с идеологией как таковой». Ред.

ная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов; добиться того, чтобы они не вступали друг с другом в противоречие, возможно только путем устранения разделения труда. Впрочем, само собой разумеется, что «призраки», «узы», «высшее существо», «понятие», «сомнение» являются лишь идеалистическим, духовным выражением, представлением мнимоизолированного индивида, представлением о весьма эмпирических путях и границах, внутри которых движется способ производства жизни и связанная с ним форма общения.

Вместе с разделением труда, содержащим все эти противоречия и покоящимся, в свою очередь, на естественно возникшем разделении труда в семье и на распадении общества на отдельные, противостоящие друг другу семьи, — вместе с этим разделением труда дано и *распределение*, являющееся притом — как количественно, так и качественно — *неравным* распределением труда и его продуктов; следовательно, дана и собственность, зародыш и первоначальная форма которой имеется уже в семье, где жена и дети — рабы мужчины. Рабство в семье — правда, еще очень примитивное и скрытое — есть первая собственность, которая, впрочем, уже и в этой форме вполне соответствует определению современных экономистов, согласно которому собственность есть распоряжение чужой рабочей силой. Впрочем, разделение труда и частная собственность, это — тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом — по отношению к продукту деятельности.

Далее, вместе с разделением труда дано и противоречие между интересом отдельного индивида или отдельной семьи и общим интересом всех индивидов, находящихся в общении друг с другом; притом этот общий интерес существует не только в представлении, как «всеобщее», но прежде всего он существует в действительности в качестве взаимной зависимости индивидов, между которыми разделен труд. И наконец, разделение труда дает нам также и первый пример того, что пока люди находятся в стихийно сложившемся обществе, пока, следовательно, существует разрыв между частным и общим интересом, пока, следовательно, разделение деятельности совершается не добровольно, а стихийно, — собственная деятельность человека становится для него чуждой, противостоящей ему силой, которая угнетает его, вместо того чтобы он господствовал над ней. Дело в том, что как только появляется разделение труда, каждый приобретает свой определенный, исключительный круг деятельности, который

ему навязывается и из которого он не может выйти: он — охотник, рыбак или пастух, или же критический критик и должен оставаться таковым, если не хочет лишиться средств к жизни, — тогда как в коммунистическом обществе, где никто не ограничен исключительным кругом деятельности, а каждый может совершенствоваться в любой отрасли, общество регулирует все производство и именно поэтому создает для меня возможность делать сегодня одно, а завтра — другое, утром охотиться, после полудня ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике, — как моей душе угодно, — не делая меня, в силу этого, охотником, рыбаком, пастухом или критиком. Это закрепление социальной деятельности, это консолидирование нашего собственного продукта в какую-то вещественную силу, господствующую над нами, вышедшую из-под нашего контроля, идущую вразрез с нашими ожиданиями и сводящую на нет наши расчеты, является одним из главных моментов в предшествующем историческом развитии.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология.
Сочинения, т. 3, стр. 29—32.

ЛИЧНЫЕ СПОСОБНОСТИ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ

«Чем каждый может стать, тем он и становится*. Неблагоприятные *обстоятельства* могут помешать прирожденному поэту стоять на высоте эпохи и создавать великие творения, для которых совершенно необходима большая подготовка; но он будет сочинять стихи независимо от того, будет ли он батраком или же ему посчастливится жить при веймарском дворе. Прирожденный музыкант будет заниматься музыкой, безразлично, на всех ли инструментах» (эту фантазию о *«всех инструментах»* он нашел у Прудона. См. «Коммунизм») «или же только на пастушьей свирели» (нашему школьному наставнику тут, конечно, вспоминаются вергилиевские эклоги). «Прирожденный философский ум сможет проявить себя либо в качестве университетского философа, либо в качестве деревенского философа. Наконец, *прирожденный глупец* всегда останется тупицей. И надо сказать, что прирожденные ограниченные головы бесспорно образуют самый многочисленный класс людей. Да и почему бы в человеческом роде не быть тем же самым различиям, которые встречаются во всякой породе животных?» (стр. 434).

Санчо и на этот раз выбрал свой пример с обычной неловкостью. Если принять всю его бессмысленную болтовню о прирожденных поэтах, музыкантах, философах, то его пример доказывает, с одной стороны, лишь то, что прирожденный и т. д. *остается* тем, что он уже *есть* от рождения, — именно поэтом и т. д.; а с другой стороны, что прирожденный и т. д., поскольку он *становится*, развивается, может «в силу неблагоприятных обстоя-

тельств» не стать тем, чем *он мог бы стать*. Таким образом, его пример, с одной стороны, не доказывает ровно ничего, а с другой — доказывает обратное тому, что следовало доказать; с обеих же сторон вместе, он доказывает, что Санчо от рождения или в силу обстоятельств принадлежит к *«самому многочисленному классу людей»*. Зато он разделяет с этим классом и со своей «тупостью» то утешение, что он — *единственный* «тупица».

Санчо переживает здесь приключение с волшебным напитком, приготовленным Дон-Кихотом из розмарина, вина, оливкового масла и соли; как рассказывает Сервантес* в семнадцатой главе, Санчо, испив эту смесь, целых два часа подряд, в поте лица и с судорожными конвульсиями, извергал ее из обоих каналов своего тела. Материалистический напиток, выпитый нашим Храбрым оруженосцем для своего самонаслаждения, очищает его от всего его эгоизма в необыкновенном смысле слова. Мы видели выше, что Санчо вдруг потерял всю свою торжественность, вспомнив о необходимости «толчка», и отказался от всех своих «способностей», как некогда египетские волшебники перед вшами Моисея; теперь мы наблюдаем два новых приступа малодушия: он склоняется также и перед силой «неблагоприятных обстоятельств» и признает, наконец, даже свою первоначальную физическую организацию за нечто такое, что уродуется без всякого его содействия. Что же остается еще у нашего обанкротившегося эгоиста? Его прирожденная физическая организация не в его власти; «обстоятельства» и «толчок», под влиянием которых она развивается, не доступны его контролю; «таков, каков он есть каждое мгновение, он» — не «свое собственное творение», а нечто сотворенное взаимодействием между его природными задатками и влияющими на них обстоятельствами, — всего этого Санчо не оспаривает больше. Несчастный «творец!» Несчастнейшее «творение»!

Но самая страшная беда приходит напоследок. Санчо, не довольствуясь тем, что ему уже давно полностью отсчитаны *tres mil azotes y trecientos en ambas sus valientes posaderas*¹, сам наносит себе под конец еще один удар, и самый главный, провозгласив себя *фанатиком рода*. И каким еще фанатиком! Во-первых, он приписывает роду разделение труда, ибо делает его ответственным за то, что одни люди — поэты, другие — музыканты, третьи — школьные наставники; во-вторых, он приписывает роду существующие физические и интеллектуальные недостатки «самого многочисленного класса людей» и делает

¹ — три тысячи и триста плеток по мощным ягодицам. *Ред.*

его ответственным за то, что при господстве буржуазии большинство индивидов подобны ему самому. Если придерживаться его взглядов на прирожденные ограниченные головы, то пришлось бы объяснить теперешнее распространение золотухи тем, что «род» находит особенное удовольствие в таком положении, когда прирожденные золотушные конституции составляют «самый многочисленный класс людей». Даже самые заурядные материалисты и медики освободились от подобных наивных взглядов задолго до того, как согласный с собой эгоист был «призван» «родом», «неблагоприятными обстоятельствами» и «толчком» дебютировать перед немецкой публикой. Как прежде Санчо объяснял всю изуродованность индивидов, и тем самым их отношений, навязчивыми идеями школьных наставников, не интересуясь тем, как возникли эти идеи, так теперь он объясняет эту изуродованность чисто физическим процессом рождения. Он совсем не задумывается над тем, что способность детей к развитию зависит от развития родителей и что вся эта изуродованность, имеющая место при существующих общественных отношениях, возникла исторически и точно так же историческим развитием может быть снова уничтожена. Даже естественно возникшие родовые различия, как, например, расовые и т. д., о которых Санчо ничего не говорит, могут и должны быть устранены историческим развитием. Санчо, который по данному поводу украдкой заглядывает в зоологию и при этом делает открытие, что «прирожденные ограниченные головы» являются самым многочисленным классом не только среди овец и волков, но также и среди полипов и инфузорий, у которых вовсе нет голов, этот Санчо, вероятно, слышал краем уха, что и породы животных возможно облагораживать и путем скрещивания пород создавать совершенно новые, более высокие виды как для наслаждения людей, так и для их собственного самонаслаждения. «Почему бы не» сделать отсюда нашему Санчо некоторый вывод и по отношению к людям?

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Немецкая идеология.
Сочинения, т. 3, стр. 424—426.

КАЛЕЧАЩЕЕ ДЕЙСТВИЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА. МАНУФАКТУРА

Некоторое духовное и телесное искажение неизбежно даже при разделении труда внутри всего общества в целом. Но так как мануфактурный период проводит значительно дальше это общественное расщепление различных отраслей труда и так

как, с другой стороны, лишь специфически мануфактурное разделение труда поражает индивидуума в самой его жизненной основе, то материал и стимул для промышленной патологии дается впервые лишь мануфактурным периодом¹.

«Рассечение человека называется казнью, если он получил смертный приговор, убийством, если он не приговорен судом к смерти. Рассечение труда есть убийство народа»².

К. Маркс. Капитал, т. I.
Госполитиздат, 1950, стр. 371.

УМСТВЕННЫЙ И ФИЗИЧЕСКИЙ ТРУД

В мануфактуре, как и в простой кооперации, функционирующее рабочее тело есть форма существования капитала. Общественный производственный механизм, составленный из многих индивидуальных частных рабочих, принадлежит капиталисту. Вследствие этого производительная сила, возникающая из комбинации различных видов труда, представляется производительной силой капитала. Мануфактура в собственном смысле этого слова не только подчиняет самостоятельного прежде рабочего команде и дисциплине капитала, но создает кроме того иерархическую лестницу среди самих рабочих. В то время как простая кооперация оставляет способ труда отдельных лиц в основном неизменным, мануфактура революционизирует его снизу до-

¹ Рамадзини, профессор практической медицины в Падуе, опубликовал в 1713 г. свой труд: «De morbis artificum», переведенный затем в 1781 г. на французский язык и снова напечатанный в 1841 г. в «Encyclopédie des Sciences Médicales. 7-ème Discours: Auteurs classiques». Период крупной промышленности, разумеется, лишь увеличил его каталог профессиональных заболеваний рабочих. См. между прочим: «Hygiène physique et morale de l'ouvrier dans les grandes villes en général, et dans la ville de Lyon en particulier. Par le Dr. A. L. Fonteret», Paris 1858, и «Die Krankheiten, welche verschiedenen Ständen, Ätern und Geschlechtern eigenthümlich sind». 6 томов. Ulm 1860. В 1854 г. Society of Arts назначило комиссию по изучению промышленной патологии. Список документов, собранных этой комиссией, читатель найдет в каталоге «Twickenham Economic Museum». Очень важный материал дают официальные «Reports on Public Health». См. также д-р мед. *Eduard Reich*: «Ueber die Entartung des Menschen». Erlangen 1868.

² *D. Urquhart*: «Familiar Words». London 1855, стр. 119. Гегель придерживался очень еретических взглядов относительно разделения труда. «Под образованным человеком следует разуметь прежде всего того, кто может сделать все то, что делают другие», — говорит он в своей «Философии права» [*Hegel: Grundlinien der Philosophie des Rechts*], 2-е изд., Berlin 1840, стр. 247. Ср. *Гегель*: «Философия права», 1934 г., т. VII, отд. II, § 187, стр. 216].

верху и, всецело подчиняя его индивидуальную рабочую силу, поражает ее в самом ее корне. Мануфактура превращает рабочего в уroda, искусственно культивируя в нем одну только одно-стороннюю сноровку и подавляя весь мир его производственных наклонностей и дарований. Так, в государствах Ла-Платы убивают животное для того, чтобы получить его шкуру или его сало. Не только отдельные частичные работы распределяются между различными индивидуумами, но и сам индивидуум разделяется, превращается в автоматическое орудие данной частичной работы¹, и, таким образом, осуществляется на деле пошлая басня Менения Агриппы*, которая изображает человека в виде части его собственного тела². Если первоначально рабочий продает свою рабочую силу капиталу, потому что у него нет материальных средств для производства товара, то теперь сама его индивидуальная рабочая сила не может быть использована до тех пор, пока она не запродана капиталу. Она способна функционировать лишь в связи с другими, а эта связь осуществляется лишь после продажи, в мастерской капиталиста. Лишенный возможности делать что-либо самостоятельно в соответствии со своими естественными дарованиями, мануфактурный рабочий роживает производительную деятельность уже только как при-даток мастерской капиталиста³. Как на челе избранного народа было начертано, что он — собственность Иеговы, точно так же на мануфактурного рабочего деление труда накладывает печать собственности капитала.

Познания, предусмотрительность и воля, проявляемые хотя бы и в незначительном размере самостоятельным земледельцем или ремесленником, — подобно тому как дикарь в своей личной хитрости и ловкости проявляет разнообразные элементы всего

¹ Дугалд Стюарт называет мануфактурных рабочих «living automatons... employed in the details of the work» [«живыми автоматами... употребляемыми для частичных трудовых операций»] (Works, ed. by Sir W. Hamilton, Edinburgh 1855, т. III, «Lectures on Political Economy», стр. 318).

² У кораллов каждый отдельный индивидуум действительно представляет желудок всей группы. Но он доставляет группе питательные вещества, а не отнимает их, как римские патриции у плебеев.

³ «Работник, владеющий своим ремеслом, во всем его объеме, может везде заниматься производительной деятельностью и добывать себе средства к существованию; наоборот, второй (мануфактурный рабочий) представляет только аксессуар, который отдельно от своих товарищей не обладает ни способностью к труду, ни необходимой для этого самостоятельностью, и вынужден принимать те условия, которые работодателю угодно будет ему предложить» (Storch: «Cours d'Economie Politique», изд. Petersbourg 1815, т. I, стр. 204). [Ср. Г. Шторх: «Курс политической экономии», т. I, перев. под ред. И. В. Вернадского, Спб., 1881, стр. 78.]

военного искусства, — требуются здесь только от всей мастерской в целом. Духовные потенции производства расширяют свой масштаб на одной стороне именно потому, что на многих других сторонах они исчезают совершенно. То, что теряют частичные рабочие, сосредоточивается в противовес им в капитале¹. Мануфактурное разделение труда приводит к тому, что духовные потенции материального процесса производства противостоят рабочим как чужая собственность и поработщающая их сила. Этот процесс отделения начинается в простой кооперации, где капиталист по отношению к отдельному рабочему представляет собою единство и волю общественно-трудового тела. Он развивается далее в мануфактуре, которая уродует рабочего, превращая его в частичного рабочего. Он завершается в крупной промышленности, которая отделяет науку, как самостоятельную потенцию производства, от труда и заставляет ее служить капиталу². В мануфактуре обогащение совокупного рабочего, а, следовательно, и капитала общественными производительными силами обусловлено обеднением рабочего индивидуальными производительными силами. «Невежество есть мать промышленности, как и суеверий. Сила размышления и воображения подвержена ошибкам; но привычка двигать определенным образом рукой или ногой не зависит ни от того, ни от другого. Поэтому мануфактуры лучше всего процветают там, где наиболее подавлена духовная жизнь, так что мастерская может рассматриваться как машина, части которой составляют люди»³. И в самом деле, в половине XVIII века некоторые мануфактуры предпочитали употреблять полудиотов для производства известных простых операций, составляющих, однако, фабричную тайну⁴.

К. Маркс, Капитал, т. I.
Госполитиздат, 1950, стр. 367.

¹ А. Ferguson: «History of Civil Society». Edinburgh 1767, ч. IV, отд. I, стр. 281: «Первый выиграл то, что потерял другой».

² «Человек науки отделяется от производительного рабочего целой пропастью, и наука, вместо того чтобы служить в руках рабочего средством для увеличения его собственной производительной силы, почти везде противопоставляет себя ему... Познание становится орудием, которое способно отделиться от труда и выступить против него враждебно» (W. Thompson: «An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth». London 1824, стр. 274).

³ А. Ferguson: «History of Civil Society». Edinburgh 1767, ч. IV, отд. I, стр. 280.

⁴ J. D. Tuckett: «A History of the Past and Present State of the Labouring Population». London 1846, т. I, стр. 149.

ОТЧУЖДЕНИЕ ТРУДА И ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДЯЩЕГОСЯ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

1

Политико-эконом превращает рабочего в бесчувственное и лишенное потребностей существо, точно так же как деятельность рабочего он превращает в чистую абстракцию от всякой деятельности. Поэтому всякая *роскошь* у рабочего представляется ему недопустимой, а все, что выходит за пределы самой наиабстрактной потребности, — будь то пассивное наслаждение или активное проявление деятельности, — кажется ему роскошью. Вследствие этого политическая экономия, эта наука о *богатстве*, есть в то же время наука о самоотречении, о лишениях, о *бережливости*, и она действительно доходит до того, что учит человека *сберегать* даже *потребность* в чистом *воздухе* или физическом *движении*. Эта наука о чудесной промышленности есть в то же время наука об *аскетизме*, и ее подлинный идеал, это — *аскетический*, но *занимающийся ростовищичеством* скряга и *аскетический*, но *производящий* раб. Ее моральным идеалом является *рабочий*, откладывающий в сберегательную кассу часть своей заработной платы, и она даже нашла для этого своего излюбленного идеала нужное ей холопское *искусство* — в театре ставили сентиментальные пьесы в этом духе. Поэтому политическая экономия, несмотря на весь свой мирской и чувственный вид, есть действительно моральная наука, наиморальнейшая из наук. Ее основной тезис — самоотречение, отказ от жизни и от всех человеческих потребностей. Чем меньше ты ешь, пьешь, чем меньше покупаешь книг, чем реже ходишь в театр, на балы, в кафе, чем меньше ты думаешь, любишь, теоретизируешь, поешь, рисуешь, фехтуешь и т. д., тем больше ты *сберегаешь*, тем *больше* становится твое сокровище, не подтачиваемое ни молью, ни червем, — твой *капитал*. Чем ничтожнее твое *бытие*, чем меньше ты проявляешь свою жизнь, тем больше твое *имущество*, тем больше твоя *отчужденная* жизнь, тем больше ты накапливаешь своей отчужденной сущности. Всю ту долю жизни и человечности, которую отнимает у тебя политико-эконом, он возмещает тебе в виде *денег* и *богатства*, и все то, чего не можешь ты, могут твои деньги: они могут есть, пить, ходить на балы, в театр, могут путешествовать, умеют приобрести себе искусство, ученость, исторические редкости, политическую власть — все это они *могут* тебе присвоить; все это они могут купить; они — настоящая *сила*. Но чем бы это все ни было, деньги *не могут* создать ничего

кроме самих себя, не могут купить ничего кроме самих себя, потому что все остальное ведь их слуга, а когда я владею господином, то я владею и слугой, и мне нет нужды гнаться за его слугой. Таким образом, все страсти и всякая деятельность должны потонуть в *жажде наживы*.

К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года.
К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, М., 1956, стр. 601—602.

2

В чем же заключается самоотчуждение труда?

Во-первых, в том, что труд является для рабочего чем-то *внешним*, не принадлежащим к его сущности; в том, что он в своем труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развертывает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свой дух. Поэтому рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя. У себя он тогда, когда он не работает; а когда он работает, он уже не у себя. В силу этого труд его не добровольный, а вынужденный; это — *принудительный труд*. Это не удовлетворение потребности в труде, а только *средство* для удовлетворения других потребностей, нежели потребность в труде. Отчужденность труда ясно сказывается в том, что, как только прекращается физическое или иное принуждение к труду, от труда бегут, как от чумы. Внешний труд, труд, в процессе которого человек себя отчуждает, есть принесение себя в жертву, самоистязание. И, наконец, внешний характер труда проявляется для рабочего в том, что этот труд принадлежит не ему, а другому, и сам он в процессе труда принадлежит не себе, а другому. Подобно тому как в религии самодеятельность человеческой фантазии, человеческого мозга и человеческого сердца воздействует на индивидуума независимо от него самого, т. е. в качестве какой-то чужой деятельности, божественной или дьявольской, так и деятельность рабочего не есть его самодеятельность. Она принадлежит другому, она есть утрата рабочим самого себя.

В результате получается такое положение, что человек (рабочий) чувствует себя свободно действующим только при выполнении своих животных функций — при еде, питье, в половом акте, в лучшем случае, еще расположась у себя в жилище, украшая себя и т. д., — а в своих человеческих функциях он чувств-

вует себя только лишь животным. То, что присуще животному, становится уделом человека, а человеческое превращается в то, что присуще животному.

Правда, еда, питье, половой акт и т. д. тоже суть подлинно человеческие функции. Но в абстракции, отрывающей их от круга прочей человеческой деятельности и превращающей их в последние и единственные конечные цели, они носят животный характер.

Мы рассмотрели акт отчуждения практической человеческой деятельности, труда, с двух сторон. Во-первых, отношение рабочего к *продукту труда*, как к предмету чуждому и над ним властвующему. Это отношение есть вместе с тем отношение к чувственному внешнему миру, к предметам природы, как к миру чуждому, ему враждебно противостоящему. Во-вторых, отношение труда к *акту производства* в самом процессе *труда*. Это отношение есть отношение рабочего к его собственной деятельности, как к чему-то чуждому, ему не принадлежащему. Деятельность выступает здесь как страдание, сила — как немощь, оплодотворение — как оскопление, *собственная* физическая и духовная энергия рабочего, его личная жизнь (ибо что такое жизнь, если она не есть деятельность?) — как повернутая против него самого, от него не зависящая, ему не принадлежащая деятельность. Это есть *самоотчуждение*, тогда как выше речь шла об отчуждении *вещи*.

Теперь нам предстоит на основании двух данных определенных *отчужденного труда* вывести еще третье его определение.

Человек есть существо родовое, не только в том смысле, что и практически и теоретически он делает своим предметом род — как свой собственный, так и прочих вещей, но и в том смысле — и это есть лишь другое выражение того же самого, — что он относится к самому себе как к наличному живому роду, относится к самому себе как к существу *универсальному* и потому свободному.

Родовая жизнь как у человека, так и у животного физически состоит в том, что человек (как и животное) живет неорганической природой, и чем универсальнее человек по сравнению с животным, тем универсальнее сфера той неорганической природы, которой он живет. Подобно тому как в теоретическом отношении растения, животные, камни, воздух, свет и т. д. являются частью человеческого сознания, отчасти в качестве объектов естествознания, отчасти в качестве объектов искусства, являются его духовной неорганической природой, духовной пищей, которую он предварительно должен приготовить, чтобы ее можно

было вкусить и переварить, — так и в практическом отношении они составляют часть человеческой жизни и человеческой деятельности. Физически человек живет только этими продуктами природы, будь то в форме пищи, отопления, одежды, жилища и т. д. Практически универсальность человека проявляется именно в той универсальности, которая всю природу превращает в его *неорганическое* тело, поскольку она служит, во-первых, непосредственным жизненным средством для человека, а во-вторых, материей, предметом и орудием его жизнедеятельности. Природа есть *неорганическое тело* человека, а именно — природа в той мере, в какой сама она не есть человеческое тело. Человек *живет* природой. Это значит, что природа есть его *тело*, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения, чтобы не умереть. Что физическая и духовная жизнь человека неразрывно связана с природой, означает не что иное, как то, что природа неразрывно связана с самой собой, ибо человек есть часть природы.

Отчужденный труд человека, отчуждая от него 1) природу, 2) его самого, его собственную деятельную функцию, его жизнедеятельность, тем самым отчуждает от человека *род*: он превращает для человека *родовую жизнь* в средство для поддержания индивидуальной жизни. Во-первых, он отчуждает родовую жизнь и индивидуальную жизнь, а во-вторых, делает индивидуальную жизнь, взятую в ее абстрактной форме, целью родовой жизни, тоже в ее абстрактной и отчужденной форме.

Дело в том, что, во-первых, сам труд, сама *жизнедеятельность*, сама *производственная жизнь* оказываются для человека лишь *средством* для удовлетворения одной его потребности, потребности в сохранении физического существования. А производственная жизнь и есть родовая жизнь. Это есть жизнь, порождающая жизнь. В характере жизнедеятельности заключается весь характер данного вида, его родовой характер, а свободная сознательная деятельность как раз и составляет родовой характер человека. Сама жизнь оказывается лишь *средством к жизни*.

Животное непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью. Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть *эта жизнедеятельность*. Человек же делает самоё свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания. Его жизнедеятельность — сознательная. Это не есть такая определенность, с которой он непосредственно сливается воедино. Сознательная жизнедеятельность непосредственно отличает человека от животной жизнедеятельности. Именно лишь в силу этого

он есть родовое существо. Или можно сказать еще так: он есть сознательное существо, т. е. его собственная жизнь является для него предметом именно лишь потому, что он есть родовое существо. Только в силу этого его деятельность есть свободная деятельность. Отчужденный труд переворачивает это отношение таким образом, что человек именно потому, что он есть существо сознательное, превращает свою жизнедеятельность, свою *сущность* только лишь в средство для поддержания своего *существования*.

Практическое созидание *предметного мира*, *переработка* неорганической природы есть самоутверждение человека как сознательного родового существа, т. е. такого существа, которое относится к роду как к своей собственной сущности, или к самому себе как к родовому существу. Животное, правда, тоже производит. Оно строит себе гнездо или жилище, как это делают пчела, бобр, муравей и т. д. Но животное производит лишь то, в чем непосредственно нуждается оно само или его детеныш; оно производит односторонне, тогда как человек производит универсально; оно производит лишь под властью непосредственной физической потребности, между тем как человек производит, даже будучи свободен от физической потребности, и в истинном смысле слова только тогда и производит, когда он свободен от нее; животное производит только самого себя, тогда как человек воспроизводит всю природу; продукт животного непосредственным образом связан с его физическим организмом, тогда как человек свободно противостоит своему продукту. Животное формирует материю только сообразно мерке и потребности того вида, к которому оно принадлежит, тогда как человек умеет производить по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету соответствующую мерку; в силу этого человек формирует материю также и по законам красоты.

Поэтому именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как *родовое существо*. Это производство есть его деятельная родовая жизнь. Благодаря этому производству природа оказывается *его* (человека) произведением и его действительностью. Предмет труда есть поэтому *опредмечивание* *родовой жизни человека*: человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает самого себя в созданном им мире. Поэтому отчужденный труд, отнимая у человека предмет его производства, тем самым отнимает у него его *родовую жизнь*, его действительную родовую предметность, а то преимущество, которое человек имеет перед животным, превращает

для него в нечто отрицательное, поскольку у человека отбирают его неорганическое тело, природу.

Подобным же образом отчужденный труд, принижая самодеятельность, свободную деятельность до степени простого средства, тем самым превращает родовую жизнь человека в средство для поддержания его физического существования.

Присущее человеку сознание его родовой сущности видоизменяется, стало быть, вследствие отчуждения так, что родовая жизнь становится для него средством.

К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года.
К. Маркс и Ф. Энгельс «Из ранних произведений».
Госполитиздат, М., 1956, стр. 563—567.

3

Мы видели, какое значение имеет при социализме *богатство* человеческих потребностей, а следовательно и какой-нибудь *новый вид производства* и какой-нибудь *новый предмет* производства: новое проявление *человеческой* сущностной силы и новое обогащение *человеческого* существа. В рамках частной собственности все это имеет обратное значение. Каждый человек старается пробудить в другом какую-нибудь *новую* потребность, чтобы вынудить его принести новую жертву, поставить его в новую зависимость и толкнуть его к новому виду *наслаждения*, а тем самым и к экономическому разорению. Каждый стремится вызвать к жизни какую-нибудь *чуждую* сущностную силу, господствующую над другим человеком, чтобы найти в этом удовлетворение своей собственной своекорыстной потребности. Поэтому вместе с ростом массы предметов растет царство чуждых сущностей, под игом которых находится человек, и каждый новый продукт представляет собой новую *возможность* взаимного обмана и взаимного ограбления. Вместе с тем человек становится все беднее как человек, он все в большей мере нуждается в *деньгах*, чтобы овладеть этой враждебной сущностью, и сила его *денег* падает как раз в обратной пропорции к массе продукции, т. е. его нуждаемость возрастает по мере возрастания *власти* денег. — Таким образом, потребность в деньгах есть подлинная потребность, порождаемая политической экономией, и единственная потребность, которую она порождает. — *Количество* денег становится все в большей и большей мере их единственным *могущественным* свойством; подобно тому как они сводят всякую сущность к ее абстракции, так они сводят и самих себя в своем соб-

ственном движении к *количественной* сущности. *Безмерность* и *неумеренность* становятся их истинной мерой.

Даже с субъективной стороны это выражается отчасти в том, что расширение круга продуктов и потребностей становится *изобретательным* и всегда *расчетливым* рабом нечеловечных, рафинированных, неестественных и *надуманных* вождедений. Частная собственность не умеет превращать грубую потребность в *человеческую* потребность. Ее *идеализм* сводится к *фантазиям, прихотям, причудам*, и ни один евнух не льстит более низким образом своему повелителю и не старается возбудить более гнусными средствами его притупившуюся способность к наслаждениям, чтобы снискать себе его милость, чем это делает евнух промышленности, производитель, старающийся хитростью выудить для себя серебряные гроши, выманить золотую птицу из кармана своего христиански возлюбленного ближнего (каждый продукт является приманкой, при помощи которой хотя и выманить у другого человека его сущность — его деньги; каждая действительная или возможная потребность оказывается слабостью, которая притянет муху к смазанной клеем палочке; всеобщая эксплуатация общественной человеческой сущности, подобно тому как каждое несовершенство человека есть некоторая связь с небом — тот пункт, откуда сердце его доступно священнику; каждая нужда есть повод подойти с любезнейшим видом к своему ближнему и сказать ему: милый друг, я дам тебе то, что тебе нужно, но ты знаешь *conditio sine qua non*¹, ты знаешь, какими чернилами тебе придется подписать со мной договор; я надуваю тебя, доставляя тебе наслаждение), — для этой цели промышленный евнух приспособляется к извращеннейшим фантазиям потребителя, берет на себя роль сводника между ним и его потребностью, возбуждает в нем болезненные вождедения, подстерегает каждую его слабость, чтобы затем потребовать себе мзду за эту дружескую услугу.

Отчасти же это отчуждение обнаруживается в том, что утонченность потребностей и средств для их удовлетворения, имеющая место на одной стороне, порождает на другой стороне скотское одичание, полнейшее, грубое, абстрактное упрощение потребностей или, лучше сказать, только воспроизводит самоё себя в своем противоположном значении. Даже потребность в свежем воздухе перестает быть у рабочего потребностью. Человек поселяется снова в пещерах, которые, однако, ныне отравлены удушливым чумным дыханием цивилизации, по отношению к которой

¹ — непременно, обязательное условие. *Ред.*

он чувствует себя *неуверенно*, как по отношению к чуждой силе, могущей в любой день ускользнуть от него, и из которых его могут в любой день выбросить, если он не внесет квартирной платы. Рабочий должен *оплачивать* эти покойнички. *Светлое* жилище, называемое Прометеем у Эсхила одним из тех великих даров*, посредством которых он превратил дикаря в человека, перестает существовать для рабочего. Свет, воздух и т. д., простейшая, присущая даже *животным* чистоплотность перестают быть потребностью человека. *Грязь*, этот признак человека опустившегося, гнивающего, *нечистоты* (в буквальном смысле этого слова) цивилизации становятся для него *жизненным элементом*. Полная *противоестественная* запущенность, гниющая природа становится его *жизненным элементом*. Ни одно из его чувств не существует больше не только в его человеческом виде, но и в *нечеловеческом*, следовательно не существует больше даже в его животном виде. Происходит возврат к самым грубым *способам* (и *орудиям*) человеческого труда: так, например, *ступальное колесо* римских рабов стало орудием производства и средством существования для многих английских рабочих. Человек лишается не только человеческих потребностей — он утрачивает даже *животные* потребности. Ирландец знает уже только одну потребность — потребность в *еде*, притом уже только в еде, состоящей из *картофеля*, к тому же только из *картофеля самого худшего сорта*. Но в каждом промышленном городе Англии и Франции уже имеется своя *маленькая* Ирландия. У дикаря, у животного все-таки есть еще потребность в охоте, в движении и т. д., в общении с себе подобными. — Упрощением машины, упрощением труда пользуются для того, чтобы из совершенно еще не развившегося, только формирующегося человека, из *ребенка* сделать рабочего, подобно тому как рабочий стал всеми заброшенным ребенком. Машина приноравливается к *слабости* человека, чтобы превратить *слабого* человека в машину.

К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года.
К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, М., 1956, стр. 599—601.

МЕНОВАЯ СТОИМОСТЬ, ДЕНЬГИ И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

ГОСПОДСТВО КОЛИЧЕСТВА НАД КАЧЕСТВОМ

1

Меновая стоимость выступает прежде всего как *количественное отношение*, в котором потребительные стоимости обмениваются одна на другую. В таком отношении они составляют одну и ту же меновую величину. Так, I том Проперция и 8 унций нюхательного табака могут быть одинаковой меновой стоимостью, несмотря на различие потребительных стоимостей табака и элгии. Как меновая стоимость, одна потребительная стоимость стоит ровно столько, сколько и другая, если только они взяты в правильной пропорции. Меновая стоимость дворца может быть выражена в определенном количестве коробок сапожной ваксы. Наоборот, лондонские фабриканты сапожной ваксы выразили стоимость множества коробок ваксы в своих дворцах. Совершенно безразлично к характеру своего природного бытия и безотносительно к специфической природе тех потребностей, которым они служат в качестве потребительных стоимостей, товары в определенных количествах равны друг другу, взаимно замещают друг друга при обмене, выступают как эквиваленты и таким образом, несмотря на свою пеструю видимость, представляют одно и то же единство.

К. Маркс. К критике политической экономии.
Сочинения, т. XII, ч. I, стр. 14—15.

2

Так как торговля состоит, напр., из обмена труда сапожника, труда рудокопа, труда прядильщика, труда художника и т. д., то разве стоимость сапог должна наиболее верно оцениваться трудом художника? Франклин, напротив, полагает, что стоимость

сапог, руды, пряжи, картин и т. д. определяется абстрактным трудом, который не обладает никаким особенным качеством и поэтому лишь измерим в количественном отношении¹.

К. Маркс. К критике политической экономии.
Сочинения, т. XII, ч. I, стр. 43.

ДЕНЬГИ — БЕЗЛИЧНАЯ ФОРМА БОГАТСТВА

1

Каждая форма естественного богатства, пока оно не заменено меновой стоимостью, предполагает существенное отношение индивида к предмету, так что индивид с одной из своих сторон сам овеществляется в предмете, и его обладание предметом выступает вместе с тем как определенное развитие его индивидуальности; богатство в виде овец — как развитие индивида в качестве пастуха, богатство в виде зерна — как развитие его в качестве земледельца и т. д. *Деньги же, как индивид* всеобщего богатства, будучи сами порождены обращением и представляя лишь всеобщее, как *лишь общественный результат*, вообще не предполагают никакого индивидуального отношения к своему владельцу; владение ими не есть развитие какой-либо из существенных сторон индивидуальности; наоборот, это — обладание чем-то лишенным индивидуальности, ибо это общественное отношение существует вместе с тем как чувственный, внешний предмет, которым можно завладеть механически и который точно так же может быть утрачен. Стало быть, его отношение к индивиду выступает как чисто случайное, между тем как это отношение к вещи, совершенно не связанной с его индивидуальностью, дает в то же время индивиду, благодаря характеру этой вещи, всеобщее господство над обществом, над всем миром наслаждений, труда и т. д. Это то же самое, как если бы, например, находка какого-либо камня давала мне, совершенно независимо от моей индивидуальности, владение всеми науками. Обладание деньгами ставит меня в отношении богатства (общественного) в совершенно то же отношение, в какое меня поставило бы обладание философским камнем в отношении наук.

Поэтому деньги — не только *один* из объектов страсти к обогащению, но *самый* объект последней. Эта страсть по существу — *проклятая жажда золота*. Страсть к обогащению как таковая, как особая форма инстинкта, т. е. в отличие от стремления к осо-

¹ L. c.: «Remarks and facts relative to the American paper money», 1764.

бенному богатству, так, например, от страсти к одежде, оружию, украшениям, женщинам, вину и т. д., возможна лишь тогда, когда всеобщее богатство, богатство как таковое, индивидуализировано в особой вещи, т. е. когда деньги даны в своем третьем назначении. Таким образом, деньги — не только предмет, но вместе с тем и источник страсти к обогащению. Користволюбие возможно и без денег; страсть к обогащению сама есть продукт определенного общественного развития, она не *природна* в противовес *историческому*. Отсюда жалобы древних на деньги как на источник всякого зла. Страсть к наслаждениям в ее общей форме и скупость — две особые формы жадности к деньгам. Абстрактная страсть к наслаждениям предполагает предмет, который заключал бы в себе возможность всех наслаждений. Абстрактную страсть к наслаждениям осуществляют деньги в том определении, в котором они — *материальный представитель богатства*; скупость, поскольку деньги — лишь всеобщая форма богатства в противовес товарам как ее особенным субстанциям. Чтобы сохранить деньги как таковые, скупость должна жертвовать, отречься от всякого отношения к предметам особых потребностей, чтобы удовлетворить потребность жадны денег как таковой. Жажда денег или страсть к обогащению необходимым образом означали гибель античного общества. Отсюда противодействие этому. Деньги сами — *общественность* и не терпят никакой иной общественности, над ними возвышающейся. Это предполагает, однако, полное развитие меновых стоимостей, стало быть — развитие соответствующей организации общества. У древних меновая стоимость не была связью вещей; она выступает таковой лишь у торговых народов, которые только вели заморскую торговлю, а сами не производили. По крайней мере, для финикийян, карфагенян и т. д. производство было делом побочным. Они так же хорошо уживались в порах древнего мира, как евреи в Польше или в средние века. Наоборот, сам античный мир был предпосылкой для подобных торговых народов. Они поэтому гибнут всякий раз, как только они впадают в конфликт с античным обществом.

К. Маркс. [Экономические рукописи 1857—1858 гг.]
Архив Маркса и Энгельса, т. IV,
стр. 219—221.

2

Так как по внешности денег нельзя узнать, что именно превратилось в них, то в деньги превращается все: как товары, так и не товары. Все делается предметом купли-продажи. Обращение

становится колоссальной общественной ретортой, в которую все втягивается для того, чтобы выйти оттуда в виде денежного кристалла. Этой алхимии не могут противостоять даже мощи святых, не говоря уже о менее грубых *res sacrosanctae, extra commercium hominum* [священных предметах, исключенных из торгового оборота людей]¹. Подобно тому как в деньгах стираются все качественные различия товаров, они, в свою очередь, как радикальный левеллер*, стирают всяческие различия². Но деньги — сами товар, внешняя вещь, которая может стать частной собственностью всякого человека. Общественная сила становится таким образом частной силой частного лица. Античное общество поносит поэтому деньги как монету, на которую разменивается весь экономический и моральный уклад его

¹ Генрих III, христианнейший король Франции, грабит у монастырей и т. д. их священные реликвии, чтобы превратить последние в серебро. Известно, какую роль в истории Греции сыграло похищение фокеевцами сокровищ из дельфийского храма. В Афинах бог товаров обитал, как известно, в храмах. Последние были «священными банками». Финикияне, народ торговый *par excellence*, считали деньги отчужденной формой всех вещей. Было поэтому совершенно естественно, что девушки, отдававшиеся чужеземцам на празднествах в честь богини любви, жертвовали богине драгоценную в награду монету.

2

«Золото! металл *
Сверкающий, красивый, драгоценный...
Тут золота довольно для того,
Чтоб сделать все чернейшее белейшим,
Все гнусное — прекрасным, всякий грех —
Правдивостью, все низкое — высоким,
Трусливого — отважным храбрецом,
Все старое — и молодым, и свежим!
К чему же мне, о боги, это все?
Бессмертные! К чему? скажите. Это
От алтарей отгонит ваших слуг,
Из-под голов больных подушки вырвет...
Да, этот плут сверкающий начнет
И связывать, и расторгать обеты,
Благословлять проклятое, людей
Ниц повергать пред застарелой язвой,
Разбойников почетом окружать,
Отличьями, коленапреклоненьем,
Сажая их высоко на скамьи
Сенаторов. Вдове, давно отжившей,
Даст женихов...
Ступай... проклятая земля,
Наложница всесветная».

(Шекспир: «Тимон Афинский».) [Действие IV, сцена III, русск. перев. П. Вейнберга, Собр. соч., т. VII, 1903, стр. 546].

жизни¹. Современное общество, которое еще в детстве своем «вытащило Плутона за волосы из недр земных»², приветствует золото как блестящее воплощение своего интимнейшего жизненного принципа.

К. Маркс. Капитал, т. I.
Госполитиздат, 1950, стр. 138—139.

ИЗВРАЩАЮЩАЯ СИЛА ДЕНЕГ

1

Если *ощущения* человека, его страсти и т. д. суть не только антропологические определения в [узком³] смысле, но и подлинно *онтологические* утверждения сущности (природы) и если они реально утверждают себя только тем, что их *предмет* существует для них *чувственно*, то вполне понятно, 1) что способ их утверждения отнюдь не один и тот же и что, наоборот, различный способ утверждения образует особенность их бытия, их жизни; каким образом предмет существует для них, это и составляет своеобразие каждого специфического *наслаждения*; 2) там, где чувственное утверждение является непосредственным уничтожением предмета в его самостоятельной форме (еда, питье, обработка предмета и т. д.), это и есть утверждение предмета; 3) поскольку человек *человечен*, а следовательно и его ощущение и т. д. *человечно*, постольку утверждение данного предмета другими людьми есть также и его собственное наслаждение; 4) только при помощи развитой промышленности, т. е. через посредство частной собственности онтологическая сущность человеческой страсти осуществляется как во всей своей целостности, так и в своей человечности; таким образом, сама наука о человеке есть продукт практического самоосуществления человека; 5) смысл частной

1

. . . деньги — зло *

Великое для смертных: из-за денег
Обречены на гибель города,
И отчий кров изгнанник покидает;
И, развратив невинные сердца,
Деяниям постыдным учат деньги,
И помыслам коварным, и нечестью.
(Софокл: Антигона)

² Ἐπιζούσης τῆς Πλευροεξίας ἀνάξαιεν ἐκ τῶν μηρῶν τῆς γῆς αὐτὸν τὸν Πλούτωνα»
[«Алчность надеялась вытащить за волосы из недр земных самого Плутона»].

³ Слово неразборчиво. *Ред.*

собственности, если ее отделить от ее отчужденности, есть *наличие существенных предметов* для человека как в виде предметов наслаждения, так и в виде предметов деятельности.

Деньги, обладающие *свойством* все покупать, все предметы себе присваивать, представляют собой, следовательно, *предмет* в наивысшем смысле. Универсальность этого их *свойства* есть всемогущество их сущности; поэтому они слывут всемогущими. Деньги — это *сводник* между потребностью и предметом, между жизнью и жизненными средствами человека. Но *то, что опосредствует мне мою жизнь, опосредствует мне и существование другого человека для меня*. Вот что для меня означает *другой человек*.

«Тьфу, пропасть! * Руки, ноги, голова
И зад — твои ведь, без сомненья?
А чем же меньше все мои права
На то, что служит мне предметом наслажденья?
Когда куплю я шесть коней лихих,
То все их силы — не мои ли?
Я мчусь, как будто б ног таких
Две дюжины даны мне были!»

Гёте, «Фауст» (слова Мефистофеля).

Шекспир в «Тимоне Афинском»:

«. . . Золото? Металл
Сверкающий, красивый, драгоценный?
Нет, боги! Нет, я искренно молил...
Тут золота довольно для того,
Чтоб сделать все чернейшее — белейшим,
Все гнусное — прекрасным, всякий грех —
Правдивостью, все низкое — высоким,
Трусливого — отважным храбрецом,
А старика — и молодым и свежим!

... Это

От алтарей отгонит ваших слуг,
Из-под голов больных подушки вырвет.
Да, этот плут сверкающий начнет
И связывать и расторгать обеты,
Благословлять проклятое, людей,
Ниц повергать пред застарелой язвой,
Разбойников почетом окружать,
Отличьями, коленопреклоненьем,
Сажая их высоко на скамьи
Сенаторов; вдове, давно отжившей,
Даст женихов; раздушит, расцветит,
Как майский день, ту жертву язв поганых,
Которую и самый госпиталь
Из стен своих прочь гонит с отвращеньем! —
Ступай назад, проклятая земля,
Наложница всесветная, причина
Вражды и войн народа...».

И затем дальше:

«О милый мой царубийца! Ты,
 Орудие любезное раздора
 Отцов с детьми; ты, осквернитель светлый
 Чистейших лож супружеских; ты, Марс,
 Отважнейший; ты, вечно юный, свежий
 И взысканный любовью жених,
 Чей яркий блеск с колен Дианы гонит
 Священный снег; ты, *видимый нам бог*,
 Сближающий *несродные предметы*¹,
 Велящий им лобзаться, говорящий
 Для целей всех на каждом языке;
 Ты, оселок сердец, — представь, что люди,
 Твои рабы, вдруг взбунтовались все,
 И силою своею между ними
 Кровавые раздоры посели,
 Чтоб сделались царями мира звери».

Шекспир превосходно изображает сущность *денег*. Чтобы понять его, начнем сперва с толкования отрывка из Гёте.

То, что существует для меня благодаря *деньгам*, то, что я могу оплатить, т. е. то, что могут купить деньги, это — *я сам*, владелец денег. Сколь велика сила денег, столь велика и моя сила. Свойства денег суть мои — их владельца — свойства и существенные силы. Поэтому то, что я *есть* и что я *в состоянии* сделать, определяется отнюдь не моей индивидуальностью. Я уродлив, но я могу купить себе *красивейшую* женщину. Значит, я не *уродлив*, ибо действие *уродства*, его отпугивающая сила, сводится на нет деньгами. Пусть я — по своей индивидуальности — *хромой*, но деньги добывают мне 24 ноги; значит, я не *хромой*. Я плохой, нечестный, бессовестный, скудоумный человек, но деньги в почете, а значит в почете и их владелец. Деньги являются высшим благом — значит, хорош и их владелец. Деньги, кроме того, избавляют меня от труда быть нечестным, — поэтому заранее считается, что я честен. Я *скудоумен*, но деньги — это *реальный ум* всех вещей, — как же может быть скудоумен их владелец? К тому же он может купить себе людей блестящего ума, а тот, кто имеет власть над людьми блестящего ума, разве не умнее их? И разве я, который с помощью денег способен получить *все*, чего жаждет человеческое сердце, разве я не обладаю всеми человеческими способностями? Итак, разве мои деньги не превращают всякую мою немощь в ее прямую противоположность?

¹ В цитируемом у Маркса немецком переводе Шлегеля и Тика это место гласит: «*sichtbare Gottheit, du die Unmöglichkeiten eng verbrüderst*», т. е. «ты, *видимое божество*, осуществляющее братание *невозможностей*» (подчеркнуто Марксом). *Ред.*

Если деньги являются узами, связывающими меня с человеческою жизнью, обществом, природой и людьми, то разве они не узы всех уз? Разве они не могут завязывать и расторгать любые узы? Не являются ли они поэтому также и всеобщим средством разъединения? Они, поистине, и разъединяющая людей «разменная монета»¹ и подлинно связующее средство; они — [всеобщая²] химическая сила общества.

Шекспир особенно подчеркивает в деньгах два их свойства:

1) Они — видимое божество, превращение всех человеческих и природных свойств в их противоположность, всеобщее смешение и извращение вещей; они осуществляют братание невозможностей.

2) Они — наложница всесветная, всеобщий сводник людей и народов.

Извращение и смешение всех человеческих и природных качеств, братание невозможностей, эта божественная сила денег кроется в их сущности, как отчужденной, отчуждающей и отчуждающейся родовой сущности человека. Они — отчужденная мощь человечества.

То, чего я как человек не в состоянии сделать, т. е. чего не могут обеспечить все мои индивидуальные сущностные силы, то я могу сделать при помощи денег. Таким образом, деньги превращают каждую из этих сущностных сил в нечто такое, чем она сама по себе не является, т. е. в ее противоположность.

Когда мне хочется какого-нибудь кушанья или когда я хочу воспользоваться почтовой каретой, ввиду того что я недостаточно силен, чтобы проделать путь пешком, то деньги доставляют мне и кушанье и почтовую карету, т. е. они претворяют и переводят мои желания из чего-то пребывающего в представлении, из их мыслимого, представляемого, желаемого бытия в их чувственное, действительное бытие, из представления в жизнь, из воображаемого бытия в бытие реальное. В качестве такого опосредствования деньги — это подлинно творческая сила.

Спрос на то или иное кушанье или на почтовую карету имеется, конечно, и у того, у кого нет денег, но такой спрос есть нечто пребывающее только в представлении, нечто не оказывающее никакого действия на меня, на другого, на третьего, нечто лишнее существования и, следовательно, остающееся для меня самого чем-то недействительным, беспредметным. Различие между

¹ Игра слов: «scheiden» — «разделять», «разъединять»; «Scheidemünze» — «разменная монета». *Ред.*

² Здесь в рукописи вырван кусочек страницы. *Ред.*

спросом эффективным, основанным на деньгах, и спросом неэффективным, основанным на моей потребности, моей страсти, моем желании и т. д., есть различие между *бытием* и *мышлением*, между представлением, *существующим* лишь во мне, и таким представлением, которое для меня существует вне меня в качестве *действительного предмета*.

Если у меня нет денег для путешествия, то у меня нет и *потребности*, т. е. действительной и претворяющейся в действительность потребности в путешествии. Если у меня есть *призвание* к научным занятиям, но нет для этого денег, то у меня *нет* и призвания, т. е. *действенного, настоящего* призвания к этому. Наоборот, если я на самом деле *не имею никакого* призвания к научным занятиям, но у меня есть желание и деньги, то у меня есть к этому *действенное* призвание. *Деньги* — как внешнее, проистекающее не из человека как человека и не из человеческого общества как общества всеобщее *средство* и *способность* превращать *представление* в *действительность*, а *действительность* в простое *представление* — в такой же мере превращают *действительные человеческие и природные сущностные силы* в чисто абстрактные представления и потому в *несовершенства*, в мучительные химеры, в какой мере они, с другой стороны, превращают *действительные несовершенства* и *химеры*, действительно немощные, лишь в воображении индивида существующие сущностные силы индивида в *действительные сущностные силы* и *способности*. Уже согласно этому определению, деньги являются, следовательно, всеобщим извращением *индивидуальностей*, которые они превращают в их противоположность и которым они придают свойства, противоречащие их действительным свойствам.

В качестве этой *извращающей* силы деньги выступают затем и по отношению к индивиду и по отношению к общественным и прочим связям, претендующим на роль и значение самостоятельных *сущностей*. Они превращают верность в измену, любовь в ненависть, ненависть в любовь, добродетель в порок, порок в добродетель, раба в господина, господина в раба, глупость в ум, ум в глупость.

Так как деньги, в качестве существующего и действующего понятия стоимости, смешивают и обменивают все вещи, то они представляют собой всеобщее *смещение* и *подмену* всех вещей, т. е. мир навыворот, перетасовку и подмену всех природных и человеческих качеств.

Кто может купить храбрость, тот храбр, хотя бы он был трусом. Так как деньги обмениваются не на какое-нибудь одно опре-

деленное качество, не на какую-нибудь одну определенную вещь или определенные сущностные силы человека, а на весь человеческий природный предметный мир, то, с точки зрения их владельца, они обменивают любое свойство и любой предмет на любое другое свойство или предмет, хотя бы и противоречащие обмениваемому. Деньги осуществляют братание невозможности; они принуждают к поцелую то, что противоречит друг другу.

Предположи теперь человека как человека и его отношение к миру как человеческое отношение: в таком случае ты сможешь любовь обменивать только на любовь, доверие только на доверие и т. д. Если ты хочешь наслаждаться искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком. Если ты хочешь оказывать влияние на других людей, то ты должен быть человеком, действительно стимулирующим и двигающим вперед других людей. Каждое из твоих отношений к человеку и к природе должно быть *определенным*, соответствующим объекту твоей воли, *проявлением* твоей *действительной индивидуальной* жизни. Если ты любишь, не вызывая взаимности, т. е. если твоя любовь как любовь не порождает ответной любви, если ты своим *жизненным проявлением* в качестве любящего человека не делаешь себя *человеком любимым*, то твоя любовь бессильна, и она — несчастье.

К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года.
К. Маркс и Ф. Энгельс «Из ранних произведений».
Госполитиздат, 1956, стр. 616—620.

2

Деньги — это ревнивый бог Израиля, пред лицом которого не должно быть никакого другого бога. Деньги низводят всех богов человека с высоты и обращают их в товар. Деньги — это всеобщая, установившаяся как нечто самостоятельное, *стоимость* всех вещей. Они поэтому лишили весь мир — как человеческий мир, так и природу — их собственной стоимости. Деньги — это отчужденная от человека сущность его труда и его бытия; и эта чуждая сущность повелевает человеком, и человек поклоняется ей.

Бог евреев сделался мирским, стал мировым богом. Вексель — это действительный бог еврея. Его бог — только иллюзорный вексель.

Воззрение на природу, складывающееся при господстве частной собственности и денег, есть действительно презрение к природе, практическое принижение ее; природа хотя и существует в еврейской религии, но лишь в воображении.

В этом смысле Томас Мюнцер признавал невыносимым,

«что вся тварь сделалась собственностью* — рыбы в воде, птицы в воздухе, растения на земле; ведь и тварь должна стать свободной».

То, что в еврейской религии содержится в абстрактном виде — презрение к теории, искусству, истории, презрение к человеку, как самоцели, — это является *действительной, сознательной* точкой зрения денежного человека, его добродетелью. Даже отношения, связанные с продолжением рода, взаимоотношения мужчины и женщины и т. д. становятся предметом торговли! Женщина здесь — предмет купли-продажи...

К. Маркс. К еврейскому вопросу.
Сочинения, т. 1, стр. 410—411.

3

Способность всех продуктов, деятельностей, отношений к обмену на нечто третье, *вещное*, на нечто, что в свою очередь может быть обменено на все *что угодно*, т. е. развитие меновых стоимостей (и денежных отношений), тождественно всеобщей продажности, коррупции. Всеобщая проституция выступает как необходимая фаза развития общественного характера личных задатков, способностей, деятельностей. Выражаясь более вежливо: всеобщее отношение полезности и пригодности для употребления. Приравнение неоднородного, по меткому определению денег у Шекспира. Страсть к обогащению как таковая без денег невозможна; всякое иное накопление и страсть к накоплению представляется неразвитой, ограниченной, обусловленной, с одной стороны, потребностями, с другой стороны — природной ограниченностью продуктов (проклятая жажда золота).

К. Маркс. [Экономические рукописи 1857—1858 гг.]
Архив Маркса и Энгельса, т. IV,
стр. 99—101.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ФОРМА БОГАТСТВА. ЗОЛОТО И СЕРЕБРО

1

Наряду с непосредственной формой сокровища развивается его эстетическая форма, обладание золотыми и серебряными товарами как предметами роскоши. Последнее растет вместе

с ростом богатства буржуазного общества. «Soyons riches ou paraissions riches» [«Будем богаты или будем казаться богатыми»] (Дидро). Таким образом, с одной стороны, образуется все более и более расширяющийся рынок для золота и серебра, независимый от денежной функции последних, с другой стороны — скрытый источник предложения денег, функционирующий особенно интенсивно в периоды общественных бурь.

К. Маркс. Капитал, т. I.
Госполитиздат, 1950, стр. 140—141.

2

Крупное значение металлов вообще внутри непосредственного процесса производства связано с функцией их как орудий производства. Независимо от редкости золота и серебра, их большая мягкость по сравнению с железом и даже медью (в закаленном виде, в каком употребляли ее древние) делает их неспособными к такому использованию и лишает их поэтому в значительной степени того свойства, на котором покоится потребительная стоимость металлов вообще. Насколько они бесполезны внутри непосредственного процесса производства, настолько же они не представляются необходимыми и как средства существования, как предметы потребления. Поэтому любое их количество может войти в общественный процесс обращения без ущерба для процессов непосредственного производства и потребления. Их индивидуальная потребительная стоимость не впадает в конфликт с их экономической функцией. С другой стороны, золото и серебро не только в отрицательном смысле излишни, т. е. суть предметы, без которых можно обойтись, — но их эстетические свойства делают их естественным материалом роскоши, украшений, блеска, праздничного употребления, словом, положительной формой излишка и богатства. Они являются в известной степени самородным светом, добытым из подземного мира, так как серебро отражает все световые лучи в их первоначальном смещении, а золото отражает цвет наивысшего напряжения, красный. Чувство же цвета является популярнейшей формой эстетического чувства вообще. Этимологическая связь названий благородных металлов с соотношениями цветов в различных индо-германских языках была доказана Яковом Гриммом (смотри его «Историю немецкого языка»).

К. Маркс. К критике политической экономии.
Сочинения, т. XII, ч. I, стр. 138.

КАПИТАЛИЗМ И АНТИЧНОЕ ОБЩЕСТВО

АНТИЧНЫЙ МИР И КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ НАКОПЛЕНИЕ

1

Рикардо видел из цитируемых им положений Смита*, которые он признавал и повторял за ним, что безграничное «желание» иметь всякого рода потребительные стоимости всегда удовлетворяется на основе такого состояния общества, когда масса производителей более или менее ограничена даже в необходимом, когда эта самая значительная масса производителей, следовательно, более или менее исключена из потребления богатства — поскольку оно выходит из круга необходимых средств существования.

Последнее, впрочем, имеет место, и еще в большей степени также при античном производстве, основанном на рабстве. Но древние и не думали о превращении прибавочного продукта в капитал. Во всяком случае, это происходило у них лишь в незначительной степени. Широко развитый обычай собирать сокровища в собственном смысле слова свидетельствует о том, сколько прибавочного продукта лежало у них без всякого употребления. Значительную часть прибавочного продукта они употребляли на непроизводительные затраты, на художественные произведения, на предметы религиозного культа, на общественные работы. Еще менее их производство было направлено на развитие материальных производительных сил — на разделение труда, введение машин, применение сил природы и наук в частном производстве. В общем они никогда не шли дальше ремесленного труда. Богатство, которое они создавали для частного потребления, было поэтому относительно невелико, и оно кажется большим только оттого, что оно было сосредоточено в руках немногих лиц, которые, впрочем, не знали, что с ним делать. Если поэтому у древних не было *перепроизводства*, то там было *чрезмерное потребление* богатых, которое в последние периоды истории

Рима и Греции вырождается в безумное расточительство. Немногие торговые народы среди них жили отчасти за счет всех этих в сущности бедных наций. Основой современного перепроизводства служит, с одной стороны, безусловное развитие производительных сил и потому массовое производство, при котором масса производителей ограничена кругом необходимых средств существования, и рамки прибыли капиталистов, с другой стороны.

К. М а р к с. Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 2.
Партиздат, 1932, стр. 203—204.

2

Аристотель в «Республике»* (с 9, I. 1) развивает оба движения обращения Т — Д — Т и Д — Т — Д* в их противоположности под названиями «экономики» и «хрематистики». Греческими трагиками, а в частности Эврипидом, обе эти формы противопоставляются, как *δίκη* и *κέρδος*.

К. М а р к с. К критике политической экономии.
Сочинения, т. XII ч. I, примеч.
на стр. 121.

АНТИЧНЫЙ ВЗГЛЯД НА РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА

Политическая экономия, которая становится настоящей наукой лишь в мануфактурный период, рассматривает общественное разделение труда вообще лишь с точки зрения мануфактурного разделения труда¹, т. е. как средство с тем же количеством труда произвести больше товара, следовательно удешевить товары и ускорить накопление капитала. В прямую противоположность этому подчеркиванию количественной стороны дела и меновой стоимости писатели классической древности обращают внимание исключительно на качественную сторону и на потребительную стоимость². Вследствие разделения общественных отраслей

¹ Более старые писатели, как напр., Петти, анонимный автор «Advantages of the East-India Trade» и т. д., определеннее, чем А. Смит, указывают на капиталистический характер мануфактурного разделения труда.

² Среди авторов нового времени исключение составляют лишь некоторые писатели XVIII столетия, которые в вопросе о разделении труда ограничиваются почти исключительно повторением древних. Таковы Беккарна и Джемс Гаррис. Беккарна пишет: «Каждый знает по собственному опыту, что, применяя всегда руки и ум к одинаковому роду труда и к изготовлению одних и тех же продуктов, он достигает с большей легкостью более значительных и лучших результатов... чем в том случае, если бы каждый сам изго-

производства товары изготавливаются лучше, различные склонности и таланты людей получают возможность избрать себе надлежащую сферу деятельности¹, а без ограничения сферы деятельности нельзя ни в одной области совершить ничего замечательного². Таким образом, и продукт и его производитель совершенствуются путем разделения труда. Если писатели классической древности и упоминают иногда о росте массы производимых продуктов, то их интересует при этом лишь обилие потребительных стоимостей. Ни одной строчки не посвящено меновой стоимости, удешевлению товаров. Точка зрения потребительной стоимости господствует как у Платона³, который

товлял для себя необходимые вещи... Таким образом, в интересах общей и индивидуальной пользы люди разделены на различные классы и состояния» (*Cesare Beccaria*: «Elementi di Economia Publica», изд. *Custodi*, Parte Moderna, т. XI, стр. 28). Джемс Гаррис, впоследствии граф Мальмсберийский, известный своими «Diaries» [«Дневниками»] о пребывании в Петербурге в качестве посла, сам говорит в одном из примечаний к своему «Dialogue concerning Happiness», London 1741 (впоследствии переиздано в «Three Treatises etc.», 3-е изд., London 1772): «Все доказательство естественности общества (а именно доказательства, основанные на принципе «разделения занятий») ... взяты мною из второй книги «Республики» Платона».

¹ Так, напр., мы читаем в Одиссее, песнь XIV, стих 228: «Ἄλλος γὰρ τ' ἄλλοισιν ἀνὴρ ἐπιτέρεται ἔργους [«Люди не сходны: те любят одно, а другие — другое»]. Перев. Жуковского. Полн. собр. соч. В. А. Жуковского, изд. М. О. Вольф, Спб. — Москва, стр. 413], а Архилох у Секста Эмпирика говорит: «Ἄλλος ἄλλῳ ἔργῳ χαρστὴν ἰαίνεται [«Одно дело радует сердце одного, другое — другого»].

² «Πολλὴ ἤπιστατο ἔργα, κακῶς δ' ἤπιστατο πάντα [«Много знал он дел, но плохо знал их все»]. — Афинянин как производитель товаров чувствовал свое превосходство над спартанцами, так как последние располагали для войны лишь людьми, а не деньгами, что Фукидид и заставляет высказать Перикла в речи, призывающей афинян к Пелопоннесской войне: «Σὺμασι τε ἑτοιμότεροι οἱ αὐτοῦργοι τῶν ἀνθρώπων ἢ χρήμασι πολεμεῖν [«Люди, производящие для собственного потребления, скорее отдадут войне свои тела, нежели деньги»] (Фукидид, кн. 1, отдел 141). [Ср. Фукидид: «История Пелопоннесской войны», изд. Кузнецова, Москва, 1887, т. I, стр. 135.] Тем не менее их идеалом, даже в области материального производства была αὐταρχία [автаркия], противоречащая разделению труда: παρ' ὧν γὰρ τὸ εὐ, παρὰ τοῦτων καὶ τὸ αὐταρχεῖς [«Откуда возникает благо, оттуда и самостоятельность»]. Необходимо при этом принять во внимание, что даже в эпоху низвержения 30 тиранов не насчитывалось и 5 000 афинян без земельной собственности.

³ Платон выводит разделение труда внутри общины из разносторонности потребностей и односторонности дарований индивидуумов. Основное его положение состоит в том, что работник должен приспособляться к делу, а не дело к работнику, — но последнее неизбежно, раз работник занимается несколькими профессиями сразу, т. е. выполняет одну из них как побочное занятие. Οὐ γὰρ... ἐθέλει τὸ πραττόμενον τῆν τοῦ πράττοντος δὴλοῦν περιμένει, ἀλλ' ἀνάγκη τὸν πράττοντα τῷ πραττομένῳ ἐπακολουθεῖν μὴ ἐν παρέργῳ μέρει. — Ἄνδραχι. — Ἐκ δὴ τοῦτων πλείω τε ἕκαστα γίνονται καὶ κάλλιον καὶ ῥᾶρον ὅταν εἰς ἐν κατὰ φύσιν καὶ ἐν χαρῆ σπολὴν τῶν ἄλλων ἄγω, πράττη. [«Ибо дело не должно ожидать

видит в разделении труда основу распада общества на сословия, так и у Ксенофонта¹, который с характерным для него буржуазным инстинктом ближе подходит к принципу разделения труда внутри мастерской. Поскольку в республике Платона разделение труда является основным принципом строения государства, она представляет собою лишь афинскую идеализацию

досуга производителя, но необходимо, чтобы производитель совершал свое дело прилежно, а не между прочим. — Необходимо. — Ведь каждая вещь производится легче и лучше и в большем количестве, когда человек делает лишь одно дело, соответствующее его склонностям, и в надлежащее время, свободное от всяких других занятий» («*Respublica*, кн. I, изд. 2, Vaiter, Orelli etc.». [Ср. Сочинения Платона, ч. III, перев. проф. Карпова, Спб., 1863. «Политика, или государство», кн. II, стр. 117.] Подобные мысли мы находим и у Фукидида, кн. I, отдел 142: «Морское дело есть такое же искусство, как и всякое другое, и им нельзя заниматься между прочим, как побочным занятием; скорее, наоборот, оно не терпит рядом с собою никакого иного побочного занятия». [Ср. *Фукидид*: «История Пелопоннесской войны», изд. Кузнецова, М., 1887, т. I, стр. 136.] Если дело будет дожидаться работника, говорит Платон, то зачастую критический момент производства будет упущен и продукт испорчен, *ἔργου χαρὸν διέλλεται* [«результат работы погибнет»]. Эту же платоническую идею мы встречаем в протесте английских владельцев белилен против того параграфа фабричного акта, которым устанавливается определенный час для обеда рабочих. Их производство не может сообразоваться с рабочими, ибо «в различных операциях обжигания, промывания, белиения, катания, лощения и окрашивания приостановка в заранее назначенный момент невозможна без риска порчи... установить для всех рабочих один и тот же обязательный обеденный перерыв — значило бы подвергнуть ценные продукты риску порчи вследствие незаконченных операций». *Le platonisme ou va-t-il se nicher!* [Куда только не запрячется платонизм!]

¹ Ксенофонт рассказывает, что получение кушаний со стола персидского царя приятно не только потому, что это большая честь, но и потому, что кушания эти вкуснее других. «И это не удивительно, ибо, подобно тому как все прочие искусства особенно усовершенствованы в крупных городах, точно так же и царские кушания несравненны по своему достоинству. В мелких городах один и тот же человек делает ложа, двери, плуги, столы; иногда он, кроме того, строит дома, и очень рад, если имеет достаточное количество подобного рода заказов, необходимых для поддержания его жизни. Совершенно невозможно, чтобы человек, занимающийся столь различными делами, все делал хорошо. Но в крупных городах, где каждый работник находит многих покупателей, ему достаточно знать одно ремесло, чтобы прокормиться. Зачастую даже нет необходимости знать ремесло в целом; но бывает так, что один делает только мужские башмаки, другой — только женские. В отдельных случаях один только шьет башмаки, другой только кроит для них кожу, или один только кроит платье, другой лишь соединяет вместе куски материи. Неизбежно, что тот, кто выполняет наиболее простую работу, выполняет ее наиболее совершенно. То же самое относится и к поварскому искусству (*Xenophon*: *Sugroaedia*, кн. VIII, гл. 2). [Ср. *Ксенофонт*: «Киропедия», Киев, 1878, кн. VIII, гл. 2, стр. 259—260.] Внимание обращено здесь исключительно на качество потребительной стоимости, хотя уже Ксенофонт знает, что масштаб разделения труда зависит от размеров рынка.

египетского кастового строя; Египет и для других писателей, современников Платона, напр., Изократа¹, был образцом промышленной страны, он сохраняет это свое значение даже в глазах греков времен Римской империи².

К. Маркс. Капитал, т. I.
Госполитиздат, 1950, стр. 372—375.

ДРЕВНЕЕ РАБСТВО И КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ЖАЖДА ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

1

Итак, капиталистическое применение машин создает, с одной стороны, новые могущественные мотивы к безмерному удлинению рабочего дня и революционизирует самый способ труда и строй общественного рабочего организма таким образом, что сламывает всякое сопротивление этой тенденции к удлинению рабочего дня; с другой стороны, оно производит, — отчасти подчиняя капиталу раньше недоступные для него слои рабочего класса, отчасти оставляя без работы рабочих, вытесненных машинами, — избыточное рабочее население³, вынужденное подчиняться законам, которые диктует ему капитал. Отсюда то замечательное явление в истории современной промышленности, что машина ниспровергает все моральные и естественные границы рабочего дня. Отсюда тот экономический парадокс, что самое мощное средство для сокращения рабочего времени превращается в надежнейшее средство для того, чтобы все время жизни рабочего и его семьи обратить в рабочее время, предоставляе-

¹ «Он (Бузирис) разделил всех на особые касты... повелел, чтобы одни и те же люди всегда занимались одним и тем же делом, ибо он знал, что те, которые часто меняют свои занятия, ни одно из них не усваивают себе основательно; те же, которые постоянно занимаются одним и тем же делом, выполняют его наиболее совершенно. И действительно, мы видим, что в области искусства и ремесел египтяне превосшли своих соперников больше, чем мастер превосходит необученного работника, и создали столь совершенные учреждения для охраны царской власти и государственного строя, что знаменитые философы, касавшиеся этого вопроса, восхваляют государственное устройство Египта более, чем какое-либо другое (*Isocratis*: «*Business*», глава 8).

² Ср. *Diodorus Siculus* [*Diodor's v. Sicilien Historische Bibliothek*, кн. I, 1831 г.].

³ Одна из великих заслуг Рикардо заключается в том, что он видел в машинах не только средства производства товаров, но и средства производства «*redundant population*» [избыточного населения].

мое капиталу для увеличения его стоимости. «Если бы, — мечтал Аристотель, величайший мыслитель древности, — если бы каждое орудие по приказанию или по предвидению могло исполнять подобающую ему работу подобно тому, как создания Дедала двигались сами собою или как треножники Гефеста по собственному побуждению приступали к священной работе, если бы, таким образом, ткацкие челноки ткали сами, то не потребовалось бы ни мастеру помощников, ни господину рабов»¹. И Антипатр, греческий поэт времен Цицерона, приветствовал изобретение водяной мельницы для размалывания зерна, этой элементарной формы всех производительных машин, как появление освободительницы рабынь и восстановительницы золотого века!² «Язычники! О, эти язычники!» Они, как открыл проницательный Бастиа, а до него еще более премудрый Мак Кэллох, ничего не понимали в политической экономии и христианстве. Они, между прочим, не понимали, что машина — надежнейшее средство для удлинения рабочего дня. И если они оправдывали рабство одних, то как средство для полного человеческого развития других. Но для того, чтобы проповедовать рабство масс для превращения немногих грубых и полубразованных выскочек в «*eminent spinners*» [«выдающихся прядильщиков»], «*extensive sausage makers*» [«крупных колбасников»] и «*influential Shoebblack dealers*» [«влиятельных торговцев ваксой»], — для этого им недоставало специфических христианских чувств!

К. Маркс. Капитал, т. I.
Госполитиздат, 1950, стр. 413—414.

¹ F. Biese: «Die Philosophie des Aristoteles». Berlin 1842, т. II, стр. 408.

² Привожу здесь эти стихи в переводе Штольберга*, потому что они, подобно приведенным раньше цитатам о разделении труда, характеризуют противоположность между античными и современными воззрениями:

«Schonet der mahlenden Hand, o Müllerinnen, und schlafet
Sanft! es verkünde der Hahn euch den Morgen umsonst!
Däo hat die Arbeit der Mädchen den Nymphen befohlen,
Und jetzt hüpfen sie leicht über die Räder dahin,
Dass die erschütterten Achsen mit ihren Speichen sich wälzen,
Und im Kreise die Last drehen des wälzenden Steins.
Lasst uns leben das Leben der Väter, und lasst uns der Gaben
Arbeitslos uns freun, welche die Göttin uns schenkt».

(«Gedichte aus dem griechischen, übersetzt von Christian Graf zu Stolberg, Hamburg, 1782 [стр. 312].) [«Дайте отдых своим рукам, о работницы, и спите безмятежно! Напрасно будет петух возвещать вам о наступлении утра! Дэо поручила работу девушкам нимфам, и они легко теперь прыгают по колесам, так что сотрясаемые оси вертятся вместе со своими спицами и заставляют вращаться тяжелый жернов. Будем же жить жизнью отцов и без труда наслаждаться дарами, которыми нас наделила богиня.»]

2

У древних мы не встречаем ни одного исследования о том, какая форма земельной собственности и т. д. является самой продуктивной, создает наибольшее богатство. Богатство не выступает как цель производства, хотя Кантон отлично мог заниматься исследованием того, какая обработка полей является наиболее выгодной; или Брут мог даже ссужать свои деньги за самые высокие проценты. Исследуется всегда вопрос: какой способ собственности обеспечивает государству наилучших граждан? Богатство выступает как самоцель лишь у немногих торговых народов — монополистов посреднической торговли, — живших в порах древнего мира, как евреи в средневековом обществе. Дело в том, что, с одной стороны, богатство есть вещь, воплощено в вещах, материальных продуктах, которым человек противостоит как субъект; с другой же стороны, богатство как стоимость — это просто власть распоряжаться чужим трудом не в целях господства, но для частного потребления и т. д. Во всех формах богатство принимает вещный вид, будь это вещь или отношение, опосредствованное вещью, находящейся вне индивида и случайно подле него. Вот почему кажется, что древнее воззрение, согласно которому человек, как бы он ни был ограничен в национальном, религиозном, политическом отношении, все же всегда выступает как цель производства, куда возвышеннее, если сопоставить его с современным миром, где производство выступает как цель человека, а богатство как цель производства. На самом же деле, если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем же иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т. д. индивидов, созданной универсальным обменом? Чем иным является богатство, как не полным развитием господства человека над силами природы, т. е. как над силами так называемой природы, так и над силами его собственной природы? Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому-либо *заранее установленному* масштабу? Когда человек воспроизводит себя не в каком-либо одном определенном направлении, а производит себя во всей целостности, не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, но находится в абсолютном движении становления? В буржуазной

экономике — и в ту эпоху производства, которой она соответствует, — это полное обнаружение внутренней сущности человека проявляется как полнейшее опустошение, этот универсальный процесс овеществления (*Vergegenständlichung*) — как полное отчуждение, а уничтожение всех определенных односторонних целей — как принесение самоцели в жертву совершенно чуждой цели. Поэтому младенческий древний мир представляется, с одной стороны, чем-то более возвышенным, нежели современный. С другой же стороны, древний мир действительно возвышеннее современного во всем том, в чем стремятся найти законченный образ, форму и заранее установленное ограничение. Он дает удовлетворение, которое человек получает, находясь на ограниченной точке зрения, тогда как современное не дает удовлетворения; там же, где оно выступает самоудовлетворенным, оно — *пóшло*.

К. М а р к с. Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie (Rohentwurf), 1857—1858.
Moscau, 1939, S. 387—388.

КАПИТАЛИЗМ И ФЕОДАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

РАЗЛОЖЕНИЕ ФЕОДАЛЬНО-ПАТРИАРХАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ И ГОСПОДСТВО ЧИСТОГАНА

1

Буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль.

Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его «естественным повелителям», и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана». В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод *одну* бессовестную свободу торговли. Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой.

Буржуазия лишила священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных наемных работников.

Буржуазия сорвала с семейных отношений их трогательно-сентиментальный покров и свела их к чисто денежным отношениям.

Буржуазия показала, что грубое проявление силы в средние века, вызывающее такое восхищение у реакционеров, находило себе естественное дополнение в лени и неподвижности. Она впер-

вые показала, чего может достигнуть человеческая деятельность. Она создала чудеса искусства, но совсем иного рода, чем египетские пирамиды, римские водопроводы и готические соборы; она совершила совсем иные походы, чем переселение народов и крестовые походы.

Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений. Напротив, первым условием существования всех прежних промышленных классов было сохранение старого способа производства в неизменном виде. Беспрестанные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех других. Все застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им, веками освященными представлениями и воззрениями, разрушаются, все возникающие вновь оказываются устаревшими, прежде чем успевают окостенеть. Все сословное и застойное исчезает, все священное оскверняется, и люди приходят, наконец, к необходимости взглянуть трезвыми глазами на свое жизненное положение и свои взаимные отношения.

Потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продуктов гонит буржуазию по всему земному шару. Всюду должна она внедриться, всюду обосноваться, всюду установить связи.

Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. К великому огорчению реакционеров она вырвала из-под ног промышленности национальную почву. Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены и продолжают уничтожаться с каждым днем. Их вытесняют новые отрасли промышленности, введение которых становится вопросом жизни для всех цивилизованных наций, — отрасли, перерабатывающие уже не местное сырье, а сырье, привозимое из самых отдаленных областей земного шара, и вырабатывающие фабричные продукты, потребляемые не только внутри данной страны, но и во всех частях света. Вместо старых потребностей, удовлетворявшихся отечественными продуктами, возникают новые, для удовлетворения которых требуются продукты самых отдаленных стран и самых различных климатов. На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесто-

ронняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Манифест Коммунистической партии.
Сочинения, т. 4, стр. 426—428.

2

Уничтожение феодального рабства сделало «чистоган единственной связью между людьми»*. Собственность — природное, бездушное начало, противостоящее человеческому, духовному началу — возводится благодаря этому на трон, и в конечном счете, чтобы завершить это отчуждение, деньги — отчужденная, пустая абстракция собственности, — делаются властелином мира. Человек перестал быть рабом человека и стал рабом *вещи*; извращение человеческих отношений завершено; рабство современного торгашеского мира — усовершенствованная, законченная, универсальная продажность — носит более бесчеловечный и всеобъемлющий характер, чем крепостное право феодального времени; проституция носит более безнравственный и более грубый характер, чем *jus primaе noctis*. — Выше этого христианский миропорядок подняться не может; он должен рухнуть от внутренних причин и уступить место человеческому, разумному строю. Христианское государство есть только последняя возможная форма проявления государства вообще; с его падением государство как таковое должно пасть. Разложение человечества на массу изолированных, взаимно отталкивающихся атомов есть уже само по себе уничтожение всех корпоративных, национальных и вообще особых интересов и последняя необходимая ступень к свободному самообъединению человечества. Завершение отчуждения человека в господстве денег есть неизбежный переход к ныне уже близкому моменту, когда человек вновь должен обрести самого себя.

Ф. Энгельс. Положение Англии. Восемнадцатый век.
Сочинения, т. 1, стр. 605.

ФЕОДАЛЬНАЯ И КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

1

Таким образом, конечным результатом является уничтожение различия между капиталистом и земельным собственником, так что в общем и целом остается уже только два класса населения: рабочий класс и класс капиталистов. Это вовлечение земельной собственности в торговый оборот, превращение земельной собственности в товар означает окончательное падение старой аристократии и окончательное возвышение денежной аристократии.

1) Сентиментальные слезы, которые по этому поводу проливает романтика, нам чужды. Она постоянно смешивает два момента: гнусность, заключающуюся в *торгашиеских махинациях с землей*, и те вполне рациональные в пределах частной собственности необходимые и желательные последствия, которые содержатся в *вовлечении в торговый оборот частной собственности на землю*. Во-первых, феодальная земельная собственность уже по самому существу своему есть результат грязных махинаций с землей, превращение ее в землю, отчужденную от человека и вследствие этого противостоящую ему в образе тех или иных немногих крупных господ.

Уже феодальное землевладение заключает в себе господство земли над людьми как власть какой-то чуждой силы. Крепостной есть придаток земли. Точно так же и владелец майората, первородный сын, принадлежит земле. Она его наследует. Вообще господство частной собственности начинается с землевладения; землевладение является ее основой. Но при феодальном землевладении владелец по крайней мере *с виду кажется* королем земельного владения. Вместе с тем там еще существует видимость более интимного отношения между владельцем и землей, чем узы просто *вещественного* богатства. Земельный участок индивидуализируется вместе со своим хозяином, имеет его титул, баронский или графский, его привилегии, его юрисдикцию, его политическое положение и т. д. Земельный участок является как бы неорганическим телом своего хозяина. Отсюда поговорка «*nulle terre sans maître*»¹, в которой нашло свое выражение срастание господского величия с земельным владением. Точно так же и господство земельной собственности не выступает здесь непосредственно как господство голого капитала. Те, кто принадлежит к этой земельной собственности, относятся к ней скорее как

¹ — «нет земли без господина». *Ред.*

к своему отечеству. Это — национализм весьма ограниченного характера.

Точно так же феодальная земельная собственность дает имя своему владельцу, как королевство дает имя своему королю. История его рода, история его дома и т. д. — все это индивидуализирует для него его земельную собственность, превращает ее форменным образом в его дом, персонифицирует ее. Точно так же и те, кто обрабатывает его земельное владение, находятся не в положении *наемных поденщиков*, а частью сами, как крепостные, являются его собственностью, частью же состоят к нему в отношениях почитания, подданства и определенных повинностей. Позиция землевладельца по отношению к ним является поэтому позицией непосредственно политической и имеет вместе с тем некоторую *эмоциональную* сторону. Нравы, характер и т. д. меняются от одного земельного участка к другому; они как бы срослись с клочком земли, тогда как позднее человека связывает с земельным участком только его кошелек, а не его характер, не его индивидуальность. И, наконец, феодальный землевладелец не стремится извлекать из своего земельного владения максимально возможную выгоду. Напротив, он потребляет то, что там имеется, а заботу о добывании новых средств он спокойно предоставляет крепостным и арендаторам. Таково отношение *дворянства* к земельному владению, окружающее хозяина земли некоторым романтическим ореолом.

Необходимо, чтобы эта видимость исчезла, чтобы земельная собственность, этот корень частной собственности, была целиком вовлечена в движение частной собственности и стала товаром; чтобы господство собственника выступило как чистое господство частной собственности, капитала, вне всякой политической окраски; чтобы взаимоотношение между собственником и работником свелось к политико-экономическому отношению эксплуататора и эксплуатируемого; чтобы всякое персональное взаимоотношение между собственником и его собственностью прекратилось и чтобы эта собственность стала лишь *вещественным* материальным богатством; чтобы место почетного брачного союза с землей занял брак по расчету и чтобы земля, точно так же как и человек, опустилась на уровень торгашеской стоимости. Необходимо, чтобы то, что составляет корень земельной собственности, — грязное своекорыстие, — выступило также и в своей циничной форме. Необходимо, чтобы неподвижная монополия превратилась в подвижную и беспокойную монополию, в конкуренцию, а праздное наслаждение плодами чужого кровавого пота — в суетливую торговлю ими. И, наконец, необходимо, чтобы в процессе

этой конкуренции земельная собственность в образе капитала продемонстрировала свое господство как над рабочим классом, так и над самими собственниками, разоряемыми или возносимыми выше согласно законам движения капитала. Тем самым место средневековой поговорки «*nulle terre sans seigneur*»¹ занимает поговорка нового времени «*l'argent n'a pas de maître*»², ярко выражающая господство мертвой материи над людьми.

К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс «Из ранних произведений».
Госполитиздат, М., 1956, стр. 553—555.

2

Стоит только почитать нападки недвижимой собственности на движимую и наоборот, чтобы составить себе наглядное представление о гнусности как той, так и другой. Земельный собственник щеголяет дворянским происхождением своей собственности, своим феодальным прошлым, своими поэтическими воспоминаниями, своей экзальтированностью, своим политическим значением и т. д., а если он выражается на языке политической экономии, то он говорит: производителю *только* земледелие. Вместе с тем он изображает своего противника хитрым мошенником, маклером-надувателем, продажным корыстолюбцем; склонным к бунту, бессердечным и бездушным, чуждым общественному духу, беспрепятственно торгующим интересами общества спекулянт, ростовщиком, сводником, холопом, ловким льстецом, сухим *денежным плутом*, порождающим, вскармливающим, раздувающим конкуренцию и, следовательно, пауперизм и преступления, вызывающим распад всех социальных уз; бесчестным, беспринципным, лишенным поэзии, лишенным субстанции, не имеющим ничего за душой (см. среди других физиократа *Bergassa*, которого бичевал уже Камилль Демулен в своем журнале «*Révolutions de France et de Brabant*»; см. фон Финке, Ланцицолле, Галлера, Лео³, Козегартена, а также *Cismondi*).

¹ — «нет земли без сеньора». *Ред.*

² — «деньги не имеют господина». *Ред.*

³ Ссылаясь на г-на Лео, напыщенный старогегельянский теолог *Функе* рассказывает со слезами на глазах, как при отмене крепостничества один раб отказался перестать быть *дворянской собственностью*. См. также «*Патристические фантазии*» *Юстуса Мёзера*, которые отличаются тем, что они ни на минуту не выходят за предел ограниченного, мещанского, «доморощенного», *обычного* горизонта добропорядочного филистера и тем не менее представляют собой *чистейшей воды* фантазии. Это противоречие и сделало их столь привлекательными для немецкого духа.

Движимая собственность в свою очередь козыряет чудесами промышленности и движения, она — детище новейшего времени и его законнорожденный сын; она высказывает сожаление по поводу своего противника как *не понимающего* своей сущности (и это — совершенно верно) тупицы, который на место морального капитала и свободного труда хочет водворить грубое антиморальное насилие и крепостничество. Она изображает его Дон Кихотом, который под маской *прямоты, честности, служения общественному интересу, постоянства* прячет неспособность к движению, своекорыстную жажду наслаждений, себялюбие, узость интересов, злонамеренность; она объявляет его пронырливым *монополистом*; его воспоминания, его поэзию, его экзальтированность она заглушает историческим и саркастическим перечислением гнусностей, жестокостей, мотовства, проституции, бесчестия, анархии, мятежей, питомниками которых были романтические замки.

Это она, мол, добыла народу политическую свободу, она разбила оковы гражданского общества, связала воедино миры, создала человеколюбивую торговлю, чистую мораль, галантную образованность; на место грубых потребностей она породила в народе цивилизованные потребности и дала средства для их удовлетворения, тогда как земельный собственник, этот праздный и только мешающий делу хлебный ростовщик, удорожает для народа самые необходимые средства к жизни, тем самым вынуждая капиталиста повышать заработную плату без возможности увеличения производительной силы; тем самым земельный собственник препятствует росту годового дохода нации, препятствует накоплению капиталов и, следовательно, сокращает возможность предоставления народу работы, а стране богатства; в конечном счете земельный собственник совершенно уничтожает эту возможность, ведет дело к всеобщему упадку и ростовщически эксплуатирует *все* выгоды современной цивилизации, ничего для нее не делая и даже не отказываясь от своих феодальных предрассудков. И, наконец, пусть взглянет он только на своего *арендатора* — он, для которого земледелие и сама земля существуют лишь в качестве дарованного ему источника денег, — и пусть скажет, не является ли он *бравым, начиненным фантазиями, хитрым* мошенником, который в глубине своего сердца и в действительности уже давным-давно принадлежит *свободной* промышленности и *милой* торговле, как бы он этому ни противился и сколько бы он ни болтал об исторических воспоминаниях, о нравственных и политических целях. Все, что он действительно приводит в свою пользу, справедливо лишь в применении к *зем-*

ледельцу (капиталисту и батраку), а ведь *земельный собственник* им скорее *враг*; он аргументирует, следовательно, против самого себя. *Без капитала*, — указывают представители этого последнего, — *земельная собственность* есть мертвая, лишенная ценности материя. Культурная победа капитала заключается, мол, как раз в том, что вместо мертвой вещи он открыл и вызвал к жизни человеческий труд как источник богатства (см. Поля Луи Курье, Сен-Симона, Ганиля, Рикардо, Милля, Мак-Куллоха, Дестюта де Траси и Мишеля Шевалье).

Из *действительного* хода развития (вставить сюда) с необходимостью вытекает победа *капиталиста*, т. е. высокоразвитой частной собственности над неразвитой, половинчатой частной собственностью, т. е. над *земельным собственником*, подобно тому, как уже и вообще движение должно одержать победу над неподвижностью, открытая, сознающая себя подлость — над подлостью скрытой и бессознательной, *стяжательство* — над *жаждой наслаждений*, откровенно безудержный, извортливый эгоизм *просвещения* — над местным, осмотрительным, простоватым, ленивым и фантастическим *эгоизмом суеверия*, *деньги* — над иными формами частной собственности.

К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 г.
К. Маркс и Ф. Энгельс «Из ранних произведений».
Госполитиздат, М., 1956, стр. 577—579.

КАПИТАЛИЗМ И ДУХОВНОЕ ТВОРЧЕСТВО

ИСКУССТВО И ПОЭЗИЯ В ИХ ОТНОШЕНИИ К БУРЖУАЗНОМУ СПОСОБУ ПРОИЗВОДСТВА

Henri Storch. Cours d'économie politique и т. д. Издание Ж.-Б. Сэя. Париж, 1823. (Это — лекции, читанные великому князю Николаю и законченные в 1815 году.) *Том III*.

После Гарнье Шторх был по сути дела первым, кто в полемике против смитовского различия между производительным и непроизводительным трудом* пытался стать на новую почву.

От материальных благ, составных частей материального производства, он отличает *«внутренние блага, или элементы цивилизации»*, законы производства которых должна изучать «теория цивилизации» (назв. соч., том III, стр. 217). (В I томе, стр. 136, мы читаем: «Ясно, что человек никогда не приступает к производству богатств, пока он не обладает внутренними благами, т. е. пока он не развил свои физические, умственные и моральные способности, а это предполагает средства для их развития, такие, как *общественные учреждения* и т. д. Следовательно, чем цивилизованнее данный народ, тем больше может возрастать его национальное богатство». Точно так же и обратно.)

Против Смита: «Смит... исключает из числа *производительных видов труда* все те, которые не участвуют *непосредственно* в производстве богатств; но при этом он имеет в виду только национальное *богатство*... Ошибка его в том, что он не провел должного различия между *нематериальными* стоимостями и *богатствами*» (том III, стр. 218).

Этим дело собственно и кончается. Различение между производительными видами труда и непроизводительными имеет решающее значение для того, что рассматривает Смит, — для производства материального богатства, и притом для определенной формы этого производства, для капиталистического способа производства. В духовном производстве в качестве производительного выступает другой вид труда. Но Смит не рассмат-

ривает его. Наконец, взаимодействие и внутренняя связь обоих видов производства тоже не входят в круг его рассмотрения; к тому же это может привести к чему-нибудь большему, чем пустые фразы, только тогда, когда материальное производство рассматривается *sub sua propria specie*¹. Если Смит говорит о таких рабочих, которые являются производительными не непосредственно, то лишь постольку, поскольку они *непосредственно* участвуют в потреблении материального богатства, а не в его производстве.

У самого Шторха, — хотя в его «теории цивилизации» и падаются некоторые остроумные замечания, например, о том, что материальное разделение труда является предпосылкой разделения духовного труда, — «теория цивилизации» не идет дальше тривиальных общих фраз. В какой мере это и *должно было* иметь место у Шторха, насколько далек он был даже от того, чтобы хотя бы только *сформулировать* себе эту задачу, не говоря уже о ее решении, явствует из одного *единственного* обстоятельства. Чтобы исследовать связь между духовным [409] и материальным производством, прежде всего необходимо рассматривать само это материальное производство не как всеобщую категорию, а в *определенной исторической* форме. Так, например, капиталистическому способу производства соответствует другой вид духовного производства, чем средневековому способу производства. Если само материальное производство не брать в его *специфической исторической* форме, то невозможно понять характерные особенности соответствующего ему духовного производства и взаимодействия обоих. Дальше пошлостей тогда не уйдешь. Это по поводу фразы о «цивилизации».

Далее: из определенной формы материального производства вытекает, во-первых, определенная структура общества, во-вторых, определенное отношение людей к природе. Их государственный строй и их духовный уклад определяются как тем, так и другим. Следовательно, этим же определяется и характер их духовного производства.

Наконец: под духовным производством Шторх понимает вместе с тем различные виды профессиональной деятельности всех тех слоев господствующего класса, для которых выполнение социальных функций является промыслом. Существование этих сословий, равно как и их функции могут быть поняты только из определенного исторического строя их производственных отношений.

¹ — под своим собственным углом зрения. *Ред.*

Так как Шторх рассматривает само материальное производство не *исторически*, рассматривает его как производство материальных благ вообще, а не как определенную, исторически развившуюся и специфическую форму этого производства, то этим он сам лишает себя той основы, на которой только и возможно понять как идеологические составные части господствующего класса, так и свободное духовное производство данной общественной формации. Он не в состоянии выйти за пределы общих, бессодержательных фраз. Да и само это отношение совсем не так просто, как он предполагает. Так, капиталистическое производство враждебно известным отраслям духовного производства, например искусству и поэзии. Не учитывая этого, можно прийти к иллюзии французов XVIII столетия, так хорошо высмеянной Лессингом. Так как в механике и т. д. мы ушли дальше древних, то почему бы нам не создать и свой эпос? И вот взамен «Илиады» появляется «Генриада».

Правильным, напротив, является то, что Шторх подчеркивает специально против Гарнье, который собственно и является отцом *этой* полемики против Смита. А именно, Шторх подчеркивает, что противники Смита подходят к вопросу не с того конца.

«Что делают критики Смита? Весьма далекие от того, чтобы установить это различие» (между «нематериальными стоимостями» и «богатствами»), «они окончательно смешивают оба эти вида стоимостей, которые столь явно различны». (Они утверждают, что производство духовных продуктов или производство услуг является *материальным* производством.) «Рассматривая нематериальный труд как *производительный*, они предполагают, что он *производит*» (т. е. непосредственно производит) «*богатства*, т. е. материальные и пригодные к обмену стоимости; а между тем он производит только нематериальные и непосредственные стоимости; критики Смита исходят из предположения, что продукты нематериального труда подчинены тем же законам, что и продукты материального труда, а между тем первые управляются иными принципами, чем вторые» (том III, стр. 218).

Отметим следующие положения Шторха, которые у него заимствовались позднейшими авторами:

«Так как внутренние блага являются отчасти продуктом услуг, то решили, что они не более долговечны, чем сами услуги, и что они необходимым образом потребляются по мере их производства» (том III, стр. 234). «Первичные внутренние блага, отнюдь не уничтожаясь от их употребления, возрастают и умножаются благодаря упражнению, так что само их *потребление* увеличивает их стоимость» (там же, стр. 236). «Внутренние блага,

как и богатства, могут быть накапливаемы и способны образовать капиталы, которые можно применять для воспроизводства» и т. д. (там же, стр. 236). «Материальный труд должен быть разделен, и его продукты должны быть накоплены прежде, чем можно начать думать о разделении нематериального труда» (стр. 241).

Но все это лишь самые общие поверхностные аналогии и параллели между духовным и материальным богатством. Совершенно таково же, например, и то его замечание, что неразвитые нации *заимствуют* свои духовные капиталы из зарубежных стран, подобно тому как материально неразвитые нации заимствуют отсюда свои материальные капиталы (там же, стр. 306), что разделение нематериального труда зависит от спроса на него, короче говоря — от рынка, и т. д. (стр. 246).

А вот те места, которые прямо списывались:

[410] «Производство внутренних благ, далекое от того, чтобы уменьшать национальное богатство потреблением материальных продуктов, в которых оно нуждается, является, напротив, мощным средством его увеличения», как и обратно «производство богатств служит столь же мощным средством для роста цивилизации» (там же, стр. 517). «Национальное благосостояние растет благодаря равновесию этих двух видов производства» (стр. 521).

По Шторху, врач производит здоровье (но он производит также и болезнь), профессора и писатели — просвещение (но они производят также и обскурантизм), поэты, художники и т. д. — вкус (но они производят также и безвкусию), моралисты и т. п. — нравы, проповедники — религию, труд государя — безопасность, и т. д. (стр. 347—350). С таким же правом можно сказать, что болезнь производит врачей, глупость — профессоров и писателей, безвкусию — поэтов и художников, безнравственность — моралистов, суеверие — проповедников, а отсутствие всеобщей безопасности — государей. Эта манера утверждать, что все эти виды деятельности, эти «услуги», производят действительную или воображаемую потребительную стоимость, повторяется позднейшими авторами для доказательства того, что упомянутые выше лица являются производительными работниками в смитовском смысле, т. е. непосредственно производят не продукты *suī generis*¹, а продукты материального труда и поэтому непосредственно — богатство. У Шторха еще нет этой нелогичности, которая, впрочем, может быть полностью объяснена следующими моментами:

¹ — особого рода. *Ред.*

1) в буржуазном обществе различные функции взаимно предполагают друг друга;

2) антагонизмы в области материального производства делают необходимой надстройку из идеологических сословий, деятельность которых, — хороша ли она или дурна, — хороша потому, что необходима;

3) все функции состоят на службе у капиталиста, идут ему на «благо»;

4) даже высшие виды духовного производства получают признание и становятся *извинительными* в глазах буржуа только благодаря тому, что их изображают и ложно истолковывают как прямых производителей материального богатства.

К. М а р к с. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»).
Госполитиздат, М., 1954, стр. 260—263.

ТРУД ХУДОЖНИКА В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

1

Производительный труд определяется здесь с точки зрения капиталистического производства, и А. Смит в данном случае проник в самую суть дела, попал прямо в точку. Одна из его крупнейших научных заслуг (как правильно отметил Мальтус, это смитовское различие между производительным и непроизводительным трудом остается основой всей буржуазной экономии) состоит в том, что он определяет производительный труд как такой труд, *который обменивается непосредственно на капитал*, т. е. определяет его тем обменом, посредством которого производственные условия труда и стоимость вообще, деньги или товары, впервые только и превращаются в капитал (а труд — в наемный труд в научном смысле этого слова).

Этим самым абсолютно установлено также, что такое *непроизводительный труд*. Это — такой труд, который обменивается не на капитал, а *непосредственно* на доход, т. е. на заработную плату или прибыль (а также, конечно, и на те различные рубрики, которые существуют за счет прибыли капиталиста, каковы процент и рента). Там, где всякий труд отчасти еще сам себя оплачивает (как, например, земледельческий труд барщинного крестьянина), отчасти же обменивается непосредственно на доход (как мануфактурный труд в городах Азии), там не существует капитала и наемного труда в смысле буржуазной экономии. Эти определения взяты, стало быть, не из вещественной характе-

ристики труда (не из природы его продукта и не из тех определенных свойств, которые присущи труду как конкретному труду), а из определенной общественной формы, из тех общественных производственных отношений, в которых этот труд осуществляется. Актер, например, и даже клоун, является, в соответствии с этим, производительным работником, если он работает по найму у капиталиста (антрепренера), которому он возвращает больше труда, чем получает от него в форме заработной платы; между тем мелкий портной, который приходит к капиталисту на дом и чинит ему брюки, создавая для него только потребительную стоимость, является непроизводительным работником. Труд первого обменивается на капитал, труд второго — на доход. Первый род труда создает прибавочную стоимость; при втором потребляется доход.

Производительный и непроизводительный труд здесь различаются всегда *со стороны владельца денег, капиталиста*, а не со стороны *работника*, и отсюда нелепости у Ганиля и других, которые настолько далеки от понимания сути дела, что сводят ее к вопросу, приносит ли деньги работа — или услуга, или функция — проститутки, лакея и т. д. [303]

[304] Писатель является производительным работником не потому, что он производит идеи, а потому, что он обогащает книгопродавца, издающего его сочинения, т. е. он производителен постольку, поскольку является наемным работником какого-нибудь капиталиста.

Потребительная стоимость товара, в котором воплощается труд производительного рабочего, может быть совершенно ничтожной. Эта характеристика труда, с его вещественной стороны нисколько не связана с его свойством быть производительным трудом, которое, напротив, выражает только определенное общественное производственное отношение. Здесь мы имеем такую характеристику труда, которая проистекает не из его содержания или его результата, а из его определенной общественной формы.

К. Маркс. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»).
Госполитиздат, М., 1954, стр. 126—127.

2

Поэтому-то процесс капиталистического производства не есть просто производство товаров. Это — процесс, поглощающий неоплаченный труд, процесс, превращающий средства производства — материалы и средства труда — в средства поглощения неоплаченного труда.

Из всего вышеизложенного следует, что «производительный труд» — это такая характеристика труда, которая непосредственно не имеет абсолютно ничего общего с *определенным содержанием* труда, с его особой полезностью или со специфической потребительной стоимостью, в которой он выражается.

Один и тот же вид труда может быть как *производительным*, так и *непроизводительным*.

Например, Мильтон, написавший «Потерянный рай» и получивший за него 5 ф. ст., был *непроизводительным работником*. Напротив, писатель, работающий для своего книготорговца на фабричный манер, является *производительным работником*. Мильтон создавал «Потерянный рай» с той же необходимостью, с какой шелковичный червь производит шелк. Это было действительное проявление *его* натуры. Потом он продал свое произведение за 5 ф. ст. А лейпцигский литератор-пролетарий, фабрикующий по указке своего издателя книги (например, руководству по политической экономии), является *производительным работником*, так как его производство с самого начала подчинено капиталу и совершается только для увеличения стоимости этого капитала. Певица, продающая свое пение на свой страх и риск, — *непроизводительный работник*. Но та же самая певица, приглашенная антрепренером, который, чтобы загрести деньги, заставляет ее петь, — *производительный работник*, ибо она производит капитал.

К. Маркс. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»).
Госполитиздат, М., 1954, стр. 386.

3

В нематериальном производстве, — даже если оно ведется исключительно для обмена и, следовательно, производит *товары*, — возможны два случая:

1) Оно имеет своим результатом такие *товары*, такие потребительные стоимости, которые обладают самостоятельной формой, обособленной как по отношению к производителю, так и по отношению к потребителю, — которые, следовательно, способны сохранять свое существование в промежутке времени между производством и потреблением и, таким образом, могут обращаться в течение этого времени как *пригодные для продажи товары*; таковы, например, книги, картины и вообще все произведения искусства, существующие отдельно от художественной деятельности создающего их художника. Здесь капиталистическое производство применимо только в очень ограниченном

масштабе, — например, в том случае, когда какой-нибудь литератор эксплуатирует для какого-нибудь коллективного произведения, скажем, для энциклопедии, многих других авторов в качестве чернорабочих. [1330] В большинстве случаев здесь дело ограничивается *переходной к капиталистическому производству формой*, заключающейся в том, что люди, занятые различными видами научного и художественного производства, ремесленники или же мастера своего дела, работают на совокупный торговый капитал книготорговцев, — отношение, не имеющее ничего общего с капиталистическим способом производства в собственном смысле слова и еще не подчиненное ему даже формально. То обстоятельство, что именно в этих переходных формах эксплуатация труда достигает наивысшей степени, несколько не меняет существа дела.

2) Производимый продукт неотделим от того акта, в котором он производится, как это имеет место у всех художников-исполнителей, ораторов, актеров, учителей, врачей, попов и т. д. Капиталистический способ производства также и здесь находит себе применение только в небольшом объеме и по самой природе вещей может здесь применяться только в некоторых сферах. Например, учителя могут быть в учебных заведениях простыми наемными рабочими для предпринимателя, владельца учебного заведения; подобного рода фабрики для обучения весьма многочисленны в Англии. Хотя по отношению к своим ученикам эти учителя вовсе не являются *производительными рабочими*, но они являются таковыми по отношению к нанявшему их предпринимателю. Последний обменивает свой капитал на их рабочую силу и обогащается путем этого процесса. Таким же путем обогащаются также и антрепренеры театров, увеселительных заведений и т. д. По отношению к публике актер выступает здесь как художник, но для своего предпринимателя он — *производительный рабочий*. Все эти проявления капиталистического производства в данной области так незначительны в сравнении со всем производством в целом, что могут быть оставлены совершенно без внимания.

К. Маркс. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). Госполитиздат, М., 1954, стр. 395—396.

4

Здесь мы опять наталкиваемся на ту чепуху*, будто всякий вид услуг что-нибудь да производит: проститутка производит сладострастие, убийца — убийство и т. д. К тому же Смит-де

сказал, что каждый вид этой дряни имеет свою *стоимость*. Недоставало [416] еще, чтобы эти «услуги» оказывались бесплатно. Об этом нет и речи. Но даже если бы они и выполнялись бесплатно, они и тогда ни на грош не увеличили бы богатства (материального).

Затем идет беллетристическая белиберда:

«Певец, когда он кончил петь, ничего, как утверждают, не оставляет нам. — Нет, он оставляет воспоминание!» (очень мило!). «Когда вы выпили шампанского, что остается после этого?.. Экономические результаты могут быть различны в зависимости от того, следует ли потребление сейчас же за фактом производства или нет, совершается ли оно быстрее или медленнее, но самый факт потребления, каков бы он ни был, не может отнять у продукта характер богатства. Существуют нематериальные продукты, более долговечные, чем некоторые материальные. Дворец существует долго, но «Илиада» — еще более долговечный источник наслаждения» (стр. 277—278).

Какая чушь!

В том смысле, в каком Росси здесь понимает богатство, т. е. в смысле потребительной стоимости, дело обстоит даже так, что только *потребление* впервые и делает продукт богатством, все равно, как бы это потребление ни совершалось: медленно или быстро (продолжительность потребления зависит от его собственной природы и от природы предмета). Потребительная стоимость имеет значение только для потребления, и ее существование для потребления есть лишь существование в качестве предмета потребления, есть лишь ее существование в потреблении.

Как питье шампанского не есть производительное потребление, хотя оно и производит «похмелье», так не является производительным потреблением и слушание музыки, хотя оно и оставляет после себя «воспоминание». Если музыка хороша и слушатель понимает музыку, то потребление музыки возвышеннее потребления шампанского, хотя производство последнего есть «производительный труд», а производство первой — непроизводительный.

К. Маркс. Теория прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), Госполитиздат, М., 1954, стр. 275.

В-третьих. Тут Гарнье ударяется в «мораль»*. Почему «парфюмер, ласкающий мое обоняние», должен считаться производительным работником, а музыкант, «чарующий мой слух», —

непроизводительным? (стр. 173). Потому, ответил бы Смит, что один доставляет материальный продукт, а другой — нет. Мораль, как и «заслуга» того и другого, не имеет никакого отношения к этому различию.

В-четвертых. Разве это не противоречие, что «скрипичный и органнй мастер, торговец музыкальными инструментами, механик и т. д.» производительны, а профессии, по отношению к которым их труд является лишь «подготовительной стадией», непроизводительны? «И те и другие имеют конечной целью *своего труда один и тот же род потребления.* Если конечный результат труда одних не заслуживает того, чтобы отнести его к числу *продуктов* труда общества, то почему такое предпочтение отдается тому, что является лишь *средством для достижения этого результата?*» (цит. соч. стр. 173). Рассуждая так, придется заключить, что тот, кто ест хлеб, столь же производительен, как и тот, кто его производит. Ибо для чего производится хлеб? Для еды. Стало быть, если еда — непроизводительный труд, то почему же производительным является хлебопашество, которое служит лишь средством к достижению этой цели? Кроме того, тот, кто ест, производит мозг, мышцы и т. д., а разве это не такие же благородные продукты, как ячмень или пшеница? — мог бы спросить А. Смита какой-нибудь возмущенный друг человечества.

Во-первых, А. Смит не отрицает, что непроизводительный работник производит какой-либо продукт. В противном случае он вообще не был бы работником. Во-вторых, пусть и кажется странным, что врач, прописывающий пилюли, не является производительным работником, а аптекарь, приготавливающий их, — производительный работник. Подобным же образом производительным работником является инструментальный мастер, делающий скрипку, но не скрипач, играющий на ней. Это могло бы служить доказательством только того, что некоторые «производительные работники» доставляют продукты, единственное назначение которых — служить средством производства для непроизводительных работников. Но это не более странно, чем то, что в конце концов, все производительные работники, во-первых, доставляют средства для оплаты непроизводительных работников, а во-вторых, доставляют продукты, потребляемые теми, кто *не выполняет никакого труда.*

ПРОТИВОРЕЧИЯ БУРЖУАЗНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

«ОТЧУЖДЕНИЕ»* ОБЩЕСТВЕННЫХ СИЛ

Социальная сила, т. е. умноженная производительная сила, возникающая благодаря обусловленной разделением труда совместной деятельности различных индивидов, — эта социальная сила, вследствие того, что сама совместная деятельность возникает не добровольно, а стихийно, представляется данным индивидам не как их собственная объединенная сила, а как некая чуждая, вне их стоящая власть, о происхождении и тенденциях развития которой они ничего не знают; они, следовательно, уже не могут господствовать над этой силой, — напротив, последняя проходит теперь ряд фаз и ступеней развития, не только не зависящих от воли и поведения людей, а наоборот, направляющих эту волю и это поведение.

Это «отчуждение», говоря понятным для философа языком, может быть уничтожено, конечно, только при наличии двух *практических* предпосылок. Чтобы стать «невыносимой» силой, т. е. силой, против которой совершают революцию, необходимо, чтобы это отчуждение превратило большинство человечества в совершенно «лишенных собственности» людей, противостоящих в то же время существующему миру богатства и образования, а оба эти условия предполагают огромный рост производительной силы, высокую степень ее развития.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Немецкая идеология.
Сочинения, т. 3, стр. 33.

СВОБОДА И РАБСТВО В БУРЖУАЗНОМ ОБЩЕСТВЕ

Свободная промышленность и свободная торговля упраздняют привилегированную замкнутость, а тем самым и борьбу привилегированных замкнутостей между собой; наоборот, на место привилегий, которые отделяют людей от общественного

целого, но в то же время сплачивают их в какую-нибудь меньшую по размерам исключительную корпорацию, — они ставят человека, освобожденного от привилегий и уже не связанного с другим человеком хотя бы *видимостью* общих уз, и порождают всеобщую борьбу человека против человека, индивидуума против индивидуума. Таким же точно образом и все *гражданское общество* есть эта война отделенных друг от друга уже только своей *индивидуальностью* индивидуумов друг против друга и всеобщее необузданное движение освобожденных от оков привилегий стихийных жизненных сил. Противоположность *демократического представительного государства* и *гражданского общества* есть завершение *классической* противоположности публичноправового союза и *рабства*. В современном мире каждый человек *одновременно* — член рабского строя и публичноправового союза. Именно *рабство гражданского общества* по своей *видимости* есть величайшая *свобода*, потому что оно кажется завершенной формой *независимости* индивидуума, который принимает необузданное, не связанное больше ни общими узами, ни человеком, движение своих отчужденных жизненных элементов, как, например, собственности, промышленности, религии и т. д., за свою *собственную* свободу, между тем как оно, наоборот, представляет собой его завершенное рабство и полную противоположность человечности. На место *привилегии* здесь стало *право*.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Святое семейство.
Сочинения, т. 2, стр. 129—130.

ЧЕЛОВЕК И МАШИНА ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

Конечно, буржуазный экономист вовсе не отрицает, что при этом получаются и временные неприятности; но ведь у всякой медали существует своя обратная сторона! Для него немислимо иное, кроме капиталистического, использование машины. Следовательно, эксплуатация рабочего при посредстве машины для него тождественна с эксплуатацией машины рабочим. Поэтому тот, кто раскрывает, как в действительности обстоит дело с капиталистическим применением машин, тот вообще не хочет их применения, тот противник социального прогресса!¹ Совершенно

¹ Одним из виртуозов в этом самодовольном кретинизме является между прочим Мак Кэллох. «Если выгодно, — говорит он, напр., с аффектированной наивностью 8-летнего ребенка, — все более и более развивать искусство рабочего, так, чтобы он приобрел способность производить все увеличивающееся количество товаров при прежнем или меньшем количестве труда, то долж-

во вкусе знаменитого головореза Билл Сайкса: «Господа при- сяжные, конечно, этим коммивояжерам горло было перерезано. Но это — не моя вина, а вина ножа. Неужели из-за таких времен- ных неприятностей мы отменим употребление ножа? Подумайте, однако! Что было бы с земледелием и ремеслами без ножа? Не приносит ли он спасение в хирургии, не служит ли орудием науки в руках анатома? А потом — не желанный ли это помощ- ник в веселых пирах? Уничтожьте нож — и вы отбросите нас назад к глубочайшему варварству»¹.

К. Маркс. Капитал, т. I.
Госполитиздат, 1956, стр. 447.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НАЕМНОГО ТРУДА

1

Разделение труда в городах между отдельными цехами было еще (совершенно примитивным), а внутри самих цехов между отдельными работниками и вовсе не проводилось. Каждый работник должен был знать целый ряд работ, должен был уметь делать все, что полагалось делать при помощи его инструмен- тов; ограниченность торговли и слабая связь отдельных городов между собой, скудость населения и ограниченность потребностей препятствовали дальнейшему разделению труда, и поэтому каж- дый, кто желал стать мастером, должен был овладеть своим ре- меслом во всей его полноте. Вот почему у средневековых ремес- ленников еще имеет место известный интерес к своей специаль- ной работе и к умелому ее выполнению, интерес, который мог подниматься до степени примитивного художественного вкуса. Но по этой же причине каждый средневековый ремесленник был целиком поглощен своей работой, относился к ней с рабской пре- данностью и был гораздо более подчинен ей, чем современный рабочий, равнодушно относящийся к своей работе.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Немецкая идеология.
Сочинения, т. 3, стр. 52.

но быть не менее выгодно, чтобы он пользовался содействием таких машин, которые наиболее действительным образом помогают ему в достижении этого результата» (*Mac Culloch*: «Principles of Political Economy». London 1830, стр. 166).

¹ «Изобретатель прядильной машины разорил Индию, что, впрочем, мало нас трогает» (*A. Thiers*: «De la propriété». [Paris 1848, стр. 275]). [Ср. *A. Тьер*: «О собственности». СПб., 1872, стр. 225.] Г-н Тьер смешивает здесь прядильную машину с механическим ткацким станком, «что, впрочем, мало нас трогает».

2

В заключение мы должны еще обратить внимание на положительную сторону наемного труда.

а) Когда говорят о положительной стороне наемного труда, то тем самым признают положительную сторону капитала, крупной промышленности, свободной конкуренции, мирового рынка, и мне нет надобности выяснять вам, что без этих производственных отношений не были бы созданы ни средства производства, материальные средства для освобождения пролетариата и основания нового общества, ни сам пролетариат не достиг бы такого объединения и такого развития, при которых он в самом деле совершит революцию, которая обновит общество и его самого. — Уравнение заработной платы.

б) Возьмем даже заработную плату в самом предосудительном в ней, в том, что моя деятельность является товаром, в том, что я сплошь становлюсь продажным.

Во-первых, благодаря этому исчезло все патриархальное, так как лишь барышничество, покупка и продажа являются единственной связью, денежное отношение является единственным отношением между предпринимателями и рабочими.

Во-вторых, лучезарное сияние вообще перестало окружать все отношения старого общества, так как они превратились в простые денежные отношения.

Точно так же все так называемые высшие роды труда — умственный, художественный и т. д. — превратились в предметы торговли и лишились, таким образом, своего прежнего ореола. Каким огромным прогрессом явилось то, что все функции священников, врачей, юристов и т. д., следовательно, религия, юриспруденция и т. д., стали определяться лишь преимущественно по их коммерческой стоимости!

К. Маркс. Заработная плата.
Сочинения, т. V, стр. 556—557.

КОНКУРЕНЦИЯ И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

Нет ничего легче, как назвать равенство и неравенство, сходство и несходство — рефлексивными определениями*. Несравнимость есть также рефлексивное определение, имеющее своей предпосылкой деятельность сравнения. Но для доказательства того, что сравнение вовсе не есть чисто произвольное рефлексивное определение, достаточно привести только один

пример, именно — *деньги*, эта установившаяся *tertium comparationis*¹ всех людей и вещей.

Впрочем, несравнимость может иметь различные значения. Единственное значение, о котором здесь может идти речь, а именно «единственность» в смысле самобытности, предполагает, что деятельность несравнимого индивида в определенной сфере отличается от деятельности других индивидов той же самой сферы. Персиани — несравненная певица именно потому, что она — *певица* и что ее сравнивают с другими певицами, и это делают люди, которые в своей сравнительной оценке, опирающейся на нормальную организацию их ушей и на музыкальное образование, способны познать ее несравнимость. Пение Персиани не сравнимо с кваканьем лягушки, хотя и здесь было бы возможно сравнение, но только как сравнение между человеком и лягушкой вообще, а не между Персиани и данной единственной лягушкой. Только в первом случае можно говорить о сравнении между индивидами, во втором же сравниваются только их видовые или родовые свойства. Третий вид несравнимости — несравнимость пения Персиани с хвостом кометы — мы предоставляем Санчо для его «самонаслаждения», так как он явно находит удовольствие в таких «нелепых суждениях», хотя, впрочем, даже и это нелепое сравнение стало какою-то реальностью в условиях нелепости современных отношений. Деньги — общий масштаб всех, даже самых разнородных вещей.

Впрочем, несравнимость Санчо сводится к той же пустой фразе, к которой свелась его единственность. Индивиды не должны более измеряться каким-то независимым от них *tertium comparationis*, а сравнение *должно* превратиться в их саморазличение, т. е. в свободное развитие их индивидуальности, которое осуществляется тем путем, что они выбрасывают из головы «навязчивые идеи».

Впрочем, Санчо знаком только с тем методом сравнения, которым пользуются писаки и болтуны, — методом, приводящим к тому глубокомысленному выводу, что Санчо не есть Бруно, а Бруно не есть Санчо. Но он, конечно, совершенно не знаком с науками, которые достигли больших успехов лишь благодаря сравнению и установлению различий в сфере сравниваемых объектов и в которых сравнение приобретает общезначимый характер, — с такими науками, как сравнительная анатомия, ботаника, языковедение и т. д.

Великие нации — французы, североамериканцы, англичане — постоянно сравнивают себя друг с другом как практически,

¹ — основа для сравнения, критерий. *Ред.*

так и теоретически, как в конкуренции, так и в науке. Мелкие лавочники и мещане, вроде немцев, которым страшны сравнение и конкуренция, прячутся за щит несравнимости, изготовленный для них их фабрикантом философских ярлыков. Санчо вынужден, не только в их интересах, но и в своих собственных, воспретить себе всякое сравнение.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Немецкая идеология.
Сочинения, т. 3, стр. 442—443.

ПОЭЗИЯ ПЕРВОБЫТНЫХ ПРАВОВ И ПРОЗА БУРЖУАЗНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

...кстати сказать, в Алжире мавров называют арабами; большая часть их покинула пустыню и свои общины и живет в городах вместе с европейцами. Они ростом выше среднего француза, у них продолговатые лица, орлиные носы, большие и сверкающие глаза, черные волосы и борода, а цвет их кожи бывает всех оттенков от почти белого до темно-бронзового. Их одежда — даже и нищенская — красива и изящна: покрывало (или мантия), скорее — тога из тонкой белой шерстяной материи или плащ с капюшоном; для прикрытия головы (для чего в неблагоприятную погоду, при сильной жаре и т. п. служит также и капюшон) употребляют тюрбан или кусок белого муслина, которым они опоясываются; обыкновенно они оставляют ноги голыми и не обуваются и лишь изредка надевают туфли из желтого или красного сафьяна.

Последний мавр превзойдет величайшего европейского актера в искусстве драпироваться плащом и в умении выглядеть естественным, изящным и полным благородства, — ходит ли он или стоит неподвижно (*когда они едут* на своих мулах или ослах, или, что очень редко, на лошадях, они сидят на них не *верхом*, как европейцы, а спустив обе ноги на одну сторону, и являют собой воплощенную ленивую мечтательность).

К. Маркс — Ж. Лонге 6 апреля 1882 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 211—212.

ПРОГРЕССИВНОЕ РАЗВИТИЕ И ПАТРИАРХАЛЬНАЯ ОГРАНИЧЕННОСТЬ

1

Таким образом, демократия цивилизованных стран, современная демократия, не имеет ничего общего ни с норвежской, ни с древнешвейцарской демократией. Она стремится водворить не

норвежские или древнешвейцарские порядки, а совершенно иные. Но все же мы остановимся подробнее на этой первобытно-германской демократии, имея при этом в виду древние кантоны Швейцарии, которые нас здесь, главным образом, интересуют.

Какой немецкий мелкий буржуа не восторгается Вильгельмом Теллем, освободителем отечества? Какой школьный учитель не ставит Моргартена, Земпаха и Муртена рядом с Марафоном, Платеей и Саламином?* Где та истеричная старая дева, которая не мечтала бы о крепких ногах и стройном стане нравственно-чистых альпийских юношей? От Эгидиуса Чуди до Иоганна Мюллера, от Флориана до Шиллера — все без конца воспевали в прозе и в стихах величие древнешвейцарской храбрости, свободы, энергии и мощи. Пушки и ружья двенадцати кантонов служат теперь комментарием к этим восторженным хвалебным гимнам.

Древние швейцарцы дважды обратили на себя внимание в истории. Первый раз, когда они доблестно освободили себя от австрийской тирании, второй раз — в настоящий момент, когда они, во имя божие, выступили на борьбу за иезуитов и отечество.

Уже доблестное освобождение из когтей австрийского орла не выдержит пристального рассмотрения при свете дня. Австрийский дом выказал себя прогрессивным один только раз за все время своего существования. Это было в начале его карьеры, когда он соединился с мелкой городской буржуазией против дворянства и стремился основать немецкую монархию. Прогрессивность эта была в высшей степени мелкобуржуазной, но все же Австрийский дом был прогрессивным. И кто же наиболее решительно сопротивлялся тогда ему? — Тогдашние коренные швейцарцы. Их борьба против Австрии*, славная клятва на Грютли, геройский выстрел Телля, незабвенная победа при Моргартене — все это было борьбой упрямых пастухов против напора исторического развития, борьбой упорных, неподвижных местных интересов против интересов всей нации, борьбой невежества против образованности, варварства против цивилизации. Пастухи одержали тогда победу над цивилизацией, и в наказание за это они были отрезаны от всей дальнейшей цивилизации.

Мало того. Эти честные, упорные альпийские пастухи были вскоре наказаны еще другим путем. Они освободились от господства австрийского орла, чтобы попасть под иго цюрихских, люцернских, бернских и базельских буржуа. Эти горожане заметили, что коренные швейцарцы так же сильны и так же глупы, как и их быки. Они вошли в швейцарский союз и с тех пор спокойно сидели дома за прилавком, в то время как твердоголовые

альпийские пастухи воевали за них с дворянством и князьями. Так было при Земпахе, Грансоне, Муртене и Нанси*. Им оставили при этом право устраивать свои внутренние дела по своему усмотрению, и они оставались в счастливейшем неведении относительно того, как эксплуатируют их возлюбленные братья по союзу.

С тех пор о них мало было слышно. В страхе божием и с полной благопристойностью предавались они доению коров, приготовлению сыра, целомудрию и пению своих альпийских песен (jodeln). Время от времени они сходились на народные собрания, делились на партии рогов, когтей и другие группы по звериным признакам и устраивали между собою самую сердечную, христианско-германскую потасовку. Они были бедны, но отличались чистотой нравов; глупы, но набожны и богоугодны; грубы, но широкоплечи; имели мало мозга, но плотные икры. Время от времени их становилось слишком много, и тогда молодые люди уходили прочь, т. е. нанимались на военную службу к чужеземцам и с непоколебимой верностью отстаивали до конца чужое знамя, чего бы им это ни стоило. О швейцарцах можно сказать только, что они позволяли убивать себя за свое жалованье с величайшей добросовестностью.

Величайшей гордостью этих дюжих швейцарцев издревле было то, что они никогда не отступали ни на иоту от обычаев своих предков, что в потоке столетий они сохранили в неприкосновенности простые, целомудренные, суровые и добродетельные нравы своих отцов. И это правда: всякая попытка цивилизации бессильно отскакивала от гранитных стен их утесов и их черепов. С того дня, как первый предок Винкельрида гнал на девственные пастбища Фирвальдштедтского озера свою корову с неизбежным идилическим колокольчиком на шее, вплоть до настоящего момента, когда попы благословляют ружья последних потомков Винкельрида, — все дома строятся у них по одному и тому же образцу, все коровы доятся одним и тем же способом, косы заплетаются одним и тем же образом, сыры изготавливаются все той же формы и дети производятся все тем же порядком. Здесь, в горах, еще сохранился рай, здесь еще не было грехопадения. И когда такой невинный сын альпийских гор попадает в широкий свет и на мгновение дает завлечь себя соблазнам больших городов, нарядным приманкам испорченной цивилизации и порокам тех грешных стран, где нет гор и растет рожь, — он никогда не доходит до окончательной гибели, его глубокая невинность всегда спасает его. Пусть только коснется его уха родной напев, хоть только две ноты той пастушеской песни, которая так сильно сма-

хивает на собачий вой, — и он уже, потрясенный, в слезах бросается на колени, вырывается из объятий соблазна и не успокоится, пока не упадет к ногам своего старика-отца: «Отец, я согрешил перед родными горами и перед тобою, я недостойн называться твоим сыном!»

Два нападения были сделаны в новейшее время на эту простоту нравов и первобытную мощь. Первым было вторжение французов в 1798 г. Но французы, которые всюду заносили хоть немного цивилизации, не имели успеха у жителей древних кантонов. Здесь не осталось никаких признаков их пребывания, они ни на волос не пошатнули старых нравов и добродетелей. Второе нашествие произошло приблизительно двадцать лет спустя и даловсе же кое-какие результаты. Это было нашествие английских туристов, лондонских лордов и сквайров и бесчисленных свечных фабрикантов, мыловаров, торговцев бакалеей и костями, следовавших за ними. Это нашествие привело, по крайней мере, к тому, что старому гостеприимству пришел конец, и честные обитатели альпийских хижин, едва знавшие до того, что такое деньги, превратились в самых жадных и заgreбистых плутов, каких только где-либо можно встретить. Но этот прогресс отнюдь не затрагивает старой простоты нравов. Эти не совсем чистоплотные мошенничества как нельзя лучше уживаются с патриархальными добродетелями: целомудрием, трудолюбием, честностью и верностью. Даже набожность их не пострадала: поп с особенным удовольствием разрешал их от всех мошенничеств, совершенных в отношении британских еретиков.

Но теперь, кажется, эта чистота нравов будет разрушена до основания*. Надо надеяться, что посланные для экзекуции войска сделают все возможное, чтобы уничтожить всю эту честность, первобытную силу и наивность. Но тогда плачьте вы, мещане! Тогда не будет бедных, но довольных пастухов, чьей безмятежной беззаботности вы могли желать для себя по воскресеньям, после шестидневного употребления цикорного кофе и чая из тернового цвета. Плачьте вы, школьные учителя, ибо кончилась ваша надежда на новый Земпах, Марафон и другие классические акты героизма! Плачьте все истерические девы старше 30 лет, ибо не будет больше шестидюймовых икр, вид которых улащает вашу одинокую мечту; не будет больше красоты Антиноя в швейцарских парнях; не будет крепких ног в узких брюках, так неотразимо влекущих вас в альпийские горы! Вздыхайте и вы, нежные и малокровные цветки пансионеров, уже мечтающие, по Шиллеру, о целомудренной и все же столь действительной любви быстроногих охотников за сернами, ибо наступил конец

вашим нежным иллюзиям и вам не остается ничего, как читать Генриха Стеффенса и мечтать о холодных норвежцах.

Но довольно! С этими первобытными швейцарцами недостаточно бороться лишь насмешкой. Не за их патриархальные добродетели только приходится демократии посчитаться с ними.

Кто 14 июля 1789 г. защищал Бастилию против восставшего народа? Кто из-за крепких стен расстреливал рабочих Сент-Антуанского предместья картечью и ружейными залпами? — Швейцарцы из области Зондербунда, внуки Телля, Штауффахера и Винкельрида. Кто защищал 10 августа 1792 г. предателя Людовика XVI в Лувре и в Тюильри против справедливого народного гнева? — Коренные швейцарцы Зондербунда. Кто с помощью Нельсона подавил неаполитанскую революцию 1798 г.? — Все те же швейцарцы. Кто с помощью австрийцев восстановил в 1823 г. в Неаполе абсолютную монархию? — Швейцарцы Зондербунда. Кто 29 июля 1830 г. боролся до последней возможности за изменника-короля и снова расстреливал из окон и из-за колоннад Лувра парижских рабочих? — Швейцарцы Зондербунда. Кто с прогремевшей на весь мир жестокостью, и опять же в союзе с австрийцами, подавил восстание в Романьи в 1830 и 1831 гг.? — Швейцарцы Зондербунда. Одним словом, кто повсюду, вплоть до настоящего момента, подавлял итальянцев, вынуждая их склоняться под тяжким игом аристократов, князей и попов? Кто был в Италии правой рукой Австрии? Кто еще и сейчас дает возможность кровожадной собаке, Фердинанду Неаполитанскому, держать в узде возмущенный народ? Кто еще и поныне играет роль палача при устраиваемых им массовых расстрелах? — Опять все те же древние швейцарцы из области Зондербунда, опять все те же внуки Телля, Штауффахера и Винкельрида!

Одним словом: где бы и когда бы ни вспыхивало революционное движение во Франции, которое прямо или косвенно служило делу демократии, всегда швейцарские наемные солдаты с величайшим упорством и до последнего издыхания боролись против него. Так было в особенности в Италии, где швейцарские наемники постоянно оставались самыми верными слугами и орудиями Австрии. Справедливое наказание за доблестное освобождение Швейцарии из когтей двуглавого орла!

Пусть не думают, что эти наемники являются подонками народа, что их земляки отрекаются от них. Ведь воздвигли же люцернцы у ворот своего города громадного льва, высеченного в скале благочестивым исландским резцом Торвальдсеном: пронзенный стрелой и истекающий кровью лев покрывает своей верной до самой смерти лапой лилии бурбонского щита. Памятник

поставлен в честь швейцарцев, погибших в Лувре 10 августа 1792 г. Так чтит Зондербунд наемную верность своих сынов. Он живет этой торговлей людьми и чтит ее.

Могут ли с такими демократами иметь нечто общее английские, французские и немецкие демократы?

Ф. Энгельс. Гражданская война в Швейцарии.
Сочинения, т. V, стр. 228—232.

2

Таково новое геройское деяние династии Бурбонов. И, как всегда, именно швейцарцы своим оружием решили борьбу в пользу Бурбонов и против народа. 10 августа 1792 г., 29 июля 1830 г., в неаполитанских схватках 1820 г. — повсюду мы видим внуков Телля и Винкельрида в роли ландскнехтов, наемников династии, имя которой во всей Европе уже давно стало равносильным понятию абсолютной монархии. Теперь это, разумеется, скоро кончится. Более передовые кантоны после долгих споров добились запрещения военных капитуляций; дюжие сыны свободной старой Швейцарии не смогут больше топтать ногами неаполитанских женщин, упиваться грабежом в охваченных восстанием городах и, в случае поражения, их не будут увековечивать в виде львов Торвальдсена, как это было с павшими 10 августа...

Ф. Энгельс. Новое геройское деяние династии Бурбонов.
Сочинения, т. 5, стр. 19.

3

В стране три политических центра*: Белград, Черногория, Аграм. Ни хорваты, ни черногорцы не желают подчиниться верховенству Белграда. Напротив — черногорцы и их друзья, примитивные народцы Кривоша и Герцеговины, будут защищать свою «независимость» против Белграда и всякого другого центрального правительства, будет ли оно сербским или нет, точно так же, как против турок и австрийцев. Эта независимость заключается в том, что они в доказательство своей ненависти к угнетателям грабят скот и другое движимое имущество своих же «угнетенных» сербских соотечественников, как они делали это 1000 лет тому назад, и кто покушается на это их право разбоя, тот покушается тем самым на их независимость. Я достаточно авторитарен, чтобы считать существование таких примитивных

народцев в центре Европы анахронизмом. Если бы даже этот народец обладал такими же достоинствами, как воспетые Вальтером Скоттом шотландские горцы, тоже, впрочем, злейшие грабители скота, мы все-таки могли бы осудить только лишь те *методы*, которые применяет для расправы с ними современное общество. Если бы власть была в наших руках *мы тоже* должны были бы положить конец этим стародавним традициям разбоя в духе Ринальдо-Ринальдони и Шиндерганнеса. Так же пришлось бы поступить и великосербскому правительству. Стало быть, и с этой точки зрения создание Великой Сербии означает возобновление борьбы, которую ведут сейчас герцеговинцы, т. е. междоусобную войну со всеми горцами Черногории, Каттаро, Герцеговины.

Таким образом, при более близком рассмотрении создание Великой Сербии вовсе не так просто и самоочевидно, как это хотят представить нам панслависты и либералы вроде Раша.

Впрочем, Вы можете сочувствовать этим примитивным народцам сколько Вам угодно, они все же несомненно овеяны некоторой поэтической дымкой; к тому же они до сих пор сочиняют народные песни совершенно в стиле старосербских, которые очень красивы, — в доказательство я даже пришлю Вам об этом статью из «Standard». Но они были и остаются орудием царизма, а в политике не место поэтическим симпатиям. И если восстание этих молодцов грозит разгореться в мировую войну, которая испортит нам всю революционную ситуацию, то надо в интересах европейского пролетариата без сожаления пожертвовать ими и их правом на грабеж скота.

Ф. Энгельс — Э. Бернштейну 22 февраля 1882 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 195—196.

РАЗРУШЕНИЕ ПАТРИАРХАЛЬНОГО СТРОЯ В ИНДИИ

1

Эти маленькие стереотипные формы социального организма в большей своей части разрушены и исчезли с поверхности Индии не столько благодаря brutальному вмешательству британских сборщиков податей и британских солдат, сколько благодаря действию английских паровых машин и английской свободы торговли. Эти семейные общины зиждидились на домашней промыш-

ленности, при своеобразной комбинации ручного ткачества, ручного прядения и ручного способа обработки земли, — комбинации, которая придавала этим общинам самодовлеющий характер. Английское вмешательство, помещая прядильщиков в Ланкашир, а ткачей в Бенгалию, или сметая с лица земли как индусских прядильщиков, так и индусских ткачей, разрушило эти маленькие полуварварские, полудцивилизированные общины, уничтожив их экономический базис, и таким образом произвело величайшую и, надо сказать правду, единственную *социальную* революцию, пережитую когда-либо Азией.

Однако, как ни естественно для нас сокрушаться при виде дезорганизации и разложения этих десятков тысяч трудолюбивых, патриархальных и мирных социальных групп, как ни прискорбно нам видеть их брошенными в пучину горя, а их отдельных членов потерявшими одновременно как свои древние формы цивилизации, так и свои исконные источники существования, — мы все же не должны забывать, что эти идиллические сельские общины, сколь безобидными они бы ни казались, всегда были прочной основой восточного деспотизма, что они ограничивали человеческий разум самыми узкими пределами, делая из него покорное орудие суеверия, подчиняя его традиционным правилам, лишая его всякого величия, всякой энергии к историческому действию. Мы не должны забывать эгоизма варваров, которые, сконцентрировавшись на ничтожном клочке земли, спокойно наблюдали, как разрушались большие империи, как совершались неслезанные жестокости, как вырезывалось массаами население больших городов, — спокойно наблюдали все это, не уделяя этому большего внимания, чем явлениям природы, и сами становились беспомощной добычей любого насильника, удостоившего их своим вниманием. Мы не должны забывать, что эта презренная, застойная и растительная жизнь, что эта пассивная форма существования вызывала с другой стороны, в противовес себе, дикие, слепые и необузданные силы разрушения и сделала самое убийство религиозным ритуалом в Индостане. Мы не должны забывать, что эти маленькие общины были осквернены кастовыми различиями и рабством, что они подчиняли человека внешним обстоятельствам, вместо того чтобы возвысить его до роли владыки этих обстоятельств, что они превратили саморазвивающееся социальное состояние в неизменный, предопределенный природой рок и тем создали грубый культ природы, унижительность которого сказывается в том факте, что человек, этот владыка природы, благоговейно падает на колени перед обезьяной Гануманом и перед короной Сабалой.

Совершая социальную революцию в Индостане, Англия, правда, руководилась самым грубым интересом и проявила тупость в способе ее проведения. Но не в этом дело. Вопрос о том, может ли человечество выполнить свое назначение без коренной революции в социальном состоянии Азии. Если нет, то Англия, несмотря на все свои преступления, была бессознательным орудием истории в совершении этой революции.

А если так, то как бы прискорбно для нас лично ни было зрелище разрушения древнего мира, с точки зрения исторической перспективы мы имеем право воскликнуть вместе с Гёте:

Если мука — ключ отрады*,
Кто б терзаться ею стал.
Разве жизнью мириады
Тамерлан не растоптал?

К. Маркс. Британское владычество в Индии.
Сочинения, т. IX, стр. 350—352.

2

Нельзя заставить английскую буржуазию желать освобождения или подлинного улучшения социального положения масс индийского народа, улучшения, обусловливаемого не только развитием производительных сил, но и их освоением народом. Но что она может сделать — это создать материальные предпосылки для осуществления этих обеих задач. Разве буржуазия когда-либо делала больше? Разве она когда-либо осуществляла прогресс, не толкая как отдельных людей, так и целые народы на путь крови и грязи, бедствий и унижений?

Индусы не будут пожинать плодов новых элементов общества, рассеянных среди них британской буржуазией, пока в самой Великобритании ныне правящие классы не будут вытеснены промышленным пролетариатом или пока сами индусы не станут достаточно сильными, чтобы окончательно сбросить с себя английское ярмо. Во всяком случае, мы с уверенностью можем ожидать, в более или менее отдаленном будущем, возрождения этой великой и интересной страны, благородное население которой даже в своих самых низших классах, по выражению князя Салтыкова, *est plus fin, est plus adroit que les italiens* (более проникательно и более искусно, чем итальянцы), — страны, жители которой даже свою покорность уравнивают каким-то спокойным благородством и, несмотря на свою природную лень и апатию, изумили английских офицеров своей храбростью, — страны, которая является колыбелью наших языков, наших религий и которая

в джате¹ дает нам тип древнего германца, а в брамине — тип древнего грека.

Я не могу расстаться с темой об Индии без некоторых заключительных замечаний.

Глубокое лицемерие и присущее буржуазной цивилизации варварство обнаженно предстают пред нашим взором, когда мы эту цивилизацию наблюдаем не у себя дома, где она принимает respectable формы, а в колониях, где она ходит неприкрытой. Буржуазия выдает себя за защитницу собственности, но разве какая-нибудь революционная партия совершала когда-нибудь такие аграрные революции, как те, которые были произведены в Бенгалии, в Мадрасе и в Бомбее? Разве в Индии она не прибежала, — говоря словами самого лорда Клайва, этого великого хищника, — к жестокому насилию там, где простой подкуп оказывался недостаточным для достижения ее хищнических целей? Разве в то время, когда она в Европе болтала о ненарушимой святости национального долга, она не конфисковала дивидендов раджей, поместивших свои частные сбережения в акции самой Компании? Разве в то время, когда она сражалась против французской революции под предлогом защиты «нашей священной религии», она не запретила пропаганду христианства в Индии, и разве она в целях извлечения доходов от пилигримов, устремляющихся к храмам Ориссы и Бенгалии, не стала торговать убийством и проституцией, увековеченными в храме Джагернаута? Вот каковы эти защитники «собственности, порядка, семьи и религии»!

Опустошительное действие английской промышленности в отношении Индии, — страны, которая по своим размерам не меньше Европы и население которой достигает 150 млн. душ, — бросается в глаза и ужасно по своим последствиям. Но мы не должны забывать, что это действие является лишь органическим результатом всей существующей ныне системы производства. Это производство зиждется на всеильном господстве капитала. Централизация капитала неразрывно связана с существованием капитала как независимой силы. Разрушительное влияние этой централизации на рынке мира выявляет лишь в гигантских размерах внутренние органические законы политической экономии, проявляющие свое действие ныне в любом цивилизованном городе. Буржуазный период истории призван создать материальный базис нового мира: с одной стороны, мировые сношения, основанные на взаимной зависимости отдельных частей, и средства этих сно-

¹ Джаты — одно из племен на северо-западе Индии.

шений, с другой стороны — развитие производительных сил человека и превращение материального производства в осуществляемое при помощи науки господство над силами природы. Буржуазная промышленность и торговля создают эти материальные условия нового мира точно так же, как геологические революции создали поверхность земли. Лишь после того, как великая социальная революция овладеет достижениями буржуазной эпохи, мировым рынком и современными производительными силами и подчинит их общему контролю наиболее прогрессивных народов, — лишь тогда человеческий прогресс перестанет уподобляться тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепа убитого.

К. Маркс. Будущие результаты британского господства в Индии. Сочинения, т. IX, стр. 366—368.

БУРЖУАЗНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЕ

[V — 182] Философ производит идеи, поэт — стихи*, пастор — проповеди, профессор — руководства и т. д. Преступник производит преступление. Если мы ближе присмотримся к той связи, которая существует между этой последней отраслью производства и обществом в целом, то освободимся от многих предрассудков. Преступник производит не только преступление, но и уголовное право, а потому и профессора, читающего курс уголовного права, и, вместе с этим, также и то неизбежное руководство, в форме которого этот самый профессор выбрасывает свои лекции, в качестве «товара», на всеобщий рынок товаров. Этим достигается-де увеличение национального богатства, не говоря уже о том личном наслаждении, которое рукопись такого руководства, — по заверению компетентного свидетеля, господина профессора Рошера, — доставляет самому автору.

Преступник производит, далее, всю полицию и всю уголовную юстицию, сыщиков, судей, палачей, присяжных и т. д., и все эти различные профессии, каждая из которых представляет собой определенную категорию общественного разделения труда, развивают различные способности человеческого духа, создают новые потребности и новые способы их удовлетворения. Уже одни только пытки дали толчок к остроумнейшим механическим изобретениям и обеспечили работой множество почтенных ремесленников, обратившихся к производству орудий пыток.

Преступник производит впечатление — то морально-назидательное, то трагическое, смотря по обстоятельствам, и тем самым

оказывает определенную «услугу» в смысле возбуждения моральных и эстетических чувств публики. Он производит не только руководства по уголовному праву, не только уголовные кодексы, а стало быть и законодателей в этой области, но также и искусство, художественную литературу — романы и даже трагедии; доказательством этого служат не только «Вина» Мюльнера и «Разбойники» Шиллера, но даже «Эдип» и «Ричард III». Преступник нарушает однообразие буржуазной жизни, ее спокойное повседневное течение. Тем самым он предохраняет ее от застоя и порождает ту беспокойную напряженность и подвижность, без которой притупилось бы даже жало конкуренции. Этим он дает толчок производительным силам. В то время как преступления освобождают рынок труда от некоторой части избыточного населения и, ослабляя тем самым конкуренцию между рабочими, до известной степени препятствуют падению заработной платы ниже определенного минимума, — в это самое время борьба против преступлений поглощает некоторую другую часть избыточного населения. Выходит, таким образом, что преступник осуществляет одно из тех естественных «уравновешиваний», которые устанавливают надлежащий уровень и открывают поприще для целой вереницы «полезных» профессий.

Влияние преступника на развитие производительных сил можно было бы проследить до мелочей. Достигли ли бы замки их теперешнего совершенства, если бы не было воров? Получило ли бы изготовление банкнот такое усовершенствование, если бы не существовало [183] поддельвателей денег? Проник ли бы микроскоп в обыкновенные торговые сферы (смотри Бэбеджа), не будь в торговле обмана?

Не обязана ли практическая химия своими успехами в такой же мере фальсификации товаров и стремлению ее обнаружить, в какой она ими обязана рвению честных производителей? Изобретая все новые средства покушения на собственность, преступление вызывает к жизни все новые средства защиты собственности и этим самым в такой же мере стимулирует производство, в какой забастовки стимулируют изобретение машин. И, — если покинуть сферу преступлений частных лиц, — мог ли бы без национальных преступлений возникнуть всемирный рынок? Могли ли бы без них возникнуть сами нации? И разве древо греха не является со времен Адама вместе с тем и деревом познания?

Уже Мандевиль в своей «Басне о пчелах» (1705) доказывал производительность всех возможных профессий и т. д., и у него уже видна общая тенденция всего этого рассуждения:

«То, что мы называем в этом мире злом*, как моральным, так и физическим, является тем великим принципом, который делает нас социальными существами, является прочной основой, *животворящей силой и опорой всех профессий и занятий* без исключения; здесь должны мы искать истинный источник всех искусств и наук; и в тот самый момент, когда зло перестало бы существовать, общество должно было бы прийти в упадок, если не разрушиться совсем».

Только Мандевиль был, разумеется, бесконечно смелее и честнее проникнутых филистерским духом апологетов буржуазного общества. [V—183]

К. Маркс. Теории прибавочной стоимости. (IV том «Капитала»).
Госполитиздат, М., 1954, стр. 371—372.

РАЗЛОЖЕНИЕ СЕМЬИ

В XVIII веке понятие семьи было упразднено философами, потому что действительная семья уже начала разлагаться на вершине цивилизации. Разложилась внутренняя связь семьи, разложились отдельные части, которые входят в понятие семьи, например повиновение, пиетет, супружеская верность и т. д.; но реальное тело семьи, имущественное отношение, отношение, исключающее другие семьи, вынужденное сожителство — отношения, данные уже фактом существования детей, устройством современных городов, образованием капитала и т. д., — все это сохранилось, хотя и с многочисленными нарушениями, потому что существование семьи неизбежно обусловлено ее связью со способом производства, существующим независимо от воли буржуазного общества. Разительнее всего проявилась эта неизбежность во время французской революции, когда семья была на одно мгновение почти совсем отменена законом*. Семья продолжает существовать даже в XIX веке, только процесс ее разложения сделался более всеобщим — и это порождено не ее понятием, а более высоким развитием промышленности и конкуренции; семья все еще существует, хотя ее разложение давно уже провозглашено французскими и английскими социалистами и через французские романы проникло наконец и к немецким отцам церкви.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Немецкая идеология.
Сочинения, т. 3, стр. 169.

ТРИ СТУПЕНИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

1

Итак, если производство, основанное на капитале, с одной стороны, создает универсальную индустрию, т. е. прибавочный труд, труд, создающий стоимость, — то, с другой стороны, она создает систему всеобщей эксплуатации природных и человеческих свойств, систему всеобщей полезности, носителем которой наука выступает точно так же, как и все физические и духовные свойства, между тем как помимо этой сферы общественного производства и обмена ничто не представляется *высшим в себе* и самооправданным. Таким образом лишь капитал создает буржуазное общество, или универсальное присвоение как природы, так и самой общественной связи членами общества. Отсюда великое цивилизаторское влияние капитала; его производство — такая общественная ступень, по сравнению с которой все прежние выступают лишь как *локальное развитие* человечества и *обожествление природы*. Лишь теперь природа становится для человека только предметом, только полезной вещью, ее перестают признавать самодовлеющей силой, а теоретическое познание ее самостоятельных законов само выступает лишь как хитрость с целью подчинения ее человеческим потребностям, будь то в качестве предмета потребления, будь то в качестве средства производства. Капитал соответственно этой своей тенденции преодолевает как национальные преграды и предрассудки, так и обожествление природы и традиционное заключенное в определенные рамки самодовлеющее удовлетворение существующих потребностей и воспроизводство старого образа жизни. Капитал разрушителен по отношению ко всему этому, он постоянно революционизирует [старое общество], он сокрушает все преграды, которые тормозят развитие производительных сил, расширение потребностей, многообразие производства, эксплуатацию и обмен природными и духовными силами.

Но из того, что капитал всякую подобную границу ставит как предел и поэтому *идеально* его преодолевает, отнюдь не следует, что капитал *реально* его преодолел, или так как всякий подобный предел противоречит его назначению, то его производство движется в противоречиях, которые постоянно преодолеваются, но столь же постоянно возникают¹. Более того.

¹ Дословно: полагаются. *Ред.*

Универсальность, к которой капитал неудержимо стремится, встречает пределы в его собственной природе, которые на известной ступени его развития позволяют познать, что сам капитал служит для этой тенденции величайшим пределом, и поэтому влекут капитал к его снятию, заложенному в нем самом.

К. Маркс. Из неопубликованных экономических рукописей. Русский текст в сб. «К пятидесятилетию смерти К. Маркса». Изд. Института мирового хозяйства и мировой политики, Партиздат, М., 1933, стр. 81—83.

2

(...В мировом рынке связь отдельных лиц со всеми, но вместе с тем и независимость этой связи от отдельных лиц развились до такой степени, что его образование содержит поэтому вместе с тем условие выхода за его пределы). *Приравнение* вместо действительной общности и всеобщности.

(Говорили и еще могут говорить, что красота и величие покоятся именно на этой стихийной, независимой от знания и воли индивидов связи, предполагающей как раз их взаимную независимость и безразличие по отношению друг к другу, на материальном и духовном обмене веществ. И несомненно эту вещную связь следует предпочесть отсутствию всякой связи или же чисто местной связи, основанной на кровной, природной общности или на иерархии господства и подчинения. Так же несомненно, что индивиды не могут подчинить себе своих собственных общественных связей, пока они не создали последних. Но нелепо понимать эту чисто *вещную связь* как естественную, неотделимую от природы индивидуальности (в противоположность рефлексированному познанию и воле) и имманентную ей. Эта связь — ее продукт. Она — исторический продукт. Она принадлежит определенной фазе ее развития. Отчужденность и самостоятельность, в которой эта связь еще существует по отношению к личностям, доказывает лишь, что они еще находятся в процессе создания условий своей социальной жизни, а не начали этой жизни на основе этих условий. Это — естественная связь индивидов внутри определенных, ограниченных производственных отношений. Универсально развитые индивиды, чьи общественные отношения подчинены их собственному коллективному контролю в качестве их собственных коллективных отношений, суть продукт не природы, а истории. Степень и универсальность развития

условий¹, при которых становится возможной *эта* индивидуальность, предполагает именно производство на основе меновых стоимостей, которое вместе со всеобщим отчуждением индивида от себя и от других впервые создает также всеобщность и всесторонность его отношений и способностей. На более ранних ступенях развития отдельный индивид выступает более полным, именно потому, что он еще не выработал полноты своих отношений и не противопоставил их себе в качестве независимых от него общественных сил и отношений. Точно так же как смешно тосковать по этой первоначальной цельности, столь же смешна мысль о необходимости остановиться на той полной опустошенности. Выше противоположности по отношению к этому романтическому взгляду буржуазный [взгляд] никогда не поднимался, и поэтому этот взгляд, как законная противоположность, будет сопровождать его до его блаженного конца.)

К. Маркс. [Экономические рукописи 1857—1858 гг.]
Архив Маркса и Энгельса, т. IV,
 стр. 97—99.

3

Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные) — таковы первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в отдельных пунктах. Личная независимость, основанная на *вещной* зависимости, — такова вторая крупная форма, при которой впервые создается система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных способностей. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на подчинении их коллективной общественной производительности в качестве их общественного достояния, — такова третья ступень. Вторая ступень создает условия для третьей. Поэтому патриархальный, как, например, античный, строй (а также феодальный) приходит в упадок по мере развития торговли, роскоши, *денег, меновой стоимости*, в то время как современный общественный строй вырастает одновременно с последними.

К. Маркс. [Экономические рукописи 1857—1858 гг.]
Архив Маркса и Энгельса, т. IV,
 стр. 89—91.

¹ [Дословно:] способности.

4

Существовавшие до сих пор ассоциации, стихийно возникшие или же искусственно созданные, преследовали, в сущности, экономические цели, но прятали и скрывали эти цели за второстепенными идеологическими аксессуарами. Античный полис, средневековый город или цех, феодальный союз земельного дворянства — все имели побочные идеологические цели, святость которых они чтили и которые у патрицианского родового союза и у цеха возникали из воспоминаний, традиций и символов родового общества совершенно так же, как у античного полиса. Только капиталистические торговые общества — совершенно трезвые и положительные, но низменные.

Ассоциация будущего соединит трезвость капиталистических обществ с той заботой об общественном благосостоянии, которая была в древнем мире, и таким путем достигнет своей цели.

Ф. Энгельс. [Об ассоциации будущего.]
Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 451.

5

Частная собственность, как противоположность общественной, коллективной собственности, существует лишь там, где средства труда и внешние условия труда принадлежат частным лицам. И в зависимости от того, являются ли эти частные лица рабочими или нерабочими, изменяется и характер самой частной собственности. Бесчисленные оттенки частной собственности, которые открываются нашему взору, отражают лишь промежуточные состояния, лежащие между обеими этими крайностями.

Частная собственность работника на средства производства есть основа мелкого производства, а мелкое производство составляет необходимое условие для развития общественного производства и свободной индивидуальности самого работника. Правда, этот способ производства встречается и при рабском, и при крепостном строе, и при других формах личной зависимости. Однако он достигает полного расцвета, проявляет всю свою энергию, приобретает адекватную классическую форму лишь там, где работник является свободным частным собственником своих, им самим применяемых условий труда, где крестьянин обладает полем, которое он возделывает, ремесленник — инструментами, которыми он владеет как виртуоз.

Этот способ производства предполагает раздробление земли и остальных средств производства. Он исключает как концентрацию этих последних, так и кооперацию, разделение труда внутри одного и того же производственного процесса, общественное господство над природой и общественное регулирование ее, свободное развитие общественных производительных сил. Он совместим лишь с узкими традиционными границами производства и общества. Стремление увековечить его равносильно, по справедливому замечанию Пекера, стремлению «декретировать всеобщую посредственность». Но на известном уровне развития он сам создает материальные средства для своего уничтожения. С этого момента в недрах общества начинают шевелиться силы и страсти, которые чувствуют себя скованными этим способом производства. Последний должен быть уничтожен, и он уничтожается. Уничтожение его, превращение индивидуальных и распыленных средств производства в общественно-концентрированные, следовательно превращение карликовой собственности многих в гигантскую собственность немногих, экспроприация у широких народных масс земли, жизненных средств, орудий труда, — эта ужасная и трудная экспроприация народной массы образует пролог истории капитала. Она включает в себя целый ряд насильственных методов, из которых мы рассмотрели выше только самые важные, составившие эпоху, методы, как методы первоначального накопления. Экспроприация непосредственных производителей производится с самым беспощадным вандализмом и под давлением самых подлых, самых грязных, самых мелочных и самых бешеных страстей. Частная собственность, добытая трудом собственника, основанная, так сказать, на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплуатации чужой, но формально свободной рабочей силы¹.

Когда этот процесс превращения достаточно разложил старое общество вглубь и вширь, когда рабочие уже превращены в пролетариев, а условия их труда — в капитал, когда капиталистический способ производства становится на собственные ноги, тогда дальнейшее обобществление труда, дальнейшее превращение земли и других средств производства в общественно эксплуатируемые и, следовательно, общие средства производства и связан-

¹ «Мы вступили в совершенно новый общественный строй... мы стремимся отделить всякий вид собственности от всякого вида труда» (*Sismondi*: «Nouveaux Principes de l'Économie politique», т. II, стр. 434).

ная с этим дальнейшая экспроприация частных собственников приобретает новую форму. Теперь экспроприации подлежит уже не рабочий, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих.

Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, путем централизации капиталов. Один капиталист побивает многих капиталистов. Рука об руку с этой централизацией, или экспроприацией многих капиталистов немногими, развивается кооперативная форма процесса труда во все более и более широких, крупных размерах, развивается сознательное техническое применение науки, планомерная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, экономизирование всех средств производства путем употребления их как средств производства комбинированного общественного труда, вплетение всех народов в сеть всемирного рынка, а вместе с тем интернациональный характер капиталистического режима. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем и возмущения рабочего класса, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприруют.

Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а следовательно, и капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной собственности, основанной на собственном труде. Отрицание капиталистического производства производится им самим с необходимостью естественно-исторического процесса. Это — отрицание отрицания. Оно снова создает индивидуальную собственность, но на основании приобретений капиталистической эры — кооперации свободных работников и их общинного владения землей и произведенными ими средствами производства.

Превращение основанной на собственном труде раздробленной частной собственности отдельных личностей в капиталистиче-

скую, конечно, является процессом гораздо более долгим, трудным и тяжелым, чем превращение капиталистической частной собственности, фактически уже основывающейся на общественном процессе производства, в общественную собственность. Там дело заключалось в экспроприации народной массы немногими узурпаторами, здесь народной массе предстоит экспроприировать немногих узурпаторов ¹.

К. Маркс. Капитал т. I.
Госполитиздат, 1950, стр. 764—767.

¹ «Прогресс промышленности, невольным носителем которого является буржуазия, неспособная ему сопротивляться, ставит на место разъединения рабочих посредством конкуренции революционное объединение их посредством ассоциации. Таким образом, с развитием крупной промышленности из-под ног буржуазии вырывается сама основа, на которой она производит и присваивает себе продукты. Она производит прежде всего своих собственных могильщиков. Ее гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны... Из всех классов, противостоящих в настоящее время буржуазии один только пролетариат является действительно революционным классом. Остальные классы приходят в упадок и гибнут с развитием крупной промышленности; пролетариат же — ее собственный продукт. Средние слои — мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник, крестьянин, — все они борются против буржуазии для того, чтобы спасти от гибели свое существование как среднего сословия. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории» (К. Маркс и Ф. Энгельс: «Manifest der Kommunistischen Partei». London 1848, стр. 11, 9). [Ср. К. Маркс и Ф. Энгельс: «Манифест Коммунистической партии». Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 494—495, 493.]

ИСТОРИЧЕСКАЯ МИССИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА

ПРОЛЕТАРИАТ И БОГАТСТВО

Пролетариат и богатство — это противоположности. Как таковые, они образуют некоторое единое целое. Они оба порождены миром частной собственности. Весь вопрос в том, какое определенное положение каждый из этих двух элементов занимает внутри противоположности. Недостаточно объявить их двумя сторонами единого целого.

Частная собственность как частная собственность, как богатство, вынуждена сохранять *свое собственное существование*, а тем самым и существование своей противоположности — пролетариата. Это — *положительная* сторона антагонизма, удовлетворенная в себе самой частная собственность.

Напротив, пролетариат как пролетариат вынужден упразднить самого себя, а тем самым и обуславливающую его противоположность — частную собственность, — делающую его пролетариатом. Это — *отрицательная* сторона антагонизма, его беспокойство внутри него самого, упраздненная и упраздняющая себя частная собственность.

Имущий класс и класс пролетариата представляют одно и то же человеческое самоотчуждение. Но первый класс чувствует себя в этом самоотчуждении удовлетворенным и утвержденным, воспринимает отчуждение как свидетельство *своего собственного могущества* и обладает в нем *видимостью* человеческого существования. Второй же класс чувствует себя в этом отчуждении уничтоженным, видит в нем свое бессилие и действительность нечеловеческого существования. Класс этот, употребляя выражение Гегеля, есть в рамках отверженности *возмущение* против этой отверженности, возмущение, которое в этом классе необходимо вызывается противоречием между его человеческой *природой* и его жизненным положением, являющимся откровенным, решительным и всеобъемлющим отрицанием этой самой природы.

Таким образом, в пределах всего антагонизма частный собственник представляет собой *консервативную* сторону, пролетарий — *разрушительную*. От первого исходит действие, направленное на сохранение антагонизма, от второго — действие, направленное на его уничтожение.

Правда, частная собственность в своем экономическом движении сама толкает себя к своему собственному упразднению, но она делает это только путем не зависящего от нее, бессознательного, против ее воли происходящего и природой самого объекта обусловленного развития, только путем порождения пролетариата *как* пролетариата, — этой нищеты, сознающей свою духовную и физическую нищету, этой обезчеловеченности, сознающей свою обезчеловеченность и потому самое себя упраздняющей. Пролетариат приводит в исполнение приговор, который частная собственность, порождая пролетариат, выносит себе самой, точно так же как он приводит в исполнение приговор, который наемный труд выносит самому себе, производя чужое богатство и собственную нищету. Одержав победу, пролетариат никоим образом не становится абсолютной стороной общества, ибо он одерживает победу, только упраздняя самого себя и свою противоположность. С победой пролетариата исчезает как сам пролетариат, так и обуславливающая его противоположность — частная собственность.

Если социалистические писатели признают за пролетариатом эту всемирно-историческую роль, то это никоим образом не происходит от того, что они, как уверяет нас критическая критика, считают пролетариев *богами*. Скорее наоборот. Так как в оформившемся пролетариате практически закончено отвлечение от всего человеческого, даже от *видимости* человеческого; так как в жизненных условиях пролетариата все жизненные условия современного общества достигли высшей точки бесчеловечности; так как в пролетариате человек потерял самого себя, однако вместе с тем не только обрел теоретическое сознание этой потери, но и непосредственно вынужден к возмущению против этой бесчеловечности велением неотвратимой, не поддающейся уже никакому прикрашиванию, абсолютно властной *нужды*, этого практического выражения *необходимости*, — то ввиду всего этого пролетариат может и должен сам себя освободить. Но он не может освободить себя, не уничтожив своих собственных жизненных условий. Он не может уничтожить своих собственных жизненных условий, не уничтожив *всех* бесчеловечных жизненных условий современного общества, сконцентрированных в его собственном положении. Он не напрасно проходит суровую,

но закаляющую школу *труда*. Дело не в том, в чем в данный момент *видит* свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, *что такое пролетариат на самом деле* и что он, сообразно этому своему *бытию*, исторически вынужден будет делать. Его цель и его историческое дело самым ясным и непреложным образом преуказываются его собственным жизненным положением, равно как и всей организацией современного буржуазного общества.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Святое семейство.
Сочинения, т. 2, стр. 38—40.

РАБОЧИЙ КЛАСС И ПРОГРЕССИВНОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

1

Так называемые революции 1848 г. были лишь мелкими эпизодами — ничтожными щелями и трещинами в твердой коре европейского общества. Но они обнаружили под ней бездну. Под поверхностью, казавшейся твердой, обнаружился необъятный океан, которому достаточно прийти в движение, чтобы разбить на части целые материи из твердых скал. Шумно и беспорядочно провозгласили они освобождение пролетариата — эту тайну XIX столетия и его революции.

Правда, эта социальная революция не была изобретением 1848 года. Пар, электричество и автоматические станки были несравненно более опасными революционерами, чем граждане Барбес, Распайль и Бланки. Но хотя атмосфера, в которой мы живем, давит на каждого из нас с тяжестью в 20 000 фунтов, чувствуете ли вы это? Так же мало, как мало европейское общество до 1848 г. чувствовало революционную атмосферу, которой оно было окружено и которая давила на него со всех сторон.

Налицо великий, характерный для XIX столетия факт, которого не смеет отрицать ни одна партия. С одной стороны, пробуждены к жизни такие промышленные и научные силы, о каких даже подозревать не могла ни одна из предшествовавших эпох истории. С другой же стороны, обнаруживаются признаки упадка, далеко превосходящего все занесенные в летописи ужасы последних времен Римской империи.

В наше время каждая вещь как бы чревата своей противоположностью. Мы видим, что машина, обладающая чудесной силой сокращать и делать плодотворнее человеческий труд, приводит к голоду и истощению. Новоизобретенные источники богатства

благодаря каким-то роковым чарам становятся источниками лишений. Победы искусства куплены, по-видимому, ценой потери морального качества. В той же самой мере, в какой человечество становится властелином природы, человек попадает в рабство к другому человеку или становится рабом своей собственной подлости. Даже чистый свет науки не может, по-видимому, сиять иначе, как только на темном фоне невежества. Результат всех наших открытий и всего нашего прогресса, очевидно, тот, что материальные силы наделяются духовной жизнью, а человеческая жизнь отупляется до степени материальной силы. Этот антагонизм между современной промышленностью и наукой, с одной стороны, и нищетой и распадом — с другой, этот антагонизм между производительными силами и общественными отношениями нашей эпохи есть осязаемый, подавляющий и неоспоримый факт. Пусть одни партии оплакивают это, а другие желают отделаться от современных успехов техники, лишь бы избавиться вместе с тем от современных конфликтов; или пусть они воображают, что столь осязательный прогресс в промышленности непременно должен дополняться таким же столь же несомненным регрессом в политике. Мы со своей стороны, безошибочно узнаем в этом печать того лукавого духа, который постоянно проявляется во всех этих противоречиях. Мы знаем, что для того, чтобы направить новые силы общества, необходимо, чтобы ими овладели новые люди, — и люди эти — рабочие.

Они такое же открытие современности, как и сами машины. В тех явлениях, которые приводят в смятение буржуазию, дворянство и злополучных пророков регресса, мы узнаем дело нашего доброго друга, нашего Робина Гудфеллоу¹, старого крота, который так быстро умеет рыться под землей, — достойного пионера — революцию. Английские рабочие — первенцы современной промышленности. И они, конечно, будут не последними из тех, кто будет помогать социальной революции, произведенной этой промышленностью, — революции, которая означает освобождение их собственного класса во всем мире и которая столь же международна, как господство капитала и наемное рабство. Я знаю героическую борьбу, которую вели английские рабочие с середины прошлого столетия, борьбу, которая не столь известна только потому, что буржуазные историки оставляли ее в тени и замалчивали. Для того чтобы мстить за злодеяния правящих классов, в средние века в Германии существовало тайное

¹ Из пьесы Шекспира «Сон в летнюю ночь» — веселое шаловливое фантастическое существо, игравшее по тогдашнему поверью роль доброго друга в домашних делах человека. *Ред.*

судилище, так называемый «суд Фемы». Если на каком-нибудь доме видели красный крест, то уже знали, что хозяин его осужден «Фемой». Теперь на всех домах Европы начертан таинственный красный крест. Сама история теперь судья, а исполнитель приговора — пролетариат.

К. Маркс. Революция 1848 г.
и пролетариат.
Сочинения, т. XI, ч. 1, стр. 5—6.

2

В том, что материальное положение рабочих со времени введения капиталистического производства в крупном масштабе в целом ухудшилось, — сомневается только буржуа. Но разве мы из-за этого должны с тоской оглядываться назад на (также очень скудные) мясные горшки египтян, на мелкую сельскую промышленность, воспитывавшую только холопские души, или на «дикарей»? Напротив. Только созданный современной крупной промышленностью, освобожденный от всех унаследованных цепей, в том числе и от тех, которые приковывали его к земле, и согнанный в большие города пролетариат в состоянии совершить великий социальный переворот, который положит конец всякой классовой эксплуатации и всякому классовому господству. Прежние сельские ручные ткачи с домашним очагом никогда не были бы в состоянии сделать это, они никогда не пришли бы к подобной мысли, а еще менее могли бы желать ее осуществления.

Для Прудона, напротив, вся промышленная революция последних ста лет, сила пара, крупное фабричное производство, заменяющее ручной труд машинами и тысячекратно увеличивающее производительную силу труда, — чрезвычайно неприятное событие, нечто такое, чего бы, собственно, и быть не должно. Мелкий буржуа Прудон стремится к такому миру, в котором каждый изготавливает особый самостоятельный продукт, уже пригодный к потреблению и к обмену на рынке; если же при этом каждому возмещается полная стоимость продукта его труда в виде другого продукта, то удовлетворена «вечная справедливость», и на земле установлен лучший из миров. Но этот прудоновский лучший из миров раздавлен уже в зародыше пятою прогрессирующего промышленного развития, которое давно уже уничтожило обособленный труд во всех крупных отраслях промышленности и с каждым днем все больше уничтожает его в мелких и мельчайших отраслях, заменяя его трудом общественным, опирающимся на машины и на покоренные силы природы, трудом, готовый продукт которого, пригодный к немедленному обмену

или потреблению, представляет совместное произведение многих лиц, через руки которых он должен был пройти. И именно благодаря этой промышленной революции производительная сила человеческого труда достигла такой высоты, что стало возможно — впервые за время существования человечества — при разумном разделении труда между всеми не только производить в размерах, достаточных для обильного потребления всех членов общества и для богатого запасного фонда, но и предоставлять каждому достаточно досуга, чтобы можно было из исторически унаследованной культуры — науки, искусства, форм общежития и т. д. — воспринять все то, что действительно имеет ценность, и не только воспринять, но и превратить это из монополии господствующего класса в общее благо всего общества и способствовать дальнейшему его развитию. В этом-то и заключается решающий пункт. Как только производительная сила человеческого труда развилась до такой высоты, — исчезает всякий предлог для существования господствующего класса. Ведь последним основанием при защите классового различия было всегда следующее: должен существовать класс, которому не надо было бы повседневно изнуряться добыванием себе хлеба насущного и который имел бы время заниматься умственным трудом для общества. Этой болтовне, находившей себе до сих пор немалое историческое оправдание, раз навсегда подрезала корни промышленная революция последнего столетия. Существование господствующего класса с каждым днем становится все большим препятствием развитию производительной силы промышленности и точно так же — развитию науки, искусства, а в особенности культурных форм общежития. Такого дубья, как наши современные буржуа, никогда не бывало.

Ф. Энгельс. К жилищному вопросу.
Сочинения, т. XV, стр. 12—13.

РАБОЧИЙ КЛАСС И КУЛЬТУРА

1

Таким образом, в Англии наблюдается тот замечательный факт, что чем ниже стоит класс в обществе, чем он «необразованнее» в обычном смысле слова, тем он прогрессивнее, тем большую будущность он имеет. В общем такое положение характерно для всякой революционной эпохи, что особенно проявилось в религиозной революции, продуктом которой было христианство: «блаженны нищие», «мудрость сего мира стала безумием» и т. д. Но.

пожалуй, никогда еще предзнаменование великого переворота не было столь ярко выраженным, столь резко очерченным, как сейчас в Англии. В Германии движение исходит от класса людей, не только образованных, но даже ученых; в Англии за последние триста лет образованные и в еще большей степени ученые глухи и слепы к знаменаниям времени. Всему свету известно, что в английских университетах господствует жалкая рутина и что по сравнению с ними наши немецкие высшие школы — это еще благо. Но на континенте не могут даже представить себе, каково качество трудов лучших английских теологов и отчасти даже лучших английских естествоиспытателей, как низкопробны реакционные произведения, названия которых в изобилии публикуются в еженедельных «Списках новых книг». Англия — родина политической экономии, но как обстоит дело с наукой в среде профессоров и практических политиков? Свобода торговли Адама Смита выродилась в бредовую по своим выводам мальтусовскую теорию народонаселения. Она породила лишь новую, более цивилизованную форму старой системы монополии, которая находит своих представителей в лице современных тори, она с успехом вела борьбу против мальтусовского вздора, но в конце концов опять пришла к выводам Мальтуса. Повсюду — непоследовательность и лицемерие, между тем как убедительные экономические трактаты социалистов и отчасти также чартистов с презрением отбрасываются и только среди низших сословий находят себе читателей. «Жизнь Иисуса» Штрауса была переведена на английский язык. Ни один «респектабельный» книгоиздатель не хотел ее печатать; наконец, она появилась выпусками, по три пенса за выпуск, и притом в издании совершенно второразрядного, но энергичного антиквара. Такая же судьба постигла переводы Руссо, Вольтера, Гольбаха и других. Байрона и Шелли читают почти только низшие сословия; ни один «респектабельный» человек, если он не желает заслужить самой ужасной репутации, не смеет держать сочинения Шелли на своем столе. Выходит: блаженны нищие, ибо их есть царствие небесное и рано или поздно также царство мира сего.

Ф. Энгельс. Письма из Лондона.
Сочинения, т. 1, стр. 513.

2

Итак, образованные классы в Англии глухи ко всякому прогрессу, и лишь под натиском рабочего класса они несколько приходят в движение. Нельзя ожидать, чтобы ежедневная литера-

турная пища этих одряхлевших образованных классов выглядела бы иначе, чем они сами. Вся фешенебельная литература вращается в заколдованном кругу и так же скучна и бесплодна, как и само пресыщенное и выдохшееся фешенебельное общество.

Ф. Энгельс. Положение Англии.
Сочинения, т. 1, стр. 575.

3

Пока англиканская церковь почивала на лаврах, социалисты сделали невероятно много для просвещения трудящихся классов в Англии. На первых порах не удивишься, слушая, как самые простые рабочие с полным пониманием выступают в холле для лекций на политические, религиозные и социальные темы; но когда ознакомишься с замечательными популярными брошюрами, когда послушаешь социалистических лекторов, вроде Уотса в Манчестере, то перестаешь удивляться. Рабочие имеют теперь в хороших дешевых изданиях переводы произведений французской философии прошлого столетия, главным образом «Общественный договор» Руссо, «Систему природы»* и разные сочинения Вольтера, кроме того, в брошюрах за один или два пфеннига и в газетах они находят изложение коммунистических принципов; точно так же в руках рабочих имеются дешевые издания сочинений Томаса Пэйна и Шелли.

Ф. Энгельс. Письма из Лондона.
Сочинения, т. 1, стр. 520.

4

Здесь проповедуется политическая экономия, кумиром которой является свободная конкуренция; из этой науки рабочий может сделать лишь тот единственный вывод, что самое разумное для него — в тихом смиреннии умереть с голоду. Здесь все учит смирению, податливости и приспособлению к господствующей политике и религии, так что рабочий слышит только проповедь повиновения, пассивности и покорности своей судьбе. Естественно, что рабочая масса знать не хочет этих школ; она идет в пролетарские читальни, занимается обсуждением вопросов, непосредственно затрагивающих ее собственные интересы. И тогда самодовольная буржуазия изрекает свое *dixi et salvavi*¹ и с презре-

¹ *Dixi et salvavi animam meam* — я сказал и спас свою душу. *Ред*

нием отворачивается от класса, который «предпочитает солидному образованию неистовые выкрики злостных демагогов». Впрочем, рабочие ценят также и «солидное образование», когда оно им преподносится без примеси корыстной мудрости буржуазии; это доказывает множество лекций на естественно-научные, художественные и политико-экономические темы, которые постоянно читаются во всех пролетарских учреждениях, в особенности социалистических, и очень хорошо посещаются. Мне нередко случалось встречать рабочих в изношенных плисовых куртках, которые обнаруживали больше знаний по геологии, астрономии и другим предметам, чем иной образованный буржуа в Германии. Каких успехов английскому пролетариату удалось достигнуть в деле приобретения самостоятельного образования, показывает особенно тот факт, что наиболее выдающиеся произведения новейшей философии, политической литературы и поэзии читаются почти исключительно рабочими. Буржуа — раб существующего социального строя и связанных с ним предрассудков; он пугливо отмахивается и отрешивается от всего того, что действительно знаменует собой прогресс; пролетарий же смотрит на все это открытыми глазами и изучает с наслаждением и успешно. В этом отношении социалисты очень много сделали для просвещения пролетариата; они перевели французских материалистов, *Гельвеция*, *Гольбаха*, *Дидро* и т. д., и распространили их в дешевых изданиях вместе с лучшими произведениями английских авторов. «Жизнь Иисуса» *Штрауса* и «Собственность» *Прудона** тоже имеют хождение только среди пролетариев. Шелли, гениальный пророк *Шелли*, и *Байрон* со своей страстностью и горькой сатирой на современное общество имеют больше всего читателей среди рабочих; буржуа держит у себя только так называемые «семейные издания», выхолощенные и приспособленные к современной лицемерной морали. — Произведения двух крупнейших практических философов новейшего времени, *Бентама* и *Годвина*, особенно последнего, также являются почти исключительно достоянием пролетариата. Если среди радикальной буржуазии и существуют последователи *Бентама*, то ведь только пролетариату и социалистам удалось, отталкиваясь от него, шагнуть вперед. На этих основах пролетариат создал свою собственную литературу, состоящую большей частью из периодических изданий и брошюр и по содержанию своему далеко превосходящую всю литературу буржуазии.

Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии.
Сочинения, т. 2, стр. 462—463.

5

Когда между собой объединяются коммунистические *рабочие*, то целью для них является прежде всего учение, пропаганда и т. д. Но в то же время у них возникает благодаря этому новая потребность, потребность в общении, и то, что выступает как средство, становится целью. К каким блестящим результатам приводит это практическое движение, можно видеть, наблюдая собрания французских социалистических рабочих. Курение, питье, еда и т. д. не служат уже там средствами соединения людей, не служат уже связующими средствами. Для них достаточно общения, объединения в союз, беседы, имеющей своей целью опять-таки общение; человеческое братство в их устах не фраза, а истина, и с их загрубелых от труда лиц на нас сияет человеческое благородство.

К. М а р к с. Экономическо-философские рукописи 1844 года.

К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».

Госполитиздат, М., 1956, стр. 607.

6

Что касается степени просвещенности немецких рабочих вообще, или их способности к просвещению, то я напоминаю о гениальных сочинениях *Вейтлинга*, которые в теоретическом отношении часто идут даже дальше *Прудона*, как бы они ни уступали ему в способе изложения. Где у буржуазии, вместе с ее философами и учеными, найдется такое произведение об эмансипации буржуазии — о *политической* эмансипации, — которое было бы подобно книге Вейтлинга «*Гарантии гармонии и свободы*»? Стоит сравнить банальную и трусливую посредственность немецкой политической литературы с этим *беспримерным* и блестящим литературным дебютом немецких рабочих, стоит сравнить эти гигантские *детские башмаки* пролетариата с карликовыми стоптанными политическими башмаками немецкой буржуазии, чтобы предсказать *немецкой Золушке* в будущем *фигуру атлета*.

К. М а р к с. Критические заметки к статье «Пруссака».

Сочинения, т. 1, стр. 443—444.

7

Немецкие просветители, просвещает нас дальше критика, совершили грех против святого духа. Они занялись существовавшими уже в 1842 г. «низшими классами народа», чтобы *из-*

бавить себя от еще *не* существовавшего тогда вопроса, какой ранг они призваны получить в *критическом мировом порядке*, который должен был быть основан в 1843 г.: ранг овец или козлиц, критического критика или нечистой массы, д у х а или м а т е р и и. Но прежде всего им следовало серьезно подумать о своем собственном критическом *спасении души*, ибо к чему мне весь мир, включая туда и низшие классы народа, если я гублю свою собственную душу?

«Но духовное существо не может быть поднято на более высокую ступень, если оно не изменится; а измениться оно не может до тех пор, пока не испытает самого решительного сопротивления».

Если бы к р и т и к а * была более знакома с движением низших классов народа, то ей было бы известно, что самое решительное сопротивление, которое низшие классы испытывают со стороны практической жизни, каждодневно подвергает их изменению. Новая прозаическая и поэтическая литература, исходящая в Англии и Франции от низших классов народа, показала бы критике, что низшие классы народа умеют поднимать себя на более высокую ступень духовного развития и без непосредственного *осенения святым духом критической критики*.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Святое семейство.
Сочинения, т. 2, стр. 149—150.

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВАНДАЛИЗМ БУРЖУАЗИИ

1

Рабочий Париж в акте геройского самоожжения предал огню здания и памятники*. Когда владыки пролетариата рвут на части его живое тело, пусть они не рассчитывают вернуться с торжеством в свои неповрежденные жилища. Версальское правительство кричит: «Поджог!» — и нашептывает это слово всем своим приспешникам, до самых отдаленных деревушек, чтобы затравить своих врагов как профессиональных поджигателей. Буржуазия всего мира благосклонно взирает на массовое убийство людей после боя, но содрогается от ужаса, когда свято-татственно оскверняют кирпичи и известку!

Когда правительства дают своим военным флотам официальное разрешение «убивать, *жечь* и разрушать», есть ли это разрешение поджогов? Когда британские войска совершенно бесцельно

подожгли Капитолий в Вашингтоне и летний дворец китайского императора*, — был ли это поджог? Когда пруссаки не из военных соображений, а просто из чувства злобной мести сжигали при помощи керосина целые города*, вроде Шатодена, и бесчисленные деревни, — был ли это поджог? Когда Тьер в течение шести недель бомбардировал Париж, оправдываясь тем, что он хочет поджечь только те дома, в которых есть люди, — был ли это поджог? На войне огонь — столь же законное оружие, как и всякое другое. Здания, занятые неприятелем, бомбардируют для того, чтобы их сжечь. Когда обороняющимся приходится оставить эти здания, они сами предают их огню, чтобы нападающие не могли их использовать. Быть сожженными — всегда было неизбежной судьбой всех зданий, расположенных перед боевым фронтом любой регулярной армии. Но в войне рабов против их поработителей, единственной правомерной войне в истории, это объявляется решительно недопустимым! Коммуна пользовалась огнем как средством обороны в самом строгом смысле слова. Она прибегла к нему, чтобы не допустить версальские войска в те длинные, прямые улицы, которые Осман умышленно оставил открытыми для артиллерийского огня; она воспользовалась им, чтобы прикрыть свое отступление так же, как версальцы, наступая, пользовались своими гранатами, которые разрушили во всяком случае не меньше домов, чем огонь Коммуны. Еще до сих пор остается под вопросом, какие здания были зажжены оборонявшимися, и какие — нападавшими. Да и прибегли-то оборонявшиеся к огню лишь после того, как версальские войска уже начали свои массовые избиения пленных. — К тому же Коммуна совершенно открыто объявила заранее, что если ее доведут до крайности, то она похоронит себя под развалинами Парижа и сделает из Парижа вторую Москву, — как то же обещало сделать и правительство обороны, но лишь для того, чтобы замаскировать свою измену. С этой целью Трошю и приготовил запас керосина. Коммуна знала, что ее противники нисколько не дорожат жизнью парижан, но зато весьма дорожат своими парижскими домами. Да и Тьер, с другой стороны, объявил ей, что он будет беспощаден в своей мести. И едва только его армия подготовилась к бою, с одной стороны, а пруссаки захлопнули капкан с другой, как он воскликнул: «Я буду беспощаден! Искупление будет полное, суд будет суровый!» Если действия парижских рабочих были вандализмом, то это был вандализм отчаянной обороны, а не вандализм торжествующих победителей, вроде учиненного христианами над действительно бесценными художественными сокровищами языческой древности; но даже и этот вандализм был оправ-

дан историками как неизбежный и сравнительно маловажный эпизод в титанической борьбе нарождавшегося нового общества с распадавшимся старым. И уж еще меньше походили действия Коммуны на вандализм Османа, который уничтожил исторический Париж, чтобы очистить место для Парижа бездельников!

К. Маркс. Текст первого издания «Гражданской войны во Франции».
Архив Маркса и Энгельса, т. III (VIII), стр. 75—77.

2

23 и 24 апреля. «Situation»

Собрание художников Парижа под председательством гражданина Курбе *. Эти парни хотят, чтобы Вандомская колонна* не была разрушена. (Вполне свободная дискуссия.) (Публичное заседание.) В действительности же, Коммуна постановила лишь снять статую Бонапарта и на его место поставить статую Свободы (в Париже около 3000 художников).

«Все большие города всего мира чувствуют зависть к нашему городу, это — гений искусства руководит осмысленным трудом наших рабочих и создал неоспоримую, не имеющую соперников репутацию Парижа» (говорит сам паршивый «Soir»*). Было объявлено, что женщины приравниваются к мужчинам, одновременно могут избирать и быть избираемы (Клуб художников).

Передовая. Приступают к продаже колонны; Триумфальная Арка* рушится.

К. Маркс. Выписки из газет.
Архив Маркса и Энгельса, т. III (VIII), стр. 205—207.

ИСКУССТВО
И
КОММУНИЗМ

ГУМАНИСТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Коммунизм как *положительное* упразднение *частной собственности* — этого *самоотчуждения человека* — и в силу этого как *подлинное присвоение человеческой сущности* человеком и для человека; а потому как *полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства достигнутого развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному*, т. е. *человечному*. Такой коммунизм, как *завершенный натурализм*, = гуманизму, а как *завершенный гуманизм*, = натурализму; он есть *подлинное* разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, *подлинное* разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Он — решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение.

К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года.
К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, М., 1956, стр. 588.

УНИЧТОЖЕНИЕ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ДУХОВНОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Человек присваивает себе свою всестороннюю сущность всесторонним образом, т. е. как целостный человек. Каждое из его *человеческих* отношений к миру — зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, мышление, созерцание, ощущение, хотение, деятельность, любовь, — словом, все органы его индивидуальности, равно как и те органы, которые непосредственно, по своей форме, существуют как общественные органы, — являются в своем *предметном* отношении, или в своем *отношении к предмету*, присвоением последнего, присвоением *человеческой* действительности. Их отношение к предмету есть *осуществление на деле чело-*

*веческой действительности*¹; это — человеческая *действенность* и человеческое *страдание*, потому что страдание, понимаемое в человеческом смысле, есть один из способов, каким человек воспринимает свое «я».

Частная собственность сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является *нашим* лишь тогда, когда мы им обладаем, т. е. когда он существует для нас как капитал или когда мы им непосредственно владеем, едим его, пьем, носим на своем теле, живем в нем и т. д., — одним словом, когда мы его *потребляем*, — хотя сама же частная собственность все эти виды непосредственного осуществления владения в свою очередь рассматривает лишь как *средство к жизни*, а та жизнь, для которой они служат средством, есть *жизнь частной собственности* — труд и капитализирование.

Поэтому на место *всех* физических и духовных чувств стало простое отчуждение *всех* этих чувств — чувство *обладания*. Вот до какой абсолютной бедности должно было быть доведено человеческое существо, чтобы оно могло породить из себя свое внутреннее богатство. (О категории *обладания* см. статью *Гесса* в сборнике «Двадцать один лист»*).

Поэтому упразднение частной собственности означает полную *эмансипацию* всех человеческих чувств и свойств; но оно является этой эмансипацией именно потому, что чувства и свойства стали *человеческими* как в субъективном, так и в объективном смысле.

К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года.
К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, М., 1956, стр.
591—592.

УНИЧТОЖЕНИЕ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ*

Если ограниченный буржуа говорит коммунистам: уничтожая собственность, т. е. мое существование в качестве капиталиста, помещика, фабриканта и ваше существование в качестве рабочего, вы уничтожаете мою и вашу индивидуальность; отнимая у меня возможность эксплуатировать вас, рабочих, забирать прибыль, проценты или ренту, вы отнимаете у меня возмож-

¹ Поэтому человеческая действительность столь же многообразна, как многообразны *определения* человеческой *сущности* и человеческие *деятельности*.

ность существовать в качестве индивида; если, таким образом, буржуа заявляет коммунистам: уничтожая мое существование как буржуа, вы уничтожаете мое существование как индивида; если он, таким образом, отождествляет себя как буржуа с собой как индивидом, — то нельзя, по крайней мере, отказать ему в откровенности и бесстыдстве. Для буржуа это действительно так: он считает себя индивидом лишь постольку, поскольку он буржуа.

Но когда выходят на сцену теоретики буржуазии и дают этому утверждению общее выражение, когда они и теоретически отождествляют собственность буржуа с индивидуальностью и хотят логически оправдать это отождествление, — лишь тогда этот вздор становится возвышенным и священным.

Выше «Штирнер» опровергал коммунистическое уничтожение частной собственности тем, что сперва превратил частную собственность в «обладание», а затем объявил глагол «обладать, иметь» незаменимым словом, вечной истиной, потому что и в коммунистическом обществе может случиться, что Штирнер будет «иметь» боли в желудке. Совершенно так же он обосновывает теперь неустранимость частной собственности, превращая ее в понятие собственности, эксплуатируя этимологическую связь между словами *Eigentum* и *eigen*¹ и объявляя слово «свойственный» вечной истиной, потому что ведь и при коммунистическом строе может случиться, что ему будут «свойственны» боли в желудке. Весь этот теоретический вздор, ищущий своего убежища в этимологии, был бы невозможен, если бы действительная частная собственность, которую стремятся уничтожить коммунисты, не была превращена в абстрактное понятие «собственности вообще». Это превращение избавляет, с одной стороны, от необходимости что-нибудь сказать или хотя бы только что-нибудь знать о действительной частной собственности, а с другой — позволяет с легкостью открыть в коммунизме противоречие, поскольку *после* уничтожения (*действительной*) собственности при коммунизме, конечно, не трудно открыть в нем еще целый ряд вещей, которые можно подвести под понятие «собственность вообще». В действительности дело, конечно, обстоит как раз наоборот². В действительности я владею частной собственностью лишь постольку, поскольку я имею что-нибудь такое, что можно продать, между

¹ — собственность и свойственный. *Ред.*

² Далее в рукописи перечеркнуто: «Действительная частная собственность есть как раз самое всеобщее — нечто, что не имеет никакого отношения к индивидуальности и даже прямо разрушает ее. Поскольку я проявляю себя как частный собственник, постольку я не проявляю себя как индивид — тезис, ежедневно доказываемый браками по расчету». *Ред.*

тем как свойственные мне особенности отнюдь не могут быть предметом купли-продажи. Мой сюртук составляет мою частную собственность лишь до тех пор, пока я могу его сбыть, заложить или продать, пока он может быть предметом купли-продажи. Потеряв это свойство, превратившись в лохмотья, он может для меня сохранить ряд свойств, которые делают его ценным *для меня*, он может даже стать моим свойством и сделать из меня оборванного индивида. Но ни одному экономисту не придет в голову причислять этот сюртук к моей частной собственности, ибо он не дает мне возможности распоряжаться никаким, даже самонаименьшим, количеством чужого труда. Разве только юрист, идеолог частной собственности, еще может болтать о чем-нибудь подобном. Частная собственность отчуждает индивидуальность не только людей, но и вещей. Земля не имеет ничего общего с земельной рентой, машина — ничего общего с прибылью. Для землевладельца земля имеет значение только земельной ренты, он сдает в аренду свои участки и получает арендную плату; это свойство земля может потерять, не потеряв ни одного из внутренне присущих ей свойств, не лишившись, например, какой-либо доли своего плодородия; мера и даже самое существование этого свойства зависит от общественных отношений, которые создаются и уничтожаются без содействия отдельных землевладельцев. Так же обстоит дело и с машиной. Как мало общего имеют деньги, эта самая общая форма собственности, с личным своеобразием, насколько они даже прямо противоположны ему, — это уже Шекспир знал лучше наших теоретизирующих мелких буржуа:

«Тут золота довольно для того,
 Чтоб сделать все чернейшее белейшим,
 Все гнусное — прекрасным, всякий грех —
 Правдивостью, все низкое — высоким,
 Трусливого — отважным храбрецом,
 Все старое — и молодым и свежим!
 Да, этот плут сверкающий начнет...
 Людей ниц повергать пред застарелой язвой...
 ... Вдове, давно отжившей,
 Даст женихов; раздушит, расцветит,
 Как майский день, ту жертву язв поганых,
 Которую и самый госпиталь
 Из стен своих прочь гонит с отвращеньем!..
 ... Ты, видимый нам бог,
 Сближающий несродные предметы,
 Велящий им лобзаться..!»

Словом, земельная рента, прибыль и т. д., эти формы действительного существования частной собственности, предста-

вляют собой *общественные отношения*, соответствующие определенной ступени производства, и «*индивидуальны*» они лишь до тех пор, пока не превратились в оковы наличных производительных сил.

Согласно Дестют де Траси, большинство людей, пролетарии, должны были бы уже давным-давно потерять всякую индивидуальность, хотя в наши дни дело обстоит так, что именно среди них индивидуальность бывает развита наиболее сильно. Буржуа может без труда доказать, исходя из своего языка, тождество меркантильных и индивидуальных, или даже общечеловеческих, отношений, ибо самый этот язык есть продукт буржуазии, и поэтому как в действительности, так и в языке отношения купли-продажи сделались основой всех других отношений. Например, *propriété* — собственность и свойство; *property* — собственность и своеобразие; «*eigen*» — в меркантильном и в индивидуальном смысле; *valeur*, *value*, *Wert*¹; *commerce*, *Verkehr*²; *échange*, *exchange*, *Austausch*³ и т. д. Все эти слова обозначают как коммерческие отношения, так и свойства и взаимоотношения индивидов как таковых. В остальных современных языках дело обстоит совершенно так же. Если святой Макс всерьез намерен эксплуатировать эту двусмысленность, то ему будет не трудно сделать ряд новых блестящих экономических открытий, хотя он ни аза не знает в политической экономии; и действительно, приводимые им новые экономические факты, о которых речь будет ниже, относятся целиком к области этой синонимики.

Игру буржуа словами *Eigentum* и *Eigenschaft*⁴ наш добродушный и легковерный Jacques берет настолько всерьез, с таким священным трепетом, что старается даже, как мы увидим ниже, относиться к своим собственным свойствам как частный собственник.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Немецкая идеология.
Сочинения, т. 3, стр. 217—220.

КРИТИКА УРАВНИТЕЛЬНОГО КОММУНИЗМА

Непосредственное физическое *обладание* представляется ему единственной целью жизни и существования; категория *рабочего* не отменяется, а распространяется на всех людей; отношение частной собственности остается отношением всего общества к миру

¹ — стоимость, ценность. *Ред.*

² — торговля, общение. *Ред.*

³ — обмен. *Ред.*

⁴ — собственность и свойство. *Ред.*

вещей; наконец, это движение, стремящееся противопоставить частной собственности всеобщую частную собственность, выражается в совершенно животной форме, когда оно противопоставляет *браку* (являющемуся, действительно, некоторой *формой исключительной частной собственности*) *общность жен*, где, следовательно, женщина становится *общественной* и *всеобщей* собственностью. Можно сказать, что эта идея *общности жен* выдает *тайну* этого еще совершенно грубого и непродуманного коммунизма. Подобно тому как женщина переходит тут от брака ко всеобщей проституции¹, так и весь мир богатств, т. е. предметной сущности человека, переходит от исключительного брака с частным собственником к универсальной проституции со всем обществом. Этот коммунизм, отрицающий повсюду *личность* человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности, являющейся этим отрицанием. Всеобщая и конституирующая как власть *зависть* представляет собой ту скрытую форму, которую принимает *стяжательство* и в которой оно себя лишь *иным* способом удовлетворяет. Всякая частная собственность как таковая ощущает — *по крайней мере* по отношению к *более богатой* частной собственности — зависть и жажду нивелирования, так что эти последние составляют даже сущность конкуренции. Грубый коммунизм есть лишь завершение этой зависти и этого нивелирования, исходящее из *представления* о некоем минимуме. У него — *определенная ограниченная* мера. Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз из абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к *нестественной* простоте *бедного* и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее.

Для такого рода коммунизма *общность* есть лишь *общность труда* и равенство *заработной платы*, выплачиваемой общинным капиталом, *общинной* как всеобщим капиталистом. Обе стороны взаимоотношения подняты на ступень *представляемую* всеобщности: *труд* — как предназначение каждого, а *капитал* — как признанная всеобщность и сила всего общества.

В отношении к *женщине*, как к добыче и служанке общественного сладострастия, выражена та бесконечная деградация, в ко-

¹ Проституция является лишь некоторым *особым* выражением *всеобщего* проституирования *рабочего*, а так как это проституирование представляет собой такое отношение, в которое попадает не только проституируемый, но и проституирующий, причем гнусность последнего еще гораздо больше, — то и капиталист и т. д. подпадает под эту категорию.

торой человек пребывает по отношению к самому себе, ибо тайна этого отношения находит свое *недвусмысленное*, решительное, *открытое*, явное выражение в отношении *мужчины к женщине* и в том, как мыслится *непосредственное, естественное* родовое отношение. Непосредственным, естественным, необходимым отношением человека к человеку является *отношение мужчины к женщине*. В этом *естественном* родовом отношении отношение человека к природе есть непосредственным образом его отношение к человеку, а его отношение к человеку есть непосредственным образом его отношение к природе, его собственное *природное* предназначение. Таким образом, в этом отношении *проявляется* в *чувственном* виде, в виде наглядного *факта* то, насколько стала для человека природой человеческая сущность, или насколько природа стала человеческой сущностью человека. На основании этого отношения можно, следовательно, судить о ступени общей культуры человека. Из характера этого отношения видно, в какой мере человек стал для себя *родовым существом*, стал для себя *человеком* и мыслит себя таковым. Отношение мужчины к женщине есть *естественнейшее* отношение человека к человеку. Поэтому в нем обнаруживается, в какой мере *естественное* поведение человека стало *человеческим*, или в какой мере *человеческая* сущность стала для него *естественной* сущностью, в какой мере его *человеческая природа* стала для него *природой*. Из характера этого отношения явствует также, в какой мере *потребность* человека стала *человеческой* потребностью, т. е. в какой мере *другой* человек в качестве человека стал для него потребностью, в какой мере сам он, в своем индивидуальнейшем бытии, является вместе с тем общественным существом.

Таким образом, первое положительное упразднение частной собственности, *грубый коммунизм*, есть только *форма проявления* гнусности частной собственности, желающей утвердить себя в качестве *положительной общности*.

К. Маркс. Экономическо-философские рукописи 1844 года.
К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, М., 1956, стр. 586—587.

ИСКУССТВО В КОММУНИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

«Организация труда касается лишь таких работ*, которые могут быть сделаны для Нас другими, — таковы, например, убой скота, землепашество и т. д.; прочие работы остаются эгоистическими, ибо, например, никто не может сочинить за Тебя Твои музыкальные произведения, завершить сделан-

ные тобой наброски картин и т. д. Никто не может создать произведения Рафаэля вместо его самого. Это — работы единственного индивида, и их может выполнить только этот единственный, между тем как первые следует назвать *человеческими работами*» (на стр. 356 это отождествляется с *«общепользными работами»*), «так как *собственное* играет здесь ничтожную роль и чуть ли не *каждый человек* может быть обучен им» (стр. 355).

«Относительно человеческих работ Нам всегда полезно сговориться, чтобы они не отнимали всего нашего времени и всей нашей силы, как это имеет место при конкуренции... Но для кого, однако, должно быть выигрышное время? Для чего человеку нужно больше времени, чем это необходимо для восстановления его истощившейся рабочей силы? На это коммунизм не дает ответа. Для чего? Для того чтобы наслаждаться собой в качестве Единственного, сделав свое дело в качестве человека» (стр. 356, 357).

«Посредством труда Я могу выполнять обязанности президента, министра и т. д. Для этих должностей требуется только общее образование, именно такое образование, которое всем доступно... Но если каждый в состоянии занимать эти должности, то лишь единственная, свойственная только отдельному индивиду сила придает им, так сказать, жизнь и значение. Если какой-нибудь индивид исполняет свои обязанности не как обыкновенный человек, а вкладывает в них силу своей единственности, то его нельзя считать оплаченным, если его будут оплачивать только как чиновника или как министра. Если он заслуживает Вашей благодарности и если Вы хотите сохранить для себя эту достойную благодарности силу Единственного, то Вы должны оплачивать его не просто как человека, делающего лишь нечто человеческое, но как человека, выполняющего нечто единственное» (стр. 362, 363).

«Если Ты в состоянии доставлять радость тысячам людей, то тысячи станут оплачивать Тебя за это; ведь от Тебя зависит прекратить свою деятельность, и поэтому они должны платить Тебе за нее» (стр. 351).

«Нельзя установить общего тарифа для оплаты Моей единственности, как это можно сделать для тех работ, которые Я выполняю в качестве человека. Только для этих последних работ и может быть установлен тариф. Поэтому устанавливайте всеобщий тариф для человеческих работ, но не лишайте Вашей единственности того, что ей следует по заслугам» (стр. 363).

В качестве примера организации труда в «Союзе»* на стр. 365 приводятся упомянутые уже выше общественные хлебпекарни. В условиях предположенного выше вандальского парцеллирования эти общественные учреждения должны быть настоящим чудом.

Сперва нужно организовать человеческий труд и тем самым сократить его таким образом, чтобы наш брат мастеровой мог затем, рано закончив свою работу, «наслаждаться собой в качестве Единственного» (стр. 357); а на стр. 363 «наслаждение» Единственного сводится уже к его дополнительному заработку. — На стр. 363 жизнедеятельность Единственному появляется уже не напоследок, не после человеческой работы, — здесь говорится, что и человеческую работу можно выполнять как единственную, и в таком случае за нее требуется дополнительное вознаграждение. Ведь иначе Единственный, который интересуется вовсе не

своей единственностью, а более высокой оплатой, мог бы положить под сукно свою единственность и назло обществу довольствоваться ролью обыкновенного человека, сыграв в то же время дурную шутку над самим собой.

Согласно стр. 356 человеческая работа совпадает с общепозлезной, а согласно стр. 351 и 363 — единственная работа обнаруживается именно в том, что она, в качестве общепозлезной, или, по крайней мере, полезной многим людям, оплачивается дополнительно.

Итак, организация труда в «Союзе» заключается в отделении человеческой работы от единственной работы, в установлении тарифа для первой и в выключивании прибавки для второй. Эта прибавка является опять-таки двойкой: во-первых, за единственное выполнение *человеческой* работы и, во-вторых, за единственное выполнение *единственной* работы; это требует особенно сложной бухгалтерии, так как то, что вчера было единственной работой (например, прядение хлопчатобумажной нити № 200), становится сегодня человеческой работой, и так как единственное выполнение человеческих работ требует постоянного самошпионажа в собственных интересах и всеобщего шпионажа в общественных интересах. Таким образом, весь этот великий организационный план сводится к совершенно мелкобуржуазному усвоению закона спроса и предложения, который существует в настоящее время и излагался всеми экономистами. Санчо мог бы найти уже у Адама Смита объяснение, — а у американца Купера количественную формулировку — закона, по которому определяется цена тех видов труда, которые он считает единственными, например труда танцовщицы, выдающегося врача или адвоката. Новейшие экономисты объяснили на основании этого закона высокую оплату того, что они называют *travail improductif*¹, и низкий заработок сельскохозяйственных поденщиков, как и вообще все неравенства в заработной плате. Так с божьей помощью мы снова пришли к конкуренции, но столь захудалой, что Санчо может предлагать установление таксы, нормирование заработной платы в законодательном порядке, как это имело место некогда в XIV и XV столетиях.

Следует упомянуть еще, что идея, которую выдвигает здесь Санчо, встречается также, как нечто совершенно новое, у господина мессии — доктора Георга Кульмана из Гольштейна.

То, что Санчо называет здесь человеческими работами, это, за вычетом его бюрократических фантазий, то же самое, что

¹ — непроизводительным трудом. *Ред.*

обычно понимают под машинным трудом и что по мере развития промышленности все более переключается на машины. Правда, в «Союзе», при наличии изображенной только что организации землевладения, применение машин невозможно, и поэтому согласные с собой барщинные крестьяне предпочитают приходить к соглашению друг с другом насчет этих работ. Что касается «президентов» и «министров», то Санчо — this poor localized being¹, как выразился бы Оуэн, — судит о них лишь по непосредственно окружающей его среде.

Здесь, как и везде, Санчо не везет с его практическими примерами. Так, он думает, что «никто не может сочинить за Тебя Твои музыкальные произведения, завершить сделанные Тобой наброски картин. Никто не может создать произведение Рафаэля вместо его самого». Однако Санчо мог бы знать, что не сам Моцарт, а другой композитор сочинил большую часть моцартовского «Реквиема» и довел его до конца, что Рафаэль «выполнил» сам лишь ничтожную долю своих фресок*.

Он воображает, будто так называемые организаторы труда* хотели организовать всю деятельность каждого индивида, между тем как именно у них проводится различие между непосредственно производительным трудом, который должен быть организован, и не непосредственно производительным трудом. Что касается этих последних видов труда, то организаторы вовсе не думали, как воображает Санчо, будто каждый должен выполнять труд Рафаэля, — они полагали только, что каждый, в ком сидит Рафаэль, должен иметь возможность беспрепятственно развиваться. Санчо воображает, будто Рафаэль создал свои картины независимо от разделения труда, существовавшего в то время в Риме. Если бы он сравнил Рафаэля с Леонардо да Винчи и Тицианом, то увидел бы, насколько художественные произведения первого зависели от тогдашнего расцвета Рима, происшедшего под флорентинским влиянием, произведения Леонардо — от обстановки Флоренции, а затем труды Тициана — от развития Венеции, имевшего совершенно иной характер. Рафаэль, как и любой другой художник, был обусловлен достигнутыми до него техническими успехами в искусстве, организацией общества и разделением труда в его местности и, наконец, разделением труда во всех странах, с которыми его местность находилась в сношениях. Удастся ли индивиду вроде Рафаэля развить свой талант, — это целиком зависит от спроса, который, в свою очередь, зависит от

¹ — это убогое местно-ограниченное существо. *Ред.*

разделения труда и от порожденных им условий просвещения людей.

Провозглашая единственность научного и художественного труда, Штирнер стоит здесь еще гораздо ниже уровня буржуазии. Уже сейчас признано необходимым организовать эту «единственную» деятельность. У Ораса Верне не хватило бы времени для создания и десятой доли его картин, если бы он их рассматривал как работы, которые «способен выполнить только этот Единственный». Огромный спрос в Париже на водевили и романы вызвал к жизни организацию труда для их производства — организацию, которая дает во всяком случае нечто лучшее, чем ее «единственные» конкуренты в Германии. В астрономии такие люди, как Араго, Гершель, Энке и Бессель, сочли необходимым сорганизоваться для совместных наблюдений и только после этого получили некоторые сносные результаты. В историографии «Единственный» абсолютно не в состоянии сделать хоть что-нибудь, и французы и в этой области уже давно перегнали остальные народы благодаря организации труда. Впрочем, ясно, что все эти организации, основанные на современном разделении труда, все еще приводят лишь к крайне ограниченным результатам, представляя собой шаг вперед лишь по сравнению с существовавшей до сих пор узкой обособленностью.

Кроме того, необходимо еще обратить особое внимание на то, что Санчо смешивает организацию труда с коммунизмом и даже удивляется, почему «коммунизм» не дает ему ответа на его сомнения по поводу этой организации. Так гасконский деревенский парень удивляется тому, что Араго не может ему сказать, на какой звезде воздвиг свой престол господь бог.

Исключительная концентрация художественного таланта в отдельных индивидах и связанное с этим подавление его в широкой массе есть следствие разделения труда. Если бы даже при известных общественных отношениях каждый индивид был отличным живописцем, то это вовсе не исключало бы возможности, чтобы каждый был также и оригинальным живописцем, так что и здесь различие между «человеческим» и «единственным» трудом сводится к простой бессмыслице. Во всяком случае при коммунистической организации общества отпадает подчинение художника местной и национальной ограниченности, целиком вытекающее из разделения труда, а также замыкание художника в рамках какого-нибудь определенного искусства, благодаря чему он является исключительно живописцем, скульптором и т. д., так что уже одно название его деятельности достаточно ясно выражает ограниченность его профессионального развития и его

зависимость от разделения труда. В коммунистическом обществе не существует живописцев, существуют лишь люди, которые занимаются и живописью как одним из видов своей деятельности.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Немецкая идеология.
Сочинения, т. 3, стр. 389—393.

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И ОБЩЕСТВО

1

Индивиды всегда и при всех обстоятельствах «исходили из себя», но так как они не были *единственны* в том смысле, чтобы не нуждаться ни в какой связи друг с другом, — ибо их *потребности*, т. е. их природа и способ их удовлетворения, связывали их друг с другом (отношения между полами, обмен, разделение труда), — то им *необходимо было* вступать во взаимоотношения друг с другом. Но так как они вступали в общение между собой не как чистые Я, а как индивиды, находящиеся на определенной ступени развития своих производительных сил и потребностей, и так как это общение, в свою очередь, определяло производство и потребности, то именно личное, индивидуальное отношение индивидов друг к другу, их взаимное отношение в качестве индивидов создало — и повседневно воссоздает — существующие отношения. Они вступали в общение друг с другом в качестве того, чем они были, они исходили «из себя», какими они были независимо от своего «жизнепонимания». Это «жизнепонимание» — даже в том искривлении, какое оно получает у философов, — всегда определялось, конечно, лишь их действительной жизнью. Отсюда, понятно, следует, что развитие индивида обусловлено развитием всех других индивидов, с которыми он находится в прямом или косвенном общении, и что различные поколения индивидов, вступающие в отношения друг с другом, связаны между собой, что физическое существование позднейших поколений определяется их предшественниками, что эти позднейшие поколения наследуют накопленные предшествовавшими поколениями производительные силы и формы общения, что определяет их собственные взаимоотношения. Словом, мы видим, что происходит развитие и что история отдельного индивида отнюдь не может быть оторвана от истории предшествовавших или современных ему индивидов, а определяется ею.

Преобразование индивидуального отношения в его противоположность — в чисто вещное отношение, различие индивидуаль-

ности и случайности самими индивидами, представляет собой, как мы уже показали, исторический процесс и принимает на различных ступенях развития различные, все более резкие и универсальные формы. В современную эпоху господство вещных отношений над индивидами, подавление индивидуальности случайностью приняло самую резкую, самую универсальную форму, поставив тем самым перед существующими индивидами вполне определенную задачу. Оно поставило перед ними задачу: вместо господства отношений и случайности над индивидами установить господство индивидов над случайностью и отношениями. Оно не выдвинуло, как воображает Санчо, требования, чтобы «Я развивало Себя», что до сих пор проделывал всякий индивид и без благого совета Санчо, а властно потребовало освобождения от вполне определенного способа развития. Эта диктуемая современными отношениями задача совпадает с задачей организовать общество на коммунистических началах.

Мы уже выше показали, что уничтожение того порядка, при котором отношения обособляются и противостоят индивидам, при котором индивидуальность подчинена случайности, при котором личные отношения индивидов подчинены общим классовым отношениям и т. д., — что уничтожение этого порядка обуславливается в конечном счете уничтожением разделения труда. Мы показали также, что уничтожение разделения труда обуславливается развитием общения и производительных сил до такой универсальности, когда частная собственность и разделение труда становятся для них оковами. Мы показали далее, что частная собственность может быть уничтожена только при условии всестороннего развития индивидов, потому что наличные формы общения и производительные силы всесторонни, и только всесторонне развивающиеся индивиды могут их присвоить, т. е. превратить в свою свободную жизнедеятельность. Мы показали, что в настоящее время индивиды *должны* уничтожить частную собственность, потому что производительные силы и формы общения развились настолько, что стали при господстве частной собственности разрушительными силами и потому что противоположность между классами достигла своих крайних пределов. Наконец, мы показали, что уничтожение частной собственности и разделения труда есть вместе с тем объединение индивидов на созданной современными производительными силами и мировыми сношениями основе.

В пределах коммунистического общества — единственного общества, где самобытное и свободное развитие индивидов перестает быть фразой, — это развитие обуславливается именно

связью индивидов, связью, заключающейся отчасти в экономических предпосылках, отчасти в необходимой солидарности свободного развития всех и, наконец, в универсальном характере деятельности индивидов на основе имеющихся производительных сил. Дело идет здесь, следовательно, об индивидах на определенной исторической ступени развития, а отнюдь не о любых случайных индивидах, не говоря уже о неизбежной коммунистической революции, которая сама есть общее условие их свободного развития. Сознание своих взаимоотношений также, конечно, станет у индивидов совершенно другим и не будет поэтому ни «принципом любви» или *dévouement*¹, ни эгоизмом.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Немецкая идеология.
Сочинения, т. 3, стр. 439—441.

2

Таким образом, здесь обнаруживаются два факта². Во-первых, производительные силы выступают как нечто совершенно независимое и оторванное от индивидов, как особый мир наряду с индивидами; причиной этому — то, что индивиды, силами которых они являются, раздроблены и противостоят друг другу, между тем как эти силы, со своей стороны, становятся действительными силами лишь в общении и во взаимной связи этих индивидов. Таким образом, на одной стороне — совокупность производительных сил, которые приняли как бы вещественный вид и являются для самих индивидов уже не силами индивидов, а силами частной собственности, — они, следовательно, являются силами индивидов лишь постольку, поскольку последние представляют собой частных собственников. Ни в один из прежних периодов производительные силы не принимали этой формы, безразличной к общению индивидов *в качестве* таковых, ибо само их общение было еще ограниченным. На другой стороне находится противостоящее этим производительным силам большинство индивидов, от которых эти силы оторвались, вследствие чего эти индивиды, лишившись всякого реального жизненного содержания, стали абстрактными индивидами, но лишь поэтому-то они и получают возможность вступить в связь друг с другом *в качестве индивидов*.

Единственная связь, в которой они еще находятся с производительными силами и со своим собственным существованием, —

¹ — самоотверженностью. *Ред.*

² Пометка Энгельса на полях: «Сисмонди». *Ред.*

труд, — потеряла у них всякую видимость самодеятельности и сохраняет их жизнь лишь тем, что калечит ее. Тогда как в прежние периоды самодеятельность и производство материальной жизни были разделены вследствие того, что они являлись уделом различных лиц, и производство материальной жизни еще считалось, в силу ограниченности самих индивидов, второстепенным видом самодеятельности, — теперь они настолько отделились друг от друга, что вообще материальная жизнь выступает как цель, а производство этой материальной жизни — труд (который представляет собой теперь единственно возможную, но, как мы видим, отрицательную форму самодеятельности) выступает как средство.

Таким образом, дело дошло теперь до того, что индивиды должны присвоить себе существующую совокупность производительных сил не только для того, чтобы добиться самодеятельности, но и вообще для того, чтобы обеспечить свое существование. Это присвоение прежде всего обусловлено тем объектом, который должен быть присвоен, производительными силами, которые развились в определенную совокупность и существуют только в рамках универсального общения. Уже в силу этого присвоение должно носить универсальный характер, соответствующий производительным силам и общению. Само присвоение этих сил представляет собой не что иное, как развитие индивидуальных способностей, соответствующих материальным орудиям производства. Уже по одному этому присвоение определенной совокупности орудий производства равносильно развитию определенной совокупности способностей у самих индивидов. Далее, это присвоение обусловлено присваивающими индивидами. Только современные пролетарии, совершенно оторванные от самодеятельности, в состоянии добиться своей полной, уже не ограниченной самодеятельности, которая заключается в присвоении совокупности производительных сил и в вытекающем отсюда развитии совокупности способностей. Все прежние революционные присвоения были ограниченными; индивиды, самодеятельность которых была скована ограниченным орудием производства и ограниченным общением, присваивали себе это ограниченное орудие производства и приходили в силу этого только к новой ограниченности. Их орудие производства становилось их собственностью, но сами они оставались подчиненными разделению труда и своему собственному орудию производства. При всех прошлых присвоениях масса индивидов оставалась подчиненной какому-нибудь единственному орудю производства; при пролетарском присвоении масса орудий производства должна быть подчинена

каждому индивиду, а собственность — всем индивидам. Современное универсальное общение не может быть подчинено индивиду никаким иным путем, как только тем, что оно будет подчинено всем им вместе.

Присвоение обусловлено, далее, тем способом, каким оно должно быть осуществлено. Оно может быть осуществлено лишь посредством объединения, которое в силу свойств, присущих самому пролетариату, может быть только универсальным, и посредством революции, в которой, с одной стороны, низвергается власть прежнего способа производства и общения, а также прежней структуры общества, с другой — развивается универсальный характер пролетариата и энергия, необходимая ему, чтобы осуществить это присвоение, причем пролетариат сбрасывает с себя все, что еще осталось у него от его прежнего общественного положения.

Только на этой ступени самостоятельность совпадает с материальной жизнью, что соответствует развитию индивидов в целостных индивидов и устранению всякой стихийности. Точно так же соответствуют друг другу превращение труда в самостоятельность и превращение прежнего вынужденного общения в такое общение, в котором участвуют индивиды как таковые. Присвоение всей совокупности производительных сил объединившимися индивидами уничтожает частную собственность. В то время как до сих пор в истории то или иное особое условие всегда выступало как случайное, теперь случайным становится само обособление индивидов, особая частная профессия того или другого индивида.

В индивидах, уже не подчиненных более разделению труда, философы видели идеал, которому они дали имя «Человек», и весь изображенный нами процесс развития они представляли в виде процесса развития «Человека», причем на место существовавших до сих пор в каждую историческую эпоху индивидов подставляли этого «Человека» и изображали его движущей силой истории. Таким образом, весь исторический процесс рассматривался как процесс самоотчуждения «Человека»; объясняется это, по существу, тем, что на место человека прошлой ступени они всегда подставляли среднего человека позднейшей ступени и наделяли прежних индивидов позднейшим сознанием. В результате такого переворачивания, заведомого абстрагирования от действительных условий и стало возможным превратить всю историю в процесс развития сознания.

3

На стр. 185 * Санчо поднимает важный вопрос:

«Но как обуздать нечеловека, который ведь сидит в каждом отдельном индивидуе? Как сделать, чтобы вместе с человеком не выпустить на волю и нечеловека? У либерализма есть смертельный враг, непобедимый антагонист, как у бога — дьявол: рядом с человеком всегда стоит нечеловек, эгоист, отдельный индивид. Государство, общество, человечество не могут одолеть этого дьявола».

«Когда же наступит конец тысячелетия, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань... И вышли на широту земли и окружили стан святых и город возлюбленный» (Откровение Иоанна, 20, 7—9).

Вопрос в том виде, как его понимает сам Санчо, сводится опять-таки к простой бессмыслице. Он воображает, будто до сих пор люди всегда составляли себе понятие о человеке, а затем завоевывали себе свободу в той лишь мере, в какой это необходимо было, чтобы осуществить в себе данное понятие, и будто мера завоеванной свободы определялась всякий раз их соответствующим представлением об идеале человека; при этом в каждом индивиду неизбежно сказывался-де некоторый остаток, который не соответствовал данному идеалу и поэтому в качестве «нечеловеческого» оставался неосвобожденным или же становился свободным лишь *malgré eux*¹.

В действительности же дело происходило, конечно, таким образом, что люди завоевывали себе свободу всякий раз постольку, поскольку это диктовалось им и допускалось не их идеалом человека, а существующими производительными силами. В основе всех происходивших до сих пор завоеваний свободы лежали, однако, ограниченные производительные силы; обусловленное этими производительными силами, недостаточное для всего общества производство делало возможным развитие лишь в том виде, что одни лица удовлетворяли свои потребности за счет других, и поэтому одни — меньшинство — получали монополию развития, другие же — большинство — вследствие постоянной борьбы за удовлетворение необходимейших потребностей были временно (т. е. до порождения новых революционизирующих производительных сил) лишены возможности какого бы то ни было развития. Таким образом, общество развивалось до сих пор всегда в рамках противоположности, которая в древности была противоположностью между свободными и рабами, в средние

¹ — помимо их воли. *Ред.*

века — между дворянством и крепостными, в новое время — между буржуазией и пролетариатом. Этим объясняется, с одной стороны, ненормальный, «нечеловеческий» способ удовлетворения угнетенным классом своих потребностей, а с другой — узость рамок, внутри которых происходило развитие общения, а с ним и всего господствующего класса; эта ограниченность развития состоит, таким образом, не только в том, что один класс отстраняется от развития, но и в умственной ограниченности того класса, который производит это отстранение: «нечеловеческое» становится уделом также и господствующего класса. — Это так называемое «нечеловеческое» — такой же продукт современных отношений, как и «человеческое»; это — их отрицательная сторона, это — возмущение, которое не основывается ни на какой новой революционной производительной силе и которое направлено против господствующих отношений, основанных на существующих производительных силах, и против способа удовлетворения потребностей, соответствующего этим отношениям. Положительное выражение «человеческий» соответствует определенным, господствующим на известной ступени развития производства отношениям и обусловленному ими способу удовлетворения потребностей, — подобно тому как отрицательное выражение «нечеловеческий» соответствует попыткам подвергнуть отрицанию внутри существующего способа производства эти господствующие отношения и господствующий при них способ удовлетворения потребностей, попыткам, которые ежедневно все вновь порождаются этой же самой ступенью производства.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Немецкая идеология.
Сочинения, т. 3, стр. 432—434.

АСКЕТИЗМ И НАСЛАЖДЕНИЕ

Философия, проповедующая наслаждение, является в Европе столь же древней, как и школа киренаиков. Как в древности стрельщиками этой философии были греки, так в новое время ими являются французы, и притом в силу тех же оснований, ибо их темперамент и их общество особенно предрасполагали их к наслаждению. Философия наслаждения всегда была лишь остроумной фразеологией известных общественных кругов, пользовавшихся привилегией наслаждения. Не говоря уже о том, что способ и содержание их наслаждения всегда определялись всем строем остального общества и страдали всеми его противоречиями, — философия наслаждения становилась пустой фразой,

как только она начинала претендовать на всеобщее значение и провозглашала себя жизнепониманием общества в целом. Она опускалась в этих случаях до уровня назидательного морализирования, до софистического прикрашивания существующего общества или же превращалась в свою противоположность, объявляя наслаждением вынужденный аскетизм.

В новое время философия наслаждения возникла вместе с упадком феодализма и превращением феодального сельского дворянства в жадную до наслаждений и расточительную придворную знать времен абсолютной монархии. У этой знати философия наслаждения сохраняет еще форму непосредственного наивного жизнепонимания, получившего свое выражение в мемуарах, стихах, романах и т. д. Настоящей философией она становится лишь у некоторых писателей революционной буржуазии, которые, с одной стороны, по своему образованию и образу жизни были причастны к придворным кругам, а с другой — разделяли более общий образ мыслей буржуазии, вытекавший из более общих условий существования этого класса. Они получили поэтому признание у обоих классов, хотя с совершенно различных точек зрения. Если у дворянства эта фразеология применяется исключительно к высшему сословию и условиям жизни этого сословия, то буржуазия обобщает ее и применяет к каждому индивиду без различия; таким образом, буржуазия абстрагирует теорию наслаждения от условий жизни этих индивидов, превращая ее тем самым в плоскую и лицемерную моральную доктрину. Когда дворянство было свергнуто дальнейшим ходом развития и буржуазия вступила в конфликт со своей противоположностью, пролетариатом, дворянство сделалось ханжески-религиозным, а буржуазия — возвышенно-моральной и строгой в своих теориях, либо же впала в упомянутое выше лицемерие, хотя дворянство на практике вовсе не отказалось от наслаждений, а у буржуазии наслаждение приняло даже официальную экономическую форму — форму *роскоши*¹.

¹ Далее в рукописи перечеркнуто: «В средние века наслаждения были полностью классифицированы; каждое сословие имело свои особые наслаждения и свой особый способ наслаждаться. Дворянство было сословием, обладавшим привилегией — жить исключительно для наслаждения, тогда как у буржуазии существовал уже разрыв между трудом и наслаждением, и наслаждение было подчинено труду. Крепостные — класс, предназначенный только для труда, — пользовались только крайне малочисленными и ограниченными наслаждениями, которые выпадали на их долю скорее случайно, зависели от прихоти их господ и от других случайных обстоятельств и едва ли могут приниматься в расчет. — При господстве буржуазии наслаждения восприняли свою форму от классов общества. Наслаждения буржуазии опре-

Связь наслаждений индивидов каждой эпохи с классовыми отношениями и порождающими их условиями производства и общения, в которых живут эти индивиды, ограниченность прежних форм наслаждения, находившихся вне действительного содержания жизни людей и в противоречии с ним, связь всякой философии наслаждения с находимыми ею в действительности формами наслаждения и лицемерие подобной философии, обращающейся ко всем индивидам без различия, — все это, конечно, могло быть вскрыто лишь тогда, когда можно было приступить к критике условий производства и общения существующего строя, т. е. когда противоположность между буржуазией и пролетариатом породила коммунистические и социалистические воззрения. Этим был вынесен смертный приговор всякой морали — будь то мораль аскетизма или наслаждения.

К. Маркс и Ф. Энгельс
Немецкая идеология.
Сочинения, т. 3, стр. 418—419.

ТРУД И ИГРА

Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в известной форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздей-

делялись материалом, произведенным этим классом на различных ступенях его развития, и им был придан — как индивидами, так и усиливающимся подчинением наслаждений денежной наживе — тот скучный характер, каким они отличаются до сих пор. Наслаждения пролетариата, — из-за длинного рабочего дня, в силу чего потребность в наслаждении была доведена до высшей точки, а, с другой стороны, благодаря качественной и количественной ограниченности доступных для пролетариев наслаждений, — приобрели свою нынешнюю грубую форму. — Наслаждения всех существовавших до сих пор сословий и классов должны были вообще быть либо ребяческими, утомительными, либо грубыми, потому что они всегда были оторваны от общей жизнедеятельности индивидов, от подлинного содержания их жизни и более или менее сводились к тому, что бессодержательной деятельности давалось мнимое содержание. Критика этих существующих до сих пор наслаждений могла, конечно, начаться лишь тогда, когда противоположность между буржуазией и пролетариатом развилась настолько, что возможной стала и критика существующего способа производств и общения».

Ред.

ствуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в последней способности и подчиняет игру этих сил своей собственной власти. Мы не будем рассматривать здесь первых живоотнообразных инстинктивных форм труда. По сравнению с таким состоянием общества, когда рабочий выступает на товарном рынке как продавец своей собственной рабочей силы, то состояние, когда человеческий труд еще не освободился от своей примитивной, инстинктивной формы, относится к глубинам первобытных времен. Мы предполагаем труд в такой форме, в которой он составляет исключительное достояние человека. Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении работника, т. е. идеально. Работник отличается от пчелы не только тем, что изменяет форму того, что дано природой: в том, что дано природой, он осуществляет в то же время и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю. И это подчинение не есть единичный акт. Кроме напряжения тех органов, которыми выполняется труд, во все время труда необходима целесообразная воля, выражающаяся во внимании, и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно, чем меньше рабочий наслаждается трудом как игрой физических и интеллектуальных сил.

К. М а р к с. Капитал, т. I.
Госполитиздат, 1950, стр. 184 — 185.

ЦАРСТВО СВОБОДЫ И МАТЕРИАЛЬНЫЙ ТРУД

1

Обмен живого труда на овеществленный, т. е. утверждение (setzen) общественного труда в форме противоположности капитала и наемного труда, есть последняя ступень развития *отношения стоимости* и основанного на стоимости производства. Его предпосылкой была и остается масса непосредственного рабочего времени, количество затраченного труда, как решаю-

щий фактор производства богатства. Но по мере развития крупной промышленности создание действительного богатства становится менее зависимым от рабочего времени и количества затраченного труда, чем от мощности агентов, приводимых в действие на протяжении рабочего времени, агентов, которые сами — могучая производительность которых сама в свою очередь не находится в соответствии с тем непосредственным рабочим временем, которого стоит их производство, а зависит от общего состояния науки и от степени развития технологии или от применения этой науки к производству. (Само развитие этой науки, особенно естествознания, а вместе с ним и всех остальных наук, находится в свою очередь в соответствии с развитием материального производства.)

Земледелие, например, превращается просто в применение науки о материальном обмене веществ, — как наиболее выгодно для всего общественного тела регулировать этот обмен веществ. Наоборот, действительное богатство — и это обнажает крупная промышленность — выступает в вопиющем несоответствии между затраченным рабочим временем и его продуктом, равно как в качественном несоответствии между низведенным к чистой абстракции трудом и могучей силой того производственного процесса, за которым он надзирает. Труд выступает уже не столько заключенным в процесс производства, сколько таким, при котором человек является по отношению к самому процессу производства его надзирателем и регулятором. (Что относится к машинному производству, то действительно также для сочетания различных видов человеческой деятельности и для развития человеческих отношений.)

Рабочий уже не тот, каким он был, когда вклинивал видоизмененный предмет природы между собой и предметом труда; теперь он вклинивает между собой и неорганической природой, которой он овладевает, — естественный процесс, который он преобразует в промышленный. Он становится рядом с процессом производства, вместо того чтобы быть его главным агентом. В этом преобразовании ни тот непосредственный труд, который выполняется самим человеком, ни то время, которое он трудится, а усвоение своей собственной, всеобщей производительной силы, его понимание природы и овладение благодаря его существованию в качестве общественного тела, одним словом, развитие общественного индивида — вот что выступает в качестве основного устоя производства и богатства.

Тот грабёж чужого рабочего времени, на котором держится нынешнее богатство, представляется жалкой основой в сравне-

нии с этой наново развитой, созданной самой крупной промышленностью основой. Поскольку труд в непосредственной форме перестает составлять основной источник богатства, рабочее время перестает и должно перестать служить его мерилом, а в силу этого и меновая стоимость — мерилом потребительной стоимости. *Прибавочный труд масс* точно так же перестает быть условием для развития всеобщего богатства, как *безделие немногих* перестает быть условием для развития всеобщих сил человеческой головы.

Благодаря этому рушится производство, основанное на меновой стоимости, а с самого непосредственного процесса материального производства совлекается его форма антагонистичности и производства только для утоления самых элементарных нужд. Свободное развитие индивидуальностей; поэтому — не сокращение необходимого рабочего времени ради увеличения прибавочного труда, а вообще сведение необходимого труда общества к минимуму. Этому тогда соответствует художественное, научное и т. д. воспитание индивидов в свободное для всех них время и средствами, сделавшимися доступными для всех.

Из неопубликованных рукописей
К. Маркса.
«Большевик», 1939, № 11—12,
стр. 61—62.

2

Действительная экономия — сбережение — состоит в сбережении рабочего времени (минимум (и сведение к минимуму) издержек производства); это сбережение тождественно с развитием производительной силы. Стало быть — отнюдь не *отречение от наслаждений*, а развитие силы, развитие способностей к производству и следовательно развитие как способностей, так и средств для наслаждения. Способность наслаждаться есть условие для того, чтобы наслаждаться, есть, стало быть, первейшее средство для наслаждения, и эта способность есть развитие известного индивидуального задатка, известной индивидуальной производительной силы. Сбережение рабочего времени равносильно увеличению свободного времени, т. е. времени для того полного развития индивида, которое само в свою очередь как величайшая производительная сила обратно воздействует на производительную силу труда. С точки зрения непосредственного процесса производства это сбережение можно рассматривать как производство *основного капитала*; этим основным капиталом является сам человек.

Между прочим, само собой разумеется, что непосредственное рабочее время не может оставаться в той абстрактной противоположности к свободному времени, в какой оно выступает на почве буржуазной экономики. Труд не может превратиться в игру, как того хочет Фурье, за которым сохраняется та великая заслуга, что он объявил решающей задачей поднятие на высшую ступень самого способа производства, а не только распределения. Свободное время, являющееся как временем досуга, так и временем для осуществления более возвышенной деятельности, конечно, превращает того, кто им располагает, в иного субъекта, и как иной субъект он и вступает в непосредственный процесс производства. Последний является вместе с тем школой дисциплины, с точки зрения его воздействия на формирующегося человека, а по отношению к человеку сложившемуся, в голове которого закреплены накопленные обществом знания, он в то же время является поприщем практического применения сил, экспериментальной наукой, материально-творческой и предметно-воплощающейся наукой. И для того, и для другого он является телесным упражнением, поскольку для выполнения работы требуется практически приложить к делу руку и поскольку выполнение труда, как в земледелии, связано с передвижением.

Из неопубликованных рукописей
К. Маркса.
«Большевик», 1939, № 11—12, стр. 64—
65.

3

Мы видели, что капиталистический процесс производства есть исторически определенная форма общественного процесса производства вообще. Этот последний есть одновременно и процесс производства материальных условий существования человеческой жизни, и протекающий в специфических историко-экономических отношениях производства процесс производства и воспроизводства самих производственных отношений, а тем самым и носителей этого процесса, материальных условий их существования и взаимных их отношений, т. е. определенной общественно-экономической формы последних. Ибо совокупность этих отношений, в которых носители этого производства находятся к природе и к друг другу и в которых они производят — эта совокупность как раз и есть общество, рассматриваемое с точки зрения его экономической структуры. Капиталистический процесс производства, подобно всем его предшествен-

никам, протекает в определенных материальных условиях, являющихся, однако, в то же время носителями определенных общественных отношений, в которые вступают индивидуумы в процессе воспроизводства своей жизни. Как те условия, так и эти отношения являются, с одной стороны, предпосылками, с другой стороны — результатами и продуктами капиталистического процесса производства; они производятся и воспроизводятся последним. Далее мы видели: капитал, — а капиталист есть лишь персонифицированный капитал, — функционирует в процессе производства лишь как носитель капитала — итак, капитал выкачивает в соответствующем ему общественном процессе производства из непосредственных производителей или рабочих определенное количество прибавочного труда, который он получает без эквивалента и который по своей сущности всегда остается принудительным трудом, хотя бы он и казался результатом свободного договорного соглашения. Этот прибавочный труд выражается в прибавочной стоимости, и эта прибавочная стоимость существует в прибавочном продукте. Прибавочный труд вообще, как труд сверх меры данных потребностей, всегда должен существовать. Но при капиталистической, как и при рабской системе и т. д. он имеет только антагонистическую форму и дополняется полной праздностью известной части общества. Определенное количество прибавочного труда требуется в качестве страхования против случайностей, вследствие необходимого, соответствующего развитию потребностей и прогрессу [Fortschritt] населения прогрессивного расширения процесса воспроизводства, что с капиталистической точки зрения называется накоплением. Одна из цивилизаторских сторон капитала заключается в том, что он принуждает к этому прибавочному труду таким способом и при таких условиях, которые для развития производительных сил, общественных отношений и для создания элементов высшей новой формы [höhere Neubildung] выгоднее, чем при прежних формах рабства, крепостничества и т. д. Он приводит, таким образом, с одной стороны, к ступени, на которой отпадают принуждение и монополизация общественного развития (включая сюда его материальные и интеллектуальные выгоды) одной частью общества за счет другой; с другой стороны, эта ступень создает материальные средства и зародыш для отношений, которые в более высокой форме общества дадут возможность соединить этот прибавочный труд с более значительным ограничением времени, посвященного материальному труду вообще. Потому что, в зависимости от развития производительной силы труда, прибавочный труд может быть велик при малой общей продол-

жительности рабочего дня и относительно мал при большой общей продолжительности рабочего дня. Если необходимое рабочее время = 3 и прибавочный труд = 3, то весь рабочий день = 6, и норма прибавочного труда = 100%. Если необходимый труд = 9 и прибавочный труд = 3, то весь рабочий день = 12, а норма прибавочного труда = только 33 $\frac{1}{3}$ %. Таким образом от производительности труда зависит, сколько потребительной стоимости производится в течение определенного времени, а следовательно, также в течение определенного прибавочного рабочего времени. Следовательно, действительное богатство общества и возможность постоянного расширения процесса его воспроизводства зависит не от продолжительности прибавочного труда, а от его производительности и от большего или меньшего изобилия тех условий производства, при которых он совершается. Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как дикарь, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться цивилизованный, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С его развитием расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что социализированный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он как слепая сила господствовал над ним; совершают его с наименьшей затратой силы и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческой силы, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня — основное условие.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА
И ЛИТЕРАТУРЫ
В ОТДЕЛЬНЫХ
ЗАМЕЧАНИЯХ
МАРКСА и ЭНГЕЛЬСА

ДРЕВНИЙ МИР

ПЕРВЫЕ ШАГИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

С постепенным потеплением климата, после второго периода обледенения, человек появляется во всей Европе, Северной Африке и Передней Азии, а также в Индии вместе с вымершими крупными толстокожими (мамонт, слон с прямыми бивнями, покрытый шерстью носорог) и хищными животными (пещерный лев, пещерный медведь), а также с животными, еще существующими в настоящее время (северный олень, лошадь, гиена, лев, бизон, зубр). Орудия этой эпохи указывают на крайне низкую степень культурного развития: совсем неотделанные каменные ножи, грушевидные каменные колуны или топоры, употреблявшиеся без рукоятки, скребки для очистки звериных шкур, сверла, все из кремня, несколько напоминающие стадию развития современных туземцев Австралии. Найденные до сих пор остатки костей не позволяют сделать заключение о строении тела этих людей; их широкое распространение и повсеместно единообразная культура дают основание считать этот период очень продолжительным.

Что случилось с этими людьми раннего палеолита, мы не знаем. Ни в одной из тех стран, где они появлялись, в том числе и в Индии, не сохранилось человеческих рас, которые могли бы служить их представителями среди современного человечества.

В пещерах Англии, Франции, Швейцарии, Бельгии и Южной Германии орудия этих вымерших людей встречаются большей частью только в низших слоях отложений почвы. Над этим низшим культурным слоем находится второе наслоение, содержащее орудия и отделенное от первого более или менее толстым пластом сталактита. Эти орудия, принадлежащие более поздней эпохе, сделаны уже с гораздо большим умением и притом из

более разнообразного материала. Каменные орудия, правда, еще не отшлифованы, но уже целесообразнее по замыслу и по выполнению; тут же находятся острия стрел и копий из камня, рога северного оленя, кости, кинжалы и иглы для шитья из кости и оленьего рога, ожерелья из продырявленных зубов животных и т. д. На отдельных более крупных орудиях мы находим иногда очень живые изображения животных — северного оленя, мамонта, зубра, тюленя, кита, — охотничьих сцен с фигурами голых людей и даже начатки скульптуры из рога.

Одновременно с людьми раннего палеолита мы встречаем животных преимущественно южного происхождения, тогда как в поздний палеолит наряду с человеком появляются животные северного происхождения: два еще существующих в настоящее время вида медведя, песец, росомаха, белая сова. Вместе с этими животными переселились, вероятно, с северо-востока и эти люди; последние их современные остатки — это, по-видимому, эскимосы. В орудиях тех и других полное сходство не только по отдельным видам, но и по всей группе; то же и в рисунках; пищу добывали они почти от одних и тех же видов животных; их образ жизни, насколько мы его можем установить для исчезнувшей расы, почти одинаковый.

Ф. Энгельс. К истории древних германцев.
Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 339—340.

НАЧАЛО МИФОЛОГИИ И ЭПОСА

Период дикости и низшая ступень периода варварства — эти два этнических периода обнимают, по крайней мере, $\frac{4}{5}$ всей жизни человечества на земле.

На низшей ступени варварства начали развиваться высшие свойства человека. *Личное достоинство, красноречие, религиозное чувство, прямота, мужество, храбрость стали теперь общими чертами характера, но вместе с ними появились жестокость, предательство и фанатизм. В области религии имеет место почитание стихий с смутным представлением о личных божествах и о великом духе; примитивное стихосложение, общие дома и хлеб из маиса* — все это относится к этому периоду. Он дал также *синдиасмическую семью и конфедерацию племен, организованных в фратрии и роды. Воображение, этот великий дар, так много содействовавший развитию человечества, начало*

теперь создавать неписанную литературу мифов, легенд и преданий, оказывая уже могущественное влияние на человеческий род.

К. Маркс. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество». Архив Маркса и Энгельса, т. IX, стр. 45.

ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ДРЕВНИХ СЕМИТОВ

Там, где арабы жили оседло, на юго-западе, они были по всем видимостям таким же цивилизованным народом, как египтяне, ассирийцы и т. д.; это доказывают их постройки. Это также объясняет многое в магометанском нашествии. Что касается религиозного надувательства, то из древних южноарабских надписей, в которых еще господствует древняя национально-арабская традиция монотеизма — незначительной частью которой является еврейская — (как у американских индейцев), вытекает, что религиозная революция Магомета была, как и всякое религиозное движение, в *формальном отношении реакционной*, т. е. мнимым возвратом к старому, простому.

Что иудейское так называемое священное писание было не чем иным, как записью древнеарабских религиозных и племенных традиций, несколько видоизмененных ранним отделением иудеев от соплеменных им, но еще кочующих соседей, — это мне теперь совершенно ясно. То обстоятельство, что Палестина окружена с арабской стороны пустыней, страной бедуинов, объясняет своеобразный ход ее развития. Но древнеарабские надписи, традиции и Коран, а равно и та легкость, с которой распутываются все генеалогии и т. п., доказывают, что главное содержание было арабского или, вернее, общесемитического характера, как еще у нас Эдда или немецкий героический эпос.

Ф. Энгельс — К. Марксу [около 18 мая 1853 г.]
Сочинения, т. XXI, стр. 484.

ИСКУССТВО ДРЕВНИХ АЗИАТСКИХ НАРОДОВ

В колоссальном масштабе действие простой кооперации обнаруживается в тех гигантских сооружениях, которые были воздвигнуты древними азиатскими народами, египтянами, этру-

сками и т. д. «В старые времена случалось, что эти азиатские государства, за погашением расходов на свои гражданские и военные надобности, оказывались обладателями некоторого избытка жизненных средств, которые они могли употреблять на великолепные или общепользные сооружения. Благодаря тому, что в их власти находились рабочие руки почти всего неземледельческого населения... и благодаря тому, что исключительное право распоряжаться указанными избытками принадлежало монарху и жрецам, они располагали средствами для возведения тех мощных монументов, которыми они наполнили страну... При постановке колоссальных статуй и переноске огромных тяжестей, передвижение которых вызывает изумление, самым тщательным образом применялся почти исключительно человеческий труд... Для этого достаточно было большого числа рабочих и сосредоточения их усилий. Так из глубины океана поднимаются мощные коралловые рифы и образуют острова и сушу, несмотря на то, что каждый индивидуальный участник (depository) этого процесса ничтожен, слаб и жалок. Неземледельческие рабочие азиатской монархии могли внести в дело почти исключительно одни только свои индивидуальные физические силы, но самая их численность была силой, и мощь единого управления этими массами положила начало вышеупомянутым гигантским сооружениям. Только благодаря концентрации в руках одного или немногих лиц тех доходов, на счет которых жили рабочие, были возможны такого рода предприятия»¹. Эта власть азиатских и египетских царей или этрусских жрецов и т. п. перешла в современном обществе к капиталисту; причем безразлично, выступает ли этот последний в виде отдельного капиталиста или в виде капиталиста комбинированного, как в акционерных обществах.

К. Маркс. Капитал, т. I.
Госполитиздат, 1950, стр. 340.

¹ R. Jones: «Text-book of Lectures etc». Hertford 1852, стр. 77, 78. (Ср. Ричард Джонс: «Экономические сочинения», Соцэкгиз, 1937, стр. 348, 349.) Староассирийские, египетские и т. п. коллекции в Лондоне и других европейских столицах делают нас свидетелями этих кооперативных процессов труда.

АНТИЧНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

ДРЕВНЕЙШЕЕ ГРЕЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ПОЭМАХ ГОМЕРА

1

Полный расцвет высшей ступени варварства выступает перед нами в поэзии Гомера, особенно в «Илиаде». Усовершенствованные железные орудия, кузнечный мех, ручная мельница, гончарный круг, приготовление масла и вина, развитая обработка металлов, переходящая в художественное ремесло, повозка и боевая колесница, постройка судов из бревен и досок, зачатки архитектуры как искусства, города с зубчатыми стенами и башнями, гомеровский эпос и вся мифология — вот главное наследство, которое греки перенесли из варварства в цивилизацию. Сравнивая с этим данное Цезарем и даже Тацитом описание германцев, стоявших в начале той самой ступени культуры, из которой готовились перейти в высшую гомеровские греки, мы видим, какое богатое развитие производства обнимает высшая степень варварства.

Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства.
Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 13.

2

В «Илиаде» (V, 20) упоминается об *изгородях вокруг возделанных полей*, об *огороженном участке в пятьдесят акров* (πεντήκονταβύρος), половина которого предназначена для *виноградника*, половина — для *посева* (IX, 577). Тидей жил во дворце, полном богатств, и в избытке владел полями пшеницы (XIV, 121).

(*Морган* ошибается, если думает, что *одно лишь огораживание* уже указывает на наличие частной собственности на землю.) Различались уже *известные породы лошадей* по их особым качествам (V, 261). «Бесчисленные стада овец богатого человека стоят в загородах» (IV, 433).

Чеканная монета была еще неизвестна, поэтому *торговля* была еще *меновою*, как показывают следующие стихи:

«С тех пор длинноволосые греки стали покупать вино: Одни за бронзу, другие за блестящее железо, Третьи за шкуры быков, четвертые за самих быков, Пятые за рабов» («Илиада», VII, 472--475).

Здесь { бронза
железо
шкуры = вино
быки
рабы } (III эквивалентная форма, где вино = деньги) ; и вино = бронза или железо или шкуры или быки (II эквивалентная форма).

Упоминается золото в слитках, которые принимались по весу и оценивались в талантах («Илиада», XII, 274. В цитированном Морганом месте этого нет)¹.

Упоминаются: предметы, сделанные из золота, серебра, меди и железа, разнообразные ткани из льна и шерсти, дома, дворцы и т. д.

К. Маркс. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество». Архив Маркса и Энгельса, т. IX, стр. 51.

3

В героический период у афинского народа существовало три координированных органа власти: 1) совет вождей (βουλῆ); 2) народное собрание (ἄφορᾶ); 3) главный военачальник, басилевс (βασιλεύς).

1) Совет вождей (βουλῆ); непрерывность его существования — основная черта общественной системы афинян; ему принадлежала решающая, верховная власть; вероятно, и у них он состоял из вождей родов; по отношению к ним должен был производиться отбор, так как их число было обыкновенно меньше числа родов. Совет был также законодательным органом, представлявшим главнейшие роды; возрастающее значение басилевса и вновь созданные военные и гражданские должности, вместе с увеличением населения и богатства, могли уменьшить значение совета, однако он не мог быть уничтожен без радикального изменения общественного строя. Из сказанного {о роли совета} следует, что каждое должностное лицо должно было быть ответственным перед советом в своей служебной деятельности.

Дионисий («Римская археология», 2, XII, говорит:

«Этот греческий обычай состоял в следующем, при царях, которые получили наследственную власть и которых назначил своими вождями сам народ, был совет, состоявший из наиболее влиятельных лиц, как об этом свидетельствуют Гомер и древнейшие поэты. Таким образом, правление древних царей не было самовольным и единорешающим, как в наше время».

¹ У Моргана опечатка, надо: XIX, 247. Ред.

У Эсхила в «*Ἰπτά ἐπὶ Θήβας*» («Семеро против Фив») говорится, что после того как *оба брата пали* (Этеокл — военачальник Фив и его брат, Полиник — один из семи предводителей, осадивших город), явился глашатай от совета и сообщил хору (возражая в то же время Антигоне и Исмене) *мнение и решение* [*δοκοῦντα* (то, что совет считает необходимым сделать) и *δοξάουσα* (то, что он решил)] совета города Фив, состоявшего из вождей наиболее выдающихся родов. Соответствующее место у Эсхила: стихи 1007—1010:

«Я должен возвестить мнение и решение
Народных советников города Кадма.
Решено похоронить Этеокла за его любовь к стране
Среди родных могил» и т. д.

2) *Агора* (*ἀγορά*) существовала уже в героический период — народное собрание. (Ходить на народные собрания и на войну. У Гомера о разгневанном Ахиллесе говорится:

«Он не ходил ни на народные собрания,
Мужей покрывающие славой, ни на войну». («Илиада», I, 490, 491).

Агора — учреждение более позднее, чем совет вождей [последний первоначально, как мы это видели у ирокезов, уже напоминал собой агору, поскольку на его собраниях *всегда* присутствовало много народу, и народ (не исключая и женщины) мог на них *высказываться*]; она имела право принимать или отвергать предлагаемые ей советом общественные мероприятия. *Агора* — у Гомера и в греческих трагедиях — имеет те же характерные черты, которые сохранились и позднее в экклесии афинян и *comitia curiata* римлян. В героический период *агора* была постоянным явлением у греческих племен [то же у германцев, на высшей ступени варварства]. Каждый мог высказываться в народном собрании; решение принималось в старые времена обыкновенно *поднятием рук*.

У Эсхила, «*Просительницы*» —

Хор (*χορὸς*) спрашивает:

«Куда склоняется властвующая рука
народа?»

Данай отвечает:

«Аргивяне решили без всяких колебаний так,
Что помолодело мое старческое сердце,
Ведь при голосовании все подняли правые руки,
Воздух сотрясся от такого решения».

Стихи 616—623

3) *Басилевс*. [Европейские ученые, в большинстве своем прирожденные придворные лакеи, превращают басилевса в монарха в современном смысле слова. Против этого протестует республиканец-янки *Морган*. Он говорит весьма иронически, но вполне справедливо о елейном *Гладстоне*: «Г-н Гладстон преподносит своим читателям* [в книге «Юность мира»] греческих вождей героического периода в виде царей и князей, падеяля их в *придачу* качествами джентльменов (дворян-помещиков), но он сам должен признать, что «в общем, *обычай или закон первородства* мы находим у них, кажется, достаточно, но не слишком резко выраженным».]

По поводу *агоры*, как она описывается у Гомера, *Шёман* говорит следующее (назв. соч., 1, 27*): «*Нигде не говорится о формальном голосовании народа*: только путем громкого крика собрание выражает свое одобрение или недовольство по поводу внесенного предложения; и, когда речь идет о деле, для выполнения которого требуется участие народа, *Гомер не указывает нам никакого способа, которым можно было бы принудить к этому народ против его воли*».

Еще вопрос: переходила ли должность басилевса по *наследству* от отца к сыну. На низшей ступени варварства *должность вождя была наследственна в роде*, т. е., как только открывалась вакансия, она замещалась из среды членов данного рода. Там, где происхождение считалось по женской линии, как у ирокезов, преемником умершего вождя большей частью избирался его родной брат; там, где происхождение считалось по мужской линии, как у *оджибвеев и омаха*, — старший сын. Переход должности к этим лицам, если против них не было возражений, стал правилом, но принцип избрания продолжал существовать. Таким образом, одно только фактическое наследование должности {басилевса} старшим сыном или одним из сыновей (если их было несколько) еще не доказывает существования «наследственного права», так как и при свободном избрании сын, согласно обычаю, был вероятным преемником своего отца. Поэтому у греков, в соответствии с их родовыми учреждениями, следует предполагать либо свободное избрание, либо утверждение басилевса в его должности народом через посредство признанных им организаций, подобно римскому рексу. В таком случае так называемый наследник не мог вступить в должность без выбора или утверждения, а право (со стороны народа) выбирать или утверждать заключало в себе и право смещать.

Что касается знаменитого отрывка из «Илиады», кн. II, стихи 203—206 (на котором и Грот основывает свои «роялистические» взгляды):

«Все мы, ахейцы, никак не можем здесь властвовать.
Не хорошо многовластие. Пусть будет один повелитель,
Один басилевс, которому сын хитроумного Крона дал
[Скипетр и законы, чтобы он повелевал нами]», —

то надо прежде всего заметить следующее: Агамемнон, в пользу которого Одиссей говорит в приведенном отрывке, выступает в «Илиаде» лишь как главный военачальник, командующий войском перед осажденным городом. Стих, заключенный в скобки, отсутствует во многих рукописях, например, в комментарии Евстафия. Одиссей не читает здесь лекции о форме правления, монархической или какой-либо другой, а требует «повиновения» главнокомандующему на войне. Принимая во внимание, что греки под Троей представляли собою только войско, {мы можем сказать, что} в агоре царили довольно демократические порядки; Ахилл, говоря о «подарках», т. е. о дележе добычи, эту задачу всегда возлагает не на Агамемнона или какого-нибудь другого басилевса, но на сынов ахеев, т. е. на народ. Эпитеты «Зевсом рожденный» (δίογενής) или «Зевсом вскормленный» (διотρεφής) также ничего не доказывает, так как каждый род ведет свое происхождение от какого-либо бога, а род главы племени даже от более знатного бога (в данном случае — от Зевса); даже лично несвободные люди, как, например, свинопас Эвмей и коровий пастух Филотий, являются «божественными» (δίοι и δειοί), и это в «Одиссее», следовательно, значительно позднее времени, описываемого в «Илиаде»; в той же «Одиссее» название «герой» (ἦρως) дается также герольду Милию, слепому певцу Демодокку и т. д.; термин «койранос» (κοίρανος), который Одиссей применяет по отношению к Агамемнону, наряду с термином «басилевс» также означает только «командующий войском на войне». «Басилейя» — слово, которое греческие писатели употребляют для обозначения гомеровской царской власти (потому что ее главный отличительный признак — военное предводительство), при наличии совета вождей (βουλή) и народного собрания (ἀγορά), только разновидность военной демократии.

Фратрия, как и у американцев, была первоначальным родом, объединяющим несколько выделившихся из него дочерних родов, и часто еще все их выводила от общего родоначальника. Так, по Гроту, «все современники, члены фратрии Гекатея признавали одного и того же бога своим родоначальником в шестнадцатом колене»; все роды этой фратрии были поэтому буквально братскими родами. Фратрия встречается еще у Гомера в качестве военной единицы в знаменитом месте, где Нестор советует Агамемнону: «Построй людей по племенам* и фратриям так, чтобы фратрия помогала фратрии, племя племени». Фратрия, кроме того, имела право и была обязана преследовать за убийство члена фратрии; следовательно, в более раннюю эпоху на ней лежала также обязанность кровной мести. У нее, далее, были общие святыни и празднества, и развитие всей греческой мифологии из принесенного ею с собой древнеарийского культа природы в основном обязано родам и фратриям, и внутри их это развитие продолжалось. Далее, фратрия имела старшину (фратриарха) и, согласно де-Куланжу, общие собрания, принимала обязательные решения, обладала судебной и административной властью. Даже позднейшее государство, игнорировавшее род, оставило за фратрией некоторые общественные функции административного характера.

Несколько родственных фратрий образуют племя. В Аттике было четыре племени, в каждом племени — по три фратрии и в каждой фратрии — по тридцати родов. Такое точное определение групп предполагает сознательное и планомерное вмешательство в естественно создавшийся порядок вещей. Как, когда и почему это произошло, — об этом умалчивает греческая история, о которой и у самих греков не сохранилось воспоминаний, шедших в глубь времен далее героической эпохи.

Различия в диалектах у греков, тесно расположившихся на сравнительно небольшой территории, развились гораздо меньше, чем в обширных американских лесах; однако и здесь мы видим, что в одно большое целое соединились лишь племена с одинаковым основным наречием, и даже в маленькой Аттике встречаем особый диалект, который впоследствии приобрел господство в качестве общего языка для всей греческой прозы.

В поэмах Гомера мы находим греческие племена в большинстве случаев уже объединенными в небольшие народности, внутри которых, однако, еще вполне сохраняют свою самостоятельность роды, фратрии и племена. Они жили уже в городах, укреп-

ленных стенами; численность населения возрастала вместе с ростом стад, расширением земледелия и появлением ремесла; вместе с тем росли имущественные различия, а с ними и аристократический элемент внутри древней первобытной демократии. Отдельные народцы вели непрерывные войны из-за лучших земельных участков и военной добычи; рабство военнопленных было уже признанным учреждением.

Общественный строй этих племен и народцев был следующий:

1. Постоянным органом власти был *совет*, *bulê*, первоначально, по-видимому, состоявший из старшин родов, позднее же, когда число их слишком возросло, — из особых избранников, которые и послужили основой для образования и укрепления аристократического элемента; так именно и Дионисий изображает нам совет героической эпохи* состоящим из знатных (*kra-tistoi*). В важных вопросах совет принимает окончательные решения; так, например, у Эсхила фиванский совет* принимает постановление, которое при данных обстоятельствах имеет решающее значение, постановление устроить Этеоклу почетные похороны, а труп Полиника выбросить на съедение собакам. Впоследствии, когда было создано государство, этот совет превратился в сенат.

2. *Народное собрание* (*agora*). У ирокезов мы видели, что народ, мужчины и женщины, окружают собрание совета и, в установленном порядке участвуя в обсуждении, влияют таким образом на его решения. У гомеровских греков этот «Umstand» [стоящие вокруг люди], употребляя древнегерманское судебное выражение, развился уже в настоящее народное собрание, как это имело место также у древних германцев. Оно созывалось советом для решения важных вопросов; каждый мужчина мог брать слово. Решение принималось поднятием рук (у Эсхила в «Молящих защиты»*) или криком. Собранию принадлежала в последней инстанции верховная власть, ибо, как говорит Шёман («Греческие древности»), «когда идет речь о деле, для выполнения которого требуется участие народа, Гомер не указывает нам никакого способа, которым можно было бы принудить к этому народ против его воли». Ведь в это время, когда каждый взрослый мужчина в племени был воином, не существовало еще отдельной от народа общественной власти, которая могла бы быть ему противопоставлена. Первобытная демократия находилась еще в полном расцвете, и из этого мы должны исходить при суждении о власти и роли как совета, так и базилевса.

3. *Военачальник* (*Basileus*). Маркс замечает по этому поводу: «Европейские ученые, в большинстве своем прирожденные при-

дворные лакеи, превращают базилевса в монарха в современном смысле слова. Против этого протестует республиканец-янки Морган. Он говорит с иронией*, но вполне справедливо о елейном г. Гладстоне и его «*Juventus Mundi*» [«Юности мира»]: «Г-н Гладстон изображает нам греческих предводителей героической эпохи в виде королей и князей, добавляя в придачу, что они были также джепльменами; но он сам должен признать, что обычай или право первородства мы находим у них как будто достаточно, но не слишком отчетливо выраженным». Надо полагать, что право первородства с такими оговорками самому г. Гладстону покажется достаточно, хотя и не слишком отчетливо, лишенным всякого значения.

Мы видели уже, как обстояло дело с наследственностью должностей старшин у ирокезов и других индейцев. Все должности были выборными в большинстве случаев внутри рода и постольку были наследственными в пределах рода. При замещении освободившихся должностей стали мало-помалу отдавать предпочтение ближайшему сородичу — брату или сыну сестры, если не было причин обойти его. Поэтому, если у греков при господстве отцовского права должность базилевса обычно переходила к сыну или к одному из сыновей, то это лишь доказывает, что сыновья могли рассчитывать на наследование в силу народного избрания, но отнюдь не служит доказательством законного наследования, помимо такого избрания. В данном случае мы находим у ирокезов и греков первый зародыш особых знатных семей внутри рода, а у греков к тому же еще и первый зародыш будущего наследственного предводительства, или монархии. Поэтому следует предположить, что у греков базилевс или избирался народом, или же должен был утверждаться его признанными органами — советом или агорой, как это практиковалось по отношению к римскому «царю» (rex).

В «Илиаде» «владыка мужей» Агамемнон выступает не как верховный царь греков, а как верховный вождь союзного войска перед осажденным городом. На это его положение указывает в известном месте Одиссей*, когда среди греков возникли раздоры: Нехорошо многовластие, один должен быть вождем и т. д. (далее еще излюбленный, позднее добавленный стих с упоминанием о скипетре). «Одиссей не читает здесь лекции о форме правления, а требует повиновения верховному вождю на войне. У греков, которые под Троей представляли из себя только войско, на собрании (агога) царят довольно демократические порядки: Ахиллес, говоря о подарках, т. е. о дележе добычи, эту задачу всегда возлагает не на Агамемнона или какого-нибудь

другого базилевса, но на «сынов ахейн»*, т. е. на народ. Эпитеты: «Зевсом рожденный», «Зевсом вскормленный» ничего не доказывают, так как *каждый* род ведет свое происхождение от одного из богов, а род главы племени уже от «более благородного» бога, в данном случае — от Зевса. Даже лично несвободные, как, например, свинопас Эвмей, являются «божественными»* (dioi и theioi), и это в «Одиссее», следовательно, значительно позднее, чем время «Илиады»; в той же «Одиссее» название «герой» дается еще герольду Милию, так же как и слепому певцу Демодоксу*. Одним словом, выражение *basileia*, которое греческие писатели употребляют для обозначения гомеровского так называемого царства (потому что его главный отличительный признак — военное предводительство), наряду с советом и народным собранием, означает только военную демократию» (Маркс).

У базилевса, помимо военных, были еще жреческие и судебские полномочия; последние не были точно определены, первые были присвоены ему как верховному представителю племени или союза племен. О полномочиях по гражданскому управлению никогда нет и речи, но, по-видимому, базилевс по должности состоял членом совета. Таким образом, этимологически совершенно правильно переводить слово «базилевс» немецким словом «König» (kuning), так как слово «König» происходит от Kuni, Künpe и означает «старшина рода». Но современному значению слова «король» древнегреческое «базилевс» совершенно не соответствует. Фукидид определенно называет* древнюю *basileia* — *patrikê*, т. е. происходящей от родов, и говорит, что она обладала точно установленными, следовательно, ограниченными полномочиями. И Аристотель говорит*, что *basileia* героической эпохи была предводительством над свободными, а базилевс был военачальником, судьей и верховным жрецом; правительственной властью в позднейшем смысле он поэтому не обладал¹.

Мы видим, таким образом, в греческом общественном строе героической эпохи еще в полной силе древнюю родовую организацию, но, вместе с тем, и начало ее разрушения: отцовское

¹ Как греческого базилевса, так и ацтекского военачальника подменяли современным владетельным князем. Морган впервые подвергает исторической критике* первоначально основанные на недоразумении и преувеличенные, а затем и прямо лживые сообщения испанцев и доказывает, что мексиканцы стояли на средней ступени варварства, но несколько опередили в своем развитии новомексиканских индейцев пуэбло, и что их общественный строй, насколько можно заключить по искаженным сообщениям, соответствовал следующему: союз трех племен, подчинивший себе и обязавший данью несколько других племен и управлявшийся союзным советом и союзным военным вождем, которого испанцы превратили в императора».

право с наследованием имущества детьми, что благоприятствует накоплению богатства в семье и усиливает семью в противовес роду; влияние имущественных различий на общественный строй путем образования первых начатков наследственного дворянства и монархии; рабство, сперва одних только военнопленных, но уже подготовляющее возможность порабощения собственных соплеменников и даже сородичей; совершающееся уже вырождение бывлой войны между племенами в систематический разбой на суше и на море в целях захвата скота, рабов и сокровищ, превращение ее в регулярный промысел; одним словом, восхваление и почитание богатства как высшего блага и злоупотребление древними родовыми учреждениями для оправдания насильственного грабежа богатств. Недоставало только одного: учреждения, которое обеспечивало бы вновь приобретенные богатства отдельных лиц не только от коммунистических традиций родового строя, которое не только сделало бы прежде столь мало ценившуюся частную собственность священной и это освящение объявило бы высшей целью всякого человеческого общества, но и приложило бы печать всеобщего общественного признания к развивающимся одна за другой новым формам приобретения собственности, следовательно, и к непрерывно ускоряющемуся накоплению богатства; не хватало учреждения, которое увековечивало бы не только начинающееся разделение общества на классы, но и право имущего класса на эксплуатацию неимущих и господство первого над последним.

И такое учреждение появилось. Было изобретено *государство*.

Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства.
Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 82—87.

ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ГОМЕРЕ

1

Я сказал далее, что рассуждения г. Ткачева являются ребяческими* (доказательства этому — цитаты в настоящей статье), скучными (этого, вероятно, не будет отрицать сам автор), противоречивыми (как показал ему редактор журнала «Вперед») и вращающимися в порочном кругу (что тоже верно). Затем я говорю о его великих притязаниях (о которых я рассказал с его собственных слов) и абсолютно ничтожных достижениях (как это более чем достаточно показывает данная статья). Где же

ругательства? Если я сравнил его с Карлхен Мисником, любимейшим гимназистом Германии и одним из популярнейших немецких писателей, то это ведь наверное не ругательство. Впрочем, стоп! Не выразился ли я о нем, что он удалился, как Ахилл, в свою палатку и выпалил оттуда своей брошюрой против журнала «Вперед»? Вот где, видимо, зарыта собака. От человека, которого приводит в ярость одно уже слово учеба и который смело может избрать себе девизом стихи Гейне:

Und seine ganze Ignoranz *
Hat er sich selbst erworben¹ —

от такого человека вполне можно ожидать, что имя Ахилл встречается ему здесь впервые. А так как я упоминаю Ахилла в связи с «палаткой» и «выпаливанием», то г. Ткачев мог вообразить, что этот Ахилл — русский унтер-офицер или турецкий башибузук и что я, следовательно, нарушаю правила приличия, обзывая его Ахиллом. Но я могу заверить г. Ткачева, что тот Ахилл, о котором я говорю, был величайшим героем греческих сказаний и что это удаление в свою палатку явилось сюжетом грандиознейшей героической поэмы всех времен, Илиады, что подтвердит ему даже г. Бакунин. Если бы это мое предположение оправдалось, то в таком случае мне пришлось бы, конечно, заявить, что г. Ткачев *не* гимназист.

Ф. Энгельс. Эмигрантская литература.
Сочинения, т. XV, стр. 245.

2

Прочел ли ты в «Times» критику гладстоновской книги о Гомере? В этой критике есть кое-что забавное. Вообще труд, подобный г[ладстоновскому], характерен для неспособности англичан к «филологии».

К. Маркс — Ф. Энгельсу 13 августа 1858 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 356.

РАЗЛОЖЕНИЕ ПЕРВОБЫТНОГО РОДОВОГО СТРОЯ И ГРЕЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ

1

Изучение истории семьи начинается с 1861 г., когда вышло в свет «Материнское право» Бахофена. Автор выставляет там следующие положения: 1) люди сначала жили в беспорядочном

¹—И все свое невежество он приобрел собственными силами. *Ред.*

половом общении, которое он обозначает неудачным словом «гетеризм»; 2) такие отношения исключают всякую возможность достоверно установить отца, и поэтому происхождение можно было определять лишь по женской линии, по материнскому праву, — так это вначале и бывало у всех народов древности; 3) вследствие этого женщины, как матери, как единственные достоверно известные родители молодого поколения, пользовались высокою степенью уважения и почета, доходившей, по мнению Бахофена, до полного господства женщин (гинеократия); 4) переход к единобрачию, при котором женщина принадлежала исключительно одному мужчине, заключал в себе нарушение древнего религиозного завета (т. е. фактически нарушение исконного права остальных мужчин на эту женщину), нарушение, которое требовало искупления или же должно было быть возмещено тем, что женщина в течение некоторого времени отдавалась другим.

Доказательства этих положений Бахофен находит в многочисленных, с исключительным усердием собранных цитатах из древнеклассической литературы. Развитие от «гетеризма» к моногамии и от материнского права к отцовскому происходит, по его мнению, — в частности у греков, — вследствие дальнейшего развития религиозных идей, вследствие внедрения новых божеств, представителей новых воззрений, в традиционную группу богов, представлявших старые взгляды, так что последние все более и более оттесняются на задний план первыми. Таким образом, по Бахофену, не развитие действительных условий жизни людей, а религиозное отражение этих условий жизни в головах тех же людей вызывало исторические изменения во взаимном общественном положении мужчины и женщины. Согласно этому, Бахофен толкует «Орестейю» Эсхила как драматическое изображение борьбы между гибнущим материнским правом и возникающим в героическую эпоху и одерживающим победу отцовским правом. Ради своего любовника, Эгиста, Клитемнестра убила своего супруга Агамемнона, вернувшегося с троянской войны; но Орест, сын ее и Агамемнона, мстит за убийство отца, убивая свою мать. За это его преследуют эриннии, демонические охранительницы материнского права, по которому убийство матери — тягчайшее, ничем не искупимое преступление. Но Аполлон, который через своего оракула побудил Ореста совершить это дело, и Афина, которую призывают в качестве судьи, — оба божества, представляющие здесь новый отцовско-правовой строй, — защищают Ореста; Афина выслушивает обе стороны. Весь предмет спора сжато формулируется в прениях,

происходящих между Орестом и эринниями. Орест ссылается на то, что Клитемнестра совершила двойное злодеяние, убив *своего* супруга и вместе с тем *его* отца. Почему же эриннии преследуют его, а не ее, гораздо более виновную? Ответ поразителен:

«С мужем, ею убитым, она в кровном родстве не была»*.

Убийство человека, не состоящего в кровном родстве, даже когда он — муж убитой его женщины, может быть искуплено, оно эринний нисколько не касается; их дело — преследовать убийства лишь среди родственников по крови, и тут, по материнскому праву, тягчайшим и ничем не искупимым является убийство матери. Но вот защитником Ореста выступает Аполлон; Афина ставит вопрос на голосование членов ареопага — афинских присяжных; голоса делятся поровну — за оправдание и за осуждение; тогда Афина, как председательница, подает свой голос за Ореста и объявляет его оправданным. Отцовское право одержало победу над материнским, «боги младшего поколения», как называют их сами эриннии, побеждают эринний, и в конце концов последние тоже соглашаются занять новый пост на службе новому порядку вещей.

Это новое, но совершенно правильное толкование «Орестей» представляет собой одно из прекраснейших и лучших мест во всей книге Бахофена, но оно в то же время доказывает, что он сам во всяком случае не меньше верит в эринний, Аполлона и Афину, чем в свое время верил Эсхил; а именно — он верит, что они в греческую героическую эпоху совершили чудо: ниспровергли материнское право, заменив его отцовским. Ясно, что подобное представление, по которому религия оказывается решающим рычагом мировой истории, сводится в конечном счете к чистейшему мистицизму. Поэтому проштудировать толстый том Бахофена — работа трудная и далеко не всегда благодарная. Но все это не умаляет его заслуги как исследователя, проложившего новый путь; он первый отбросил фразу о неведомом первобытном состоянии с беспорядочными половыми отношениями, доказав вместо этого, что в древнеклассической литературе есть множество следов того, что у греков и у азиатских народов действительно существовало до единобрачия такое положение, когда, вовсе не нарушая обычая, не только мужчина вступал в половое общение с несколькими женщинами, но и женщина — с несколькими мужчинами; что при своем исчезновении обычай этот оставил после себя тот след, что женщины должны были покупать свое право на единобрачие ценою временной отдачи себя другим мужчинам; что поэтому происхождение

могло прежде определяться только по женской линии от матери к матери; что это исключительное значение женской линии долго сохранялось еще и в период единобрачия при установленном или во всяком случае признанном отцовстве; и что это первоначальное положение матерей, как единственных достоверных родителей своих детей, обеспечивало им, а вместе с тем и женщинам вообще, такое высокое общественное положение, какого они потом уже никогда не занимали. Бахофен, правда, не сформулировал этих положений с такой ясностью, — этому мешало его мистическое мировоззрение. Но он их доказал, и это в 1861 г. означало настоящую революцию.

Ф. Энгельс. К истории первобытной семьи.
Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 118 — 121.

2

Туранская система родства (в Азии, Африке и Австралии) [соответствующая *ганиванской* системе в Америке] должна была господствовать также у *греческих* и *латинских племен*, когда они находились на той же стадии развития. Одна из *характерных особенностей этой системы: дети братьев — братья и сестры* между собою и как таковые не могут вступать в брак: *дети сестер* находятся в таком же родстве, и по отношению к ним действует то же запрещение. [Если Бахофен находит брак пуналуа* {который породил эту систему родства} *незаконным*, то человек той эпохи признал бы большинство нынешних браков между кузенами близких и более отдаленных степеней, будь то с отцовской или с материнской стороны, *кровосмесительными*, как браки между родными братьями и сестрами.] Это объясняет легенду о *Данаидах* (которую Эсхил положил в основу своей трагедии «*Просительницы*»).

Данай и *Египт* были *братьями* и *потомками* Ио аргосской. У *Даная* было от различных жен *50 дочерей*, а у *Египта* *50 сыновей*; последние домогались жениться на первых; согласно *туранской системе родства* они были *братьями* и *сестрами* и не могли вступить в брак между собой. Если в то время происхождение считалось уже по мужской линии, то они принадлежали к одному и тому же роду — еще другое препятствие к браку. *Пятьдесят дочерей Даная — Данаиды — бежали из Египта в Аргос*, чтобы избавиться от незаконного и кровосмесительного брака. Это событие Прометей предсказывал Ио (Эсхил, «Прометей», 853).

В трагедии Эсхила «Просительницы» Данаиды объявляют своим родственникам аргивянам (в Аргосе), что они не изгнаны из Египта:

«Покинув святую страну, со-
предельную (σὺχόρτου) с Сирией,
бежим; не осужденные мы народом
на изгнание за убийство, а от
мужчин одного с нами рода бежим,
отвергая нечестивый брак с сыновьями
Египта» (Эсхил, «Проситель-
ницы», стих 5 и сл.).

σὺχόρτου {сопредельную} = conterminam; χόρτος (hortus, cursus) также = terminus. Так χόρτος ἀλλῆς, ὁ τῆς ἀλλῆς ὄρος — «граница двора». — Так у Еврипида в «Андромахе», ст. 17: σὺχόρτα καίω πεδία — я живу в сопредельных полях (равнинах).

Это место у {Эсхила}, по-видимому, грамматически неправильно; см. Шютц, «Эсхил», т. II, стр. 378.

Выслушав рассказ просительниц, аргивяне на совете решили обеспечить им защиту, что указывает на существование запрещения таких браков и обоснованность их {Данаид} сопротивления. В то время, когда эта трагедия исполнялась на сцене в Афинах, афинский закон дозволял брак между детьми братьев и даже требовал его в том случае, если налицо была девушка-наследница или сирота, хотя, по-видимому, закон ограничивался этими исключительными случаями.

Карл Маркс. Конспект книги
Льюиса Г. Моргана «Древнее общество».
Архив Маркса и Энгельса, т. IX,
стр. 187—188.

ГРЕЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ

1

Уверяю Вас, дорогой друг, что ничто не причиняет мне такой боли, как то, что мне приходится наблюдать борьбу такого человека, как Вы, и не иметь возможности оказать какую-либо помощь. Я поражаюсь Вашей выдержке, Вашей пылкой энергии и Вашей деятельности. Древние — кажется, Эсхил — говорили: надо стараться добывать себе мирские блага, чтобы помогать друзьям в нужде! Какая глубокая человеческая мудрость заключена в этих словах!

К. Маркс — Иоганну-Филиппу Беккеру 26 февраля 1862 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 397.

2

Amicus Engels Senior, amicus Ermen Godofredus! sed magis
amicum τὸ φρονεῖν¹;

φᾶῦ, φεῦ, φρονεῖν ὡς δεινόν, ἔνθα μὴ τέλη
λυγῆ φρονοῦντι².

Это может сказать тебе твой старик, как Терезий царю Эдипу,
на что, однако, ты ответишь ему, что

ἐν τοῖς κέρδεσι
μόνον δέδορκε, τὴν τέχνην δ' ἔφου τυφλός³.

Привет.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 25 фев-
раля 1859 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 389.

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В ГРЕЦИИ ПО СВИДЕТЕЛЬСТВУ АНТИЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Во всей своей суровости новая форма семьи выступает перед нами у греков. Тогда как, по замечанию Маркса, положение богинь в мифологии рисует нам более ранний период, когда женщины пользовались еще более свободным и почетным положением, мы в героический период застаем женщину уже приниженной господством мужчины и конкуренцией рабынь. Достаточно прочесть в «Одиссее», как Телемак обрывает свою мать* и заставляет ее молчать. Захваченные в плен молодые женщины становятся у Гомера жертвой чувственности победителей: военачальники по очереди и в соответствии со своим рангом выбирают самых красивых из них; вся «Илиада», как известно, построена на споре между Ахиллесом и Агамемноном из-за такой рабыни. При каждом сколько-нибудь значительном гомеровском герое упоминается захваченная в плен девушка, с которою он делит палатку и ложе. Этих девушек берут также

¹ — Друг — Энгельс старший, друг — Эрмен Готфрид, но еще более друг — мышление. *Ред.*

² — О, как ужасно понимание*, когда понимающий не имеет от него пользы. *Ред.*

³ — В делах наживы зряч*, но слеп по отношению к проризанию. *Ред.*

с собой на родину и в супружеский дом, как, например, у Эхила Агамемнон поступает с Кассандрой*; прижитые с такими рабынями сыновья получают небольшую долю отцовского наследства и признаются свободными гражданами; Тевкр является таким внебрачным сыном Теламона и может называть себя по отцу. От законной жены требуется, чтобы она со всем этим мирилась, сама же строго соблюдала целомудрие и супружескую верность. Хотя греческая женщина героической эпохи пользуется большим уважением, чем женщина эпохи цивилизации, все же она, в конце концов, служит для мужчины только матерью его законных детей, его главной домоправительницей и надсмотрщицей над рабынями, которых он по своему усмотрению может делать и действительно делает своими наложницами. Существование рабства рядом с моногамией, присутствие молодых красивых рабынь, находящихся в полном распоряжении *мужчины*, придало моногамии с самого начала ее специфический характер, сделав ее моногамией *только для женщины*, но не для мужчины. Такой характер она сохраняет и в настоящее время.

У позднейших греков следует проводить различие между дорянами и ионянами. У первых, классическим образцом которых служит Спарта, существуют брачные отношения, во многом еще более архаические, чем изображенные у Гомера. В Спарте существует парный брак, видоизмененный государством в соответствии с местными воззрениями и во многих отношениях еще напоминающий групповой брак. Бездетные браки расторгаются: царь Анаксандрид (за 650 лет до нашей эры), имевший бездетную жену, взял вторую и держал два хозяйства; около того же времени царь Аристон, у которого были две бесплодные жены, взял третью, но зато отпустил одну из первых. С другой стороны, несколько братьев могли иметь общую жену; человек, которому нравилась жена его друга, мог делить ее с ним, и признавалось приличным предоставлять свою жену в распоряжение здорового «жеребца», как выразился бы Бисмарк, даже если тот не принадлежал к числу сограждан. Из одного места у Плутарха, где спартанка направляет к своему мужу поклонника, который домогается ее любви, можно заключить — согласно Шёману* — о еще большей свободе нравов. Действительное нарушение супружеской верности, неверность жен за спиной мужа, было поэтому неслыханным делом. С другой стороны, Спарта, по крайней мере в лучшую свою эпоху, не знала домашних рабов, крепостные илоты жили обособленно в имениях, поэтому у спартиатов было меньше соблазна пользоваться их женщинами.

Естественно поэтому, что в силу всех этих условий женщины в Спарте занимали гораздо более почетное положение, чем у остальных греков. Спартанские женщины и избранная часть афинских гетер были в Греции единственными женщинами, о которых древние говорят с уважением и мнения которых они признают заслуживающими упоминания.

Совершенно иное положение у ионян, для которых характерны Афины. Девушек учили лишь прясть, ткать и шить, самое большее — немного читать и писать. Они жили почти затворницами, пользовались обществом лишь других женщин. Помещение для женщин находилось в обособленной части дома, в верхнем этаже или во флигеле, куда мужчины, в особенности чужие, не легко проникали и куда женщины удалялись при посещении дома мужчинами. Женщины не выходили из дома без сопровождения рабыни; дома они буквально были под стражей; Аристофан упоминает о молосских собаках*, которых держали для устрашения нарушителей супружеской верности, а в азиатских городах для надзора за женщинами держали евнухов, которые уже во время Геродота фабриковались на о. Хиосе для продажи и, согласно Ваксмуту*, не для одних только варваров. У Эврипида жена обозначается словом *oikigeta**, как вещь для работы по хозяйству (слово это среднего рода), и для афинянина она действительно была, помимо деторождения, не чем иным, как старшей служанкой. Муж предавался своим гимнастическим упражнениям, общественным делам, от участия в которых жена была отстранена; он, кроме того, имел еще часто к своим услугам рабынь, а в период расцвета Афин, — широко распространенную проституцию, которой, во всяком случае, покровительствовало государство. Именно на почве этой проституции развились в Греции единственные выдающиеся женщины, которые своим умом и художественным вкусом так же возвышались над общим уровнем женщин древности, как спартанки своим характером. Но то обстоятельство, что нужно было сперва сделаться гетерой, чтобы стать женщиной, служит самым строгим осуждением афинской семьи.

Эта афинская семья с течением времени сделалась образцом, по которому устраивали свой домашний быт не только остальные ионяне, но постепенно и все греки материка и колоний. Однако, вопреки всему этому затворничеству и надзору, гречанки довольно часто находили случай обманывать своих мужей, а последние, стыдившиеся обнаружить хотя бы какое-нибудь чувство любви к своим женам, всячески развлекались любовными похождениями с гетерами, но унижение жен мстило

за себя и унижало самих мужчин, пока они, в конце концов, не погрязли в противоестественной любви к мальчикам и не опозорили своих богов, так же как и самих себя, мифом о Ганимеде.

Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства.
Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 45—47.

АНТИЧНОЕ РАБСТВО И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

1

Рабство было найдено. Оно скоро сделалось господствующей формой производства у всех народов, переросших старый общинный быт, и послужило в заключение главной причиной их распада. Только рабство создало возможность более широкого разделения труда между земледелием и промышленностью и, благодаря ему, расцвета древнегреческого мира. Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и науки; без рабства не было бы и Рима. А без основания, заложенного Грецией и Римом, не было бы также и современной Европы. Мы не должны забывать, что все наше экономическое, политическое и умственное развитие вытекло из такого предварительного состояния, при котором рабство было настолько же необходимо, как и общепризнано. В этом смысле мы имеем право сказать, что без античного рабства не было бы и современного социализма.

Нет ничего легче, как произносить громкие фразы по поводу рабства и т. п. и изливать целые потоки высоко нравственного гнева на такие постыдные вещи. Только, к сожалению, этим не выражается ничего, кроме всем известного факта, что эти древние учреждения не соответствуют более ни современным обстоятельствам, ни нашим, выработанным этими обстоятельствами чувствам. О том, как возникли эти учреждения, что их поддерживало и какую роль они играли в истории, мы не узнаем ни одного слова. Раз заговоривши об этом предмете, мы должны сказать, какую бы ересь и каким бы противоречием ни казались наши слова, что при тогдашних условиях введение рабства было большим шагом вперед. Несомненен тот факт, что человек, бывший вначале зверем, нуждался в варварских, почти зверских средствах, чтобы выйти из первобытного состояния. Там, где уцелел древний общинный быт, он всюду, от Индии до России,

служил целые тысячелетия основанием самых грубых государственных форм восточного деспотизма. Только там, где он распался, самостоятельное развитие пошло вперед, и первым шагом по пути экономического производства было усиление и развитие производства посредством рабского труда. Это понятно; пока человеческий труд был так мало производителен, что доставлял лишь небольшой излишек сверх безусловно необходимых человеку средств существования, увеличение производительных сил, расширение торговли, развитие государства и права, начало искусств и наук были возможны не иначе, как при усиленном разделении труда, в основу которого должно было лечь великое разделение труда между массами, поглощенными простой и физической работой, и немногими привилегированными, управлявшими трудом, занимавшимися торговлей, государственными делами, а позже искусствами и науками. Простейшей, естественно выросшей формой такого разделения труда было именно рабство. При исторических условиях древнего, в частности греческого, мира переход к общественности, основанной на классовой противоположности, мог совершиться только в форме рабства. Даже для рабов это было прогрессом: военнопленные, из которых они по преимуществу набирались, сохраняли теперь, по крайней мере, жизнь, тогда как прежде их убивали, а еще раньше даже поедали.

Прибавим к стати, что и все до сих пор существовавшие исторические противоположности эксплуатирующих и эксплуатируемых, господствующих и угнетенных классов объясняются той же относительно неразвитой производительностью человеческого труда. Пока трудящееся население до такой степени поглощено необходимой работой, что не имеет свободного времени для дел общественных, для заведования производством, для государственных дел, правосудия, наук, искусств и т. д., — до тех пор должен существовать особый класс людей, освобожденный от настоящего труда и занятый этими делами; причем такой класс, конечно, не упускал случая из личных выгод отягощать рабочие массы все большим и большим трудом. Только достигнутое крупной промышленностью чрезвычайное усиление производительности труда позволяет, наконец, распределить его на всех без исключения членов общества и этим до такой степени сократить рабочее время каждого в отдельности, что его будет у всех в избытке для теоретического и практического участия в делах всего общества. Следовательно, теперь впервые всякий эксплуатирующий и господствующий класс стал не только излишним, но превратился в препятствие на пути общественного

развития, и теперь он будет неизбежно устранен, какой бы «непосредственной силой» он ни обладал.

Ф. Энгельс. Анти-Дюринг.
Сочинения, т. XIV, стр. 183—184.

2

Там, где *рабство* является господствующей формой производства, там труд становится рабской деятельностью, т. е. чем-то бесчестящим свободных людей. Благодаря этому закрывается выход из подобного способа производства, в то время как, с другой стороны, требуется устранение его, ибо для развития производства рабство является помехой. Всякое покоящееся на рабстве производство и всякое основывающееся на нем общество гибнут от этого противоречия. Разрешение его дается в большинстве случаев насильственным покорением гибнущего общества другими, более сильными (Греция была покорена Македонией, а позже Римом). До тех пор, пока эти последние, в свою очередь, покоятся на рабском труде, происходит лишь перемещение центра, и весь процесс повторяется на высшей ступени, пока, наконец (Рим), не был покорен народом, введшим вместо рабства новый способ производства. Либо же рабство отменяется насильственно или добровольно, и в таком случае *прежний способ производства гибнет*; место крупной культуры занимает парцеллярное хозяйство скваттеров, как в Америке. Далее, и Греция погибла от рабства, в связи с чем еще Аристотель сказал, что общение с рабами деморализует граждан, не говоря уже о том, что они лишают граждан работы. Иное дело домашнее рабство на Востоке; здесь оно не образует прямым образом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи, переходя в нее незаметным образом. (Рабыни гарема.)

Ф. Энгельс. Диалектика природы.
Сочинения, т. XIV, стр. 450—451.

3

Древнегреческие поэты¹ Сицилии, Феокрит и Мосх, воспевали идиллическую жизнь пастухов-рабов, своих современников. Это были несомненно лишь красивые² поэтические грезы. Но най-

¹ В итальянском тексте «античные поэты». *Ред.*

² В итальянском тексте слово «красивый» выпущено. *Ред.*

дется ли сейчас поэт, достаточно смелый, чтобы воспевать идиллическую жизнь «свободных» (крестьян) работников современной Сицилии? Разве крестьяне¹ не были бы счастливы, если бы могли обрабатывать свои фермы хотя бы на тяжелых условиях римского половничества? Вот к чему привел капиталистический строй: свободные люди вздыхают по прежней неволе.

Но пусть они не теряют бодрости. Для угнетенных классов всех стран занимается заря нового, лучшего общества (без эксплуатации человека человеком). И повсюду угнетенные смыкают свои ряды, повсюду они действуют заодно, вопреки границам, вопреки различию языков. Формируется армия всемирного пролетариата, и наступающий новый век приведет ее к победе.

Ф. Энгельс. Последнее слово
Италии.
Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 432—
433.

ИДЕАЛЬНОЕ И РЕАЛЬНОЕ В ГРЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

1

Единство природы и духа. Для греков было ясно само собой, что природа не может быть неразумной, но и теперь еще даже самые глупые эмпирики доказывают своими рассуждениями (как бы ни были ошибочны эти последние), что они заранее убеждены в том, что природа не может быть неразумной, а искусство не может быть противоестественным.

Ф. Энгельс. Диалектика природы.
Сочинения, т. XIV, стр. 411.

2

Немецкие философы привыкли противопоставлять древность, как эпоху реализма, христианскому и новому времени, как эпохе идеализма, в то время как французские и английские экономисты, историки и естествоиспытатели рассматривают обыкновенно древность как период идеализма, в противополож-

¹ В итальянском тексте: «крестьяне этого острова». *Ред.*

ность материализму и эмпиризму нового времени. Точно так же древний мир можно считать идеалистическим, поскольку древние представляют в истории «сiтoуeп», идеалистического политика, между тем как человек нового времени сводится, в конце концов, к «bourgeois», к реалистическому *ami du commerce*¹, — и опять-таки древний мир можно понимать реалистически, поскольку в нем общность [Gemeinwesen] была «истиной», тогда как в новое время она является идеалистической «ложью». Так мало толку от всех этих абстрактных противопоставлений и исторических конструкций.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Немецкая идеология.
Сочинения, т. 3, стр. 129.

ГРЕЧЕСКАЯ ПЛАСТИКА *

1

* Следовательно, подобно тому, как атом освобождается от своего относительного существования*, от прямой линии, путем абстрагирования от нее, путем отклонения от нее, — так и вся эпикурейская философия уклоняется от ограничивающего наличного бытия всюду, где понятие абстрактной единичности — самостоятельность и отрицание всякого отношения к другому — должно быть представлено в его существовании.

Так, целью деятельности является абстрагирование, уклонение от боли и смятения, атараксия². Так, добро есть бегство от зла, а наслаждение есть уклонение от страдания. Наконец, там, где абстрактная единичность выступает в своей высшей свободе и самостоятельности, в своей завершенности, там — вполне последовательно — то наличное бытие, от которого она уклоняется, есть *наличное бытие в его совокупности; и поэтому боги избегают мира, не заботятся о нем и живут вне его.*

Очень много острили по поводу этих богов Эпикура, которые, будучи похожи на людей, живут в межмировых пространствах действительного мира, имеют не тело, а нечто вроде тела, не кровь, а нечто вроде нее; пребывая в блаженном покое, они не внемлют ничьей мольбе, не заботятся ни о нас, ни о мире, и почитаются они ради их красоты, их величия и совершенной природы, а не ради какой-нибудь корысти.

¹ — другу торговли. Ред.

² — невозмутимость духа. Ред.

И все же эти боги не фикция Эпикура. Они существовали. Это — пластические боги греческого искусства. Цицерон как римлянин вправе высмеивать их*, но Плутарх, грек, совершенно забыл греческое мировоззрение, когда он говорит, что это учение о богах, уничтожающее страх* и суеверие, не дает ни радости, ни благоволения богов, а ставит нас в такое отношение к ним, в каком мы находимся к рыбам Гирканского моря*, от которых мы не ждем ни вреда, ни пользы. Теоретический покой есть главный момент в характере греческих богов, как говорит и Аристотель: «То, что лучше всего, не нуждается в действии*, ибо оно само есть цель».

К. Маркс. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура.

К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».

Госполитиздат, М., 1956, стр. 43—44.

2

* Если первые греческие мудрецы являются подлинным духом субстанции, воплощенным знанием о субстанции; если их изречения отличаются столь же самобытной интенсивностью, как и сама субстанция; если, по мере того как субстанция все более и более идеализируется, носители этого движения, в своей партикулярной действительности, отстаивают против действительности субстанции, проявляющейся в действительной народной жизни, право на идеальную жизнь, — то все же идеальность является еще всего лишь в форме субстанции. Живые силы остаются незатронутыми, идеальнейшие мыслители этого периода, пифагорейцы и элеаты, прославляют государственную жизнь как действительный разум, их принципы объективны и являются силой, превосходящей их самих, которую они возвещают с оттенком таинственности, с поэтическим воодушевлением, т. е. в такой форме, благодаря которой естественная энергия возвышается до идеальности и не уничтожается, а перерабатывается, причем целое сохраняет характер чего-то природного. Это воплощение идеальной субстанции совершается в самих философах, ее провозглашающих; не только форма ее выражения оказывается пластично-поэтической, но и действительность ее выражается в данной личности, а действительность этой последней есть собственное проявление субстанции. Сами философы являются живыми образами, живыми художественными произведениями, и народ видит, как они возникают из него самого в пластическом величии; там где, как у первых мудрецов, их

деятельность формирует всеобщее, их изречения являются субстанцией, признаваемой на деле, — законами.

Итак, эти мудрецы столь же мало популярны, как и статуи олимпийских богов; их движение оказывается самодовлеющим покоем, их отношение к народу настолько же объективно, как и их отношение к субстанции. Пророчания дельфийского Аполлона являлись для народа божественной истиной, скрытою в полумраке неведомой силы, лишь до тех пор, пока с пифийского треножника возвещалась явная мощь самого греческого духа; народ относился к ним теоретически лишь до тех пор, пока в них выражалась сама теория народа, облеченная в слово, они были популярны лишь пока они были непопулярны. Таковы же были и эти мудрецы. Однако с выступлением софистов и Сократа, а потенциально уже с выступлением Анаксагора, дело принимает иной оборот.

К. Маркс. Тетради по истории эпикурейской, стоической и скептической философии.
К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, М., 1956, стр. 132—133.

ГРЕЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ *

1

* Борьба древних могла окончиться лишь тогда, когда было разрушено видимое небо, субстанциальная связь жизни, сила тяготения политической и религиозной жизни, так как природа должна быть расколота для того, чтобы было достигнуто единство духа внутри себя. Греки разбивали природу гестовым молотом искусства, создавая статуи; римлянин направлял свой меч прямо в ее сердце, и народы умирали; но философия нового времени срывает печать со слова, и оно исчезает в священном пламени духа; как борец духа, борющийся с духом, а не как отдельный отступник, отрешившийся от силы притяжения природы, она действует как всеобщая сила и плавит формы, препятствующие обнаружению всеобщего.

К. Маркс. Тетради по истории эпикурейской, стоической и скептической философии.
К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, М., 1956, стр. 129—130.

2

* Философия, пока в ее покоряющем весь мир, абсолютно свободном сердце бьется хоть одна еще капля крови, всегда будет заявлять — вместе с Эпикуром — своим противником: «Нечестив не тот, кто отвергает богов толпы*, а тот, кто присоединяется к мнению толпы о богах».

Философия этого не скрывает. Признание Прометея:

По правде, всех богов я ненавижу*,

есть ее собственное признание, ее собственное изречение, направленное против всех небесных и земных богов, которые не признают человеческое самосознание высшим божеством. Рядом с ним не должно быть никакого божества.

А в ответ заячьим душам, торжествующим по поводу того, что положение философии в обществе, по-видимому, ухудшилось, она повторяет то, что Прометей сказал слуге богов, Гермесу:

Знай хорошо, что я б не променял*
Своих скорбей на рабское служенье:
Мне лучше быть прикованным к скале,
Чем верным быть прислужником Зевеса.

Прометей — самый благородный святой и мученик в философском календаре.

К. Маркс. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура.
К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, М., 1956, стр. 24—25.

РЕЛИГИЯ И КУЛЬТУРА В ДРЕВНЕМ МИРЕ

* «У наций, достигших высокого исторического значения, эпоха расцвета их народной жизни совпадает с эпохой высочайшего развития их религиозного сознания, а период упадка их величия и силы совпадает с периодом упадка их религиозной жизни».

Чтобы стать истинным, утверждение автора* должно быть прямо перевернуто, — автор просто поставил историю на голову. Греция и Рим являются как раз странами наиболее высокого «исторического развития» среди народов древнего мира. Высо-

чайший внутренний расцвет Греции совпадает с эпохой Перикла, высочайший внешний расцвет — с эпохой Александра. В эпоху Перикла софисты, Сократ, которого можно назвать олицетворением философии, искусство и риторика вытеснили религию. Эпоха Александра была эпохой Аристотеля, который отверг и вечность «индивидуального» духа и бога позитивных религий. Тем более это верно по отношению к Риму! Читайте Цицерона! Философские учения Эпикура, стоиков или скептиков были религиями образованных римлян в тот именно период, когда Рим достиг вершины своего развития. Если с гибелью древних государств исчезают и их религии, то этот факт не нуждается в особых объяснениях, так как «истинной религией» древних был культ их собственной «национальности», их «государства». Не гибель древних религий повлекла за собой гибель древних государств, а, наоборот, гибель древних государств повлекла за собой гибель древних религий. И такое вот невежество, какое проявила обсуждаемая передовица, провозглашает себя «законодателем научного исследования» и издает «декреты» для философии!

«Весь древний мир должен был погибнуть потому именно, что вместе с успехами, которых народы достигли в области науки, должны были обнаружиться и те заблуждения, на которых покоились их религиозные воззрения».

Следовательно, весь древний мир, по мнению автора передовицы, погиб потому, что развитие науки раскрыло заблуждения древних религий. Не избежал ли бы древний мир гибели, если бы наука обошла молчанием заблуждения религии, если бы римские власти, следуя совету автора передовицы, изъяли произведения Лукреция и Лукиана?

Мы себе позволим, кстати, обогатить ученость г-на Г. одним сообщением.

Как раз в то время, когда приближалась гибель античного мира, возникла *александрийская школа*, которая старалась насильственным путем доказать «вечную истину» греческой мифологии и ее полное соответствие «результатам научного исследования». Это направление, к которому принадлежал еще император Юлиан, полагало, что можно заставить совершенно исчезнуть дух времени, пролагающий себе путь, — стоит только закрыть глаза, чтобы не видеть его.

УМСТВЕННЫЕ ТЕЧЕНИЯ ЭПОХИ РАСПАДА АНТИЧНОГО МИРА

1

* В такие эпохи взгляды половинчатых умов противоположны взглядам цельных полководцев. Они полагают, что можно поправить дело уменьшением боевых сил, их раздроблением, мирным договором с реальными потребностями, — между тем как Фемистокл побудил афинян, когда Афинам угрожало опустошение, совершенно покинуть город и основать новые Афины на море, в иной стихии.

И мы не должны забывать, что за такими катастрофами наступает железная эпоха, — счастливая в том случае, если она ознаменована титанической борьбой, достойная сожаления, если она походит на века, ковыляющие за великими эпохами в истории искусства: эти века занимаются воспроизведением — в изделиях из воска, гипса и меди — того, что возникло из каррарского мрамора, — совершенно так же, как Афина Паллада возникла из головы отца богов Зевса. Но эпохи, наступающие вслед за завершённой в себе философией и за субъективными формами ее развития, имеют титанический характер потому, что грандиозен разлад, образующий их единство. Так римская эпоха наступает после стоической, скептической и эпикурейской философии. Эти эпохи оказываются злополучными и железными, потому что их боги умерли, а новая богиня является еще непосредственно в виде неведомой судьбы, в виде чистого света или сплошного мрака. У нее нет еще красок дня. Корень несчастья в том, что тогда дух времени, духовная монада, насыщенная в себе, идеально сформировавшаяся во всех направлениях, не может признать такой действительности, которая сформировалась помимо нее. Счастливой стороной этого несчастья оказывается субъективная форма, модальность, в которой философия, как субъективное сознание, относится к действительности.

Так, например, эпикурейская, стоическая философия были счастьем для своего времени; так ночная бабочка, после захода общего для всех солнца, ищет света ламп, которые люди зажигают каждый для себя.

К. Маркс. Тетради по истории эпикурейской, стоической и скептической философии.

К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».

Госполитиздат, М., 1956, стр. 196—197.

2

* Подобно тому как в истории философии существуют узловые пункты, которые возвышают философию в самой себе до конкретности, объединяют абстрактные принципы в единое целое и таким образом прерывают прямолинейное движение, — так существуют и такие моменты, в которые философия обращает свой взор на внешний мир, уже не ради постижения; выступая как действующее лицо, она, так сказать, завязывает интриги с миром, выходит из прозрачного царства Амента и бросается в объятия мирской сирене. Это карнавал философии; тогда она принимает собачий облик, как киник, рядится в одежду жреца, как александриец, или в душистое весеннее одеяние, как эпикуреец. Для нее существенно теперь то, что она надевает на себя характерные маски. Как, по преданию, Девкалион бросал при сотворении людей через плечо камни, так философия, решившись создать мир, устремляет свой взор назад (светящимися островками выделяются там останки ее матери); но как Прометей, похитивший с неба огонь, начинает строить дома и водворяться на земле, так философия, охватившая целый мир, восстает против мира явлений. Такова в настоящее время гегелевская философия.

В то время как философия замкнулась в законченный, целостный мир, определенность этой целостности оказалась обусловленной ее развитием вообще; этим развитием обусловлена и та форма, которую принимает превращение философии в практическое отношение к действительности. Таким образом, во всем мире вообще обнаруживается внутренний разлад, и притом доведенный до крайности, так как духовное существование стало свободным, обогатилось до всеобщности. Биение сердца создало различие внутри себя — в той конкретной форме, которая присуща целостному организму. Разлад мира только тогда причинно обусловлен, когда его стороны являются целостными. Следовательно, мир, который противостоит целостной в себе философии, — это расколовшийся мир. Тем самым и проявления активности этой философии раскалываются, становятся противоречивыми; объективная всеобщность философии превращается в субъективные формы отдельного сознания, в которых проявляется ее жизнь. Обыкновенные арфы звучат в любой руке; эоловы арфы — лишь тогда, когда по их струнам ударяет буря. Не нужно приходить в смятение перед лицом этой бури, которая следует за великой, мировой философией.

К. Маркс. Тетради по истории эпикурейской, стоической и скептической философии.

К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».

Госполитиздат, М., 1956, стр. 195—196.

ИДЕАЛ МУДРОСТИ И КРАСОТЫ В ФИЛОСОФИИ СТОИКОВ

После того как святой Макс* преподнес нам несколько поразительных откровений о софистах и Сократе, он тотчас же перескакивает к скептикам. Он усматривает в них завершителей начатой Сократом работы. Позитивная философия греков, следующая как раз за софистами и Сократом, особенно энциклопедическая наука Аристотеля, вовсе не существует, таким образом, для Jacques le bonhomme. Он «стремится как можно скорее избавиться» от прошлого, он спешит перейти к «Новым», и такой переход открывается ему в лице скептиков, стоиков и эпикурейцев. Посмотрим же, каковы откровения нашего святого отца относительно этих последних.

«Стоики желают осуществить идеал мудреца... человека, умеющего жить... они находят этот идеал в презрении к миру, в жизни без жизненного развития, без дружеского общения с миром, т. е. в изолированной жизни, а не в жизни, общей с другими; только стоик живет, все остальное для него мертво. Наоборот, эпикурейцы требуют подвижной жизни» (стр. 30).

Мы отсылаем Jacques le bonhomme, — человека, который хочет осуществить себя и умеет жить, — между прочим, к Диогену Лаэртию; он увидит там, что не стоик есть воплощенный мудрец, а мудрец, sophos, есть лишь идеализированный стоик; он увидит также, что sophos выступает не только в образе стоика, но встречается точно так же у эпикурейцев, ново-академиков и скептиков. Вообще же sophos есть первый образ, в котором предстает перед нами греческий philosophos¹; он выступает мифологически в семи мудрецах, практически — в Сократе и как идеал — у стоиков, эпикурейцев, ново-академиков и скептиков. Каждая из этих школ имеет, конечно, своего собственного σοφός², как святой Бруно* — свой собственный «единственный пол». Более того, святой Макс может найти «le sage»³ в XVIII веке, в философии просвещения, и даже у Жан Поля в лице «мудрых людей», вроде Эммануила и т. д. Стоический мудрец имеет в виду вовсе не «жизнь без жизненного развития», а абсолютно подвижную жизнь, как это вытекает уже из его взгляда на природу — гераклитовского, динамичного, развивающегося и живого, — тогда как у эпикурейцев принципом мировоззрения является, по выражению Лукреция, mors immortalis⁴, атом, а вместо «подвижной

¹ — любитель мудрости; философ. *Ред.*

² — мудреца. *Ред.*

³ — мудреца. *Ред.*

⁴ — бессмертная смерть. *Ред.*

жизни» жизненным идеалом провозглашается божественный досуг, в противовес божественной энергии у Аристотеля.

«Этика стоиков (их единственная наука, ибо о духе они сумели высказать только то, как он должен относиться к миру, а о природе — физике — лишь то, что мудрец должен утверждать себя против нее) не есть учение о духе, а лишь учение об отталкивании мира и о самоутверждении против мира» (стр. 31).

Стоики сумели «высказать о природе», что физика — одна из важнейших для философа наук, и поэтому они потрудились даже над тем, чтобы развить дальше физику Гераклита; они «сумели далее высказать», что *ἄρα*, мужественная красота, есть наивысшее, что должен воплотить в себе индивид, и прославляли как раз жизнь, созвучную с природой, хотя и впадали при этом в противоречия. Согласно стоикам, философия распадается на три доктрины: «физику, этику, логику».

«Они сравнивают философию с животным и с яйцом, логику — с костями и сухожилиями животного и с яичной скорлупой, этику — с мясом животного и с белком яйца, а физику — с *душой* животного и с желтком» (Диоген Лаэртций, «Зенон»).

Уже отсюда мы видим, насколько неверно, что «этика была единственной наукой стоиков». К этому еще нужно прибавить, что, после Аристотеля, они явились главными основателями формальной логики и систематики вообще.

Насколько неверно, будто «стоики ничего не сумели высказать о духе», доказывает то, что даже *духовидение* ведет свое начало от них, ввиду чего Эпикур выступает против них как просветитель и осмеивает их, называя «старыми бабами», в то время как неоплатоники заимствовали у них некоторые свои рассказы о духах. Это *духовидение* стоиков вытекает, с одной стороны, из невозможности провести динамический взгляд на природу при отсутствии материала, доставляемого эмпирическим естествознанием, а, с другой стороны, — из их стремления спекулятивно истолковывать и уподоблять мыслящему духу древнегреческий мир и даже религию.

«Этика стоиков» есть в такой мере «учение об отталкивании мира и самоутверждении против мира», что, например, стоической добродетелью считается — «иметь сильное отечество, доброго друга», что «одно лишь прекрасное» признается «благом» и что стоическому мудрецу разрешается любым способом смешиваться с миром, например, совершать кровосмешение и т. д. и т. д. Стоический мудрец до такой степени замкнут-де «в изолирован-

ной жизни, а не в жизни, общей с другими», что у Зенона о нем говорится:

«пусть мудрый не удивляется ничему, что кажется удивительным, — но достойный не будет жить и в *одиночестве*, ибо он *общественен* по природе и *практически деятелен*» (Диоген Лаэртский, книга VII, 1).

Впрочем, не имеет смысла — для того чтобы опровергнуть гимназическую мудрость Jacques le bonhomme, — разбирать очень запутанную и противоречивую этику стоиков.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Немецкая идеология.
Сочинения, т. 3, стр. 123—125.

ЛУКРЕЦИЙ КАР *

1

* Как Зевс вырос под шумную военную пляску куретов*, так мир образуется здесь под звуки борьбы атомов.

Лукреций — истинно римский эпический поэт, потому что он воспевает субстанцию римского духа; вместо жизнерадостных, мощных, цельных образов Гомера мы имеем здесь крепких, непроницаемо вооруженных героев, у которых нет никаких других качеств; имеем войну «всех против всех», застывшую форму для-себя-бытия, природу, лишённую божественного характера, и бога, отрешенного от мира.

К. Маркс. Тетради по истории эпикурейской, стоической и скептической философии.
К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, М., 1956, стр. 176.

2

* Подобно тому как природа весной обнажается и, как бы сознавая свою победу, открывает взору всю свою прелесть, — между тем как зимой она прикрывает снегом и льдом свое унижение и убожество, — так Лукреций, свежий, смелый, поэтический властитель мира, отличается от Плутарха, прикрывающего свое мелкое «я» снегом и льдом морали. Когда мы видим боязливо скорчившегося, униженно гнущего спину индивида, мы невольно осматриваемся, сомневаясь в своем существовании и опасаясь, как бы не затеряться. Но, видя бесстрашного акробата в пестрой

одежде, мы забываем о себе, чувствуем, что мы как бы возвышаемся над собой, достигая уровня всеобщих сил, и дышим свободнее. Кто чувствует себя нравственнее и свободнее: тот, кто только что вышел из классной комнаты Плутарха, размышляя о несправедливости того, что благие лишаются со смертью плодов своей жизни, или же тот, кто созерцает полноту вечности, внимая смелой, громовой песне Лукреция*:

«... острый

В сердце глубоко мне тирс вонзила надежда на славу
И одновременно мне грудь напоила сладкою страстью
К Музам, которой теперь вдохновляемый, с бодрюю мыслью
По бездорожным полям Пиэрид я иду, по которым
Раньше ничья не ступала нога. Мне отраднo устами
К свежим истокам припасть и отраднo чело мне украсить
Чудным венком из цветов, доселе неведомых, коим
Прежде меня никому не венчали голову Музы.
Ибо, во-первых, учу я великому знанию, стараясь
Дух человека извлечь из тесных религий тенёт,
А во-вторых, излагаю туманный предмет совершенно
Ясным стихом, усладив его Муз обаянием всюду» (ст. 921 и сл.).

Тот, кому доставляет больше удовольствия вечно копаться в самом себе, чем собственными силами строить целый мир, быть творцом мира, — тот несет на себе проклятие духа, на того наложено отлучение, но в обратном смысле, — он изгнан из храма и лишен вечного духовного наслаждения, и ему приходится убаюкивать себя размышлениями о своем личном блаженстве и грезить ночью о самом себе.

«Блаженство не есть награда за добродетель, а сама добродетель»*.

К. Маркс. Тетради по истории эпикурейской, стоической и скептической философии.
К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, М., 1956, стр. 169.

ГОРАЦИЙ

1

Золото и серебро суть деньги не благодаря какой-либо деятельности индивида, который их накапливает, а как кристаллы процесса обращения, протекающего без его содействия. Ему не приходится делать ничего другого, как только откладывать золото

и серебро и присоединять одну весовую их единицу к другой, — совершенно бессодержательная деятельность, которая, будучи применена ко всем другим товарам, обесценила бы их ¹.

К. Маркс. К критике политической экономии.
Сочинения, т. XII, ч. I, стр. 117.

2

Наемный рабочий всюду следует по стопам фабриканта; он подобен «мрачной заботе» Горация*, которая сидит позади всадника и от которой он не может избавиться, куда бы он ни поехал. Вы не можете уйти от своей судьбы, — другими словами, вы не можете уйти от неизбежных последствий ваших собственных действий.

Ф. Энгельс. Протекционизм и свобода торговли.
Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 326.

ОВИДИЙ

То же говорит и Страбон*. Он не знает ни «германской верности», ни «романского вероломства», а как раз обратное. Называя кельтов «простыми и бесхитростными», столь простодушными, что «они на глазах у всех, без всякой предосторожности спешат в бой, чем облегчается победа их противникам», он о германцах говорит: «Не доверять им всегда было полезно, и те, кому было оказано доверие, причинили много вреда, как, например, херуски, которые нарушили договоры и истребили в засаде три легиона вместе с военачальником Варом». Мы уже не говорим о негодующих и дышащих мстью стихах Овидия*.

Ф. Энгельс. К истории древних германцев.
Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 361.

¹ Гораций, следовательно, ничего не смыслит в философии собирания сокровищ, когда говорит (Satir. I, II, Satir. III):

Ежели цитр кто закупит и в общую сложит их груду,
Сам не учася на цитре, из муз не любя ни единой,
Или колодок и шил, в ремесле не сведущ сапожном,
Или морских парусов, ненавидя торговлю, — безумцем
По справедливости он прослышет. От таких чем отличен
Тот, кто деньги и золото прячет, не зная, что делать
С тем, что скопил, и боясь коснуться его, как святягни.

(К. Гораций Флакк, исправленный перевод А. Фета, Москва, 1883, стр. 287.)

САТИРА ПЕРСИЯ

Философы были или просто зарабатывающими деньги школьными учителями, или же шутами на жалованьи у богатых кутил. Некоторые были даже рабами. Что из них получалось, когда дела их шли хорошо, показывает пример господина Сенеки. Этот стоик, проповедовавший добродетель и воздержание, был первым интриганом при дворе Нерона, причем дело не обошлось без пресмыкательства; он добивался от Нерона подарков деньгами, имениями, садами, дворцами и, проповедуя бедность евангельского Лазаря, сам-то в действительности был богачом из той же притчи. Только когда Нерон собрался схватить его за горло, он попросил императора взять у него обратно все подарки, так как с него достаточно его философии. Только очень редкие из философов, как Персий, поражали, по крайней мере, бичом сатиры своих выродившихся современников. Что же касается другого сорта идеологов, — юристов, — то они были в восторге от новых порядков, потому что сглаживание всех сословных различий позволяло им разработать во всю ширь свое излюбленное частное право; зато они и составили для императоров самое гнусное государственное право, какое когда-либо существовало.

Ф. Энгельс. Бруно Бауэр и раннее христианство.
Сочинения, т. XV, стр. 607.

ЛУКИАН

1

Одним из лучших наших источников о первых христианах является Лукиан* из Самосаты, этот Вольтер классической древности, который относился ко всем видам религиозных суеверий одинаково скептически и у которого поэтому не было ни языческо-религиозных, ни политических оснований смотреть на христиан иначе, чем на всякую другую религиозную общину. Напротив, за их суеверия он высмеивает их всех, — поклонников Юпитера не меньше, чем поклонников Христа; с его плоскорационалистической точки зрения и то и другое суеверие одинаково нелепо,

Ф. Энгельс. К истории раннего христианства.
Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 411.

2

Чтобы оценить действительное значение последних античных философских учений в эпоху разложения древнего мира, Jacques Le Vovhomme стоило бы только обратить внимание на действительное положение их адептов при римском мировом господстве. Он мог бы, между прочим, найти у Лукиана подробное описание* того, как народ считал их публичными скоморохами, а римские капиталисты, проконсулы и т. д. нанимали их в качестве придворных шутов для того, чтобы они, поругавшись за столом с рабами из-за нескольких костей и корок хлеба и получив особое кислое вино, забавляли вельможу и его гостей занятными словами — «атараксия»¹, «афазия»², «гедонё»³ и т. д.⁴.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Немецкая идеология.
Сочинения, т. 3, стр. 128.

¹ — невозмутимость духа. *Ред.*

² — воздержание от уверенных суждений. *Ред.*

³ — наслаждение. *Ред.*

⁴ Далее в рукописи перечеркнуто: «подобно тому, как французские аристократы сделались после революции учителями танцев во всей Европе, а английские лорды скоро найдут себе подобающее место — в качестве конюхов и собачников цивилизованного мира». *Ред.*

СРЕДНИЕ ВЕКА

КУЛЬТУРА ГЕРМАНСКИХ ПЛЕМЕН

В течение первых шестнадцати лет нашего века в двух шлезвигских торфяных болотах были сделаны исключительной важности находки, которые были тщательно исследованы Энгельгардом в Копенгагене и после разных мытарств помещены теперь в Кильском музее. От прочих находок подобного рода их выгодно отличают находящиеся в них монеты, которые устанавливают со значительной точностью древность находок. Одна из них, из Ташбергского болота (по-датски — Thorsbjerg) около Зюдербарупа, содержит 37 монет, чеканенных в период от Нерона до Септимия Севера; другая находка, из Нидамского болота, занесенного илом и превратившегося в торфяник морского залива, содержит 34 монеты за время от Тиберия до Макрина (218 г.). Найдки относятся несомненно к периоду между 220 и 250 гг. В них содержатся предметы не только римского происхождения, но и много других, сделанных в самой Германии; ввиду того, что они почти полностью сохранились в железистой торфяной воде, они с поразительной ясностью показывают нам состояние северогерманской металлической промышленности, ткачества, судостроения, а рунические знаки показывают также состояние письменности в первую половину III столетия.

Еще более поражает нас здесь самый уровень промышленности. Тонкие ткани, изящные сандалии и хорошо сработанные шорные изделия указывают на гораздо более высокую ступень культуры, чем та, на которой стояли тацитовские германцы; но что нас особенно изумляет, так это туземные металлические изделия.

Что германцы принесли с собой со своей азиатской родины знакомство с употреблением металлов, доказывает сравнительное языковедение. Знакомство с добыванием и обработкой металлов у них, может быть, также было, но едва ли уже в то время,

когда они столкнулись с римлянами. По крайней мере, у писателей I века не встречается никаких указаний на то, что между Рейном и Эльбой добывалось и обрабатывалось железо или бронза; они скорее приводят к противоположным выводам. Правда, относительно готинов (в Верхней Силезии) Тацит говорит, что они добывают железо, а соседним квадам Птоломей приписывает изготовление железных изделий, но и те и другие могли заимствовать с берегов Дуная умение плавить железо. И находки I века, о давности которых свидетельствуют монеты, также нигде не обнаруживают туземных металлических изделий, а только римские; да и зачем было бы привозить в Германию в массовых количествах римские металлические товары, если бы там существовала собственная обработка металлов? Правда, в Германии встречаются старые формы для отливки, незаконченные бронзовые отливки и отбросы литья, но все это без монет, удостоверяющих их давность; по всей вероятности, это следы догерманской эпохи, остатки изделий из бронзы, сделанных странствующими этрускими литейщиками. Впрочем, бесцельно ставить вопрос о том, *совершенно* ли забыли переселившиеся германцы обработку железа; все факты говорят за то, что в I веке они не занимались никакой или почти никакой обработкой металлов.

Вот теперь и выступают на сцену находки в Ташбергских болотах и обнаруживают неожиданно высокий уровень развития туземной металлической промышленности. Застежки, металлические бляхи для украшений с изображениями голов животных и людей, серебряный шлем, совершенно закрывающий все лицо, за исключением только глаз, носа и рта, кольчуги из сплетенных проволок, требующие чрезвычайно усидчивой работы, так как проволоку приходится предварительно выковырять (волооченье проволоки было изобретено лишь в 1306 г.), золотой головной обруч; не упоминаю уже о других предметах, туземное происхождение которых может быть подвергнуто сомнению. С этими предметами, найденными при раскопках, обнаруживают сходство предметы из Нидамского болота, из болотной раскопки на острове Фюнене и, наконец, из одной богемской находки (в Горжовице) также начала 60-х годов: роскошные бронзовые диски с изображением человеческих голов, застежки, пряжки и т. д. — совершенно такие же, как и ташбергские, во всяком случае, следовательно, той же эпохи.

Начиная с III века металлическая промышленность, все более совершенствуясь, распространилась, по-видимому, по всей германской территории; ко времени переселения народов, примерно к концу V века, она достигла сравнительно высокого уров-

ня. Не только железо и бронза, но и золото и серебро постоянно обрабатывались, по образцу римских монет чеканились золотые брактеаты¹, производилось золочение неблагородных металлов; встречаются инкрустации, эмалевые и филигранные работы; часто при неуклюжем общем виде изделия на нем можно обнаружить в высокой степени художественные и с большим вкусом сделанные украшения, лишь отчасти представляющие подражание римским; это главным образом относится к застежкам и пряжкам или брошкам с их определенными характерными формами, которые встречаются повсюду. В Британском музее лежат застежки из Керчи, с Азовского моря, рядом с совершенно такими же, найденными в Англии, словно из одной мастерской. Стиль этих работ — часто при довольно резких местных особенностях — остается в основных чертах одинаковым на всем пространстве от Швеции до Нижнего Дуная и от Черного моря до Франции и Англии. Этот первый период германской металлической промышленности на континенте приходит к концу вместе с окончанием переселения народов и со всеобщим принятием христианства; в Англии и Скандинавии он продолжается несколько дольше.

Как широко было распространено это производство у германцев в VI и VII веках и в какой мере оно уже тогда выделилось как особая ветвь промышленности, показывают «народные правды»*. Кузнецы, в частности кузнецы, изготовляющие мечи, золотых и серебряных дел мастера часто упоминаются в «Аламманской правде», среди них даже такие, которые подвергались публичному испытанию (*publice probati*). «Баварская правда» наказывает за воровство, произведенное в церкви, в поместье герцога, в кузнице или на мельнице, повышенным штрафом, «потому что эти четыре здания — общественные дома и постоянно стоят открытыми». За убийство золотых дел мастера платят, по «Фризской правде», виру (вергельд — штраф) на $\frac{1}{4}$ больше, чем за других людей этого сословия; «Салическая правда» оценивает обыкновенного крепостного в 12 солидов, а крепостного кузнеца (*faber*) в 35 солидов.

Ф. Энгельс. Истории древних германцев.
Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 372—374.

¹ Монеты с чеканкой на одной стороне. *Ред.*

ОБЩНОСТЬ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ГЕРМАНСКИХ ПЛЕМЕН

Чем дальше мы уходим в глубь истории, тем больше стираются признаки отличия между народами одного и того же происхождения. Это объясняется, с одной стороны, природой самих источников, которые, когда имеешь дело с глубокой древностью, становятся все более скудными и охватывают лишь самое существенное, но с другой стороны, это определяется и развитием самих народов. Отдельные ответвления одного племени тем ближе стояли друг к другу и обладали тем большим сходством, чем меньше они были удалены от своего первоначального корня. Яков Гримм с полным правом всегда рассматривал как одинаково ценные источники для изучения немецкого национального характера, немецких обычаев и правовых отношений все исторические свидетельства, начиная от римских историков, описавших поход кимбров, кончая Адамом Бременским и Саксоном Грамматиком, все литературные памятники от Беовульфа и «Песни о Гильдебранде» вплоть до Эдды и древних саг, все юридические сборники от *Leges Barbarorum* [Варварские Правды] до стародатских и старошведских законов и германского обычного права. Та или иная специфическая особенность может иметь лишь местное значение, но тот характер, который она отражает, одинаково присущ всему племени, и чем древнее источники, тем все в большей степени исчезают эти местные различия.

Ф. Энгельс. Рукописи по истории Англии и Ирландии.
Архив Маркса и Энгельса, т. X,
стр. 98—99.

ПОЭЗИЯ ДРЕВНЕЙ СКАНДИНАВИИ

Я изучаю теперь сказки Гримма, германские героические саги, древнефризское право и т. д. Лишь только я с этим несколько справлюсь, я серьезно перейду к древненорвежскому языку. Поэзия там чрезвычайно трудная вследствие умышленной туманности и многоименной мифологии, и я вижу, что изучать попутно это по use¹, я должен буду как-нибудь потратить исключительно на это недели четыре, когда буду меньше занят.

Ф. Энгельс — К. Марксу 15 июля
1865 г.
Сочинения, т. XXIII, стр. 292.

¹ — невозможно. *Ред.*

ПЕСНЬ О ГИЛЬДЕБРАНДЕ

Существующее в Пруссии правительство не так глупо, чтобы самому себе перерезать горло. И если бы дело дошло до того, что реакция кинула бы немецкому пролетариату в виде приманки несколько мнимых политических уступок, то — надо надеяться — немецкий пролетариат ответит ей гордыми словами старой гильдебрандовской песни:

Mit gêrû scal man geba infâhan, ort widar orte.

«С копьём в руке примем мы дары твои, с копьём на перевес».

Ф. Энгельс. Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия.
Сочинения, т. XIII, ч. 1, стр. 73—74.

ОТРАЖЕНИЕ РОДОВОГО БЫТА В ПОЭЗИИ ДРЕВНИХ ГЕРМАНЦЕВ

Памятники языка не дают нам положительного ответа на вопрос относительно того, существовало ли у всех германцев общее выражение для обозначения рода — и какое именно. Этимологически греческому *genos*, латинскому *gens* соответствует готское *kuni*, средневерхнегерманское *künne*, и употребляется это слово в том же самом смысле. На времена материнского права указывает то, что название женщины происходит от того же корня: греческое *gune*, славянское *zëna* [жена], готское *qvinô*, древнескандинавское *kona*, *kupa*. — У лангобардов и бургундов мы встречаем, как уже сказано, слово *faga*, которое Гримм выводит от гипотетического корня *fisan* — рождать. Я предпочел бы исходить из более очевидного происхождения от *fagan* — ездить, кочевать, возвращаться, как обозначения определенной части кочевого обоза, почти что, само собой разумеется, состоящей только из родственников, — обозначения, которое за время многовековых скитаний сперва на восток, затем на запад постепенно было перенесено на самый род. Далее, готское *sibja*, англо-саксонское *sib*, древневерхнегерманское *sipria*, *sipra* — род (*Sippe*). В древнескандинавском языке встречается лишь множественное число *sifjar* — родственники, в единственном числе — только как имя богини *Sif*. И, наконец, в песне о Гильдебранде попадает еще другое выражение, именно в том месте, где Гильдебранд спрашивает Гадубранда: «Кто твой отец среди мужчин в народе... или какого ты рода» (*eddo huêlihhes cnuosles du sis*). Если только вообще существовало общее германское обозначение

для рода, то оно, очевидно, звучало по-готски *kunī*; за это говорит не только тождество с соответствующим выражением родственных языков, но и то обстоятельство, что от него происходит слово *kuning* — король, которое первоначально обозначает родового или племенного старшину. *Sibja* (родственник, родня) не приходится, по-видимому, принимать в расчет; по крайней мере, *sifjar* означает на древнескандинавском языке не только кровных родственников, но и свойственников, т. е. включает членов по меньшей мере *двух родов*: самое слово *sif*, таким образом, не могло служить обозначением рода.

Как у мексиканцев и греков, так и у германцев эскадрон конницы и клиновидная колонна пехоты выстраивались в боевой порядок по родовым группам; если Тацит говорит: по семьям и родственными группам, то это неопределенное выражение объясняется тем, что в его время род в Риме давно перестал быть живым объединением.

Решающее значение имеет одно место у Тацита, где говорится, что брат матери смотрит на своего племянника как на сына; некоторые даже считают кровные узы, связывающие дядю с материнской стороны и племянника, более священными и тесными, чем связь между отцом и сыном, так что, когда требуют заложников, сын сестры признается большей гарантией, чем собственный сын человека, которого хотят связать поручительством. Здесь мы имеем живой пережиток рода, организованного на материнском праве, следовательно, первоначально, и притом как нечто специально отличающее германцев¹. Если член такого рода давал собственного сына в залог какого-либо обязательства и сын становился жертвой нарушенного отцом договора, то это было делом только самого отца. Но если жертвой оказывался сын сестры, то этим нарушалось священнейшее родовое право; ближайший кровный родственник мальчика или юноши,

¹ Особенно тесная по своей природе связь между дядей с материнской стороны и племянником, ведущая свое происхождение от эпохи материнского права и встречающаяся у многих народов, известна грекам только в мифологии героического периода. Согласно Диодору (IV, 34), Мелеагр убивает сыновей Тестия, братьев своей матери Альтеи. Последняя видит в этом поступке столь непростительное преступление, что проклинает убийцу, своего собственного сына, и призывает на него смерть. «Боги, как рассказывают, вняли ее желаниям и положили конец жизни Мелеагра». По словам того же Диодора (IV, 44), аргонавты под предводительством Геракла высаживаются во Фракии и находят там, что Финей, подстрекаемый своей новой женой, истязает своих двух сыновей, рожденных от первой прогнанной жены, Бореады Клеопатры. Но среди аргонавтов оказываются также Бореады, братья Клеопатры, т. е. братья матери истязуемых. Они тотчас же вступаются за своих племянников, освобождают их и убивают стражу.

предпочтительно перед другими обязанный охранять его, оказывался виновником его смерти; этот родственник или не должен был делать его заложником, или обязан был выполнить договор. Если бы мы не обнаружили никаких других следов родового строя у германцев, то было бы достаточно одного этого места.

Еще более решающее значение имеет одно место из древне-скандинавской песни «Völuspá» о сумерках богов и гибели мира как источник на 800 лет более поздний. В этом «Видении пророчицы», в которое, как доказано теперь Бангом и Бугге, вплетены также и элементы христианства, при описании эпохи всеобщего вырождения и нравственного упадка, предшествующей катастрофе, говорится следующее:

Broedhr munu berjask
munu *systrungar*

ok at bönum verdask
sifjum spilla.

«Братья будут между собой враждовать* и станут убивать друг друга, дети сестер порвут союз родства».

Systrungr — значит сын сестры матери, и то обстоятельство, что они не будут признавать взаимного кровного родства, представляется поэтому еще большим преступлением, чем братоубийство. Это усугубление выражено в слове *systrungar*, которое подчеркивает родство с материнской стороны; если бы вместо этого стояло *syskina-Börn* — дети братьев и сестер — или *syskina-synir* — сыновья братьев и сестер, то вторая строка означала бы по отношению к первой не усиление, а ослабление. Таким образом, даже во время викингов, когда возникла «Völuspá», в Скандинавии еще не исчезло воспоминание о материнском праве.

Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства.
Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 113—115.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЛЮБВИ В АНТИЧНОЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

До средних веков не может быть и речи об индивидуальной половой любви. Что физическая красота, близкие отношения, одинаковые склонности и т. п. пробуждали у людей различного пола стремление к половому общению, что как для мужчин, так и для женщин не было совершенно безразлично, с кем они вступали в эти интимные отношения, — разумеется само собой. Но

от этого до нашей половой любви еще бесконечно далеко. На протяжении всей древности браки заключались не заинтересованными сторонами, а их родителями, и первые спокойно мирились с этим. Та скромная доля супружеской любви, которую знает древность, — не субъективная склонность, а объективная обязанность, ее основа брака, а дополнение к нему. Любовные отношения в современном смысле имеют место в древности лишь вне официального общества. Пастухи, любовные радости и страдания которых нам воспевают Феокрит и Мосх, «Дафнис и Хлоя» Лонга — рабы, не принимающие участия в делах государства, в сфере жизни свободного гражданина. Но помимо любовных связей среди рабов мы встречаем любовные связи только как продукт распада гниющего древнего мира, и притом связи с женщинами, которые также стоят вне официального общества, с гетерами, т. е. чужестранками или вольноотпущенницами: в Афинах — накануне их гибели, в Риме — во время империи. Если же любовные связи действительно устанавливались между свободными гражданами и гражданками, то только ради прелюбодеяния. А для древнего классического певца любви, старого Анакреона, половая любовь в нашем смысле была настолько безразлична, что для него безразличен был даже пол любимого существа.

Наша половая любовь существенно отличается от простого влечения, от эроса древних. Во-первых, она предполагает у любимого существа взаимную любовь; поэтому женщина находится в равном положении с мужчиной, тогда как во времена античного эроса ее отнюдь не всегда спрашивали. Во-вторых, половая любовь знает такую степень интенсивности и продолжительности, при которой необладание и разлука представляются обоим сторонам большим, если не величайшим, несчастьем; они идут на большой риск, ставят на карту свою жизнь, чтобы только обладать друг другом, что в древности бывало разве только в случаях супружеской неверности. И, наконец, возникает новый нравственный критерий для оценки половой связи: спрашивают не только о том, была ли она в браке или вне брака, но и о том, по взаимной ли любви или нет? Понятно, что в феодальной или буржуазной практике с этим новым критерием обстоит не лучше, чем со всеми другими критериями нравственности, — с ним не считаются. Но к нему и не хуже относятся, чем к другим; он так же, как и те, признается в теории, на бумаге. А большего и требовать пока нельзя.

Средневековье начинается с того, на чем остановился древний мир в своих зачатках половой любви, — с прелюбодеяния. Мы описали уже рыцарскую любовь, создавшую песни утренней

зари. От этой любви, стремящейся к разрушению брака, до любви, которая должна положить ему основание, лежит еще далекий путь, который рыцарство до конца пройти не могло. Даже переходя от легкомысленных романских народов к добродетельным германцам, мы находим в песне о Нибелунгах, что Кримгильда, хотя она втайне влюблена в Зигфрида не меньше, чем он в нее, однако на слова Гунтера, что он просватал ее за рыцаря, имени которого он не называет, отвечает просто: «Вам не нужно меня просить; как вы мне прикажете, так я всегда и буду поступать; кого вы, государь, дадите мне в мужья, с тем я охотно обручусь»*. Ей совсем в голову не приходит, что в данном случае вообще может быть принята во внимание ее любовь. Гунтер сватается за Брунгильду, а Этцель за Кримгильду, которых они ни разу не видели; точно так же в «Гудруне» сватается Зигебант ирландский за норвежскую Уту, Гетель из Гегелингена — за Гильду ирландскую, наконец Зигфрид морландский, Гартмут орманский и Гервиг зееландский — за Гудруну; и только последняя свободно решает в пользу Гервига. По общему правилу, невесту для молодого князя подыскивают его родители, если они еще живы; в противном случае он это делал сам, советуясь с крупными ленниками, мнение которых во всех таких случаях пользовалось большим весом. Да иначе и быть не может. Для рыцаря или барона, как и для самого владетельного князя, женитьба — политический акт, случай для увеличения своего могущества при помощи новых связей; решающую роль должны были играть интересы династии, а отнюдь не личные симпатии. Как при таких условиях могло в вопросе о браке последнее слово принадлежать любви?

Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства.
Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 58—59.

РИХАРД ВАГНЕР И НЕМЕЦКИЙ НАРОДНЫЙ ЭПОС

1

Морган, надеюсь, будет готов* на будущей неделе; сейчас я не могу много работать. Здесь Шорлеммер и Мур.

Это до поры до времени последняя моя работа; резюмировать такую богатую содержанием, но так скверно написанную книгу — дело не шуточное. Если Тусси найдет соответствующее письмо,

то [в книгу] войдет также и отзыв Маркса о Рихарде Вагнере*; какая между ними связь — сообразите сами.

Ф. Энгельс — К. Каутскому 11 апреля 1884 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 369.

2

В одном письме, написанном весной 1882 г.*, Маркс в самых резких выражениях отзывается о полном искажении первобытной эпохи в вагнеровском тексте «Нибелунгов»*. «Слыхано ли было когда-нибудь, чтобы брат обнимал сестру как супругу?» Этим вагнеровским «богам сладострастия», которые совсем по-современному придают своим любовным похождениям большую пикантность некоторой дозой кровосмешательства, Маркс отвечает: «В первобытную эпоху сестра была женой, и это было нравственно». (Примечание к 4-му изданию.) Некий французский друг и почитатель Вагнера не согласен с этим примечанием и замечает, что уже в более древней «Эдде», из которой исходил Вагнер, в «Эгисдрекке»*, Локи так упрекает Фрейю: «Перед богами обняла ты собственного брата». Отсюда будто бы следует, что брак между братом и сестрой уже тогда был запрещен. Но «Эгисдрекка» служит выражением того времени, когда вера в старые мифы была окончательно сломлена: это — чисто лукиановского типа сатира на богов. Если Локи-Мефистофель делает в ней Фрейе такой упрек, то это скорее говорит против Вагнера. Притом несколькими стихами дальше Локи говорит Ниорду: «Со своей сестрой породил ты (такого) сына» (Vidh systur thinni gaztu slikan mög). Правда, Ниорд не аз, а ван, и в саге Инглинга* он говорит, что браки между братьями и сестрами обычны в стране ванов, чего не было у азов. Это может служить признаком того, что ваны более древние боги, чем азы. Во всяком случае, Ниорд живет среди азов, как среди себе подобных, и поэтому «Эгисдрекка» служит скорее доказательством того, что в эпоху возникновения норвежских саг о богах брак между братьями и сестрами, по крайней мере между богами, не возбуждал еще ни малейшего возмущения. Если же оправдывать Вагнера, то, пожалуй, лучше сослаться вместо «Эдды» на Гёте, который в балладе о боге и баядерке делает подобную же ошибку относительно религиозной обязанности женщины отдаваться в храмах, слишком сближая этот обычай с современной проституцией.

Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства.
Сочинения, т. XVI, ч. I, примеч. к стр. 22.

ЛИТЕРАТУРА ДРЕВНЕЙ ИРЛАНДИИ

1

Писатели греческой и римской древности, а также отцы церкви сообщают очень мало сведений об Ирландии.

Зато существует довольно обширная местная литература, которая, несмотря на гибель во время войн XVI и XVII веков множества ирландских рукописей, все же довольно богата. Она содержит вирши, грамматики, глоссарии, летописи и другие исторические сочинения, а также юридические сборники. Однако, за весьма немногими исключениями, вся эта литература, охватывающая период по крайней мере от VIII до XVII века, существует только в *рукописном виде*. Для ирландского языка книгопечатание лишь совсем недавно начало свое существование, только с того времени, когда он стал вымирать. Имеющийся обширный материал доступен, таким образом, только в самой незначительной части.

Среди летописей важнейшими являются: Летопись аббата *Тигернаха* (умер в 1088 г.), *Ольстерская летопись* и особенно *Летопись четырех магистров*. Эта последняя была составлена в 1632—1636 гг. в Донегаальском монастыре под руководством францисканского монаха Михаила О'Клери в сотрудничестве с тремя другими *seanchaidhes* (хронистами) на основании материалов, из которых почти ничего не сохранилось до нашего времени. Критическое издание этой летописи с английским переводом было предпринято О'Донованом в 1856 г. по еще существующему оригиналу рукописи из Донегаальского монастыря¹. Прежние издания д-ра Чарльза О'Конора (первая часть Летописи четырех магистров. Ольстерская летопись и др.) ненадежны со стороны текста и перевода.

Большая часть этих летописей начинается с мифической предистории Ирландии; в ее основе лежали старинные народные сказания, которые были бесконечно приукрашены поэтами IX и X веков и затем приведены в надлежащий хронологический порядок монахами-летописцами. Так начальной датой Летописи четырех магистров служит 2242 год от сотворения мира, когда за 40 дней до потопа в Ирландии якобы высадилась Цесара, внуч-

¹ *Annala Rioghachta Eireann. Annales of Kingdom of Ireland by the Four Masters, edited with an English translation by D-r John O'Donovan* [Летопись ирландского королевства, составленная четырьмя магистрами. Издана и снабжена английским переводом д-ром О'Донованом]. Дублин, 1856, 7 томов in 4°.

ка Ноя; другие летописи производят предков последних переселенцев в Ирландию, скоттов, по прямой линии от Яфета и устанавливают связь их с Моисеем, египтянами и финикийцами, подобно тому как наши средневековые хронисты связывают предков германских племен с Троей, Энеем или Александром Великим. Четыре магистра посвящают всем этим басням (из которых до сих пор не удалось еще выделить единственно ценное, что в них есть, — подлинное древнее народное предание) всего двести странички; Ольстерская летопись опускает их совсем; Тигернах с удивительным для его времени критическим дерзанием объявляет о недостоверности всех письменных памятников скоттов до короля Кимбота (по-видимому, 300 г. до нашей эры¹). Но когда в конце прошлого столетия в Ирландии пробудилась новая национальная жизнь и вместе с тем возродился интерес к ирландской литературе и истории, в качестве их наиболее ценного элемента стали фигурировать как раз эти выдумки монахов. С чисто кельтским энтузиазмом и с характерной ирландской наивностью вера в эти анекдоты была провозглашена существенной составной частью ирландского патриотизма. А высокоумные представители ученого мира Англии, — достаточно хорошо известные всему прочему миру своими почтенными трудами в области филологической и исторической критики, — естественно, воспользовались этим желанным предлогом, чтобы отбросить как явную нелепость все, что принадлежит Ирландии².

Ф. Энгельс. Рукописи по истории Англии и Ирландии.
Архив Маркса и Энгельса, т. X,
стр. 81—82.

¹ Томас Мур, сочинение которого «The History of Ireland» [«История Ирландии»] было использовано Энгельсом при составлении его хронологической таблицы по истории Ирландии, подвергает сомнению эту дату и предлагает отнести царствование Кимбота к 200 г. до н. э. В «Хронологии Ирландии» Энгельс приводит вторую дату, см. стр. 107 настоящего тома. *Ред.*

² Одним из наивнейших произведений того времени является «The Chronicles of Eri, being the History of the Gaal Sciot Iber or the Irish People, translated from the original Manuscripts in the Phoenician Dialect of the Scythian Language by O'Connor» [«Хроника Эри, содержащая историю галло-скотто-иберов, или ирландского народа, переведенная с подлинной рукописи на финикийском наречии скифского языка О'Коннором»], Лондон, 1822, 2 тома. Финикийское наречие скифского языка — это, конечно, кельтский язык ирландцев, а подлинная рукопись — произвольно выбранная стихотворная хроника. Издатель этой книги — Артур О'Коннор, изгнанник 1798 г., дядя будущего вождя английских чартистов Фергюса О'Коннора, предполагаемый потомок древних О'Конноров, королей Коннаута, и до некоторой степени претендент на ирландскую корону. Перед титульным листом помещен его портрет — человек с красивым жизнерадостным ирланд-

2

«*Senchus Mór*» до сих пор является нашим главным источником для изучения древней Ирландии. Это сборник древних юридических постановлений, который, согласно написанному позднее введению, был составлен по совету св. Патрика и приведен при его сотрудничестве в соответствие с требованиями быстро распространявшегося в Ирландии христианства. Верховный король Ирландии Лаэгхайр (428—458 гг., согласно Летописи четырех магистров), вассальные короли: Корк, король Мэнстера, и Дайре, вероятно, один из тэнов¹ Ольстера, далее, три епископа: св. Патрик, св. Бенигнус и св. Кайрнех, и, наконец, три ученых юриста: Дубтах, Фергус и Росса — были якобы участниками составившей этот сборник «комиссии», труды которой обошлись, наверное, много дешевле, чем стоила нынешняя комиссия, которая должна была только его издать. Четыре магистра указывают на 438 г. как на год составления этого сборника.

Самый текст явным образом покоится на древнейших языческих источниках. Все древнейшие юридические формулы приведены в нем в стихах, обладающих определенным размером и так называемым созвучием — особого рода аллитерацией или, вернее, ассонансом согласных, который характерен для ирландского стихосложения и часто переходит в полную рифму. Поскольку, как это установлено, древние ирландские юридические сборники были переведены в XIV веке с так называемого фенийского наречия (*Bérla Feini*), языка V века, на употребляемый в то время разговорный ирландский язык (предисловие, т. I, стр. XXXVI и сл.), то этим объясняется, что во многих местах в «*Senchus Mór*» стихотворный размер в большей или меньшей степени оказался сглаженным, но, наряду со случайными рифмами и сильно ассонирующими местами, он все-таки проступает достаточно часто, чтобы придать тексту известное ритмическое движение. В большинстве случаев достаточно прочесть только перевод, чтобы обнаружить эти формулы в стихах. Но вместе с тем, особенно во второй половине сборника, встречается множество мест несомненно прозаических; и если стихотворные фор-

ским лицом, поразительно похожий на своего племянника Фергюса; в правой руке он держит корону. Внизу подпись: «O'Коннор, *sear-ríge*, глава своего племени и вождь поверженного народа своей страны.—*Soumis, ras vaincus* [Подчиненные, но не покоренные]».

¹ У Энгельса — «*Fürst*» (князь); этот немецкий термин он довольно часто употребляет здесь для обозначения ирландских вождей кланов или тэнов (*chief-tains*) и крупных феодалов. *Ред.*

мулы, наверное, очень древнего происхождения и переданы по традиции, то эти прозаические вставки принадлежат самим составителям сборника. Отметим еще, что «Senchus Mor» неоднократно цитируется в приписываемом королю и епископу Кашеля Кормаку глоссарии IX или X века, так что запись этих законов была сделана несомненно задолго до нашествия англичан.

Этот текст почти во всех рукописных списках (самый древний из них относится, по-видимому, к XIV веку, или еще древнее) снабжен рядом грамматических глосс, которые совпадают почти во всех рукописях, а также более подробными примечаниями, комментирующими содержание. Глоссы выдержаны целиком в духе старых глоссариев: каламбуры заменяют в них этимологию и действительное объяснение слов; примечания весьма различны по своему достоинству, часто сильно искажены и во многих местах непонятны, по крайней мере, без знакомства с остальными юридическими сборниками. Какова давность этих глосс и примечаний, нельзя сказать определенно; но большая их часть написана, вероятно, уже после английского вторжения. Так как, однако, в них очень мало следов дальнейшего развития права, выводящих за рамки содержания самого текста, да и эти следы обнаруживаются только в более точном определении деталей, то большая, чисто объяснительная часть этих примечаний безусловно может быть использована, с известной осторожностью, как источник и для более древнего периода.

«Senchus Mor» содержит: 1) залоговое право, т. е. примерно все судопроизводство; 2) право, касающееся заложников, которые во время междоусобиц выдавались населением различных территорий; 3) право, относящееся к Saerrath и Daerrath (см. ниже)¹ и 4) семейное право. Мы узнаем из него много ценных сведений о жизни общества того времени, но пока не выяснен целый ряд мест и не опубликованы остальные рукописи, многое остается еще темным.

¹ Saerrath и Daerrath, или Saer-stock-tenure и Daer-stock-tenure — так назывались в Ирландии различные виды держания, которые были связаны с частичной утратой личной свободы (Saerrath — в большей, Daerrath — в меньшей степени) и выполнением ряда тяжелых барщинных повинностей в пользу владельца скота и земли (например, вождя клана или племени), передаваемых в пользование держателя. Эта форма зависимости была характерна для общества, стоящего на ранней ступени развития феодализма и сохранившего еще много пережитков родового строя. Как видно из имеющихся среди рукописей Энгельса материалов, в его намерения входило освещение вопроса о древнем общественном строе и древних учреждениях Ирландии. *Ред.*

О состоянии ирландского народа до прихода англичан нам дают представление, кроме письменности, также сохранившиеся до нашего времени архитектурные памятники, церкви, круглые башни, укрепления, надписи.

Ф. Энгельс. Рукописи по истории Англии и Ирландии.
Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 84—86.

3

Впрочем, в других областях вскоре появились и некоторые признаки прогресса. При короле Кормаке Улфада, царствование которого относят ко второй половине III века, его зять Финн Мак-Кумхал реорганизовал будто бы ирландское ополчение — *Fianna Eirioinn*¹ — вероятно по образцу римского легиона, введя разделение между легко вооруженными и линейными войсками. Во все последующие периоды в ирландском войске, о котором мы знаем некоторые подробности, различалась легкая (*kerne*) и тяжелая (*galloglas*), или линейная пехота. Героические подвиги этого Финна воспеты во многих старинных песнях; некоторые из них сохранились до настоящего времени; они-то — возможно вместе с незначительной долей шотландско-гаэльских традиций — составляют основу макферсоновского «Оссиана» (по-ирландски *Oisín* — сын Финна), в котором Финн обращен в Фингала и место действия перенесено в Шотландию. В устных преданиях ирландского народа Финн продолжает жить как Финн Мак-Кол, великан, которому почти в каждой местности острова приписывается какой-нибудь удивительный подвиг.

Ф. Энгельс. Рукописи по истории Англии и Ирландии.
Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 90.

4

Взаимные раздоры ирландских вождей чрезвычайно облегчили норманнам грабеж страны и основание в ней своих поселений и позволили им даже на время завоевать весь остров. В какой мере сами скандинавы расценивали Ирландию как одну из

¹ Слово *feine*, фении, во всем «*Senchus Mor*» употребляется как имя ирландского народа. *Feinechus*, *fenchus* закон фениев — служит часто для обозначения либо «*Senchus*», либо другого, потерянного ныне свода законов. Одновременно *feine*, *grad fine* означает плебс, низший класс свободных людей.

стран, доставлявших им регулярную добычу, показывает сочиненная около 1000 г. «Krákumál» — так называемая предсмертная песнь Рагнара Лодброка, заключенного в «Змеиную башню» короля Нортумбрии Эллы. В этой песне древнеязыческая дикость как бы в последний раз проявляется во всей своей силе; прославление геройских подвигов короля Рагнара служит только предлогом; песня скорее повествует в кратких чертах как о разбойничьих походах всего этого северного племени в его собственной стране, так и об экспедициях на побережье от Дюнамюнде до Фландрии, в Шотландию (последняя здесь уже названа этим именем и, возможно, в первый раз) и Ирландию. Об Ирландии говорится:

«Мы мечами ударили там, высокими горами мертвых
Поле устлали. Волка брат был весел от ярости битвы;
Железо стучало о бронзовый щит; властитель

Ирландии Марштейн

Не оставил без пищи орла, насытил свирепого волка.
В Ведрафьорде жертвы принесены ворону.

Мы мечами ударили там, утром игру мы затеяли —
Битву веселую там в Линдисейри с тремя королями.
Немногим уйти невредимым тогда посчастливилось:
С волком сокол бился за мясо, пожирала людей волчья пасть,
Кровь ирландцев потоком лилась на песчаную отмель»¹.

Ф. Энгельс. Рукописи по истории Англии и Ирландии.
Архив Маркса и Энгельса, т. X,
стр. 94.

5

Норманны, поселившиеся в Ирландии и лишившие независимости Лейнстер (король Лейнстера Маолморда был возведен в 999 г. на престол с их помощью и держался у власти только при

¹ Hiuggu ver meðh hiörvi, hverr lá thverr of annann; glaðhr varðh gera bróðhir getu vidh sökran laeti, lét ei örn në ýlgi, sá er Írlandi stýrdhi (mót varðh málms ok ritar) Marsteinn konungr fasta; varðh Í Vedhra firdhi valtafn gefit hrafni.

Hiuggu ver meðh hiörvi, háðhum sudhr af morni leik fyrir Lindiseyri vidh lofdhúnga threnna; fárr átti thví fagna (fell margr í gyn úlfi, haukr sleit hold meðh vargi), at hann heill thadhan kaemi; Íra blodh í oegi aerit féll um skaeru.

Ведрафьорд — это, как уже было сказано, Уотерфорд; найден ли где-нибудь Линдисейри (Lindiseyri) — мне неизвестно. Однако это ни в коем случае не Лейнстер, как переводил Джонстон; окончание eugi (песчаная коса, по-датски — öre) указывает на то, что дело идет о вполне определенной местности. Valtafn — может также означать «пища сокола» и большей частью так и переводится; но так как ворон является священной птицей Одина, то очевидно, что это слово применялось и в том и в другом значении.

их поддержке), предвидя, что предстоит решительный бой, разослали посланцев на Южные и Оркнейские острова, в Данию и Норвегию с просьбой о подкреплении, которое и прибыло в большом количестве. В саге о Ниале повествуется* о том, как на Оркнейских островах снарядился в поход ярл Сигурд Лаудрисон, как вместе с ним отправились Торштейн Сидугальсон, Графн Красный и Эрлинг из Штраумей, как в вербное воскресенье прибыл он со всей своей ратью в Дублин (Dyflin), куда «прибыл также со всем своим войском и Бруодгир. Бруодгир стал испытывать посредством колдовства, какова будет судьба сражения, и ответ гласил: если будут сражаться в пятницу, то король Бриан падет, но победа достанется ему, если же битва начнется раньше, то падут все его противники. И Бруодгир сказал, что бой следует начать не раньше, чем в пятницу».

О самом сражении имеются две версии: версия ирландских летописей и скандинавская версия из саги о Ниале. Согласно этой последней, «король Бриан подступил к той крепости (Дублину) со всей своей ратью; в пятницу из крепости вышло войско (норманнов), и обе рати построились в боевом порядке. Бруодгир был на одном крыле, а король Сигтриг (по Инисфаленской летописи, король дублинских норманнов) — на другом. О короле Бриане следует сказать, что он не хотел биться в пятницу и что вокруг него был разбит укрепленный лагерь, а его войско выстроилось впереди. Ульф Грейда был на том крыле, которое приходилось против Бруодгира, на другом — там, где против был Сигтриг, — стоял Оспак со своими сыновьями, в центре же находился Кертиалфад, и перед ним несли знамя». Когда начался бой, Ульф Грейда загнал Бруодгира в лес, где тому удалось укрыться; ярлу Сигурду пришлось отражать жестокие атаки Кертиалфада, который пробился к знамени, сразил знаменосца, а также следующего воина, схватившего знамя; тогда все стали отказываться нести знамя, и ярл Сигурд сорвал его с древка и спрятал в складах своей одежды. Вскоре вслед затем он был пронзен копьем, и тут же, по-видимому, была разгромлена вся его дружина. Тем временем Оспак ударил норманна в тыл и после жестокого боя опрокинул крыло, которым командовал Сигтриг. «Тут все отряды обратились в бегство. Торштейн Сидугальсон остановился, в то время как все другие бежали, и стал завязывать ремни на своих башмаках. Тогда Кертиалфад спросил его, почему он не побежал вместе с остальными. Торштейн ответил: «О, мне ведь сегодня вечером все равно не бывать дома, долог мой путь на родину в Исландию». И Кертиалфад отпустил его с миром». — Тем временем Бруодгир заметил из своего укрытия, что войско Бриана пре-

следует бегущих и что подле укрепленного лагеря оставалось немного людей. Тогда он выбежал из леса, прорвался в лагерь и умертвил короля (Бриан, которому было 88 лет, не мог, разумеется, участвовать в битве и оставался в лагере). «И тогда Бруодгир закричал громким голосом: «Пусть люди рассказывают друг другу, что Бриан пал от руки Бруодгира!»». — Но вот преследовавшие врага воины вернулись обратно, окружили Бруодгира и взяли его в плен живым. «Ульф Грейда распорол ему живот, стал водить его вокруг дуба и вымотал из него кишки, обвинив ими ствол дерева, и Бруодгир умер не раньше, чем из него были выпущены все кишки, люди же Бруодгира были все перебиты».

Согласно Инисфаленской летописи, норманнское войско было разделено на три отряда: первый состоял из дублинских норманнов и прибывших к ним на помощь 1000 норвежцев, которые все были в доспехах из длинных кольчуг; во втором было ирландское вспомогательное войско из Лейнстера под предводительством короля Маолморды; третий состоял из прибывших с островов и из Скандинавии подкреплений под командой Бруадхайра, возглавлявшего флотилию, на которой они были доставлены, и ярла Оркнейских островов Лодара. Бриан построил против них свое войско также тремя отрядами, но имена их начальников не совпадают с теми, которые указаны в саге о Ниале. В рассказе о самом сражении нет ничего примечательного, короче и яснее сообщение о нем Летописи четырех магистров, которое мы и приводим ниже:

«Лето господне 1013 (вследствие постоянной ошибки эта дата стоит вместо 1014 г.). Чужеземцы со всей Западной Европы собрались против Бриана и Маолсеахлайна (подвластный Бриану король Мита, обычно встречается под именем Малахия), и они привезли с собой тысячу воинов в кольчугах. Неистовая, яростная, гигантская, свирепая битва, равной которой не бывало доселе, разыгралась между ними в Клуайнтарбе (Воловий луг, ныне Клонтарф) как раз в страстную пятницу. В этой битве были убиты Бриан, 88 лет от роду, Мурхад, его сын, 63 лет, Конайнг, его внучатый племянник, Тордельвах, его внук (следует множество имен)... Наконец, силы (врагов) были отброшены от Тулкайна до Athcliath (Дублина) Маолсеахлайном в результате жестокого боя и благодаря отважным схваткам с чужеземцами и лейнстерцами; и тут пал Маолморда, король Лейнстера, сын Мурхада, происходившего от Финна... и кроме того, было еще несметное число убитых среди лейнстерцев. Были также убиты Дубгал, сын Амхланиба (обычно упоминается под именем Анлафа или Олафа) и Гиллакиарайн, сын Глуинайна, — два вассальных

военачальника (tanaisi) чужеземцев, Зихфрит, сын Лодера, ярла Оркнейских островов (iarla insi h Oirc), Бродар, предводитель датчан — тот самый, который убил Бриана. Тысячи воинов в кольчугах были зарублены, и было убито там не менее 3 000 чужеземцев».

Сага о Ниале была записана в Исландии приблизительно через сто лет после битвы; ирландские летописи основаны, по крайней мере частично, на рассказах современников. Оба эти источника совершенно независимы друг от друга, и оба не только согласуются между собой в главных пунктах, но и восполняют друг друга. Кто такие были Бруодгир и Сигтриг, мы узнаем лишь из ирландских летописей. Сигурд Лаудрисон фигурирует здесь под именем Зихфрита, сына Лодара, ибо Зихфрит есть правильная англо-саксонская форма древнескандинавского имени Сигурд, а скандинавские имена встречаются в Ирландии — как на монетах, так и в летописях — большей частью не в древнескандинавской, а в англо-саксонской форме. Имена вассальных военачальников [Unterführer] Бриана в саге переделаны на скандинавский лад; одно из этих имен, Ульф Грейда, даже совсем древнескандинавского происхождения, но было бы рискованно делать отсюда вывод, — как поступают некоторые исследователи, — что и в войске Бриана также были норманны. Оспак, а также Кертиалфад, по-видимому, кельтские имена; второе из них, возможно, искаженная форма имени Тордельвах, встречающегося у Четырех магистров. В отношении даты битвы — одни называют первую пятницу после вербного воскресенья, другие — страстную пятницу — источники полностью сходятся, равно как и в отношении места; хотя в саге о Ниале и назван Кантарбург (иначе говоря, Кентербери), однако там прямо указывается, что битва произошла у самых ворот Дублина. Ход битвы точнее всего описан у Четырех магистров: норманны из Клонтарфской равнины, где они атаковали войско Бриана, были отброшены к Дублину через речку Толку, протекающую около самого города с северной стороны. О том, что Бруодгир убил короля Бриана, знают оба источника, но более подробные сведения сообщает только скандинавский источник.

Принимая во внимание варварство той эпохи, следует сказать, что наши сведения об этой битве достаточно обстоятельны и достоверны; немного найдется сражений в XI веке, о которых мы имели бы такие определенные и совпадающие друг с другом свидетельства обеих враждебных сторон. Это не помешало г-ну профессору Голдвину Смиту изображать ее не иначе, как «призрачным (shadowy) конфликтом» (в указанном сочинении *, стр. 48).

Действительно, в голове этого профессора самые осязаемые факты довольно часто приобретают «призрачный» характер.

После Клонтарфского поражения разбойничьи набеги норманнов становятся более редкими и менее опасными; дублинские норманны вскоре оказались под властью соседних ирландских гэнов и во втором или третьем поколении слились с коренными жителями. За все произведенные ими опустошения скандинавы вознаградили ирландцев лишь тем, что оставили после себя три-четыре города и зачатки занимавшегося торговлей бюргерства.

Ф. Энгельс. Рукописи по истории Англии и Ирландии.
Архив Маркса и Энгельса, т. X,
стр. 95—96.

6

Сохранились ирландские стихи, которые восходят еще к древним временам милезиев*; в рукописи¹ они сопровождаются написанными между строк глоссами, без которых их невозможно понять; по и язык самих глосс чрезвычайно архаичен и с трудом поддается пониманию.

Ф. Энгельс. Рукописи по истории Англии и Ирландии.
Архив Маркса и Энгельса, т. X,
стр. 103.

7

Наследственность должностей в семьях (но не абсолютно для всех {профессий}, а лишь для некоторых). Так, еще во времена Кэмдена, и даже позже, род О'Кулинанов в Корке постоянно насчитывал в своей среде одного или нескольких врачей, и в народе говорили, когда кто-нибудь оказывался неизлечимо болен: ему не поможет и сам О'Кулинан. То же самое — герольды, барды, музыканты (и хронисты [seanachies или seanchaidhes]). Это было, разумеется, связано с соответствующим земельным наделом.

Ф. Энгельс. Рукописи по истории Англии и Ирландии.
Архив Маркса и Энгельса, т. X,
стр. 103.

¹ Имеется в виду рукопись древнего юридического сборника «Senchus Mor». *Ред.*

ДАТСКАЯ ПОЭЗИЯ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Случайно мне в руки попались стародатские Kjömpre-Viser¹; среди хлама встречаются прекрасные вещи. Вот одна, переведенная Уландом:

Вскачь Олоф мчится под шорох ветвей*,
На свадьбу свою он созвал гостей...
А пляска идет все живей и живее.
Его обступил плясуний ряд,
И молвит дочь Лесного царя:
Куда тебя, Олоф, твой конь несет?
Слезай и пойдем со мной в хоровод.
Нет, нет! Мне с тобою нельзя плясать:
Мне завтра — свадьбу свою играть.
Послушай, Олоф, не будь упрям;
Тебе сапожки я в подарок дам.
Красивей их ты найдешь навряд;
На них золотые шпоры звенят.
Нет, нет! Мне с тобою нельзя плясать и т. д.
Послушай, Олоф, не будь упрям,
Тебе я из шелка сорочку дам.
Ее белила мать при луне;
Слезай же с коня и дай руку мне.
Нет, нет! Мне с тобою нельзя плясать и т. д.
Послушай, Олоф, не будь упрям;
За танец я слиток золота дам.
Его получить я был бы рад,
Но теперь тороплюсь я домой назад.
Так ты не хочешь плясать со мной?
Тогда погибай от болезни лихой!
Он вдруг удар почувствовал в грудь,
От страшной боли не мог вздохнуть.
Она посадила его на коня:
К невесте своей спешу от меня!
Когда он подъехал к воротам своим,
Предстала мать родная пред ним.
Ты бледен, как смерть, мой сын дорогой;
Скажи мне скорей, что случилось с тобой.
Да как же не быть мне бледным, мать?
Мне Лесную царевну пришлось повстречать.
А если спросит невеста твоя,
Что, Олоф, тогда ей отвечу я?
Скажи ей, что в рощу ушел жених
Коня испытать и свору борзых.
Поутру, лишь только рассеялась мгла,
Невеста с дружками в дом пришла,
Они разлили вино и мед.
А где жених мой? Что он нейдет?

¹ Героические баллады. Ред.

Намедни в рощу ушел твой жених
 Коня испытать и свору борзых.
 Покров подняла, — он от крови был ал;
 Под ним бездыханный Олоф лежал.

Мне это нравится гораздо больше, чем прилизанный перевод Уланда. Но другая песня — «Господин Ион» — еще лучше.

Ф. Энгельс — К. Марксу 20 июня
 1860 г.
 Сочинения, т. XXII, стр. 511—513.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XII ВЕКА

Латинская и романская литература*, их одновременное развитие.

1) Латинская литература. Греческий язык неизвестен. Многие произведения древности, известные еще во времена Карла Великого, потеряны и забыты. Относительно лучше обстоит дело с латинским языком. После Скота Эригены — упадок философии. — Новый подъем в 1060 году. — В 1100 г. бретонец Росцелин, основатель школы номиналистов, вынужден отречься в Компьене {от своих идей}. В 1110 г. Абельяр, двадцатилетний юноша из окрестностей Нанта, создает промежуточную секту (концептуализм), пишет *французские* любовные стихи на варварском языке [barbarice], посвященные Элоизе, которые не сохранились (однако это, пожалуй, древнейшие из всех известных нам произведений этого рода) (стр. 316). **У Абеяра главное — не сама теория, а сопротивление авторитету церкви. Не «верить, чтобы понимать», как у Ансельма Кентерберийского, а «понимать, чтобы верить»;** вечно возобновляющаяся борьба против слепой веры. — Арнольд Брешианский, его ученик («оруженосец Абеяра, который не чувствует потребности ни в еде, ни в питье», — говорит св. Бернард), придает в Италии политический характер этому освободительному, теологическому учению, и его проповедь республики {направлена} *как против папы, так и против императора*. — Абельяр *нападает* в «Scito te ipsum» [«Познай самого себя»], написанном в 30-х годах XII века, *на торговлю индульгенциями*. — Нападки на него со стороны св. Бернарда. — В 1139 г. Арнольд Брешианский осужден Латеранским собором, но ему удалось бежать. В 1140 г. Абельяр осужден Санским собором (в Провансе), приговор утвержден папой; он был сослан в монастырь в Ключи, где и умер в 1142 году. **Во всяком случае Северная Франция к этому времени является центром философ-**

ского и теологического движения. — Со времени Абельяра схоластическая философия официально уничтожена церковью, но неофициально все три школы¹ продолжают существовать.

2) Романская литература. — Франция вместе с тем является центром развития рыцарства, и здесь оно впервые оформилось к концу XI века. Жофруа де Прельи (родом из Турени) составил в середине XI века первый кодекс турниров. В VI веке крестьяне еще говорили на более или менее измененном кельтском наречии. Романский язык пробил себе дорогу в VII и VIII веках в значительной степени благодаря влиянию духовенства (Фориель? ²). Сидоний Аполлинарий еще негодует по поводу *squama celtici sermonis* [шершавой кельтской речи].

Древнейшие провансальские стихотворения, дошедшие до нас, написаны около 1100 г., но, бесспорно, были и более ранние попытки. — Вопреки Фориелю, Полен Пари доказал на основе многих документов, что *эпическая поэзия впервые возникла в Северной Франции* и отсюда проникла в Южную (стр. 342). Дата появления эпической поэзии известна, так как Гальефер пел перед битвой при Гастингсе песнь о Роланде, текст которой, дошедший до нас, быть может, в несколько более распространенном виде, во всяком случае уже существовал до первого крестового похода. (Издание Франциска Мишеля. Париж 1837, и Ф. Женена. Париж 1850.) Автор — Терульд (Turoldus). В этой песне воспевается единство Франции, воплощенное в личности Карла, — несуществующая идеальная феодальная монархия; тогда как позднейшие авторы каролингского цикла легенд, во времена действительного расцвета монархии, воспевали — в особенности в «Сыновьях Эймона» — местных героев и в их лице сопротивление центральной власти, то есть {истинную} феодальную монархию (стр. 345—346). — Между прочим, мнимый Турпин (1092 г.) уже цитирует роман «Garin le Loherenc» [«Гарэн Лотарингский»] и «Oger de Danemark» [«Оже Датский»], не дошедших до нас предшественников сохранившихся романов. Мнимый Турпин — «Chronica Turpini» [«Хроника Турпина»], о которой говорит Женен в своем предисловии к «Песне о Роланде», составлена в Вьенне в 1092 году. По всей вероятности, автор «Хроники» — архиепископ Вьенский Ги де Бургонь, впоследствии папа Каликст II. Пользуясь своей властью, он включил «Хронику» в список канонических книг и предал анафеме «жонгле-

¹ Номиналисты, концептуалисты и реалисты. *Ред.*

² *Фориель* — французский историк, считавший, что церковь оказала решающее влияние на процесс формирования языка. *Ред.*

ров»¹, которые оспаривали ее достоверность и вели повествование по-иному! — Наряду с каролингскими легендами возводятся в миф и другие исторические события. Так Витикинд в качестве Гитеклена де Сасуань («Chansons de Saisnes») почитает Магомета и Аполлона. В «Guillaume au court nez» [«Гильом курносый»] воспеваются походы южных французов против испанских мавров. В некоторых мы находим отзвуки Меровингской эпохи, в других (романы «Hues Capet» [«Гуго Капет»], «Chevalier au Cugne» [«Рыцарь лебедея»]) — эпохи Капетингов (стр. 346—347). Наряду с этими мотивами {фигурируют} Троя, Александр Великий, Цезарь. Все эти романы появились уже в XII веке и написаны десятистными стихами с одинаковыми рифмами. У Терульда — только лишь ассонанс (стр. 348).

Затем — *хроники*, прежде всего «Хроника {монастыря} Сен-Дени», начатая, по всей вероятности, Сугерием, который в качестве настоятеля приказал переработать прежние труды и сам составил жизнеописание Людовика Толстого; с тех пор эта хроника {монастыря} Сен-Дени представляла непрерывную летопись, составляемую современниками. Здесь уже проскальзывают и вздорные утверждения — например, о троянском происхождении франков и т. д.

Ф. Энгельс. Материалы по истории Франции и Германии.
Архив Маркса и Энгельса, т. X,
стр. 300—302.

ЮЖНОФРАНЦУЗСКОЕ РАННЕЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Южнофранцузская национальность в средние века была не более родственна северофранцузской, чем теперь польская — русской. Южнофранцузская — *vilgo*² провансальская — нация не только проделала во времена средневековья «ценное развитие», но даже стояла во главе европейского развития. Она первая из всех наций нового времени выработала литературный язык. Ее поэзия служила тогда недостижимым образцом для всех романских народов, да и для немцев и англичан. В создании феодального рыцарства она соперничала с кастильцами, французами-северянами и английскими норманнами; в промышленности и торговле она нисколько не уступала итальянцам. Она не только «блестящим образом» развила «одну фазу средневеко-

¹ Так назывались в XI—XII веках странствующие певцы, скоморохи и фокусники во Франции. *Ред.*

² — как обычно говорят. *Ред.*

вой жизни», но вызвала даже отблеск древнего эллинизма среди глубочайшего средневековья. Южнофранцузская нация «имела», таким образом, не только большие, но прямо-таки безмерные «заслуги в семье европейских народов». И все же она, подобно Польше, была сначала поделена между Северной Францией и Англией, а позднее вся была покорена французами-северянами.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Дебаты по польскому вопросу во
Франкфурте.
Сочинения, т. 5, стр. 377—378.

БОРЬБА РЕЛИГИОЗНОГО И СВЕТСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ПРОВАНСАЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В IX веке новый французско-романский язык так развился, что пришлось приступить к переводу *Вульгаты**, вопрос этот обсуждался среди прочих на соборе в *Туре* (813), в *Майнце* (847) и в *Арле* (851). Два древнейших документа французского языка — перевод одного стихотворения о *Боззии* (IX век) и стихи *вальденцев*, на которые обратил внимание *Ренуар* (Reunouard) (историк трубадуров). Духовенство в Южной Франции занималось библейской поэзией и верным пересказом поэтически-повествовательной части священного писания. Уже в XI веке был сделан перевод книги Самуила и книг царств [или, как в Вульгате оба эти писания называются: четырех книг царств]; эти рукописи показывают, что с поэзией *светских (провансальских) поэтов* боролись с помощью поэзии *библейской*.

К. Маркс. Хронологические
выписки.
Архив Маркса и Энгельса, т. V,
стр. 233.

РЫЦАРСКАЯ ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА

Но если из всех известных форм семьи моногамия была единственной формой, при которой могла развиваться современная половая любовь, то это не значит, что последняя развилась в ней исключительно или преимущественно как любовь супругов друг к другу. Самая природа прочного индивидуального брака с господством мужа исключала это. У всех исторически активных, т. е. у всех господствующих классов заключение брака оставалось тем, чем оно было со времени парного брака, — сделкой,

которую устраивали родители. И первая появившаяся в истории форма половой любви, как страсть, и притом доступная каждому человеку (по крайней мере, из господствующих классов), как высшая форма полового влечения, — что и составляет ее специфический характер, — эта первая ее форма, рыцарская любовь средних веков, отнюдь не была супружеской любовью. Наоборот! В своем классическом виде, у провансальцев, рыцарская любовь прямо стремится к нарушению супружеской верности, и поэты это воспевают. Цвет провансальской поэзии любви составляли «альбы» (albas) [т. е. песни зари]. Яркими красками изображают они, как рыцарь лежит в постели своей красотки, чужой жены, а снаружи стоит страж, который возвещает рыцарю о наступлении рассвета (alba), чтобы он мог ускользнуть незамеченным; сцена расставания — самый яркий момент в песне. Французы севера, а равным образом и brave немцы тоже усвоили этот род поэзии вместе с соответствующей ему манерой рыцарской любви, а наш старый Вольфрам фон-Эшенбах оставил три чудесные песни* на ту же щекотливую тему, которые мне нравятся больше, чем его три длинные героические поэмы*.

Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства.
Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 51—52.

ТРУБАДУР ГИЛЬОМ АКВИТАНСКИЙ

В 1100 г. герцог Гильом IX Аквитанский основал в Ниоре на монастырской земле «увеселительное заведение» [maison de plaisir] (стр. 200). И хотя он в своем стихотворении, посвященном второму крестовому походу, восклицает: «Прощай все, что пленяло мою душу», он берет с собой, однако, целый рой девиц (examina puellarum), «которые после его поражения украсили собой азиатские гаремы» (стр. 201).

Ф. Энгельс. Материалы по истории Франции и Германии.
Архив Маркса и Энгельса, т. X,
стр. 285—286.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ИСПАНСКИЙ РОМАНС*

В числе испанских романсов Якова Гримма есть один, в котором сын Рейнольта (Ринальдо) из рода Гемона, граф Кларос-монталбанский, и инфанта, дочь Карла Великого, любят друг

друга; при этом граф ведет ее в чашу сада, где они опускаются на землю:

De la cintura en arriba muchos abrazos se dan,
De la cintura en abajo como hombre y muger se han ¹.

Старый Яков постоянно выискивал подобные наивности.

Ф. Энгельс — К. Марксу 10 ноября
1868 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 128.

ИРАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Раз я уж все равно на несколько недель застрял в этих восточных делах, то я воспользовался случаем, чтобы изучить персидский язык. От арабского языка меня отпугивает, с одной стороны, мое прирожденное отвращение к семитским языкам, а с другой стороны — невозможность достигнуть без большой потери времени сколько-нибудь заметных успехов в языке, который так богат, имеет 4000 корней и охватывает в своем развитии 2000—3000 лет. Зато персидский язык не язык, а настоящая игрушка. Если бы не этот проклятый арабский алфавит, в котором то и дело целые шестерки букв имеют совершенно одинаковый вид и в котором нет гласных, то я бы взялся изучить всю грамматику в течение 48 часов. Это в утешение Пиперу, если бы он возымел желание проделать вслед за мной сию неостроумную штуку. Я для изучения персидского языка положил себе срок максимум в три недели. Если он рискнет двумя месяцами, то наверняка побьет меня. Для Вейтлинга это несчастье*, что он не знает персидского языка: он бы нашел в нем *langue universelle toute trouvée* ², ибо это, насколько мне известно, единственный язык, в котором нет конфликта между *мне* и *меня*, так как дательный и винительный падежи в нем всегда одинаковы.

Впрочем, довольно приятно читать старого забулдыгу Гафиза в оригинале, язык которого довольно звучен, и старый сэр Вильям Джонс охотно пользуется персидскими скабресностями для примеров в своей грамматике, переводя их затем в своих *Commentariis poeseos asiaticae* ³ греческими стихами, ибо они и по-латыни кажутся еще слишком неприличными. Эти «Коммента-

¹ — Кверху от пояса они дарят друг другу множество поцелуев, книзу от пояса они ведут себя, как муж и жена. *Ред.*

² — совершенно готовый универсальный язык. *Ред.*

³ — Комментарии к азиатской поэзии. *Ред.*

рии» (соч. Джонса, II том, *De poesi erotica*¹), тебя, наверное, очень позабавят. Зато персидская проза убийственна. Например, «*Ranzât-us-safâ*» благородного Мирхонда, излагающего персидский героический эпос очень образным, но совершенно бессодержательным языком. Об Александре Великом он рассказывает следующее: имя Искандер значит на языке ионийцев Акшид рус (так же, как имя Искандер происходит от Александра), т. е., «филусуф», что происходит от фила — любовь и суфа — мудрость, так что Искандер обозначает: друг мудрости. — Об одном короле *retired*² он пишет: он ударил в барабан отставки «палочкой ухода от дел», как это придется сделать и *père*³ Виллиху, если он еще больше увлечется литературной борьбой*. Того же Виллиха постигнет участь короля Афразиаба Туранского, которого покинули его войска и про которого Мирхонд пишет: «Он кусал себе ногти ужаса зубами отчаяния, пока из пальцев стыда не брызнула кровь убитого сознания».

Ф. Энгельс — К. Марксу 6 июня
1853 г., вечером.
Сочинения, т. XXI, стр. 495—496.

¹ — об эротической поэзии. *Ред.*

² — ушедшем в отставку. *Ред.*

³ — папаше. *Ред.*

ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ

КОНЕЦ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НАЧАЛО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Различие между положением мира в конце древности, около 300 года, и в конце средневековья — 1453 г.

1) Вместо узкой культурной полосы вдоль побережья Средиземного моря, которая спорадически протягивала ветви во внутренность материка до Атлантического побережья Испании, Франции и Англии и которая поэтому могла быть разорвана и смята немцами и славянами с севера и арабами с юго-востока, теперь замкнутая культурная область — вся Западная Европа со Скандинавией, Польшей и Венгрией в качестве форпостов.

2) Вместо противоположения между греками, герм. римлянами, и варварами теперь имеется шесть культурных народов с культурными языками, не считая скандинавских и т. д., которые были все настолько развиты, что могли участвовать в могучем литературном подъеме XIV века и обеспечили гораздо большую разносторонность и образование, чем уже подвергшиеся упадку и умиравшие в конце древности греческий и латинский языки.

3) Несравненно высшая ступень развития промышленности и торговли, созданная средневековым бюргерством; с одной стороны, производство стало более массовым, совершенным и многообразным, а с другой — торговые сношения стали значительно более развитыми; судоходство со времени саксов, фризов и норманнов стало несравненно более предприимчиво, а с другой стороны — масса самостоятельных изобретений и изобретений, занесенных с Востока, которые не только делали возможным появление и распространение греческой литературы, морские открытия, а также религиозную революцию, но и придали этой последней несравненно больший размах и ускоренный темп; сверх того, они доставили, хотя все еще в неупорядоченном виде, массу научных фактов, о которых никогда даже не подозревала древность (магнитная игла, книгопечатание, литеры, льняная бумага, употреблявшаяся арабами и испанскими евреями с XII

столетия, хлопчатая бумага, постепенно появляющаяся с X столетия, а в XIII и XIV столетиях уже более распространенная, в то время как папирус со времен арабов совершенно исчез в Египте) — порох, очки, *механические часы*, огромные успехи во *времясчислении*, а также в механике.

(Об изобретениях смотри ниже*.)

К этому материал, доставленный путешествиями (М. Поло около 1272 г. и т. д.).

Гораздо большее распространение всеобщего образования — хотя еще и скверного — благодаря университетам.

Вместе с возвышением Константинополя и падением Рима заканчивается древность. С падением Константинополя неразрывно связан конец средневековья. Новое время начинается с возвращения к грекам. Отрицание отрицания!

Ф. Энгельс. Диалектика природы.
Сочинения, т. XIV, стр. 440—441.

ИТАЛЬЯНСКАЯ КУЛЬТУРА ОТ ДАНТЕ ДО ГАРИБАЛЬДИ

1

Италия — страна всего классического. С того великого времени, когда там взошла заря современного мира, эта страна произвела величественные характеры недосягаемого классического совершенства, от Данте до Гарибальди. Но времена унижения и чужеземного господства оставили ей и другие классические характеры, среди них два особенно рельефных типа: Сганарелля и Дулькамару. Классическое единство обоих воплотилось, как мы видим, в нашем *l'illustre Loria*¹.

Ф. Энгельс. Предисловие к III тому «Капитала».
Сочинения, т. XIX, ч. I, стр. 19.

2

Тюрр, которого я знаю лично, представляет собою храброго солдата и толкового офицера, однако во всем, что выходит из сферы военной деятельности, он — полнейший нуль, стоит ниже среднего уровня обычных смертных; ему не хватает не только умственных навыков и развития, но и той природной сметки и

¹ — знаменитом Лориа. Ред.

чутья, которые могут заменить воспитание, школу и опыт. В общем, это — добродушный, беспечный, славный малый, в чрезвычайной степени наделенный легковерием, но уж, конечно, не человек, способный политически руководить кем бы то ни было, тем более Гарибальди, который со своей огненной душой соединяет также долю той чисто итальянской тонкости, какую можно обнаружить в Данте не менее, чем в Макиавелли.

К. Маркс. Положение дел в Пруссии.
Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 158—159.

ДАНТЕ

1

Манифест* воздает полную справедливость той революционной роли, которую сыграл капитализм в прошлом. Первой капиталистической нацией была Италия. Закат феодального средневековья, заря современной капиталистической эры отмечены одной колоссальной фигурой. Это — итальянец, Данте, последний поэт средневековья и в то же время первый поэт нового времени. Теперь, как и в 1300 г., наступает новая историческая эра. Даст ли нам Италия нового Данте, который запечатлеет час рождения этой новой, пролетарской эры?

Ф. Энгельс. Предисловие к итальянскому изданию Коммунистического Манифеста.
Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 327.

2

Я пытался подыскать Вам одну строчку для такого эпитафия, как Вы просили, в произведениях Маркса, единственного социалиста нашего времени, достойного быть поставленным рядом с великим флорентийцем¹. Но я не нашел ничего подходящего, кроме разве следующей фразы из «Коммунистического Манифеста» (итальянское издание «Critica Sociale», стр. 35): «На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми про-

¹ Д. Канепа просил эпитафия для нового журнала «L'Era Nuova», который выражал бы коротко основную идею грядущей эры — социализма, в противопоставление старой эре, определенной словами А. Данте: «одни люди властвуют, а другие страдают». *Ред.*

тивоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».

Сформулировать в нескольких словах идею грядущей новой эры, не впадая ни в утопизм, ни в пустое фразерство, — задача почти невыполнимая.

Ф. Энгельс — Джузеппе Канепа, январь 1894 г.
Сочинения, т. ХХІХ, стр. 286.

3

С падением Висконти в Ломбардии воцаряется такая неурядица, что все страстно желают восстановления авторитета императора. В *это бурное, полное волнений, время* в Италии наивысший расцвет ее образования, доказательством чему являются {бессмертные произведения} Данте и философия Гвидо Кавальканти и т. д.

К. Маркс. Хронологические выписки.
Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 274.

4

В то время Савонарола был — вместе с Франческо Валори и Паоло Антонио Содерини — главой мощной политической партии во Флоренции; уже в 1483 он был известен как проповедник и т. д.; с 1489 он подготовлял все к появлению в Италии Карла VIII, который должен был совершить чудеса [подобно тому, как Данте ожидал этого от германских императоров-разбойников*]: реформу христианской церкви снизу доверху, восстановление первоначального равенства между людьми, патриархальный строй.

К. Маркс. Хронологические выписки.
Архив Маркса и Энгельса, т. VII, стр. 79.

5

«Культуркампф»* императора против папы в средние века привел к раздроблению и Германии и Италии (в Италии папская власть — препятствие национальному единству и в то же время {она выступала} часто только для видимости в роли его представителя, однако вела она себя так, что Данте, например, все же видел спасителя Италии в чужеземце-императоре). Уже с 1500 г.

папа в качестве князя средней руки расположился {своими владениями} в центре Италии и сделал ее объединение практически неосуществимым.

Ф. Энгельс. Материалы по истории Франции и Германии. Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 344.

6

Вы помните, что «Times» начал с доносов на эмигрантов и подзуживал иностранные державы требовать их изгнания. Когда он убедился, что министров, в случае внесения закона об иностранцах, ждет позорный провал в палате общин, он неожиданно разразился риторическим описанием тех жертв, на которые он — о небо! — был бы готов для сохранения права убежища. Наконец, после «дружеских» прений в палате лордов он вознаградил себя за свою прежнюю высокую гражданскую добродетель и отвел душу следующим раздражительным выпадом в передовой статье от 5 марта: «Многие члены кабинета полагают, что мы здесь наслаждаемся присутствием истинного зверинца эмигрантов, этих зверских типов всех стран, способных на всякое преступление... Думают ли иностранные писатели, которые указывают на присутствие их собственных изгнанных соотечественников, что судьба эмигранта в нашей стране достойна зависти? Мы хотим просветить их на этот счет. *Эти несчастные существа живут большею частью в грязной нищете, едят горький хлеб чужбины, поскольку они, поглощаемые мутными волнами этого гигантского города, могут достать его. Их наказанием является изгнание в его наиболее жестокой форме.*

В последнем пункте «Times» прав; Англия — восхитительная страна, если только не приходится жить в ней. На «небе Марса» Данте встречает своего предка Каччягвиду ди Элисеи, который предсказывает ему его предстоящее изгнание из Флоренции:

Узнаешь ты, как солон хлеб не свой*,
Как тяжело всходить и опускаться
По лестницам чужим в стране чужой.

Счастливый Данте! Правда, и ты принадлежал к бедному классу «политических эмигрантов», но твои враги не могли грозить тебе жалкими передовицами «Times'a». Еще более счастливый «Times», благодаря этому избавившийся от предназначенного ему места в дантовском «аду».

К. Маркс и Ф. Энгельс.
«Times» и эмиграция.
Сочинения, т. IX, стр. 286—287.

7

Данте в своей бессмертной поэме говорит, что одна из самых жестоких пыток изгнанника — это необходимость сталкиваться со всяким сбродом*. Я глубоко почувствовал правдивость этой жалобы, когда вынужден был вступить в публичную полемику с субъектами, вроде гг. Чарльза Бредлоу и К°. Но как бы то ни было я не допущу, чтобы ему удалось использовать затеянный им против меня скандал* в качестве дешевого и удобного средства для его саморекламы за границей.

К. Маркс — редактору «Eastern Post».

Сочинения, т. XIII, ч. II, стр. 384.

ПЕТРАРКА

1

Роберт {Неаполитанский} в последние годы {своей жизни} больше всего был занят наукой и искусством древности. Из-за отсутствия папской и императорской власти опять воцарилась анархия, которую использовали *Висконти*, *флорентийцы* и *венецианцы* для создания новой государственной власти, не признающей ни папы, ни императора. В *Риме* папа формально остается верховным главой, а *Роберт* — советником и имперским наместником; но они не имеют почти никакого влияния на общее управление, администрацию и полицию. *Народ избирает совет, судей и чиновников*; он обладает внешне неограниченной свободой; в действительности же он — раб вельмож {и столь же} беден, как и ленив; родам *Колонна* и *Орсини* с их большими поместьями и замками в городе и за городом принадлежит вся власть; толпа — сброд, зависящий от той или от другой из этих фамилий, но как же даровита эта римская чернь! [*Живший в то время историк Рима* написал ее историю на народном языке!] Большие бесчинства, беспорядки, насилия. *Снова ожил энтузиазм по отношению к величию древнего Рима* [вместе с тем и по отношению к писателям древности], особенно со стороны *Петрарки*, который жил при распутном папском дворе в Авиньоне. Это в то время, когда Рим представлял собой в известном смысле разбойничий вертеп.

В апреле 1341 Петрарка был коронован в Капитолии в Риме как король всех образованных людей и поэтов; в присутствии большой толпы народа сенатор республики увенчал его лавровым

венком [позднее его увенчал также и Роберт в Неаполе] [это напоминает апофеоз Вольтера в Париже*].

В 1342 среди друзей и почитателей Петрарки находился *Николо Лоренцо*, прозванный народом *Кола Риенци*; он был послан народом вместе с Петраркой в Авиньон, чтобы поздравить *Климент VI* с его избранием и пригласить его вернуться в Рим; {Риенци} возвратился из Авиньона в Рим лишь через четыре года.

К. Маркс. Хронологические
выписки.
Архив Маркса и Энгельса, т. VI,
стр. 34—35.

2

Климент VI во время неаполитанских усобиц окончательно утвердился как *верховный сюзерен* Неаполитанского государства; в *Германии* он одержал победу, так как *Карл IV*, его «ставленник», подтвердил в качестве *короля Арелата* *покупку Авиньона* и не решился возражать против *уступки Дюфинэ*, который тогда был передан *королю Франции*. *Климент VI* был рабом своей любовницы, *виконтессы де-Тюрен*; его дом в Авиньоне был центральным вавилонским домом терпимости, вопреки «идеальному» *Петрарке*. При нем {Клименте VI} дамы впервые были допущены в папский дворец.

К. Маркс. Хронологические
выписки.
Архив Маркса и Энгельса, т. VI,
стр. 40.

БОККАЧО

Ересь городов — а она собственно является официальной ересью средневековья — была направлена главным образом против попов, на богатства и политическое положение которых она нападала. Подобно тому как в настоящее время буржуазия требует *gouvernement á bon marché*, дешевого правительства, точно так же и средневековые бюргеры требовали прежде всего *église á bon marché*, дешевой церкви. Реакционная по форме, как и всякая ересь, которая в дальнейшем развитии церкви и догматов способна видеть только вырождение, бюргерская ересь требовала восстановления простого строя раннехристианской церкви и упразднения замкнутого сословия священников. Это дешевое устройство устраивало монахов, прелатов, римскую курию — словом, все, что в церкви было дорогостоящим. Города, бывшие сами республиками, хотя и находившимися под

опекой монархов, своими нападкамии на папство впервые выразили в общей форме то положение, что нормальной формой господства буржуазии является республика. Их враждебное отношение к ряду догматов и церковных установлений объясняется отчасти тем, что уже было сказано выше, отчасти прочими условиями их жизни. Например, причину их яростных нападков на безбрачие духовенства никто так хорошо не объясняет, как Боккаччо.

Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии.
Сочинения, т. 7, стр. 361—362.

ПОЭЗИЯ МЕЙСТЕРЗИНГЕРОВ

Только *города* остались верны Венцеславу*: при последних императорах, обладавших лишь призраком власти, они достигли значительного *республиканского* могущества. Венцеслав нуждался в них, брал их под свою защиту против духовных и светских князей, как это делал отчасти и Карл IV; они имели собственное внутригородское судопроизводство, а вне города против кулачного права применяли тоже кулачное право; к тому же они были против поповского заговора; {поэзия} *мейстерзингеров* свидетельствует о том, как ненавистны были жителям городов чернорясники (*die Schwarzmäpner*).

К. Маркс. Хронологические выписки.
Архив Маркса и Энгельса, т. VI,
стр. 161.

ИТАЛЬЯНСКИЕ ГУМАНИСТЫ XV ВЕКА ЭНЕО СИЛЬВИО, ПИККОЛОМИНИ И ПОДЖО БРАЧЧОЛИНИ

Во *Франкфурте Фридрих III* завел также весьма опасное (для империи) знакомство с *Эннеем Сильвием Пикколомини*. Этот хитрец, который познакомился в Сиене с *Прохвостом и Шликом*, был послан базельскими отцами в *Чехию* в качестве члена посольства под предлогом *примирения всех гуситов с церковью*, а на самом деле для того, чтобы насмерть перессорить умеренных гуситов-каликстинцев с таборитами. Он советовал поскорее уступить требованиям *каликстинцев*; тогда, по его мнению, легче можно было бы покончить с таборитами, а каликстинцы остались бы на стороне папы, «даже если заключенные с ними мирные условия будут соблюдаться не так уж точно»; он ратовал затем за реформаторские постановления Базельского собора. Он стал секре-

тарем Феликса V, для которого писал полемические сочинения; напротив, *кардинал Поджио* (знаменитый также как деятель классического возрождения) составлял полемические сочинения для Евгения IV.

В 1442 *Эней Сильвий* был послан Феликсом V в качестве уполномоченного во *Франкфурт*, где *архиепископ Яков Трирский* познакомил его с *Фридрихом III*. *Фридрих III* — своего рода ученый — возложил на его голову лавровый венок и назвал в дипломе мастером *истории и поэзии*. Этот диплом, полный восхвалений по адресу Энея Сильвия, был *составлен им самим!*

К. Маркс. Хронологические
выписки.
Архив Маркса и Энгельса, т. VI,
стр. 252—253.

ВЫСОКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Современное естествознание, которое одно лишь достигло всестороннего, систематического, научного развития, в противоположность гениальным натурфилософским догадкам древних и весьма важным, но спорадическим и оставшимся по большей части безрезультатными открытиями арабов, — современное естествознание, как и вся новейшая история, датирует от той знаменательной эпохи, которую мы, немцы, называем по приключившемуся с нами тогда национальному несчастью¹ реформацией, французы — ренессансом, а итальянцы — квинквеченто, и содержание которой не исчерпывается ни одним из этих наименований. Это — эпоха, начинающаяся со второй половины XV столетия. Королевская власть, опираясь на горожан, сломила мощь феодального дворянства и основала крупные, по существу национальные монархии, в которых получили свое развитие современные европейские нации и современное буржуазное общество; и в то время как буржуазия и дворянство еще ожесточенно боролись между собой, немецкая крестьянская война пророчески указала на грядущие классовые битвы, ибо в ней на арену выступили не только восставшие крестьяне, — в этом не было ничего нового, — но за ними показались начатки современного пролетариата с красным знаменем в руках и с требованием общности имущества на устах. В спасенных при гибели Византии рукописях, в вырытых из развалин Рима античных статуях перед изумленным Западом предстал новый мир — греческая древность; перед <классическими... [..?] пластическими>

¹ [«Национальное несчастье» подчеркнуто неизвестным лицом.] *Ред.*

светлыми образами ее исчезли призраки средневековья; в Италии достигло неслыханного расцвета искусство, которое явилось точно отблеск классической древности и которое в дальнейшем никогда уже не подымалось до такой высоты. В Италии, Франции, Германии возникла новая, первая современная литература; Англия и Испания пережили вскоре затем свою классическую литературную эпоху. Рамки старого *Orbis terrarum* были разбиты; только теперь, собственно, была открыта земля и положены основы для позднейшей мировой торговли и для перехода ремесла в мануфактуру, явившуюся, в свою очередь, исходным пунктом современной крупной промышленности. Духовная диктатура церкви была сломлена; германские народы в своем большинстве приняли протестантизм, между тем как у романских народов стало все более и более укorenяться перешедшее от арабов и питавшееся новооткрытой греческой философией жизнерадостное свободомыслие, подготовившее материализм XVIII столетия.

Это был величайший прогрессивный переворот, пережитый до того человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страстности и характеру, по многосторонности и учености. Люди, основавшие современное господство буржуазии, были чем угодно, но только не буржуазно-ограниченными. Наоборот, они были более или менее обвеяны авантюрным характером своего времени. Тогда не было почти ни одного крупного человека, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках, не блистал бы в нескольких областях творчества (прекрасно, и именно не только в теоретической, но также и в практической жизни...); Леонардо да Винчи был не только великим художником, но и великим математиком, механиком и инженером, которому обязаны важными открытиями самые разнообразные отрасли физики; Альбрехт Дюрер был художником, гравером, скульптором, архитектором и, кроме того, изобрел систему фортификации, содержащую в себе многие идеи, развитые значительно позже Монталамбером и новейшим немецким учением о крепостях. Макиавелли был государственным деятелем, историком, поэтом и, кроме того, первым, достойным упоминания, военным писателем нового времени. Лютер вычистил не только авгиевы конюшни церкви, но и конюшни немецкого языка, создал современную немецкую прозу и сочинил текст и мелодию того пропитанного чувством победы хорала, который стал марсельезой XVI века *. Люди того времени не стали еще рабами разделения труда, ограничивающее, калечащее действие которого мы так часто наблюдаем на их преемниках. Но что особенно характерно

Для них, так это то, что они почти все живут всеми интересами своего времени, принимают участие в практической борьбе, становятся на сторону той или иной партии и борются, кто словом и пером, кто мечом, а кто и тем и другим. Отсюда та полнота и сила характера, которая делает из них цельных людей. Кабинетные ученые являлись тогда исключениями; это либо люди второго и третьего ранга, либо благоразумные филистеры, не желающие обжечь себе пальцев <как Эразм> ¹.

Ф. Энгельс. Диалектика природы.
Сочинения, т. XIV, стр. 475—477.

ТИЦИАН

Здесь теперь все стали любителями искусства * и болтают о картинах на выставке. Дело это plus ou moins ² потерпело неудачу, — в особенности в финансовом отношении. Там, впрочем, встречаются прекрасные картины, но из работ лучших и превосходных мастеров там имеются только second-rate ³. К наилучшим принадлежит великолепный портрет Ариоста кисти Тициана. Новейшая немецкая и французская школы очень скверно, почти вовсе не представлены. Три четверти всей выставки — английский хлам. Испанцы и фламандцы представлены лучше всего, затем следуют итальянцы. Ты должен все-таки этим летом разок приехать посмотреть эту выставку, вместе с женой, если будет возможность. Для «Трибуны» * писать об этом что-нибудь вообще не подходит, я не знал бы к тому же, с чего начать, а обыкновенную болтовню «Трибуна» найдет во всех газетах.

Ф. Энгельс — К. Марксу 20 мая
1857 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 202.

АРИОСТО

От Ариоста до Клейна — большой скачок или, вернее, долгое падение, и притом по наклонной плоскости. Папаша Клейн писал мне, но, конечно, ни единым словом не упоминал о своих пререканиях и подлых сплетнях, а просил только рекомендовать его Вейдемейеру и тебе.

К. Маркс — Адольфу Клуссу середина октября 1835 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 195—196.

¹ Слова, взятые в ломаные скобки, зачеркнуты. *Ред.*

² — более или менее. *Ред.*

³ — второразрядные. *Ред.*

ПЬЕТРО АРЕТИНО

Сообщаю тебе следующее вступление к «Любовным сомнениям» Пьетро Аретино, предшественника и праотца Кассаньяков (но более остроумного).

Profazione

Magnifico utriusque Ser Agnello,
 Voi qui scribere scitis quare, quia,
 Espelle, volte fatte col' cervello,
 Di Barlolo et Baldo notomia,
 E le leggi passate col' castello,
 Nella vostra bizzarra fantasia,
 Questi dubbii, di grazia, mi chiarite
 Ch' oggi in Bordello han mosso un gran lite.
 Vi sono genti fottenti, e fottute;
 E di potte e di cazzi notomie.
 E nei culi molt' anime perdute etc.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 3 июля
 1852 г.
Сочинения, т. XXI, стр. 372.

АЛЬБРЕХТ ДЮРЕР

Но, начиная с XIV и до конца XVI века, введение артиллерии основательно изменило способы атаки укрепленных пунктов. С этого периода ведет начало обильная литература по фортификации, заключающая в себе бесчисленные системы и методы, часть которых нашла себе более или менее широкое практическое применение, в то время как мимо других — и не всегда наименее остроумных — прошли, как мимо простых теоретических курьезов, пока в позднейшие периоды плодотворные идеи, в них заключающиеся, не были снова извлечены на свет более удачливыми преемниками. Такова была судьба, как мы увидим далее, того самого автора, который образует, если можно так выразиться, мост между старой системой каменных стен и новой системой земляных укреплений, облицованных камнем только в тех местах, которые невидимы для неприятеля на расстоянии. Непосредственным результатом введения артиллерии было увеличение толщины стен и диаметра башен за счет их вышины. Теперь эти башни назывались ронделями (*rondelli*) и делались настолько крупными, чтобы вместить несколько артиллерийских орудий. Чтобы дать возможность осаждаемому стрелять из пушек также и со стены, позади нее, для придания ей необходимой ширины, накидывался земляной вал. Вскоре мы увидим, как эти

земляные укрепления постепенно начали вытеснять стену, чтобы в некоторых случаях целиком ее заменить. Альбрехт Дюрер, знаменитый немецкий художник, развил эту систему ронделей до ее высшего совершенства*. Он сделал их совершенно независимыми фортами, расположив их на всем протяжении стены через известные интервалы, с батареями, помещенными в казематах для продольного обстрела рва; его каменные парапеты остаются неприкрытыми не более чем на 3 фута в высоту (т. е. видны осаждающим и являются объектом для их прямого огня); для того же, чтобы улучшить оборону рва, он предложил капониры (саропниеры), т. е. сооружения в виде казематов на дне рва, скрытые от глаз осаждающих, с амбразурами на каждой стороне для продольного обстрела рва до следующего угла многоугольника. Почти все эти предложения являлись новыми изобретениями; и если ни одно из них, за исключением казематов, не было одобрено в его время, то мы увидим, что в позднейших и наиболее значительных системах фортификации все они были признаны и развиты соответственно с изменившейся обстановкой нового времени.

Ф. Энгельс. Фортификация.
Сочинения, т. XI, ч. II, стр. 493—
494.

УЛЬРИХ ФОН ГУТТЕН

1

Выше мы уже видели, какое положение занимало немецкое дворянство в начале XVI века. Оно сознавало, что ему грозит потеря независимости и подчинение светским и духовным князьям, которые становились все более могущественными. В то же время оно видело, что в той мере, в какой опускалось оно, слабела и имперская власть и империя все более распадалась на ряд суверенных княжеств. Таким образом, для дворянства его собственная гибель должна была отождествляться с гибелью немцев как нации. К этому присоединялось также и то, что дворянство, в особенности непосредственно подчиненное империи дворянство, являлось сословием, главным образом представлявшим империю и имперскую власть как в силу своей военной профессии, так и в силу своего положения по отношению к князьям. Оно было самым национальным сословием, и чем сильнее была имперская власть, чем слабее и малочисленнее были князья, чем более единой была Германия, тем сильнее было и оно. Этим объяс-

няется всеобщее недовольство рыцарства жалким политическим положением Германии, бессилием империи во внешних делах, возраставшим в той же мере, в какой императорский дом присоединял к империи путем наследования одну за другой новые провинции, недовольство рыцарства интригами иностранных держав внутри Германии и заговорами немецких князей с зарубежными силами против имперской власти. Поэтому требования дворянства должны были прежде всего свестись к требованию имперской реформы, жертвой которой должны были стать князья и высшее духовенство. Сведение воедино этих требований взял на себя *Ульрих фон Гуттен*, теоретический представитель немецкого дворянства, совместно с военным и политическим представителем дворянства *Францем фон Зиккингеном*.

Гуттен весьма определенно сформулировал выдвинутые им от имени дворянства требования имперской реформы и составил их в весьма радикальном духе. Дело шло не более и не менее, как об устранении всех князей, секуляризации всех духовных княжеств и имуществ, установлении *дворянской демократии* с монархом во главе, наподобие той, которая существовала в лучшие дни блаженной памяти польской республики. Путем установления господства дворянства, этого по преимуществу военного класса, устранения князей, носителей раздробленности, уничтожения могущества попов и освобождения Германии из-под духовной власти Рима Гуттен и Зиккинген надеялись снова сделать империю единой, свободной и могущественной.

Покоящаяся на крепостничестве дворянская демократия, в том виде, как она существовала в Польше и — в несколько иной форме — в течение первых столетий в завоеванных германцами странах, является одной из самых примитивных общественных форм и совершенно естественно перерастает далее в развитую феодальную иерархию, которая представляет собой уже значительно более высокую ступень. Следовательно, эта чистая дворянская демократия была в Германии XVI века уже невозможна. Она была невозможна хотя бы потому, что в Германии существовали тогда значительные и могущественные города. Однако, с другой стороны, невозможен был и тот союз между низшим дворянством и городами, который в Англии привел к превращению феодально-сословной монархии в монархию буржуазно-конституционную. В Германии старое дворянство сохранилось, в Англии же оно было истреблено в войне Роз, за исключением 28 семей, и его сменило новое дворянство буржуазного происхождения и с буржуазными тенденциями. В Германии продолжала

существовать крепостная зависимость, и источники доходов дворянства были *феодалными*; в Англии крепостная зависимость была почти полностью упразднена, и дворяне превратились в простых буржуазных землевладельцев с *буржуазным* источником дохода — земельной рентой. Наконец, централизация, которую осуществляла абсолютная монархия, установившаяся во Франции уже со времени Людовика XI благодаря антагонизму между дворянством и городским сословием и в дальнейшем там все более укреплявшаяся, в Германии была невозможна уже потому, что условия, необходимые для национальной централизации, здесь не существовали вовсе или находились в зачаточном состоянии.

При этих обстоятельствах, чем ближе подходил Гуттен к практическому осуществлению своего идеала, тем больше должен он был делать уступок и тем неопределеннее должны были становиться очертания его имперской реформы. Дворянство само не обладало достаточными силами для выполнения этого предприятия; об этом свидетельствовала все возрастающая слабость его по отношению к князьям. Нужны были союзники, а единственно возможными союзниками были города, крестьяне и влиятельные теоретики реформационного движения. Но города достаточно хорошо знали дворянство, чтобы не доверять ему и отказываться от всякого союза с ним. Крестьяне с полным основанием видели в высасывавшем из них последние соки и жестоко обращавшемся с ними дворянстве своего злейшего врага. Теоретики же реформации были на стороне либо бюргеров и князей, либо крестьян. Да и что положительного сулила бюргерам и крестьянам эта предлагаемая дворянством имперская реформа, главной целью которой являлось прежде всего усиление дворянства? При этих обстоятельствах Гуттену не оставалось ничего другого, как не касаться совсем или почти не затрагивать в своих пропагандистских произведениях вопроса о будущих взаимоотношениях между дворянством, городами и крестьянами, возлагать ответственность за все зло на князей, попов и зависимость от Рима и доказывать бюргерам, что в предстоящей борьбе между князьями и дворянством они в своих же собственных интересах должны по крайней мере держаться нейтрально. Об отмене крепостного состояния и повинностей, которые крестьянин нес в пользу дворянства, у Гуттена нигде не говорится ни слова.

Отношение немецкого дворянства к крестьянам было тогда совершенно таким же, как и отношение польского дворянства к его крестьянству во время восстаний 1830 и 1846 годов. Как

в современных польских восстаниях, в Германии в то время движение могло рассчитывать на успех только при наличии союза всех оппозиционных партий, в особенности союза дворянства с крестьянами. Но как раз этот союз в обоих случаях был *невозможен*. Ни дворянство не было поставлено перед необходимостью отказаться от своих политических привилегий и феодальных прав по отношению к крестьянам, ни революционно настроенное крестьянство не могло, довольствуясь общими неопределенными перспективами, пойти на союз с дворянством, с тем сословием, которое как раз больше всего его угнетало. Как в Польше в 1830 г., так и в Германии в 1522 г. дворянство уже не могло привлечь на свою сторону крестьян. Лишь полное упразднение крепостного состояния и феодальной зависимости и отказ дворянства от всех его привилегий могли побудить сельское население объединиться с ним; но, подобно всякому привилегированному сословию, дворянство не испытывало ни малейшего желания добровольно отказываться от своих привилегий, от своего особого положения, от большинства источников своих доходов.

В результате, когда дело дошло до столкновения, дворянство оказалось совершенно одиноким против князей. Можно было с самого начала предвидеть, что князья, которые в течение двух столетий отнимали у него одну позицию за другой, легко справятся с ним и на этот раз.

Перипетии самой борьбы известны. Гуттен и Зиккинген, который был уже признанным политическим и военным вождем дворянства Центральной Германии, учредили в 1522 г. в Ландау под предлогом самозащиты союз рейнских, швабских и франконских дворян, заключенный сроком на 6 лет; Зиккинген частью на собственные средства, частью совместно с соседними рыцарями собрал войско, организовал вербовку и набор подкреплений во Франконии, на Нижнем Рейне, в Нидерландах и в Вестфалии и в сентябре 1522 г. начал военные действия объявлением войны курфюрсту-архиепископу Трирскому. Однако в то время как он осаждал Трир, шедшие к нему подкрепления были отрезаны в результате поспешного вмешательства князей; ландграф Гессенский и курфюрст Пфальцский двинулись на помощь трирцам, и Зиккинген должен был укрыться в свой замок Ландштуль. Несмотря на все усилия Гуттена и остальных друзей Зиккингена, участники дворянского союза, напуганные концентрированными и быстрыми действиями князей, покинули его на произвол судьбы; сам Зиккинген был смертельно ранен, сдал Ландштуль и вскоре умер. Гуттен должен был бежать в Швейцарию и умер по

прошествии нескольких месяцев на острове Уфнау на Цюрихском озере.

После этого поражения и смерти обоих вождей сила дворянства как независимой от князей корпорации была сломлена. Начиная с этого момента, дворянство выступает лишь на службе у князей и под их руководством. Вспыхнувшая вслед за тем Крестьянская война в еще большей степени принудила его поставить себя прямо или косвенно под покровительство князей. В то же время она показала, что немецкое дворянство свержению князей и попов при помощи открытого союза с *освобожденным* крестьянством предпочло дальнейшую эксплуатацию крестьян под верховной властью князей.

Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии.
Сочинения, т. 7, стр. 393—396.

2

По части стиля, ты — желая сохранить популярность изложения — впадаешь то в стиль передовой статьи*, то в стиль школьного учителя. Этого можно было бы избежать. Далее: неужели ты в угоду Янсену до сих пор не желаешь понять игру слов Ульриха фон Гуттена с *obscuri viri*? Ирония в том, что это означает *и то, и другое*: неизвестные (*obscuri*) и невежественные (*obscurant*), и именно это и *хотел* сказать Гуттен¹.

Ф. Энгельс — К. Каутскому 21 мая
1895 г.
Сочинения, т. XXIХ, стр. 418—419.

ПОЛЕМИКА ЛЮТЕРА

[Лютер в своем памфлете против Генриха и в защиту своего *лейб-князя побил рекорд площадной ругани* в полемике. Книга эта называется: «Против Ганса Вурста» — это *самая грубая и непристойная книга XVI века*.] [Эта заборная княжеская литература относится к 1540—42.]

К. Маркс. Хронологические выписки.
Архив Маркса и Энгельса, т. VII,
стр. 235.

¹ Речь идет об анонимном памфлете группы немецких гуманистов — Ульриха фон Гуттена, Крота Рубеана и др. «Письма темных людей» (*Epistolae obscurorum virorum*), изданном в 1515—1517 гг. *Ред.*

САТИРА ЭПОХИ РЕФОРМАЦИИ

18 апреля 1567 *Грумбах*, теперь уже старик, после того как его зверски пытали, был «*заживо четвертован*» — в силу «*прирожденной доброты курфюрста Августа*»!*

«*Августа*», который таким образом убрал своего соперника с дороги, клеймили в стихах и прозе, в сатирах и народных песнях. Среди *сатир* самая замечательная «*Соловей*»*, которую *Лессинг* в XVIII веке извлек на свет.

К. Маркс. Хронологические
выписки.
Архив Маркса и Энгельса, т. VIII,
стр. 51.

МЕЛАНХТОН

Вся *клевета*, направленная против *Мюнцера*, который выгнал из города монахов и иоаннитских рыцарей и конфисковал их имения в интересах общественного блага, — все это *выдумки* паршивца *Меланхтона*; они перешли во все *книги по немецкой истории*, и лишь после 1848 лживые утверждения *Меланхтона* были опровергнуты на основании *исторических документов*.

К. Маркс. Хронологические
выписки.
Архив Маркса и Энгельса, т. VII,
стр. 184.

СЕБАСТИАН ФРАНК

В 1542 крестьяне (крепостные и зависимые) пришли в движение; сотни листов и брошюр; бесчисленные монахи-расстриги проповедовали без всякого удержу; великий *Себастиан Франк* (его «*Хроники*» размножались в бесчисленных перепечатках). [*Себастиан Франк* — в своих так разозливших твердолобого Лютера «*Парадоксах, или 280 чудесных речах из священного писания*» (1533) — настоящий мистический пантеист. *Сочинения С. Франка* (родился он в 1500 в *Донауверте*) {появились} главным образом между 1528 и 1545; его изгоняли попеременно из *Нюрнберга*, *Ульма*, *Страсбургá*; {согласно Франку} Христос был только героическим человеком-реформатором; *Собрание немецких пословиц* читалось горожанами и крестьянами так же, как *библия* (немецкая); затем «*Хроника, летопись (Zeitbuch)* и *историческая библия от начала мира до 1530 года*» и «*Германия, или хроника всей немецкой земли и происхождения всех германских*

народов, обычаев и т. д.»; он рассматривал все религии и секты как равноценные, говорил о Христе в нас и т. д. Впоследствии это его сочинение служило противоядием против «Книги Конкордий» (Konkordienformeln) и буквоекства Лютера; оно было издано в 1551 в Ульме в 3 фолиантах.] Идейное и прямое влияние на крестьянскую войну по всей вероятности оказали, в выставленных немецкими крестьянами 12 тезисах, приверженцы *швейцарских республиканских реформаторов*; последние с самого начала выступали более смело, чем глупо-фанатичный, веровавший в черта обыватель (Spiesser) Лютер.

К. Маркс. Хронологические
выписки.
Архив Маркса и Энгельса, т. VII,
стр. 179.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕФОРМАЦИИ

Окончательное подавление протестантизма во Франции не было для нее несчастьем — свидетельство тому Бейль, Вольтер и Дидро. Но в то же время, если бы он оказался уничтоженным в Германии, — это причинило бы зло не только немцам, но также *и всему миру*. Германии была бы навязана католическая *форма* развития романских стран; поскольку же английская форма носила также полукатолический, полусредневековый характер (университеты и т. п. учебные заведения, средние школы — все это {по существу} протестантские монастыри), то в этом случае отпали бы все виды немецкого протестантского образования (домашнее воспитание, частные пансионы, проживающие вне университетских стен студенты, которые сами выбирают себе курс), и духовное развитие Европы сделалось бы бесконечно однообразным. Франция и Англия разрушили предрассудки *по существу*, Германия отделалась от их *формы*, от *шаблона*, и это обстоятельство является отчасти причиной бесформенности всего немецкого, что вплоть до настоящего времени сопряжено еще с большими минусами, вроде системы мелких государств [Kleinstaaterei], но в отношении способности нации к развитию представляет огромное преимущество; только в будущем это даст свои зрелые плоды, когда будет преодолена и эта, сама по себе односторонняя, стадия.

Ф. Энгельс. Материалы по истории
Франции и Германии.
Архив Маркса и Энгельса, т. X,
стр. 352.

МЕНИПОВА САТИРА

1

По-видимому, лондонская пресса старательно скрывала от всех, что промышленные заправила систематически вооружают свой класс против класса труда и что предпринимаемые ими меры являются не непосредственным следствием случайно складывающихся обстоятельств, а заранее обдуманной мероприятиями организованной антирабочей лиги. Английская капиталистическая лига XIX столетия* должна еще найти своего историка, подобно французской католической лиге, нашедшей историка в лице авторов «Менипповой сатиры» в конце XVI века.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Экономическое положение. Рабочий
вопрос.
Сочинения, т. IX, стр. 213.

2

«Мениппейская сатира о действии испанского снадобья и о заседании парижских штатов» («Satyre Menippée de la vertu du Catholicon¹ d'Espagne et de la tenue des Etats de Paris») — забавный рассказ о созванном в Париж собрании штатов в 1593, которое хотело вместо Генриха IV избрать королем племянника генерального наместника Майена, молодого герцога де Гиза. Она в высшей степени помогла Генриху IV; она была названа мениппейской по имени философа — циника Мениппа. Замысел {ее} принадлежал Пьеру Ле Руа (руанскому канонику и раздатчику милостыни кардинала де Бурбона); им были написаны три первые и самые слабые части: Католикон (т. е. испанские деньги), Таписсерия, {где иронически описано убранство зала заседания} лиги, и ее процессия в Париже. Главная часть произведения возникла, когда Пьер Питу вместе с Гильо, Пассера, Рапеном и Флораном Кретьеном выполнили замысел Ле Руа. Эти друзья зимой 1593 совместно разработали это произведение, в котором высмеивались прения собрания сословных представителей лигеров. Наибольшее количество стихов принадлежит Пассера.

¹ Catholicon — буквально общее, универсальное средство, чудодейственное снадобье, помогающее во всех случаях. Ред.

Ему принадлежит также четверостишие, объясняющее герб лиги, состоящий из двойного креста

«Dites moi donc, que signifie
«Que les ligueurs ont double croix?
«C'est qu'en la ligue on' crucifie
«Jésus Christ encore une fois».

{«Скажите мне, что это значит,
«Что у лигеров двойной крест?
«Это значит, что лига
«Распинает Христа еще раз»}.

К. Маркс. Хронологические
выписки.
Архив Маркса и Энгельса, т. VIII,
стр. 44—45.

КРЕСТЬЯНСКИЕ УРАВНИТЕЛЬНЫЕ ИДЕИ В АНГЛИИ. ДЖОН БОЛЛ. «ЖАЛОБА ПЕТРА-ПАХАРЯ» ВИЛЬЯМА ЛЕНГЛЕНДА

*Сейчас же после заключения мира** «Джон Болл», которого изысканный Фруассар называет «сумасшедшим попом из Кента», несмотря на интердикт и заточение в тюрьму, завоевал себе на 20 лет аудиторию своими проповедями среди упрямых йоменов, собиравшихся вокруг него в церковных оградах Кента. «Добрые люди, — восклицал Джон Болл, — никогда в Англии не будет хорошей жизни, пока все имущество не станет общим и пока существуют дворяне и вилланы. По какому праву те, кого мы называем лордами, считают себя знатнее нас? За какие это заслуги? Почему они держат нас в рабстве? Если все мы произошли от одних родителей, от Адама и Евы, то как они могут говорить или доказывать, что они лучше нас, кроме как заставляя нас трудом добывать им то, что они расточают в своей гордыне? Они одеваются в бархат, им тепло в их дорогих меховых одеждах, а мы ходим в лохмотьях. У них есть и вино, и пряности, и белый хлеб; а у нас овсяные лепешки, да солома, да вода для питья. У них есть досуг и богатые дома; у нас — горе и труд, дождь да ветер в полях. А все-таки это мы своим трудом даем этим людям их положение».

По словам наивного Грина (the green Green), вся уравнительная доктрина {Джона Болла} выражена в народном двустишии:

«When Adam delled and Eve span
Who was then the gentleman?»

{«Когда Адам копал землю, а Ева пряла, кто тогда был дворянином?»}

Интересно сопоставить: «Жалобу Петра-Пахаря» Вильяма Ленгленда и «Кентерберийские рассказы» изящного Чосера. [Ленгленд, прозванный за свой высокий рост «длинным Вилем», вероятно родился в Шропшире, где он учился в школе и получил сан священника; скоро перебрался в Лондон и т. д.]

К. Маркс. Хронологические выписки.
Архив Маркса и Энгельса, т. VIII,
стр. 371.

ТОМАС МОР

1

Сравнивая сочинение канцлера Фортескью и Томаса Мора, мы ясно видим ту пропасть, которая отделяет XV век от XVI. По справедливому замечанию Торнтонна, английский рабочий класс из своего золотого века без всяких переходных ступеней попал в железный век.

К. Маркс. Капитал, т. I.
Госполитиздат, 1950, стр. 723.

2

В своей «Утопии» Томас Мор говорит об удивительной стране, где «овцы пожирают людей» («Utopia», перев. Robinson, изд. Arber. London 1869, стр. 41). [Томас Мор: «Золотая книга, столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии», изд. «Academia», 1935, стр. 59.]

К. Маркс. Капитал, т. I. При-
меч. 193.
Госполитиздат, 1950, стр. 724.

3

Томас Мор говорит в своей «Утопии»: «Так-то и случается, что жадный и ненасытный обжора, настоящая чума своей родины, собирает в своих руках тысячи акров земли и обносит их плетнем или забором, или своими насилиями и притеснениями доводит собственников до того, что они вынуждены продать все свое имущество. Тем или другим способом, не мытьем, так катаньем, донимают их, и они, наконец, вынуждены выселиться — эти бедные, простые, несчастные люди! Мужчины и женщины, мужья и жены, сироты и вдовы, объятые отчаянием матери с грудными детьми, все домохадцы, бедные средствами к жизни,

но многочисленные, так как земледелие требовало много рабочих рук. Они бредут прочь, говорю я, покидают свои привычные родные места и нигде не находят приюта. Продажа всей домашней утвари, хотя и не имеющей большой ценности, могла бы при других условиях оказать им некоторую помощь, но, внезапно выброшенные на улицу, они вынуждены распродавать имущество за бесценок. И когда этими несчастными скитальцами истрачено все до последней копейки, то скажите, бога ради, что же им остается делать, как не красть? Но тогда их вешают по всей форме закона. Или просить милостыню? Но тогда их заключают в тюрьму как бродяг за то, что они шатаются без дела: их обвиняют в бездельничестве, — их, которым ни одна душа не хочет дать работы, как бы ревностно они ее ни добивались» [Ср. *Томас Мор*: «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии», изд. «Academia», 1935, стр. 60.] Из числа этих бедных изгнанников, которых, по словам Томаса Мора, прямо-таки принуждали к воровству, «в царствование Генриха VIII было казнено 72 000 больших и малых воров» (*Holinshed*: «Description of England», т. 1, стр. 186).

К. Маркс. Капитал, т. I. Примеч. 221а.
Госполитиздат, 1950, стр. 740.

4

До сих пор насилие — отныне социалистический строй. Чистое благое пожелание, требование «справедливости»*. Однако Т. Мор выдвинул это требование уже за 350 лет до настоящего времени, но оно все еще не выполнено. Почему же оно должно было бы быть осуществлено теперь? Дюринг не дает ответа. В действительности крупная промышленность выдвигает это требование не как требование справедливости, а как необходимость для производства, и это все изменяет.

Ф. Энгельс. Приложения к «Анти-Дюрингу».
Сочинения, т. XIV, стр. 371.

5

Равэ я написал о твоём «Море»* следующее:

«Т. Мор» Каутского дает в общем правильный и во многих отношениях оригинальный очерк периода возрождения в протестантских странах, в особенности в Англии. На фоне этого общего очерка исторических условий того времени выступает личность

Т. Мора как сына своей эпохи. Итальянское и французское возрождение, таким образом, в книге стоит лишь на заднем плане. На днях я буду писать Каутскому и попрошу его прислать Вам свою книгу. Я думаю, что Вы найдете ее заслуживающей перевода».

Ф. Энгельс — К. Каутскому 30 апреля 1891 г.
Сочинения, т. XXVIII, стр. 310.

6

В своей работе о Томасе Море Карл Каутский показал*, как «гуманизм» XV и XVI веков, первая форма буржуазного просвещения, в своем дальнейшем развитии перешел в католическое иезуитство. Совершенно так же вторая, вполне зрелая его форма в XVIII веке переходит в иезуитство современное, в русскую дипломатию. Этот переход в свою противоположность, это достижение в конце концов такого пункта, который полярно противоположен исходному пункту, составляет неизбежную судьбу всех исторических движений, участники которых не отдают себе ясного отчета в их причинах и условиях существования и которые направлены поэтому к чисто иллюзорным целям. «Ирония истории» вносит в них свои неумолимые поправки¹.

Ф. Энгельс. Внешняя политика русского царизма.
Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 13.

ФРЕНСИС БЭКОН. ПОЭТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР МАТЕРИАЛИЗМА ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Настоящий родоначальник *английского материализма* и всей *современной экспериментирующей науки* — это *Бэкон*. Естествознание является в его глазах истинной наукой, а *физика*, опирающаяся на чувственный опыт, — важнейшей частью естествознания. *Анаксагор* с его *гомеомериями* и *Демокрит* с его атомами часто приводятся им как авторитеты. Согласно его учению, *чувства* непогрешимы и составляют *источник* всякого знания. Наука есть *опытная наука* и состоит в применении *рационального метода* к чувственным данным. Индукция, анализ, сравнение, наблюдение, эксперимент суть главные условия рационального метода. Первым и самым важным из прирожденных свойств *материи* является *движение*, — не только как меха-

¹ Последнего абзаца в английском тексте нет. В архиве ИМЭЛ есть рукопись этого абзаца на немецком языке. *Ред.*

ническое и математическое движение, но еще больше как *стремление, жизненный дух, напряжение*, или, употребляя выражение Якоба Бёме, *мúка [Qual] материи*. Первичные формы материи суть живые, индивидуализирующие, внутренне присущие ей, создающие специфические различия *сущностные силы*.

У *Бэкона*, как первого своего творца, материализм таит еще в себе в наивной форме зародыши всестороннего развития. Материя улыбается своим поэтически-чувственным блеском всему человеку. Само же учение, изложенное в форме афоризмов, еще кишит, напротив, теологическими непоследовательностями.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Святое семейство.
Сочинения, т. 2, стр. 142—143.

ШЕКСПИР

1

Какое различие между «гордыми земледельцами Англии», о которых говорит Шекспир, и английскими поденными земледельческими рабочими! Так как цель труда наемного рабочего — только заработная плата, деньги, определенное количество меновой стоимости, в котором стирается всякое различие потребительной стоимости, то он совершенно равнодушен к *содержанию* своего труда и поэтому к особому виду своей деятельности, между тем как эта деятельность при цеховой или кастовой системе считается деятельностью по призванию, а у раба, как у рабочего скота, она является лишь определенным, навязанным ему и традиционным видом деятельности, действия его способности к труду.

К. Маркс. Рукопись шестой главы «Капитала».
Архив Маркса и Энгельса, т. 11
(VII), стр. 117.

2

Еще в последние годы семнадцатого столетия yeomanry [йомены], класс независимых крестьян, Proud Peasantry [гордое крестьянство] Шекспира, было многочисленнее слоя фермеров. Именно этот класс составил главную силу английской республики. Его нравы и обычаи, даже по свидетельству Маколея, представляют собой разительный контраст с привычками современных им поместных дворянчиков, этих карикатурных Немродов, пьяных и неотесанных, с их угодливыми слугами. сель-

скими попами, всегда готовыми жениться на «любимых служанках» из барского дома. Около 1750 г. Уеопангу исчезло.

Даже фанатический защитник системы крупных ферм, автор *Inquiry into the connection between the Present Price of Provisions and the Size of Farms etc.* London, 1773, p. 139, говорит: «Я глубоко скорблю об исчезновении нашего Уеопангу, этого класса людей, который на деле поддерживал независимость нашей нации; мне грустно видеть, что земли их находятся теперь в руках лордов-монополистов и мелких фермеров, которые держат свои участки на условиях, ничем не лучших, чем положение вассалов, всегда готовых убраться при первом же затруднении».

К. Маркс. *Le Capital*. Traduction de M. J. Roy, entièrement révisée par l'auteur.
Paris, 1872, p. 319.

3

Этот исторический или общественный элемент, входящий в стоимость труда, может быть расширен или сокращен или совсем уничтожен, так что не останется ничего, кроме *физического предела*. Во время *антиякобинской войны*, предпринятой, как любил говорить неисправимый пожиратель налогов и любитель синекур старый Джордж Роз, для спасения благ нашей святой религии от нашествия французских неверных, честные английские фермеры, с которыми мы так мягко обошлись на одном из наших прежних заседаний, понизили заработную плату сельскохозяйственных рабочих даже ниже этого *чисто физического минимума*, пополняя посредством налогов в пользу бедных недостающее для физического увековечивания расы. То был великолепный способ превратить наемного рабочего в раба, а шекспировского гордого йомена в паупера.

К. Маркс. Заработная плата, цена и прибыль.
Сочинения, т. XIII, ч. I, стр. 144.

4

Одною из особенностей английской трагедии, настолько отталкивающей чувство француза, что Вольтер даже называл Шекспира пьяным дикарем *, является причудливая смесь возвышенного и низкого, ужасного и смешного, героического и шутовского. Но нигде Шекспир не возлагает на шута задачу — произвести пролог к героической драме. Честь этого изобретения принадлежит коалиционному министерству *. Милорд Эбердин

сыграл роль если не английского шута, то итальянского «простофили». Поверхностному наблюдателю кажется, будто все великие исторические движения кончаются фарсом или, по крайней мере, пошлостью. Но сразу с этого начать, это — особенность трагедии, носящей название «война с Россиею»*, пролог которой был произнесен в пятницу вечером в обеих палатах парламента, где одновременно был обсужден и единогласно принят ответ министерства на королевское обращение, так что вчера после обеда ответ этот мог быть уже вручен королеве, восседающей на троне в Букингемском дворце.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Военные дебаты в парламенте. *Сочинения, т. X, стр. 13.*

5

Скотина Руге доказал у Прутца, что «Шекспир не был драматическим поэтом», потому что «не имел философской системы». Шиллер же, как кантианец, truly¹ «драматический поэт». В ответ на это Прутц написал «Защиту Шекспира»!

К. Маркс — Ф. Энгельсу 24 ноября 1858 г. *Сочинения, т. XXII, стр. 368.*

6

Негодяй Родерих Бенедикс издал дурно пахнущую толстую книгу о «шекспиромании»*, в которой он подробно доказывает, что Ш[експир] не может равняться с нашими великими поэтами и даже с поэтами нового времени. По-видимому, Ш[експира] надо просто сбросить с его пьедестала, чтобы на его место поставить толстозадого Р. Бенедикса. В одном только первом акте «Meggy wives» [«Виндзорских кумушек»] больше жизни и движения, чем во всей немецкой литературе; один только Лаунс со своей собакой Крабом больше стоит, чем все немецкие комедии вместе взятые. Зато тяжеловесный Родерих Бенедикс распространяется в столь же серьезных, как и дешевых рассуждениях по поводу той бесцеремонности, с которой Шекспир часто обрывает развязку, сокращая этим — хотя и скучную, но тем не менее неизбежную — болтовню. *Nabeat sibi*².

Ф. Энгельс — К. Марксу 10 декабря 1873 г. *Сочинения, т. XXI V, стр. 429—430.*

¹ — настоящий. *Ред.*

² — Так ему! *Ред.*

7

Род[ерих] Бенедикс меня не удивляет. Если бы он и ему подобные понимали Шекспира, как могли бы они набраться храбрости показывать публике свои собственные «изделия»?

К. Маркс — Ф. Энгельсу 11 декабря 1873 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 430.

8

Сегодня мне трудно писать, но я все-таки должен попросить у тебя разъяснения по поводу одного филологического сомнения. В шекспировском «Генрихе IV» вместо Syrene стоит Hiren, а в примечании педанта Джонсона сказано*, что форма Hiren встречается и у других старых английских писателей. Замена H[iren] S[yrene] quite¹ правильна, но не находится ли слово Hiren в связи с словом Hure, а отсюда и Syrene? Или связано с haeren, auris и т. д.? Ты видишь, in wich low state of spirit² я сегодня нахожусь, если такой вопрос может меня так интересовать. О трагедии Руге «Новый мир», в которой «трагедия любви превращается в ее фарс», я получил в высшей степени любопытные сведения*. Об этом в следующий раз.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 23 мая 1856 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 143.

9

Продавец и покупатель становятся кредитором и должником. Если товаровладелец, как хранитель сокровища, играл роль скорее комической фигуры, то теперь он становится страшным, так как он уже не самого себя, а своего ближнего рассматривает только как бытие определенной денежной суммы, и не себя, а его делает мучеником меновой стоимости. Из верующего он становится верителем (кредитором), от религии он переходит к юриспруденции.

I stay here on my bond!
[«Я требую по векселю уплаты!»³]

К. Маркс. К критике политической экономии.
Сочинения, т. XII, ч. I, стр. 124.

¹ — вполне. *Ред.*

² — в каком угнетенном состоянии духа. *Ред.*

³ Слова Шейлока из «Венецианского купца» Шекспира. См. *Шекспир*, Собр. соч., т. II, изд. 1930 г., стр. 286. *Ред.*

10

Из-за отвратительной беготни в течение последних двух недель, — право, понадобилось очень много искусства для того, чтобы предотвратить окончательный крах всего моего дома, — я совершенно не читал газет, не просмотрел даже в «Трибуне» * известий об American crisis¹. Зато по вечерам отдыха ради увлекался «Гражданскими войнами в Риме» Аппиана в греческом оригинале. Очень ценная книга. Он — родом египтянин. Шлоссер говорит, что у него «нет души», вероятно потому, что он старается докопаться до материальной подкладки этих гражданских войн. Спартак в его изображении является самым великолепным парнем во всей античной истории. Великий генерал (не Гарибальди), благородный характер, real representative² античного пролетариата. Помпей же незаслуженно вошел в славу сначала благодаря присвоению успехов Лукулла (против Митридата), затем успехов Сертория (в Испании) и т. п., потом «young man»³ Суллы и т. д. Как генерал — римский Одилон Барро. Как только пытается показать в борьбе против Цезаря свои таланты — ничтожество. Цезарь делает ряд самых крупных военных ошибок, намеренно экстравагантных, для того, чтобы сбить с толку противостоящего ему филистера. Любой римский генерал, какой-нибудь Красс, уничтожил бы Цезаря шесть раз во время Эпирской войны. Но с Помпеем можно было себе позволить все. Мне кажется, что Шекспир, когда писал комедию «Love's Labour lost»⁴, имел уже некоторое представление о том, чем Помпей был на деле*.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 27 февраля 1861 г.
Сочинения, т. XXIII, стр. 15.

11

Конечно, закон 1844 г. воспрещал для детей 8—13 лет, которые работали до 12 часов дня, возобновлять работу после 1 часа дня. Но он нисколько не регулировал 6½-часового труда детей, рабочее время которых начиналось в 12 часов или позже! Поэтому восьмилетние дети, приступившие к работе в 12 часов дня, могут употребляться на работу от 12 до 1 часа, что составляет 1 час, от 2 часов до 4 часов пополудни, что составляет 2 часа,

¹ — американском кризисе. *Ред.*

² — истинный представитель. *Ред.*

³ — помощника. *Ред.*

⁴ — «Бесплодные усилия любви». *Ред.*

и от 5 до 8 $\frac{1}{2}$ часов вечера, что составляет 3 $\frac{1}{2}$ часа, итого установленные законом 6 $\frac{1}{2}$ часов! Или еще лучше. Чтобы приурочить применение труда детей к труду взрослых рабочих мужчин, работавших до 8 $\frac{1}{2}$ часов вечера, фабрикантам стоило только не давать детям работы до 2 часов пополудни, а затем держать их на фабрике без всяких перерывов до 8 $\frac{1}{2}$ часов вечера! «И теперь уже прямо признаются, что в последнее время, вследствие алчного стремления фабрикантов держать машины в ходу дольше 10 часов в сутки, в Англии установилась практика заставлять 8—13-летних детей обоюго пола работать, по уходе всех подростков и женщин, с одними взрослыми мужчинами до 8 $\frac{1}{2}$ часов вечера»¹. Рабочие и фабричные инспектора протестовали по гигиеническим и моральным соображениям. Но капитал отвечал:

«На голову мою мои поступки
Пусть падают. Я требую суда
Законного, — я требую уплаты
По векселю»*.

В самом деле, по статистическим данным, представленным в нижнюю палату 26 июля 1850 г., на 15 июля 1850 г. 3 742 ребенка на 257 фабриках, несмотря на все протесты, подвергались этой «практике»². Но и этого мало! Рысый глаз капитала открыл, что акт 1844 г. не разрешает пятичасовой работы в дообеденное время без перерыва для отдыха, продолжающегося по крайней мере 30 минут, но не предписывает ничего подобного относительно послеобеденной работы. Поэтому он потребовал и добился счастья заставлять восьмилетних детей-рабочих не только надрываться над работой, но и голодать непрерывно от 2 часов пополудни до 8 $\frac{1}{2}$ часов вечера!

«Да, грудь его; так сказано в расписке!»^{3*}

¹ «Reports etc. for 31st October 1848», стр. 142.

² «Reports etc. for 31st October 1850», стр. 5, 6.

³ Природа капитала одна и та же как в неразвитых, так и в развитых его формах. В своде законов, продиктованном незадолго до начала американской гражданской войны господством рабовладельцев на территории Новой Мексики, говорится: «Рабочий, раз капиталист купил его рабочую силу, есть его (капиталиста) деньги» («The labourer is his (the capitalist's) money»). То же воззрение было ходячим у римских патрициев. Деньги, ссуженные ими должнику-плебею, превращаются при помощи жизненных средств в мясо и кровь должника. Следовательно, это «мясо и кровь» было их «деньгами». Отсюда шейлоковский закон 10 таблиц! Гипотеза Ленгэ на тот счет, будто кредиторы-патриции устраивали время от времени по ту сторону Тибра праздничные пиршества, на которых подавалось вареное мясо должников, остается столь же недоказанной, как гипотеза Даумера о христианском причащении*.

Эта достойная Шейлока приверженность букве закона 1844 г., поскольку он регулирует труд детей, должна была, однако, просто подготовить открытый бунт против того же самого закона, поскольку он регулирует труд «подростков и женщин». Необходимо напомнить, что уничтожение «неправильной Relais-system» составляет главную цель и главное содержание этого закона. Фабриканты открыли свой бунт простым заявлением, что пункты акта 1844 г., воспрепятствующие произвольное использование рабочей силы подростков и женщин в произвольные короткие промежутки пятнадцатичасового фабричного дня, оказывались «сравнительно безвредными (comparatively harmless) до тех пор, пока рабочее время было ограничено 12 часами. При законе о десятичасовом рабочем дне они являются невыносимой несправедливостью» (hardship)¹. Поэтому они самым хладнокровным образом объявили инспекторам, что не желают обращать внимания на букву закона и намерены ввести старую систему собственной властью².

К. Маркс. Капитал, т. I.
Госполитиздат, 1950, стр. 292—293.

12

Поэтому природа крупной промышленности обуславливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего. С другой стороны, в своей капиталистической форме она воспроизводит старое разделение труда с его закостеневшими специальностями. Мы видели, как это абсолютное противоречие уничтожает всякий покой, устойчивость, обеспеченность жизненного положения рабочего, постоянно угрожает вместе с средствами труда выбить у него из рук и жизненные средства³ и вместе с его частичной функцией сделать излишним и его самого; как это противоречие неистово проявляется в непрерывных гекатомбах рабочего класса, непомерном расточении рабочих сил и опустошениях, связанных с общественной анархией.

К. Маркс. Капитал, т. I.
Госполитиздат, 1950, стр. 492.

¹ «Reports etc. for 30th April 1848», стр. 28.

² Среди других это заявил и филантроп Эшворт в квакерски отвлеченном письме к Леонарду Хорнеру («Reports etc. April 1849», стр. 4).

³ «you take my life,

When you do take the means whereby I live».

[«Лишая средств для жизни — жизни всей лишаете».]

(Шекспир. [Соч., т. II, Госиздат, 1930, «Венецианский купец», русск. перевод П. Вейнберга, стр. 296.]

13

Впечатление, которое произвело мастерское разоблачение Дизраэли министерской политики, было столь глубоко, что кабинет всех талантов счел нужным сделать запоздалую попытку маленькой комедии «замазывания», которая была затеяна министрами и г-ном Юмом и разыграна в среду в заседании Нижней палаты. Лорд Пальмерстон закончил свое слабое возражение на эпиграмматическую альтернативу Дизраэли: болезненное «легковерие» или изменническое «потворство» — тем, что апеллировал от партий к беспристрастному приговору страны, а г-н Юм взял на себя задачу отвечать от имени страны, уподобляясь столяру Снегу, игравшему роль льва* в «жесточайшей смерти Пирама и Тисбы».

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Дизраэли и Юм.
Сочинения, т. IX, стр. 662.

14

Нельзя не оценить в истории реставрированной империи того фаталистического пристрастия, с которым стараются снова оживить великие даты империи, подтверждая успехи и отрицая неудачи при посредстве второго улучшенного издания. Этот увенчанный славой бунт наполеоновских дат, доселе весьма удачливый в боях с республикой, терпит крушение в сражении с чужеземным врагом. А империя без побед империи напоминает ту обработку шекспировского Гамлета, в которой не хватало не только меланхолии датского принца, но и самого принца. На 2-е декабря 1854 г. из Парижа было заказано большое сражение в Крыму. Оно не удалось из-за обильных дождей и недостатка боевых припасов. 18 июня 1855 г. должна была быть разыграна у Севастополя битва при Ватерлоо в лучшем издании и в противоположном направлении. А вместо этого происходит *первое серьезное поражение* французо-английской армии.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Неудача 18-го июня (Штурм Малахова кургана).
Сочинения, т. X, стр. 461.

15

... Россель в 1854 году привел в веселое настроение палату общин еще одним проектом избирательной реформы, назначение которого, как он знал, было стать второй Ифигенией, принесен-

ной им, вторым Агамемноном, в жертву для преуспевания второго троянского похода. Обряд жертвоприношения он выполнил в мелодраматическом стиле Метастазіо, с глазами, полными слез, которые немедленно высохли, как только его место в кабинете, лишенное оклада, заменилось в результате жалкой интриги против г. Стрета, члена его собственной партии, постом президента кабинета с содержанием в 2 000 фунт. стерлингов.

Второй план реформы имел своей целью укрепить его падающее министерство, третий — низвергнуть кабинет ториев. Второй план был уверткой, третий — каверзой. Второй проект он преподнес в таком виде, что никто не имел желания ухватиться за него, третий — в таком виде, что никто не имел возможности это сделать. Обои ми он доказал, что если судьба и сделала его министром, то природа готовила его в котельщику подобно Кристофу Слюю. Даже в первом и единственном осуществленном билле он понял только его олигархический подвох, а не его историческую хитрость.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Лорд Джон Россель.
Сочинения, т. X, стр. 506.

ИСПАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. КАЛЬДЕРОН

1

Этот-то орган власти*, составленный столь примитивно, внутренне столь вялый, вдохновляемый отжившими воспоминаниями, был призван совершить революцию и победить Наполеона. Если язык его манифестов был столь же силен, сколь были слабы его действия, то виною этому был испанский поэт дон Мануэль Кинтана; Хунта проявила литературный вкус, назначив его секретарем и поручив ему составление своих манифестов.

Как напыщенные герои Кальдерона, которые, принимая условные титулы за настоящее величие, докладывают о себе утомительным перечислением своих титулов, так и Хунта прежде всего занялась присвоением себе почестей и отличий, соответствующих ее выдающемуся положению. Ее президент получил титул «высочества», прочие члены — «превосходительства», а всей Хунте в целом был присвоен титул «величества». Ее члены нарядились в маскарадный мундир, похожий на генеральский, украсили грудь значком, изображающим Старый и Новый свет, и назначили себе годовое содержание в 120 000 реалов. В полном сог-

ласии с духом старой испанской традиции они считали, что величественно и достойно вступить на историческую сцену Европы вожди восставшей Испании могут, только задрапировавшись в театральные костюмы.

К. Маркс. Революционная Испания.
Сочинения, т. X, стр. 733—734.

2

Возвращения этих хунт к нации* проявляют всю героическую мощь народа, внезапно воспрянувшего от долгого сна и словно под действием электрического тока ринувшегося в лихорадочную деятельность; в то же время их стиль не свободен от чрезмерной напыщенности, от паясничества и болтливости, от многословного велеречия, которые дали Сисмонди повод охарактеризовать испанскую литературу эпитетом восточной*.

К. Маркс. Революционная Испания.
Сочинения, т. X, стр. 728.

3

В свободные часы я занимаюсь испанским языком. Начал с Кальдерона, с «*Magico prodigioso*»* — католического Фауста, — из которого Гёте почерпнул для своего Фауста не только отдельные места, но и целые сцены. Кроме того — *horribile dictu*¹ прочел по-испански то, что читать по-французски было бы невозможно, — «Атала» и «Рене» Шатобриана и кое-что Бернардена де Сен-Пьера. Теперь читаю Дон Кихота. Нахожу, что при занятии испанским языком приходится вначале чаще прибегать к словарю, чем при занятии итальянским.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 3 мая
1854 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 29—30.

4

В испанских драмах на каждого героя приходится по два шута. Даже при святом Киприане — этом испанском Фаусте — имеется в пьесе Кальдерона Москон и Кларин. Точно так же во Франкфуртском парламенте реакционный генерал фон Радовиц имел при себе двух комических адъютантов, своего арлекина Лихновского и своего клоуна Финке.

К. Маркс. Господин Фогт.
Сочинения, т. XII, ч. I, стр. 468.

¹ — страшно сказать. *Ред.*

СЕРВАНТЕС

1

Сервантес где-то рассказывает * об одном храбром альгвазиле (судейский чиновник) и его письмоводителе, которые для охраны общественной нравственности содержали двух женщин с более чем двусмысленной репутацией. Эти услужливые нимфы выступали на больших ярмарках или в других торжественных случаях в такой одежде, что уже издали можно было узнать птицу по полету. Если им удавалось подцепить какого-нибудь чужестранца, они тотчас же умудрялись дать знать своим возлюбленным, в какую гостиницу они пошли. Альгвазил и его письмоводитель врываются туда, к великому негодованию женщин, разыгрывали сцену ревности и отпускали чужестранца только после долгой мольбы и внесения соответственного денежного вознаграждения. Таким образом, они соединяли собственную выгоду с интересами общественной нравственности, так как обоим избегали скоро снова отдаваться своим порочным наклонностям.

Как эти охранители нравственности, так и прусские герои порядка имеют упрощенный способ заботиться о нормальном военнополовом спокойствии. Вызывающая посылка нескольких пьяных представителей правосудия, несколько вызывающих сабельных ударов по народной толпе, — и вызванное этим возбуждение в каком-нибудь заброшенном городе или в деревне дает повод объявить осадное положение для охраны всей провинции от преступных волнений и для того, чтобы лишить ее последнего остатка конституционного достоинства.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Новая прусская конституция. Сочинения, т. VII, стр. 375.

2

В одной новелле Сервантеса * мы находим величайшего испанского финансиста в сумасшедшем доме. Он открыл, что государственный долг Испании был бы уничтожен, если бы

«кортесы приняли закон, согласно которому все подданные его величества от 14 до 60-летнего возраста обязаны один день в месяц питаться хлебом и водой, причем выбор этого дня предоставляется им самим. А расход на фрукты, овощи, мясо, рыбу, вино, яйца и бобы, которые были бы потреблены в этот день, должен быть исчислен в деньгах, и эти деньги, под страхом наказания за нарушение присяги, должны сдаваться все до последнего гроша его величеству».

Ганземан сокращает процедуру. Он предлагает всем своим испанцам, имеющим 400 талеров годового дохода, изыскать один день в году, когда они могут отказать себе в 20 талерах. Малосостоятельным он предлагает, согласно скользящей шкале, воздержаться в течение 40 дней почти от всякого потребления. Если за время между августом и сентябрем они не найдут 20 талеров, то в октябре их разыщет судебный исполнитель, ибо сказано: Ищите да обрящете.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Законопроект о принудительном
займе и его мотивировка.
Сочинения, т. 5, стр. 281—282.

3

Ясно во всяком случае, что средние века не могли жить католицизмом, а античный мир — политикой. Наоборот, тот способ, каким в эти эпохи добывались средства к жизни, объясняет, почему в одном случае главную роль играла политика, в другом — католицизм. Кроме того, не требуется обладать особенно глубокими познаниями, напр., по истории римской республики, чтобы знать, что скрытую ее пружину составляет история земельной собственности. С другой стороны, еще Дон Кихот должен был жестоко поплатиться за свою ошибку, когда вообразил, что странствующее рыцарство одинаково совместимо со всеми экономическими формами общества.

К. Маркс. Капитал, т. I. Примеч. 33.
Госполитиздат, 1950, стр. 88.

СЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК

БЕРТОН

Ваша посылка была для меня весьма приятным сюрпризом. Большое спасибо! К стыду своему должен признаться, что я в своем невежестве относил «Анатомию меланхолии»¹ к числу тех серьезных психологических изысканий XVIII века, к которым я питаю отвращение. И вот обнаруживается, что это произведение тоже продукт наилучшего периода английской литературы — начала XVII века. Я с удовольствием берусь за нее и уже прочел достаточно, чтобы убедиться, что эта книга будет для меня постоянным источником наслаждения.

Ф. Энгельс — Джону Лемплу 10 января 1894 г.
Сочинения, т. XXIX, стр. 279—280.

МИЛЬТОН

Весь хлам государственных тайн и государственных притязаний был выметен вон Коммуной, состоявшей главным образом из простых рабочих, которые организовали оборону Парижа, вели войну против преторианцев Бонапарта, снабжали продовольствием огромный город, выполняли все функции, распределявшиеся до тех пор между правительством, полицией и префектурой; при этом они делали свое дело открыто, просто, в исключительно трудной и сложной обстановке, и делали его так же, как Милтон писал свой «Потерянный Рай», т. е. за очень скромное вознаграждение, действуя на глазах у всех, не претендуя на непогрешимость, не скрываясь за канцелярской канителью, не стыдясь сознаваться в своих ошибках и исправлять их.

К. Маркс. Первый набросок «Гражданской войны во Франции». *Архив Маркса и Энгельса, т. III (VIII), стр. 331.*

¹ Р. Бертона. *Ред.*

ИРЛАНДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVII ВЕКА

Ирландская литература? В XVII веке — поэзия, историческая и юридическая литература; потом она была совершенно уничтожена вследствие искоренения ирландской *письменной* речи. — Существует только в *рукописном виде* — лишь сейчас начинает издаваться. Это {возможно} только у угнетенного народа, например у сербов.

Ф. Энгельс. Рукописи по истории Англии и Ирландии.
Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 104.

БЕРНЬЕ

1

Об образовании городов на Востоке нет ничего более блестящего, наглядного и неотразимого, чем старая книга Франсуа Бернье *, бывшего девять лет врачом при Ауленгзебе (François Bernier: «Voyages contenant la description des états du Grand Mogol etc.»). Он также очень хорошо изображает военный быт, способ продовольствования этих огромных армий...

К. Маркс — Ф. Энгельсу 2 июня
1853 г.
Сочинения, т. XXI, стр. 489.

2

Старый Бернье на самом деле очень хорош. Всегда радуешься, когда наткнешься на такого старого, трезвого, ясного француза, всегда попадающего в самую точку, *sans avoir l'air de s'en apercevoir* ¹.

Ф. Энгельс — К. Марксу 6 июля
1853 г., вечером.
Сочинения, т. XXI, стр. 495.

ЛАРОШФУКО

При перестановке книг на полке мне снова попало в руки маленькое старое издание «Réflexions etc.» Рошфуко *. Просматривая, я наткнулся на следующее место:

¹ — не подавая и виду, что он это замечает. *Ред.*

«La gravité est un mystère du corps, inventé pour cacher les défauts de l'esprit»¹.

Таким образом, Стерн списал у Рошфуко!* Хороши еще следующие мысли:

«Nous avons tous assez de force pour supporter les maux d'autrui».

«Les vieillards aiment à donner de bons préceptes, pour se consoler de n'être plus en état de donner de mauvais exemples».

«Les rois font des hommes comme des pièces de monnaie; ils les font valoir ce qu'ils veulent; et l'on est forcé de les recevoir selon leur cours, et non pas selon leur véritable prix».

«Quand les vices nous quittent, nous nous flattons de la créance que c'est nous qui les quittons».

«La modération est la langueur et la paresse de l'âme, comme l'ambition en est l'activité et l'ardeur».

«Nous pardonnons souvent à ceux qui nous ennuyent, mais nous ne pouvons pardonner à ceux que nous ennuyons».

«Ce qui fait que les amants et les maîtresses ne s'ennuyent point d'être ensemble, c'est qu'ils parlent toujours d'eux-mêmes»².

К. Маркс — Ф. Энгельсу 26 июня
1869 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 205.

ПЬЕР БЕЙЛЬ

Человеком, *теоретически* подорвавшим *всякое доверие* к метафизике XVII века и ко всякой метафизике вообще, был *Пьер Бейль*. Его оружием был *скептицизм*, выкованный из волшебных формул самой метафизики. Он сам исходил на первых порах из картезианской метафизики. Подобно тому как *Фейербаха* борьба против спекулятивной теологии толкнула на борьбу против *спекулятивной философии* именно потому, что он увидел

¹ — «Серьезность есть таинство тела, изобретенное с целью скрыть недостатки духа».

² — «Мы все имеем достаточно силы, чтобы переносить чужое несчастье». «Старики любят давать хорошие советы, чтобы вознаграждать себя за то, что они уже не в состоянии больше подавать дурных примеров». «Короли поступают с людьми как с монетами; они придают им цену по своему произволу, и их приходится расценивать по курсу, а не по действительной цене». «Когда пороки нас оставляют, мы льстим себя верой, что мы сами их оставляем». «Умеренность есть пассивность и лень души, как честолюбие есть ее активность и пыл». «Мы часто прощаем тех, которые причиняют скуку, но мы не можем простить тем, которым причиняем скуку». «Любовники и любовницы никогда не скучают друг с другом, потому что они всегда говорят о самих себе». *Ред.*

в спекуляции последнюю опору теологии и вынужден был заставить теологов вернуться обратно от мнимой науки к *грубой*, отталкивающей *вере*, точно так же религиозное сомнение привело Бейля к сомнению в метафизике, служившей опорой для этой веры. Он подверг поэтому критике все историческое развитие метафизики. Он стал ее историком, для того чтобы написать историю ее смерти. Он опровергал главным образом *Спинозу* и *Лейбница*.

Пьер Бейль не только разрушил метафизику с помощью скептицизма, подготовив тем самым почву для усвоения материализма и философии здравого смысла во Франции. Он возвестил появление *атеистического общества* *, которому вскоре суждено было начать существовать, посредством *доказательства* того, что *возможно* существование общества, состоящего из одних только атеистов, что атеист *может* быть почтенным человеком, что человека унижает не атеизм, а суеверие и идолопоклонство.

По выражению одного французского писателя, *Пьер Бейль* был «*последним метафизиком в смысле XVII века и первым философом в смысле XVIII века*».

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Святое семейство.
Сочинения, т. 2, стр. 141—142.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ МЫСЛИТЕЛЬ КОНЦА XVII — НАЧАЛА XVIII ВЕКА ДЖАМБАТТИСТА ВИКО

1

Что касается твоей работы *, которую я теперь, конечно, прочел целиком, причем некоторые главы прочитал дважды, то я обратил внимание на то, что ты, очевидно, не читал «*Новой науки*» *Вико*. Ты, конечно, не нашел бы там ничего, относящегося к твоей непосредственной цели, но все же книга эта интересна как философское понимание духа римского права в противоположность пониманию его филлистерами права (*Rechtsphilistern*). С оригиналом ты вряд ли в состоянии будешь справиться, так как книга написана даже не на итальянском, а на очень замысловатом *неаполитанском* наречии. Я рекомендую тебе французский перевод: «*La Science Nouvelle etc. Traduite par l'auteur de l'essai sur la formation du dogme catholique*». Париж, издательство Charpentier, 1844. Чтобы возбудить твой аппетит, я процитирую здесь только следующие места *: «Древнее римское право было

серьезной поэмой, а древняя юриспруденция — суровой поэзией, в которой заключены первые потуги юридической метафизики». «Древняя юриспруденция была очень поэтична, так как она считала истинными факты, которые таковыми не были, и отказывалась признавать истинность фактов, которые на самом деле были истинны; она *относилась к живым, как к мертвым, а к мертвым, как к живущим в их наследствах*». «Латиняне называли *героев heri*; отсюда происходило слово *hereditas* (наследство). Наследник... по отношению к наследству представляет покойного отца семьи». У Вико имеется в зародыше Вольф («Гомер»), Нибур («История римских царей»), основы сравнительного языковедения (хотя и фантастические) и вообще немало блесков гениальности. Его собственно юридических сочинений я до сих пор не мог достать.

К. Маркс — Фердинанду Лассалю
28 апреля 1862 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 399.

2

В своей «Новой науке» Вико говорит *, что Германия является единственной страной в Европе, где говорят еще на «героическом языке». Если бы этот старый неаполитанец когда-нибудь имел удовольствие ознакомиться с языком венской «Прессы» или берлинской «Национальной газеты»*, он живо отказался бы от своего предрассудка.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 28 апреля
1862 г.
Сочинения, т. XXI, стр. 66.

3

Многоуважаемый господин профессор,

Позвольте мне поблагодарить Вас за любезно присланные мне брошюры. Первую брошюру «О социализме» я прочел с большим интересом, вторую — «О философии истории» я тщательно просмотрю на будущей неделе, когда, надеюсь, у меня окажется немного свободного времени. Это та тема, которой издавна особенно интересовались и я и Маркс; поэтому новая работа, написанная в отечестве Вико ученым, основательно знающим и наших немецких философов, может рассчитывать на мое внимание.

Ф. Энгельс — Антонио Лабриола
30 марта 1890 г.
Сочинения, т. XXVIII, стр. 192.

ЭПОХА ПРОСВЕЩЕНИЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Современный социализм, несмотря на то, что по существу он возник из осознания царивших в наблюдаемом им обществе классовых противоречий между собственниками и неимущими, между рабочими и эксплуататорами, — в своей теоретической форме является прежде всего дальнейшим и более последовательным продолжением основных принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века, и его первые представители, Морелли и Мабли, недаром принадлежали к их числу.

Подобно всякой новой теории, он должен был исходить из уже имевшегося запаса идей, хотя корнями он был связан с материальными фактами.

Великие мужи, подготовившие во Франции умы для восприятия грядущей могучей революции, сами выступили в высшей степени революционно. Они не признавали никакого авторитета. Религия, взгляд на природу, государственный строй, общество — все было подвергнуто беспощадной критике. Все должно было оправдать свое существование перед судилищем разума или же от своего существования отказаться. Мыслящий ум был признан единственным мерилom всех вещей. Это было время, когда, по выражению Гегеля, мир был поставлен на голову*, — сперва в том смысле, что человеческая голова потребовала, чтобы найденные умом положения были признаны также основой человеческого созерцания, действия, обобществления, а впоследствии и в том смысле, что, когда действительность была объявлена противоречащей этим положениям, все было перевернуто вверх дном. Все существовавшие дотолe государственные и общественные порядки, все унаследованные от прошлого воззрения были отвергнуты как неразумные и свалены в одну кучу. Мир в течение прошедших веков руководился нелепыми предрассудками; лишь теперь его озарил яркий свет разума, и все прошлое заслуживало лишь сострадания и презрения.

Теперь мы знаем, что это царство разума было не больше, как идеализированное царство буржуазии, что вечная справедливость, которая тогда была прокламирована, нашла свое осуществление в буржуазной юстиции, что разумное государство, Contrat Social Руссо, воплотилось в буржуазно-демократическую республику и ни во что другое воплотиться не могло. Великие мыслители XVIII века — как и мыслители всех предыдущих веков — не могли выйти из тех границ, которые им поставила их эпоха.

Ф. Энгельс. Вариант введения к «Анти-Дюрингу». Сочинения, т. XIV, стр. 357—358.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В АНГЛИИ

1

Если Франция поддерживала американскую республику в борьбе за освобождение от английской тирании, то Англия двумя столетиями раньше освободила голландскую республику от испанского гнета. Если Франция подала в конце прошлого столетия славный пример всему миру, то мы не можем обойти молчанием тот факт, что Англия подала этот пример на 150 лет раньше и что в то время Франция еще совсем не была готова последовать ему. А что касается *идей*, которые французские философы XVIII века, Вольтер, Руссо, Дидро, Д'Аламбер и другие, сделали столь популярными, то где первоначально зародились эти идеи, как не в Англии! Никогда не следует допускать, чтобы Мильтона, первого защитника цареубийства, Алджернона Сидни, Болингброка и Шефтсбери вытеснили из нашей памяти их более блестящие французские последователи!

Ф. Энгельс. Речь Луи Блана на банкете в Дижоне. Сочинения, т. 4, стр. 385—386.

2

В отношении первого пункта г-н Гизо забывает*, что свободомыслие, так пугающее его во французской революции, было ввезено во Францию именно из Англии. Локк был его отцом, а у Шефтсбери и Болингброка оно уже приняло ту остроумную форму, которая получила впоследствии во Франции столь блестящее развитие. Итак, мы приходим к любопытному выводу,

что то самое свободомыслие, которое, по мнению г-на Гизо, послужило причиной крушения французской революции, было одним из важнейших продуктов носившей религиозный характер английской революции.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Рецензия на книгу Гизо «Почему
удалась английская революция?»
Сочинения, т. 7, стр. 220.

3

Но сюда присоединилось еще другое обстоятельство, усилившее религиозные наклонности буржуазии: расцвет материализма в Англии. Это новое безбожное учение не только приводило в ужас благочестивого буржуа, — оно в довершение всего объявило себя философией, которая как раз подходит для ученых и образованных людей, в противовес религии, которая достаточно хороша для необразованной огромной народной массы, включая сюда и буржуазию. Вместе с Гоббсом оно выступило на защиту королевского всемогущества и призывало абсолютную монархию к укрощению этого *ruer robustus sed malitiosus* [здорового, но озорного малого], т. е. народа. Также и у последователей Гоббса — Болингброка, Шефтсбери и пр. — новая, деистическая форма материализма оставалась аристократическим учением для избранных, и поэтому материализм был ненавистен буржуазии не только за его религиозную ересь, но и за его антибуржуазное политическое направление. Вот почему, в противоположность материализму и деизму аристократии, именно протестантские секты, которые доставляли и знамя и бойцов для борьбы против Стюартов, выдвинули также главные боевые силы прогрессивной буржуазии и еще сейчас составляют основной хребет «великой либеральной партии».

Ф. Энгельс. Введение к брошюре «Развитие социализма от утопии к науке».
Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 299.

МАТЕРИАЛИЗМ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ XVIII ВЕКА

Мы уже упоминали * о том, насколько кстати явилось для французов произведение Локка. Локк обосновал философию *bon sens*, здравого человеческого смысла, т. е. сказал косвенным образом, что не может быть философии, отличной от рассудка, опирающегося на показания здоровых человеческих чувств.

Непосредственный ученик и французский истолкователь Лок-

ка, *Кондильяк*, немедленно направил локковский сенсуализм против *метафизики* XVII века. Он доказал, что французы с полным правом отвергли эту метафизику как неудачный плод воображения и теологических предрассудков. Он опубликовал опровержение систем *Декарта*, *Спинозы*, *Лейбница* и *Мальбранша*.

В своем произведении «Опыт о происхождении человеческих знаний» он развивал точку зрения Локка, доказывая, что не только душа, но и чувства, не только искусство создавать идеи, но и искусство чувственного восприятия являются делом *опыта* и *привычки*. От *воспитания* и *внешних обстоятельств* зависит поэтому все развитие человека. Кондильяка вытеснила из французских школ только *эклeктическая* философия.

Различие *французского* и *английского* материализма соответствует различию между этими нациями. Французы наделили английский материализм остроумием, плотью и кровью, красноречием. Они придали ему недостававшие еще темперамент и грацию. Они *цивилизовали* его.

У *Гельвеция*, который тоже исходит из Локка, материализм получает собственно французский характер. Гельвеций тотчас же применяет его к общественной жизни (Гельвеций. «О человеке»). Чувственные впечатления, себялюбие, наслаждение и правильно понятый личный интерес составляют основу всей морали. Природное равенство человеческих умственных способностей, единство успехов разума с успехами промышленности, природная доброта человека, всемогущество воспитания — вот главные моменты его системы.

Произведения *Ламетри* представляют собой соединение картезианского и английского материализма. Ламетри пользуется физикой Декарта вплоть до деталей. Его «Человек-машина» построен по образцу животного-машины Декарта. В «*Системе природы*» Гольбаха часть, посвященная физике, также представляет собой соединение французского и английского материализма, теория же нравственности, по существу, опирается на мораль Гельвеция. *Робине* («О природе»), тот французский материалист, который больше всех сохранил еще связь с метафизикой и за это удостоился похвалы Гегеля *, весьма определенно ссылается на *Лейбница*.

О Вольнее, Дююю, Дидро и других, а равно и о физиократах нам нет надобности говорить, после того как мы, с одной стороны, выяснили двойное происхождение французского материализма от физики Декарта и английского материализма, а с другой стороны — установили противоположность французского материализма *метафизике* XVII века, метафизике Декарта,

Спинозы, Малбранша и Лейбница. Немцы могли заметить эту противоположность только после того, как сами вступили в борьбу со *спекулятивной метафизикой*.

Как *картезианский* материализм вливается в *естествознание в собственном смысле слова*, так другое направление французского материализма вливается непосредственно в *социализм* и *коммунизм*.

Не требуется большой остроты ума, чтобы усмотреть необходимую связь между учением материализма о прирожденной склонности людей к добру и равенстве их умственных способностей, о всемогуществе опыта, привычки, воспитания, о влиянии внешних обстоятельств на человека, о высоком значении промышленности, о правомерности наслаждения и т. д. — и коммунизмом и социализмом. Если человек черпает все свои знания, ощущения и пр. из чувственного мира и опыта, получаемого от этого мира, то надо, стало быть, так устроить окружающий мир, чтобы человек в нем познавал и усваивал истинно человеческое, чтобы он познавал себя как человека. Если правильно понятый интерес составляет принцип всей морали, то надо, стало быть, стремиться к тому, чтобы частный интерес отдельного человека совпадал с общечеловеческими интересами. Если человек несвободен в материалистическом смысле, т. е. если он свободен не вследствие отрицательной силы избегать того или другого, а вследствие положительной силы проявлять свою истинную индивидуальность, то должно не наказывать преступления отдельных лиц, а уничтожить антисоциальные источники преступления и предоставить каждому необходимый общественный простор для его насущных жизненных проявлений. Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человеческими. Если человек по природе своей общественное существо, то он, стало быть, только в обществе может развить свою истинную природу, и о силе его природы надо судить не по силе отдельных индивидуумов, а по силе всего общества.

Эти и им подобные положения можно найти почти дословно даже у самых старых французских материалистов. Здесь не место входить в их оценку. Для социалистической тенденции материализма характерна *апология пороков у Мандевилля*, одного из ранних английских учеников Локка. Он доказывает, что в *современном* обществе пороки *необходимы и полезны*. Это отнюдь не было апологией современного общества.

Фурье исходит непосредственно из учения французских материалистов. *Бабувисты* были грубыми, неразвитыми материа-

листами, но и развитой коммунизм ведет свое происхождение непосредственно от французского материализма. Материализм этот в той именно форме, какую ему придал Гельвеций, возвращается на свою родину, в Англию. Свою систему правильно понятого интереса Бентам основывает на морали Гельвеция, а Оуэн, исходя из системы Бентама, обосновывает английский коммунизм. Француз Кабе, изгнанный в Англию, испытывает на себе влияние тамошних коммунистических идей и, по возвращении во Францию, становится самым популярным, хотя и самым поверхностным представителем коммунизма. Более научные французские коммунисты, Дезами, Гей и другие, развивают, подобно Оуэну, учение материализма как учение реального гуманизма и как логическую основу коммунизма.

Где же г-н Бауэр, или критика*, раздобыл себе материалы для критической истории французского материализма?

1) «История философии»* Гегеля изображает французский материализм как реализацию субстанции Спинозы, что, во всяком случае, несравненно вразумительнее, чем «французская школа Спинозы».

2) Г-н Бауэр когда-то вычитал из гегелевской «Истории философии», будто французский материализм есть школа Спинозы. Если он теперь в другом произведении Гегеля нашел, что деизм и материализм представляют собой две партии в понимании одного и того же основного принципа, то у г-на Бауэра получилось, что у Спинозы было две школы, которые вели между собой спор о смысле его системы. Г-н Бауэр мог найти то разъяснение, которое мы имеем в виду, в «Феноменологии» Гегеля*. Здесь сказано буквально следующее:

«В вопросе об абсолютной сущности Просвещение вступает в спор с самим собой... и распадается на две партии... Одна... называет лишенное всяких предикатов абсолютное... *верховным абсолютным существом*... другая определяет его как *материю*... И то и другое есть одно и то же понятие, — различие лежит не в самом предмете, а исключительно только в различных исходных пунктах обеих конструкций» (Гегель. «Феноменология», стр. 420, 421, 422).

3) Наконец, г-н Бауэр мог опять-таки вычитать у Гегеля, что если субстанция в своем дальнейшем развитии не переходит в понятие и самосознание, то она делается достоянием «романтики». Нечто подобное утверждал в свое время журнал «*Nalliche Jahrbücher*»*.

Но, во всяком случае, «дух» должен был, во что бы то ни стало, предназначить своему «противнику», материализму, некую «противоположную судьбу».

Примечание: Связь французского материализма с Декартом и Локком и противоположность философии XVIII века метафизике XVII века обстоятельно освещены в большинстве новейших *французских* историй философии. В противовес критической критике нам пришлось здесь только повторить уже известные вещи. Напротив, связь материализма XVIII века с английским и французским *коммунизмом* XIX века нуждается еще в обстоятельном освещении. Мы ограничимся здесь приведением некоторых особенно характерных мест из Гельвеция, Гольбаха и Бентама.

1) *Гельвеций*. «Люди не злы, но подчинены своим интересам. Нужно поэтому сетовать не на злонаравие людей, а на невежество законодателей, которые всегда противопоставляли частный интерес общему интересу». — «Моралисты не имели до сих пор никакого успеха, потому что надо покопаться в законодательстве, чтобы вырвать корни, порождающие порок. В Новом Орлеане жены имеют право отвергать своих мужей, как только последние надоели им. В таких странах не бывает неверных жен, потому что у них нет надобности обманывать своих мужей». — «Мораль — не больше, как пустая наука, если ее не соединяют с политикой и законодательством». — «Лицемерных моралистов можно узнать, с одной стороны, по тому равнодушию, с которым они относятся к порокам, разрушающим государства, с другой же стороны — по той ярости, с которой они обрушиваются на пороки в частной жизни». — «Люди не рождаются ни добрыми, ни злыми, но они рождаются способными стать теми или другими, смотря по тому, соединяет или разъединяет их общий интерес». — «Если бы граждане не могли осуществлять свое частное благо, не осуществляя в то же время общего блага, то не было бы вовсе порочных людей, кроме разве безумцев» («Об уме», том I, Париж, 1822, стр. 117, 240, 241, 249, 251, 369 и 339). — Согласно Гельвецию, воспитание (под которым он — ср. цит. соч., стр. 390 — понимает не только воспитание в обычном смысле этого слова, но и совокупность всех условий жизни индивидуума) формирует человека; если, с одной стороны, нужно преобразование, упраздняющее противоречие между интересом отдельного человека и общим интересом, то, с другой стороны, для проведения такого преобразования требуется коренное изменение сознания: «Великие преобразования могут быть осуществлены лишь тогда, когда ослаблено тупое уважение народов к старым законам и обычаям» (цит. соч., стр. 260), или, как он говорит в другом месте, когда уничтожается невежество.

2) *Гольбах*. «В предметах, любимых человеком, человек любит только самого себя; привязанность человека к другим существам человеческого рода основана лишь на любви к самому себе». «Ни на один момент своей жизни человек не может отделиться от самого себя: он не может упустить себя из виду». «Всегда и везде только наша польза, наш интерес... побуждает нас любить или ненавидеть те или иные предметы» («Социальная система», том I, Париж, 1822, стр. 80, 112). Но «человек в собственных интересах должен любить других людей, потому что они необходимы для его собственного благополучия... Мораль доказывает ему, что из всех существ *наиболее необходимым для человека является человек*» (стр. 76). «Истинная мораль, как и истинная политика, есть та, которая стремится так подойти к людям, чтобы они совместными усилиями работали для взаимного благополучия. Всякая мо-

раль, отделяющая наши интересы от интересов наших соотарищей, есть ложная, бессмысленная мораль, противная природе» (стр. 116). «Любить других... значит сливать свои интересы с интересами наших соотарищей, чтобы работать для общей пользы... Добродетель есть не что иное, как польза людей, соединенных в общество» (стр. 77). «Человек без страстей или без желаний перестал бы быть человеком... Полная оторванность от самого себя уничтожала бы всякие побудительные мотивы для привязанности к другим. Человек, равнодушный ко всему окружающему, лишенный страстей, довольствующийся самим собой, уже не был бы общественным существом... Добродетель есть не более, как передача блага» (стр. 118). «Религиозная мораль никогда не служила тому, чтобы сделать смертных более общественными» (стр. 36).

3) *Бентам*. Мы приведем из Бентама только одно место, где он оспаривает «всеобщий интерес в политическом смысле». «Интерес индивидуумов... должен уступать общественному интересу. Но... что это значит? Не составляет ли каждый индивидуум такую же часть общества, как и всякий другой? Этот общественный интерес, который вы персонифицируете, представляет собой только абстракцию: он является не чем иным, как совокупностью индивидуальных интересов... Если признать желательным жертвовать счастьем одного индивидуума для увеличения счастья других, то, стало быть, еще более желательно жертвовать счастьем также и второго, третьего и так до бесконечности... Индивидуальные интересы — единственно реальные интересы» (Бентам. «Теория наказаний и наград» и т. д., том II, Париж, 1826, 3-е изд., стр. 229—230).

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Святое семейство.
Сочинения, т. 2, стр. 144—148.

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ДИАЛЕКТИКА

Между тем рядом с французской философией XVIII века и вслед за нею развилась новейшая философия, нашедшая свое завершение в Гегеле. Ее величайшей заслугой было возвращение к диалектике как высшей форме мышления. Древние греческие философы были все прирожденными диалектиками, и Аристотель, — самая всеобъемлющая голова между ними, — исследовал уже все существеннейшие формы диалектического мышления. Хотя и в новой философии диалектика имела блестящих представителей (Декарт и Спиноза), но она, особенно под влиянием английской философии, все более и более склонялась к так называемому метафизическому способу мышления, почти безраздельно овладевшему также французами XVIII века, по крайней мере в их специально философских трудах. Однако вне этой области они смогли оставить нам высокие образцы диалектики; припомним только «Племянника Рамо» Дидро и сочинение Руссо «О происхождении неравенства между людьми».

Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Введение.
Сочинения, т. XIV, стр. 20.

УТИЛИТАРНАЯ ФИЛОСОФИЯ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

В какой мере эта теория взаимной эксплуатации, которую до отвращения размазывал Бентам, уже в начале нашего века могла считаться пройденным этапом прошлого столетия, доказывает Гегель в своей «Феноменологии». Смотри там главу «Борьба просвещения с суеверием», где теория полезности изображается как последний результат просвещения. Представляющееся совершенно нелепым сведение всех многообразных человеческих взаимоотношений к *единственному* отношению полезности — эта по видимости метафизическая абстракция проистекает из того, что в современном буржуазном обществе все отношения практически подчинены только одному абстрактному денежно-торгашескому отношению. Эта теория возникла у Гоббса и Локка в эпоху первой и второй английской революции, этих первых битв, которыми буржуазия завоевывала себе политическую власть. У писателей-экономистов она встречается, конечно, уже и раньше в качестве молчаливой предпосылки. Подлинной наукой этой теории полезности является политическая экономия; свое истинное содержание она приобретает у физиократов, которые впервые превратили политическую экономию в систему. Уже у Гельвеция и Гольбаха мы находим идеализацию этого учения, вполне соответствующую оппозиционной роли французской буржуазии перед революцией. У Гольбаха вся деятельность индивидов в их взаимном общении, например речь, любовь и т. д., изображается в виде отношений полезности и использования. Таким образом, действительные отношения, из которых он исходит, — это речь, любовь, определенные действительные проявления определенных свойств индивидов. Но эти отношения не обладают здесь свойственным им *специфическим* значением, а служат выражением и проявлением некоего третьего, подставленного вместо них, отношения, именно *отношения полезности или использования*. Эта *перефразировка* перестает быть бессмысленной и произвольной только тогда, когда для индивида его отношения имеют значение не сами по себе, не как самодеятельное проявление, а как маски, — однако как маски не категории использования, а некоей действительной третьей цели и отношения, называемого отношением полезности.

Словесный маскарад имеет смысл лишь тогда, когда он является бессознательным или сознательным выражением действительного маскарада. В данном случае отношение полезности имеет вполне определенный смысл, именно тот, что я извлекаю

пользу для себя, причиняя ущерб другому (*exploitation de l'homme par l'homme*¹); далее, в этом случае польза, извлекаемая мной из какого-нибудь отношения, чужда вообще данному отношению, подобно тому как выше, говоря о способности, мы видели, что от каждой способности требуется чуждый ей продукт; это — отношение, определяемое общественными отношениями, — а оно-то как раз и есть отношение полезности. Все это действительно имеет место у буржуа. Для него только одно отношение имеет самодовлеющее значение — отношение эксплуатации; все прочие отношения существуют для него лишь постольку, поскольку он может подвести их под это единственное отношение, и даже там, где он встречает такие отношения, которые нельзя прямо подчинить отношению эксплуатации, он подчиняет их данному отношению, по крайней мере, в своем воображении. Материальным выражением этой пользы являются деньги — представитель стоимости всех вещей, людей и общественных отношений. Впрочем, нетрудно с первого же взгляда заметить, что категория «использования» абстрагирована от действительных отношений общения, в каких я нахожусь с другими людьми, а вовсе не из рефлексии и одной только воли, и что затем, — при посредстве чисто спекулятивного метода, — эти отношения выдаются, наоборот, за действительность данной, отвлеченной от них же самих категории. Совершенно таким же образом и с таким же правом Гегель изобразил все отношения в виде отношений объективного духа. Таким образом, теория Гольбаха есть исторически правомерная философская иллюзия насчет поднимавшейся тогда во Франции буржуазии, чью жажду эксплуатации еще можно было изображать как жажду полного развития индивидов в условиях общения, освобожденного от старых феодальных пут. Впрочем, освобождение, как его понимает буржуазия, — т. е. конкуренция, — являлось для XVIII века единственным возможным способом открыть перед индивидами новое поприще более свободного развития. Теоретическое провозглашение сознания, соответствующего этой буржуазной практике, — сознание взаимной эксплуатации — всеобщим взаимоотношением между всеми индивидами, было также смелым и открытым шагом вперед, было *просвещением*, раскрывающим земной смысл политического, патриархального, религиозного и идиллического облачения эксплуатации при феодализме, облачения, которое соответствовало тогдашней форме эксплуатации и было систематизировано в особенности теоретиками абсолютной монархии.

¹ — эксплуатация человека человеком. *Ред.*

Если бы даже Санчо сделал в своей «Книге» * то же самое, что в прошлом столетии сделали Гельвеций и Гольбах, то и это было бы смешным анахронизмом. Но мы уже видели, что на место деятельного буржуазного эгоизма он поставил хвастливый, согласный с собой эгоизм. Его единственная — да и то вопреки его воле и без его ведома — заслуга заключается в том, что он выражает чаяния современных немецких мелких буржуа, стремящихся стать настоящими буржуа. Вполне естественно, что мелочности, робости и ограниченности практических выступлений этих бюргеров соответствует крикливое, шарлатанское и фанфаронское выступление «Единственного» среди их философских представителей; действительным взаимоотношениям этих бюргеров вполне соответствует то, что они и знать не хотят о своем теоретическом крикуне, а он ничего не знает о них, что они находятся в разладе друг с другом, и он вынужден проповедовать согласный с собой эгоизм. Теперь Санчо, может быть, поймет, какой пуповиной связан *его* «Союз» с Таможенным союзом *.

Успехи теории полезности и эксплуатации, ее различные фазисы тесно связаны с различными периодами развития буржуазии. У Гельвеция и Гольбаха она, по своему действительному содержанию, никогда не выходила далеко за рамки перефразировки того способа выражения, который употребляли писатели времен абсолютной монархии. Она была у них лишь иным способом выражения, скорее желанием свести все отношения к отношению эксплуатации, уяснить общение людей из их материальных потребностей и способов их удовлетворения, — была, скорее, желанием, чем его осуществлением. Задача была поставлена. Гоббс и Локк имели перед глазами как прежнее развитие голландской буржуазии (оба они жили одно время в Голландии), так и первые политические выступления английской буржуазии, посредством которых она разрывала рамки местной и провинциальной ограниченности, и сравнительно развитую уже ступень мануфактуры, морской торговли и колонизации; особенно это относится к Локку, сочинения которого относятся к первому периоду английской политической экономии, к периоду возникновения акционерных обществ, Английского банка и морского владычества Англии. У них, и в особенности у Локка, теория эксплуатации еще непосредственно связана с экономическим содержанием.

Гельвеций и Гольбах имели уже перед собой, помимо английской теории и предшествовавшего развития голландской и английской буржуазии, также и боровшуюся еще за свое свобод-

ное развитие французскую буржуазию. Характерный для всего XVIII столетия коммерческий дух охватил, особенно во Франции, в форме спекуляции все классы. Финансовые затруднения правительства и вытекавшие отсюда споры о налоговом обложении занимали уже тогда всю Францию. К этому присоединилось еще то, что Париж был в XVIII столетии единственным мировым городом, единственным городом, в котором имело место личное общение представителей всех наций. Эти предпосылки в соединении с более универсальным характером, который вообще присущ французам, придали теории Гельвеция и Гольбаха ее своеобразную универсальную окраску, но лишили ее, вместе с тем, положительного экономического содержания, которое мы находим еще у англичан. Теория, которая еще у англичан была просто констатированием известного факта, становится у французов философской системой. Этот лишенный положительного содержания общий взгляд, который мы находим у Гельвеция и Гольбаха, существенно отличается от полноты содержания, которая впервые обнаруживается у Бентама и Милля. Первая теория соответствует борющейся, еще не развитой буржуазии, вторая — буржуазии господствующей и развитой.

Оставленное в стороне Гельвецием и Гольбахом содержание теории эксплуатации было развито и систематизировано физиократами — современниками Гольбаха; но так как последние основывались на неразвитых экономических отношениях Франции, где еще не был сломлен феодализм, при котором главную роль играет землевладение, то они были настолько в плену феодальных воззрений, что считали землевладение и земледельческий труд той [производительной силой], которая определяет весь строй общества.

Дальнейшим своим развитием теория эксплуатации обязана в Англии Годвину и в особенности Бентаму, который оставленное французами в стороне экономическое содержание снова постепенно включал в свое поле зрения, — по мере того, как буржуазия пробивала себе путь и в Англии и во Франции. «Политическая справедливость» Годвина была написана во время террора, а главные произведения Бентама — во время французской революции и после нее, одновременно с развитием крупной промышленности в Англии. Полное соединение теории полезности с политической экономией мы находим, наконец, у Милля.

Политическая экономия, которая прежде разрабатывалась либо финансистами, банкирами и купцами, т. е. вообще лицами, непосредственно имевшими дело с экономическими отношениями,

либо же людьми всестороннего образования, как Гоббс, Локк, Юм, для которых она имела значение одной из отраслей энциклопедического знания, — эта политическая экономия только благодаря физиократам превратилась в особую науку и с тех пор стала разрабатываться как таковая. В качестве особой специальной науки она включила в себя остальные — политические, юридические и т. д. — отношения, в той мере, в какой она свела их к экономическим отношениям. Но она считала это подчинение всех отношений себе лишь одной стороной этих последних, а в остальном сохраняла за ними известное самостоятельное значение и вне политической экономии. Полное подчинение всех существующих отношений отношению полезности, безусловное возведение этого отношения полезности в единственное содержание всех прочих отношений мы находим впервые у Бентама, у которого, после французской революции и развития крупной промышленности, буржуазия выступает уже не в качестве особого класса, а в качестве того класса, условия существования которого являются условиями существования всего общества.

Когда были исчерпаны сентиментальные и моральные парафразы, составлявшие у французов все содержание теории полезности, для дальнейшего ее развития оставалось еще только ответить на вопрос, каким путем возможно использование, эксплуатация индивидов и отношений. Между тем ответ на этот вопрос был уже дан в политической экономии, так что единственно возможный шаг вперед состоял в том, чтобы включить в эту теорию экономическое содержание. Этот шаг сделал Бентам. Но в политической экономии уже была высказана мысль, что главные отношения эксплуатации определяются независимо от воли отдельных лиц производством в целом и что отдельные индивиды уже находят их в наличии. Поэтому теории полезности не оставалось никакого другого объекта для спекулятивных размышлений, кроме позиции отдельных лиц относительно этих главных общественных отношений, кроме частной эксплуатации наличного мира отдельными индивидами. На этот счет Бентам и его школа разразились пространными моральными рассуждениями. Благодаря этому вся критика существующего мира, данная теорией полезности, также приобрела ограниченный характер. Замкнутая в кругу буржуазных условий, она была в силах критиковать лишь те отношения, которые оставались от какой-нибудь прошлой эпохи и мешали развитию буржуазии. Поэтому, хотя теория полезности и устанавливает связь всех существующих отношений с экономическими, она делает это лишь ограниченным образом.

Теория полезности носила с самого начала характер теории общепольности, однако с этой стороны она наполнилась содержанием лишь тогда, когда стали рассматриваться экономические отношения, в особенности разделение труда и обмен. При разделении труда частная деятельность отдельного лица становится общепольной; бентамовская общепольность сводится к той самой общепольности, которая вообще проявляется в конкуренции. Благодаря тому, что включены были экономические отношения земельной ренты, прибыли и заработной платы, стали рассматриваться и определенные отношения эксплуатации, применяемой отдельными классами, так как способ эксплуатации зависит от жизненного положения эксплуатирующего. До этого пункта теория полезности могла опираться на определенные общественные факты; дальнейшие же ее рассуждения о способе эксплуатации сводятся к пустому морализированию.

Экономическое содержание постепенно превратило теорию полезности в простую апологию существующего, в доказывание того, что при данных условиях теперешние отношения людей друг к другу являются-де наиболее выгодными и наиболее общепольными. Такой характер она носит у всех новейших экономистов.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Немецкая идеология.
Сочинения, т. 3, стр. 409—414.

ДАНИЭЛЬ ДЕФО

1

Робинзон у Маркса* — это *подлинный*, первоначальный «Робинзон» Даниэля Дефо, из которого взяты и второстепенные обстоятельства — спасенные от кораблекрушения обломки и т. д. У него позже был свой Пятница, он был потерпевшим кораблекрушение купцом и, если не ошибаюсь, занимался в свое время работорговлей. Итак, это настоящий «буржуа».

Ф. Энгельс — К. Каутскому
20 сентября 1884 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 407.

2

Индивиды, производящие в обществе, — а следовательно общественно-определенное производство индивидов, — таков, естественно, исходный пункт. Единичный и обособленный охот-

ник и рыболов, с которых начинают Смит и Рикардо, принадлежат к лишенным фантазии выдумкам XVIII века. Это — робинзонады, которые отнюдь не выражают, — как воображают историки культуры, — лишь реакцию против чрезмерной утонченности и возвращение к ложно понятой природе. Подобно тому как и «Общественный договор» Руссо, который устанавливает путем договора взаимоотношение и связь между независимыми от природы субъектами, ни в малой степени не покоится на таком натурализме. Это — иллюзия, и лишь эстетическая иллюзия больших и малых робинзонад. Это, напротив, предвосхищение «буржуазного общества», которое подготавливалось с XVI века, а в XVIII — сделало гигантские шаги на пути к своей зрелости. В этом обществе свободной конкуренции отдельный человек выступает освобожденным от естественных связей и т. д., которые в прежние исторические эпохи делали его принадлежностью определенного ограниченного человеческого конгломерата. Пророкам XVIII века, на плечах которых еще целиком стоят Смит и Рикардо, этот индивид XVIII века, — продукт, с одной стороны, разложения феодальных общественных форм, а с другой — развившихся с XVI века новых производительных сил, — представляется идеалом, существование которого относится к прошлому, — не результатом истории, а ее исходным пунктом; потому что соответствующий природе индивид, согласно их воззрению на человеческую природу, казалось, не возник исторически, а установлен самой природой. Это заблуждение было до сих пор свойственно каждой новой эпохе.

К. М а р к с. Введение к «Критике политической экономии».
Сочинения, т. XII, ч. I, стр. 173—174.

3

Так как политическая экономия любит робинзонады, то пусть и на нашем острове прежде всего появится Робинзон. Как ни скромен он в своих привычках, он все же должен удовлетворять разнообразные потребности и потому должен выполнять разнородные полезные работы: делать орудия, изготавливать мебель, приручать ламу, ловить рыбу, охотиться и т. д. О молитве и т. п. мы уже не говорим, так как наш Робинзон находит в ней удовольствие и рассматривает такого рода деятельность как отдых от работ. Несмотря на разнообразие его производительных функций, он знает, что все они суть лишь различные формы

деятельности одного и того же Робинзона, следовательно, лишь различные виды человеческого труда. Под давлением необходимости он должен точно распределять свое рабочее время между различными функциями. Больше или меньше места займет в его совокупной деятельности та или другая функция, зависит от того, больше или меньше трудностей придется ему преодолеть для достижения данного полезного эффекта. Опыт учит его этому, и наш Робинзон, спасший от кораблекрушения часы, гроссбух, чернила и перо, тотчас же, как истый англичанин, начинает вести учет самому себе. Его инвентарь содержит перечисление предметов потребления, которыми он обладает, различных операций, необходимых для их производства, наконец, рабочих часов, которых ему в среднем стоит изготовление этих различных продуктов. Все отношения между Робинзоном и вещами, составляющими его самодельное богатство, настолько просты и прозрачны, что даже г. Макс Вирт сумел бы уразуметь их без особого напряжения ума. И все же в них уже заключаются все существенные определения стоимости.

К. Маркс. Капитал, т. I.
Госполитиздат, 1950, стр. 82—83.

4

Но описание процесса, благодаря которому появляется рента (Кэри, стр. 104) *, так же неисторично у Рикардо, как все такого рода исторические экскурсы экономистов, включая и великую робинзонаду об Адаме и Еве самого Кэри, стр. 96 и сл. Старым экономистам, включая и Рикардо, это еще до известной степени простительно; они вовсе не стремились к историческим знаниям, и во всем своем мировоззрении они так же неисторичны, как и другие просветители XVIII века, у которых подобные якобы исторические экскурсы представляют всегда одну лишь *façon de parler*¹; их цель — рациональным образом объяснить возникновение чего-либо, причем у них первобытные люди всегда думают и действуют точь-в-точь так, как если бы они были просветителями XVIII века. Но когда Кэри, претендующий на создание собственной исторической теории, изображает нам Адама и Еву в виде обитающих в дремучем лесу янки, то он не может требовать, чтобы ему верили: для него здесь нет извинения.

Ф. Энгельс — К. Марксу 19 ноября
1869 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 253—254.

¹ — словесность. *Ред.*

5

Следующие места из «Memoirs of a Cavalier» Даниэля Дэфо тебя, может быть, заинтересуют.

1) Рассказывая о смотре войскам, произведенном кардиналом Ришелье в Лионе, он замечает: «The French foot, compared to the infantry I have since seen in the German and Swedish armies, were not fit to be called soldiers. On the other hand, considering the Savoyards and Italian troops, they were good troops»¹.

2) Он говорит о начале вмешательства Густава Адольфа в немецкую мразь:

«First, they (the German Protestant princes) were willing to join him, at last they could not find in their hearts to join with the emperor of whose powers they had such just apprehensions, they wished the Swedes success and would *have been very glad to have the work done at another man's charge; but like true Germans they were more willing to be saved, than to save themselves, and therefore hung back and stood on terms*»².

К. Маркс — Ф. Энгельсу 10 августа
1869 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 229.

СВИФТ

1

Свифт в «A short View of the State of Ireland» [«Беглый взгляд на положение Ирландии»], 1727, пишет * по поводу превращения земли в пастбища: «Что касается улучшения обработки земли, то те немногие, которые пытались за это братья или принимались за посадку деревьев, оставляли дело — из-за скарденности или из-за неумения — в еще более худшем положении, чем оно

¹— «Французские пехотинцы, если сравнить их с пехотой, которую я с тех пор имел случай наблюдать в немецкой и шведской армиях, не заслуживали имени солдат. С другой же стороны, если сравнивать их с савойскими и итальянскими войсками, то они являются хорошими солдатами». *Ред.*

²— «Во-первых, они (немецкие князья-протестанты) были готовы присоединиться к нему, наконец, у них не могло быть никаких побуждений прикнудить к императору, средства и силы которого внушали им опасения; они желали успеха шведам и были бы очень рады, если бы дело было сделано руками другого человека; но как истые немцы, они охотнее желали быть спасенными, чем спасти самих себя. Вот почему они были нерешительными и придерживались договоров. *Ред.*

было раньше, не достигнув успеха ни в садоводстве, ни в возделывании огороженных участков [hedges]; одержимые манией разведения скота, наподобие скифов, они с каждым днем добились все большего сокращения населения в стране».

Ф. Энгельс. Рукописи по истории Англии и Ирландии.
Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 219.

2

1724. Вильям Вуд получил патент на выпуск 108 000 ф. ст. неполноценной монеты, стоимостью всего лишь в 8 000 ф. ст., чтобы пустить ее в обращение в Ирландии, где вся сумма денежного обращения составляла едва только 400 000 ф. ст.! Это ущемляло интересы всех классов, включая сюда даже сборщиков десятины, и, несмотря на все усилия, правительству пришлось уступить. (См. Свифт, «Drapier's Letters» [«Письма суконщика» *.] Печать подняла шум посредством множества памфлетов; вопили все — судьи, чиновники, корпорации; правительство устраивало процессы и назначало награды доносчикам, но присяжные выносили оправдательные приговоры, а доносчиков избивали до полусмерти; таким образом, полупенсы Вуда так и не поступили в обращение.

Ф. Энгельс. Рукописи по истории Англии и Ирландии.
Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 215, 218.

3

Смит на стр. 138 * называет это «шутовской паникой» [farcical panic]; то, что Свифт взялся за такие низменные темы в «Письмах суконщика» {по его мнению}, служит доказательством того, как низко пала в то время ирландская политика.

Ф. Энгельс. Рукописи по истории Англии и Ирландии.
Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 219.

4

Если социальные условия, в которых живет ирландский народ, настолько улучшились, чем же объясняется наблюдающийся в его среде страшный рост душевных заболеваний с 1847 и в особенности с 1851 года? Взгляните на нижеследующие дан-

ные, взятые из «Шестого отчета ирландских домов для умалишенных»:

	Всего принято в дома	Из них	
		мужчин	женщин
1851 г.	2584	1301	1283
1852 »	2662	1276	1386
1853 »	2870	1447	1423

И это та самая страна, в которой знаменитый Свифт, основатель первого в Ирландии дома для умалишенных *, сомневался, удастся ли найти всего 90 сумасшедших!

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Извозчики. — Забастовки и борьба
с ними.
Сочинения, т. IX, стр. 184.

5

Кстати. Недавно я купил за целых 4½ шиллинга четырнадцатитомное издание *Свифта* (1760 г.). А потому, как только тебе понадобится заглянуть в свифтовские писания на ирландские темы, соответствующие тома будут тебе посланы.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 10 мая
1870 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 337.

МАНДЕВИЛЬ

1

Точно так же Бернар де Мандевиль говорит * в начале XVIII столетия: «Там, где собственность пользуется достаточной защитой, было бы легче жить без денег, чем без бедных, ибо кто стал бы трудиться?.. Хотя следует ограждать рабочих от голодной смерти, но нужно это сделать так, чтобы они не получали ничего, что было бы равносильно сбережению. Если иногда кто-либо из низшего класса благодаря необыкновенному трудолюбию и недоеданию возвышается над положением, в котором он вырос, то никто не должен ставить ему в этом какие-либо препятствия: ведь бесспорно, что жить бережливо, это — самое разумное для каждого отдельного лица, для каждой отдельной семьи в обществе; однако интерес всех богатых наций заключается в том, чтобы большая часть бедных никогда не оставалась без дела и чтобы они постоянно целиком расходовали все, что они получают... Те, кто поддерживает существование повседневным трудом, побуждаются к работе исключительно своими ну-

ждами, которые благоразумно смягчать, но было бы глупо исцелять. Единственная вещь, которая только и может сделать рабочего человека прилежным, это — умеренная заработная плата. Слишком низкая заработная плата доводит его, смотря по темпераменту, до малодушия или отчаяния, слишком большая — делает наглым и ленивым... Из всего до сих пор сказанного следует, что для свободной нации, у которой рабство не допускается, самое верное богатство заключается в массе трудолюбивых бедняков. Не говоря уже о том, что они служат неиссякаемым источником для укомплектования флота и армии, без них не было бы никаких наслаждений и невозможно было бы использовать произведения страны для получения доходов. Чтобы сделать общество (которое, конечно, состоит из нерабочих) счастливым, а народ довольным даже его жалким положением, для этого необходимо, чтобы огромное большинство оставалось невежественным и бедным. Познание расширяет и умножает наши желания, а чем меньше желает человек, тем легче могут быть удовлетворены его потребности». Мандевиль, честный человек и ясная голова, еще не понимает того, что самый механизм процесса накопления вместе с капиталом увеличивает и массу «трудолюбивых бедняков», т. е. наемных рабочих, которые вынуждены превращать свою рабочую силу в возрастающую силу для увеличения стоимости возрастающего капитала и именно этим увековечивать свою зависимость от своего собственного продукта, персонифицированного в капиталисте.

К. Маркс. Капитал, т. I.
Госполитиздат, 1950, стр. 620—621.

2

Знаменитое место той же самой главы * [книги Адама Смита], которое начинается словами: «Взгляните на жизненные удобства, выпадающие на долю простого ремесленника или поденщика цивилизованной и цветущей страны...» [там же, русск. перев., стр. 14] и в котором расписывается затем, сколь многочисленные отрасли производства соединяют свои усилия для удовлетворения потребностей простого рабочего, — место это почти буквально списано из примечаний Б. де Мандевилья к его «Fable of the Bees, or Private Vices, Publick Benefits». (Первое издание без примечаний в 1706 г., с примечаниями в 1714 г.)

К. Маркс. Капитал, т. I. Примеч. 57.
Госполитиздат, 1950, стр. 362.

САТИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ XVIII ВЕКА. ПОП. ДЖОН УОЛКОТ

1

«Nationalzeitung» подтвердила правильность слов Попа:

Still her old empire to restore she tries *
For born a goddess Dulness¹ never dies.

[Ведь глупость, вечной будучи богиней,
За власть свою, как встарь, стоит и ныне.]

Но царство dulness у Попа отличается от царства «Nationalzeitung» тем, что: «Теперь там правит Дунс второй *», как прежде правил первый», между тем как здесь все еще правит старый Дунс, Dunc the first².

К. Маркс. Господин Фогт.
Сочинения, т. XII, ч. I, стр. 455.

2

Во всяком случае, существует поразительное избирательное сродство между фельетоном Гефнера и письмом Техова, хотя ни одна из этих вещей не может сравниться с *фогтовской Лаузиадой* * (Lausiade)³. Не следует смешивать «Лаузиаду» с «Лузиадами» Камозэнса. Первоначальная «Lousiad» — скорее героически-комический эпос *Путера Пиндара*⁴.

К. Маркс. Господин Фогт.
Сочинения, т. XII, ч. I, стр. 321.

БЕРК *

1

«Когда в Индии обсуждается вопрос о каком-нибудь мероприятии, — говорит Кемпбель, — известие о его передаче в Совет директоров расценивается как сдача вопроса в архив».

¹ Невозможно дать в переводе слово dulness. Оно означает больше, чем скука, это — возведенное в принцип ennui (скука), усыпляющая безжизненность, отупевшая ограниченность. В качестве свойства стиля dulness есть то, что «Neue Rheinische Zeitung» называет «тяжеловесно-содержательным выражением бессодержательности». Примечание Маркса.

² Сатирическая поэма Попа «Dunciade» изображает современных ему поэтов в царстве Dulness. «Дунс — дурак, болван, невежда; Dunc the first — можно перевести: «Болван первый». *Ред.*

³ Laus (англ. louse) — вошь, «Lausiade», «Lousiad» можно перевести — швивая эпопея, швивиада. *Ред.*

⁴ Peter Pindar — псевдоним английского поэта Джона Уолкота (John Wolcot) (1738—1819), автора сатирической поэмы «The Lousiad». *Ред.*

Затхлая и отвратительная атмосфера этой бюрократии стоит того, чтобы заклеить ее знаменитыми словами Берка:

«Это племя вульгарных политиков — настоящие отбросы рода человеческого. Правительственная работа вырождается в их руках в самое бездушное, механическое ремесло. Добродетель им и не снилась. Их мутит от всякого поведения, внушаемого только совестью и честью. Широкий и свободный интерес к благу государства они считают романтикой, соответствующие принципы — бредом расстроенного воображения. Арифметические выкладки приводят их в восторг. Насмешки шутов заставляют их стыдиться всего великого и возвышенного. Убожество в целях и средствах представляется им здравомыслием и трезвостью».

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Управление Индией.
Сочинения, т. IX, стр. 337.

2

Никто еще никогда не утверждал, что Индия когда-либо дала повод к нападению на нее со стороны Англии или что войны, ведшиеся против нее, были предприняты ради цивилизации. Целью этих войн, по общему признанию, был грабеж при помощи убийства, — грабеж столь же отвратительный, как и работорговля, которая велась с полной санкцией и при соучастии епископов и других лиц, не столь близких престолу милосердия. Завоевание этой почти бесчисленной массы человеческих существ происходило в условиях такого ужаса и таких страданий, что потребовался бы гений Берка, чтобы описать их.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Парламентские дебаты об Индии.
Сочинения, т. IX, стр. 714.

ВОЛЬТЕР

1

Вольтер, как известно, держал у себя в Фернее четырех обезьян, которым он дал имена своих четырех литературных противников — Фрерона, Бомелля, Нонота и Фран-де-Помпиньяна. Не проходило ни одного дня без того, чтобы поэт не кормил бы их собственноручно, не награждал бы их пинками, не драл бы их за уши, не колол бы им носы иглоками,

не наступал бы на хвосты, не наряжал бы их в поповские капюшоны и не обращался бы с ними самым невообразимо скверным образом. Эти обезьяны-критики были фернейскому старцу столь же необходимы для отвода его желчи, для удовлетворения его ненависти и для успокоения его страха перед полемическим оружием, как необходимы теперь обезьяны революции для Луи Бонапарта в Италии *. Точно таким же образом кормят ныне Кошута, Клапку, Фогта, Гарибальди; надев им ошейники, их держат под замком; их то ласкают, то награждают пинками, в зависимости от того, какое настроение преобладает в душе их повелителя — ненависть ли к революции или страх перед нею.

К. Маркс. Шпре и Минчио.
Сочинения, т. XI, ч. II, стр. 301.

2

Жандарм Демаре был награжден орденом за то, что он изменчески изрубил в куски, как мясник, великодушного и рыцарски благородного Флуранса, который 31 октября 1870 г. спас головы членов правительства обороны. Об «ободряющих подробностях» этой бойни Тьер торжествующе разглагольствовал в Национальном собрании. С надутым тщеславием парламентского мальчика с пальчика, которому позволили разыгрывать роль Тамерлана, он отказался признать за людьми, восставшими против его ничтожества, всякое право воюющей стороны, вплоть до права нейтралитета их перевязочных пунктов. Нет ничего гнуснее этой обезьяны *, которую предвидел еще Вольтер, — обезьяны, получившей на миг возможность дать полный простор своим инстинктам тигра.

К. Маркс. Гражданская война во Франции (текст первого издания).
Архив Маркса и Энгельса т. III (VIII), стр. 33.

3

В XVIII столетии французская аристократия говорила: «Для нас Вольтер, для масс — обедня и десятина». В XIX столетии английская аристократия говорит: для нас ханжеские фразы, для народа — христианские дела. Классические святые христианства бичевали *свое тело* во имя духовного спасения массы; современные, образованные святые бичуют *тело массы*

во имя собственного духовного спасения. Этот союз развратной, идущей к гибели и жадной к наслаждениям аристократии с церковью, союз, основанный на грязных, корыстных расчетах пивных магнатов и крупных торговцев-монополистов, вызвал вчера *массовую демонстрацию* * в Гайд-парке, какой Лондон ни разу не видел со смерти Георга IV, «первого джентльмена Европы».

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Антицерковное движение.
Сочинения, т. X, стр. 466.

4

Русская аристократическая молодежь воспитывается в немецких университетах и в Париже. Она гонится всегда за самым крайним, что только дает Запад. Это чистейшее гурманство, такое же, каким занималась часть французской аристократии в XVIII столетии. «Это не для портных и сапожников», — говорил тогда Вольтер о своих просветительных идеях. Это не мешает тем же русским, поступив на государственную службу, делаться негодяями.

К. Маркс — Людвигу Кугельману.
12 октября 1868 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 534.

5

В то время в Европе уже существовало просвещенное «общественное мнение». Хотя «Times» и не приступил еще тогда к фабрикации этого продукта, однако существовал тот вид общественного мнения, который был создан огромным влиянием Дидро, Вольтера, Руссо и других французских писателей XVIII столетия. Россия всегда знала, как важно иметь по возможности на своей стороне общественное мнение, и она не пренебрегла тоже заполучить его. Двор Екатерины II был превращен в штаб-квартиру просвещенных людей того времени, особенно французов; императрица и ее двор исповедовали самые просвещенные принципы, и ей настолько удалось ввести в заблуждение Вольтера и других, что они воспевали «Северную Семиамиду» и провозгласили Россию самой прогрессивной страной в мире, отечеством либеральных принципов, «лоборником религиозной терпимости».

Ф. Энгельс. Какое дело рабочему классу до Польши.
Сочинения, т. XIII, ч. I, стр. 159—160.

ДИДРО

1

...убеждение в том, что человечество, — по крайней мере, в данное время, — подвигается, вообще говоря, вперед, не имеет ничего общего с вопросом об идеализме и материализме. Французские материалисты почти фанатически держались этого убеждения, — не меньше деистов Вольтера и Руссо, — и приносили ему часто величайшие личные жертвы. Если кто-нибудь посвятил всю свою жизнь служению «истине и праву» (в хорошем смысле этих слов), то именно Дидро. И когда Штарке объявляет все это идеализмом*, он доказывает только то, что слово материализм, а с ним вместе и вся противоположность материалистического направления с идеалистическим, утрачивает у него всякий смысл.

Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах.
Сочинения, т. XIV, стр. 653—654.

2

Сегодня я *by accident*¹ обнаружил, что у нас дома имеются два экземпляра «*Neveu de Rameau*»², поэтому посылаю тебе один. Это неподражаемое произведение еще раз доставит тебе наслаждение. «Сознание, сознающее свою разорванность и выражающее ее, — говорит об этом *old*³ Гегель, — есть язвительная насмешка над наличным бытием, точно так же как над запутанностью целого, и над самим собою; это есть в то же время для себя еще уловимый отзвук этой полной запутанности... Это — сама себя разрывающая природа всех отношений и сознательный их разрыв»... В той стороне возврата в самость есть *суетность* всех вещей, ее *собственная суетность*, т. е. самость суетна... но в качестве возмущенного самосознания она сознает свою собственную разорванность и в этом знании разорванности непосредственно над ней возвышается. Каждая частица этого мира достигает того, что высказывается ее дух или что о ней говорится как о духе, т. е. высказывается то, что она собой представляет. *Честное сознание* (роль, которую Дидро отводит в диалоге самому себе) рассматривает каждый момент как пребывающую сущность и представляет собой невежественную бессмысленность, так как не знает, что и оно поступает извращенно.

¹ — случайно. *Ред.*

² — «Племянник Рамо». *Ред.*

³ — старый. *Ред.*

Разорванное же сознание есть сознание извращения, и притом абсолютного извращения. Господствующим в этом сознании являются понятия, которые сводят воедино мысли, весьма далеко отстоящие от честности, и поэтому язык их столь остроумен. Содержание речей духа о себе самом есть, следовательно, извращение всех понятий и реальностей, всеобщий обман самого себя и других; и то бесстыдство, с каким он говорит открыто об этом, есть поэтому величайшая истина... Спокойному сознанию, которое честно сводит мелодию добра и истины к одинаковым тонам, т. е. к единой ноте, эта речь представляется «вздорной болтовней, смешанной из мудрости и безумия и т. д.» (следует цитата из Дидро).

Забавнее гегелевского комментария* — комментарий господина Жюля Жанепа*, выдержки из которого ты найдешь в приложении в конце тома. Этот «cardinal de la mer»¹ не удовлетворен отсутствием в «Рамо» Дидро моральных выводов, поэтому он исправляет эту вещь следующим открытием: вся извращенность Рамо есть результат его огорчения по поводу того, что он «не родился gentilhomme»². Эта дрянь в стиле Коцебу, которую он построил на таком базисе, идет теперь в Лондоне в качестве мелодраматического представления. Путь от Дидро до Жюля Жанена, это — как раз то, что физиологи окрестили именем регрессивной метаморфозы: французский дух до французской революции и при Луи-Филиппе!

К. Маркс — Ф. Энгельсу 15 апреля
1869 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 190—191.

3

Большое спасибо за «Рамо», который доставит мне большое наслаждение.

Ф. Энгельс — К. Марксу 16 апреля
1869 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 192.

РУССО

1

Благодаря росту городов и вызванному им усилению более или менее развитых элементов как буржуазии, так и пролетариата, опять должно было выдвигаться требование равенства как усло-

¹ — морской кардинал. *Ред.*

² — дворянином. *Ред.*

вия буржуазного существования, а в связи с этим требованием и пролетарии начали связывать с политическим равенством социальное. Впервые — конечно, в религиозной форме — это требование было ясно выражено во время крестьянской войны. Буржуазная сторона требования равенства была впервые резко, но еще в виде общечеловеческого требования, формулирована Руссо.

Ф. Энгельс. Приложение к
«Анти-Дюрингу».
Сочинения, т. XIV, стр. 367.

2

Наконец, даже учение о равенстве Руссо, бледным искаженным снимком которого является учение г. Дюринга, даже оно не могло быть построено без того, чтобы гегелевское отрицание отрицания не сыграло акушерской роли (и это еще более чем за 20 лет до рождения Гегеля). И весьма далекое от того, чтобы стыдиться этого, учение Руссо, в первом своем изложении *, можно сказать, блистательно обнаруживает печать своего диалектического происхождения. В естественном и диком состоянии люди были равны, а так как Руссо уже на возникновение речи смотрит как на искажение естественного состояния, то он имел полное право приписывать равенство и тем гипотетическим людям-животным, которых в новейшее время Геккель назвал *alali* — лишенными речи. Но эти равные меж собой люди-животные имели одно преимущество перед прочими животными: способность совершенствования, дальнейшего развития, и эта способность стала причиной неравенства. Итак, Руссо видит в возникновении неравенства прогресс. Но этот прогресс был антагонистичен, он в то же время был и регрессом. «Все дальнейшие успехи * представляли собою только кажущийся прогресс *в направлении усовершенствования отдельного человека*, на самом же деле этот прогресс шел в направлении *упадка рода человеческого*. Обработка металлов * и земледелие были теми двумя искусствами, открытие которых вызвало эту громадную революцию» (т. е. превращение первобытных лесов в обработанную землю, но, вместе с тем, также господство нищеты и рабства, созданных установлением собственности). «С точки зрения поэта *, золото и серебро, а с точки зрения философа, железо и хлеб цивилизовали людей, но и погубили человеческий *род*». Каждый новый прогрессивный шаг цивилизации есть в то же время и прогресс неравенства. Все учреждения, которые создает для себя общество, возникшее вместе с цивилизацией, превращаются в нечто противоположное своей первоначальной

цели. «Бесспорно — и это составляет основной закон * всего государственного права, — что народы создали себе государей для охраны своей свободы, а не для ее уничтожения». И тем не менее, говорит Руссо, эти правители необходимо становились угнетателями народов, и их угнетение усиливается до того момента, когда неравенство, достигшее крайней степени, вновь превращается в свою противоположность, становясь причиной равенства: перед деспотом все равны, именно каждый равен нулю. «Тут — высшая степень неравенства *, *та конечная точка, которая замыкает круг и соприкасается с начальной точкой, от которой мы исходили*: здесь все частные люди снова становятся равными членами, но только потому, что они представляют собой ничто и подданные не имеют другого закона, кроме воли господина». Но деспот является господином, пока на его стороне сила, а потому, «если его изгоняют *, он не может жаловаться на насилие... Насилие его поддерживало, насилие его и свергает, все идет своим правильным и естественным путем». И, таким образом, неравенство вновь превращается в равенство, но не в старое естественное равенство первобытных людей, лишенных языка, а в высшее равенство — общественного договора. Угнетатели подвергаются угнетению. Это — отрицание отрицания.

Мы здесь, таким образом, имеем уже у Руссо не только рассуждение, как две капли воды схожее с рассуждением Маркса в «Капитале» *, но и в подробностях мы видим целый ряд тех же диалектических оборотов, какими пользуется Маркс: процессы, которые антагонистичны по своей природе, содержат в себе противоречие, превращение известной крайности в свою противоположность и, наконец, как основу всего — отрицание отрицания. Если, следовательно, Руссо в 1754 г. не мог еще говорить «гегелевским жаргоном», то, во всяком случае, он, за 23 года до рождения Гегеля, глубоко был заражен гегелевским ядом, диалектикой противоречия, учением о логосе, теологией и т. д. И если г. Дюринг, опошлив теорию Руссо, философствует затем о равенстве, при помощи своих двух мифических личностей, то все-таки и он оказывается на наклонной плоскости, с которой безнадежно скользит в объятия отрицания отрицания. Строй, в котором процветает равенство двух лиц и который при этом представлен как строй идеальный, назван на стр. 271 «Курса философии» * «первобытным строем». Но этот первобытный строй на стр. 279 необходимым образом заменяется «системой грабежа», — таково первое отрицание. Наконец, теперь, благодаря философии действительности, мы дошли до того, что уничтожаем систему грабежа и вводим на ее место открытую г. Дюрингом, по-

коящуюся на равенстве хозяйственную коммуны — отрицание отрицания, равенство на высшей ступени. Забавное, благотворительно расширяющее кругозор зрелище: сам г. Дюринг всемилоштивейше совершает смертный грех — отрицание отрицания.

Ф. Энгельс, Анти-Дюринг.
Сочинения, т. XIV, стр. 138—140.

3

Абстракцию политического человека * Руссо правильно изображает следующим образом:

«Тот, кто берет на себя смелость конституировать народ, должен чувствовать себя способным *изменить*, так сказать, *человеческую природу*, превратить каждого индивида, который сам по себе есть некое совершенное и изолированное целое, в *часть* более крупного целого, от которого этот индивид в известном смысле получает свою жизнь и свое бытие, должен поставить на место физического и самостоятельного существования *существование частичное и моральное*. Нужно, чтобы он отнял у человека его *собственные силы* и дал ему взамен такие, которые были бы для него чужими и которыми он не мог бы пользоваться без содействия других» («Общественный договор», кн. II, Лондон, 1782, стр. 67).

Всякая эмансипация состоит в том, что она *возвращает* человеческий мир, человеческие отношения к *самому человеку*.

Политическая эмансипация есть сведение человека, с одной стороны, к члену гражданского общества, к *эгоистическому, независимому* индивиду, с другой — к *гражданину государства*, к юридическому лицу.

Лишь тогда, когда действительный индивидуальный человек воспримет в себя абстрактного гражданина государства и, в качестве индивидуального человека, в своей эмпирической жизни, в своем индивидуальном труде, в своих индивидуальных отношениях станет *родовым существом*; лишь тогда, когда человек познает и организует свои «собственные силы» как *общественные* силы и потому не станет больше отделять от себя общественную силу в виде *политической* силы, — лишь тогда свершится человеческая эмансипация.

К. Маркс. К еврейскому вопросу.
Сочинения, т. 1, стр. 405—406.

4

Мелкий буржуа, так же как и историк Раумер, составлен из «с одной стороны» и «с другой стороны». Таков он в своих экономических интересах, а *потому* и в своей политике, в своих религиозных, научных и художественных воззрениях. Таков он в своей морали, таков он во всем. Он — воплощенное проти-

воречие. А если при этом, подобно Прудону, он человек остроумный, то он быстро привыкает жонглировать своими собственными противоречиями и превращать их, смотря по обстоятельствам, в неожиданные, кричащие, подчас скандальные, подчас блестящие парадоксы. Шарлатанство в науке и политическое приспособленчество неразрывно связаны с такой точкой зрения. У подобных субъектов остается лишь один побудительный мотив — их *тщеславие*; подобно всем тщеславным людям, они заботятся лишь о минутном успехе, о сенсации. При этом неизбежно утрачивается тот простой моральный такт, который всегда предохранял, например, Руссо от всякого, хотя бы только кажущегося компромисса с существующей властью.

К. Маркс. О Прудоне. (Письмо Швейцеру.) 24 января 1865 г.
Сочинения, т. XIII, ч. I, стр. 29—30.

АББАТ ПРЕВО

Эмоциональная потребность Тиндаля * не доказывает ровно ничего. Шевалье де-Грие имел также эмоциональную потребность любить Манон Леско и обладать ею, хотя она неоднократно продавала себя и его; он в угоду ей стал шулером и сутенером, и если бы Тиндаль захотел начать его упрекать за это, то он ответил бы своей «эмоциональной потребностью»!

Ф. Энгельс. Диалектика природы.
Сочинения, т. XIV, стр. 410.

БОМАРШЕ

В этом разделе * не хватает также упоминания о судебном дворянстве (*noblesse de robe*¹) и о юристах (*la robe*) вообще, которые фактически тоже составляли привилегированное сословие и обладали в парламентах значительной силой, противостоявшей королевской власти; в своей *политической* деятельности они выступали как защитники учреждений, ограничивавших королевскую власть, и, таким образом, оказывались на стороне народа, но в качестве судей они были воплощением коррупции (см. «Мемуары» Бомарше). То, что ты в дальнейшем говоришь об этой шайке, недостаточно.

Ф. Энгельс — К. Каутскому 20 февраля 1889 г.
Сочинения, т. XXVIII, стр. 81.

¹ — «дворянство мантии». Ред.

ПОЛОЖЕНИЕ ГЕРМАНИИ И НЕМЕЦКАЯ КУЛЬТУРА ПОСЛЕ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

1648—1789 годы.

а. Политическое положение Германии. Немецкие князья наживаются на Вестфальском мире, соревнуясь между собой в том, кто выгоднее продаст себя за границе. Франция пользуется слабостью Германии, для того чтобы постепенно отобрать у нее все французские владения и округлить {границы} присоединением Эльзаса (слабостью Германии пользуется и Турция). Историческое право Франции и вой, поднятый тевтонами по поводу «разбоя». Языковая граница остается неизменной, приблизительно с 1000 года, за исключением левовогезских районов (см. Менке ¹). Это как общее. В частности, {отметить} появление на севере государства, конкурирующего с Австрией и империей, — возвышение Пруссии. Начинает сказываться распадение на Север и Юг. Критика прусской истории. — Возвышение России и зависимость от нее Фридриха II в польских делах. Междоусобные войны — это теперь войны между соперниками: Австрией и Пруссией.

б. *Об экономическом положении.* При всем том — медленное избавление от последствий Тридцатилетней войны и попытки буржуазии снова вскарабкаться наверх. В тех условиях она могла достигнуть нового подъема, только обладая *весьма постыдными* добродетелями. Экономический прогресс стал осуществим теперь лишь в результате политической интервенции, в результате позорного поведения князей и денежных подачек, которые они получали из-за границы. Все это показывает, насколько Германия была экономически унижена. Данный период — источник патриархального режима. После 1648 г. государство действительно призвано к выполнению социальных функций и принуждено к этому финансовыми затруднениями. Там, где этого не делалось, — застой (вестфальские епископства). Какая степень унижения! И как ничтожна эта государственная помощь! Отношение к мировому рынку чисто пассивное. Только в качестве *нейтральной стороны* {германские государства} могли кое-чем поживиться в больших мировых войнах (американская и революционные войны до 1801 г.) — напротив, полное бессилие перед лицом разбойничьих государств (с этим постыдным положением

¹ Энгельс имеет в виду «Учебный атлас по истории средних веков и нового времени», составленный Менке и впоследствии много раз переиздававшийся Шпрунером (Spruner — Menke. «Handatlas zur Geschichte des Mittelalters und der neueren Zeit»). *Ред.*

{Германии} в Европе было покончено благодаря французской революции).

с. Литература и язык в полном упадке; окостенелая догматика теологии; в области других наук Германия переживала полнейшую деградацию, однако есть все же и проблески света; Я. Беме (новый предвестник грядущих философов), Кеплер, Лейбниц. Вновь абстрагирование от существующего, действительно. *Бах*¹.

д. Положение Германии к 1789 году. а) Сельское хозяйство, положение крестьян. Крепостная зависимость, телесные наказания, оброк. б) Промышленность — прямо в нищенском состоянии, преобладает ручной труд. В Англии — уже начало крупной промышленности, между тем как немецкая промышленность, не успев как следует развиться, оказалась обреченной на гибель. с) Пассивный торговый баланс. d) Общественное положение бюргера по отношению к дворянству и правительству. е) Политические препятствия развитию — раздробленность. Описание по Менке. Торговые пошлины, преграды для речного судоходства. *Free trade*² втиснута в рамки внутренних границ в силу распыленности. Пошлины — это главным образом городские налоги на предметы потребления.

Немецкие князья, не способные на что-либо хорошее, даже когда они просвещены, — как, например, покровители Шубарта³ и Карл-Август, — с гораздо большей охотой готовы присоединиться к Рейнскому союзу, чем отважиться на войну. Доказательством служит вторжение 1806 г., когда нож был приставлен им к горлу. И притом каждый из этих 1000 князей — абсолютный монарх; это — грубые, невежественные негодяи, от которых нечего ждать совместных действий. Прихотей — сколько угодно (Шлецер). Торговля рекрутами во время американской войны. Но наиболее позорное их преступление — *самый факт их существования*. А рядом с ними, у восточной границы — Пруссия на севере, Австрия на юге, жадно протягивающие руки к новым территориям. Это — единственные государства, которые могли бы еще спасти положение, если бы из них обоих существовало только одно. Но неизбежная конкуренция между ними устраняла возможность всякого выхода. Настоящий тупик. Помощь

¹ По-видимому, имеется в виду композитор Иоганн-Себастьян Бах. *Ред.*

² — Свобода торговли. *Ред.*

³ Энгельс имеет в виду некоторых немецких князей (герцогов Леопольда Дассау, Эрнста-Фридриха Кобургского и др.), покровительствовавших известному немецкому агроному XVIII века Шубарту и применявших в своих имениях его агрономические методы. *Ред.*

могла прийти только извне — ее принесла французская революция. Признаки жизни только в двух областях: в военном искусстве и, с другой стороны, — в литературе, в философии и в беспристрастном, объективном научном исследовании. В то время как во Франции уже в XVIII веке преобладают публицисты, и притом публицисты первого ранга, — в Германии все сводится к бегству из действительности в идеальные сферы. Идея «Человека» и развитие языка; в 1700 г. — еще варварство, 1750 г. — Лессинг и Кант, а вскоре затем — Гёте, Шиллер, Виланд, Гердер; Глюк, Гендель, Моцарт.

1789 — 1815

1. Немецкие крепостные в Эльзас-Лотарингии и т. д., уже наполовину подпавшие под владычество Франции, присоединились к французской революции — отсюда предлог к войне. Пруссия и Австрия *оказываются вдруг единодушными*. Вальми. Крах линейной тактики, обусловленный массовым применением артиллерии. Флерюс и Жемапп. Крах австрийской тактики кордонов? Завоевание левого берега Рейна. Ликование крестьян и свободолюбивых городов; омрачить его не могли даже отдельные проявления гнета и наполеоновский налог кровью. Амьенский мир и имперская делегация. Главные сражения. — Упразднение Германской империи. Рейнский союз. Наполеон выметает прочь мелкие германские государства, но чистка эта, к сожалению, далеко не достаточная. Он всегда играл революционную роль по отношению к князьям и пошел бы еще дальше, если бы князья так низко перед ним не пресмыкались. 1806 г. — ошибка Наполеона в том, что он не уничтожил Пруссию до конца. Об экономическом положении Германии во время континентальной блокады. — Эта полоса наиболее унижительной внешней зависимости совпадает с блестящим периодом в области литературы и философии и с наивысшим расцветом музыки в лице Бетховена.

Ф. Энгельс. Материалы по истории Франции и Германии. *Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 345—348.*

ГОТТШЕД

Его [Адама Смита] вульгаризатор, пошлый Ж.-Б. Сэй, которого французы произвели в prince de la science [«князя науки»], — подобно тому как Иоганн-Кристов Готтшед произвел

своего Шенайха в Гомеры, а Пиетро Аретино назвал самого себя «terroг principum» и «lux mundi» [«ужас князей» и «свет мира»], — с большой важностью возвел эту не совсем наивную ошибку Адама Смита в догму.

К. М а р к с. К критике политической экономии.
Сочинения, т. XII, ч. I, стр. 151.

ЛЕССИНГ

То, что тот же самый Ланге говорит о гегелевском методе и о моем применении его, является поистине ребяческим. Во-первых, он ничего не понимает в гегелевском методе и поэтому, во-вторых, имеет еще гораздо меньше представления о моем критическом способе его применения. В одном отношении он напоминает мне Моисея Мендельсона. Этот образец пустейшего человека писал Лессингу: как это могло ему прийти в голову принимать всерьез «эту мертвую собаку—Спинозу»? * Точно так же г. Ланге удивляется, что Энгельс, я и т. п. принимаем всерьез мертвую собаку — Гегеля, после того как Бюхнер, Ланге, д-р Дюринг, Фехнер и т. д. давно согласились на том, что они — бедняжки — давно его похоронили.

К. Маркс — Людвигу Кугельману
27 июня 1870 г.
Сочинения, т. XXVI, стр. 58.

КЛОПШТОК •

1

Как мало Санчо вообще заботится о том, чтобы каждого «Единственного» сделать мерилom его собственной «единственности», до какой степени он прилагает свою собственную «единственность» в качестве масштаба, моральной нормы, ко всем остальным индивидам, втискивая их, как и подобает настоящему моралисту, в свое прокрустово ложе, — это видно, между прочим, уже из его суждения о всеми позабытом блаженной памяти Клопштоке. Клопштоку он преподносит нравственное наставление — «относиться к религии совершенно *особенным образом*», и тогда Клопшток пришел бы не к *особенной, собственной религии*, как гласил бы правильный вывод (вывод, который «Штирнер» сам делает бесчисленное число раз, например говоря о деньгах), а пришел бы к «разложению и поглощению религии»

(стр. 85), т. е. ко всеобщему, а не к собственному, единственному результату. Словно Клопшток не пришел действительно к «разложению и поглощению религии», и притом к совершенно особенному, единственному разложению, какое и мог «подать» только вот этот единственный Клопшток, — к разложению, единственность которого «Штирнер» мог бы усмотреть хотя бы из множества неудачных подражаний. Отношение Клопштока к религии было, оказывается, не «собственным», хотя оно было вполне своеобразным, было именно таким, которое и делало Клопштока Клопштоком. Отношение Клопштока к религии было бы «собственным», видите ли, только в том случае, если бы он относился к религии не как Клопшток, а как новейший немецкий философ.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Немецкая идеология.
Сочинения, т. 3, стр. 274—275.

2

И разве внушенное ему чувство не является его — воспринятым им — чувством? И не узнаем ли мы на стр. 84, 85, что «внушенные» чувства вовсе не являются «собственными» чувствами? Впрочем, здесь обнаруживается, как мы видели уже у Клопштока (приведенного здесь в качестве примера), что «особенное» поведение отнюдь не совпадает с индивидуальным поведением, хотя, по-видимому, Клопштоку христианство «было вполне по душе» и нисколько «не стояло преградой на его пути».

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Немецкая идеология.
Сочинения, т. 3, стр. 304—305.

МОИСЕЙ МЕНДЕЛЬСОН

Наконец, прилагаю критику моей книги * в гильдебрандовской «Zeitschrift für Ökonomie und Statistik». Мое физическое состояние мало располагает к веселости, но я смеялся над этим очерком bona fide¹ до слез. В результате реакции и downfall² героической эпохи философии в Германии вновь дал себя знать сидящий в крови германского бюргера «мелкий буржуа» — в философии сплошь ерунда, достойная Моисея Мендельсона, умничающее, сердитое, всзнающее брюзжание. А теперь даже политическая экономия выражается в болтовню о правовых понятиях. Это за-

¹ — искренне. *Ред.*

² — упадка. *Ред.*

ходит еще дальше, чем «Логарифм раздражения». Мещанин, как уже заметил Шиллер *, компетентный судья в этой области, решает все вопросы тем, что относит их «к совести».

К. Маркс — Ф. Энгельсу 20 июля
1870 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 355.

НИКОЛАИ

Бюхнер знает философию только как догматик, так как сам является догматиком, самым плоским эпигоном немецкого просветительства, которому осталось чуждым умственное движение великого французского материализма (Гегель о них), подобно тому как Николай был чужд Вольтер. Лессинговское «Дохлая собака — Спиноза». Энци. Предисл. 19*.

Ф. Энгельс. Диалектика природы. Примеч.
Сочинения, т. XIV, стр. 391.

ГЕСНЕР

Всякое развитие, независимо от его содержания, можно представить как ряд различных ступеней развития, связанных друг с другом таким образом, что одна является *отрицанием* другой. Если, например, народ в своем развитии переходит от абсолютной монархии к монархии конституционной, то он *отрицает* свое прежнее политическое бытие. Ни в одной области не может происходить развитие, не отрицающее своих прежних форм существования. На языке же морали *отрицать* значит *отрекаться*.

Отречение! Этим словечком критицизирующий филистер может заклеить любое развитие, ничего не смысля в нем; свою неспособную к развитию недоразвитость он может в противовес этому торжественно выставлять как моральную незапятнанность. Так религиозная фантазия народов заклеила всю *историю* в целом, поместив век невинности, золотой век, в *доисторические времена*, в ту эпоху, когда еще вообще не было никакого исторического развития и поэтому не было никакого отрицания, никакого отречения. Так в шумные революционные эпохи, во времена сильного, страстного отрицания и отречения, как, например, в XVIII веке, появляются честные и благомыслящие мужи, хорошо воспитанные и добропорядочные сатиры, вроде *Геснера*, которые исторической испорченности противопоставляют *идиллию* неподвижного состояния. В похвалу этим идиллическим

поэтам — тоже в своем роде критицизирующим моралистам и морализирующим критикам — следует, однако, сказать, что они добросовестно колеблются, кому отдать пальму первенства в отношении морали: пастырям или овцам.

К. М а р к с. Морализирующая критика и критицизирующая мораль. Сочинения, т. 4, стр. 296—297.

ИОГАНН-ЯКОБ ЭНГЕЛЬ

Продолжающийся период скучного благополучия почти лишает несчастного Бонапарта * возможности сохранить свое достоинство, — мир скучает, и Бонапарт ему тоже наскучил. К сожалению, он не может каждый месяц вступать в новый брак. Этот мошенник, пропойца и шулер идет ко дну, потому что он вынужден хотя бы для видимости осуществлять на практике «Fürstenspiegel» [«Княжеское зеркало»] Энгеля. Этот прохвост, фигурирующий в роли «отца отечества», находится в отчаянном положении.

Ф. Энгельс — Иосифу Вейдемейеру
12 апреля 1853 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 185.

РЕАКЦИОННЫЙ НАТУРАЛИЗМ В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ XVIII ВЕКА

* Вульгарная точка зрения рассматривает *историческую школу* * как реакцию против *фривольного духа восемнадцатого века*. Распространенность этого взгляда стоит в обратном отношении к его правильности. Восемнадцатый век произвел только один продукт, *существенной чертой* которого является фривольность, и этот *единственный фривольный* продукт — *историческая школа*.

Историческая школа сделала изучение источников своим лозунгом, свое пристрастие к источникам она довела до крайности, — она требует от гребца, чтобы он плыл не по реке, а по ее источнику. Она поэтому должна признать правильным, что и мы возвращаемся к *ее источнику, к естественному праву Гуго* *. *Ее философия предшествует* ее развитию, поэтому в самом ее развитии мы напрасно стали бы искать философию.

Хотячая фикция восемнадцатого века считала естественное состояние истинным состоянием человеческой природы. Собственными глазами хотели тогда увидеть идею человека и с этой целью создали образ *людей в естественном состоянии* — Папагено, — наивность которых доходила до того, что они свою кожу покры-

вали перьями. В последние десятилетия восемнадцатого века предполагали, что народы в естественном состоянии обладают глубокой мудростью, и птицеловы всюду подражали способу пения ирокезов, индейцев и т. д., думая заманить птиц в сети этими уловками. В основе всех этих эксцентричностей лежала верная мысль, что *первобытное* состояние представляет собой лишь наивную нидерландскую картину истинного состояния человечества.

Гуго и является для исторической школы тем человеком в естественном состоянии, которого не коснулся еще лоск романтической культуры. Его учебник *естественного права* — это *ветхий завет* исторической школы. Нас несколько не смущает взгляд Гердера, что люди в естественном состоянии — поэты и что священные книги первобытных народов представляют собой поэтические книги, тогда как Гуго говорит самой тривиальной, самой трезвой прозой: каждая эпоха, обладая своей специфической природой, порождает свой особый тип естественного человека. Поэтому Гуго, хотя он и не творит поэтических образов, все же создает фикции, а фикция есть поэзия прозы, вполне соответствующая прозаической натуре восемнадцатого века.

Признавая Гуго прародителем и творцом исторической школы, мы поступаем вполне в духе этой школы, как показывает юбилейная статья в честь Гуго, написанная знаменитейшим юристом исторической школы. Признавая г-на Гуго продуктом восемнадцатого века, мы поступаем даже в духе самого г-на Гуго, который выдает себя за ученика Канта, а свое естественное право — за детище кантовской философии. С этого пункта его манифеста мы и начнем.

Гуго ложно толкует своего учителя Канта, полагая, что так как мы не можем познать истину, то логически мы должны не-истинное, раз оно существует, признать за нечто достоверное. Гуго относится как скептик к необходимой сущности вещей и как Гофман¹ — к их случайным проявлениям. Он поэтому ничуть не старается доказать, что позитивное разумно. Напротив, он старается доказать, что позитивное неразумно. С самодовольным усердием тащит он отовсюду доводы, которые должны сделать очевидным, что разумная необходимость не одухотворяет позитивные институты, к которым он относит, например, собственность, государственный строй, брак и т. д. Они, по его мнению, даже противоречат разуму и в лучшем случае допускают

¹ Ошибка переводчика. Имеется в виду не писатель Гофман, а «слуга» (Hofmann). По смыслу фразы здесь противопоставляются скептицизм и раболепство. Примеч. составителя.

пустое *разглагольствование* за и против себя. Этот *метод* отнюдь не надо относить за счет случайных индивидуальных особенностей Гуго: это скорее *метод его принципа*, — *откровенный, наивный, не останавливающийся ни перед какими выводами* метод исторической школы. Если *позитивное* должно *иметь силу*, потому что оно *позитивно*, то я должен *доказать*, что *позитивное* имеет силу *вовсе не потому*, что оно *разумно*; и можно ли это доказать с большей очевидностью, чем утверждая, что неразумное позитивно, а позитивное неразумно, что позитивное существует не *благодаря* разуму, а *вопреки* разуму? Если бы *разум* служил *мерилом для позитивного*, тогда *позитивное* не служило бы *мерилом для разума*. «Хотя это и безумие, но в нем есть метод». Гуго поэтому *развенчивает* все, что свято для справедливого, нравственного, политического человека, но он *разбивает* эти святыни только для того, чтобы воздать им почести, подобающие *историческим реликвиям*, он порочит их *в глазах разума*, чтобы затем возвеличить их *в глазах истории* и одновременно с этим возвеличить *взгляды исторической школы*.

Аргументация Гуго, как и его *принцип*, *позитивна, т. е. не критична*. Она не знает никаких различий. *Все, что существует*, признается им в качестве *авторитета*, а всякий авторитет берется им как *основание*. Так, в одном параграфе он цитирует *Моисея и Вольтера, Ричардсона и Гомера, Монтеня и Аммона, «Общественный договор» Руссо и «О граде божием» Августина*. Так же поступает он и с *народами* — он их нивелирует. *Сиамец*, считающий вечным законом природы, что по велению его короля зашивают рот болтуну, а у плохого оратора разрезают рот до ушей, — этот сиамец, по Гуго, столь же *положителен*, как и *англичанин*, который счел бы политической нелепостью, если бы его король самовластно назначил налог хотя бы в один пфенниг. Не знающий стыда *кончи*, расхаживающий нагишом и в лучшем случае покрывающий свое тело илом, столь же *положителен*, как и *француз*, который не просто одевается, но одевается элегантно. *Немец*, воспитывающий свою дочь как сокровище семьи, не более *положителен*, чем *раджпут*, который убивает ее, чтобы избавиться от заботы по ее пропитанию. Одним словом, *кожная сыпь так же положительна, как сама кожа*.

В одном месте положительно одно, в другом — другое. Одно так же неразумно, как и другое. Подчинись тому, что признается положительным в твоём приходе.

Гуго, таким образом, *законченный скептик*. *Скептицизм восемнадцатого века*, отрицавший *разумность существующего*, проявляется у Гуго как *скептицизм*, отрицающий *существование*

разума. Гуго приемлет эпоху Просвещения, он не видит более ничего разумного в позитивном, но лишь для того, чтобы не видеть ничего позитивного в разумном. Он думает, что видимость разума в позитивном была развеяна лишь для того, чтобы признать такую позитивную действительность, которая лишена даже видимости разума; он думает, что люди сбросили фальшивые цветы с цепей для того, чтобы носить настоящие цепи без каких бы то ни было цветов.

Гуго находится в таком же отношении к прочим просветителям восемнадцатого века, в каком, примерно, разложение французского государства при развратном дворе регента¹ находится к разложению французского государства во времена Национального собрания. И в том и в другом случае разложение! Там оно проявляется в виде распутной фривольности, которая понимает и высмеивает пустую безыдейность существующего, но лишь с тем, чтобы, сбросив с себя все разумные и нравственные узы, забавляться зрелищем гниения и распада и, находясь во власти всеобщего разложения, идти навстречу своей гибели. Это — загнивание тогдашнего мира, который наслаждается этим своим загниванием. Во времена Национального собрания, наоборот, разложение проявляется как освобождение нового духа от старых форм, которые были уже недостойны и неспособны охватить его. Это — чувство собственной силы, присущее новой жизни, которая разрушает разрушенное, отвергает отвергнутое. Если поэтому философию Канта можно по справедливости считать немецкой теорией французской революции, то естественное право Гуго нужно считать немецкой теорией французского ancien régime². Мы вновь встречаем у него всю фривольность прожигателей жизни, пошлый скептицизм, наглый по отношению к идеям и в высшей степени покорный по отношению ко всему грубо-осязаемому, тот скептицизм, который начинает чувствовать себя премудрым лишь тогда, когда он умертвил дух позитивного, — и все это для того, чтобы овладеть, в виде остатка, чисто позитивным и наслаждаться своим благополучием в этом животном состоянии. Даже когда Гуго взвешивает силу аргументов, он с безошибочно верным инстинктом усматривает во всем том, что является в институтах разумным и нравственным, нечто сомнительное для разума. Только животная природа представляется его уму чем-то несомненным.

К. Маркс. Философский манифест исторической школы права*.
Сочинения, т. 1, стр. 85—88.

¹ Филиппа Орлеанского. Ред.

² — старого порядка. Ред.

РОМАНТИЗМ

КРИЗИС ИДЕАЛОВ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Мы видели, каким образом подготавливавшие революцию философы XVIII века апеллировали к разуму, как к единственному судье над всем существующим. Они требовали основания разумного государства, разумного общества и безжалостного устранения всего, стоящего в противоречии с вечным разумом. Мы видели также, что этот вечный разум оказался в действительности лишь идеализованным рассудком третьего сословия, готового превратиться в современную буржуазию. Если общественный строй и новое государство, созданные французской революцией, и могли казаться разумными по сравнению со старыми учреждениями, — они были, во всяком случае, очень далеки от абсолютной разумности. Царство разума потерпело крушение. Общественный договор Руссо нашел себе применение в господстве террора, от которого изверившаяся в своей политической способности буржуазия искала спасения сперва в испорченности директории, а потом под крылом наполеоновского деспотизма. Обетованный вечный мир превратился в бесконечные завоевательные войны.

Не более посчастливилось и разумному общественному строю. Противоположность между богатством и бедностью, вместо того чтоб разрешиться во всеобщее благоденствие, напротив, усилилась вследствие устранения цеховых и иных привилегий, служивших до известной степени ее прикрытием, а также вследствие исчезновения церковной благотворительности, несколько смягчавшей бедствия нищеты. [Осуществленная теперь на деле «свобода собственности» от феодальных оков оказалась для мелкого буржуа и крестьянина свободой продавать задавленную могущественной конкуренцией крупного капитала и крупного землевладения мелкую собственность именно этим магнатам и превратилась, таким образом, для этих мелких буржуа и крестьян в свободу от собственности.] Быстрое развитие промышленности на капиталистическом основании скоро возвело

бедность и страдания рабочих масс в необходимое условие существования общества. [Чистоган стал, по выражению Карлейля *, единственным связующим элементом этого общества.] Количество преступлений возрастало с каждым годом. Если пороки феодалов, прежде выставлявшиеся напоказ, теперь на время ступали, зато тем пышнее расцвели на их месте пороки буржуазии, прежде робко скрывавшиеся во тьме. Торговля все более и более проникалась мошенничеством. Революционный девиз «братство» осуществился в плутнях и во вражде конкуренции. Подкуп заменил грубое насилие, и, вместо меча, главнейшим рычагом общественной жизни стали деньги. «Право первой ночи» по наследству перешло от феодалов к фабрикантам. Проституция выросла до неслыханных размеров, и даже самый брак превратился в законом признанную форму разврата, в его официальный покров, дополняясь к тому же многочисленными незаконными связями. Одним словом, возникшие вслед за «победой разума» политические и общественные учреждения оказались самой злой, самой отрезвляющей карикатурой на блестящие обещания философов XVIII века.

Ф. Энгельс. Анти-Дюринг.
Сочинения, т. XIV, стр. 259—260.

ПЕРЕХОД ОТ ПРОСВЕЩЕНИЯ К РОМАНТИЗМУ

С человеческой историей происходит то же, что с палеонтологией. Вещи, лежащие под носом, принципиально, благодаря а certain judicial blindness ¹, не замечаются даже самыми выдающимися умами. А потом, когда наступает время, удивляются тому, что замечают всюду следы тех самых явлений, которые раньше совсем не привлекали внимания. Первая реакция против французской революции и связанного с нею просветительства была естественна: все получало средневековую окраску, все представлялось в романтическом виде, и даже такие люди, как Гримм, не свободны от этого. Вторая же реакция, — и она соответствует социалистическому направлению, хотя эти ученые и не подозревают своей связи с ним, — заключается в том, чтобы заглянуть за средневековье в первобытную эпоху каждого народа. И тут-то они, к своему изумлению, в самом древнем находят самое новое, вплоть до egalitarians to a degree ², которые привели бы в ужас самого Прудона.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 26 марта
1868 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 33—34.

¹ — какой-то слепоты суждения. *Ред.*

² — уравнивателей такого рода. *Ред.*

КРИТИКА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРОШЛОГО. ФЕОДАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ

Французская и английская аристократия по своему историческому положению была призвана к тому, чтобы писать памфлеты против современного буржуазного общества. Во французской июльской революции 1830 г. и в английском движении в пользу парламентской реформы ненавистный выскочка еще раз нанес ей поражение. О серьезной политической борьбе не могло быть больше и речи. Ей оставалась только литературная борьба. Но и в области литературы старые фразы времен Реставрации¹ стали уже невозможны. Чтобы возбудить сочувствие, аристократия должна была сделать вид, что она уже не заботится о своих собственных интересах и составляет свой обвинительный акт против буржуазии только в интересах эксплуатируемого рабочего класса. Она доставляла себе удовлетворение тем, что сочиняла пасквили на своего нового властителя и шептала ему на ухо болле или менее зловещие пророчества.

Так возник феодальный социализм: наполовину похоронная песнь — наполовину пасквиль, наполовину отголосок прошлого — наполовину угроза будущего, подчас поражающий буржуазию в самое сердце своим горьким, остроумным, язвительным приговором, но всегда производящий комическое впечатление полной неспособностью понять ход современной истории.

Аристократия размахивала нищенской сумой пролетариата как знаменем, чтобы повести за собою народ. Но всякий раз, когда он следовал за нею, он замечал на ее заду старые феодальные гербы и разбежался с громким и непочтительным хохотом.

Разыгрыванием этой комедии занималась часть французских легитимистов и «Молодая Англия»*.

Если феодалы доказывают, что их способ эксплуатации был иного рода, чем буржуазная эксплуатация, то они забывают только, что они эксплуатировали при совершенно других, теперь уже отживших, обстоятельствах и условиях. Если они указывают, что при их господстве не существовало современного пролетариата, то забывают, что как раз современная буржуазия была необходимым плодом их общественного строя.

¹ Имеется в виду не английская Реставрация 1660—1789 гг., а французская Реставрация 1814—1830 годов. (Примечание Энгельса к английскому изданию 1888 г.)

Впрочем, они столь мало скрывают реакционный характер своей критики, что их главное обвинение против буржуазии именно в том и состоит, что при ее господстве развивается класс, который взорвет на воздух весь старый общественный порядок.

Они гораздо больше упрекают буржуазию в том, что она порождает революционный пролетариат, чем в том, что она порождает пролетариат вообще.

Поэтому в политической практике они принимают участие во всех насильственных мероприятиях против рабочего класса, а в обыденной жизни, вопреки всей своей напыщенной фразеологии, не упускают случая подобрать золотые яблоки¹ и променять верность, любовь, честь на барыш от торговли овечьей шерстью, свекловицей и водкой².

Подобно тому как поп всегда шел рука об руку с феодалом, поповский социализм идет рука об руку с феодальным.

Нет ничего легче, как придать христианскому аскетизму социалистический оттенок. Разве христианство не ратовало тоже против частной собственности, против брака, против государства? Разве оно не проповедовало вместо этого благотворительность и нищенство, безбрачие и умерщвление плоти, монастырскую жизнь и церковь? Христианский социализм — это лишь святая вода, которую поп кропит озлобление аристократа.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Манифест Коммунистической партии.
Сочинения, т. 4, стр. 448—449.

МЕЛКОБУРЖУАЗНАЯ КРИТИКА КАПИТАЛИЗМА

Феодальная аристократия — не единственный ниспровергнутый буржуазией класс, условия жизни которого в современном буржуазном обществе ухудшались и отмирали. Средневековое

¹ В английском издании 1888 г. после слов «золотые яблоки» вставлено: «падающие с древа промышленности». *Ред.*

² Это относится главным образом к Германии, где земельная аристократия и юнкерство ведут хозяйство на большей части своих земель за собственный счет через управляющих и вдобавок являются крупными владельцами свеклосахарных и винокуренных заводов. Более богатые английские аристократы до этого еще не дошли; но они тоже знают, как можно возмещать падение ренты, предоставляя свое имя учредителям более или менее сомнительных акционерных компаний. (Примечание Энгельса к английскому изданию 1888 г.)

сословие горожан и сословие мелких крестьян были предшественниками современной буржуазии. В странах, менее развитых в промышленном и торговом отношении, класс этот до сих пор еще прозябает рядом с развивающейся буржуазией.

В тех странах, где развилась современная цивилизация, образовалась — и как дополнительная часть буржуазного общества постоянно вновь образуется — новая мелкая буржуазия, которая колеблется между пролетариатом и буржуазией. Но конкуренция постоянно сталкивает принадлежащих к этому классу лиц в ряды пролетариата, и они начинают уже видеть приближение того момента, когда с развитием крупной промышленности они совершенно исчезнут как самостоятельная часть современного общества и в торговле, промышленности и земледелии будут замещены надзирателями и наемными служащими.

В таких странах, как Франция, где крестьянство составляет гораздо более половины всего населения, естественно было появление писателей, которые, становясь на сторону пролетариата против буржуазии, в своей критике буржуазного строя прикладывали к нему мелкобуржуазную и мелкокрестьянскую мерку и защищали дело рабочих с мелкобуржуазной точки зрения. Так возник мелкобуржуазный социализм. Сисмонди стоит во главе этого рода литературы не только во Франции, но и в Англии.

Этот социализм прекрасно умел подметить противоречия в современных производственных отношениях. Он разоблачил лицемерную апологетику экономистов. Он неопровержимо доказал разрушительное действие машинного производства и разделения труда, концентрацию капиталов и землевладения, перепроизводство, кризисы, неизбежную гибель мелких буржуа и крестьян, нищету пролетариата, анархию производства, вопиющее неравенство в распределении богатства, истребительную промышленную войну наций между собой, разложение старых нравов, старых семейных отношений и старых национальностей.

Но по своему положительному содержанию этот социализм стремится или восстановить старые средства производства и обмена, а вместе с ними старые отношения собственности и старое общество, или — вновь насильственно втиснуть современные средства производства и обмена в рамки старых отношений собственности, отношений, которые были уже ими взорваны и необходимо должны были быть взорваны. В обоих случаях он одновременно и реакционен и утопичен.

Цеховая организация промышленности и патриархальное сельское хозяйство — вот его последнее слово.

В дальнейшем своем развитии направление это вылилось в трусливое брюзжание¹.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Манифест Коммунистической партии.
Сочинения, т. 4, стр. 449—451.

ПИСАТЕЛИ РЕСТАВРАЦИИ

1

Один весьма известный реакционный писатель открыто признал, что самая возвышенная метафизика какого-нибудь де Местра или Бональда в конечном счете сводится к денежному вопросу, а всякий денежный вопрос не является ли непосредственно вопросом социальным? Деятели Реставрации не скрывали, что для того, чтобы вернуться к политике доброго старого времени, следует восстановить добрую старую собственность, собственность феодальную, собственность моральную. Всем известно, что монархическая преданность не может обойтись без десятины и барщины.

Ф. Энгельс. О польском вопросе.
Сочинения, т. 4, стр. 489—490.

2

Разумеется, претензия приписывать открытие материалистического понимания истории прусским представителям романтической исторической школы является для меня новостью. У меня у самого есть «Наследство» Марвица, я читал эту книгу уже несколько лет тому назад, но ничего не обнаружил в ней, кроме превосходных мест о кавалерии и непоколебимой веры в чудодейственную силу пяти ударов кнута, когда дворянство применяет их против плебса. Вообще же я с 1841—1842 гг. абсолютно не следил за этой литературой, знакомился с ней только весьма поверхностно и, конечно, абсолютно ничем не обязан ей в упо-

¹ В английском издании 1888 г. вместо слов: «В дальнейшем своем развитии направление это вылилось в трусливое брюзжание», напечатано: «В конце концов, когда неопровержимые исторические факты заставили исчезнуть всякие следы упорного действия иллюзий, эта форма социализма вылилась в жалкое брюзжание». *Ред.*

мянутом отношении. Маркс во время своего пребывания в Бонне и Берлине познакомился с Адамом Мюллером, «Реставрацией» г. фон Галлера и т. п.; он отзывался довольно презрительно об этом пошлом, высокопарно-болтливом подражании французским романтикам — Жозефу де Местру и кардиналу Бональду.

Ф. Энгельс — Францу Мерингу
28 сентября 1892 г.
Сочинения, т. XXIХ, стр. 139—140.

ШАТОБРИАН

1

Дорогой Фридрих!

При изучении испанской клоаки я наткнулся и на почтенного Шатобриана, этого златоуста, соединяющего самым противным образом аристократический скептицизм и вольтерианизм XVIII века с аристократическим сентиментализмом и романтизмом XIX. Разумеется, во Франции это соединение, как стиль, должно было создать эпоху, хотя и в самом стиле, несмотря на все артистические ухищрения, фальшь часто бросается в глаза. Что же касается *политики*, то этот господин сам вполне разоблачил себя в своем «Congrès de Vérona»^{1*}, и вопрос заключается лишь в том, получал ли он «наличные» от Александра Павловича [Александра I], или же был подкуплен простою flatterie², на которую эта самодовольная ворона была податлива, как никто; at all instances³ он получил Андреевский орден из Петербурга. Vanitas⁴ господина «виконта» (?) прет из всех пор, вопреки его то мефистофелевскому, то христианскому кокетничанью с «суею сует». Ты знаешь, что ко времени конгресса Виллель был премьер-министром Людовика XVIII, а Шатобриан — французским посланником в Вероне. В своем «Congrès de Vérona», который ты, может быть, читал когда-нибудь, он сообщает документы, ход прений и т. д. Начинает он краткой историей испанской революции с 1820 по 1823 год. Что касается этой «истории», то достаточно упомянуть, что он помещает Мадрид на Тахо (только затем, чтобы привести испанскую поговорку, что эта река cria oro⁵) и говорит, что Риго во главе 10 000 человек (в действительности были только 5 000) двинулся навстречу ге-

¹ — «Веронском конгрессе». *Ред.*

² — лестью. *Ред.*

³ — во всяком случае. *Ред.*

⁴ — тщеславие. *Ред.*

⁵ — несет золото. *Ред.*

нералу Фрейру, у которого под командой было 13 000 человек, был разбит и отступил с 15 000. Вместо Сиерра де Ронда он заставляет его идти в Сиерра Морена, чтобы иметь возможность сравнить его с героем из Манчи. Привожу все это en passant¹, чтобы характеризовать манеру. Почти ни одной верной даты.

Но главное, это — подвиги господина Шатобриана на Веронском конгрессе, по окончании которого он становится министром иностранных дел и руководит наступательной войной против Испании.

Он рассказывает d'abord: «Je ne me défends point d'être le principal auteur de la guerre d'Espagne». «Mr. de Villèle ne voulait point les hostilités»². Наоборот, Виллель послал ему и Монморанси, который вначале тоже был в Вероне в качестве французского министра иностранных дел, инструкции, в которых говорится буквально следующее: «Nous ne nous sommes pas décidés à déclarer la guerre à l'Espagne... Les plénipotentiaires de S. M. doivent surtout éviter de se présenter au congrès comme rapporteurs des affaires d'Espagne. Les autres puissances peuvent les connaître aussi bien que nous... Ce rôle pouvait convenir à l'Autriche au congrès de Laybach, parce qu'elle avait la volonté d'envahir Naples»³. Но господа эти делают как раз обратное тому, чего требует инструкция. Они выступают в роли «rapporteurs des affaires d'Espagne»⁴. Виллель пишет: «Ils tendront à faire considérer la question d'Espagne dans ses rapports généraux avec l'Europe»⁵, а они с самого начала трактуют его как вопрос исключительно французский. Виллель пишет: «L'opinion des nos plénipotentiaires sur la question de savoir ce qu'il convient au congrès de faire relativement à l'Espagne sera que, la France étant la seule puissance qui doit agir par ses troupes, elle sera seul juge de cette nécessité»⁶. Вместо этого они говорят: «C'est sur la

¹ — мимоходом. *Ред.*

² — прежде всего: «Я не отрицаю, что был главным творцом испанской войны». «Г-н де-Виллель не хотел открыть враждебных действий». *Ред.*

³ — «Мы не решились объявить войну Испании... Уполномоченные его величества должны, прежде всего, избегать на конгрессе роли докладчиков по испанским делам. Другие державы могут знать их так же хорошо, как и мы. Такая роль могла быть подходящей для Австрии на Лайбахском конгрессе», потому что она имела намерение вторгнуться в Неаполь. *Ред.*

⁴ — докладчиков по испанским делам. *Ред.*

⁵ — «Они постараются, чтобы испанский вопрос рассматривался в обще-европейской связи». *Ред.*

⁶ — «Мнение уполномоченных по вопросу о том, что следует конгрессу сделать по отношению к Испании, должно быть таково, что так как Франция — единственная держава, которая должна пустить в ход свои войска, то ей одной принадлежит право судить о необходимости этого». *Ред.*

forme de ce concours moral (других держав) et sur les mesures propres à lui assurer le *secours matériel* qui peut être réclamé par la suite, que la France croit, en définitive, nécessaire de fixer l'attention de ses augustes alliés»¹.

Таким образом, с самого начала господин Шатобриан действует *прямо наперекор* инструкции, полученной из Парижа. Во-вторых, он старается *обмануть* Виллеля насчет положения дел в Вероне. Так, например, он пишет Виллелю: «Le voeu très prononcé des puissances est *pour* la guerre d'Espagne»²; он старается ввести его в заблуждение насчет шансов войны: «Les dernières dépêches de M. de Lagarde prouvent combien le succès serait facile»³. С другой стороны, почтенный муж рассказывает нам:

«Non seulement le congrès n'a pas poussé la France à la guerre, mais la Prusse et surtout *l'Autriche* (он замечает: le prince de Metternich feignant d'être russe en détestant la Russie) y étaient très opposées; *la Russie seule l'approuvait* et promettait son appui moral et *son appui matériel*»⁴. «Nous disons au président du conseil que le voeu très prononcé des puissances est pour la guerre; qu'il ne s'agit pas de l'occupation de la Péninsule, qu'il n'est question que d'un mouvement rapide; nous montrons un succès facile: et *pourtant nous savions* que le congrès de Vérone ne *voulait point* la guerre; nous craignons que notre mouvement ne se prolongeât bien au delà de l'Ebre; nous pensions qu'il nous faudrait occuper *longtemps* l'Espagne, pour faire une bonne besogne, mais nous ne révélions pas tout, *afin d'arriver à notre but*, et nous nous disions secrètement: Une fois la Bidassoa passée, il faudra bien que le président du conseil etc. aille de l'avant»⁵.

¹ — «Франция полагает необходимым обратить внимание своих августейших союзников на форму, в коей должно найти себе выражение это моральное содействие других держав, и на мероприятия, могущие ей обеспечить *материальную помощь*, которая впоследствии может потребоваться». *Ред.*

² — «Державы очень определенно высказываются за желательность войны с Испанией». *Ред.*

³ — «Последние депешы г. де Лагарда доказывают, насколько легко было бы добиться успеха». *Ред.*

⁴ — «Конгресс не только не толкал Францию к войне, но Пруссия и особенно *Австрия* (он замечает: князь Меттерних, представляясь руссофилом, ненавидел Россию) сильно противились ей, *только Россия одобряла ее* и обещала свою моральную и *материальную поддержку*». *Ред.*

⁵ — «Председателю совета мы говорим, что державы очень определенно высказываются за желательность войны, что дело идет не об оккупации полуострова, а лишь о кратковременном походе; мы доказываем, что добиться успеха очень легко, а *между тем мы знаем*, что Веронский конгресс *не хотел*

Так надувает он Виллеля от имени конгресса, как раньше надувал конгресс от имени Виллеля. Мало того: он еще пишет письма Каннингу, в которых лжет за обоих и против обоих.

На министерском посту он действует таким же манером. Александр пишет следующее письмо Поццо-ди-Борго, послу в Париже, для предъявления Людовику XVIII: «L'empereur se flatte encore que la modération prévaudrait dans les conseils du *gouvernement anglais*»¹. Если же нет и т. д., «il regarderait l'attaque dirigée contre la France comme une attaque générale contre tous les alliés et qu'il accepterait, sans hésiter, les conséquences de ce principe. *L'Empereur exhorte le roi* à consommer ses *propres* (!) déterminations et à marcher avec confiance contre les hommes des troubles et des malheurs. Agissant dans cet esprit *L'Empereur rappelle la question agitée au congrès relative à la réunion d'une armée russe sur les frontières occidentales de l'Espagne* comme moyen de sûreté européenne»². Австрия не хотела и слышать об этом на конгрессе. Поэтому вопрос был там, до поры до времени, снят с очереди.

Шатобриан уверяет, что его целью было доставить реставрации *славу* и таким образом подготовить отмену венских договоров. Опереться на Россию было необходимо против Англии. Но как мало он: 1) надеялся на русскую помощь и 2) как сильно он боялся войны, ясно из следующих фраз:

«En supposant un revers en Espagne, nous avions une révolution en France, et tous les cosaques de la terre ne nous auraient pas sauvé»³. В письме к *Ла Ферронэ*, своему посланнику в Петербурге, он пишет: «Nous avons mis la monarchie française sur une carte pour faire la guerre»⁴ (помечено 21 апреля 1823 г.).

войны; мы опасались, что нам придется продвинуться далеко за Эбро; мы думаем, что, быть может, нам придется *надолго* занять Испанию, чтобы довести дело до *благополучного конца*, но, боясь не достигнуть цели, мы не говорили всего этого, а втайне думали: раз Видасоа будет пройдена, председателю совета и т. д. придется идти вперед». *Ред.*

¹ — «Император еще льстит себя надеждой, что умеренность восторжествует в советах *английского правительства*». *Ред.*

² — «то он нападение на Францию будет рассматривать как генеральную атаку на всех союзников и сделает отсюда немедленно все необходимые выводы. *Император убеждает короля* привести в исполнение свои *собственные* намерения и уверенно выступить против людей, сеющих смуту и несчастья. Действуя в таком духе, император напоминает о *вопросе, поднятом на конгрессе относительно сосредоточения русской армии на западной границе Испании как залого европейского спокойствия*». *Ред.*

³ — «Предполагая неудачу в Испании, мы имели бы революцию во Франции, и все казаки в мире не спасли бы нас». *Ред.*

⁴ — «Ради войны мы поставили на карту французскую монархию». *Ред.*

Он признается далее, что, если бы Каннинг высадил в Лиссабоне каких-нибудь два полка, французы лежали бы на лопатках. А чтобы подготовить такой результат, позаботились еще и о том, чтобы из-за раздоров между военным министром, герцогом де Беллюн, и генералом Гилльемино французская армия, вступив в Испанию, внезапно оказалась *sin viveres e sin medios de transporte*¹. Затем — милая болтовня, будто победа французов *во имя Священного Союза* и с его *appui moral*² должна была помочь Франции освободиться от венских договоров. «Виконт» не «так глуп», как представляется здесь. Он знает очень хорошо, в чем дело: «la Russie n'a point d'ambassadeur à Constantinople»³. Она (Россия) снюхалась тогда с греками, и война между Францией и Англией, а тем более связанность Франции в Испании и поражение Франции развязали бы ей руки. «Nous devions surtout prévoir que l'Angleterre pouvait intervenir et se poser en face de nous auprès de l'Espagne»⁴. В Париж он пишет: «Si c'est la guerre c'est la guerre avec l'Angleterre»⁵. «Guerre qui pouvait devenir européenne, si elle venait à se compliquer d'une guerre en Orient et de l'attaque des colonies espagnoles par les Anglais»⁶. Он нисколько не заблуждается и насчет намерений Александра: «Il est certain que notre triomphe *inespéré* (!) lui donna quelque jalousie, car il s'était secrètement flatté que nous serions forcés de recourir à lui»⁷. Итак «триумф»⁸ получился вопреки уговору. Кроме того, Шатобриан, как и большинство французов, считал, что французская армия очень «ненадежна» для Бурбонов.

Затем, как рассказывает сам Шатобриан, «дружба» между Александром и Людовиком XVIII укреплялась еще и потому, что «Louis XVIII a refusé, sous prétexte de religion et par quelque motif offensant, le mariage du duc de Berry avec la soeur d'Alexandre»⁹, и в свою очередь Людовик XVIII узнал, что на Вен-

¹ — без провианта и без средств передвижения. *Ред.*

² — моральной поддержкой. *Ред.*

³ — «у России нет посланника в Константинополе». *Ред.*

⁴ — «Мы особенно должны были предвидеть, что Англия может вмешаться и встать против нас рядом с Испанией». *Ред.*

⁵ — «Если это война, то война с Англией». *Ред.*

⁶ — Война эта могла бы стать европейской, если бы она осложнилась войной на Востоке и нападением англичан на испанские колонии». *Ред.*

⁷ — «Несомненно, что наш *неожиданный* (!) успех вызвал в нем некоторую ревность, так как втайне он льстил себя надеждой, что мы вынуждены будем прибегнуть к нему за помощью». *Ред.*

⁸ — «успех». *Ред.*

⁹ — «Людовик XVIII под предлогом религиозных и других каких-то оскорбительных мотивов отказался дать согласие на брак герцога Беррийского с сестрой Александра». *Ред.*

ском конгрессе * (после возвращения Бонапарта с Эльбы) господин Александр «tout à coup demanda aux alliés, s'il ne serait pas bon de donner le duc d'Orléans pour roi à la France, quand on aurait une dernière fois vaincu Napoléon»¹.

«Виконт» с его «grande vue de poète»² делает следующие признания:

«Nous osons dire qu'Alexandre est devenu *notre ami*»³.

«Alexandre est le *seul* prince pour qui nous ayons *jamais* éprouvé un *sincère* attachement»⁴.

«Louis XVIII nous *détestait*»⁵.

Весьма забавно, что этот болтун о «Dieu de St. Louis»⁶, который должен сохранить испанский трон «petit fils de Henry IV»⁷, весьма по-рыцарски пишет генералу Гилльемино, что не следует «стесняться» при бомбардировке Кадикса из опасения, что пуля может попасть в Фердинанда VII, и т. д.

Во всяком случае, за этим *ami intime*⁸ великих Карреля, Ламеннэ, Беранже и т. д. остается та честь, что он совместно с Александром устроил в Испании на десять лет величайшую из клоак, когда-либо там бывших, что грозило опасностью даже взорвать на воздух его Бурбонов.

Еще к характеристике этого паломника к гробу господню*: он сам рассказывает в своем «Congrès de Vérone», как он заставил Людовика XVIII и Виллеля назначить послом в Лондон Полиньяка, к которому они оба питали отвращение. А позже, при Карле X, будучи сам посланником в Риме, он внезапно и с треском подает в отставку, лишь только Полиньяк становится министром, под предлогом, что погибла «свобода».

Если ты снова перечитаешь эту книгу, презрение твое к «сгаупаудс»⁹ и их «grands hommes»¹⁰ вряд ли уменьшится.

Прощай!

Твой К. М.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 26 октября
1854 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 61—65.

¹ — «неожиданно запросил союзников, не следовало ли бы после окончательной победы над Наполеоном дать в короли Франции герцога Орлеанского». *Ред.*

² — «широким кругозором поэта». *Ред.*

³ — «Мы смеем сказать, что Александр сделался *нашим другом*». *Ред.*

⁴ — «Александр — *единственный* государь, к которому мы *когда-либо* питали *искреннюю* привязанность». *Ред.*

⁵ — «Людовик XVIII нас *ненавидел*». *Ред.*

⁶ — «Боге св. Людовика». *Ред.*

⁷ — «внуку Генриха IV». *Ред.*

⁸ — интимным другом. *Ред.*

⁹ — «французским мещанам». *Ред.*

¹⁰ — «великим людям». *Ред.*

2

Вообще же я читал книгу Сен-Бева о *Шатобриане* *, писателе, который всегда мне был противен. Если этот человек во Франции сделался так знаменит, то потому, что он во всех отношениях являет собою самое классическое воплощение французской *vanité* ¹, притом *vanité* не в легком, фривольном одеянии XVIII века, а романтически замаскированной и важничавшей новоиспеченными выражениями; фальшивая глубина, византийские преувеличения, кокетничание чувствами, пестрое хамелеонство, *word painting* ², театральность, *sublime* ³, одним словом — лживая мешанина, какой никогда еще не бывало ни по форме, ни по содержанию.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 30 ноября
1873 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 425.

ФРИДРИХ ШЛЕГЕЛЬ

* Сократовская ирония, как ее понимает Баур и как необходимо понимать ее вслед за Гегелем, а именно в качестве диалектической ловушки, при посредстве которой обыденный здравый смысл оказывается вынужденным выйти из всяческого своего окостенения и дойти — не до самодовольного всезнайства, а до имманентной ему самому истины, — эта ирония есть не что иное, как форма, свойственная философии в ее субъективном отношении к обыденному сознанию. То, что в лице Сократа она приняла форму иронизирующего человека, мудреца, вытекает из основного характера греческой философии и из ее отношения к действительности; у нас ирония, в качестве общей имманентной формы, преподносилась Фридрихом фон Шлегелем, как некоторого рода философия. Но объективно, по содержанию, и Гераклит, не только презирающий обыденный здравый смысл, но и ненавидящий его; и даже Фалес, который учит, что все состоит из воды, — между тем как всякий грек знал, что он не может прожить одной водой; и Фихте с его создающим мир «Я», между

¹ — тщеславия. *Ред.*

² — словесная живопись. *Ред.*

³ — напыщенность. *Ред.*

тем как даже Николай понимал, что он не может создать мир, — словом, всякий философ, отстаивающий имманентность против эмпирической личности, прибегает к иронии.

К. Маркс. Тетради по истории эпикурейской, стоической и скептической философии.
К. Маркс и Ф. Энгельс. «Из ранних произведений».
Госполитиздат, М., 1956, стр. 198—199.

ЯКОБ ГРИММ

1

Я совсем увяз в Ульфиле *; надо же когда-нибудь покончить с проклятым готским языком, которым я до сих пор занимался лишь мимоходом. К своему удивлению убеждаюсь, что знаю гораздо больше, чем думал; если получу еще одно руководство, то рассчитываю вполне справиться с этим в две недели. Тогда перейду к древненорвежскому и англо-саксонскому, которыми я всегда тоже владел наполовину. До сих пор работаю без словаря и без всяких других пособий: имею под рукой только готский текст и Гримма, но старик действительно изумителен.

Ф. Энгельс — К. Марксу 4 ноября 1859 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 452.

2

У Мейера * меня позабавило сопоставление богемцев и китайцев. Вообще же его подделка под стиль Якова Гримма представляется мне слишком неудачной. Этот стиль представляет собой искусство путем таинственных околнностей сказать немного, и это немного сказать неясно.

Ф. Энгельс — К. Марксу 13 декабря 1868 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 143.

3

Ненависть к старой филологии доводит его * до того, что все самое дурное, что можно в ней найти, он делает «центральным пунктом имеющего действительно образовательное значение

изучения языков». Очевидно, нам приходится иметь дело с филологом, никогда не слыхавшим об историческом языкознании, так сильно и плодотворно развившемся в последние 60 лет, и поэтому отыскивающим «современные возвышенные образовательные элементы» языкознания не у Боппа, Гримма и Дица, но у блаженной памяти Гейзе и Беккера.

Ф. Энгельс. Анти-Дюринг.
Сочинения, т. XIV, стр. 327.

4

Поляризация. Еще Я. Гримм был твердо убежден в том, что всякое немецкое наречие должно быть либо верхненемецким, либо нижненемецким. При этом он совершенно не нашел места для франкского наречия. Так как письменный франкский язык позднейшей Каролингской эпохи был верхненемецким (верхненемецкий перебой согласных затронул франкский юго-восток), то франкский язык, по его взглядам, в одних местах растворился в древневерхненемецком, а в других — во французском. При этом оставалось совершенно непонятым, откуда же попал нидерландский язык в старосалические области. Лишь после смерти Гримма был снова открыт франкский язык: салический язык в своем обновленном виде в качестве нидерландского, рипуарский язык — в средне- и верхнерейнских наречиях, которые отчасти сместились в различной степени в сторону верхненемецкого, а отчасти остались нижненемецкими, так что франкский язык представляет собой наречие, которое является как верхненемецким, так и нижненемецким.

Ф. Энгельс. Диалектика природы.
Сочинения, т. XIV, стр. 445—446.

АРНИМ

Бедный Симпсон является одним из изобретений Пальмерстона, одним из его Големов. Големы — это, как говорит немецкий поэт Арним *, земляные глыбы в образе человека, в которые прихотливый волшебник вдунул искусственную жизнь.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Падение Карса.
Сочинения, т. X, стр. 578.

АРНДТ

1

Впрочем, насколько сильно «хотели бы» в наше время «политики» провести парцеллирование, Санчо может усмотреть из того, что все французские буржуа недовольны парцеллированием, как потому, что оно ослабляет взаимную конкуренцию рабочих, так и из политических соображений; далее, из того, что все реакционеры (что Санчо мог бы увидеть хотя бы в «Воспоминаниях» старого Арндта*) видели в парцеллировании только превращение земельной собственности в современную, промышленную, ставшую предметом купли-продажи, оскверненную собственность.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Немецкая идеология.
Сочинения, т. 3, стр. 347.

2

На вопрос старого Арндта: «Что такое отечество немца?»* Фридрих-Вильгельм IV ответил: *Эрфурт**. Не так трудно было дать пародию на «Илиаду» в «Войне мышей и лягушек», но никто до сих пор еще не осмелился даже подумать о составлении пародии на «Войну мышей и лягушек». С эрфуртским планом ухитрились создать пародию даже на войну мышей и лягушек в соборе св. Павла*.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Первый международный обзор.
Сочинения, т. 7, стр. 225.

УЛАНД

Другая шайка, как Блинд*, желающая соединить патриотизм и демократизм, компрометирует себя (и старый Уланд среди них), требуя одновременно и войны вместе с Австрией против Бонапарта, и имперского парламента. Эти ослы не видят d'abord¹, что отсутствуют все условия для исполнения этого гнусного желания. Во-вторых, совершенно не заботясь о действительном положении дел, они не знают, что в единственной решающей части Германии, в Пруссии, буржуа гордятся своими палатами, мощь которых должна расти с ростом затруднений government², что эти буржуа вполне правы (как показывают последние прения в палате), не имея склонности действовать под диктовку баденцев и вюртембергцев под фирмою «парламента», так же

¹ — прежде всего. *Ред.*

² — правительства. *Ред.*

как прусское правительство не хочет господства Австрии под фирмой «союзного сейма»; что этим буржуа с 1848 года известно, как парламент, наряду с их палатами, уничтожает мощь этих последних, сам оставаясь простою фантазмагориею.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 18 мая
1859 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 407.

РОМАНТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ

На следующее утро я прошел еще пять лье по направлению к Шатонёфу*, а оттуда направился вдоль Луары по национальной дороге, ведущей от Орлеана к Неверу.

На зеленом берегу Луары*,
Где миндаль пленительный цветет,
Я познал любви взаимной чары,
И с тех пор туда меня влечет —

так поет иной мечтательный немецкий юноша и иная нежная немецкая дева томными словами Хельмины фон Шези на умильный мотив Карла Мариа фон Вебера. Но тот, кто ищет на берегах Луары миндальных деревьев и сладкой, нежной любовной романтики, как это было в моде в двадцатых годах в Дрездене, тот строит себе страшные иллюзии, позволительные разве только немецкому потомственному синему чулку в третьем поколении.

По пути от Шатонёфа через Ле-Борд к Дампьеру почти не приходится видеть эту романтическую Луару. Дорога пролегает среди холмов в двух-трех лье от реки, и только изредка вдали видны сверкающие на солнце воды Луары. Местность эта богата вином, хлебом, фруктами, а поближе к реке расстилаются роскошные луга. Вид этой безлесной долины, окаймленной лишь волнообразными холмами, все же довольно однообразен.

Ф. Энгельс. Из Парижа в Берн.
Сочинения, т. 5, стр. 504—505.

ВАРНГАГЕН ФОН ЭНЗЕ

1

Варнгагеновские дневники, вероятно, очень интересны. Но парень этот все же был омерзительно трусливым мозгляком. В «Kreuzzeitung» помещена о них довольно занятная статья, исполненная, конечно, яду и желчи.

Ф. Энгельс — К. Марксу 27 ноября
1861 г.
Сочинения, т. XXIII, стр. 48—49.

2

Книга Варнгагена очень меня заинтересовала*, и я понимаю, насколько *своевременно* она появилась. Я очень прошу тебя передать Людмиле по этому поводу *мои поздравления*. Но, несмотря на все это, я не стал более высокого мнения о Варнгагене. Я нахожу его плоским, скучным, мелочным, и его отвращение к советнику посольства Кельну объясняю тем, что он испугался собственного двойника.

К. Маркс — Фердинанду Лассалю
28 апреля 1862 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 400.

СОУТИ

Тьер в смысле исторической достоверности и даже правильности оценки ни на волос не выше жалкого тория Соути, покойного «poet laureate»¹*, который также написал ругательную и хвастливую историю испанской войны*.

Ф. Энгельс — К. Марксу 26 февраля 1851 г.
Сочинения, т. XXI, стр. 162.

ШЕЛЛИ И БАЙРОН²

Маркс, который знал и понимал поэтов так же хорошо, как философов и экономистов, говорил обычно: «Подлинное различие между Байроном и Шелли состоит в следующем: те, кто их понимает и любит, считают счастьем, что Байрон умер на тридцать шестом году жизни, ибо он сделался бы реакционным буржуа, если бы прожил дольше; напротив, они сожалеют, что Шелли умер двадцатидевятилетним, ибо он был подлинным революционером и всегда относился бы к авангарду социализма».

Edward Aveling u. Eleanor Marx-Aveling. Shelley als Sozialist.
«Neue Zeit». 6. Jahrg. 1888. S. 541.

¹ — поэт-лауреат. *Ред.*

² В виде исключения приводим этот отрывок из воспоминаний дочери Маркса в основном тексте книги. *Примеч. составителя.*

ТОМАС КАРЛЕЙЛЬ *

I

ТОМАС КАРЛЕЙЛЬ. «ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ».

ЛОНДОН, 1843 ¹

Среди множества толстых книг и тоненьких брошюр, появившихся в прошлом году в Англии на предмет развлечения и поучения «образованного общества», вышеназванное сочинение является единственным, которое стоит прочесть. Все эти многотомные романы с их печальными и забавными интригами, все эти назидательные и благочестивые, ученые и неученые комментарии к библии, — а романы и назидательные книги это два самых ходких товара в английской литературе, — все это вы спокойно можете оставить непрочитанным. Может быть, вам попадетя несколько геологических или экономических, исторических или математических книг, где содержится крупица нового, но это вещи, которые надо изучать, а не *читать*, все это сухая специальная наука, высушенный гербарий, растения, корни которых давно оторваны от общечеловеческой почвы, доставлявшей им питание. Среди всей этой литературы, — сколько бы вы в ней ни рылись, — книга Карлейля является единственной, которая затрагивает человеческие струны, изображает человеческие отношения и носит на себе отпечаток человеческого образа мыслей.

Удивительно, до чего низко пали духовно и утратили свои силы высшие классы общества в Англии — те, кого англичанин называет «respectable people», «the better sort of people» ² и т. д. Исчезла вся их энергия, вся деятельность, все содержание; земельная аристократия занимается охотой, денежная аристократия ведет записи в бухгалтерских книгах, а в лучшем случае заполняет свою праздную жизнь чтением столь же пустой и расслабляющей литературы. Политические и религиозные предрассудки передаются по наследству из поколения в поколение; все достается теперь представителям этих высших классов легко, и им вовсе нет надобности, как в старые времена, беспокоиться о принципах; принципы, в совершенно готовом виде, неизвестно откуда слетаются к ним, когда они еще в колыбели. Чего же им еще надо? Каждый из них получил хорошее воспитание, т. е. без толку корпел в школе над римлянами и греками; к тому же

¹ — «Past and Present» by Thomas Carlyle, London, 1843. *Ред.*

² — «респектабельными людьми», «лучшим сортом людей». *Ред.*

каждый из них «респектабелен», т. е. владеет столькими-то тысячами фунтов стерлингов и, значит, ему не о чем больше беспокоиться, как только о подыскании себе жены, если у него ее еще нет.

И вот, наконец, готово чучело, которое люди называют выразителем «духа» времени. Откуда при такой жизни взяться духу? Более того, если бы он даже и появился, то где бы он нашел себе пристанище? Здесь все на китайский манер твердо установлено и размерено — и горе тому, кто преступит эти узкие рамки, трижды горе тому, кто восстанет против какого-либо старого достопочтенного предрассудка, и еще в три раза большее горе, если этот предрассудок религиозный. Здесь на все вопросы существует лишь два ответа — ответ вигов и ответ тори, и эти ответы давно предписаны мудрыми обер-церемониймейстерами обеих партий; от вас не требуется никакого размышления и кропотливых исследований — все подается в совершенно готовом виде: Дикки Кобден или лорд Джон Рассел сказал то-то, а Бобби Пиль или «герцог» раг excellence ¹, т. е. герцог Веллингтон, сказал так-то и делу конец.

Вам, добрым немцам, приходится из года в год слушать либеральных журналистов и депутатов, разглагольствующих о том, какими удивительными и независимыми людьми являются англичане, и доказывающих, что все это порождено английскими свободными установлениями, — в таком розовом свете это, представляется издалека. Прения в палатах парламента, свободная печать, бурные народные собрания, выборы, суд присяжных не могут не произвести впечатления на робкую душу Михеля, и, восхищенный, он принимает всю эту красивую видимость за чистую монету. Но ведь в конце-то концов воззрения либерального журналиста и депутата далеко еще не поднялись на такую высоту, чтобы дать всеобъемлющий обзор развитию человечества или хотя бы только одной-единственной нации. Английская конституция в свое время была довольно хороша и сделала кое-что хорошее, а с 1828 г. она занялась лучшим делом, на какое была способна, а именно, начала сама себя разрушать*; что же касается того, что ей приписывает либерал, то этого-то она и не выполнила. Она не сделала англичан независимыми людьми. Англичане, т. е. образованные англичане, а по ним на континенте судят об английском национальном характере, эти англичане — самые презренные рабы в мире. Лишь неизвестная континенту часть английской нации, лишь рабочие, парии Англии,

¹ — по преимуществу, в истинном значении слова. *Ред.*

бедняки действительно достойны уважения, несмотря на всю их грубость и на всю их деморализацию. От них-то и придет спасение Англии; они представляют собой еще пригодный для творчества материал; у них нет образования, но нет и предрассудков, у них есть еще силы для великого национального дела, у них есть еще будущее. Аристократия же — а ныне она охватывает и буржуазию — исчерпала себя; весь запас идей, каким она располагала, вплоть до самых последних выводов уже израсходован и применен на практике, и ее царство идет быстрыми шагами к своему концу. Конституция — дело ее рук, и ближайшим следствием этого дела было то, что конституция опутала своих же творцов сетью установлений, которые сделали невозможным какое-либо свободное проявление духа. Господство общественных предрассудков везде и повсюду является первым следствием так называемых свободных политических установлений, и это господство в политически наиболее свободной стране Европы, в Англии, ощущается сильнее, чем в какой-либо другой стране, за исключением Северной Америки, где общественный предрассудок в силу закона Линча узаконен как власть в государстве. Англичанин пресмыкается перед общественным предрассудком, ежедневно приносит себя ему в жертву, — и чем он либеральнее, тем покорнее повергается он ниц перед этим своим кумиром. Но общественный предрассудок в «образованных кругах» бывает либо торийским, либо вигским; в крайнем случае — радикальным, но этот последний уже не считается признаком хорошего тона. Побудьте хоть раз среди образованных англичан и скажите, что вы чартист или демократ, — они усомнятся, в здравом ли вы уме, и будут избегать вашего общества. Или попробуйте заявить им, что вы не верите в божественность Христа, — и вы преданы и проданы; признайтесь откровенно, что вы атеист, — и на следующий день они сделают вид, что не знакомы с вами. И если независимый англичанин действительно начинает думать, — а это случается с ним довольно редко, — и сбрасывает с себя оковы предрассудка, впитанного с молоком матери, даже и тогда у него не хватает мужества свободно высказать свое убеждение, даже и тогда он лицемерно выступает перед обществом как приверженец такого мнения, которое, по крайней мере, считается терпимым, и доволен, если ему хотя бы изредка удастся с глазу на глаз откровенно побеседовать с единомышленником.

Итак, образованные классы в Англии глухи ко всякому прогрессу, и лишь под натиском рабочего класса они несколько приходят в движение. Нельзя ожидать, чтобы ежедневная литературная пища этих одряхлевших образованных классов вы-

глядела бы иначе, чем они сами. Вся фешенебельная литература вращается в заколдованном кругу и так же скучна и бесплодна, как и само пресыщенное и выдохшееся фешенебельное общество.

Когда «Жизнь Иисуса» Штрауса и слава о ней пересекли канал, то ни один благопристойный человек не осмелился перевести книгу, ни один видный издатель — напечатать ее. Наконец, какой-то социалистический lecturer (для этого специального агитаторского термина не существует немецкого слова), т. е. человек самого нефешенебельного общественного положения, перевел ее, мелкий типограф, социалист, напечатал ее отдельными выпусками, каждый ценой в пенни, и рабочие Манчестера, Бирмингема и Лондона оказались в Англии единственной читательской публикой для Штрауса.

Впрочем, если уж какая-либо одна из двух партий, на которые делится образованная часть англичан, заслуживает предпочтения, то это тори. По социальным условиям Англии виг сам является слишком заинтересованной стороной, чтобы иметь беспристрастное суждение; промышленность, этот центр английского общества, находится в руках вига и обогащает его; он находит ее безупречной и считает ее расширение единственной целью всего законодательства, потому что она дала ему богатство и власть. Напротив, тори, чье могущество и единовластие были подорваны промышленностью, чьи принципы были потрясены ею, ненавидит ее и в лучшем случае считает ее необходимым злом. Вследствие этого образовалась известная группа тори-филантропов, вожаками которой являются лорд Эшли, Ферранд, Уолтер, Остлер и другие и которая взяла на себя обязанность защищать фабричных рабочих против фабрикантов. Томас Карлейль первоначально также был тори, и к этой партии он все еще стоит ближе, чем к вигам. Одно несомненно: виг никогда не мог бы написать книгу, которая была бы хоть наполовину такой человеческой, как «Прошлое и настоящее».

Томас Карлейль получил в Германии известность благодаря своим стараниям познакомить англичан с немецкой литературой. В течение многих лет он изучает главным образом социальное положение Англии — среди образованных людей своей страны он единственный, кто занимается этим вопросом! — и уже в 1838 г. им была написана небольшая работа «Чартизм». В то время у власти были виги, и они с большою помпой возвестили, что «призрак» чартизма, возникший около 1835 г., якобы уничтожен. Чартизм был естественным продолжением старого радикализма, на несколько лет умиротворенного биллем о реформе, а с 1835/36 г. опять выступившего с новой силой и более сплочен-

ными массами, чем когда-либо прежде. Виги думали, что они подавили этот чартизм, и это послужило Томасу Карлейлю поводом показать действительные причины чартизма и невозможность искоренить его, пока не искоренены его причины. Хотя точка зрения книги «Чартизм» в общем та же, что и в «Прошлом и настоящем», но в прежней работе несколько сильнее выражена торийская окраска, что, быть может, объясняется только тем обстоятельством, что виги как правящая партия прежде всего подлежали критике. Во всяком случае, все, что находится в упомянутой небольшой работе, содержится и в «Прошлом и настоящем», но в более ясной, развернутой форме и с более решительным подчеркиванием выводов, что, следовательно, избавляет нас от необходимости критики книги «Чартизм».

«Прошлое и настоящее» — это параллель между Англией XII века и Англией XIX века. Книга состоит из четырех разделов, озаглавленных: «Вступление», «Монах в старину», «Рабочий нового времени», «Гороскоп». — Пройдем последовательно по всем этим разделам. Я не могу противостоять искушению перевести наилучшие из удивительно ярких мест, часто встречающихся в этой книге. За критикой же дело не станет.

Первая глава вступления называется «Мидас».

«Положение Англии... по справедливости считается одним из самых угрожающих и вообще самых необычных, какие когда-либо видел свет. Англия изобилует всякого рода богатствами, и все же Англия умирает от голода. В неизменном изобилии зеленеет и цветет земля Англии, волнуясь золотой нивой, густо усеянная мастерскими со всякого рода орудиями труда, с пятнадцатью миллионами рабочих, слывущих самыми сильными, искусными и усердными, каких когда-либо знала наша земля; эти люди находятся среди нас; работа, исполненная ими, плоды, созданные их руками, имеются тут в избытке, всюду в самом пышном изобилии, — и вот, словно по волшебству, раздается злое повеление: «Не прикасайтесь к ним, вы, рабочие, и вы, занятые делом господа, а также и вы, праздные господа; никто из вас не смеет их тронуть, никто из вас не смеет ими насладиться — это заколдованные плоды!»».

Запрет этот прежде всего касается рабочих. В 1842 г. в Англии и Уэльсе насчитывалось 1 430 000 пауперов, из которых 220 000 были заперты в работных домах, в бастилиях для бедных, как называет их народ. — Спасибо гуманным вигам! — В Шотландии нет закона о бедных, но бедняков масса. — Ирландия, к слову сказать, может похвастать чудовищным числом — 2 300 000 пауперов.

«Перед судом присяжных в Стокпорте (Чешир) обвинялись мать и отец и были признаны виновными в том, что они отравили троих своих детей с целью обманным образом получить с похоронного общества по три фунта

восемь шиллингов за смерть каждого ребенка, и официальные власти, говорят, намекали, что этот случай не единственный, что, быть может, было бы лучше не вдаваться в подробное расследование этого дела... Такие примеры — это своего рода высочайшая горная вершина, вырисовывающаяся на горизонте; под ней лежит целая горная местность и равнина, еще не открывшаяся взору. — Человеколюбивые мать и отец сказали друг другу: что же нам делать, чтобы избежать голодной смерти? Мы дошли до крайности здесь, в нашем темном подвале, а помощь далека. Увы, тяжелые события происходят в башне голода Уголино: горячо любимый крошка Гаддо падает замертво на колени своего отца! — Стокпортские родители, подумав, сказали: бедный наш голодный малютка Том, целый день он с плачем просит хлеба, ему суждено видеть в этой жизни одно только горе и ничего хорошего, — что если бы он сразу избавился от страданий, а мы, быть может, сохранили бы свою жизнь? Подумали, сказали и, наконец, решились. И вот Тома нет в живых, все деньги истрачены и проедены; чья теперь очередь, бедного голодного крошки Джека или бедного голодного крошки Вилли? — О, как мучительны эти поиски путей и средств! — В осажденных городах, среди страшных развалин павшего от божьего гнева Иерусалима, было пророчество: несчастные женщины своими руками будут готовить себе в пищу собственных детей. Мрачная фантазия древнего еврея не могла себе представить более ужасной бездны нужды; это было последним пределом для униженного, богом проклятого человека. А мы здесь, в современной Англии, среди избытка богатства, — неужели и мы идем к этому? Каким образом это случилось? Отчего это произошло, почему это должно было так сложиться?»

Это было в 1841 году. Я мог бы добавить, что пять месяцев назад в Ливерпуле была повешена Бетти Юлс из Болтона, которая по тем же самым побуждениям отравила троих собственных и двух неродных детей.

Так живет беднякам. Как же обстоит дело с богатыми?

«Эта цветущая промышленность со своим изобилием богатства до сих пор никого еще не обогатила; это — заколдованное богатство, и оно не принадлежит никому. Мы можем тратить тысячи, где прежде тратили сотни, но на эти деньги мы не можем купить ничего хорошего. — Иные едят более тонкие лакомства, пьют более дорогие вина, но дает ли это большее счастье? Разве они лучше, красивее, сильнее, мужественнее? Разве стали они, хотя бы, как они говорят, «счастливее?»».

Не стал счастливее занятый делом господин, не стал счастливее туеядствующий господин, т. е. родовитый землевладелец, —

«так для кого же это богатство, богатство Англии? Кому оно дает благословение, кого делает счастливее, красивее, умнее, лучше? Пока — никого. Наша преуспевающая промышленность до сих пор ни в чем не преуспела; среди пышного изобилия народ умирает с голоду; меж золотых стен и полных житниц никто не чувствует себя обеспеченным и удовлетворенным. — Мидас страстно желал золота и оскорбил Олимп. Он получил золото; все, чего он ни касался, обращалось в золото, но от этого он, со своими длинными ушами, мало выиграл. Мидас возвел хулу на небесную музыку. Мидас оскорбил Аполлона и богов, и боги исполнили его желание и дали ему в придачу пару длинных ушей, — тоже недурная прибавка. Какая глубокая истина в этих старых легендах!»

«Как верна», — продолжает Карлейль во второй главе, — «другая старая легенда о сфинксе: природа — это сфинкс, богиня, но не совсем еще освобожденная, наполовину еще погруженная в животное состояние, лишенная духовности; с одной стороны, она — порядок, мудрость, но вместе с тем и мрак, дикость, роковая необходимость».

Природа — сфинкс («немецкий мистицизм», — говорят англичане при чтении этой главы) ставит перед каждым человеком и каждой эпохой вопрос. Счастлив тот, кто правильно на него ответит; а кто не ответит или ответит неправильно, тот попадет в звериные лапы сфинкса, вместо прекрасной невесты он найдет свирепую львицу. И то же самое происходит с нациями: можете ли вы разрешить загадку судьбы? И все несчастные народы, как и все несчастные индивидуумы, дали неверный ответ на этот вопрос, приняв видимость за истину; они пренебрегли вечными внутренними фактами вселенной из-за внешних преходящих форм их проявления; так именно поступила и Англия. Англия, — как говорит Карлейль в последующем, — стала добычей атеизма, и нынешнее ее положение является необходимым следствием этого факта. Мы будем об этом говорить позже, а пока заметим лишь, что Карлейль мог бы еще дальше продолжить свое сравнение со сфинксом, если эту легенду понимать в вышеуказанном пантеистическо-старошеллинговском смысле; как и в легенде, решением загадки, притом решением в самом широком смысле, является ныне человек. И эта загадка будет разрешена.

Следующая глава дает нам такое описание манчестерского восстания в августе 1842 года:

«Около миллиона голодных рабочих поднялись, вышли на улицу — и остановились. Что же еще было им делать? Обиды и жалобы этих людей были горьки, невыносимы, их гнев в то же время справедлив; но кто послужил причиной этих жалоб и от кого ждать помощи? У нас есть враги, но мы не знаем, кто они и что они; у нас есть друзья, но мы не знаем, где они. Как же нам быть: напасть ли на кого-нибудь, застрелить ли кого-нибудь или самим погибнуть от чьей-нибудь пули? О, если бы этот проклятый невидимый оборотень, который незримо высасывает кровь нашу и кровь наших близких, только бы принял образ, пусть он явился бы перед нами гирканским тигром, бегемотом хаоса, самим сатаной, пусть это будет какой угодно образ, лишь бы мы могли увидеть его, лишь бы мы могли его схватить!»

Но несчастье рабочих во время восстания летом 1842 г. в том и заключалось, что они не знали, против кого им надо бороться. Их бедствие было социальным, а социальные бедствия нельзя отменить так, как отменяют королевскую власть или привилегии. Социальные бедствия не поддаются лечению посредством Народной хартии, и это чувствовал народ, — иначе, мол, Народная хартия была бы ныне основным законом Англии. Социальные бедствия надо изучить и познать, а этого еще до сих пор не сде-

лала рабочая масса. Великим результатом восстания было то, что жизненный вопрос Англии, вопрос об окончательной судьбе рабочего класса, по выражению Карлейля, был поставлен так ясно, что в Англии его услышал каждый мыслящий человек. Теперь уже нельзя больше обходить молчанием этот вопрос — Англия должна либо ответить на него, либо погибнуть.

Пропустим заключительную главу этого раздела, пропустим пока и весь следующий раздел и сразу начнем с третьего раздела, посвященного теме «*Рабочий нового времени*», чтобы собрать воедино все относящееся к описанию положения Англии, начатому еще во вступлении.

Мы отбросили, продолжает Карлейль, религиозность средних веков, не получив ничего взамен:

«Мы забыли бога, закрыли глаза наши на вечную сущность вещей, оставив их открытыми лишь для обманчивой видимости вещей; при этом мы успокаиваемся на мысли о том, что по своей внутренней сущности эта вселенная есть великое непостижимое «может быть»; извне же она представляется нашему взору, как громадный загон для скота и рабочий дом, с огромными кухнями и обеденными столами, где мудрый найдет себе место. Всякая истина этой вселенной стала сомнительной; лишь прибыль и убыток, лишь пища для желудка и успех — вот что ясно для практического человека и остается для него чем-то несомненным. — Для нас нет больше бога; законы бога стали «принципом наибольшего благополучия», парламентской уловкой; небо сделалось для нас астрономическим хронометром, полем охоты для гершелесовского телескопа, где гоняются за научными результатами и за пищей для чувств; на нашем языке и на языке старого Бена Джонсона это значит: человек утратил свою душу и начинает теперь замечать ее отсутствие. Здесь поистине самое больное место, центр всеобщей социальной гангрены. — Нет больше религии, нет бога, человек утратил свою душу и напрасно ищет средства против гниения. Напрасно: в казнях королей, во французских революциях, в биллях о реформе, в манчестерских восстаниях — во всем этом не найти целительного средства. Гнойная проказа, облегченная на какой-нибудь час, становится потом еще сильнее и опаснее».

Но так как место старой религии не могло-де оставаться совсем незанятым, то мы получили взамен ее новое евангелие, евангелие, соответствующее пустоте и бессодержательности века, — евангелие маммоны. Христианское небо и христианский ад отброшены; первое — как нечто сомнительное, второй — как нечто бессмысленное, но вместо старого ада появился новый; адом нынешней Англии является опасение человека, что он может «не пробиться вперед, не заработать денег!»

«Поистине, с нашим евангелием маммоны мы пришли к странным выводам! Мы говорим об *обществе* и все же проводим повсюду полнейшее разделение и обособление. Наша жизнь состоит не во взаимной поддержке, а, напротив, во взаимной вражде, выраженной в известных законах войны, именуемой «разумной конкуренцией» и т. п. Мы совершенно забыли, что чистоган не составляет единственной связи между человеком и человеком.

«Мои голодающие рабочие?» — говорит богатый фабрикант. — «Разве я не нанял их на рынке, как это и полагается? Разве я не уплатил им до последней копейки договорной платы? Что же мне с ними еще делать?» Да, культ маммоны воистину печальная вера!»

«Одна бедная ирландская вдова в Эдинбурге просила помощи у благотворительного учреждения для себя и троих своих детей. Во всех учреждениях ей было отказано; силы и мужество покинули ее; она свалилась в тифозной горячке и умерла, но зараза распространилась по всей улице, отчего умерло еще семнадцать человек. Человеколюбивый врач, рассказывающий эту историю, д-р У. П. Алисон, спрашивает при этом: разве *экономии ради* не следовало помочь этой женщине? Она заболела тифом и убила семнадцать человек, живших среди вас! — Есть над чем призадуматься. Покинутая ирландская вдова обращается к своим собратьям: «Смотрите, я погибаю без помощи, вы должны мне помочь, я ваша сестра, я плоть от вашей плоти, нас создал один бог!» А те отвечают: «Нет, ни в коем случае, ты — не наша сестра». Но она на деле доказывает свое родство; ее болезнь убивает *их*; они были ее братьями, хотя и отрицали это. Приходилось ли когда-либо людям опускаться еще ниже в поисках доказательства того, что они люди?»

Карлейль, к слову сказать, здесь заблуждается так же, как и Алисон. У богатых нет сострадания, им нет никакого дела до смерти «семнадцати». Разве это не общественное благо, что «избыточное население» сократилось на семнадцать человек? Сократись оно на несколько миллионов, вместо жалких «семнадцати», было бы еще лучше. — Так рассуждают английские богачи-мальтузианцы.

А затем другое, еще худшее, евангелие дилетантизма, создавшее бездеятельное правительство, отнявшее у людей всю их серьезность и внушившее им желание казаться не тем, что они есть, — это стремление к «благополучию», т. е. к тому, чтобы хорошо попить и хорошо поесть; оно возвело на трон грубую материю и разрушило всякое духовное содержание. К чему же все это приведет?

«И что сказать нам правительству, вроде нашего, которое предъявляет своим рабочим обвинение в «перепроизводстве»? Перепроизводство, — разве не в этом суть дела? Это вы, всякого рода производители, вы слишком много произвели! Мы обвиняем вас в том, что вы изготовили более двухсот тысяч рубах для прикрытия наготы человеческой. А брюк, изготовленных вами из плиса, кашемира, шотландки, нанки и шерсти, — разве их не великое множество? И разве вы не производите шляпы и обувь, стулья для сидения и ложки для еды, а также золотые часы, ювелирные изделия, серебряные вилки, комоды, шифоньерки и мягкую мебель, — о, небо, все торговые базары и всевозможные Хауэлы и Джемсы не могут вместить ваших продуктов; вы все производили, производили и производили — стоит только посмотреть вокруг, чтобы подтвердить основательность наших обвинений. Миллионы рубах и нераспроданных брюк висят тут как свидетельское показание против вас. Мы обвиняем вас в перепроизводстве; вы повинны в тяжком преступлении, в том, что наготовили рубах, брюк, шляп, обуви и пр. в устрашающем изобилии. И вот следствием этого явился застой, и ваши рабочие должны умирать с голоду».

«Милорды и джентльмены, в чем же обвиняете вы этих бедных рабочих? Вы, милорды и джентльмены, для того и призваны, чтобы заботиться о предотвращении застоя; вы должны были тщательно смотреть за тем, чтобы заработная плата за произведенную работу аккуратно распределялась, чтобы ни один рабочий не остался без своей заработной платы, в чем бы она ни выражалась, в деньгах или пеньковой веревке для виселицы; с незапамятных времен это было вашей обязанностью. Эти бедные прядильщики забыли многое, о чем они должны были бы помнить согласно действительному, непisanному закону, вытекающему из их общественного положения; но о каком же *писаном* законе, касающемся их положения, забыли они? Они были наняты для того, чтобы производить рубахи. Общество приказало им: делайте рубахи, — вот они и были сделаны. Слишком много рубах? Какой это является неожиданностью в этом сумасшедшем мире с его девятьюстами миллионов голых тел! Но вам, милорды и джентльмены, общество приказало: смотрите за тем, чтобы эти рубахи были правильно распределены, — и где же это распределение? Два миллиона рабочих, совсем не имеющих рубах или же одетых в рубища, сидят в бастилиях для бедных, пять миллионов других — в голодных подвалах Уголино; и вместо помощи им вы говорите: говысьте *нашу* ренту! Вы заявляете торжествуя: «вы хотите сострять обвинение, вы хотите *нас* упрекнуть в перепроизводстве? Но мы призываем в свидетели небо и землю, что мы вообще ничего не производили. В самых отдаленных уголках мира нет ни одной рубахи, которая была бы сделана нами. Мы неповинны в производстве; наоборот, виновны вы, неблагодарные. Разве нам не пришлось «потребить» целые горы вещей! Разве мы не истребили эти груды товаров, громоздившиеся перед нами, словно у нас луженые желудки и своего рода божественная способность к пожиранию? О, неблагодарные, разве вы не выросли под сенью наших крыльев? Разве ваши грязные фабрики построены не на *нашей* земле? И мы не имеем права продавать вам наш хлеб по той цене, по какой нам вздумается? Как вы полагаете, что стало бы с вами, если бы мы, землевладельцы Англии, вдруг решили вовсе не допускать возделывания хлеба?»

Этот образ мыслей аристократии, этот варварский вопрос: что случилось бы с вами, если бы мы не были так милостивы, что позволили выращивать хлеб? — породил «безумные и злополучные хлебные законы», хлебные законы, столь бессмысленные, что против них можно спорить лишь такими аргументами, «которые могут довести до слез ангела на небе и осла на земле». Хлебные законы доказывают, что аристократия еще не научилась не творить зла, сидеть смиренно, ничего не делать, не говоря уж о том, что не научилась делать что-нибудь хорошее; между тем, по Карлейлю, это должно было быть ее обязанностью:

«По своему положению аристократия обязана руководить и править Англией, и всякий рабочий в работном доме имеет право спросить в первую очередь *её*: почему я здесь нахожусь? Его вопрос слышит небо, и если он будет оставлен без внимания, то заставит прислушаться к себе и землю. Рабочий выступает обвинителем против вас, милорды и джентльмены; вы стоите в первом ряду обвиняемых; в силу положения, вами занимаемого, вы должны первыми дать ему ответ! — Судьба тунеядствующей аристократии, насколько можно прочесть ее гороскоп в хлебных законах и т. п., это пропасть, которая приводит в отчаяние! Да, мои румяные, охотящиеся на лисиц братья, за

вашими свежими холеными лицами, за вашим большинством, прошедшим хлебные законы, за скользящей шкалой, охранительными пошлинами, подкупам на выборах и шумным триумфом, — за всем этим внимательный глаз откроет потрясающие картины падения, не поддающиеся описанию, увидит начертание «Мене, Мене...». Боже милостивый, разве праздная французская аристократия, едва полвека назад, точно так же не заявляла: мы не можем существовать, не можем по-прежнему одеваться и щеголять, как подобает нашему сословию; земельной ренты с наших поместий нам не хватает, нам нужно иметь больше, нам надо освободить от налогов, нам нужен хлебный закон, чтобы поднять нашу земельную ренту. Это было в 1789 г., а четыремья годами позже — слышали ли вы о кожевенном заводе в Мьюдоне, где гольцтыба мастерил себе штаны из человеческой кожи? Да отвратит милосердное небо это знамение; да будем мы мудрее, чтобы не стать такими же несчастными!»

Деловая же аристократия запутывается в сетях тунеядствующей аристократии; в конце концов со своим «маммонизмом» она также попадает в скверное положение.

«Люди на континенте, по-видимому, вывозят от нас машины, прядут хлопок и производят для самих себя, вытесняя нас то с одного рынка, то с другого. Печальные вести, но далеко еще не самые печальные. Печальнее всего то, что наше национальное существование, как я слышал, зависит от нашей способности продавать хлопчатобумажные ткани на грош дешевле за локоть, чем продают все другие народы. Слишком уж незначительная опора для великой нации! И эту опору, как мне кажется, нам не удастся сохранить надолго, несмотря на всякие отмены хлебных законов. — Ни одна великая нация, поднимающаяся все выше и выше, не сможет удержаться на вершине такой пирамиды, балансируя на большом пальце ноги. Словом, это евангелие маммоны, со своим адом безработицы, спроса и предложения, конкуренции, свободы торговли, с девизом: «laissez faire», а остальное пусть идет к черту», — постепенно начинает становиться самым жалким евангелием, которое когда-либо проповедовалось на земле. — Да, если бы завтра были отменены хлебные законы, то этим еще ничего не достигли бы; с их отменой создался бы лишь простор для всякого рода предпринимательства. Уничтожьте хлебные законы, сделайте торговлю свободной, тогда несомненно исчезнет нынешнее вялое состояние промышленности. Наступит снова период торгового предпринимательства, торжества и расцвета; петля голода, сдавливающая нашу шею, ослабнет, мы снова получим возможность дышать и время, чтобы опомниться и раскаяться, трижды драгоценное время для того, чтобы бороться за реформу наших дурных порядков так, как мы боремся за собственную жизнь, чтобы воспитать народ, облегчить и улучшить его образ жизни, чтобы дать ему немного духовной пищи, действительное руководство и правительство, — что за бесценное будет время! Однако при старом методе: «да здравствует конкуренция, а остальное пусть идет к черту!» наш новый период расцвета окажется и должен оказаться в конце концов только пароксизмом и, вероятно, нашим последним пароксизмом. В самом деле, если за двадцать лет наша промышленность удвоится, то за двадцать лет удвоится также и население наше; мы придем туда же, где и были, с той лишь разницей, что нас будет вдвое больше и мы станем вдвое, если не в десять раз, неукротимее. — Увы, в какие места попали мы во время этого странствования по столетиям, — в места, где люди скитаются, как гальванизированные трупы, с бессмысленными, неподвижными глазами, без души, обладая лишь инстинктивной,

как у бобра, способностью к труду и желудком для пищеварения! Мучительно видеть то голодное отчаяние, которым охвачены в эти дни рабочие бумагопрядилен и угольных копей, а также сельские поденщики Чандоса; но для мыслящего человека видеть это далеко не так мучительно, как быть свидетелем той жестокой, безбожной философии прибыли и убытка, той житейской мудрости, которая провозглашается повсюду; на заседаниях сената, в дискуссионных клубах и передовых статьях, с церковных кафедр и ораторских трибун — как новейшее евангелие и честный английский образ человеческой жизни!»

«Я имею смелость думать, что со времени возникновения общества никогда еще участь безгласных, изнуренных работой миллионов людей не была так невыносима, как теперь. Не смерть, и даже не смерть от голода, делает человека несчастным; мы все должны умереть, и наш жизненный путь завершается на огненной колеснице страданий; но жить в нищете и не знать, почему; работать до изнеможения и впустую; жить с изнуренным и усталым сердцем и все же быть изолированным, в сиротливом одиночестве, в петле холодного, универсального *laissez faire*, медленно умирать в течение всей своей жизни, оставаясь замурованным в глухой, мертвой, бесконечной несправедливости, словно в проклятом чреве Фаларисова быка, — это все невыносимо и вечно будет невыносимым для всех богом созданных людей. И мы еще удивляемся французской революции, «великой неделе», английскому чартизму? Если как следует вдуматься — времена поистине беспримерные».

Если в такие беспримерные времена аристократия оказывается неспособной к управлению общественными делами, то ее необходимо изгнать. Отсюда — демократия.

«Какого распространения уже ныне достигла демократия, с какой злодейской, все возрастающей скоростью она шагает вперед, может увидеть всякий, кто не хочет закрывать глаза на какую-либо область человеческих отношений. От грохота наполеоновских битв до пустой болтовни на открытом собрании какой-нибудь общины в Сент-Мэри-Акс — все это свидетельствует о демократии».

Но что такое, в конце концов, демократия?

«Не что иное, как недостаток в людях, которые могли бы управлять вами, и примирение с этим неизбежным недостатком, попытка обойтись без таких людей. — Никто тебя не угнетает, ты свободный и независимый избиратель; но разве над тобой не властвует эта глупая кружка портера? Никакой потомок Адама не может тебе приказать прийти или уйти, — но эта бессмысленная кружка, эта одурманивающая жидкость (*heavy wet*) — она может приказать тебе и на самом деле приказывает! Ты крепостной не Цедрика-саксонца, а своих собственных животных похотей, и ты говоришь еще о свободе? Ты — круглый дурак!.. Представление, будто свобода человека состоит в том, чтобы подать свой голос на выборах и сказать: вот теперь мне тоже принадлежит одна двадцатитысячная доля оратора в нашей национальной говорильне, не станут ли теперь ко мне благосклонны все боги? — это представление — одно из самых смешных на свете. К тому же свобода, покупаемая тем, что вы себя взаимно изолируете и ничего общего друг с другом не имеете, кроме наличного расчета и бухгалтерских книг, — эта свобода, в конце концов, окажется для миллионов трудящихся свободой голодной смерти, а для ленивых, ничего не делающих тысяч и единиц, свободой *гни-*

ния. Братья, после столетий конституционного правительствa, мы все еще мало знаем, что такое свобода и что такое рабство. Но демократия пойдет неуклонно своим путем, миллионы трудящихся со своим стремлением к удовлетворению жизненных потребностей, со своей инстинктивной, страстной потребностью в руководстве отбросят ложное руководство и на мгновение поверят, что они обойдутся без руководителей, но только на мгновение. Вы можете сбросить с себя гнет ваших ложных начальников; я вас не порицаю, я только жалею вас и напоминаю, что и после этого великая проблема все еще останется неразрешенной, проблема обрести такое руководство, которое исходило бы от ваших истинных начальников».

«Руководство в том виде, в каком оно существует теперь, является, конечно, достаточно жалким». В недавней парламентской комиссии по расследованию подкупов при выборах самые здравомыслящие практические головы были, по-видимому, того мнения, что подкупы неизбежны и что мы, хорошо ли, плохо ли, должны попытаться обойтись без честных выборов... Парламент, объявляющий, что он избран и избираем посредством подкупа, — какое законодательство может быть создано подобным парламентом! Подкуп обозначает не только продажность, но и бесчестность, бесстыдный обман, закоренелое равнодушие ко лжи и подстрекательство к ней. Будьте же честны, откройте на Даунинг-стрит избирательное бюро с особым тарифом для каждого города: такое-то население, при такой-то сумме налогов с собственности, при такой-то стоимости недвижимого имущества избирает двух депутатов или избирает одного депутата за такую-то сумму наличными: Ипсвич за столько-то тысяч фунтов, Ноттингем за столько-то, — тогда вы по крайней мере наименее честным образом получите своих ставленников посредством купли, не прибегая ко всей этой бесчестности, бесстыдству, лжи!.. Наш парламент заявляет, что он избран и избираем посредством подкупа. Во что превратится подобный парламент? Там, где миром правят не Веллал и Вельзвул, там такой парламент готовится к новым биллям о реформе. Лучше нам испытать чартизм или любую другую систему, чем удовлетвориться таким положением вещей!.. Парламент, начинающий свою деятельность с ложью на устах, должен сам себя устранить... В любой час дня и ночи может явиться какой-нибудь чартист, какой-нибудь вооруженный Кромвель, чтобы возвестить такому парламенту: «Вы не парламент. Во имя всевышнего — уберите вон!».

Таково положение Англии по Карлейлю. Тунеядствующая землевладельческая аристократия, «не научившаяся даже сидеть смиренно и по крайней мере не творить зла»; деловая аристократия, погрязшая в служении маммоне и представляющая собой лишь банду промышленных разбойников и пиратов, вместо того чтобы быть собранием руководителей труда, «военачальниками промышленности»; парламент, избранный посредством подкупа; житейская философия простого созерцания и бездействия, политика *laissez faire*; подточенная, разлагающаяся религия, полный распад всех общечеловеческих интересов, всеобщее разочарование в истине и в человечестве и, вследствие этого, всеобщее распадение людей на изолированные «грубо обособленные единицы», хаотическое, дикое смешение всех жизненных отношений, война всех против всех, всеобщая духовная смерть, недостаток

«души», т. е. истинно человеческого сознания; несоразмерно многочисленный рабочий класс, находящийся в невыносимом угнетении и нищете, охваченный яростным недовольством и возмущением против старого социального порядка, и вследствие этого грозная, непреодолимо продвигающаяся вперед демократия; повсеместный хаос, беспорядок, анархия, распад старых связей общества, всюду духовная пустота, безыдейность и упадок сил, — таково положение Англии. Если отвлечься от некоторых выражений, связанных с особой точкой зрения Карлейля, мы должны будем с ним вполне согласиться. Он, единственный из всего «респектабельного» класса, по крайней мере не закрывал глаза на факты, он по крайней мере правильно понял непосредственную современность, а это поистине бесконечно много для «образованного» англичанина.

Каковы же виды на будущее? Таким, как сейчас, положение не останется и не может остаться. Мы видели, что у Карлейля нет, по его собственному признанию, «моррисоновых пилюль», нет никакого универсального средства для исцеления социального зла. И в этом он прав. Всякая социальная философия, пока она еще провозглашает какие-нибудь два-три положения своим конечным выводом, пока она прописывает моррисоновы пилюли, еще очень далека от совершенства; не голые выводы, а, наоборот, *изучение* — вот что нам больше всего нужно: выводы — ничто без того развития, которое к ним привело, — это мы знаем уже со времен Гегеля, — и выводы более чем бесполезны, если они превращаются в нечто самодовлеющее, если они не становятся снова посылками для дальнейшего развития. Но выводы должны принять на время определенную форму, они в развитии своем должны освободиться от расплывчатой неопределенности и сложиться в ясные мысли, и тогда они, — во всяком случае, у такой чисто эмпирической нации, как англичане, — неизбежно должны принять форму «моррисоновых пилюль». Хотя Карлейль многое воспринял от немцев и довольно далек от грубой эмпирии, но и у него, вероятно, оказалось бы под рукой несколько подобных пилюль, если бы его представление о будущем не было столь неопределенным и неясным.

В настоящей же момент Карлейль считает, что все бесполезно и бесплодно, пока человечество упорствует в атеизме, пока оно не обрело снова своей «души». Не в том смысле, что следовало бы восстановить старый католицизм во всей его активности и жизненной силе или хотя бы только сохранить нынешнюю религию, — он очень хорошо знает, что ритуалы, догмы, литании и гром на Синае не могут помочь; что никакие громы Синая не

могут сделать истину более истинной и внушить страх разумному человеку; что давно уже покончены счеты с религией страха. Но сама религия должна быть-де восстановлена — ведь мы видим сами, куда привели нас «два столетия атеистического правительства» со времени «благословенной» реставрации Карла II, и мало-помалу мы должны будем также убедиться в том, что атеизм этот начинает мельчать и выдыхаться. Но мы уже видели, что Карлейль называет атеизмом не столько неверие в личного бога, сколько неверие во внутреннюю сущность вселенной, в ее бесконечность, неверие в разум, разочарование в духе и истине; его борьба направлена не против неверия в откровения Библии, а против «самого страшного неверия, неверия в Библию всемирной истории». Она-то и есть, мол, вечная книга божия; всякий, в ком не погасли душа и свет очей, может прочесть в ней начертание перста божьего. Осмеивание ее есть неверие, не имеющее себе равного, неверие, за которое вы будете наказаны не огнем костров, а самым решительным приказанием хранить молчание до тех пор, пока не сможете сказать чего-либо лучшего. Да и стоит ли шуметь и нарушать блаженное молчание только для того, чтобы крикливо выступать с подобного рода вздорными взглядами? Если прошлое не имеет в себе божественного разума, а содержит лишь дьявольскую неразумность, оно кануло в вечность, не говорите больше о нем; нам, потерявшим на виселице своих отцов, не подобает болтать о веревках! «Но современная Англия не может верить в историю». Из окружающих нас предметов глаз видит лишь столько, сколько он может видеть по своим природным свойствам. Безбожному веку не понять-де богопреисполненных эпох. В прошлом (в средневековье) такой век видит только пустые раздоры, всеобщее господство грубого насилия, но не видит, что, в конце концов, сила и право совпадают друг с другом; он видит одну только глупость, дикое неразумие, подобающее скорее дому умалишенных, чем человеческому миру. А из этого естественно делается вывод, что те же самые свойства продолжают господствовать и в наше время. Миллионы людей крепко заперты в бастилиях для бедных; ирландским вдовам приходится доказывать свою принадлежность к человеческому роду тифозной горячкой; всегда было так, если не хуже; чего же вы еще хотите? Была ли история чем-либо иным, кроме скрытой глупости, которую выставляло напоказ преуспевающее шарлатанство? В прошлом не было бога, не было ничего, кроме механических сил и идолов, носителей хаотически-звериного начала. Как же может бедный «историограф-философ», которому его собственный век кажется таким богопокинутым, «познать бога в прошлом»?

Но наш век не так уж покинут богом:

«Да разве в последние годы даже в нашей бедной расколоте Европе не стали раздаваться голоса поборников религии, проповедующих новую и в то же время древнейшую религию, неоспоримую для всех сердец? Я знаю людей, которые не считали себя пророками и не называли себя так, но в которых воистину стали звучать снова мощные голоса вечного сердца природы, это — души, которые вечно будут заслуживать поклонения всех, в ком есть душа. Французская революция есть феномен; поэт Гёте и немецкая литература, в качестве ее дополнения и духовного выражения, являются для меня тоже феноменом. Пусть старый светский или практический мир погиб в огне, разве это не воззвешение и не утренняя заря нового духовного мира, порождающего гораздо более благородные, широкие, новые, практические миры? Жизнь, проникнутая античным самопожертвованием, античной правдой и античным героическим духом, сделалась снова возможной, стала действительно зримой для самого современного человека — феномен, несравнимый в своем совершенном покое ни с каким другим! Мы слышим здесь отзвуки новой мелодии сфер, которые вновь прорвались сквозь сплошной жаргон и диссонансы того, что зовется литературой».

Гёте — вот пророк «религии будущего» и культ этой религии — труд.

«Ибо на труде лежит печать какого-то вечного благородства, даже святости. И как бы ни был человек удручен, как бы ни забывал он о своем высоком призвании, у него все еще остается надежда, если он действительно и серьезно работает; только в праздности — вечное отчаяние. Как бы ни был труд подчинен маммоне, как бы он ни был унижен, он все же остается связующим звеном между человеком и природой; уже одно только настойчивое желание завершить начатый труд все более и более приближает человека к истине, к законам и предписаниям природы... Труд имеет бесконечное значение; посредством труда совершенствуется человек. Осушаются гнилые болота; на их месте появляются прекрасные поля и великолепные города, и прежде всего сам человек перестает быть гнилым болотом и бесплодной, вредоносной пустыней. Смотрите, какой гармонией преисполняется душа человека даже при самой низкой работе, с того момента, как человек отдается труду! Сомнения, желания, печаль, смятение, отвращение, даже отчаяние — все они, как адские псы, осаждают душу бедного поденщика, как и всякого другого человека, но он мужественно берется за свою работу, и они с ворчанием отступают в далекую преисподнюю. Человек теперь стал человеком; священное пламя труда действует на него как очищающий огонь, сжигающий в своем светлом, священном пламени всякую скверну и даже самый зачумленный воздух... Благословен тот, кто нашел работу по душе; ему не надо другого благословения. У него есть работа, есть цель в жизни; он нашел ее, увлечен ею, и вот его жизнь течет теперь свободным потоком по каналу, вырытому среди застоявшегося болота человеческой нужды, — этот канал отводит застоявшуюся воду из-под самой отдаленной тростниковой заросли и обращает смрадное болото в зеленый плодородный луг. Труд есть жизнь; по существу у тебя нет других познаний, кроме приобретенных посредством труда; все остальное есть гипотеза, предмет схоластических споров, витание в облаках и погружение в бесконечный логический водоворот, — до тех пор, пока мы не испытаем этих знаний на деле и не закрепим их. Сомнения, какого бы рода они ни были, могут быть разрешены только посредством деятельности... У древних монахов было прекрасное изречение: *laborare est orare*,

работа — это культ. Древнее всякого евангелия, которое возвещалось в проповедях, было это невысказанное, не излагаемое в проповедях, но неугасимое, вечное евангелие: трудись и находи удовлетворение в труде. О, человек, разве в глубине твоего сердца не заложен дух деятельности, сила труда, которая горит, как еле тлеющий огонь, и не дает покоя, пока ты не разовьешь ее, пока ты не запечатлешь ее кругом себя в деяниях? Все, что беспорядочно, невосделано, ты должен упорядочить, урегулировать, сделать годным для обработки, покорным себе и плодородным. Всюду, где ты находишь беспорядок, там твой истинный враг; быстро напади на него, покори его, вырви его из власти хаоса, подчини его своей власти — власти разума и божественного начала! Но мой совет: прежде всего нападай на невежество, глупость, озверение; где бы ты ни нашел их, рази их, неустанно, разумно, не успокаивайся, пока ты живешь и пока они живы, рази, рази, «во имя бога рази! Действуй, пока еще день; придет ночь, и никто уже не сможет работать. — Всякий истинный труд священен: он — пот лица твоего, пот мозга и сердца; сюда относятся и вычисления Кеплера, размышления Ньютона, все науки, относятся все прозвучавшие когда-либо героические песни, всякий героический подвиг, всякое проявление мученичества, вплоть до той «агонии кровавого пота», которую все люди прозвали божественной. Если уж это — не культ, то к черту всякий культ! Кто ты, жалующийся на свою жизнь, полную горького труда? Не жалуйся, пусть небо и строго к тебе, но ты не можешь назвать его неблагосклонным; оно — как благородная мать, как та спартанская мать, которая, подавая своему сыну щит, сказала: со щитом или на щите! Не жалуйся: спартанцы тоже не жаловались... В мире существует лишь *одно* чудовище — это лентяй. Разве его религия не сводится к тому, что природа — это фантом, бог — ложь, человек и его жизнь — тоже ложь».

Но и труд вовлечен в дикий водоворот беспорядка и хаоса; облагораживающее, просвещающее, развивающее начало стало жертвой путаницы, смятения и мрака. Это ведет нас к действительно главному вопросу, к вопросу о будущем труда.

«Труд, который наши друзья на континенте, уже довольно давно и несколько бестолково топчущиеся вокруг этого вопроса, называют «организацией труда», — какой это будет труд! Необходимо изъять это дело из рук нелепых ветрогонов и поручить его дельным, разумным, работоспособным людям; надо немедленно приняться за это, начать проводить в жизнь и до конца провести, если только Европа, или по крайней мере Англия, еще хочет долго оставаться обитаемой. Стоит взглянуть на наших высокоблагородных герцогов — творцов хлебных законов, или на наших духовных герцогов и пастырей душ, «получающих минимально около четырех тысяч пятацот фунтов годового дохода», и надежды наши, конечно, несколько поостынут. Но мужайтесь! В Англии еще найдутся благородные люди. Неукротимый фабричный лорд, не подашь ли и ты какой-либо надежды? До сих пор ты был морским разбойником; но за этим суровым челом, в этом неукротимом сердце, которое могло победить хлопок, не кроется ли возможность еще других, в десять раз более благородных побед?» — «Оглянитесь! Все ваши несметные войска охвачены мятежом, смятением, они находятся в состоянии беспомощности, накануне гибели в огне, накануне безумия! Они не желают больше маршировать для вас по принципу спроса и предложения, за шесть пенсов в день; они не желают и имеют на это право. Они почти на грани помешательства; будьте же благоразумнее! Эти люди не станут больше маршировать, как обманутая и мятущаяся чернь, а пойдут сомкнутой, стройной

массой с подлинными вождями во главе. Все человеческие интересы, все общественные начинания на известной ступени своего развития нуждались в организации, и теперь величайший из всех человеческих интересов — труд — требует организации».

Для осуществления этой организации, для замены ложного руководства истинным руководством и истинным правительством Карлейль требует установления «истинной аристократии», «культы героев»; в качестве второй великой задачи он выдвигает требование отыскать этих *аристот*, наилучших, под руководством которых можно было бы «соединить неизбежную демократию с необходимым суверенитетом».

В этих выдержках с достаточной ясностью выступает точка зрения Карлейля. Весь его образ мыслей по существу пантеистический, и притом немецко-пантеистический. Англичанам совершенно чужд пантеизм, они признают лишь скептицизм; результатом всей английской философской мысли является разочарование в силе разума, отрицание за ним способности разрешить те противоречия, в которые в конце концов впали; отсюда, с одной стороны, возврат к вере, с другой — приверженность к чистой практике без малейшего интереса к метафизике и т. д. Поэтому Карлейль со своим пантеизмом, ведущим свое происхождение от немецкой литературы, является тоже «феноменом» в Англии, и притом довольно-таки непонятым феноменом для практических и скептических англичан. Они смотрят на него с изумлением, говорят о «немецком мистицизме», об исковерканном английском языке; иные утверждают, что, в конце концов, тут что-нибудь да скрывается; его английский язык, правда, не обычен, но все же он красив; Карлейль — пророк и т. п., но никто толком не знает, какое всему этому можно найти применение.

Для нас, немцев, знающих предпосылки карлейлевской точки зрения, дело довольно ясно. Остатки торийской романтики и заимствованные у Гёте гуманистические воззрения, с одной стороны, скептически-эмпирическая Англия, с другой, — этих факторов достаточно, чтобы вывести из них все мировоззрение Карлейля. Как и все пантеисты, Карлейль еще не освободился от противоречия, дуализм у Карлейля усугубляется тем, что он, хотя и знает немецкую литературу, но не знает ее необходимого дополнения — немецкой философии, и потому-то все его воззрения непосредственны, интуитивны, больше в духе Шеллинга, чем Гегеля. С Шеллингом, т. е. прежним Шеллингом, а не Шеллингом периода «откровения»*, у Карлейля действительно много точек соприкосновения; со Штраусом, который по своим воззре-

ниям был также пантеистом, он сходится в «культе героев» или в «культе гения».

За последнее время в Германии критика пантеизма проведена с такой исчерпывающей полнотой, что ничего больше не остается добавить. Тезисы Фейербаха в «Anekdoten» и сочинения Б. Бауэра дают все, что относится к этому вопросу*. Поэтому мы можем ограничиться тем, что просто сделаем выводы из карлейлевской точки зрения и покажем, что по существу она представляет собой лишь преддверие к точке зрения нашего журнала*.

Карлейль жалуется на суетность и пустоту века, на внутреннюю гнилость всех социальных установлений. Жалоба эта справедлива, но одними жалобами ничего не сделаешь; чтобы избавиться от зла, надо отыскать его причину; и если бы Карлейль поступил так, он нашел бы, что это разложение и пустота, это «бездушие», эта иррелигиозность и этот «атеизм» имеют свою основу в самой религии. Религия по существу своему есть выхощивание из человека и природы всего их содержания, перенесение этого содержания на фантом потустороннего бога, который затем из милости возвращает людям и природе частицу щедрот своих. Пока сильна и жива вера в этот потусторонний фантом, до тех пор таким окольным путем человек добывается хоть какого-нибудь содержания. Сильная вера средневековья придавала, несомненно, всей этой эпохе значительную энергию, но энергию, пришедшую не извне, а коренившуюся уже в природе человека, хотя и в бессознательном, неразвитом состоянии. Вера постепенно слабела, религия распалась перед лицом возрастающей культуры, но человек все еще не понимал, что он поклонялся своей собственной сущности и обоготворял ее, как некую чуждую сущность. Находясь в этом бессознательном состоянии и в то же время в состоянии безверия, человек не может иметь никакого духовного содержания, он неизбежно отчаивается в истине, разуме и природе, и эта пустота и бессодержательность, неверие в вечные факты вселенной будут продолжаться до тех пор, пока человечество не поймет, что сущность, которой оно поклонялось как богу, была его собственной, до сих пор ему не известной сущностью, пока... Впрочем, зачем мне переписывать Фейербаха?

Пустота существовала уже давно, потому что религия есть акт самоопустошения человека; а теперь, когда пурпур, прикрывавший эту пустоту, поблек, когда туман, ее заволакивавший, рассеялся, вы удивляетесь, что теперь, к вашему ужасу, эта пустота выступила на свет?

Карлейль, далее, обвиняет век в лицемерии и лжи — это непосредственно вытекает из предыдущего. Конечно, пустоту

и бессилие надо приличным образом замаскировать, надо придать им видимость силы при помощи всяких декораций, пышных одеяний и фижм! Мы тоже нападаем на лицемерие современного христианского миропорядка; борьба с ним, наше освобождение от этого лицемерия и освобождение мира от него, в конце концов, являются нашим единственным насущным делом; но так как мы пришли к познанию этого лицемерия благодаря развитию философии и так как мы ведем борьбу на научной основе, то сущность этого лицемерия не является для нас столь загадочной и непонятной, какой она, несомненно, еще представляется Карлейлю. Это лицемерие мы также относим за счет религии, первое слово которой есть ложь, — разве религия не начинается с того, что, показав нам нечто человеческое, выдает его за нечто сверхчеловеческое, божественное? Но так как мы знаем, что вся эта ложь и безнравственность проистекает из религии, что религиозное лицемерие, теология, является прототипом всякой другой лжи и лицемерия, то мы вправе распространить название теологии на всю неправду и лицемерие нашего времени, как это впервые сделали Фейербах и Б. Бауэр. Пусть Карлейль прочтет их сочинения, если он желает знать, откуда проистекает безнравственность, отравляющая все наши отношения.

Надо, дескать, создать новую религию, пантеистический культ героев, культ труда, необходимо во всяком случае ждать возникновения такой религии в будущем. Но это совершенно невозможно; все возможности религии исчерпаны; после христианства, после абсолютной, т. е. абстрактной религии, после «религии как таковой», не может больше появиться никакой другой формы религии. Карлейль сам признает, что католическое, протестантское или всякое другое христианство неудержимо идет навстречу гибели; если бы он знал природу христианства, он увидел бы, что после христианства уже невозможна никакая другая религия. Невозможен также и пантеизм! Сам пантеизм является выводом из христианства, еще неотделимым от своей предпосылки, — по крайней мере, современный Спинозовский, Шеллинговский, Гегелевский и также Карлейлевский пантеизм. От необходимости доказывать это меня снова избавляет Фейербах.

Как было сказано, и мы придаем большое значение борьбе против несостоятельности, внутренней пустоты, духовной смерти, неискренности века; со всем этим мы ведем борьбу не на жизнь, а на смерть, так же, как Карлейль, но мы имеем гораздо больше шансов на успех, чем он, потому что знаем, чего хотим. Мы хотим покончить с таким атеизмом, каким его изображает Карлейль, мы хотим вернуть человеку содержание, которого он лишился

благодаря религии, — не какое-то божественное, но человеческое содержание, и это возвращение сводится просто к пробуждению самосознания. Мы хотим устранить все, что объявляет себя сверхъестественным и сверхчеловеческим, и тем самым устранить лживость, ибо претензия человеческого и естественного быть сверхчеловеческим, сверхъестественным есть корень всей неправды и лжи. Поэтому-то мы раз и навсегда объявили войну также религии и религиозным представлениям и мало беспокоимся о том, назовут ли нас атеистами или как-нибудь иначе. Между тем, если бы карлейлевское пантеистическое определение атеизма было правильным, настоящими атеистами оказались бы не мы, а наши христианские противники. Нам в голову не приходит нападать на «вечные внутренние факты вселенной»; напротив, только мы и обосновали их настоящим образом, доказав их вечность и защитив их от всемогущего произвола противоречивого в себе самом бога. Нам в голову не приходит объявлять «мир, человека и его жизнь ложью»; напротив, эту безнравственность допускают наши христианские противники, когда ставят мир и человека в зависимость от милости какого-то бога, созданного на самом деле лишь благодаря отражению человека в хаотичном материале его собственного неразвитого сознания. Нам в голову не приходит подвергать сомнению или презирать «откровение истории»; история — это для нас все, и она ценится нами выше, чем каким-либо другим, более ранним философским учением, выше даже, чем Гегелем, которому она, в конце концов, должна была служить лишь для проверки его логической конструкции.

В презрении к истории, в невнимании к развитию человечества повинна целиком другая сторона; в этом повинны опять-таки христиане, которые, построив особую «историю царствия божия», отказывают действительной истории во всякой внутренней значимости и признают эту значимость только за своей потусторонней, абстрактной и к тому же еще вымышленной историей; утверждая, что человеческий род достигает завершения в их Христе, они приписывают истории мнимую конечную цель, якобы достигнутую Христом; они обрывают историю посреди ее течения и уже поэтому, последовательности ради, должны выдавать дальнейшие восемнадцать веков за дикую бессмыслицу и полную бессодержательность. Мы требуем, чтобы истории было возвращено ее содержание, но в истории мы видим откровение не «бога», а человека, и только человека. Нам нет надобности призывать сначала абстракцию какого-то «бога» и приписывать ей все прекрасное, великое, возвышенное и истинно человеческое для того, чтобы увидеть величие человеческого существа, понять

развитие рода в истории, его неуправляемый прогресс, его всегда обеспеченную победу над неразумием отдельного индивида, преодоление человеческим родом всего, что кажется сверхчеловеческим, его суровую, но успешную борьбу с природой вплоть до достижения, в конце концов, свободного, человеческого самосознания, до ясного понимания единства человека и природы и вплоть до свободного, самостоятельного творчества нового мира, покоящегося на чисто человеческих, нравственных жизненных отношениях. Чтобы понять все это во всем его величии, нам нет надобности в таком окольном пути, нет необходимости сначала ставить печать «божественного» на истинно человеческом, чтобы быть уверенным в его важности и величии. Напротив, чем «божественнее», т. е. нечеловечнее, является что-либо, тем меньше мы в состоянии им восхищаться. Только *человеческое* происхождение содержания всех религий дает им еще кое-где хоть какое-то право на уважение; лишь сознание, что даже самое дикое суеверие все же в основе своей отражает вечные свойства человеческой сущности, хотя бы и в такой изуродованной и искаженной форме, — только это сознание спасает историю религии, и особенно в период средневековья, от полного ее отрицания и *вечно* забвения, иначе, конечно, такая судьба постигла бы эту «богопреисполненную» историю. И чем больше в ней «богопреисполненности», тем больше в ней бесчеловечности, скотоподобия; «богопреисполненные» средние века во всяком случае привели к полному озверению человека, к крепостничеству, к *jus prima noctis*¹ и т. д. *Безбожие* нашего времени, на которое так сетует Карлейль, есть именно его *богопреисполненность*. Отсюда становится также ясным, почему выше я назвал человека решением загадки сфинкса. До сих пор вопрос всегда гласил: что есть бог? — и немецкая философия разрешила его так: бог — это человек. Человек должен лишь познать себя самого, сделать себя самого мерилем всех жизненных отношений, дать им оценку сообразно своей сущности, устроить мир истинно по-человечески, согласно требованиям своей природы, — и тогда загадка нашего времени будет им разрешена. Истину следует искать не в призрачных потусторонних областях, не вне времени и пространства, не в каком-то «боге», якобы пребывающем внутри мира или противопоставленном ему, а гораздо ближе, в собственной груди человека. Собственная сущность человека много величественнее и возвышеннее, чем воображаемая сущность всех возможных «богов», которые ведь представляют собой лишь более или менее неясное

¹ — праву первой ночи. *Ред.*

и искаженное отображение самого человека. Если поэтому Карлейль повторяет вслед за Беном Джонсоном, что человек утратил свою душу и начинает теперь замечать ее отсутствие, то правильнее было бы сказать: человек утрачивал в религии свою собственную сущность, отчуждал от себя свою человечность, и теперь, когда с прогрессом истории религия поколеблена, он замечает свою пустоту и неустойчивость. Но для него нет иного спасения, он может снова обрести свою человечность, свою сущность не иначе, как преодолев коренным образом все религиозные предствления и решительно, чистосердечно вернувшись не к «богу», а к себе самому.

Все это имеется и у Гёте, «пророка», и у кого глаза открыты, тот может это у него обнаружить. Гёте неохотно имел дело с «богом»; от этого слова ему становилось не по себе; только человеческое было его стихией, и эта человечность, это освобождение искусства от оков религии как раз и составляет величие Гёте. В этом отношении с ним не могут сравниться ни древние, ни Шекспир. Но эту совершенную человечность, это преодоление религиозного дуализма может постигнуть во всем его историческом значении лишь тот, кому не чужда другая сторона немецкого национального развития — философия. То, что Гёте мог высказать лишь непосредственно, т. е. в известном смысле, конечно, «пророчески», получило развитие и обоснование в новейшей немецкой философии. У Карлейля также имеются предпосылки, которые, при достаточной последовательности, должны привести к вышеизложенной точке зрения. Сам пантеизм есть лишь преддверие свободного, человеческого воззрения на мир. История, изображаемая Карлейлем как истинное «откровение», заключает в себе именно только человеческое; ее содержание может быть лишь насильственно отнято у человечества и отнесено на счет какого-то «бога». Труд, свободная деятельность, в которой Карлейль также видит «культ», есть опять-таки чисто человеческое дело; труд может быть поставлен в связь с «богом» тоже лишь насильственным путем. К чему постоянно выдвигать на первый план слово, которое в *лучшем* случае выражает лишь бесконечность неопределенности и к тому же еще поддерживает видимость дуализма, — слово, которое заключает в себе самом признание ничтожности природы и человечества?

Таковы наши выводы относительно внутренней, религиозной стороны карлейлевской точки зрения. К ним непосредственно примыкает наша оценка ее внешней, политико-социальной стороны; Карлейль еще настолько религиозен, что остается в состоянии несвободы; пантеизм все еще признает, что существует

нечто более высокое, чем человек как таковой. Отсюда стремление Карлейля к «истинной аристократии», к «героям», словно эти герои в лучшем случае могли бы быть больше, чем *людьми*. Если бы он постиг человека как человека, во всей его бесконечности, то не пришел бы к мысли снова делить человечество на два скопища — овец и козлищ, правящих и управляемых, аристократов и чернь, господ и простаков; тогда он нашел бы истинное социальное призвание таланта не в том, чтобы насильственно управлять, а в том, чтобы побуждать других и идти впереди них. Талант должен убедить массу в истинности своих идей, и тогда ему больше не придется беспокоиться об их осуществлении, которое совершенно само собой последует за их усвоением. Человечество проходит через демократию, конечно, не затем, чтобы в конце концов снова вернуться к своему исходному пункту. — Впрочем, то, что Карлейль говорит о демократии, почти не оставляет желать большего, за исключением только что отмеченной неясности у Карлейля в вопросе о целях и задачах современной демократии. Демократия является, конечно, лишь переходной ступенью, но не к новой, улучшенной аристократии, а к истинной, человеческой свободе; точно так же иррелигиозность века приведет в конечном счете к полному освобождению от всего религиозного, сверхчеловеческого и сверхъестественного, а не к восстановлению всего этого.

Карлейль понимает неудовлетворительность «конкуренции», «спроса и предложения», «служения маммоне» и т. д. и менее всего склонен признавать абсолютную справедливость земельной собственности. Но почему же он не сделал из всех этих предпосылок простого вывода и не отверг собственности вообще? Каким образом думает он уничтожить «конкуренцию», «спрос и предложение», «служение маммоне» и т. д., раз существует корень всего этого — частная собственность? «Организация труда» тут не поможет; без известного тождества интересов она даже не может быть осуществлена. Почему бы не быть до конца последовательным, не провозгласить тождество интересов единственно достойным человечества состоянием и тем положить конец всем трудностям, всей неопределенности и неясности?

Во всех своих рапсодиях Карлейль ни словом не упоминает об английских социалистах. Пока он остается на своей теперешней, — хотя и бесконечно опередившей взгляды массы образованных англичан, — но все еще абстрактно-теоретической точке зрения, он, разумеется, никогда не сумеет особенно близко подойти к стремлениям социалистов. Английские социалисты — чистые практики, и потому они предлагают и такие мероприя-

тия, как основание колоний внутри страны * и т. д., нечто вроде моррисоновых пилюль; их философия — чисто английская, скептическая, т. е. они потеряли веру в теорию и на практике придерживаются материализма, на котором покоится вся их социальная система. Все это мало говорит сердцу Карлейля; но он так же односторонен, как и те. И социалисты и Карлейль преодолели противоречие лишь в *пределах* противоречия: социалисты — в пределах практики, Карлейль — в пределах теории, но даже и здесь лишь непосредственно, тогда как социалисты произнесли над практическим противоречием свой приговор и путем мышления вышли за пределы этого противоречия. Социалисты остаются еще англичанами именно там, где им следовало бы быть только людьми; из философских учений континента им известен один только материализм, они не знают даже немецкой философии; в этом и состоит их недостаток, и, способствуя устранению национальных различий, они непосредственно работают над преодолением этого недостатка. Нам совсем незачем спешить навязывать им немецкую философию: они придут к ней сами собой, теперь она могла бы принести им мало пользы. Во всяком случае, социалисты представляют собой единственную партию в Англии, имеющую будущее, как бы относительно слабы они ни были. Демократия, чартизм должны вскоре одержать верх, и тогда массе английских рабочих останется один только выбор — между голодной смертью и социализмом.

Для Карлейля и его образа мыслей незнание немецкой философии не так уж безразлично. Сам по себе он является приверженцем немецкой теории, но притом, благодаря своей национальности, все же склоняющимся к эмпирии; он находится в плену вопиющего противоречия, которое он мог бы разрешить, лишь развив немецко-теоретическую точку зрения до ее последних логических выводов, до полного примирения с эмпирией. Чтобы преодолеть то противоречие, в котором он запутался, Карлейлю остается сделать только один шаг, но, как показал весь опыт Германии, это — трудный шаг. Следует пожелать, чтобы он этот шаг сделал. Хотя Карлейль уже не молод, он все же способен, пожалуй, его сделать, ибо прогресс, о котором свидетельствует его последняя книга, доказывает, что его развитие еще продолжается.

Вот почему книга Карлейля неизмеримо больше заслуживает немецкого перевода, чем все легионы английских романов, ежедневно и ежечасно импортируемых в Германию, и мой совет — перевести ее. Но да не прикоснутся к ней руки наших переводчиков-ремесленников! Карлейль пишет своеобразным английским языком, и переводчик, не владеющий основательно англий-

ским языком и не понимающий намеков на английскую жизнь, наделал бы немало самых курьезных ошибок.

После этого несколько общего введения я намерен в ближайших выпусках нашего журнала подробнее остановиться на положении Англии и на главном в нем — положении рабочего класса. Положение Англии имеет огромное значение для истории и для всех других стран, потому что в социальном отношении Англия, несомненно, далеко опередила все прочие страны.

Ф. Энгельс. Положение Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее». Сочинения, т. I, стр. 572—597.

2

ТОМАС КАРЛЕЙЛЬ. «СОВРЕМЕННЫЕ ПАМФЛЕТЫ. № 1.
СОВРЕМЕННАЯ ЭПОХА. № 2. ОБРАЗЦОВЫЕ ТЮРЬМЫ». ЛОНДОН, 1850 ¹

Томас Карлейль — единственный английский писатель, на которого немецкая литература оказала прямое и очень значительное влияние. Хотя бы только из вежливости немец не может пройти без внимания мимо его произведений.

На последнем произведении Гизо * (см. «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue», № 2) мы могли убедиться, что «таланты» буржуазии находятся на ущербе. В лежащих перед нами двух брошюрах Карлейля мы видим падение литературного таланта, столкнувшегося с обострением исторической борьбы, наперекор которой он пытается отстоять свои непризнанные, возникшие по нити, пророческие откровения.

Томасу Карлейлю принадлежит та заслуга, что он выступил в литературе против буржуазии в то время, когда ее представления, вкусы и идеи полностью подчинили себе всю официальную английскую литературу; причем выступления его носили иногда даже революционный характер. Это относится к его истории французской революции, к его апологии Кромвеля, к брошюре о чартизме, к «Прошлому и настоящему». Но во всех этих произведениях критика современности тесно связана с на редкость антиисторическим апофеозом средневековья, встречающимся, впрочем, часто и у английских революционеров, например у Коббета, и у некоторой части чартистов. В то время как в прошлом он восторгается, по крайней мере, классическими эпохами определенной фазы общественного развития, современность приводит его в отчаяние, а будущее страшит. Там, где он признает револю-

¹ «Latter-Day Pamphlets». Edited by Thomas Carlyle. «№ 1: The Present Time. — № 2: Model Prisons». London, 1850. *Ред.*

цию и даже превозносит ее, там она концентрируется для него в одной какой-нибудь личности, в каком-нибудь Кромвеле или Дантоне. Они являются для него предметом того самого культа героев, который он проповедовал в своих «Лекциях о героях и культе героев» как единственное спасение от чреватого безнадежностью настоящего, как новую религию.

Каковы идеи Карлейля, таков и его стиль. Это — прямая, решительная реакция против современно-буржуазного английского стиля ханжи Пекснифа, чья напыщенность и вместе с тем дряблость, осмотнительное многословие и нравоучительно-сентиментальная, безысходная скука перешли от первоначальных творцов этого стиля, образованных лондонцев, на всю английскую литературу. В противоположность этой литературе Карлейль стал обращаться с английским языком, как с совершенно сырым материалом, который ему необходимо было коренным образом переплавить. Он вновь разыскал устарелые обороты и слова и сочинил новые выражения по немецкому образцу, в частности по образцу Жан Поля. Новый стиль был зачастую высокопарен и безвкусен, но нередко блестящ и всегда оригинален. И в этом отношении «Современные памфлеты» обнаруживают значительный регресс.

Впрочем, характерно, что из всех представителей немецкой литературы наибольшее влияние на Карлейля оказал не Гегель, а аптекарь от литературы Жан Поль.

Культ гения, который Карлейль разделяет со Штраусом, в рассматриваемых брошюрах покинут гением. Остался один культ.

«Современная эпоха» начинается с заявления, что современность есть дочь прошлого и мать будущего, но, во всяком случае, — *новая эра*.

Первое явление этой новой эры — *папа-реформатор*. Пий IX, держа евангелие в руках, желал с высоты Ватикана возвестить христианскому миру «закон правды».

«Более чем триста лет тому назад трон св. Петра получил безапелляционное судебное решение, аутентичный приказ, который зарегистрирован в небесной канцелярии и который можно с тех пор прочесть в сердцах всех честных людей, — приказ убраться, исчезнуть и не морочить нам голову собой, своими иллюзиями и безбожным бредом; и с тех пор он продолжает существовать на свой собственный риск и должен будет заплатить полной мерой за каждый день этого своего существования. Закон правды? Но чтобы действовать в согласии с этим законом правды, папство должно было отказаться от своей гнилой гальванизированной жизни, являвшейся оскорблением бога и людей, скромно умереть и дать похоронить себя. То, что предпринял бедный папа, было далеко от этого, хотя в целом по существу это было тем же... Папа-реформатор? Тюрго и Неккер — ничто по сравнению с этим. Бог велик, и когда соблазну должен прийти конец, он для этого дела призывает верующего человека, который берется за работу с надеждой, а не с отчаянием».

Своими манифестами о реформе папа возбудил вопросы,

«чреватые вихрями, мировыми пожарами, землетрясениями... вопросы, которые все государственные деятели желали, и большей частью надеялись отложить до дня страшного суда. Но день страшного суда уже настал, вот в чем заключается грозная истина».

Закон правды был провозглашен. Сицилийцы

«оказались первым народом, который решил применить на практике это новое санкционированное святым отцом правило: согласно закону правды мы не принадлежим Неаполю и этим неаполитанским чиновникам. Милость неба и папы мы желаем освободиться от них».

Этим объясняется сицилийская революция.

Французский народ, который считает самого себя «своего рода народом-мессией», «избранным воинном свободы», боялся, как бы жалкие, презренные сицилийцы не отняли у него этот промысел (trade). Отсюда февральская революция.

«Во всей Европе, точно под влиянием симпатического подземного электричества, произошел грандиозный, не поддающийся никакому контролю взрыв, и мы увидели 1848 год, один из самых странных, злополучных, паразитических и в целом унижительных годов, которые когда-либо переживал европейский мир... Повсюду короли и люди, стоящие у кормила правлений, словно оцепенели от внезапного страха, когда в их ушах загредел голос целого мира: Убирайтесь, вы, тупицы, лицемеры, шуты, а не герои! Долой, долой! И что поразительнее всего, и что случилось впервые в этом году — все короли поторопились уйти, как будто восклицая: Да, мы действительно бедные шуты; вам нужны герои? Не убивайте нас, что можем мы сделать? — Никто из них не обернулся и не настоял на своей королевской власти как на праве, за которое он мог бы умереть или рискнуть своей шкурой. В этом, повторяю я, тревожная особенность современности. Демократия при этих новых условиях обнаруживает у всех королей *сознание* того, что они попросту комедианты. Они стремительно пустились в бегство — некоторые из них, так сказать, с отменным позором — из страха перед тюрьмой или чем-либо худшим. И народ, или чернь, повсюду ввел свое собственное правление, и везде теперь в порядке дня открытое бесцарствие (kinglessness) — то, что мы называем *анархией*, хорошо еще, если анархия плюс полицейский. Таковы исторические события, развернувшиеся в мартовские дни 1848 г. от Балтийского моря до Средиземного, в Италии, Франции, Пруссии, Австрии, от одного конца Европы до другого. И, таким образом, не осталось ни одного короля в Европе, ни одного короля, если не считать публичного «*haugueur*»¹, ораторствующего с высоты пивной бочки и в передовых статьях или заседающего вместе с ему подобными в национальном парламенте. И почти в течение четырех месяцев вся Франция, и в известной мере вся Европа, как бы подстегиваемая своего рода горячкой, представляла собой волнующееся море черни во главе с г-ном Ламартином в парижской ратуше. Печальное зрелище для мыслящих людей представлял собой, пока он был в силе, этот бедный г-н Ламартин, в котором не было ничего, кроме мелодического ветра, изнеженности и слюнтяйства. Действительно, прискорбное зрелище: самое красноречивое, последнее воплощение реабилитированного «хаоса»,

¹ — «оратора». *Ред.*

способное говорить за себя и с убеждением доказывать при помощи гладких фраз, будто оно «космос»! Но в подобных случаях вам остается уже недолго ждать: под давлением обстоятельств все воздушные шары должны выпустить наполняющий их газ и тотчас же съжигаться весьма отвратительным образом».

Кто же раздувал пламя этой всеобщей революции, для которой, разумеется, уже имелся в наличии материал?

«Студенты, молодые литераторы, адвокаты, газетчики, пылкие, неопытные энтузиасты и дикие, по заслугам обанкротившиеся *des perados*¹. Никогда еще до сих пор молодые люди, почти дети, не командовали в такой степени человеческими судьбами. Изменились времена с тех пор, как впервые были созданы слова *senior, seigneur* или «старший» для обозначения господина или начальника, как мы это наблюдаем в языках всех народов!.. Если вы приглядитесь, то увидите, что старика перестали уважать и начали презирать, как будто он все еще глупый юнец, но юнец без грации, благородства и буйной энергии юного существа. Это дикое положение вещей в скором времени, разумеется, разрешится само собой, как это уже можно наблюдать повсюду; обычные потребности повседневной жизни не могут ужиться с ним и их надо будет удовлетворить, чего бы это ни стоило. Вероятно, в большинстве стран скоро последует какая-либо починка старой машины, которой придадут новую форму и новую окраску; старых театральных королей снова допустят к власти на известных условиях — признания конституции и национальных парламентов и тому подобных модных аксессуаров, и всюду старая повседневная жизнь будет стремиться начаться снова по-старому. Но на этот раз нет надежды, что подобные компромиссы окажутся длительными. Бросаемое таким пагубным образом из стороны в сторону европейское общество должно будет, пошатываясь, идти вперед, двигаясь как бы под влиянием бурных бездонных водоворотов и сталкивающихся между собой морских течений, лишенное прочного фундамента, то беспомощно спотыкаясь, то снова с трудом поднимаясь на все более короткие промежутки времени, пока, наконец, не покажется на свет новое *скалистое основание* и не исчезнет опять бурно волнующийся поток бунта и необходимости бунта».

Такова история, которая и в этой форме мало утешительна для старого мира. Затем следует ее мораль:

«Что бы мы ни думали о *всеобщей демократии*, она неизбежный факт нашего времени». Что такое демократия? Должна же она иметь определенное значение, иначе она бы не существовала. Поэтому все дело сводится к тому, чтобы определить истинное значение демократии. Если это удастся нам, мы сможем-де справиться с ней; в противном случае мы пропали. Февральская революция была «всеобщим банкротством обмана; таково ее краткое определение». В новое время царили *призраки* и призрачные образы — «*shams*», «*delusions*», «*phantasms*», потерявшие значение названия, вместо реальных отношений и вещей, одним словом, ложь вместо истины. Задача реформы — индивидуальный и социальный разрыв с этими иллюзорными образами и призра-

¹ — отчаянные, находящиеся в конфликте с правосудием люди. *Ред.*

ками; нельзя отрицать того, что необходимо покончить со всяким притворством (*sham*), со всяким обманом.

«Конечно, иным это может показаться странным; и иному солидному англичанину из так называемых образованных классов, который с удовольствием здорового человека переваривает свой пудинг, это может показаться чрезвычайно странным, каким-то нелепым невежественным представлением, совершенно чудаческим и чреватым гибелью. На протяжении всей его жизни для него были привычными формы приличия, которые давно уже потеряли свое значение, дозволенные формы поведения, празднества, принявшие характер пустых церемоний, — то, что вы в своем иконоборческом юморе называете *shams*; он никогда не слышал, чтобы в них было что-нибудь нехорошее, чтобы возможен был какой-либо успех без них. Разве хлопчатобумажная пряжа не изготовлялась сама собой, разве скот не откармливался сам, разве колониальные товары и бакалея не прибывали с востока и с запада, и разве все это преспокойно не уживалось с *shams*?»

Совершит ли демократия эту необходимую реформу, это освобождение от *shams*?

«Совершит ли демократия, когда она будет организована при помощи всеобщего избирательного права, этот целительный всеобщий переход от иллюзии к действительности, от лжи к истине и создаст ли она мало-помалу благословенный мир?»

Карлейль отрицает это. Он вообще видит в демократии и всеобщем избирательном праве только эпидемию, охватившую все народы под влиянием английского суеверного представления о непогрешимости парламентского правления. Управлять государством на основе всеобщего избирательного права значит-де уподобиться матросам того корабля, который сбился с курса, огибая мыс Горн: вместо того чтобы наблюдать за ветром и погодой и пользоваться секстантами, они поставили на голосование выбор направления и объявили непогрешимым решение большинства. Как для каждого отдельного индивида, так и для общества дело сводится только к тому, чтобы открыть истинные регуляторы вселенной, вечные законы природы в связи с данной в каждый момент задачей и действовать в соответствии с ними. Мы последуем за тем, кто откроет нам эти вечные законы, «будь то русский царь или чартистский парламент, архиепископ кентерберийский или далай-лама». Но как же нам открыть эти вечные предначертания бога? Во всяком случае, всеобщее избирательное право, дающее в руки каждому избирательный бюллетень и подсчитывающее число голов, является худшим путем к этому. Вселенной весьма свойственна исключительность, и она всегда открывала свои тайны только немногим избранным, только ничтожному меньшинству благородных и мудрых. Поэтому никогда ни один народ не мог существовать на основе демократии.

Может быть, назовут Грецию и Рим? Но каждый знает теперь, что они вовсе не были демократиями, что основой этих государств было рабство. Что же касается различных французских республик, то о них совершенно излишне говорить. А образцовая североамериканская республика? Об американцах до сих пор нельзя даже сказать, что они составляют нацию, государство. Американское население живет *без* правительства; правят здесь анархия плюс полицейский. Это состояние вещей возможно лишь благодаря колоссальным пространствам невозделанной еще земли и благодаря принесенному из Англии уважению к дубинке полицейского. Вместе с ростом населения прекратится и это.

«Выдвинула ли Америка хоть одну великую человеческую душу, хоть одну великую мысль, хоть одно великое благородное дело, которому можно было бы поклоняться или которым можно было бы чистосердечно восхищаться?»

Она только удваивала каждые двадцать лет свое население — *voilà tout*¹.

Таким образом, и по эту и по ту сторону Атлантического океана демократия оказывается навсегда невозможной. Сама вселенная есть монархия и иерархия. Государство, в котором вечный, божественный долг руководства и контроля над невежественными не предоставлен *благороднейшему* и его избранной свите из *благородных*, не является царством божим, не соответствует вечным законам природы.

Теперь мы узнаем также и секрет, происхождение и необходимость современной демократии. Он заключается просто в том, что лжеблагородный (*sham-noble*) возвышается и освящается благодаря традиции или вновь изобретенным иллюзиям.

Но кто же должен открыть настоящий бриллиант со всей его оправой более мелких человеческих драгоценностей и жемчужин? Разумеется, не всеобщее избирательное право, ибо только благородный может отыскать благородного. И вот Карлейль заявляет, что в Англии имеется еще известное количество таких благородных и «королей» и на стр. 38 призывает их явиться к нему.

Мы видим, что «благородный» Карлейль исходит из совершенного пантеистического воззрения. Весь исторический процесс обуславливается не развитием самих масс живых людей, которые, разумеется, зависят от определенных, но тоже, в свою очередь, исторически создающихся и изменяющихся предпосылок; он обуславливается вечным, на все времена неизменным законом

¹ — вот и все. *Ред.*

природы, от которого он сегодня отдаляется, к которому завтра снова приближается и от правильного познания которого все зависит. Это правильное познание вечного закона природы есть вечная истина, все остальное — ложь. При таком воззрении все реальные классовые противоречия, столь различные в различные эпохи, сводятся к одному великому и вечному противоречию между теми, которые познали вечный закон природы и поступают согласно ему — мудрыми и благородными, и теми, которые его ложно понимают, искажают и поступают наперекор ему — глупцами и мошенниками. Исторически создавшиеся классовые различия сводятся, таким образом, к естественным различиям, которые приходится признать за часть вечного закона природы и которые должно почитать, склонившись перед благородными и мудрыми от природы: одним словом — культ гения. Все понимание исторического процесса развития упрощается, таким образом, до плоской банальной мудрости иллюминатов и франкмасонов прошлого столетия, до простой морали из «Волшебной флейты» и до бесконечно опошленного и выродившегося сенсимонизма. Вместе с этим встает, разумеется, и старый вопрос: кто же, собственно, должен управлять? Вопрос этот подробнейшим образом обсуждается с напыщенной легковесностью, и в конце концов дается ответ, что управлять должны благородные, мудрые и знающие. А отсюда совершенно естественно вытекает тот вывод, что следует управлять много, очень много, что никогда нельзя управлять слишком много, так как ведь управление есть постоянное раскрытие и выявление перед массой значения закона природы. Но как же обнаружить благородных и мудрых? Не сверхъестественное чудо на них укажет; их надо искать. И здесь снова выступают на сцену исторические классовые различия, превращенные в чисто естественные различия. Благородный благороден, потому что он мудр, всезнающ. Его, следовательно, надо искать среди классов, которые пользуются монополией образования — среди привилегированных классов; и эти же самые классы найдут его в своей среде и будут выносить решение по поводу его притязаний на ранг благородного и мудрого. Благодаря этому привилегированные классы становятся сейчас же, если не прямо благородными и мудрыми, то все же «членораздельно» говорящими классами; угнетенные классы остаются, разумеется, «немыми, говорящими нечленораздельно», и таким образом заново санкционируется классовое господство. Все выспренное, шумное негодование превращается в несколько завуалированное признание существующего классового господства, лишь в недовольное брюзжание и ворчание по поводу того, что буржуа

не предоставляют своим непризнанным гениям места во главе общества и из очень практических соображений игнорируют фантазерскую болтовню этих господ. Впрочем, как и здесь высокопарные словоизлияния превращаются в свою прямую противоположность, как на практике благородный, знающий и мудрый становится пошлым, невежественным и глупым — ярче всего доказывает сам Карлейль.

Так как у него все вертится вокруг вопроса о сильном правительстве, то он ополчается с величайшим негодованием против криков об освобождении и эмансипации:

«Будем же все свободными друг от друга — свободными, без каких бы то ни было связей или уз, за исключением чистогана; надлежащая плата за надлежащую работу, установленная путем добровольного договора и согласно закону спроса и предложения, — это, как воображают, есть истинное разрешение всех трудностей и несправедливостей, имеющих место между людьми. Разве для исправления взаимоотношений между двумя лицами нет иного метода, кроме окончательного прекращения этих отношений?»

Это окончательное уничтожение всех связей, всех отношений между людьми достигает, разумеется, своего кульминационного пункта в *анархии*, в законе беззаконности, в состоянии, в котором окончательно разорвана связь связей, — правительство. И к этому состоянию стремятся как в Англии, так и на материке и даже в «солидной Германии».

Так Карлейль продолжает бушевать на протяжении целого ряда страниц, смешивая самым странным образом в одну кучу красную республику, *fraternité*¹, Луи Блана и прочее с *free trade*², отменой хлебных пошлин и т. д. Таким образом, Карлейль смешивает и отождествляет уничтожение традиционно еще сохранившихся остатков феодализма, сведение государства к строго необходимому и наиболее дешевому, полное осуществление буржуазией свободной конкуренции с устранением именно этих буржуазных отношений, с уничтожением противоположности между капиталом и наемным трудом, с ниспровержением буржуазии пролетариатом. Замечательное возвращение к «ночи абсолюта», когда все кошки серы! Вот оно, это глубокое знание «знающего», который не знает даже азбуки того, что происходит вокруг него! Вот она, эта удивительная проницательность, которая рассчитывает, что с уничтожением феодализма, или со свободной конкуренцией будут прекращены всякие отношения между людьми! Вот оно, проницательное проникновение в «веч-

¹ — братство. *Ред.*

² — свободой торговли. *Ред.*

ный закон природы», самым серьезным образом воображающее, что если родители перестанут ходить в мерю, чтобы «соединиться» между собой узами брака, то не будет больше и детей!

После этого назидательного примера мудрости, сводящейся к чистейшему невежеству, Карлейль представляет нам еще доказательство того, как высоко парящее благородство превращается немедленно в неприкрытую низость*, лишь только оно спускается с небес своих сентенций и фраз в мир реальных отношений.

«Во всех европейских странах, в особенности в Англии, уже в какой-то степени образовался класс капитанов и командиров над людьми, который можно признать зачатком новой, реальной, а не воображаемой аристократии — это капитаны промышленности, по счастью, тот класс, который больше чем какой-либо нужен в наше время. А с другой стороны, конечно нет недостатка в людях, которые нуждаются в том, чтобы ими командовали: это тот жалкий класс людей, которых мы описали как эмансипированных клещ — батраков¹, которые доведены до бродяжничества и до голодного существования; класс этот образовался также и во всех других странах и продолжает развиваться в зловещей геометрической прогрессии, с ужасающей быстротой. Исходя из этого, можно безошибочно утверждать, что организация труда является всеобщей жизненной задачей мира».

После того как Карлейль на первых сорока страницах вновь и вновь и в самых бурных выражениях изливал весь свой добродетельный гнев против эгоизма, свободной конкуренции, уничтожения феодальных уз между людьми, спроса и предложения, *laissez faire*, производства хлопчатобумажной пряжи, чистогана и т. д., мы теперь вдруг узнаем, что главные представители всех этих *shams*, промышленные буржуа, не только принадлежат к числу чествуемых героев и гениев, но составляют даже особенно необходимую их часть, что за всеми нападками Карлейля на буржуазные отношения и идеи скрывается апофеоз буржуа как личности. Станным кажется, однако, что Карлейль, найдя командиров и солдат армии труда, т. е. найдя определенную организацию труда, все еще считает организацию труда большой проблемой, требующей своего разрешения. Но не следует обманываться на этот счет! Дело идет не об организации зачисленных уже в эту армию, а об организации не зачисленных еще рабочих, рабочих, не имеющих командиров, и задачу организации этих рабочих Карлейль оставляет за собой. Мы видим в конце его брошюры, как он внезапно выступает в роли британского премьер-министра *in partibus**, созывает три миллиона ирландских и иных нищих,

¹ В оригинале «*hodge*» — презрительная кличка батраков и вообще крестьян. *Ред.*

способных к работе оседлых или кочующих голяков, устраивает общее национальное собрание британских пауперов, обретающихся вне работных домов и внутри их, и произносит перед ними «ораторскую» речь, в которой он сначала повторяет этим голякам все, что он сообщил уже раньше читателю, а затем обращается к этому избранному обществу со следующими словами:

«Вы, бродяжничающие голяки и бездельники, некоторые из вас глупцы, многие из вас преступники, все несчастные! Ваш вид вызывает у меня чувство глубокого изумления и отчаяния. Вас здесь собралось три миллиона. Многие из вас скатились в пропасть прямого нищенства, и, страшно сказать, каждый падающий в нее увеличивает своим весом тяжесть цепи, которая тянет других. У края этой пропасти виснут несчетные миллионы, к которым прибавляется, как мне сказали, ежедневно тысяча двести человек, и они падают, падают один за другим, а цепь становится все тяжелее — и кто в конце концов сумеет устоять на ногах? Как же быть с вами?.. Другие, которые еще на ногах, борются со своей собственной нуждой — это я могу вам сказать; но вы недостатком энергии и избытком аппетита, ничтожеством сделанной работы и непомерно выпитым пивом доказали, что вы неспособны на это. Знайте, что кем бы ни были сыны свободы, вы во всяком случае не относитесь к ним и не можете ими быть; вы — не свободные, а буквально узники... Вы по своей природе рабы или, если это вам больше нравится, кочующие бродячие слуги, не умеющие найти себе хозяина... Вы можете отныне вступить со мной в сношения, но не как славные и несчастные сыны свободы, а как узники в подлинном смысле слова, как несчастные падшие братья, которые требуют, чтобы я командовал ими, а если необходимо, и контролировал и подчинял их себе... Перед небом, и змлей, и богом, творцом всех нас, я заявляю, что горестно видеть, как *такое* ваше существование поддерживается ценой пота и крови ваших братьев, и что если мы этого не можем изменить, то лучше предпочесть смерть... Запишитесь в мои ирландские, в мои шотландские, в мои английские полки *новой эры*, вы, бедные, бродячие бандиты, повинуйтесь, трудитесь, терпите, поститесь, как все мы должны были это делать... Вам нужны командиры промышленности, фабричные мастера, надсмотрщики, господа над вашей жизнью и смертью, справедливые, как Радаман, и столь же непреклонные, как он, и они найдутся для вас, лишь только вы окажетесь в рамках военного устава... Я скажу тогда каждому из вас: вот работа для вас; примитесь бодро за нее с солдатским мужественным послушанием и твердостью духа и подчинитесь методам, которые я диктую здесь, — и тогда вам будет легко получить плату... Если вы начнете упираться, если вы испугаетесь тяжелого труда, если вы не станете подчиняться предписаниям, то я попытаюсь уговорить вас, убедить вас; если это окажется тщетным, то я буду стегать вас плетью; если и это не поможет, то я, наконец, расстреляю вас».

Таким образом, «*новая эра*», в которой господствует гений, отличается от старой эры главным образом тем, что плеть воображает себя гениальной. Гений-Карлейль отличается от любого тюремного цербера или надсмотрщика над бедными лишь добродетельным негодованием и моральным сознанием, что он обдирает пауперов только для того, чтобы поднять их до *своей* высоты. Мы видим здесь, как высокопарный гений в своем испугающем

мир гнев фантастическим образом оправдывает и даже усугубляет все гнусности буржуа. Если английская буржуазия уподобила пауперов преступникам, чтобы отпугнуть от пауперизма, если она создала закон о бедных 1833 г., то Карлейль обвиняет пауперов в *государственной измене* на том основании, что пауперизм порождает пауперизм. Подобно тому как раньше у него исторически возникший господствующий класс, промышленная буржуазия, был приобщен к гениальности в силу одного того, что господствовал, так теперь у него всякий угнетенный класс, чем сильнее его угнетение, тем более чужд гениальности, тем более становится жертвой ярости нашего непризнанного реформатора. Так именно обстоит здесь с пауперами. Но его нравственно-благородный гнев достигает своего апогея тогда, когда речь идет об абсолютно низких и негодных людях, о «мерзавцах», т. е. о *преступниках*. О них он говорит в брошюре об образцовых тюрьмах.

Эта брошюра отличается от первой еще более свирепой яростью, которая тем меньше стоит автору, что она направлена против официально изгнанных из теперешнего общества лиц, против находящихся под замком людей, яростью, которая сбросила последние остатки стыдливости, еще проявляемой из приличия обыкновенными буржуа. Подобно тому, как Карлейль в первом памфлете устанавливает полную иерархию благородных и разыскивает благороднейшего из благородных, так здесь он создает столь же полную иерархию мерзавцев и негодяев и старается раздобыть *худшего из худших, величайшего мерзавца* Англии, чтобы иметь удовольствие повесить его. Но допустим, что он его поймает и повесит; в таком случае какой-то другой человек, являющийся теперь наихудшим, должен быть опять-таки повешен, а за ним снова другой, пока, в порядке очереди, дело дойдет, наконец, до благородных, а затем до более благородных, а под конец останется только Карлейль, самый благородный, который, в качестве преследователя мерзавцев, оказывается в то же время убийцей благородных и который убил также в мерзавцах благородное; останется этот благороднейший из благородных, который внезапно превратится в самого низкого из мерзавцев и в качестве такового должен будет *повесить сам себя*. Этим были бы разрешены все вопросы о правительстве, государстве, организации труда, иерархии благородных и был бы, наконец, осуществлен вечный закон природы.

3

Кругосветное пароходство будет через шесть месяцев в полном ходу, и наши пророчества о первенстве Тихого океана осуществляются еще быстрее, чем мы могли этого ожидать. При этой okazji англичане вылетят в трубу, а Соединенные Штаты сосланных убийц, взломщиков, насильников и карманных воришек представят всему свету поразительный пример того, какие чудеса может натворить государство явных негодяев. They will beat California hollow¹. В то время как в Калифорнии все же еще линчуют негодяев, в Австралии будут линчевать honnêtes gens², и Карлейль увидит в полном блеске свою «aristocracy of rogues»^{3*}.

Ф. Энгельс — К. Марксу 23 сентября [1851] г.
Сочинения, т. XXI, стр. 273.

4

Целая неделя ушла на правительственное расследование жестокостей, творящихся в Бирмингамской тюрьме, — жестокостей, которые довели нескольких заключенных до самоубийства, а других — до попыток покончить с собой. Поражаясь раскрытыми зверствами, которые не уступят жестокости в каком-нибудь австрийском или неаполитанском carcere duro (застенке), мы изумляемся в то же время и снисходительному доверию посетивших тюрьму властей к объяснениям, представленным им заинтересованной стороной, и их крайне бессердечному отношению к жертвам злодеяний. Их заботливость о варварском тюремщике дошла до того, что они регулярно предупреждали его о своем предстоящем посещении. Главный виновник злодейств, лейтенант Остин, принадлежит к числу тех, кого Карлейль назвал в своих «Model prisons» истинными начальниками бедняков и преступников.

К. Маркс и Ф. Энгельс,
Политическое положение. Английский банк. Нехватка хлеба в Европе.
Сочинения, т. IX, стр. 201.

5

Вот каковы, следовательно, последствия прославленной системы неограниченной конкуренции, вот каково осуществление тысячелетнего царства, обещанного Кобденами, Брайтами и К^o!

¹ — Они основательно побьют Калифорнию. *Ред.*

² — порядочных людей. *Ред.*

³ — «аристократию мошенников». *Ред.*

Вот какова участь рабочих, когда они, как это было в течение последних двадцати пяти лет, предоставляют руководство экономической политикой империи своим «естественным вождям», тем «капитанам промышленности», которые, по Томасу Карлейлю, призваны управлять промышленной армией страны. Действительно, капитаны промышленности! По сравнению с ними генералы Луи-Наполеона в 1870 г. были гениальными людьми. Все эти мнимые капитаны промышленности борются один против другого, действуют исключительно в своих личных интересах, расширяют свое оборудование независимо от того, что делают их соседи, а затем, в конце концов, к великому своему изумлению, все они находят, что в результате получилось перепроизводство. Они не могут объединиться для регулирования производства; они могут объединиться лишь с одной целью: *снизить заработную плату своим рабочим*. Безрассудно расширяя, таким образом, производительную силу страны далеко за пределы того, что в состоянии поглотить рынки, они лишают своих рабочих того сравнительного довольства, которое дал бы им период умеренного процветания и на которое рабочие имеют право после долгого периода упадка, чтобы довести свои доходы до среднего уровня. Разве все еще не понятно, что фабриканты как класс более уже неспособны руководить великими экономическими интересами страны; более того, неспособны даже руководить самим процессом производства? И разве это не нелепо, — хотя это факт, — что величайшим врагом английских рабочих оказывается все возрастающая производительность их собственных рук?

Ф. Энгельс. Хлопок и железо.
Сочинения, т. XV, стр. 589—590.

БЕРАНЖЕ

В февральской Франции 1848 г. мы приветствуем пример для других народов, а не ее могущество. Отныне Франция не может ожидать другого почта.

Мы уже видим великую нацию, судьбами которой вы в настоящее время управляете, облеченные единственной властью всеобщего доверия; мы видим, граждане, как она заключает союз даже с теми народами, которых она долго считала своими соперниками, союз, который удалось поколебать только гнусной политике нескольких лиц. Англия, Германия опять протягивают руку вашей великой стране. Испания, Италия, Швейцария, Бельгия или опять поднимутся или, — свободные под вашей эгидой —

успокоятся. Польша воскреснет, подобно Лазарю, от троекратного призыва.

Невозможно, чтобы даже Россия не присоединила, наконец, и своего голоса, который пока еще слишком мало известен западным и южным народам. Вам, французы, вам принадлежит честь и слава в том, что вы положили главные основы того союза народов, который так пророчески воспел ваш бессмертный Беранже*.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Адрес Демократической ассоциации.
Сочинения, т. V, стр. 577—578.

АЛЕКСАНДР ДЮМА

Что касается его [Луи Блана] исторических работ, то он делает их, как Александр Дюма свои фельетоны. Он всегда изучает материал только для следующей главы. Таким образом появляются книги вроде «Histoire de dix ans»¹. С одной стороны, это придает его изложению известную свежесть, ибо то, что он сообщает, для него так же ново, как и для читателя, а с другой стороны, в целом это слабо.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 23 февраля 1851 г.
Сочинения, т. XXI, стр. 155.

ЛАМАРТИН

1

Ламартин во временном правительстве* не был собственно выразителем какого-либо реального интереса, какого-либо определенного класса; он был олицетворением самой февральской революции, всеобщего восстания с его иллюзиями, с его поэзией, с его воображаемым содержанием и с его фразами. Впрочем, по своему положению и своим взглядам этот представитель февральской революции принадлежал к *буржуазии*.

Если Париж благодаря политической централизации господствует над Францией, то рабочие в моменты революционных потрясений господствуют над Парижем. Первым шагом временного правительства была попытка избавиться от этого подавляющего влияния путем апелляции от опьяненного победой Парижа к трезвой Франции. Ламартин оспаривал у бойцов баррикад право

¹ — «История десяти лет». *Ред.*

провозгласить республику. Это, говорил он, может сделать лишь большинство французской нации, надо выждать ее голосования, парижский пролетариат не должен запятнать свою победу узурпацией. Буржуазия разрешает пролетариату только *одну* узурпацию — узурпацию борьбы.

К. Маркс. Классовая борьба во Франции.
Сочинения, т. 7, стр. 13.

2

Все роялисты превратились тогда в республиканцев, все парижские миллионеры — в рабочих. Фразой, соответствовавшей этому воображаемому уничтожению классовых отношений, было *fraternité* — всеобщее братание и братство. Это идиллическое отвлечение от классовых противоречий, это сентиментальное примирение противоположных классовых интересов, это мечтательное стремление возвыситься над классовой борьбой, одним словом, *fraternité* — вот что было истинным лозунгом февральской революции. Лишь простое *недоразумение* раскололо общество на классы, и 24 февраля Ламартин окрестил временное правительство «*un gouvernement qui suspende ce malentendu terrible qui existe entre les différentes classes*»¹. Парижский пролетариат упивался этим великодушным порывом всеобщего братства.

К. Маркс. Классовая борьба во Франции.
Сочинения, т. 7, стр. 18.

3

«Последний официальный остаток февральской революции — Исполнительная комиссия* — рассеялся, как призрак, перед лицом суровых событий; фейерверк Ламартина превратился в зажигательные ракеты Кавеньяка. Вот оно — *fraternité*, братство противостоящих друг другу классов, из которых один эксплуатирует другой, это *fraternité*, возвещенное в феврале, огромными буквами начертанное на фронтонах Парижа, на каждой тюрьме, на каждой казарме. Его истинным, неподдельным, его прозаическим выражением является *гражданская война*, гражданская война в своем самом страшном облики — война труда и капитала. Это братство пылало перед всеми окнами Парижа вечером 25 июня, когда Париж буржуазии устроил иллюмина-

¹ — «правительством, которое должно уладить страшное недоразумение, существующее между различными классами». Ред.

цию, в то время как Париж пролетариата сгорал в огне, истекал кровью, оглашался столами. Братство продолжалось только до тех пор, пока интересы буржуазии смыкались с интересами пролетариата.

К. Маркс. Классовая борьба
во Франции.
Сочинения, т. 7, стр. 29.

4

МАНИФЕСТ Г-НА ЛАМАРТИНА

На столбцах вашей газеты * было недавно опубликовано это любопытное произведение искусства. Оно делится на две четко разграниченные части: *политические* мероприятия и *социальные* мероприятия. Что касается *политических* мероприятий, то они все до одного заимствованы, почти без изменений, из конституции 1791 г.; иными словами, они представляют собой возврат к требованиям буржуазии в начале революции. В те годы вся буржуазия, включая даже мелких предпринимателей, была наделена политической властью, в то время как сейчас доступ к власти предоставлен лишь крупным капиталистам. В чем же в таком случае заключается смысл политических мероприятий, предлагаемых г-ном Ламартином? В том, чтобы отдать управление в руки низших слоев буржуазии, но под видом предоставления его всему народу (в этом и только в этом состоит смысл его требования всеобщего избирательного права при двухстепенной системе выборов). А его *социальные* мероприятия? Либо это такие меры, которые предполагают, что политическая власть уже перешла к народу в результате успешной революции, например, бесплатное всеобщее обучение; либо это меры чистой благотворительности, т. е. меры, призванные ослабить революционную энергию пролетариев; либо это просто громкие фразы, лишённые всякого практического смысла, вроде упразднения нищенства чрезвычайным законом, ликвидации общественных бедствий законодательным путем, учреждения министерства народной жизни и т. п. Эти мероприятия, поэтому, либо совершенно бесполезны для народа, либо рассчитаны на удовлетворение его нужд лишь настолько, чтобы в известной мере обеспечить общественное спокойствие, либо это только пустые обещания, которые никто не может выполнить, — и в этих двух последних случаях они не только бесполезны, но и вредны. Короче говоря, г-н Ламартин как с социальной, так и с политической стороны показал себя верным представителем мелких предпринимателей, низших слоев буржуазии, и как таковой он разделяет свойственную этому классу

иллюзию, будто бы он представляет трудящихся. В конце манифеста он оказывается настолько глупым, что обращается к правительству с требованием поддержать его мероприятия. Но ведь именно нынешнее правительство крупных капиталистов пойдет на что угодно, только не на это. Поэтому «Réforme» совершенно права, когда она, хотя и весьма доброжелательно, отдавая дань его благим намерениям, оспаривает пригодность как самих его мероприятий, так и способа, избранного им для проведения их в жизнь.

«Это, разумеется, — пишет «Réforme», — благородные слова, свидетельствующие о большом сердце, о душевном сочувствии правому делу. Под покровом этих слов явственно бьется пульс братских чувств, и на наших поэтов и философов они окажут такое же воодушевляющее действие, какое в Греции времен Перикла оказывали изречения Платона. Но мы сейчас очень далеки от Перикла, мы живем во времена, когда царствуют гг. Ротшильд, Фюльширон и Дюшатель, иначе говоря, троица, олицетворяющая собой деньги, животный страх и полицию; нами управляют прибыль, привилегии и муниципальная гвардия. Неужели же г-н Ламартин надеется, что в ответ на его призыв к установлению суверенитета нации и социального братства эта лига тесно сплоченных интересов, этот зондербунд¹ червонцев, рангов и монополий сдастся и сложит оружие? Ведь в сфере зла, как и в сфере добра, все в нашем мире связано между собой, одно поддерживает другое, ничто не существует изолированно; и вот почему даже самые возвышенные программы депутата от Макона² будут уноситься, как благоуханный летний зефир, замирать, как пустой звук трубы, пока они будут отмечены родным пятном всякой монополии — феодальным нарушением права и равенства. И эта лига привилегированных классов особенно тесно сплочена именно сейчас, когда правительственная система находится во власти судорожного страха.

Что же до предлагаемых им институтов, то официальные круги страны и их главари называют такие вещи философскими леденцами: гг. Дюшатель и Гизо посмеются над ними, и если депутат от Макона не поищет где-нибудь оружия и солдат для защиты своих идей, он до конца жизни будет говорить красивые слова и не продвинется вперед ни на шаг! Если же он обращается не к правительству, а к миллиону, мы скажем ему, что он идет по неправильному пути и никогда не завоюет на сторону своей системы — системы многостепенных выборов, налога в пользу бедных и благотворительности — ни революции, ни мыслящих людей, ни народа. Ведь принципы социального и политического возрождения были найдены еще пятьдесят лет тому назад. Всеобщее избирательное право, прямые выборы, жалование народным представителям — вот основные условия политического суверенитета. Равенство, свобода, братство — вот принципы, которые должны бы управлять всеми общественными институтами. А вот налог в пользу бедных основан далеко не на братстве и в то же время он является оскорбительным, хотя и весьма беспомощным, отрицанием равенства. Нам нужна не английская буржуазная практичность, а совершенно новая социально-экономическая система, которая осуществила бы права и удовлетворила бы нужды всех граждан».

¹ — особый союз (намек на швейцарский Зондербунд — реакционный союз семи католических кантонов). *Ред.*

² — Ламартина. *Ред.*

Несколько дней спустя был опубликован второй манифест г-на Ламартина, о внешней политике Франции. В нем он утверждает, что система умиротворения, которой французское правительство придерживалось с 1830 г., является единственно правильным образом действий. Он прикрывает пышными фразами гнусное поведение французского правительства, которое сначала подстрекало Италию и другие страны к восстанию, а потом бросило их на произвол судьбы. Приводим убедительный ответ «Réfutation» на этот медоточивый манифест:

«Законное и единственное средство нашего освобождения — священную войну во имя принципов — г-н Ламартин приносит в жертву теории умиротворения, которая будет оставаться простым проявлением слабости, ложью и даже актом предательства, пока отношения между народами основываются на политике дипломатов и эгоизме правительства. Слов нет, мир — это конечное требование цивилизации; но что значит мир с Николаем, царем России? Душителю целых народов, палач, посылающий их сыновей на виселицу, ведущий беспощадную войну даже против надежд и воспоминаний, топящий в слезах и крови великую, прекрасную страну! По отношению к человечеству, к цивилизации, к самой Франции мир с этим неистовым палачом равносильна трусости; по отношению к справедливости, к праву, к революции он равносильна преступлению! Что значит мир с Меттернихом, который нанимает полчища убийц, который в интересах коронованного эпилептика лишает свободы целые народы? Что значит мир со всеми этими мелкими европейскими цезарями, разорившимися распутниками или мерзкими ханжами, которые сегодня правят в угоду иезуитам, а завтра — в угоду куртизанке? Что значит мир с аристократическим и торгашеским английским правительством, тираном морей, душителем свободы Португалии, правительством, которое выжимает деньги даже из нищенских лохмотьев своего народа? Повторяем, мир с этими ростовщиками, с этими отравителями является для революционной страны трусостью, позором, преступлением, моральным падением, банкротством не только интересов, но и права и чести».

Другие парижские газеты тоже высказали свое несогласие с различными пунктами программы г-на Ламартина. Однако он продолжает разъяснять принципы этой программы в своей газете «*Vien Public*»*, выходящей в Маконе. Через несколько месяцев мы сможем судить о том, какое впечатление его *новый шаг* произведет на палату депутатов.

Ф. Энгельс. Манифест г-на Ламартина.
Сочинения, т. 4, стр. 346—348.

5

Ламартин становится с каждым днем все более и более противным. Во всех своих речах он обращается только к буржуа, чтобы их успокоить. Избирательная прокламация временного

правительства тоже целиком обращена к буржуа, для их успокоения. Неудивительно, что эти подлецы наглеют.

Ф. Энгельс — К. Марксу 18 марта
1848 г.
Сочинения, т. XXI, стр. 99.

6

Дела идут здесь очень хорошо. Буржуа, разбитые 24 февраля и 17 марта, снова поднимают голову и страшно ругают республику, но это приведет только к тому, что вскоре над ними разразится уже совсем иного рода гроза, чем до сих пор. Если эти господа будут продолжать вести себя так нагло, то в скором времени народ повесит кое-кого из них. У них есть сторонники во временном правительстве, в частности за них стоиг балда Ламартин, которого тоже скоро схватят за глотку.

Ф. Энгельс — Эмилю Бланку 26 марта
1848 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 41.

7

Крупные буржуа и рабочие прямо противостоят друг другу. Мелкие буржуа играют посредническую, но очень жалкую роль. Однако во временном правительстве они имеют большинство (Ламартин, Марраст, Дюпон де-Лер, Мари, Гарнье-Пажес и до некоторой степени Кремье). Они, а вместе с ними и временное правительство, сильно колеблются. Чем спокойней обстановка, тем в большей степени правительство и мелкобуржуазная партия склоняются на сторону крупной буржуазии. Чем тревожнее обстановка, тем ближе они снова стараются примкнуть к рабочим. Недавно, например, когда буржуа опять настолько обнаглели, что даже затеяли шествие к ратуше отряда национальной гвардии в 8 000 человек для протеста против декрета временного правительства, а именно против энергичных мероприятий Ледрю-Роллена, им действительно удалось запугать большинство правительства, и в особенности бесхарактерного Ламартина, так что он публично отмежевался от Ледрю-Роллена. Но на следующий день, 17 марта, 200 000 рабочих отправились к ратуше, выразили Ледрю-Роллену свое безусловное доверие и принудили Ламартина и большинство правительства взять свое решение обратно.

Ф. Энгельс — Эмилю Бланку 28 марта
1848 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 42—43.

8

История Рискон-Ту * известна. В Париже собрались бельгийские рабочие, чтобы попытаться совершить республиканский поход на родину. Бельгийские демократы, прибывшие из Брюсселя, поддержали это предприятие. Ледрю-Роллен, сколько мог, способствовал ему. Ламартин, предатель с «благородным сердцем», не скупившийся на красивые слова и гнусные дела в отношении иностранных, так же как и французских демократов, Ламартин, который хвастает, что конспирировал с анархией, как громоотвод с молнией, — Ламартин сначала поддерживал бельгийский легион, чтобы потом вернее предать его.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Смертные приговоры в Антверпене.
Сочинения, т. 5, стр. 403.

9

Ламартин олицетворял иллюзию буржуазной республики в отношении самой себя, преувеличенное, фантастическое, восторженное представление, составленное ею о самой себе, ее грезе о своем собственном величии. Чего только нельзя себе вообразить! Подобно Эолу, освободившему из своих мехов все ветры, Ламартин выпустил и одним дуновением погнал на восток и на запад всех воздушных призраков, все фразы буржуазной республики — ветреные слова о братстве всех народов, об освобождении, которое Франция понесет всем народам, о самопожертвовании Франции в интересах всех народов.

А что он сделал? — *ничего!*

Дополнить его фразы делом взяли на себя *Кавеньяк* и его направленные вовне орудие, *Бастид*.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Англо-французское посредничество в
Италии.
Сочинения, т. 5, стр. 469.

10

Офицеры французского флота позволили себе угощаться на банкете, устроенном неаполитанскими офицерами, и на дымящихся еще развалинах Мессины пили за здоровье *неаполитанского короля, этого слабоумного тигра Фердинанда*. А над их головами испарялись фразы *Ламартина*.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Англо-французское посредничество в
Италии.
Сочинения, т. 5, стр. 470.

11

Мы достаточно часто указывали на то, что нежные мечты, всплывшие после февральской и мартовской революций, например, грезы о всеобщем братстве народов, о федеративной республике Европы и вечном мире, по существу прикрывали только безграничную беспомощность и бездеятельность тогдашних идейных вождей. Не видели или не хотели видеть, что надо делать для обеспечения революции; не могли или не хотели провести никаких действительно революционных мер; ограниченность одних и контрреволюционные интриги других сообща привели к тому, что вместо революционных дел народ получил только сентиментальные фразы. Высокопарный негодяй Ламартин был классическим героем этой эпохи предательства народа, скрытого под поэтическими цветами и риторической мишурой.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Демократический панславизм.
Сочинения, т. VII, стр. 203.

ВИКТОР ГЮГО

1

Из сочинений на ту же тему*, появившихся приблизительно одновременно с моим, заслуживают внимания только два: «*Napoléon le Petit*» [«Наполеон Маленький»] Виктора Гюго и «*Coup d'état*» [«Государственный переворот»] Прудона.

Виктор Гюго ограничивается едкими и остроумными личными нападками на того, кто несет юридическую ответственность за государственный переворот. Само событие появляется у него, как гром из ясного неба. Он видит в нем лишь акт насилия со стороны одного индивидуума. Он не замечает, что изображает этого индивидуума великим, а не маленьким, приписывая ему беспримерную в мировой истории мощь личной инициативы. Прудон, с своей стороны, старается представить государственный переворот как результат предшествовавшего исторического развития. Но незаметно для него самого историческое изображение переворота превращается у него в историческую апологию героя государственного переворота. Он впадает, таким образом, в ошибку наших так называемых объективных историков. Я же пока-

зываю, как *классовая борьба* создала во Франции обстоятельства и отношения, позволившие посредственному и смешному персонажу разыграть роль героя.

К. Маркс. Предисловие ко второму изданию «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта».
Сочинения, т. XIII, ч. I, стр. 312—313.

2

Бонапартовская история* заставила с испугу покончить и с предполагавшейся прусской амнистией. Впрочем, Луи копирует лишь своего мнимого дядю. Он *in fact*¹ *Napoléon le Petit*², не только в смысле Виктора Гюго, как противоположность *Napoléon le Grand*³, но *personates in the most admirable way the littlenesses*⁴. великого Наполеона.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 14 февраля 1858 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 304—305.

3

При обсуждении закона о печати Гора* успела уже дойти до такой степени морального падения, что должна была ограничиться только тем, что аплодировала блестящим тирадам старой луифилипповской знаменитости, г-на Виктора Гюго.

К. Маркс. Классовая борьба во Франции.
Сочинения, т. 7, стр. 104.

4

Письмо Бонапарта* с умышленной нескромностью приподнимало занавес над его кабинетом, чтобы выставить его самого перед взорами галерки в качестве благожелательного, но не признанного даже в собственном доме и скованного гения. Он не в первый раз кокетничал «затаенными взмахами крыльев* свободной души». Тьер, докладчик комиссии, совершенно игнорировал взмахи крыльев Бонапарта и ограничился тем, что перевел папское обращение на французский язык. Не министерство, а Виктор Гюго сделал попытку выручить президента, предложив национальному собранию высказать свое одобрение письму

¹ — действительно. *Ред.*

² — Наполеон Маленький. *Ред.*

³ — Наполеону Великому. *Ред.*

⁴ — удивительно олицетворяет собою все мелочные стороны. *Ред.*

Наполеона. «Allons donc! Allons donc!»¹ — таким непочтительно-легкомысленным восклицанием похоронило большинство предложение Гюго. Политика президента? Письмо президента? Сам президент? «Allons donc! Allons donc!» Кто же принимает г-на Бонапарта всерьез? Думаете ли вы, г-н Виктор Гюго, что мы верим вам, будто вы верите в президента? «Allons donc! Allons donc!»

К. Маркс. Классовая борьба во Франции.
Сочинения, т. 7, стр. 75.

5

Руге время от времени читает в Брайтоне лекции, которые заставляют англичан думать, что немецкий язык самый гнусный из всех; Таузенау, Мейен и им подобные бранят «французский сброд» эмиграции (включая Виктора Гюго), наличие которого-де грозит лишить «права убежища» этих «заговорщиков с высочайшего разрешения».

К. Маркс — Морицу Эльснеру 8 ноября 1855 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 215.

6

Вообще, с течением времени война принимает неприятный характер*. Французы не получили еще настоящей встряски, а немцы одержали уже слишком много побед. Виктор Гюго пишет чепуху по-французски, а прекрасный Вильгельм срамит немецкий язык. «Прощай же с взволнованным сердцем в заключение такого письма». И это император, да еще самой просвещенной нации в мире! И его жена позволяет это печатать!

Ф. Энгельс — К. Марксу 13 сентября 1870 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 402.

7

Хотя бомбардировка крепости все еще считается действием, допускаемым законами войны, — она все-таки является мерой, приносящей столько страданий гражданскому населению, что история осудит всякого, кто будет прибегать к бомбардировке, не имея веских оснований добиться таким образом сдачи крепости. У нас вызывает улыбку шовинизм Виктора Гюго, который

¹ — «Полноте! Полноте!» *Ред.*

считает Париж священным городом — в высшей степени священным! — а всякую попытку атаковать его — святотатством. Мы смотрим на Париж, как на любой другой укрепленный город, и если он предпочитает обороняться, то должен быть готовым ко всем действиям, сопряженным с открытой атакой, с применением осадных траншей и осадных батарей, а также с действием случайных снарядов, попадающих в невоенные здания.

Ф. Энгельс. Заметки о войне.
Сочинения, т. XIII, ч. II, стр. 141.

8

Мы с большим удовольствием прочли Ваши статьи * в «Liberta» в защиту Парижской Коммуны против В. Гюго и других. Мы охотно верим, что это были первые статьи, написанные на итальянском языке с этой целью.

Ф. Энгельс — Дженнаро Бовио 16 апреля 1872 г.
Сочинения, т. XXVI, стр. 233.

9

24 мая парижская полиция хотела спровоцировать бунт, но это не удалось, и министры перепугались. Таким образом, афера с Виктором Гюго окончилась ничем *, и это хорошо. Так как нет национальной гвардии, то нет возможности достать оружие, и каждый путч обречен на поражение. Тактику приходится менять сообразно обстоятельствам.

Ф. Энгельс — Ф.-А. Зорге 3 июня 1885 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 472.

10

Почтенный Бовио мне уже давно хорошо известен, еще со времени I Интернационала, когда в итальянской социалистической литературе повсюду встречались его статьи. Я тогда тратил немало времени на чтение этих статей, но чем больше я их читал, тем меньше их понимал. В общем, выражаясь его же словами, «не помню времени, более путанного», только я, в конце концов, уже не знал, кто из нас путаник, он или я. Все же это добрый малый, правда, педант, но его педантизм носит благородный и привлекательный характер (чего никогда не бывает у наших немецких педантов), и, как Вы правильно сказали, он в духе Виктора Гюго, величественная натура, человек с широкими взглядами, который может примирить со своей личностью даже

тех, кто борется с той партией, которую он защищает. Вполне понятно, что он кумир вашей молодежи. Будь я молод, я был бы от него без ума и боготворил бы его, но, к сожалению, мне не 17 лет, а 71.

Ф. Энгельс — Филиппо Турати 6 февраля 1892 г.
Сочинения, т. XXIX, стр. 15.

ЖОРЖ САНД

Только при таком порядке вещей, когда не будет больше классов и классового антагонизма, *социальные эволюции* перестанут быть *политическими революциями*. А до тех пор накануне каждого всеобщего переустройства общества последним словом социальной науки всегда будет:

«Битва или смерть *; кровавая борьба или небытие. Такова неумолимая постановка вопроса». (*Жорж Санд.*)

К. Маркс. Ницета философии.
Сочинения, т. 4, стр. 185.

ЭЖЕН СЮ

1

Хорошо известный роман Эжена Сю «Парижские тайны» произвел сильное впечатление на общественное мнение *, особенно в Германии; яркие краски, в которых книга рисует нищету и деморализацию, выпадающие на долю «низших сословий» в больших городах, не могли не направить общественное внимание на положение неимущих вообще. Немцы начинают открывать, как говорит «Allgemeine Zeitung» — этот германский «Times», — что характер романа за последнее десятилетие претерпел полную революцию, что место королей и принцев, которые прежде являлись героями подобных произведений, в настоящее время начинает занимать бедняк, презираемый класс, чья жизнь и судьба, радости и страдания составляют содержание романов; они находят, наконец, что это новое направление среди писателей, к которому принадлежат Жорж Санд, Эжен Сю и Боз¹, является, несомненно, знаменем времени.

Ф. Энгельс. Движение на континенте.
Сочинения, т. 1, стр. 542.

¹ Ч. Диккенс. *Ред.*

2

Заставив произвести новые выборы 28 апреля*, народ сам свел к нулю победу, которую он одержал в союзе с мелкой буржуазией на выборах 10 марта*. Видаль был избран не только в Париже, но и на Нижнем Рейне. Парижский комитет, в котором были сильно представлены Гора и мелкая буржуазия, побудил его принять нижнерейнский мандат. Победа 10 марта потеряла свое решающее значение; окончательное решение было снова отложено, напряжение народа ослабевало, он привыкал к легальным триумфам вместо революционных. Наконец, кандидатура Эжена Сю, сентиментально-мещанского социал-фантазера, совершенно уничтожила революционный смысл 10 марта — реабилитацию июньского восстания; пролетариат в лучшем случае мог принять ее как шутку в угоду гризеткам. Против этой благонамеренной кандидатуры партия порядка*, ставшая смелее ввиду нерешительного поведения противников, выставила кандидата, который должен был олицетворять собой июньскую победу. Этим комическим кандидатом был спартанский отец семейства Леклер, героические доспехи которого пресса, однако, сорвала по кусочкам и который потерпел на выборах блестящее поражение. Новая победа на выборах 28 апреля окрылила Гору и мелкую буржуазию. Гора в душе уже ликовала, что сможет достигнуть своей цели чисто легальным путем, не вызывая новой революции, которая опять выдвинула бы пролетариат на авансцену; она была уверена, что при новых выборах 1852 г. посадит с помощью всеобщего избирательного права г-на Ледрю-Роллена на президентское кресло и обеспечит Горе большинство в Собрании. Партия порядка, которую новые выборы, кандидатура Сю и настроение Горы и мелкой буржуазии полностью убедили в том, что последние решили при всех обстоятельствах оставаться спокойными, ответила на обе избирательные победы *избирательным законом*, который отменял всеобщее избирательное право.

К. Маркс. Классовая борьба во Франции.
Сочинения, т. 7, стр. 100—101.

3

Избирательный закон нуждался еще в одном дополнении, в новом законе о печати. Последний не заставил себя долго ждать. Законопроект правительства, оказавшийся еще более суровым в результате многочисленных поправок, внесенных партией порядка, увеличивал залогов, предусматривал особый штемпель-

ный сбор с романов, печатающихся в газетах (ответ на избрание Эжена Сю), облагал налогом все выходящие в еженедельных и ежемесячных выпусках произведения до известного количества листов и, наконец, устанавливал, что каждая газетная статья должна быть снабжена подписью автора.

К. Маркс. Классовая борьба во Франции.
Сочинения, т. 7, стр. 102—103.

ЗАПОЗДАЛЫЕ ОТГОЛОСКИ РОМАНТИЗМА. БРУНО БАУЭР

1

Позавчера вечером был у меня с визитом — ты не угадаешь кто. Пришел Эдгар Бауэр, которого я не видел уже год, и с ним — Бруно. Он здесь уже 14 дней и хочет остаться about 6 months¹, «чтобы проверить правильность своих утверждений», что не может не удаться ему, судя по тому, как он начинает. Он заметно постарел. Лоб стал больше, и он производит теперь более или менее впечатление старого профессора-педанта. Пока он живет у Эдгара, в лачужке somewhere about² конца Хайгета, в самой жалкой мещанской обстановке; ничего не видит и не слышит. Это он считает Лондоном и уверен, что, кроме 30 000 привилегированных, все англичане живут, как Эдгар Бауэр. Поэтому его ненависть и «презрение» к этой стране огромны. Ему кажется, будто он живет в «каком-то логовище». Лондон — настоящая «тюрьма» после «Берлина». В связи с этим также выяснилось, что его нынешним идеалом является «восточно-фризский», «альтенбургский» и partly³ «вестфальский мужик», — эти истинно благородные люди. Он убежден также, что этих олухов ничем не проберешь и что современное нивелирующее босчество, по поводу которого так горюет сей муж «отрицания», разобьется об эти rocks⁴. Было очень забавно слушать, как «Критика» признавалась, что в конечном счете ее реальная основа — Бертольд Ауэрбах. По его мнению, за исключением нескольких «чисто торговых городов», города в Германии погибают, а «деревня» пышно расцветает. О промышленном подъеме он не сказал ни слова, но выразил тихую скорбь по поводу того, что теперь

¹ — около шести месяцев. *Ред.*

² — где-то около. *Ред.*

³ — отчасти. *Ред.*

⁴ — скалы. *Ред.*

в Германии не делается ничего, кроме «improvements»¹. Английский язык — «жалок», совершенно романизован. На это, ему в утешение, я сказал, что голландцы и датчане говорят то же самое о немецком языке и что «исландцы» — единственные истинные германцы, не испорченные иностранщиной.

Старый холостяк занимался много языками. Он *говорит* по-польски и потому объявляет *польский язык* «самым красивым». Изучал языки он, по-видимому, совершенно не критически. Считает, например, Добровского гораздо «более выдающимся», чем Гримма, и называет его отцом сравнительного языкознания. Он дал также полякам в Берлине уверить себя, будто старый Лелевель в своем последнем сочинении опроверг гриммовскую историю немецкого языка.

Кстати. Он рассказывал, что в Германии появился объемистый том (немецкого автора), направленный против гриммовского словаря. Весь том состоит из указания промахов, найденных у Гримма.

Сквозь все его старания придать себе юмористический вид проглядывали большое недовольство «настоящим» и меланхолия. В Германии — horrible indeed² — не читают и не покупают ничего, кроме жалких компиляций из области естественных наук. Когда ты приедешь, старый холостяк будет очень забавлять нас.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 14 декабря 1855 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 106—107.

2

Несколько раз виделся снова с Бруно. Романтика все более и более оказывается «предпосылкой» критической критики. В экономике он увлекается физиократами, которых не понимает, и верит в специфические благодатные свойства земельной собственности. Кроме того, он высоко ценит экономические фантазии Адама Мюллера, немецкого романтика. В военном искусстве его *summus princeps*³ — «гениальный» Бюлов. Я объяснил ему, что его новейшие откровения только определенно указывают на то, как застоялась его мысль.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 18 января 1856 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 108—109.

¹ — новшество. *Ред.*

² — поистине ужасно. *Ред.*

³ — верховный властелин, идеал. *Ред.*

КЛАССИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ КОНЦА XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

ГЕРМАНИЯ В ЭПОХУ ГЁТЕ И ШИЛЛЕРА

Старая Германия в то время была известна под названием *Священной Римской империи* и состояла из бесчисленного множества мелких государств, королевств, курфюршеств, герцогств, эрцгерцогств и великих герцогств, княжеств, графств, баронств и вольных имперских городов, которые все были независимы друг от друга и подчинялись только одной власти (если такая власть была, а на протяжении целых столетий ее вообще не было) — власти императора и сейма. Самостоятельность этих мелких государств простиралась так далеко, что во всякой войне с «исконным врагом» (Францией, разумеется) часть из них вступала в союз с французским королем и открыто вела войну против своего собственного императора. Сейм, который состоял из депутатов всех этих мелких государств под председательством представителя империи, видя свое назначение в том, чтобы ограничивать власть императора, постоянно заседал, но никогда не приходил ни к какому, даже самым ничтожным, результатам. Там убивали время на обсуждение самых пустых вопросов церемониала, — например, должно ли посольство барона такого-то (состоявшее, быть может, из гувернера его сына и старого ливрейного лакея или престарелого лесного сторожа) иметь преимущество перед посольством барона такого-то, или должен ли депутат одного имперского вольного города приветствовать депутата другого города, не ожидая его приветствия, и т. д. Затем спорили по поводу множества мелких привилегий, которые по большей части были обременительны для самих привилегированных, но считались вопросами чести и поэтому вызывали особенно ожесточенные препирательства. Эти и подобные им важные дела отнимали столько времени у мудрого сейма, что у этого почтенного собрания уже не оставалось ни минуты, чтобы обсудить дела империи. Вследствие всего этого величайший бес-

порядок и неразбериха царили повсюду. Раздираемая внутренними распрями как в военное, так и в мирное время, империя пережила со времени реформации и до 1789 г. целый ряд междоусобных войн, причем в каждой из этих войн Франция вступала в союз с теми, кто боролся против слабой и легко победимой партии императора, и получала, конечно, львиную долю добычи. Сначала Бургундия, затем три епископства: Мец, Туль и Верден, затем остаток Лотарингии, часть Фландрии и Эльзас были таким образом отторгнуты от Священной Римской империи и присоединены к Франции. Так Швейцария смогла стать независимой от империи, Бельгия была уступлена Испании по завещанию Карла V; и все эти страны оказались в лучшем положении после своего отделения от Германии. К этому постепенному внешнему развалу империи присоединялся величайший внутренний беспорядок. Каждый князек был для своих подданных кровожадным неограниченным деспотом. Империя никогда не вникала во внутренние дела государств, за исключением создания суда (имперская судебная палата в Вецларе) для разбирательства жалоб подчиненных на своих начальников; но этот достойный суд так хорошо разбирал дела, что никто никогда не слышал, чтобы какое-либо из них было разрешено. Трудно поверить, какие акты жестокости и произвола совершали надменные князья по отношению к своим подданным. Эти князья, проводившие время только в удовольствиях и разврате, предоставляли неограниченную власть своим министрам и правительственным чиновникам, которые таким образом получали возможность угнетать несчастный народ безнаказанно, если только они наполняли казну своих господ и поставляли им достаточное количество красивых женщин для их гарема. А те из дворян, которые не были независимы, а находились под властью какого-нибудь короля, епископа или князя, обыкновенно тоже относились к народу с большим пренебрежением, чем к собакам, и выжимали возможно больше денег из труда своих крепостных, ибо крепостная зависимость была тогда вполне обычным делом в Германии. Не было никаких признаков свободы и в имперских городах, торжественно именуемых «вольными», ибо здесь бургомистр и сами себя избравшие сенаторы — должности, которые с течением веков стали наследственными в такой же мере, как императорская корона, — проявляли еще большую тиранию в своем управлении. Ничто не может сравниться с гнусным поведением этой мелкобуржуазной аристократии городов; в самом деле, никто бы не поверил, что таково было положение Германии 50 лет тому назад, если бы все это не сохранилось в памяти многих людей, которые помнят еще

это время, и если бы это не подтверждалось сотнями авторитетов. А народ! Что *он* говорил по поводу такого положения вещей? Что он делал? Что касается среднего класса, сребролюбивых буржуа, то они находили в этом постоянном беспорядке источник богатства; буржуа знали, что легче всего ловить рыбу в мутной воде; они мирились с тем, что их притесняли и оскорбляли, потому что знали, что могут отомстить за себя на свой манер: *они мстили за свои обиды, надувая своих угнетателей*. Соединившись с народом, они могли бы ниспровергнуть старую власть и преобразовать империю, как это отчасти сделала английская буржуазия между 1640 и 1688 г. и как это собиралась сделать в то время французская буржуазия. Но нет, буржуазия Германии никогда не обладала такой энергией, никогда не претендовала на такое мужество; немецкие буржуа знали, что Германия — это только навозная куча, но им было удобно в этом навозе, потому что сами они были навозом и потому что окружающий навоз согревал их. А рабочему люду жилось не хуже, чем сейчас, за исключением крестьян, которые в большинстве своем были крепостными и ничего не могли сделать без поддержки горожан, так как среди них постоянно были расквартированы наемные войска, грозившие затопить в крови всякую попытку к восстанию.

Таково было положение Германии к концу прошлого столетия. Это была одна отвратительная гниющая и разлагающаяся масса. Никто не чувствовал себя хорошо. Ремесло, торговля, промышленность и земледелие страны были доведены до самых ничтожных размеров. Крестьяне, ремесленники и предприниматели страдали вдвойне — от паразитического правительства и от плохого состояния дел. Дворянство и князья находили, что, хотя они и выжимали все соки из своих подчиненных, их доходы не могли поспевать за их растущими расходами. Все было скверно, и во всей стране господствовало общее недовольство. Ни образования, ни средств воздействия на сознание масс, ни свободы печати, ни общественного мнения, не было даже сколько-нибудь значительной торговли с другими странами — ничего, кроме подлости и себялюбия; весь народ был проникнут низким, раболепным, жалким торгашеским духом. Все прогнило, расшаталось, готово было рухнуть, и нельзя было даже надеяться на благотворную перемену, потому что нация не имела в себе силы даже для того, чтобы убрать разлагающийся труп отживших учреждений.

И только отечественная литература подавала надежду на лучшее будущее. Эта позорная в политическом и социальном

отношении эпоха была в то же время великой эпохой немецкой литературы. Около 1750 г. родились все великие умы Германии: поэты Гёте и Шиллер, философы Кант и Фихте, и не более двадцати лет спустя — последний великий немецкий метафизик¹ Гегель. Каждое из выдающихся произведений этой эпохи проникнуто духом вызова, возмущения против всего тогдашнего немецкого общества. Гёте написал «Гёца фон Берлихингена», где в драматической форме отдал дань уважения памяти мятежника. Шиллер написал «Разбойников», где воспел благородство молодого человека, открыто объявившего войну всему обществу. Но это были их юношеские произведения. С годами они утратили все свои надежды. Гёте ограничился только весьма острыми сатирами, а Шиллер впал бы в отчаяние, если бы не нашел прибежища в науке, в частности в великой истории древней Греции и Рима. По этим двум можно судить о всех остальных. Даже лучшие и самые сильные умы немецкого народа потеряли всякую веру в будущее своей страны.

Но вдруг французская революция точно молния ударила в этот хаос, называемый Германией. Ее влияние было огромно. Народ, слишком мало просвещенный, слишком скованный старинной привычкой подчиняться тирании, остался безучастным. Но вся буржуазия и лучшие представители дворянства в один голос радостно приветствовали Национальное собрание и народ Франции. Среди многочисленных немецких поэтов не было ни одного, кто бы не прославлял французского народа. Но это был энтузиазм на немецкий манер, он носил чисто метафизический характер и относился только к теориям французских революционеров. Но как только теории оказались отодвинутыми на второй план силой неоспоримых фактов, как только согласие французского двора и французского народа стало на практике невозможным, хотя в теории их союз был закреплен теоретической конституцией 1791 г., как только народ *практически* утвердил свой суверенитет «десятым августа», и в особенности когда теорию окончательно заставили умолкнуть свержением жирондистов 31 мая 1793 г., — тогда этот энтузиазм Германии сменился фанатической ненавистью к революции. Разумеется, этот энтузиазм распространялся лишь на такие события, как ночь 4 августа 1789 г., когда дворянство отказалось от своих привилегий; но добрые немцы никогда не думали о том, что такие действия имеют на практике последствия, весьма отличные от

¹ Слово «метафизика» здесь употреблено в смысле философии, трактующей вопросы, выходящие за пределы опыта. *Ред.*

тех выводов, которые могут делать благожелательные теоретики. Немцы никогда и не думали одобрять эти последствия, которые, как всем хорошо известно, были для многих, кого они коснулись, довольно серьезны и довольно неприятны. Итак, все эти восторженные друзья революции становились теперь ее самыми яркими противниками и, получая от рабелепной немецкой прессы, разумеется, самые извращенные сведения о Париже, предпочитали свою старую спокойную священную римскую навозную кучу грозной активности народа, который смело сбросил цепи рабства и кинул вызов всем деспотам, аристократам и попам.

Ф. Энгельс. Положение в Германии.
Сочинения, т. 2, стр. 559—565.

ГЁТЕ

1

Итак, уже одни внутренние нужды системы [Гегеля] достаточно объясняют, почему крайне революционный метод мышления привел к очень мирному политическому выводу. Впрочем, специфической формой этого вывода мы обязаны тому обстоятельству, что Гегель был немец и, подобно своему современнику Гёте, порядочный филистер. Гегель, как и Гёте, был в своей области настоящий Зевс-олимпиец, но ни тот, ни другой не могли вполне отделаться от духа немецкого филистерства.

Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах.
Сочинения, т. XIV, стр. 639.

2

Его [Дюринга] расплывчатая болтовня на мещанские темы, как, например, о ценности жизни и о наилучшем способе наслаждения ею, пропитана филистерством, которым вполне объясняется его гнев против «Фауста» Гёте. Оно, конечно, непростительно со стороны Гёте, что он сделал своим героем безнравственного Фауста, а не серьезного философа действительности — Вагнера!

Ф. Энгельс. Анти-Дюринг.
Сочинения, т. XIV, стр. 144.

3

По всем правилам гегелевского метода мышления, тезис, провозглашающий разумность всего действительного, превращается в другой тезис: достойно гибели все то, что существует¹.

Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах.
Сочинения, т. XIV, стр. 635—637.

4

У меня имеется целая пачка памфлетов Бруно Бауэра, написанных им во время русской войны*. Слабо и претенциозно. Почтенный муж снял теперь вместе со своим братом Эгбертом в аренду у берлинского магистрата 50 акров земли под Берлином. Пожилая теща Эдгара, лондонца, — старая прачка или something of the sort², — будет заботиться о «рыночной» стороне дела. Это, — пишет Бруно Эдгару, — путь к «независимости». Он платит пять рейхсталеров ренты за акр, всего 250 рейхсталеров в год. Участок этот — старый пустырь. Бруно полагает, что доход и продукты с этой земли дадут ему возможность написать на досуге свою «Историю первобытного христианства»*, которая должна послужить «исторической» проверкой его критики Евангелий. — Невинные критические фантазии Бруно, быть может, навеяны воспоминанием о том, что Фауст во второй части становится землевладельцем. Он забывает только, что деньги для такого превращения Фауст получил от черта.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 10 января
1857 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 169.

5

Статьи Лонге о стачках очень хороши. Кстати, в одном месте он говорит, что Лассаль придумал *только слова** (а не открыл самый закон, установленный Рикардо, Тюрго и др.). В действительности, однако, Лассаль заимствовал хорошо известное «куль-

¹ Ср. у Гёте в «Фаусте» слова Мефистофеля:

Ich bin der Geist, der stets verneint!
Und das mit Recht; denn alles, was entsteht,
Ist wert, daß es zu grunde geht...

(Я — дух, который вечно отрицает*! Да так и следует, ибо все то, что возникает, достойно гибели.)

² — что-то в этом роде. *Ред.*

турным» немцам *выражение Гёте* *, который, в свою очередь, переделал *софокловы* «вечные незыблемые законы» * в «вечные железные законы».

К. Маркс — Ж. Лонге 6 апреля
1882 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 210.

6

Это первоначальное накопление играет в политической экономике примерно такую же роль, как первородный грех в богословии. Адам вкусил от яблока, и так совершился грех и вошел в этот мир. Нам объясняют его происхождение, рассказывая эту историю, которая якобы произошла через несколько дней после сотворения мира.

Точно так же было когда-то — вероятно, очень давно — такое время, когда общество разделялось на два лагеря. С одной стороны, избранное меньшинство людей трудолюбивых, разумных и прежде всего бережливых; с другой — толпа бездельников, ведущих день и ночь разгульный образ жизни. Само собой разумеется, что одни умножали свои сокровища посредством накопления, а другие вскоре лишились всего. Отсюда бедность большого числа людей, вынужденных постоянно расплачиваться собственной шкурой, несмотря на весь свой непрерывный и нескончаемый труд; отсюда также богатство немногих, которые пожинаят плоды труда, хотя для этого им не нужно даже пальцем шевельнуть.

Правда, богословская история грехопадения в точности рассказывает нам, что человек был осужден господом богом добывать хлеб свой в поте лица; зато экономическая история грехопадения восполняет досадный пробел, открывая нам, каким образом возможно существование людей, которые уклоняются от этого предписания господа бога.

И такие ребяческие пошлости преподносятся без конца. Господин Тьер, например, решается предложить их французам, некогда столь остроумным, и притом в сочинении, которое он, с важностью государственного мужа, выдает за полное опровержение всех кощунственных выпадов социализма против собственности *. Правда, поскольку дело касается собственности, священный долг каждого — держаться мудрости, заимствованной из букваря, единственно доступной и подобающей школьникам, независимо от возраста.

Примечание: Выведенный из себя этими благоглупостями, Гёте осмеивает их в следующем диалоге *:

Учитель: Скажи мне, однако, откуда у твоего отца его состояние?

Ученик: Он получил его от деда.

Учитель: А дед?

Ученик: От прадеда.

Учитель: А этот последний?

Ученик: Он взял его.

Karl Marx. Le Capital. Traduction de M. J. Roy, entièrement révisée par l'auteur.
Paris, 1872, p. 314.

7

Что касается эстетической стороны воспитания, то г. Дюринг намерен создавать все вновь. Существовавшая до сих пор поэзия для этого не годится. Там, где запрещены все религии, само собою разумеется, не могут быть терпимы в школе обычно употребляемые прежними поэтами «мифологические и религиозные образы». Равным образом должен быть воспрещен «поэтический мистицизм, к которому, например, был сильно склонен Гёте». Таким образом, г. Дюрингу самому, волей неволей, придется изготовить «поэтические образцы», соответствующие «высшим запросам примирившейся с разумом фантазии» и нарисовать настоящий идеал, «обозначающий завершение мира». Лишь бы только он не медлил с этим! Хозяйственная коммуна сможет завоевать мир лишь тогда, когда она двинется в поход тяжкой поступью примиренного с разумом александрийского стиха.

Ф. Энгельс. Анти-Дюринг.
Сочинения, т. XIV, стр. 326.

8

Количество и смена вытесняющих друг друга гипотез, при отсутствии у естествоиспытателей логической и диалектической подготовки, вызывает у них легко представление о том, будто мы неспособны познать *сущность* вещей (Галлер и Гёте *). Это свойственно не одному только естествознанию, так как все человеческое познание развивается по очень запутанной кривой, и теории вытесняют друг друга также в исторических науках, включая философию, — на основании чего, однако, никто не станет заключать, что, например, формальная логика, это — чепуха.

Ф. Энгельс. Диалектика природы.
Сочинения, т. XIV, стр. 395—396.

9

Индукция и дедукция. Nässel, стр. 75 и сл.*, где приводится индуктивное умозаключение Гёте, что человек, обычно *не имеющий* межчелюстной кости, *должен* иметь ее, и где, следовательно, путем *неверной индукции* приходят к чему-то верному!

Ф. Энгельс. Диалектика природы.
Сочинения, т. XIV, стр. 409.

10

И эту бессмыслицу развития в пространстве, но не во времени, — которое есть основное условие всякого развития, — Гегель навязывал природе тогда, когда уже достаточно была разработана и геология, и эмбриология, и физиология растений и животных, и органическая химия, и когда, на основе этих новых наук, уже повсюду зарождались гениальные догадки-предтечи новейшей теории развития (например, Гёте и Ламарк). Но так повелевала система, и ради системы метод должен был изменить самому себе.

Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах.
Сочинения, т. XIV, стр. 648.

11

Я переработаю статью о грюновском Гёте*, сокращу ее до размеров полулиста, максимум трех четвертей листа, и подготовлю ее для нашего журнала, *если* ты это одобряешь, о чем ты должен немедленно мне написать. Книга слишком характерна. Грюн восхваляет всякое *филистерство* Гёте как *человеческое*, он превращает франкфуртца и *чиновника* Гёте в «истинного человека», между тем как все колоссальное и гениальное он обходит или даже оплевывает до такой степени, что эта книга представляет блестящее доказательство того, что *человек = немецкому мещанину*. Я это только наметил, но мог бы это развить и порядком сократить остальную часть статьи, так как она не подходит для нашего журнала. Что ты об этом думаешь?

Ф. Энгельс — К. Марксу 15 января
1847 г.
Сочинения, т. XXI, стр. 63.

12

КАРЛ ГРЮН. «О ГЁТЕ С ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ» *.
ДАРМШТАДТ, 1846 ¹

Г-н Грюн, чтобы отдохнуть от трудов, которые доставило ему его «Социальное движение во Франции и Бельгии»*, бросает взгляд на социальный застой у себя на родине. Для разнообразия он решил на этот раз взглянуть на старого Гёте «с человеческой точки зрения». Сменив семимильные сапоги на домашние туфли и надев шлафрок, он самодовольно потягивается в своем кресле:

«Мы не пишем комментариев, мы берем лишь то, что лежит под рукой» (стр. 244).

Он устроился весьма уютно:

«Розы и камелии я поставил у себя в комнате, резеду и фиалки у открытого окна» (стр. III). «И прежде всего никаких комментариев!.. Но вот собрание сочинений на стол, немного запаха роз и резеды в комнате! Посмотрим, как далеко мы подвинемся... Только плут дает больше, чем он имеет» (стр. IV, V).

При всей своей *ponchalance*² г-н Грюн совершает в этой книге величайшие подвиги. Но это не удивляет нас после того, как мы слышали от него самого, что он — человек, который «готов был прийти в отчаяние от ничтожества общественных и личных отношений» (стр. III), который «чувствовал на себе узду Гёте, когда ему грозила опасность затеряться в чрезмерном и бесформенном» (там же), и который обладает «высоким чувством человеческого призвания, принадлежащего нашей душе, хотя бы это вело в ад!» (стр. IV). Мы уже больше ничему не удивляемся, после того как мы узнали, что уже раньше он «однажды обратился с вопросом к «человеку» Фейербаха», с вопросом, на который хотя и «легко было бы ответить», но который все же для указанного «человека» оказался, по-видимому, слишком трудным (стр. 277); после того как мы увидели, как г-н Грюн на стр. 198 «выводил самосознание из тупика», как на стр. 102 он хочет даже отправиться «ко двору русского императора», а на стр. 305 громовым голосом возглашает на весь мир: «Анафема тому, кто с помощью закона хочет создать новое положение, которое должно быть длительным!» Мы готовы ко всему, когда г-н Грюн на стр. 187 собирается «обнюхать идеализм» и «превратить» его «в улич-

¹ K. Grün. «Über Goethe vom menschlichen Standpunkte». Darmstadt, 1846. *Ред.*

² — небрежности, нерадивости. *Ред.*

ного мальчишку», когда он обдумывает, как бы «стать собственником», «богатым, богатым собственником, чтобы иметь возможность платить налог, дающий право на избрание в парламент человечества и на включение в список присяжных, которые выносят решения о человеческом и нечеловеческом».

Разве это может ему не удастся, ему, стоящему «на безымянной почве общечеловеческого» (стр. 182)? Его не страшат даже «ночь и ее ужасы» (стр. 312): убийство, прелюбодеяние, воровство, проституция, распутство и пороки, порожденные гордыней. Правда, на стр. 99 он признается, что он уже «испытал бесконечную боль, когда человек ловит себя на том, что он ничтожен». Правда, сам он «ловит» себя на глазах у публики на «том же» в связи с фразой:

С тобою схож лишь дух*, который сам ты познаешь, — Не я.

Происходит это следующим образом:

«В этих словах как бы сливаются удары молнии и раскаты грома и в то же время разверзается земля. В этих словах разрывается завеса перед храмом, раскрываются могилы... наступают сумерки богов и древний хаос... звезды опять сталкиваются друг с другом, единственный хвост кометы мгновенно сжигает маленькую землю, и все, что остается, — это лишь чад, дым и пар. И если представить себе самое ужасное разрушение... все же это *еще ничто* по сравнению с тем уничтожением, которое таится в этих немногих словах! (стр. 235, 236).

Правда, когда г-н Грюн доходит «до самой крайней границы теории», в частности, на стр. 295, у него «как бы ледяные струи бегут по спине и настоящий ужас пронизывает его члены». — Однако он целиком преодолевает все это, ибо он ведь является членом «великого масонского ордена человечества» (стр. 317)!

Take it all in all¹. Обладая такими качествами, г-н Грюн будет иметь успех на любом поприще. Прежде чем мы перейдем к его плодотворным рассуждениям о Гёте, отправимся вместе с ним в некоторые побочные области его деятельности.

Прежде всего в область естествознания, так как «познание природы», согласно стр. 247, — это «единственно положительная наука» и в то же время «не в меньшей степени проявление совершенства гуманистического» (vulgo² человеческого) «человека». Соберем тщательно все положительное, что сообщает нам г-н Грюн об этой единственно положительной науке. Он не вдается здесь, правда, в подробности этой науки и лишь, прохаживаясь в

¹ — Таким он был во всем. (Перефразированная строка из трагедии Шекспира «Гамлет») *Ред.*

² — попросту, в просторечии. *Ред.*

сумерки по своей комнате, роняет несколько замечаний; однако при этом он «не в меньшей степени» совершает «самые положительные» чудеса.

По поводу приписываемой Гольбаху «Системы природы»* он делает следующее открытие:

«Здесь невозможно разобраться, каким образом система природы обрывается на полпути, обрывается в том пункте, где из необходимости церебральной системы должны были бы пробиться свобода и самоопределение» (стр. 70).

Г-н Грюн мог бы совершенно точно указать пункт, в котором «из необходимости церебральной системы» «пробивается» то одно, то другое, и человек, таким образом, получает затрещины и по внутренней стороне черепа. Г-н Грюн мог бы дать самые точные и подробные сведения по тому пункту, который до сих пор совершенно не поддавался наблюдению, именно о процессе выработки сознания в мозгу. Но, увы! В книге о Гёте с человеческой точки зрения «это не может быть изложено».

Дюма, Плейфер, Фарадей и Либих до сих пор простодушно придерживались того мнения, что кислород — газ, лишенный как вкуса, так и запаха. Но г-н Грюн, зная, что все *кислое щиплет язык*, объявляет «кислород» на стр. 75 «едким». Точно так же он обогащает на стр. 229 новыми фактами и акустику, и оптику: вызвав в этом месте появление «очистительного шума и сияния», он тем самым делает несомненной очистительную силу звука и света.

Не довольствуясь этим блестящим обогащением «единственно положительной науки», не довольствуясь и теорией внутренних затрещин, г-н Грюн открывает на стр. 94 новую кость: «Вертер — это человек, которому недостает позвоночной кости, который не стал еще субъектом». До сих пор господствовало ошибочное мнение, что у человека имеется свыше двух дюжин позвонков. Г-н Грюн не только сводит эти многочисленные кости к их нормальному единству, но и открывает к тому же, что эта исключительная позвоночная кость обладает замечательным свойством делать человека «субъектом». «Субъект» — г-н Грюн — заслуживает за это открытие особой позвоночной кости.

Наш от случая к случаю естествоиспытатель следующим образом формулирует под конец свою «единственно положительную науку» о природе:

«Разве природы ядро *
Не в человеческом сердце?»

Ядро природы — в сердце человека. В человеческом сердце — ядро природы. Природа имеет свое ядро в человеческом сердце» (стр. 250).

С разрешения г-на Грюна мы добавляем: в сердце человека — ядро природы. В сердце — ядро природы человека. В человеческом сердце природа имеет свое ядро.

На этом выдающемся «положительном» разъяснении мы оставляем область естествознания, чтобы перейти к *политической экономии*, которая, к сожалению, согласно вышеизложенному, не является «положительной наукой». Пренебрегая этим, г-н Грюн действует и здесь хотя и на авось, но в высшей степени «положительно».

«Индивид выступил против индивида, и так возникла всеобщая конкуренция» (стр. 211).

Это значит, что смутное и таинственное представление немецких социалистов о «всеобщей конкуренции» вступило в жизнь, «и так возникла конкуренция». Аргументы не приводятся, несомненно, потому, что политическая экономия не есть положительная наука.

«В средние века презренный металл был еще скован верностью, любовью и благочестием; XVI век разбил эти оковы, и деньги обрели свободу» (стр. 241).

Мак-Куллох и Бланки, которые до сих пор находились во власти заблуждения, будто деньги «в средние века были скованы» отсутствием сообщения с Америкой и гранитными массами, закрывавшими в Андах жилы «презренного металла», — Мак-Куллох и Бланки будут голосовать за посылку Грюну благодарственного адреса за это открытие.

Истории, которая тоже не является «положительной наукой», г-н Грюн пытается придать положительный характер, противопоставляя фактам, почерпнутым из традиции, ряд фактов, почерпнутых из своего воображения.

На стр. 91 «Катон Аддисона закалывает себя кинжалом на английской сцене за сто лет до Вертера *», обнаруживая, таким образом, поразительное пресыщение жизнью. Оказывается, что он «закалывает» себя тогда, когда его автор, родившийся в 1672 г., был еще младенцем.

На стр. 175 г-н Грюн исправляет дневники Гёте, указывая, что в 1815 г. свобода печати не была «провозглашена» немецкими правительствами, но лишь «обещана». Таким образом, все те ужасы, которые нам рассказывают зауэрландские и прочие филистеры о четырех годах свободы печати, с 1815 по 1819 г., о том, как все их грязные дела и скандальные истории были из-

влечены прессой на свет божий и как, наконец, союзные постановления 1819 г.* положили конец этому террору гласности, — все это было не более, как сон.

Г-н Грюн рассказывает нам далее, что вольный имперский город Франкфурт отнюдь не был государством, а «лишь частью гражданского общества» (стр. 19). И вообще в Германии якобы нет государства, поэтому теперь начинают, наконец, «все больше и больше понимать своеобразные преимущества этой германской безгосударственности» (стр. 257); эти преимущества заключаются прежде всего в широкой возможности получения колотушек. Немецкие самодержцы могут, таким образом, сказать: «la société civile, c'est moi»¹, — причем им все же придется плохо, так как, согласно стр. 101, гражданское общество — лишь «абстракция».

Но если у немцев нет государства, зато у них имеется «огромный вексель на правду, и этот вексель должен быть реализован, оплачен, превращен в звонкую монету» (стр. 5). Этот вексель, несомненно, оплачивается в той же конторе, в которой г-н Грюн платит «налог, дающий право на избрание в парламент человечества».

Важнейшие «положительные» разъяснения даются нам относительно французской революции, о «значении» которой автор держит, отклоняясь от предмета, «особую речь». Он начинает с оракульского изречения: противоречие между историческим правом и правом, основанным на разуме, имеет большое значение, ибо и то, и другое — исторического происхождения. Отнюдь не желая сколько-нибудь преуменьшать значение столь же нового, как и важного открытия г-на Грюна, что и право, основанное на разуме, сложилось в процессе истории, мы позволяем себе лишь скромно заметить, что безмолвный разговор с глазу на глаз в комнатной тиши с первыми томами «Парламентской истории» Бюше должен был бы показать ему, какую роль это противоречие сыграло в революции.

Г-н Грюн предпочитает, однако, подробно доказывать нам негодность революции, что сводится в конце концов к одному-единственному, но очень тяжкому упреку: она «не исследовала понятие «человек»». Такое грубое упущение действительно непростительно. Если бы только революция исследовала понятие «человек», то не было бы и речи ни о девятом термидора, ни о восемнадцатом брюмера, Наполеон удовольствовался бы чином генерала и, может быть, на старости лет написал бы устав строе-

¹ — «гражданское общество — это я». *Ред.*

вой службы «с человеческой точки зрения». — Далее мы узнаем в связи с разъяснением «значения революции», что деизм в основе своей не отличается от материализма, а также, почему он не отличается. Это дает нам возможность с удовольствием убедиться, что г-н Грюн еще не совсем забыл своего Гегеля. Сравни, например, «Историю философии» Гегеля *, ч. III, стр. 458, 459, 463 второго издания. — Далее, опять-таки для разъяснения «значения революции», сообщаются подробности о конкуренции — важнейшее мы уже изложили выше, — после чего приводятся длинные извлечения из работ Гольбаха, чтобы доказать, что он выводит преступления из существования государства; не в меньшей мере разъясняется «значение революции» богатым набором выдержек из «Утопии» Томаса Мора, относительно которой опять-таки разъясняется, что в ней в 1516 г. пророчески изображена с точностью до мелочей не более не менее как *теперешняя Англия* (стр. 225). И, наконец, после всех этих разбросанных мимоходом на целых 36 страницах соображений и рассуждений следует окончательный приговор на стр. 226: «Революция — это осуществление макиавеллизма». Предостерегающий пример для всех, кто еще не исследовал понятия «человек»!

В утешение бедным французам, которые не достигли ничего, кроме осуществления макиавеллизма, г-н Грюн на стр. 73 проливает капельку бальзама:

«Французский народ в XVIII веке был среди народов Прометеем, противопоставившим *человеческие права* правам богов».

Не будем обращать внимание на то, что таким образом «понятие «человек» все же должно было быть «исследовано», или на то, что права человека «противопоставлялись» не «правам богов», а правам короля, дворянства и попов; оставим эти мелочи и молча предадимся скорби, ибо здесь с самим г-ном Грюном происходит нечто «человеческое».

А именно г-н Грюн забывает, что в более ранних своих произведениях * (см., например, статью о «социальном движении» в I томе «Rheinische Jahrbücher» и др.) он не только широко комментировал и «популяризировал» известное рассуждение о правах человека * из «Deutsch-Französische Jahrbücher», но даже с истинным усердием плагиатора утрировал его, превратив в бессмыслицу. Он забывает, что клеймил там права человека, как права лавочника, мещанина и т. д., и теперь вдруг превращает их в «человеческие права», в права, «присущие человеку». То же случается с г-ном Грюном на стр. 251 и 252, где взятое из «Фауста» «право новое, родное *», о чем, увы, и речи нет», превра-

щается в «твое естественное право, твое человеческое право, право внутренне определять свои действия и наслаждаться своим произведением», хотя Гёте прямо противопоставляет это право «законам и правам *», *наследному имению*», передающемуся «как старая болезнь», т. е. традиционному праву *ancien régime*¹, с которым находятся в противоречии лишь «прирожденные, независящие от давности, неотчуждаемые права человека», провозглашенные революцией, но отнюдь не права, присущие «человеку». На этот раз г-н Грюн, конечно, должен был забыть то, что писал раньше, чтобы Гёте не потерял человеческой точки зрения.

Впрочем, г-н Грюн не совсем еще забыл то, чему он научился из «Deutsch-Französische Jahrbücher» и других работ того же направления *. На стр. 210 он определяет, например, тогдашнюю французскую свободу как «свободу от несвободной (!) всеобщей (!!) сущности (!!!)». Этот уклон, очевидно, возник из «общности»² со стр. 204 и 205 «Deutsch-Französische Jahrbücher»* благодаря переводу этих страниц на тот язык, который в обиходе у современного немецкого социализма. «Истинные социалисты» вообще имеют обыкновение, когда они встречаются с рассуждением, которое им непонятно, так как оно абстрагировано от философии и содержит юридические, экономические и т. п. термины, мигом сводить его к короткой, уснащенной философскими терминами фразе и заучивать этот вздор наизусть для любого употребления. Таким именно образом правовая «общность» «Deutsch-Französische Jahrbücher» превращена в приведенную выше философски-бессмысленную «всеобщую сущность»; политическая эмансипация, демократия нашли свою философскую краткую формулу в «освобождении от несвободной всеобщей сущности» — формулу, которую «истинный социалист» может уже положить в карман, не опасаясь, что его ученость окажется для него слишком тяжелым бременем. — На стр. XXVI г-н Грюн эксплуатирует подобным же образом то, что в «Святом семействе» сказано о сенсуализме и материализме *, и использует сделанное в этой работе указание, что у материалистов прошлого столетия, в частности у Гольбаха, можно найти точки соприкосновения с социалистическим движением наших дней, для того чтобы привести упомянутые выше цитаты из Гольбаха и снабдить их социалистическими комментариями.

¹ — старого порядка. *Ред.*

² Игра слов: «allgemeine Wesen» — «всеобщая сущность»; «Unwesen» — «безобразное существо», «ублюдок»; «Gemeinwesen» — «общность». *Ред.*

Переходим к философии. К ней г-н Грюн питает глубокое презрение. Уже на стр. VII он сообщает нам, что ему «впредь более нечего делать с религией, философией и политикой», что все они «относятся к прошлому и никогда более не поднимутся после пережитого ими крушения» и что от всех них и, в частности, от философии он «не сохраняет ничего, кроме человека и способной к общественной деятельности социальной сущности». Этой способной к общественной деятельности общественной сущности и упомянутого выше человеческого человека во всяком случае достаточно, чтобы утешить нас по поводу безвозвратной гибели религии, философии и политики. Но г-н Грюн весьма умерен. Он не только «сохранил» из философии «гуманистического человека» и всевозможные «сущности», но и является счастливым обладателем значительной, хотя и весьма хаотической, массы гегелевских традиций. Да и могло ли быть иначе, после того как он несколько лет тому назад не раз с благоговением преклонял колени перед бюстом Гегеля? Нас, вероятно, попросят не касаться таких смешных и скандальных *personalia*¹, но г-н Грюн сам доверил эту тайну печати. На этот раз мы не скажем где. Мы уже столько раз указывали г-ну Грюну его источники, отмечая и главу и стих, что можем потребовать хоть раз такой же услуги и от г-на Грюна. Чтобы еще раз доказать ему нашу готовность к услугам, мы доверим ему тайну, что окончательное решение спорного вопроса о свободе воли, приводимое им на стр. 8, он заимствовал из «Трактата об ассоциации» Фурье, раздел о свободе воли. Лишь замечание, что теория о свободе воли есть «заблуждение немецкого духа», является своеобразным «заблуждением» самого г-на Грюна.

Наконец, мы приближаемся к Гёте. На стр. 15 г-н Грюн доказывает, что Гёте имеет право на существование. Гёте и Шиллер — это разрешение противоречия между «бездейтельным наслаждением», т. е. Виландом, и «чуждым наслаждением действием», т. е. Клопштоком. «Лессинг первый заставил человека опереться на самого себя» (сумеет ли г-н Грюн проделать вслед за ним этот акробатический фокус?). — В этой философской конструкции перед нами сразу все источники г-на Грюна. Форма конструкции, основа всего — это общеизвестная гегелевская манера примирения противоречий. «Опирающийся на самого себя человек» — это гегелевская терминология в применении к Фейербаху. «Бездейственное наслаждение» и «чуждое наслаждения действие» — противоречие, по поводу которого г-н Грюн заставляет Виланда

¹ — личных дел. *Ред.*

«человек»». Гёте изображает «человека» таким, каким г-н Грюн намерен его претворить в действительность, и в то же время он изображает немецкий народ в преображенном виде, таким образом, «человек» есть не кто иной, как «преображенный немец». Это утверждается повсюду. Подобно тому как Гёте «не национальный поэт», но «поэт человеческого», так и немецкий народ «не национальный» народ, но народ «человеческого». Поэтому на стр. XVI мы читаем: «Поэтические творения Гёте, возникнув из жизни... не имели и не имеют ничего общего с действительностью». Точь-в-точь, как и «человек», точь-в-точь, как и немцы. А на стр. 4: «И сейчас еще *французский* социализм хочет осчастливить только *Францию*; *немецкие же* писатели обращены лицом ко всему *роду человеческого*» (между тем как «род человеческий» в большинстве случаев «обращен» к ним не «лицом», а довольно-таки отдаленной от него и противоположной ему частью тела). Г-н Грюн во многих местах выражает также свою радость по поводу того, что Гёте хотел «дать выход свободе человека *изнутри*» (см., например, стр. 225), но из этого чисто германского освобождения все еще ничего «не выходит».

Итак, констатируем это первое разъяснение: «человек» — это «преображенный» немец.

Проследим же, в чем заключается признание г-ном Грюном Гёте «поэтом человеческого», признание «человеческого содержания в Гёте». Это признание нам лучше всего откроет, кто тот «человек», о котором говорит г-н Грюн. Мы увидим, что г-н Грюн разглашает здесь сокровеннейшие мысли «истинного социализма», подобно тому как вообще в своем неукротимом стремлении перекричать всю свою компанию он заходит настолько далеко, что выбалтывает миру вещи, о которых прочая братия предпочла бы хранить молчание. Ему, впрочем, тем легче было превратить Гёте в «поэта человеческого», что Гёте сам часто в несколько высокопарном смысле употреблял слова «человек» и «человеческий». Гёте употреблял их, конечно, только в том смысле, в каком они употреблялись в его время, а позднее также Гегелем, когда определение «человеческий» применялось преимущественно к грекам в противоположность языческим и христианским варварам, задолго до того, как Фейербахом было вложено в эти выражения мистически-философское содержание. У Гёте, в частности, в большинстве случаев они имеют совершенно нефилософское, плотское значение. Лишь г-ну Грюну принадлежит заслуга превращения Гёте в ученика Фейербаха и в «истинного социалиста».

О самом Гёте мы не можем, конечно, говорить здесь подробно. Мы обращаем внимание лишь на один пункт. — Гёте в своих

произведениях двояко относится к немецкому обществу своего времени. То он враждебен ему; оно противно ему, и он пытается бежать от него, как в «Ифигении» и вообще во время путешествия по Италии; он восстает против него, как Гёц, Прометей и Фауст, осыпает его горькими насмешками Мефистофеля. То он, напротив, сближается с ним, «приноравливается» к нему, как в большинстве своих стихотворений из цикла «Кроткие ксени» и во многих прозаических произведениях, восхваляет его, как в «Маскарадных шествиях», даже защищает его от нападающего на него исторического движения, особенно во всех произведениях, где он касается французской революции. Дело не только в том, что Гёте признает отдельные стороны немецкой жизни в противоположность другим сторонам, которые ему враждебны. Часто это только проявление его различных настроений; в нем постоянно происходит борьба между гениальным поэтом, которому убожество окружающей его среды внушало отвращение, и осмотрительным сыном франкфуртского патриция, достопочтенным веймарским тайным советником, который видит себя вынужденным заключать с этим убожеством перемирие и приспособливаться к нему. Так, Гёте то колоссально велик, то мелок; то это непокорный, насмешливый, презирающий мир гений, то осторожный, всем довольный, узкий филистер. И Гёте был не в силах победить немецкое убожество; напротив, оно побеждает его; и эта победа убожества над величайшим цемцем является лучшим доказательством того, что «изнутри» его вообще нельзя победить. «Гёте был слишком разносторонен, он был слишком активной натурой, слишком соткан из плоти и крови, чтобы искать спасения от убожества в шиллеровском бегстве к кантовскому идеалу; он был слишком проницателен, чтобы не видеть, что это бегство в конце концов сводилось к замене плоского убожества высокопарным. Его темперамент, его энергия, все его духовные стремления толкали его к практической жизни, а практическая жизнь, с которой он сталкивался, была жалка. Перед этой дилеммой — существовать в жизненной среде, которую он должен был презирать и все же быть прикованным к ней как к единственной, в которой он мог действовать, — перед этой дилеммой Гёте находился постоянно, и чем старше он становился, тем все больше могучий поэт, *de guerre lasse*¹, уступал место заурядному веймарскому министру. Мы упрекаем Гёте не за то, что он не был либерален, как это делают Бёрне и Менцель, а за то, что временами он мог быть даже филистером; мы упрекаем его и не за то, что он

¹ — выбившись из сил; после долгого сопротивления. *Ред.*

не был способен на энтузиазм во имя немецкой свободы, а за то, что он филистерскому страху перед всяким современным великим историческим движением приносил в жертву свое, иной раз пробывавшееся, более правильное эстетическое чутье; не за то, что он был придворным, а за то, что в то время, когда Наполеон чистил огромные авгиевы конюшни Германии, он мог с торжественной серьезностью заниматься ничтожнейшими делами и *menus plaisirs*¹ одного из ничтожнейших немецких крохотных дворов. Мы вообще не делаем упреков Гёте ни с моральной, ни с партийной точки зрения, а упрекаем его разве лишь с эстетической и исторической точки зрения; мы не измеряем Гёте ни моральной, ни политической, ни «человеческой» меркой. Мы не можем здесь заняться изображением Гёте в связи со всей его эпохой, с его литературными предшественниками и современниками, изобразить его в развитии и в связи с его общественным положением. Мы ограничиваемся поэтому лишь тем, что просто констатируем факт.

Мы увидим, с какой из указанных сторон произведения Гёте являются «подлинным кодексом человечества», «совершенной человечностью», «идеалом человеческого общества».

Обратимся сначала к гётевской критике существующего общества, чтобы затем перейти к положительному изложению «идеала человеческого общества». Само собой понятно, что, ввиду богатства содержания книги Грюна, мы сможем привести в обоих случаях лишь несколько наиболее характерных блестящих мест.

Гёте в качестве критика общества действительно совершает чудеса. Он «проклинает цивилизацию» (стр. 34—36), высказав несколько романтических сетований по поводу того, что цивилизация стирает в человеке все характерное, индивидуальное. Он «предсказывает мир буржуазии» (стр. 78), изобразив в «Прометее» *tout bonnement*² возникновение частной собственности. Он — на стр. 229 — «судья мира... Минос цивилизации». Но все это лишь мелочи.

На стр. 253 г-н Грюн цитирует «За чтением катехизиса»:

Откуда у тебя, дитя, дары все эти?
Ведь без источника нет ничего на свете.
— Да что ж, я их от папы получил.
— А папа от кого? — От дедушки. — Но дал их
Кто ж деду твоему? — Он *взял* их.

¹ — буквально: «мелкими удовольствиями»; в переносном смысле: добавочными расходами на всякого рода прихоти. *Ред.*

² — без всяких околочностей. *Ред.*

Ура! — во весь голос кричит г-н Грюн, *la propriété c'est le vol*^{1*} — вот настоящий Прудон!

Левьерье со своей планетой может отправляться восвояси иступить свой орден г-ну Грюну, так как здесь перед нами нечто большее, чем открытие Левьерье, большее даже, чем открытие Джэксона и пары серного эфира. Кто свел значение лишившей покоя многих мирных буржуа фразы Прудона о краже к безобидным ямбам приведенной выше гётевской эпиграммы, заслуживает ленты большого креста Почетного легиона.

«Гражданин-генерал» доставляет уже больше хлопот. Г-н Грюн оглядывает его некоторое время со всех сторон, вопреки своему обыкновению делает несколько скептических гримас, становится озабоченным: «конечно... довольно безвкусно... революция этим не осуждается» (стр. 150)... Стоп! Он-таки нашел, о каком предмете здесь идет речь! *О горшке молока*^{*}. Итак: «не забудем... что это опять... *вопрос о собственности*, выдвинувшийся на первый план» (стр. 151).

Когда на улице, на которой живет г-н Грюн, две старухи ссорятся из-за сеledочной головки, пусть г-н Грюн не сочтет за труд спуститься из своей «пахнущей розами и резедой» комнаты и известить их, что и у них дело идет о «вопросе о собственности, который выдвинулся на первый план». Благодарность всех благомыслящих людей будет для него лучшей наградой.

Один из величайших критических подвигов совершил Гёте, когда написал «Вертера». «Вертер» отнюдь не простой сентиментальный роман с любовной фабулой, как это думали до сих пор те, кто читал Гёте «с человеческой точки зрения».

В «Вертере» «человеческое содержание нашло для себя такую адекватную форму, что ни в какой литературе мира нельзя найти ничего, что заслуживало бы быть поставленным хоть в какой-то мере рядом с ним» (стр. 96). «Любовь Вертера к Лотте — лишь рычаг, лишь носитель трагедии радикального чувственного пантеизма... Вертер — это человек, которому недостает позвоночной кости, который не стал еще субъектом» (стр. 93, 94). Вертер застрелился не из-за своей влюбленности, а «потому, что он — о, злополучное пантеистическое сознание — не мог уяснить своих взаимоотношений с миром» (стр. 94). «В «Вертере» с художественным мастерством выявляется все гниение общества, показаны глубочайшие корни социальных недугов, их религиозно-философская основа (эта «основа», как известно, гораздо более позднего происхождения, чем «недуги»), «сопровожающая их нечеткость, туманность познания... Чистые, профильтрованные понятия об истинной человечности» (но прежде всего позвоночная кость, г-н Грюн, позвоночная кость!) «означали бы также гибель того убожества, того насквозь изъеденного червями порядка, который именуется обыденной жизнью».

† — собственность — это кража. Ред.

Вот пример того, как «В «Вертере» с художественным мастерством» выявляется «гниение общества». Вертер пишет:

«Авантюры? Зачем употребляю я это глупое слово?..* Наша обыденная жизнь, наши ложные отношения — вот настоящие авантюры, вот что чудовищно!»

Этот вопль отчаяния мечтательного плаксы по поводу пропасти между бюргерской действительностью и своими, не менее бюргерскими, иллюзиями относительно этой действительности, эти жалкие, основанные исключительно на отсутствии элементарного опыта, вздохи г-н Грюн на стр. 84 выдает за острую и глубокую критику общества. Г-н Грюн утверждает даже, что выраженная в вышеприведенных словах «безысходная мука жизни, эта болезненная потребность всякую вещь ставить на голову, чтобы она хоть один раз приняла иной облик» (!), «в конце концов проложила для себя русло французской революции». Революция, в которой выше усматривалось осуществление макиавеллизма, становится здесь лишь осуществлением страданий молодого Вертера. Гильотина, воздвигнутая на площади Революции, оказывается не чем иным, как жалким плагиатом вертеровского пистолета.

После этого не приходится удивляться, что Гёте и в «*Стелле*», как указывается на стр. 108, обработал «социальный материал», хотя в этом произведении изображены «в высшей степени жалкие отношения» (стр. 107). «Истинный социализм» гораздо более вездесущ, чем наш господин Иисус. Там, где двое или трое собрались вместе — и вовсе не требуется, чтобы это происходило ради него, — он уже среди них и твердит о наличии «социального материала». Он, равно как и его последователь г-н Грюн, вообще имеет поразительное сходство с «тем плоским, самодовольным пронырливым существом, которое во все вмешивается, но ни в чем не в состоянии разобраться» (стр. 47).

Наши читатели, быть может, помнят одно из писем Вильгельма Мейстера своему зятю — «Годы учения», последний том, — где он после нескольких довольно плоских замечаний о том, что расти в достатке — это преимущество, признает превосходство дворянства над мещанами и санкционирует, как не подлежащее в ближайшее время изменению, неполноправное положение мещан, так же как и всех прочих недворянских классов. Только отдельным личностям при известных обстоятельствах должна быть предоставлена возможность подняться до уровня дворянства. Г-н Грюн делает по этому поводу следующее замечание:

«То, что Гёте говорит о превосходстве высших классов общества, *безусловно верно*, если отождествить высший класс с образованным классом, а именно так и делает Гёте» (стр. 264).

На этом остается только поставить точку.

Обратимся к основному, вызвавшему столько толков вопросу: к вопросу об отношении Гёте к политике и к французской революции. Тут книга г-на Грюна может нам показать, что значит не останавливаться ни перед чем; тут-то и обнаруживается вся преданность г-на Грюна.

Чтобы отношение Гёте к революции получило свое оправдание, Гёте, разумеется, должен быть *выше* революции, должен преодолеть ее еще до того, как она началась. Поэтому уже на стр. XXI мы узнаем, что «Гёте настолько опередил *практическое* развитие своей эпохи, что мог относиться к нему, как он сам считал, лишь отрицательно, мог лишь отвергать его». На стр. 84, говоря о «Вертере», который, как мы видели, уже заключал в себе *in puce*¹ всю революцию, автор пишет: «История стоит на уровне 1789, а Гёте — 1889 года». Точно так же на стр. 28 и 29 Грюн заставляет Гёте «в немногих словах основательно разделаться со всяким криком о свободе» на том основании, что уже в 70-х годах Гёте напечатал в «Frankfurter Gelehrte Anzeiger» статью*, в которой отнюдь не говорится о свободе, требуемой «крикунами», а высказываются лишь некоторые общие и довольно банальные рассуждения о свободе как таковой, о самом понятии свободы. Далее: поскольку Гёте в своей докторской диссертации* выдвигал тезис об обязанности каждого законодателя ввести какой-либо определенный культ, — тезис, который сам Гёте трактует лишь как забавный парадокс, вызванный провинциальной перебранкой франкфуртских попов (и это цитирует *сам* г-н Грюн), — объявляется, что «студент Гёте выбросил как изношенные подметки весь дуализм революции и современного французского государства» (стр. 26—27). По-видимому, г-ну Грюну достались в наследство «изношенные подметки студента Гёте» и он приделал их к семи-милым сапогам своего «социального движения».

Теперь, конечно, высказывания Гёте, относящиеся к революции, предстают перед нами в совершенно новом свете. Теперь нам ясно, что он, который столь возвышался над революцией, который за пятнадцать лет до нее «разделался» с ней, «выбросил как изношенные подметки», опередил ее на целое столетие, — что он не мог отнестись к ней с сочувствием, не мог заинтересоваться народом «крикунов о свободе», с которым он свел свои счета уже

¹ — в зародыше. *Ред.*

в 1773 году. Теперь для г-на Грюна нет никаких трудностей. Пусть Гёте сколько угодно облакает в изящные двустипшия банальную традиционную мудрость, пусть он делает ее предметом филистерски ограниченных рассуждений, пусть он испытывает мещанский трепет перед великим ледоходом, угрожающим его мирному поэтическому уединению, пусть он проявляет мелочность, трусость, лакейство, — ничто не может вывести из себя его терпеливого комментатора. Г-н Грюн поднимает его на свои неутомимые плечи и несет через грязь; мало того, он всю грязь принимает на счет «истинного социализма», лишь бы не запачкались башмаки Гёте. Начиная с «Кампании во Франции» и кончая «Побочной дочерью» — все, все без исключения принимает на себя г-н Грюн (стр. 133—170), обнаруживая преданность, которая могла бы растрогать до слез человека, подобного Бюше. Но когда все бесполезно, когда грязь уже очень глубока, тогда выдвигается высшее социальное толкование, и г-н Грюн парафразирует следующее место:

О печальной судьбе твоей, Франция *, пусть подумают крупные люди.
 Но поистине — тот, кто помельче, задуматься должен вдвойне!
 Гибель крупных ждала. Но кто был защитником массы
 От массы? Масса — вот кто для массы тиран.

«Кто будет защитником?» — кричит г-н Грюн изо всей мочи, прибегая к разрядке, к вопросительным знакам, ко всем «носителям трагедии радикального чувственного пантеизма». «А именно, кто будет защитником неимущей массы, так называемой черни, от имущей массы, от законодательствующей черни!» (стр. 137). «А именно, кто будет защитником» Гёте от г-на Грюна?

Таким же способом объясняет г-н Грюн одно за другим все высокоумные бюргерские наставления из «Венецианских эпиграмм», которые ему «представляются пощечинами, раздаваемыми рукой *Геркулеса*, и звук которых лишь теперь нам кажется таким приятным» (после того как для мещанина опасность миновала), «так как мы имеем великий и *горький* опыт» (безусловно, весьма горький для мещанина) «за плечами» (стр. 136).

Из «*Осады Майнца*» г-н Грюн

«ни в коем случае не хотел бы оставить без внимания следующего места: «Во вторник... я поспешил... *засвидетельствовать свое почтение* ... моему государю и при этом имел счастье *услужить* принцу... моему неизменно милостивому господину» и т. д.

То место, где Гёте повергает свою верноподданническую преданность к стопам г-на Рица, лейб-камердинера, лейб-рого-

носа и лейб-сводника прусского короля¹, г-н Грюн не считает удобным цитировать.

По поводу «*Гражданина-генерала*» и «*Эмигрантов*»* мы узнаем:

«Вся антипатия Гёте к революции, так часто облекавшаяся в поэтическую форму, была связана с этими вечными излияниями горя, с тем, что он видел людей, изгоняемых из *честно заработанных* и *честно нажитых* владений, на которые притязали интриганы, завистники и пр., «с этой самой *несправедливостью грабежа*... Его *домовитая, мирная* натура возмущалась нарушением права владения, совершаемым *по произволу* и обрекавшим целые массы людей на бегство и нищету» (стр. 151).

Отнесем это место без всяких рассуждений на счет «человека», «мирная и домовитая натура» которого чувствует себя так уютно среди «честно заработанных и честно нажитых», проще говоря, благоприобретенных «владений», что он объявляет революционные бури, сметающие *sans façon*² эти владения, «произволом», делом рук «интриганов, завистников» и пр.

После всего сказанного нас не удивляет, что бюргерская идиллия «*Германа и Доротеи*» с ее трусливыми и премудрыми провинциалами, с ее причитающими крестьянами, в суеверном страхе удирающими от армии санкюлотов и от ужасов войны, вызывает у г-на Грюна «самое чистое наслаждение» (стр. 165). Г-н Грюн

«спокойно довольствуется даже ограниченной миссией, которая в конце концов... отводится немецкому народу:

Нет, не германцу пристало * ужасное это движенье
Продолжать и не ведать — сюда ли, туда ли податься».

Г-н Грюн поступает правильно, проливая слезы соболезнования о жертвах тяжелой эпохи и в патриотическом отчаянии обращая по поводу таких ударов судьбы свои взоры к небу. Ведь и без того не мало есть испорченных людей и выродков, в груди которых не бьется «человеческое» сердце, которые предпочитают подпевать в республиканском лагере «Марсельезу» и даже в покинутой каморке Доротеи позволять себе скабрзные шутки. Г-н Грюн — добродетельный муж, возмущающийся бесчувственностью, с которой, например, какой-нибудь Гегель смотрит на «мирные цветочки»*, растоптанные в бурном ходе истории, и насмехается над «скучными жалобами на тему о личных добродетелях скромности, смирения, человеколюбия и сострадательности», раздающимися «против всемирно-исторических дея-

¹ — Фридриха-Вильгельма II. *Ред.*

² — бесцеремонно. *Ред.*

ний и совершающих их лиц». Г-н Грюн прав в этом. На небе он получил заслуженную награду.

Мы закончим «человеческие» комментарии к революции следующим высказыванием: «Подлинный комик мог бы позволить себе *признать самый Конвент бесконечно смешным*»; а пока не нашлось такого «подлинного комика», г-н Грюн дает нам тем временем необходимые для этого наставления (стр. 151 и 152).

Об отношении Гёте к политике после революции г-н Грюн опять-таки дает нам ошеломляющие разъяснения. Приведем лишь один пример. Мы уже знаем, какая глубокая злоба против либералов таится в груди «человека». «Поэт человеческого» не может, конечно, сойти в могилу, без того чтобы специально не отмежеваться от них и не оставить определенного назидания гг. Велькеру, Ицштейну и К^о. Такое назидание наше «самодовольное пронырливое существо» находит (см. стр. 319) в следующем месте из цикла «Кроткие ксении»:

Да это ж все тот же старый помет!*
 Другим бы давно надоело
 Не двигаться с места. Идите ж вперед!
 На месте топтаться не дело!

Высказанный Гёте взгляд: «Ничто не внушает большего отвращения*, чем *большинство*, так как оно состоит из немногих сильных вожаков, из плутов, которые приспособляются, из слабых, которые ассимилируются, и из массы, которая семенит за ними, не зная и в отдаленной степени, чего она хочет», — это поистине филистерское мнение, отличающееся тем невежеством и близорукостью, которые были возможны только на ограниченной территории немецкого карликового государства, представляется г-ну Грюну как «критика позднейшего» (т. е. современного) «правового государства». Насколько она веска, можно убедиться, «например, в любой палате представителей» (стр. 268). Таким образом, «чрево» французской палаты* только по невежеству так превосходно печется о себе и себе подобных. Несколькими страницами дальше (стр. 271) «июльская революция» оказывается для г-на Грюна «фатальной», а уже на стр. 34 высказывается суровое осуждение *Таможенному союзу*, так как он «делает для нагого, зябнущего еще *более дорогими* лохмотья, прикрывающие его обнаженное тело, ради того, чтобы хоть немного упрочить устои трона (!) свободомыслящих денежных тузов» (которые, как известно, во всех государствах Таможенного союза находятся в оппозиции к «трону»). «Нагих» и «зябнущих», как известно, мещанин в Германии всегда выставляет на передний план, когда дело

идет о противодействии покровительственным пошлинам или какой-нибудь другой прогрессивной буржуазной мере, и «человек» присоединяется к мещанину.

Какие же разъяснения относительно «человеческой сущности» дает нам через посредство г-на Грюна гётевская критика общества и государства?

Прежде всего «человек», согласно стр. 264, испытывает самое глубокое уважение к «образованным сословиям» вообще и почтительное чувство расстояния, отделяющее его от высшего дворянства, в особенности. Далее, для него характерен смертельный страх перед всяким большим массовым движением, перед всяким энергичным общественным действием; когда оно надвигается, он либо трусливо прячется за печку, либо поспешно удирает со всем своим скарбом. Пока движение продолжается, оно для него лишь «горький опыт»; но едва лишь оно миновало, он непринужденно располагается на авансцене, раздаёт рукой Геркулеса пощечины, звук которых только теперь начинает ему казаться таким приятным, и находит все происшедшее «бесконечно смешным». При этом он всей душой тяготеет к «честно заработанному и честно нажитому владению» и является в остальном вполне «домовитой и мирной натурой»; он скромен, довольствуется малым и желал бы, чтобы никакие бури не мешали ему вкушать его маленькие, тихие радости. «Человек охотно живет в ограниченной обстановке» (стр. 191; и это *первая фраза*, которой открывается «вторая часть»); он никому не завидует и благодарит творца, если его оставляют в покое. Словом, «человек», о котором мы уже знаем, что он — прирожденный немец, начинает понемногу, как две капли воды, походить на *немецкого мелкого буржуа*.

Действительно, к чему сводится при посредничестве г-на Грюна гётевская критика общества? Что считает «человек» нужным поставить в вину обществу? Во-первых, то, что оно не отвечает его иллюзиям. Но эти иллюзии являются как раз иллюзиями занимающегося идеологизированием мещанина, и в особенности молодого, и если мещанская действительность не соответствует этим иллюзиям, то вызывается это лишь тем, что они — иллюзии. Но зато сами они тем более соответствуют мещанской действительности. Они отличаются от нее лишь в такой же мере, в какой вообще перенесенное в идеологическую сферу выражение какого-либо состояния отличается от этого последнего, а потому и о претворении первого в жизнь не может быть в дальнейшем и речи. Убедительным примером этого являются комментарии г-на Грюна к «Вертеру».

Во-вторых, полемика «человека» направляется против всего того, что угрожает немецкому мещанскому режиму. Вся его полемика против революции — это полемика мещанина. В его ненависти к либералам, июльской революции, покровительственным пошлинам самым очевидным образом сказывается ненависть придавленного, косного мелкого буржуа к независимой прогрессивной буржуазии. Приведем для иллюстрации этого еще два примера.

Расцвет мещанства, как известно, связан с цеховым строем. На стр. 40 г-н Грюн говорит, в духе Гёте, г. е. «человека»: «В средние века корпорация связывала *сильного человека* с другими *сильными*, оказывая ему защиту». В глазах «человека» тогдашние цеховые бюргеры — «сильные люди».

Но цеховой строй во времена Гёте уже находился в упадке, конкуренция вторгалась со всех сторон. Гёте, как истый мещанин, в одном месте своих воспоминаний *, которое г-н Грюн цитирует на стр. 88, изливается надрывающими душу жалобами по поводу начинающегося разложения мещанства, разорения состоятельных семей, связанного с этим развала семейной жизни, ослабления домашних уз и прочих бюргерских горестей, которые в цивилизованных странах встречают заслуженное презрение. Г-н Грюн, который учуял в этом месте превосходную критику современного общества, до такой степени не в силах умерить свою радость, что все «человеческое содержание» этой цитаты печатает вразрядку.

Перейдем теперь к положительному «человеческому содержанию» у Гёте. Мы можем теперь быстрее подвигаться вперед, так как мы уже напали на след «человека».

Прежде всего нужно отметить следующее отрадное наблюдение: «Вильгельм Мейстер бежит из родительского дома», а в «Эгмонте» «граждане Брюсселя отстаивают свои права и привилегии» только ради того, чтобы «стать людьми», а не по каким-либо другим причинам (стр. XVII).

Г-н Грюн поймал уже однажды старика Гёте на путях Прудона. На стр. 320 ему посчастливилось это сделать еще раз!

«То, чего он желал, чего мы все желаем, это спасти нашу личность, это *анархия* в истинном значении этого слова; Гёте говорит об этом:

За то анархия в наш век *
Мне нравится, признаться, очень,
Что может каждый человек —
Я тоже, значит, — жить, как хочет» и т. д.

Г-н Грюн на вершине блаженства: подлинно «человеческую» общественную анархию, возведенную впервые Прудоном и во-

сторженно принятую немецкими «истинными социалистами», — эту анархию можно обнаружить также и у Гёте. На этот раз он, однако, совершает промах. Гёте говорит здесь об уже существующей «в наш век анархии», которая уже «составляет» его преимущество и согласно которой каждый живет, как хочет, т. е. он говорит о независимости в житейских отношениях, появившейся в результате разложения феодального и цехового строя, возвышения буржуазии и изгнания патриархальщины из общественной жизни образованных классов. О дорогой сердцу г-на Грюна *будущей* анархии — анархии в высшем значении этого слова — здесь не может быть и речи уже в силу *грамматических* соображений. Гёте вообще говорит здесь не о том, «чего он желал», а о том, что он нашел готовым.

Но этот маленький промах не должен служить помехой. Ведь мы зато имеем стихотворение «Собственность».

Я знаю, мне принадлежит
Лишь мысль, которую родит
Души моей волненье,
А также каждый миг златой,
Который мне мой рок благой
Дарит для наслажденья.

Если не очевидно, что в этом стихотворении «существовавшая до сих пор собственность исчезает, как дым» (стр. 320), то разум умолкает в г-не Грюне.

Но предоставим эти маленькие побочные комментаторские развлечения г-на Грюна их судьбе. Количество их поистине неисчислимо, и каждое новое еще больше полно неожиданностей, чем предыдущее. Присмотримся лучше еще раз к «человеку».

Мы уже слышали, что «человек охотно живет в ограниченной обстановке». Мещанин — тоже.

«Первенцы Гёте были *чисто социального*» (т. е. человеческого) «характера... Гёте дорожил *самым близким, самым незаметным, самым уютным*» (стр. 88).

Первое положительное, что мы открываем в человеке, это радость, которой наполняет его «самая незаметная, самая уютная», тихая жизнь мелкого буржуа.

«Если мы находим в мире место», — резюмирует г-н Грюн высказывания Гёте, — «где мы можем спокойно жить и владеть своим имуществом, иметь поле, которое нас кормит, дом, который служит нам кровом, — разве не там наша родина?»

И Г-н Грюн восклицает:

«Разве эти слова не выражают сегодня в точности наши стремления?» (стр. 32).

«Человек» непременно носит сюртук à la propriétaire¹ и обнаруживает себя и тут чистокровным мещанином.

Немецкий бюргер, как всякий знает, лишь в молодости на самый короткий миг предается мечтам о свободе. «Человек» отличается тем же свойством. Г-н Грюн с удовлетворением отмечает, что Гёте в позднейшие годы «проклял» «стремление к свободе», которым брызжет еще «Гёц», это «произведение независимого и дерзкого юноши», он даже цитирует in extenso² трусливое отречение Гёте (стр. 43). Что понимает г-н Грюн под свободой, можно видеть из того, что он тут же отождествляет свободу, провозглашенную французской революцией, со свободой швейцарцев во времена путешествия Гёте по Швейцарии, т. е. современную конституционную и демократическую свободу с господством патрициата и цехов в средневековых имперских городах и, кроме того, со старогерманской грубостью альпийских скотоводческих племен. Монтаньяры Бернского нагорья даже и по имени не отличаются от монтаньяров Национального конвента!³

Почтенный бюргер — большой враг всякой фривольности и богохульства. «Человек» — точно так же. Если Гёте в разных местах высказывается об этом, как подлинный бюргер, то для г-на Грюна и это относится к «человеческому содержанию Гёте». И для того, чтобы читатель вполне поверил в это, г-н Грюн не только собирает эти жемчужные зерна, но добавляет на стр. 62 кое-что из ценных откровений собственного сердца, например, что «богохульники... пустые горшки и простофили» и т. д. И это делает честь его сердцу, как сердцу «человека» и бюргера.

Бюргер не может жить без «возлюбленного монарха», дорогого отца отечества. И «человек» также не может. Поэтому и Гёте (на стр. 129) имел в лице Карла-Августа «превосходного государя». А бравый г-н Грюн и в 1846 г. все еще бредит о «превосходных государях»!

Бюргера каждое событие интересует лишь постольку, поскольку оно непосредственно затрагивает его частные отношения.

«Даже события дня становятся для Гёте чуждыми объектами, которые либо нарушают его *бюргерский уют*, либо благоприятствуют ему; они могут вызвать у него эстетический или *человеческий*, но отнюдь не политический интерес» (стр. 20).

¹ — на манер собственника. *Ред.*

² — пространно, полностью. *Ред.*

³ Игра слов: «montagnards» («монтаньяры») — буквально «жители гор»; в то же время так назывались якобинцы — представители партии Горы в Конвенте в период французской буржуазной революции конца XVIII века. *Ред.*

Г-н Грюн «приобретает поэтому человеческий интерес к какой-либо вещи», лишь когда он замечает, что она «либо нарушает его бюргерский уют, либо благоприятствует ему». Г-н Грюн признает здесь с такой прямоотой, какая только возможна, что бюргерский уют — это главное для «человека».

«Фаусту» и «Вильгельму Мейстеру» г-н Грюн посвящает специальные главы. Обратимся сначала к «Фаусту».

На стр. 116 мы узнаем:

«Только благодаря тому, что Гёте попал на след тайны строения растений», он оказался «в состоянии создать Фауста, своего гуманистического человека» (положительно нет никакой возможности увернуться от «человеческого человека»). «Ведь Фауст равным образом... а также и благодаря естествознанию поднимается на вершину своей собственной природы (!)».

У нас уже были примеры того, как и «гуманистический человек», г-н Грюн, «благодаря естествознанию поднимается на вершину своей собственной природы». Очевидно, такова уж его природа.

Мы узнаем далее на стр. 231, что «скелет зверя и кость» в первой сцене означают «абстракцию всей нашей жизни», и вообще г-н Грюн обращается с «Фаустом» так, точно он имеет перед собой откровение святого Иоанна Богослова. Макрокосм означает «гегелеву философию», которая в то время, когда Гёте писал эту сцену * (1806 г.), еще существовала, может быть, лишь в голове Гегеля и разве только в рукописи «Феноменологии», над которой Гегель в то время работал. Но какое дело «человеческому содержанию» до хронологии!

Изображение во второй части «Фауста» пришедшей в упадок Священной Римской империи г-н Грюн на стр. 240 рассматривает без дальнейших рассуждений как изображение монархии Людовика XIV; «таким образом», — добавляет он, — «в наше распоряжение даются *сами собой* конституция и республика». — «Человеку», конечно, «даются сами собой» все вещи, которые другие люди должны добывать тяжелым трудом.

На стр. 246 г-н Грюн открывает нам, что вторая часть «Фауста» с ее естественнонаучной стороны «стала современным канонem, подобно тому, как «Божественная комедия» Данте была канонem средневековья». Рекомендуем это замечание вниманию естествоиспытателей, которые до сих пор находили очень немного для себя во второй части «Фауста», и вниманию историков, которые до сих пор находили в проникнутой партийным духом гибеллинов поэме флорентинца нечто совсем другое, чем «канон средневековья»! По-видимому, г-н Грюн смотрит на историю такими же глазами, какими, согласно стр. 49, Гёте смотрит на свое прошлое: «В Италии Гёте взглянул на свое прошлое *глазами*

Аполлона Бельведерского», каковые pour comble de malheur¹ лишены глазных яблок.

Вильгельм Мейстер — «коммунист», т. е. «в теории стоит на почве эстетического воззрения (!!))» (стр. 254).

«Он на ничто поставил дело*
И вот владеет миром смело» (стр. 257).

Конечно, у него достаточно денег, чтобы владеть миром, как им владеет всякий буржуа, и для этого ему вовсе не нужно утруждать себя и превращаться в «коммуниста, стоящего на почве эстетического воззрения». — Под крылышком того «ничто», на которое Вильгельм Мейстер поставил свое дело и которое, как выясняется на стр. 256, оказывается довольно обширным и обильным «ничто», можно избавиться от неприятностей похмелья. Г-н Грюн «осушает до последней капли все бокалы без всяких болезненных последствий, без головной боли». Тем лучше для «человека», который отныне может втихомолку безнаказанно предаваться пьянству. Для того времени, когда это все осуществится, г-н Грюн уже сейчас открывает, что стихотворение: «Я на ничто поставил дело» — это подлинная застольная песнь «истинного человека»; «эту песнь будут петь, когда человечество будет организовано так, что станет достойным ее». И вот г-н Грюн сократил ее до трех строф и вычеркнул все места, которые не приличествуют знать молодежи и «человеку».

Гёте в «Вильгельме Мейстере» утверждает

«идеал человеческого общества». «Человек — не обучающая, а живущая, деятельная и действующая сущность». «Вильгельм Мейстер и есть этот человек». «Сущность человека составляет деятельность» (эта сущность является тем общим, что есть у человека со всякой блохой) (стр. 257, 258, 261).

Наконец, об «Избирательном средстве». Этот и без того нравоучительный роман г-н Грюн еще больше пропитывает моралью, так что нам почти начинает казаться, что он поставил себе задачей рекомендовать «Избирательное средство» в качестве учебного пособия, пригодного для женских гимназий. Г-н Грюн объясняет, что Гёте

«делал различие между любовью и браком, причем разница заключалась в том, что любовь для него была *поисками брака*, а брак — *обретенной*, завершенной любовью» (стр. 286).

Итак, согласно этому, любовь есть *поиски* «обретенной любви». Это разъясняется далее в том смысле, что после «свободы юношеской любви» должен наступить брак как «окончательный

¹ — в довершение несчастья. *Ред.*

союз любви» (стр. 287). Точно так в цивилизованных странах мудрый отец семейства предоставляет сыну сначала в течение нескольких лет переберестись, чтобы затем найти ему подходящую жену для «окончательного союза». Но в то время, как в цивилизованных странах в этом «окончательном союзе» давно перестали видеть что-либо морально связывающее, и там, напротив, муж содержит любовниц, а жена в отместку наставляет мужу рога, г-н Грюна опять выручает мещанин:

«Если у человека был действительно свободный выбор... если два человека основывают свой союз на обоюдной разумной воле» (о страсти, о плоти и крови здесь нет и речи), «то нужно обладать мировоззрением *развратника*, чтобы рассматривать разрыв этого союза как безделицу, а не как акт, полный страдания и несчастья, как на него смотрит Гёте. О *распутстве* у Гёте, однако, не может быть и речи» (стр. 288).

Это место достаточно характеризует ту стыдливую полемику против морали, которую позволяет себе время от времени г-н Грюн. В отношении юношества, приходит к убеждению мещанин, нужно кое в чем смотреть сквозь пальцы, тем более, что самые беспутные молодые люди позже становятся самыми образцовыми мужьями. Но если они и после свадьбы позволяют себе кое-какие грешки, тогда нет им пощады, нет для них милосердия, так как для этого «нужно обладать мировоззрением развратника».

«Мировоззрение развратника!» «Распутство!» Перед нами «человек» настолько во плоти, как только можно себе представить. Мы видим, как он кладет руку на сердце и с чувством радости и гордости восклицает: Нет, я чист от всякой фривольности, чист от «распутства и порока», я никогда умышленно не нарушал счастья чьей-либо мирной семейной жизни, я всегда оставался верен и честен и никогда не желал жены ближнего моего, я не «развратник»!

«Человек» прав. Он не создан для галантных приключений с красивыми женщинами, он никогда не допускал и мысли об обольщении и о нарушении супружеской верности, он не «развратник», а человек совести, честный и добродетельный немецкий мещанин. Он —

«...лавочник с душой миролюбивой*,
 Что вечно трубкою своей пытит лениво.
 Как лист, трепещет он перед своей женой;
 Хозяйство властною ведет она рукой,
 А он — нося рога, подчас терпя побои —
 Живет, вполне своей довольствуясь судьбою».

(Парни, «Goddam»¹, песнь III.)

¹ Английское восклицание, соответствующее русскому: «Проклятье!», «Будь я проклят!» и т. п.; во Франции употреблялось как ироническое прозвище англичан. *Ред.*

Нам остается сделать лишь еще одно замечание. Если мы в вышеприведенных строках рассматривали Гёте только с одной стороны, то в этом вина исключительно г-на Грюна. Он совсем не изображает величественную сторону Гёте. Он либо спешит проскользнуть мимо всего, в чем Гёте действительно велик и гениален, например, мимо «Римских элегий» «развратника» Гёте, или изливает по поводу этого нескончаемый поток банальностей, который только доказывает, что тут ему нечего сказать. Зато с довольно редким для него прилежанием он выискивает все филистерское, все мещанское, все мелкое, собирает все это вместе, утрирует по всем правилам литературного цеха и каждый раз радуется, когда ему представляется возможность подкрепить свою собственную ограниченность авторитетом часто вдобавок еще и искаженного Гёте.

Не брюзжанием Менцеля, не страдающей ограниченностью полемикой Бёрне отомстила история Гёте за то, что он каждый раз отрекался от нее, когда оказывался с ней лицом к лицу. Нет, подобно тому как

Титания, в стране чудес и фей*,
В объятиях Основы очутилась,

так Гёте проснулся однажды в объятиях г-на Грюна. Апология со стороны г-на Грюна, выражения горячей благодарности, которые он бормочет по поводу каждого филистерски звучащего слова Гёте, — вот самая жестокая месть, на какую только могла обречь оскорбленная история величайшего немецкого поэта.

Ну, а г-н Грюн «может закрыть глаза с сознанием, что он не посрамил призвания — быть человеком» (стр. 248).

Ф. Энгельс. Немецкий социализм в стихах и прозе.
Сочинения, т. 4, стр. 223—248.

ШИЛЛЕР. СЛАБЫЕ СТОРОНЫ ЕГО ПОЭЗИИ

Гегель резче, чем кто бы то ни было, критиковал бессильный кантовский «категорический императив»* (бессильный потому, что требует невозможного; следовательно, никогда не приходит ни к чему действительному); он злее всякого другого осмеивал насажденную Шиллером филистерскую наклонность помечтать о неосуществимых идеалах (см., например, «Феноменологию»*).

Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах.
Сочинения, т. XIV, стр. 653.

ВАЛЬТЕР СКОТТ

1

В Шотландии гибель родового строя совпадает с подавлением восстания 1745 г.* Остается еще невыясненным, какое именно звено этого строя представляет шотландский клан, но что он составляет такое звено, не подлежит сомнению. В романах Вальтера Скотта перед нами, как живой, встает этот клан горной Шотландии. Этот клан, — говорит Морган *, — «превосходный образец рода по своей организации и по своему духу, разительный пример власти родовой жизни над членами рода... В их распрях и в их кровной мести, в разделе территории по кланам, в их общинном землепользовании, в верности членов клана вождю и друг другу мы встречаем всюду вновь проявляющиеся черты родового общества... Происхождение считалось по отцовскому праву, так что дети мужчин оставались в клане, тогда как дети женщин переходили в кланы своих отцов».

Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства.
Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 112.

2

При всех обстоятельствах — будет ли война или нет — не отказывайся от поездки сюда этим летом. Я твердо рассчитываю на твой приезд. Ты же знаешь — мы поедем этим летом в Шотландию, а потому просмотри тем временем своего Вальтера Скотта, чтобы быть в курсе всего.

Ф. Энгельс — своей матери Элизе Энгельс 20 апреля 1859 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 256.

3

Этот последний приступ [болезни] был ужасен. Он не только пожил конец всякой работе, но даже всякому чтению, за исключением Вальтера Скотта.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 2 марта 1866 г.
Сочинения, т. XXIII, стр. 329.

БАЛЬЗАК

1

Так, у Бальзака, который основательно изучил все оттенки скупости, старый ростовщик Гобсек рисуется уже впадшим в детство* в тот период, когда он начинает создавать сокровища, нагромождая товары.

К. Маркс. Капитал, т. I. Примеч. 28а.
Госполитиздат, 1950, стр. 594.

2

В своем последнем романе «Крестьяне» Бальзак, вообще замечательный по глубокому пониманию реальных отношений, метко изображает, как мелкий крестьянин даром совершает всевозможные работы на своего ростовщика*, чтобы сохранить его благоволение, и при этом полагает, что ничего не дарит ростовщику, так как для него самого его собственный труд не стоит никаких денежных затрат. Ростовщик, в свою очередь, убивает таким образом двух зайцев зараз. Он сберегает расходы на заработную плату и все больше и больше опутывает петлями ростовщической сети крестьянина, которого все быстрее разоряет, отвлекая его от работ на собственном поле.

К. Маркс. Капитал, т. III.
Госполитиздат, 1950, стр. 43.

3

Ко двору, в министерства, на вершину администрации и армии протискивается толпа молодцов, о лучшем из которых приходится сказать, что неизвестно, откуда он явился, — шумная, подозрительная, хищническая богема, влезаящая в обшитые галунами сюртуки со смешной важностью сановников Сулука. Можно получить наглядное представление об этом высшем слое Общества десятого декабря*, если принять во внимание, что Верон-Кревель — его моралист, а Гранье де-Кассаньяк — его мыслитель.

К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.
Сочинения, т. VIII, стр. 414—415.

4

В цабелевской статье № II «Как фабрикуют радикальные памфлеты» (№ 41 «Nationalzeitung» от 25 января 1860 г.) мы читаем:

Откуда шли деньги для этой даром раздававшейся газеты (т. е. «Volk»), знают боги; что у Маркса и Бискампя нет лишних денег, знают люди.

Рассматриваемый изолированно, этот отрывок мог бы иметь значение искреннего выражения удивления, как если бы я, например, сказал: «Только богам известно, как некий толстяк, которого я в студенческие годы в Берлине знавал как материально и духовно беспризорного балбеса, — он был владельцем детского приюта, и его литературная деятельность до революции 1848 г. ограничивалась только несколькими анонимными работами для одного захолустного беллетристического журналичка, — только боги знают, как вышеназванный толстый болван превратился в главного редактора «Nationalzeitung», ее пайщика и «имеющего лишние деньги демократа». Люди же, прочитавшие известный роман Бальзака* и изучившие эпоху Мантейфеля, могут об этом догадываться».

К. Маркс. Господин Фогт.
Сочинения, т. XII, ч. I, стр. 480—481.

5

В то время как «Morning Chronicle»* таким образом предвещает революцию, а «Daily News»* — попытку контрреволюции, «Times»* тоже напоминает о февральской революции, имея в виду, правда, не оппозиционные банкеты, а убийство Пралена. Как раз на днях в ирландском канцлерском суде разбиралось дело о наследстве, в котором маркиз Кланрикард, — пэр Англии, посол в Петербурге при министерстве Мельбуерна и главный начальник почт при министерстве Росселя, — фигурирует в роли первого актера в поистине бальзаковском романе, включающем убийство, прелюбодеяние, обман и незаконное домогательство наследства. «Пасмурной осенью 1847 г., — замечает «Times», — когда дух Франции был томим тревожным предчувствием надвигающейся революции, в высших слоях парижского общества разыгрался крупный скандал, который только усилил раздражение среди населения и ускорил развязку предстоявшей катастрофы. Кто внимательно наблюдает в настоящее время за крайне возбужденным состоянием общественного настроения, тот не может без подобного же чувства тревоги следить за громким скандалом, разоблаченным в зале ирландского канцлерского суда».

К. Маркс и Ф. Энгельс. Новая сессия парламента.
Сочинения, т. X, стр. 306.

6

Что сказать о человеке*, который, прочитав первый раз роман Бальзака (да к тому же, еще «Cabinet des Antiques» и «Père Goriot»¹), говорит об этом с высокомерием и величайшим презрением как о чем-то будничном и банальном и в то же время через неделю после своего бегства пишет из Лондона своей покинутой жене совершенно, судя по всем признакам, искреннюю фразу: *my dearest Ida, appearances are against me, but believe me, my heart is still entirely yours*². В этом сказывается весь человек. Сердце его принадлежит шведке, а хвост его француженке; это доказывают также его письма ко мне. Это коллизия, это славянско-сентиментальное, грубое противоречие, — в них именно для него прелесть всей истории. Но шведка гораздо умнее: она говорит всякому, кто хочет ее слушать, что он может делать со своим сердцем, что ему угодно, если только не унесет из дому ничего материального. У этого субъекта, впрочем, отсутствует знание мира и понимание его, что находится в комическом противоречии с духовными претензиями, имеющимися у него как у русского. Он не понял ни манифеста*, ни Бальзака; это он мне довольно часто доказывал.

Ф. Энгельс — К. Марксу 4 октября 1852 г.
Сочинения, т. XXI, стр. 418.

7

В настоящий момент я могу написать тебе лишь эти несколько строк, так как у меня сейчас сидит агент домохозяина, и я должен играть по отношению к нему роль Меркаде из комедии Бальзака. Кстати о Бальзаке: советую тебе прочесть его «Le chef d'oeuvre inconnu»³ и «Melmoth réconcilié»⁴. Это два маленьких шедевра, полных прелестной иронии.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 25 февраля 1867 г.
Сочинения, т. XXIII, стр. 396.

¹ — «Музей древностей» и «Отец Горлио». *Ред.*

² — моя дорогая Ида, с внешней стороны все говорит против меня, но, поверь мне, сердце мое целиком принадлежит тебе. *Ред.*

³ — «Неведомый шедевр». *Ред.*

⁴ — «Примирившийся Мельмот». *Ред.*

8

В «*Curé de village*»¹ Бальзака написано * следующее: «*Si le produit industriel n'était pas le double en valeur de son prix de revient en argent, le commerce n'existerait pas*». Qu'en dis tu?²

К. Маркс — Ф. Энгельсу 14 декабря 1868 г.
Сочинения, т. XXI V, стр. 146.

9

К истории французского крестьянства надо подходить критически. Если подойти к вопросу с точки зрения размеров площадей, то следует отметить, что мелкое *земледелие* было во Франции, как и в Германии и Восточной Европе, правилом, крупное же с применением барщинного труда — довольно редким исключением. Благодаря революции крестьянин постепенно стал собственником своего участка, но и после этого он зачастую оставался еще некоторое время, по крайней мере номинально, арендатором (но аренды по большей части не платил). Что случилось с национальными землями (из которых значительная часть была при Наполеоне и реставрации возвращена дворянству, а другая была скуплена дворянами после 1826 г. из средств эмигрантского миллиарда) и каким образом мелкое крестьянское землевладение снова достигло к 1830 г. своего высшего расцвета, — об этом см. «Революционные понеделъники» Авенеля³ и роман Бальзака «Крестьяне». Тэн⁴ немногого стоит. Статью Швейхеля⁵ я не читал.

Ф. Энгельс — Людвигу Кугельману
10 января 1889 г.
Сочинения, т. XXVIII, стр. 67—68.

¹ — «Приходском священнике». *Ред.*

² — «Если бы продукты промышленности не имели стоимости вдвое большей, чем стоимость их изготовления, то торговли не существовало бы». Что ты скажешь на это? *Ред.*

³ Имеется в виду книга Avenel, Georges, «Lundis révolutionnaires. 1871—1874. Nouveaux éclaircissements sur la Révolution française». (Г. Авенель, «Революционные понеделъники. 1871—1874. Новые исследования о французской революции»), Париж, 1875. *Ред.*

⁴ Имеется в виду книга французского историка Н. Тэна, «Les origines de la France contemporaine» (И. Тэн, «Происхождение современной Франции»), Париж, 1876—1894 гг., т. I—VI. В России издана в 1907 г. *Ред.*

⁵ Имеется в виду статья Швейхеля «La Terre» («Земля»), опубликованная в журнале «Neue Zeit» за 1889 г., № 1, стр. 10—18. Кугельман запрашивал мнение Ф. Энгельса об этой статье. *Ред.*

АНГЛИЙСКИЕ РЕАЛИСТЫ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Современная блестящая школа романистов в Англии, чьи наглядные и красноречивые описания раскрыли миру больше политических и социальных истин, чем это сделали политики, публицисты и моралисты, вместе взятые, изобразила все слои буржуазии, начиная с «достопочтенного» рантье и обладателя государственных процентных бумаг, который смотрит на все виды «деловых занятий» сверху вниз, как на нечто вульгарное, и кончая мелким лавочником и стряпчим. И как их обрисовали Диккенс*, Шарлотта Бронте и г-жа Гаскел: полными самомнения, чопорности, мелочного тиранства и невежества. И цивилизованный мир подтвердил их приговор, приколотый к этому классу в виде клеймящей эпиграммы, которая гласит, что он угодлив по отношению к стоящим выше и деспотичен по отношению нижестоящим.

Карл Маркс. Статья в «Нью-Йоркской трибуне» от 1 августа 1854 г.

По книге: Hermann Schlüter. «Die Chartistenbewegung. Ein Beitrag zur sozialpolitischen Geschichte Englands». Stuttgart, 1922, S. 314.

ШАРЛОТТА БРОНТЕ (КЕРРЕР БЕЛЛ), ДЖОРДЖ ЭЛЛИОТ.

Во время нашей трехдневной поездки в Девоншир-Армс, близ Болтонского аббатства, я познакомился с чрезвычайно странным малым, г. Дэйкинсом, геологом, который временно поселился в этой части Йоркшира для того, чтобы производить здесь геологическую разведку. Между прочим, ты, вероятно, знаешь, что, по распоряжению правительства и под руководством профессора Рамзея с Джерминстрит, подготавливается геологический атлас всей Англии. Мур сам геолог. Через него Энгельс и Шорлеммер познакомились с Дэйкинсом, который живет в фермерском доме в иоркширской глуши. Этот дом был некогда аббатством, и нижняя его часть все еще служит часовней... Мы обедали у него на ферме — в прошлое воскресенье — в комнате, расположенной как раз над часовней. Эта комната служила, очевидно, прежде местом собраний монахов, с большими стенами (я подразумеваю — окруженная толстыми стенами), с видом на великолепные деревья и на группу гор, расположенных амфитеатром, нагроможденных одна на другую и окутанных той голубой дымкой, которой так восторгается Керрер Белл. Во

время очень веселого и, несмотря на свою деревенскую простоту, хорошего обеда монотонное пение молодежи, доносившееся из глубины часовни, заглушаемое толстыми стенами и звучащее как бы издали, несколько напомнило мне церковное пение из «Фауста».

Так вот, наш друг Дэйкинс — нечто вроде Феликса Холта, без жеманства этого последнего, зато с знаниями (между прочим, здешние тори говорят: «Феликс Холт — негодяй» («gascal» вместо «радикал»). Он приглашает раз в неделю фабричных парней, угощает их пивом и табаком и болтает с ними на социальные темы. Он — коммунист «по инстинкту». Я, конечно, не мог удержаться от того, чтобы не пошутить над ним немного и не предостеречь его от встречи с миссис Эллиот, которая сразу же завладеет им и превратит его в свою литературную собственность.

К. Маркс — своей дочери Жени
10 июня 1869 г.
Сочинения, т. XXVI, стр. 16—17.

ЧАРЛЬЗ ЛИВЕР

1

Боркгейм поправляется очень медленно, но улучшение налицо. В прошлый четверг я опять был у него (схватил при этой прогулке ужасный насморк, сводящий меня с ума). Он был очень восхищен твоим письмом. Из приложенного письма ты увидишь, как сильна его потребность выставлять себя в смешном виде. Забавна эта важность, с которой этот комик судит о Ливере, — он был так снисходителен, что смеялся временами, извиняя это своей болезнью, а к тому же его наивность, с которою он думает, что можно доставить ему дюжинами, как ежевику, «Harry Lorgequer». Я послал ему после этого «Peter Simple», который он находит «много лучше»¹.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 7 мая 1870 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 333.

2

Возвращаю при сем Боркгейма. Сей господин, во всяком случае, весьма милостив к Ливеру, если он находит его забавным.

Ф. Энгельс — К. Марксу 8 мая 1870 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 335.

¹ «Harry Lorgequer» — роман Ливера, «Peter Simple» — роман Маррета. *Ред.*

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА *

РУССКИЙ ЯЗЫК

1

Не знаю, сообщал ли я Вам, что с начала 1870 г. мне самому пришлось заняться русским языком, на котором я теперь читаю довольно бегло. Это вызвано тем, что мне прислали из Петербурга представляющее весьма значительный интерес сочинение Флеровского о «Положении рабочего класса (в особенности крестьян) в России» и что я хотел познакомиться также с экономическими (превосходными) работами Чернышевского (в благодарность посланного в Сибирь на каторгу на семь лет). Результат стоит усилий, которые должен потратить человек моих лет на овладение языком, так сильно отличающимся от классических, германских и романских языков. Идейное движение, происходящее сейчас в России, свидетельствует о том, что глубоко внизу происходит брожение. Умы всегда связаны невидимыми нитями с телом народа.

К. Маркс — Зигфриду Мейеру 21 января 1871 г.
Сочинения, т. XXVI, стр. 87—88.

2

Множество странных явлений, происходивших в русском движении, объясняется тем, что долгое время всякое русское сочинение было для Запада книгою за семью печатями и что поэтому Бакунину и иже с ним легко было скрыть от Запада свои проделки, давно уже известные среди русских... Теперь этому наступил конец. Знание русского языка, — языка, который всемерно заслуживает изучения как сам по себе, ибо это один из самых сильных и самых богатых живых языков, так и ради раскрываемой им литературы, — теперь уж не такая редкость, по крайней мере, среди немецких социал-демократов.

Ф. Энгельс. Эмигрантская литература.
Сочинения, т. XV, стр. 239.

3

Ваш перевод моей брошюры* я нахожу превосходным. Какой красивый русский язык: все преимущества немецкого без его ужасной грубости.

Ф. Энгельс — В. И. Засулич 6 марта
1884 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 362.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ *

1

Дорогой Фридрих!

На следующей неделе я внимательнее просмотрю Геффера. Если там имеется материал, я закажу его. Весьма жалкая книга *Эйхгоффа*, «Histoire de la langue et de la litterature Slaves»¹. Париж. 1839. Кроме грамматической части, о которой я судить не могу (хотя мне кажется странным, что литовцы и латыши объявляются славянами; разве это не бессмыслица?), остальное, большей частью, плагиат из Шафарика. Он приводит также примеры славянской национальной поэзии в подлинниках наряду с французским переводом. У него же я нашел и «Слово о полку Игореве». Смысл поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов. Замечательно одно место в стихотворении: «Voici les jolies filles des Gots entonnent leurs chants au bord de la mer Noire»². Выходит, что Геты, или Готы, праздновали победу тюркских половцев над русскими. Вся песнь носит христиански-героический характер, хотя языческие элементы выступают еще весьма заметно. Зато уже совсем полная фанатизма и полемики против немцев чешская героическая песнь *Забой* (Само?) в сборнике героической поэзии чехов*, изданном в немецком переводе *Ганкою* и *Свободою*. По-видимому, она направлена против одного из немецких военачальников Дагоберта, которого чехи поколотили. В то же время она призывает к мести против христианства в такой же мере, как и против немцев, которым в весьма наивной поэтической форме бросается, между прочим, еще упрек в том, что они хотят заставить честных чехов довольствоваться одною женою. Из народной поэзии,

¹ — «История славянского языка и литературы». *Ред.*

² — «Вот прекрасные готские девы затягивают свои песни на берегу Черного моря». *Ред.*

которая совсем отсутствует у поляков, за исключением «Молитвы Адалберта» к матери божией, я еще нашел:

Гетце: «Князь Владимир и его дружина», 1819.

Его же: «Голоса русского народа», 1828.

Каппер (Зигфрид): «Славянские мелодии». Лейпциг 1844.

Его же: «Песни сербов», 1852 (полнее, чем у Якоб). Наконец, *Вука Стефановича*: «Сербские свадебные песни». Немецкий перевод Э. Везели. Пешт 1826.

Сочинения, на которые я обратил внимание и которые просмотрю для тебя па следующей неделе, кроме *Киприана* и *Депрэ*: «Югославянские скитания летом 1850 г.», 2 тома. Лейпциг 1851. (Есть и английский перевод.) «Размышления о княжестве Сербия», Вена 1851. «Сербское движение в южной Венгрии», Берлин 1851. «Славянство и лжемадьярство. Написал друг всех людей, но враг лжемадьяр». Лейпциг 1845. «Протесты и жалобы славян в Венгрии», Лейпциг 1843.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 5 марта
1856 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 122—123.

2

Дорогой Маркс!

Очень благодарен за подробное письмо ad Slavica^{1*}. Эйхгофф был и раньше мне известен как филологический шарлатан, перешарлатанивший даже Клапрота (который все же кое-что знал). Историю с готами в «Игоре» я посмотрю, когда получу книгу, но вообще установлено, что много готов осталось в Крыму до десятого и, быть может, даже одиннадцатого века; по крайней мере, в византийских [источниках] они фигурируют как готы. Не можешь ли узнать заглавие и цену чешского сборника Ганки и Свободы? Хотя, наверное, он окажется очень некритическим: оба — совершеннейшие ослы. — Польские народные песни были где-то напечатаны в сороковых годах. — Гетце «Владимир и т. д.» я нашел в цитатах в гриммовском переводе сербской грамматики Вука с примечанием: «К сожалению, без русского текста». Каппер — пражский еврей, беллетрист, печатавший «Югославянские скитания» в Чешской конституционной газете в 1848—1849 годах; годны ли его переводы — сказать не могу, j'en doute cependant².

¹ — о славянстве. *Ред.*

² — однако, сомневаюсь. *Ред.*

Сербские свадебные песни Якоб перевела все. Упоминаемые тобой политические сочинения о венгерских и турецких сербах стоило бы просмотреть, если они имеются в Музее.

Ф. Энгельс — К. Марксу 7 марта
1856 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 129.

СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ ¹

Первая форма панславизма была чисто литературная. Его изобретателями были *Добровский*, чех, основатель научной филологии славянских языков, и *Колар*, словацкий поэт из венгерского Прикарпатья. У Добровского главную роль играл энтузиазм научного изобретателя, у Колара быстро возобладали политические идеи. Но вначале панславизм довольствовался элегиями, и главной темой его поэзии были величие прошлого, позор, несчастье и чужеземное притеснение в настоящем. «Неужели, о боже, нет человека на земле, который захотел бы оказать справедливость славянам?» Мечты о панславистской империи, диктующей законы Европе, тогда еще едва обозначались. Но элегический период скоро кончился, а вместе с ним замолк и крик о простой «справедливости для славян».

Исторические исследования, охватывающие политическое, литературное и лингвистическое развитие славянской расы, сделали в Австрии гигантские успехи. *Шафарик*, *Копитар* и *Миклошич* как лингвисты, *Палацкий* как историк стали во главе движения, сопровождаемые толпой менее даровитых или вовсе лишенных дарований ученых, как *Ганка*, *Гай* и т. д. Славные эпохи чешской и сербской истории рисовались в пламенных красках в противовес униженному и жалкому настоящему этих национальностей; и подобно тому как в остальной части Германии под покровом «философии» подвергались критике политика и теология, в Австрии, на глазах у *Меттерниха*, филология была использована панславистами для проповеди учения о славянском единстве и создании политической партии, очевидной целью которой было изменение положения всех национальностей в Австрии и превращение ее в великую славянскую империю.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Германия и панславизм.
Сочинения, т. X, стр. 391—392.

¹ Отрывок помещен в разделе «Русская литература» ввиду его тесной связи с предшествующим материалом. *Примеч. составителя.*

ДЕРЖАВИН

Около 80 лет тому назад, когда победоносные армии Екатерины II отрывали от Турции одну провинцию за другой, превращенные тогда в то, что теперь называется Новороссией, в одном из стихотворений поэта Державина, выражающем лирический восторг, с которым он обычно превозносит если не добродетель, то славу этой императрицы, мы встречаем заслуживающую внимания фразу, которая и сейчас выражает высокомерную смелость и самоуверенность царской политики:

На что тебе союз? — О, Росс! *
Шагни — и вся твоя вселенна.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Осада Силистрии.
Сочинения, т. X, стр. 108.

А. С. ПУШКИН

1

В поэме Пушкина * отец героя никак не может понять, что товар — деньги. Но что деньги представляют собою товар, это русские поняли уже давно, что доказывается не только ввозом хлеба в Англию в 1838—1842 гг., но и всей историей их торговли.

К. Маркс. К критике политической экономии.
Сочинения, т. XII, ч. I, стр. 160.
Примеч.

2

Но ценою этой «свободы рук» на Востоке * было присоединение к континентальной системе Наполеона, разрыв всяких торгсвых сношений с Англией. А это для тогдашней России означало полнейшее торговое разорение. Это было то время, когда пушкинский Евгений Онегин узнал из Адама Смита, —

Как государство богатеет
...и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет, —

между тем как, с другой стороны,

Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.

Россия могла приобретать деньги лишь посредством морской торговли и путем вывоза своих сырых продуктов на тогдашний главный рынок, в Англию; а Россия была уже слишком европейской страной, чтобы обходиться без денег. Торговая блокада становилась невыносимой. Экономика была сильнее дипломатии и царя, вместе взятых; торговые сношения с Англией были втихомолку возобновлены; тильзитские условия были нарушены, и разразилась война 1812 г.

Ф. Энгельс. Внешняя политика
русского царизма.
Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 20.

3

Очень интересны Ваши заметки по поводу того кажущегося противоречия, что у Вас хороший урожай *не* означает обязательного понижения хлебных цен. Когда мы изучаем таким образом реальные экономические отношения в различных странах и на различных ступенях цивилизации, то какими странно ошибочными и недостаточными кажутся нам рационалистические обобщения XVIII века — хотя бы, например, доброго старого Адама Смита, который принимал условия, господствовавшие в Эдинбурге и в окрестных шотландских графствах, за нормальные для целой вселенной. Впрочем, Пушкин уже знал это, как и то,

...и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.

Ф. Энгельс — Н. Ф. Даниельсону
29—31 октября 1891 г.
«Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с
русскими политическими деятелями».
Госполитиздат, 1951, стр. 147—148.

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И ДОБРОЛЮБОВ

1

Страна, выдвинувшая двух писателей масштаба Добролюбова и Чернышевского, двух социалистических Лессингов, не погибнет от того, что как-то породила такого пройдоху, как Бакунин, и нескольких незрелых студентиков, которые, произнося громкие фразы, пыжатыся, как лягушки, и, в конце концов, пожирают

друг друга. Ведь и среди молодого поколения русских мы знаем людей выдающегося теоретического и практического дарования и высокой энергии, людей, которые благодаря своему знанию языков превосходят французов и англичан близким знакомством с движением различных стран, а немцев — светской гибкостью. Те русские, которые понимают рабочее движение и сами в нем участвуют, могут усмотреть в том, что их освободили от ответственности за бакунистские мошенничества, лишь услугу, оказанную им.

Ф. Энгельс. Эмигрантская литература.
Сочинения, т. XV, стр. 235.

2

Мне кажется, что Вы немного несправедливы к Вашим соотечественникам. Мы оба, Маркс и я, не можем на них пожаловаться. Если некоторые школы и отличались больше своим революционным пылом, чем научными исследованиями, если были и есть еще различные блуждания, то, с другой стороны, была и критическая мысль и самоотверженные искания в области чистой теории, достойные народа, давшего Добролюбова и Чернышевского. Я говорю не только об активных революционных социалистах, но и об исторической и критической школе в русской литературе, которая стоит бесконечно выше всего того, что создано в Германии и Франции официальной исторической наукой.

Ф. Энгельс — Е. Паприц 26 июня 1884 г.
«Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями».
Госполитиздат, 1951, стр. 276—277.

3

С сочинениями Эрлиба¹ я отчасти уже знаком. Как писателя я ставлю его наравне с Лессингом и Дидро.

К. Маркс — Н. Ф. Даниельсону 9 ноября 1871 г.
«Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями».
Госполитиздат, 1951, стр. 77.

¹ Эрлиб — Добролюбов; Маркс дает его фамилию по-немецки — Ehrlied.
Ред.

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ КАК УЧЕНЫЙ И КРИТИК

Люди, все еще претендовавшие на научное значение и не довольствовавшиеся ролью простых софистов и сикофантов господствующих классов, старались согласовать политическую экономии капиталистов с притязаниями пролетариата, которых уже нельзя было более игнорировать. Отсюда тот плоский синкретизм, лучшим представителем которого является Джон Стюарт Милль. Это — банкротство «буржуазной» политической экономии, как мастерски выяснил уже в своих «Очерках политической экономии по Миллю» великий русский ученый и критик Н. Чернышевский.

К. Маркс. Капитал, т. I. Послесловие ко второму изданию. Госполитиздат, 1950, стр. 13.

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И РУССКАЯ ОБЩИНА

1

В послесловии ко второму немецкому изданию «Капитала» ... я говорю о «великом русском ученом и критике» [Чернышевском] с высоким уважением, какого он заслуживает. Этот ученый в своих замечательных статьях исследовал вопрос — должна ли Россия, как того хотят ее либеральные экономисты, начать с разрушения сельской общины, чтобы перейти к капиталистическому строю, или же, наоборот, она может, не испытав мук этого строя, завладеть всеми его плодами, развивая свои собственные исторические данные. Он высказывается в смысле этого последнего решения...

Впрочем, так как я не люблю оставлять «места для догадок», я выскажусь без обиняков. Чтобы иметь возможность со знанием дела судить об экономическом развитии России, я изучил русский язык и затем в течение долгих лет изучал официальные и другие издания, имеющие отношение к этому предмету. Я пришел к такому выводу. Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя.

К. Маркс — редактору «Отечественных записок». «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». Госполитиздат, 1951, стр. 221.

2

Но русская община привлекла внимание и заслужила признание и таких людей, которые стоят несравненно выше Герценов и Ткачевых. В их числе был и Николай Чернышевский, этот великий мыслитель, которому Россия обязана бесконечно многим и чье медленное убийство долголетней ссылкой среди сибирских якутов навеки останется позорным пятном на памяти Александра II «Освободителя».

Вследствие интеллектуального барьера, отделявшего Россию от Западной Европы, Чернышевский никогда не знал произведений Маркса, а когда появился «Капитал», он давно уже находился в Средне-Вилуйске, среди якутов*. Все его умственное развитие должно было протекать в тех условиях, которые были созданы этим интеллектуальным барьером. То, чего не пропускала русская цензура, почти или даже совсем не существовало для России. Поэтому, если в отдельных случаях мы и находим у него слабые места, ограниченность кругозора, то приходится только удивляться, что подобных случаев не было гораздо больше.

Чернышевский тоже видит в русской крестьянской общине средство для перехода от существующей общественной формы к новой ступени развития, которая стоит, с одной стороны, выше, чем русская община, а с другой — выше, чем западноевропейское капиталистическое общество с его классовыми противоположностями. И в том, что Россия обладает таким средством, в то время как Запад его не имеет, в этом Чернышевский видит преимущество России.

«Введение лучшего порядка дел* чрезвычайно затрудняется в Западной Европе безграничным расширением прав отдельной личности... не легко отказываться хотя бы даже от незначительной части того, чем привык уже пользоваться, а на Западе отдельная личность привыкла уже к безграничности частных прав. Пользе и необходимости взаимных уступок может научить только горький опыт и продолжительное размышление. На Западе лучший порядок экономических отношений соединен с жертвованиями, и потому его учреждение очень затруднено. Он противен привычкам английского и французского поселенца». Но «то, что представляется утопией в одной стране, существует в другой как факт... те привычки, проведение которых в народную жизнь кажется делом неизмеримой трудности англичанину и француз, существуют у русского как факт его народной жизни... Порядок дел, к которому столь трудным и долгим путем стремит-

ся теперь Запад, еще существует у нас в могущественном народном обычае нашего сельского быта... Мы видим, какие печальные последствия породила на Западе утрата общинной поземельной собственности и как тяжело возратить западным народам свою утрату. Пример Запада не должен быть потерян для нас» (Чернышевский, Сочинения, женевское издание, т. V, стр. 16—19; цитировано у Плеханова, «Наши разногласия», Женева, 1885 г.). А об уральских казаках, у которых еще господствовала общественная обработка земли с последующим разделом продукта между отдельными семьями, он говорит:

«Если уральцы * доживут в нынешнем своем устройстве до того времени, когда введены будут в хлебопашестве машины, то уральцы будут тогда очень рады, что сохранилось устройство, допускающее употребление таких машин, требующих хозяйства в огромных размерах, на сотнях десятин» (*ibidem*, стр. 135).

Не следует только при этом забывать, что уральцы со своей общественной обработкой земли, предохраняемой от гибели из военных соображений (ведь и у нас существует казарменный коммунизм), стоят в России совершенно обособленно, примерно так же, как у нас *Gehöferschaften* на Мозеле, с их периодическими переделами. И если нынешние порядки сохранятся у них до момента введения машин, то от этого получают выгоду не сами уральцы, а русский военный фиск, слугами которого они являются.

Во всяком случае, факт таков: в то время как в Западной Европе капиталистический строй распадается и неустранимые противоречия его собственного развития грозят ему гибелью, в это самое время в России около половины всей обрабатываемой земли находится еще в общей собственности крестьянских общин. Если на Западе разрешение противоречий посредством реорганизации общества предполагает, как необходимое условие, переход всех средств производства, следовательно и земли, в собственность всего общества, то в каком же отношении к этой общественной собственности, которую на Западе только предстоит создать, находится общественная собственность, уже существующая или, вернее, еще существующая в России? Не может ли она послужить исходным пунктом национального движения, которое, перескочив через весь капиталистический период, сразу преобразует русский крестьянский коммунизм в современную социалистическую общественную собственность на все средства производства, обогатив его

всеми техническими достижениями капиталистической эры? Или, как формулировал мысль Чернышевского Маркс в одном письме *, цитируемом ниже: «Должна ли Россия, как того хотят ее либеральные экономисты, начать с разрушения сельской общины, чтобы перейти к капиталистическому строю, или же, наоборот, она может, не испытав мук этого строя, завладеть всеми его плодами, развивая свои собственные исторические данные?»

Уже самая постановка вопроса показывает, где нужно искать его разрешения. Русская община просуществовала сотни лет, и внутри нее ни разу не возникло стремление выработать из самой себя высшую форму общественной собственности; точно так же обстояло с германской маркой, кельтским кланом, индийской и другими общинами с первобытно-коммунистическими порядками. Все они с течением времени, под влиянием окружавшего их или же возникавшего в их собственной среде и постепенно захватывавшего их товарного производства и обмена между отдельными семьями и отдельными лицами, все более и более утрачивали свой коммунистический характер и превращались в общины независимых друг от друга земельных собственников. Поэтому, если можно вообще поднимать вопрос о том, не предстоит ли русской общине иная и лучшая судьба, то причина этого коренится не в ней самой, а единственно в том обстоятельстве, что она сохранила в одной из европейских стран относительную жизненную силу до такого времени, когда в Западной Европе не только товарное производство вообще, но даже капиталистическое производство, его высшая и последняя форма, пришло в противоречие с созданными им самим производительными силами, когда оно оказывается неспособным управлять долее этими силами и когда оно гибнет от этих внутренних противоречий и соответствующих им классовых конфликтов. Уже из этого вытекает, что инициатива подобного преобразования русской общины может исходить не от нее самой, а исключительно от промышленного пролетариата Запада. Победа западноевропейского пролетариата над буржуазией и связанная с этим замена капиталистического производства производством, которым управляет общество, — вот необходимое предварительное условие для подъема русской общины на такую же ступень развития.

Ф. Энгельс. Послесловие к статье «Об общественных отношениях в России».
«Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями».
Госполитиздат, 1951, стр. 286—289.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОЛЬ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

1

Вторая статья* озаглавлена: «Взгляд на прежнее и нынешнее понимание *дела*». Выше мы видели, как Бакунин и Нечаев угрожали заграничному русскому органу Интернационала*; в этой статье, как увидим, они обрушиваются на Чернышевского, человека, который больше всего сделал для вовлечения в социалистическое движение в России той учащейся молодежи, за представителей которой они себя выдают. «Конечно, мужики никогда не занимались измышлением форм будущего общинного быта, но тем не менее они по устранении всего мешающего им (то есть после всеразрушительной революции, первого дела, а потому для нас самого главного) сумеют устроиться гораздо осмысленней и лучше, чем то может выйти по всем теориям и проектам, писанным доктринерами - социалистами, навязывающимися народу в учителя, а главное в распорядители. Для неспорченного очками цивилизации народного глаза слишком ясны стремления этих непрошенных учителей оставить себе и подобным *теплое местечко* под кровом науки, искусства и т. п. Для народа не легче, если даже эти стремления являются искренно, наивно, как неотъемлемая принадлежность человека, пропитанного современной цивилизацией. В казацком кругу, устроенном Василием Усом в Астрахани, по выходе оттуда Степана Тимофеевича Разина, идеальная цель общественного равенства неизмеримо более достигалась, чем в фаланстерах Фурье, институтах Кабе, Луи Блана и прочих ученых (!) социалистов, более, чем в ассоциациях Чернышевского». Далее следует целая страница ругани по адресу последнего и его товарищей.

Теплое местечко, которое готовил себе Чернышевский, было предоставлено ему русским правительством в сибирской тюрьме, тогда как Бакунин, избавленный от такой опасности в качестве работника европейской революции, ограничивался своими внешними проявлениями *из-за рубежа*. И как раз в тот момент, когда правительство строго запрещало даже упоминать имя Чернышевского в печати, господа Бакунин и Нечаев напали на него.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Альянс социалистической демократии и международное т-во рабочих.
Сочинения, т. XIII, ч. II, стр. 603—604.

2

3 марта 1861 г. Александр II при громких рукоплесканиях всей либеральной Европы провозгласил отмену крепостного права. Усилия Чернышевского и революционной партии добиться сохранения общинного владения землей хотя и привели к результату, но в такой неудовлетворительной форме, что еще до опубликования манифеста об освобождении крестьян Чернышевский с печалью признавался *: «если бы я знал, что поднятый мною вопрос получит такое разрешение, я предпочел бы потерпеть поражение, чем одержать подобную победу. Я предпочел бы, чтобы они поступили, как намеревались, совершенно не считаясь с нашими требованиями». И действительно, акт освобождения был не чем иным, как ловкой воровской проделкой. Значительная часть земли была отнята у ее действительных владельцев, и была провозглашена система выкупа земли крестьянами. Этот акт царского вероломства послужил для Чернышевского и его партии новым и неопровержимым аргументом против императорских реформ.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Альянс социалистической демократии и международное т-во рабочих.
Сочинения, т. XIII, ч. II, стр. 639.

3

Мы видели *, что в связи с освобождением крепостных вспыхнула война между либеральной и революционной партиями в России. Вокруг Чернышевского, главы революционной партии, собралась целая фаланга публицистов, многочисленная группа офицеров и учащаяся молодежь. Представителями либеральной партии были Герцен, несколько панславистов и значительное число мирных реформаторов * и почитателей Александра II. Правительство оказывало свою поддержку либеральной партии. В марте 1861 г. русская студенческая молодежь решительно высказалась за освобождение Польши; осенью 1861 г. она пыталась оказать сопротивление повороту в политике правительства, направленному к тому, чтобы путем ряда дисциплинарных и фискальных мер лишить неимущих студентов (составлявших свыше двух третей общего числа) возможности получать высшее образование. Правительство объявило их протесты бунтом; в Петербурге, Москве и Казани сотни юношей были брошены в тюрьмы, изгнаны из университетов или исключены после трехмесячного заключения. Из страха, чтобы эта молодежь не

усилила недовольства крестьян, постановлением Государственного Совета бывшим студентам было запрещено занимать какие-либо общественные должности в деревне. Но преследования этим не кончились. Выслали таких профессоров, как, например, Павлов; закрыли публичные курсы, организованные исключенными из университета студентами; предпринимают новые преследования под самыми пустыми предлогами; «Касса взаимопомощи учащейся молодежи», только что разрешенная, была внезапно закрыта; приостанавливают периодические издания. Все это довело до крайности негодование и возбуждение радикальной партии и заставило ее прибегнуть к подпольной печати. И тогда появился манифест этой партии, озаглавленный «Молодая Россия»*, с эпиграфом из Роберта Оуэна. Этот манифест содержал ясное и точное описание внутреннего положения страны, состояния различных партий, положения печати и, провозглашая коммунизм, делал вывод о необходимости социальной революции. Он призывал всех серьезных людей сплотиться вокруг радикального знамени.

Не успел появиться этот подпольно печатавшийся манифест, как по роковому совпадению (если к этому не приложила рук полиция) в Петербурге начались многочисленные пожары. Правительство и реакционная печать с радостью воспользовались этим случаем, чтобы обвинить молодежь и всю радикальную партию в поджогах. Тюрьмы были переполнены снова, и многочисленные жертвы вновь заполнили дороги, ведущие в места ссылки. Чернышевский был арестован и помещен в Петропавловскую крепость, откуда после двух долгих лет мучительного заключения был отправлен в Сибирь, на каторжные работы.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Альянс социалистической демократии и международное т-во рабочих.
Сочинения, т. XIII, ч. II, стр. 641—642.

4

Чернышевский¹, как я узнал от Л[опатина], был присужден в 1864 г. к восьми годам *travaux forcés*² в сибирских рудниках, следовательно, ему терпеть еще два года. Первый суд был достаточно честен, чтобы заявить, что против него нет абсолютно *ничего* и что мнимые заговорщические конспиративные письма представляют собою очевидные *forgeries*³ (что и было в самом

¹ [У Маркса по-русски.]

² — каторжных работ. *Ред.*

³ — подлоги. *Ред.*

деле). Но *Сенат*, по императорскому приказу, отменил этот приговор и послал в Сибирь этого хитрого человека, который «так ловок», как значилось в приговоре, что «сохраняет в своих сочинениях неуязвимую с точки зрения закона форму и вместе с тем открыто изливает в них яд». *Voilà la justice russe*¹.

Флеровский в лучшем положении*. Он лишь в административной ссылке в глухом углу между Москвой и Петербургом!

К. Маркс — Ф. Энгельсу 5 июля
1870 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 349.

5

Мне хотелось бы напечатать что-нибудь о жизни, личности и т. д. Чернышевского*, чтобы вызвать к нему симпатию на Западе. Но для этого мне нужны фактические данные.

К. Маркс — Н. Ф. Даниельсону
12 декабря 1872 г.
«Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса
с русскими политическими деятелями».
Госполитиздат, 1951, стр. 87.

6

Что касается Чернышевского, то Ваше дело решить: должен ли я говорить только об его научных заслугах или могу затронуть и другую сторону его деятельности?* Во втором томе моего сочинения* он будет фигурировать, конечно, только как экономист. Значительная часть его сочинений мне известна.

К. Маркс — Н. Ф. Даниельсону
18 января 1873 г.
«Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса
с русскими политическими деятелями».
Госполитиздат, 1951, стр. 90.

7

Между тем наступил новый период, начало которому положила Германия, период революций сверху, а вместе с тем период быстрого роста социализма во всех европейских странах. В общем движении приняла участие и Россия. Как и следовало ожидать, движение это приняло здесь форму решительного штурма с целью свержения царского деспотизма, с целью завоевания

¹ — Вот оно, русское правосудие. *Ред.*

свободы умственного и политического развития нации. Вера в чудодейственную силу крестьянской общины, из недр которой может и должно прийти социальное возрождение, — вера, от которой не был совсем свободен, как мы видели, и Чернышевский, — эта вера сделала свое дело, подняв воодушевление и энергию героических русских передовых борцов. Этих людей, которых было каких-нибудь несколько сот человек, но которые своей самоотверженностью и отвагой довели царский абсолютизм до того, что ему приходилось уже подумывать о возможности капитуляции и об ее условиях, — таких людей мы не потянем в суд за то, что они считали свой русский народ избранным народом социальной революции. Но это вовсе не обязывает нас разделять их иллюзии. Время избранных народов миновало безвозвратно.

Ф. Энгельс. Послесловие к статье «Об общественных отношениях в России».

«Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями».

Госполитиздат, 1951, стр. 295—296.

8

Мы здесь узнали о смерти **Н. Г. Чернышевского**, по поводу чего выражаем свою глубокую скорбь и соболезнование. Но, может быть, для него это было лучше.

Ф. Энгельс — Н. Ф. Даниельсону 10 июня 1890 г.

«Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями».

Госполитиздат, 1951, стр. 142.

9

Я уверен, что Ваши сообщения были бы приняты с распростертыми объятиями, и был удивлен, когда узнал, что статья Плеханова¹ (Чернышевский²) появится только в «Neue Zeit», а не и в «Sozialdemokrat»*.

Сердечный привет Плеханову и не меньший привет Вам.

Ф. Энгельс — Осипович 17 апреля 1890 г.

Сочинения, т. XXVIII, стр. 206.

¹ Статья Г. В. Плеханова «Н. Г. Чернышевский» опубликована в «Neue Zeit» за 1890 г., стр. 353—404. *Ред.*

² [У Энгельса по-русски]. *Ред.*

ЩЕДРИН *

Большое спасибо за «Сказки»¹ Щедрина, к чтению которых я приступлю при первой возможности; легкий конъюнктивит левого глаза не позволяет прочесть их теперь же, так как русский шрифт заставляет меня сильно напрягать зрение.

Ф. Энгельс — Н. Ф. Даниельсону
19 февраля 1887 г.
«Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями».
Госполитиздат, 1951, стр. 131.

Н. ФЛЕРОВСКИЙ

1

Из книги *Флеровского* я прочел первые 150 страниц* (они посвящены Сибири, Северной России и Астрахани). Это — первое произведение, в котором сообщается правда об экономическом положении России. Человек этот — решительный враг так называемого «русского оптимизма». У меня никогда не было радужных представлений об этом коммунистическом Эльдорадо, но Фл[еровский] превосходит все ожидания. Поистине удивительно и во всяком случае показателем какого-то перелома является то, что подобная вещь могла быть напечатана в Петербурге.

*«У насъ пролетаріевъ мало, но зато масса нашего рабочего класса состоитъ изъ работниковъ, которыхъ участь хуже, чѣмъ участь всякаго пролетарія»*².

Способ изложения весьма оригинален, больше всего напоминает в некоторых местах Монтейля. Видно, что человек этот всюду разъезжал и наблюдал все лично. Жгучая ненависть к помещикам, капиталистам и чиновникам. Никакой социалистической доктрины, никакого аграрного мистицизма (хотя он и сторонник общинной собственности), никакой нигилистической утрировки. Кое-где имеется небольшая доза благодушной чепухи, которая вполне соответствует, однако, уровню развития тех людей, для которых предназначается книга. Во всяком случае, это — самая значительная книга, какая только появилась после твоего произведения о «Положении рабочего класса в Англии». Хорошо обрисована и семейная жизнь русского крестьянина —

¹ Заглавие написано Энгельсом по-русски. *Ред.*

² Подчеркнутая фраза написана Марксом в тексте по-русски. *Ред.*

с отвратительным избиением насмерть жен, с водкой и любовницами. Теперь будет очень кстати, если ты пошлешь мне фантастические измышления гражданина Герцена.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 10 февраля 1870 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 286—287.

2

Заглавие книги Н. Флеровского:

«Положение рабочего класса в России». С.-Петербург. Издание Н. П. Полякова. 1869.

Что меня, между прочим, весьма забавляет во Флеровском, это — его полемика против *прямых податей* с крестьян. Это — точное воспроизведение маршала Вобана и Буагильбера. Он и сам чувствует, что положение земледельцев напоминает их положение в эпоху старой французской монархии (со времени Л[юдвика] XIV). Как и Монтейль, он хорошо схватывает племенные особенности — «прямодушный калмык», «поэтичный, несмотря на свою грязь, мордвин» (которого он сравнивает с ирландцами), «ловкий, жизнерадостный, подвижной татарин», «талантливый малоросс» и т. д. В качестве хорошего русского человека он поучает своих земляков, как следовало бы им поступать, чтобы превратить *ненависть*, которую питают к ним все эти племена, в противоположное чувство. Как пример ненависти он приводит, между прочим, случай с переселением настоящей *русской* колонии из Польши в Сибирь. Люди эти понимают только по-русски, не говорят по-польски ни слова и все же считают себя поляками и питают к русским ненависть поляков, и т. д.

Из его книги неопровержимо вытекает, что нынешнее положение в России не долго удержится, что уничтожение крепостного права, of course¹ лишь ускорило процесс разложения и что предстоит страшная социальная революция. Отсюда видна и реальная основа школьного нигилизма, который теперь в моде среди русских студентов и т. д. В Женеве — *by the by*² образовалась новая колония высланных русских студентов, которые провозглашают в своей программе борьбу с панславизмом и замену его «Интернационалом».

К. Маркс — Ф. Энгельсу 12 февраля 1870 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 291—292.

¹ — в сущности. Ред.

² — между прочим, Ред.

3

У меня не будет времени прочитать критику, которую дает «Русское Богатство» на мою книгу ¹*. Я уже достаточно прочел по этому поводу в январском номере за 1894 год ². Что касается Даниельсона, боюсь, что с ним ничего не поделаешь. Я переслал ему письмом материалы о русских делах из моего сборника «Статьи на международные темы»* из газеты «Volksstaat», и особенно приложение 1894 г., *отчасти* направленное прямо по его адресу ³. Он это получил, но, как видите, все ни к чему. Совершенно невозможно полемизировать с тем поколением русских, к которому он принадлежит и которое все еще верит в стихийно коммунистическую миссию, якобы отличающую Россию, истинную Святую Русь, от других неверных народов.

Впрочем, в такой стране, как ваша, где современная крупная промышленность привита к первобытной крестьянской общине и где одновременно представлены все промежуточные стадии цивилизации, в стране, к тому же окруженной более или менее прочной интеллектуальной китайской стеной, возведенной деспотизмом, не приходится удивляться возникновению самых невероятных и причудливых сочетаний идей. Возьмите хотя бы беднягу Флеровского, который воображает, что столы и кровати мыслят*, но не имеют памяти. Это стадия, через которую страна должна пройти. Постепенно, с ростом городов, изолированность талантливых людей исчезнет, а с нею исчезнут и эти идейные блуждания, вызванные одиночеством, бессистемностью случайных знаний этих чудаков-мыслителей, а отчасти также — у народников — отчаянием при виде крушения их надежд. В самом деле, народник, бывший террорист, вполне может кончить тем, что станет монархистом.

Чтобы ввязаться в эту полемику, мне пришлось бы познакомиться с целой литературой, а затем следить за ней и отвечать. Это отняло бы все мое время в течение года и единственным полезным результатом было бы, вероятно, то, что я знал бы русский язык гораздо лучше, чем сейчас.

Ф. Энгельс — Г. В. Плеханову 26 февраля 1895 г.
Сочинения, т. XXIX, стр. 385—386.

¹ Рецензия на «Происхождение семьи, частной собственности и государства», опубликованная в «Русском Богатстве» № 5 за 1894 г. *Ред.*

² Речь идет об обзоре Н. К. Михайловского «Литература и жизнь», опубликованном в «Русском Богатстве» № 1 за 1894 г. *Ред.*

³ Послесловие Энгельса к статье «Социальные отношения в России». *Ред.*

4

Русский оптимизм, распространенный на континенте даже так называемыми революционерами, беспощадно разоблачен в этом сочинении*. Достоинство его не пострадает, если я скажу, что оно в некоторых местах не вполне удовлетворяет критике с точки зрения чисто теоретической. Это — труд серьезного наблюдателя, бесстрашного труженика, беспристрастного критика, мощного художника и прежде всего человека, возмущенного против гнета во всех его видах, не терпящего всевозможных национальных гимнов и страстно делящего все страдания и все стремления производительного класса.

Такие труды, как Флеровского и как вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века.

К. Маркс — членам комитета русской секции в Женеве 24 марта 1870 г.

«Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями».

Госполитиздат, 1951, стр. 39.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ, ПАМФЛЕТ

СТАРОДАТСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

1

Кажется, я говорил с тобой в Бармене об одной маленькой датской народной песенке, которую я нашел в сборнике датского эпоса и специально для тебя перевел немецкими стихами. Прилагаю ее для тебя. К сожалению, мне не удалось в достаточной мере передать непринужденный, вызывающе-веселый тон оригинала, — это самая живая песенка, какую я только знаю. Но тебе придется довольствоваться этим переводом (впрочем, почти дословным). Я не думаю, чтобы эта вещица была уже переведена кем-либо на немецкий язык.

Ф. Энгельс — Карлу Зибелю 4 июня
1862 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 401.

2

Я посылаю им* маленькую датскую народную песню о тидмане, которого старик убивает на народном собрании за то, что он налагает на крестьян новые подати. Это революционно и все же не наказуемо, и прежде всего это направлено против феодального дворянства, против которого газета *безусловно должна выступить*. Я к этому делаю несколько соответственных примечаний.

Ф. Энгельс — К. Марксу 27 января
1865 г.
Сочинения, т. XXIII, стр. 231.

БАРИН ТИДМАН

Перевод с датского Ф. Энгельса

Ранним утром, — светлый день едва настал, —
Барин тидман одеваться в спальне стал
И красивую сорочку надевал.

Это любят зюдергардцы.

Обтянув сорочкой вышитою стан
И надев зеленый шелковый кафтан,
Он сафьянные сапожки шнуровал.

Это любят зюдергардцы.

И сафьянные сапожки затянув,
Золоченые к ним шпоры пристегнув,
Он спесиво в Зюдергард пошел на тинг.

Это любят зюдергардцы.

И на тинге он, не тратя лишних слов,
Новых требовал налогов с мужиков:
С плуга каждого семь шеффелей зерна.

Это любят зюдергардцы.

С плуга каждого семь шеффелей зерна,
С четырех свиной — одну, да чтоб жирна.
Но старик один разгневался на то.

Это любят зюдергардцы.

Но старик один разгневался на то:
«Столько дать не можем мы никто, никто!
Прежде чем нам эту подать заплатить» —

Это любят зюдергардцы.

«Прежде чем нам эту подать заплатить,
С тинга пусть никто не смеет уходить!
Зюдергардцы, стойте крепко все стеной!»

Это любят зюдергардцы.

«Зюдергардцы, стойте крепко все стеной,
Чтобы тидман не ушел от нас живой!»
И старик ему дал первый кулаком, —

Это любят зюдергардцы.

И старик ему дал первый кулаком.
Барин тидман — сразу наземь кувырком.
Вот лежит он, барин тидман, кровь вокруг.

Это любят зюдергардцы.

Вот лежит он, барин тидман, кровь вокруг;
Но свободно в черноземе ходит плуг,
И свободно свины кормятся в лесу.

Это любят зюдергардцы¹.

Ф. Энгельс. Барин Тидман
(стародатская народная песня).
Сочинения, т. XIII, ч. I, стр. 31—32.

¹ Перевод с немецкого перевода Энгельса сделан Г. Шенгели. *Ред.*

БРЭЙСКИЙ ВИКАРИЙ

Перевод с английского Ф. Энгельса

Когда на троне Карл сидел,
Ласкавший церковь нашу,
Любовью к ней и я горел
И кушал с маслом кашу.
Король, — так пастве я внушал, —
Поставлен нам от бога;
Тем, кто б ему перечить стал,
Прямая в ад дорога.

Я к одному стремлюсь, по мне
Нет ничего важнее:
Кто б ни был королем в стране,
Викарием быть в Брэе.

Когда же Яков занял трон
И натиск на папистов
Был столь же круто прекращен,
Сколь прежде был неистов, —
Я сразу встал на верный путь,
За Рим пошел открыто,
И — революции не будь, —
Мне быть бы иезуитом.

Я к одному стремлюсь, по мне
Нет ничего важнее:
Кто б ни был королем в стране,
Викарием быть в Брэе.

Когда король Вильям пришел
И воли век восславил,
Я новый ветер вмиг учел
И парус переставил.
Я так учил своих овец:
Боритесь с вражьем станом!
Смиренью рабскому конец,
Дадим отпор тиранам!

Я к одному стремлюсь, по мне
Нет ничего важнее:
Кто б ни был королем в стране,
Викарием быть в Брэе.

Но Анна, севши на престол,
Родимой церкви вскоре
Вернула блеск, и я пришел
К сознанию, что я торий.
Борьбу я на смерть объявил
За нашей церкви целость
И словом пламенным громил
Терпимость, мягкотелость.

Я к одному стремлюсь, по мне
 Нет ничего важнее:
 Кто б ни был королем в стране,
 Викарием быть в Брэе.

Когда ж Георг провозгласил
 Умеренность, — я мигом
 Свое лицо переменил
 И стал усердным вигом.
 Я тем свои доходы спас
 И в честь попал к регенту;
 Зато громил чрез каждый час
 То Рим, то претендентов.

Я к одному стремлюсь, по мне
 Нет ничего важнее:
 Кто б ни был королем в стране,
 Викарием быть в Брэе.

Ганноверский державный дом —
 Папистов исключая —
 Я буду чтить, покуда в нем
 Нам дан владыка края.
 Я — верный сердцем паладин,
 Коль нет причин к измене,
 Король Георг — мой господин...
 До новых изменений.

Я к одному стремлюсь, по мне
 Нет ничего важнее:
 Кто б ни был королем в стране,
 Викарием быть в Брэе¹.

Вышеприведенная песня, пожалуй, единственная политическая народная песня, которая в Англии сохраняла популярность в течение свыше ста шестидесяти лет. Она обязана этим в значительной мере также и своей превосходной мелодии, которую и теперь еще распевают повсюду. Впрочем, и по отношению к нашим нынешним германским условиям эта песня несколько не устарела. Разница лишь в том, что мы, как полагается, ушли за это время вперед. Бравому брэйскому викарию приходилось менять личину только при каждой смене царствующих особ. Зато у нас, немцев, над нашими многочисленными политическими брэйскими викариями сидит подлинный брэйский папа, который подтверждает свою непогрешимость тем, что от времени до времени, и чем дальше, тем чаще, переворачивает вверх дном весь политический символ веры. Вчера — свобода торговли, сегодня — по-

¹ Перевод с немецкого перевода Ф. Энгельса сделан О. Румером. *Ред.*

кровительственные пошлины; вчера — свобода промышленности, сегодня — принудительные объединения; вчера — культуркампф, сегодня — шествие с развевающимися знаменами в Каноссу, — да и почему бы не так? *Omnia in maiorem Dei gloriam* [все для пущей славы божией], что по-немецки значит: все для того, чтобы выколотить побольше налогов и побольше солдат. А бедные маленькие викарии должны идти вослед, должны каждый раз заново, как сами они выражаются, «прыгать через палку», и притом довольно часто — безвозмездно. С каким презрением поглядел бы наш старый бравый викарий сверху вниз на этих своих мелкотравчатых преемников, — он, изрядно гордившийся все же тем мужеством, которое помогло ему сохранять свою позицию вопреки всем бурям!

Ф. Энгельс. Брэйский викарий.
Сочинения, т. XV, стр. 614—618.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОЭЗИЯ ПРОШЛОГО *

Уважаемый г. Шлютер!

Что касается стихотворений, «Марсельезой» крестьянской войны был гимн: «Eine feste Burg ist unser Gott» [«Господь — наша крепость»]. И хотя текст и мелодия этой песни проникнуты уверенностью в победе, тем не менее в настоящее время ее нельзя и не следует воспринимать в этом смысле. Другие песни этой эпохи собраны в сборниках народных песен «Des Knaben Wunderhorn» [«Волшебный рожок юноши»]* и т. д. Там, возможно, найдется и еще кое-что. Но уже в то время ландскнехт занял значительное место в нашей народной поэзии.

Из иностранных песен я знаю только прекрасную древнедатскую песнь о барине Тидмане, которую я перевел в 1865 г. в берлинском «Sozialdemokrat»¹.

Много было чартистских песен, но сейчас их уже не достать. Одна из них начиналась так:

Britannia's sons, though slaves you be,
God your creator made you free;
To all he life and freedom gave,
But never, never made a slave.

[Сыны Британии*, хотя вы и рабы,
Бог, ваш создатель, сделал вас свободными;
Всем он дал жизнь и свободу,
Но никогда, никогда не создавал раба.]

¹ № 18 от 5 февраля 1865 г. *Ред.*

Дальше я не помню.

Все это давно забыто; впрочем, эта поэзия не многого стоила. В 1848 г. больше всего были распространены две песни на один и тот же мотив:

- 1) Шлезвиг-Голштиния*.
- 2) Песнь о Геккере*:

Hecker, hoch Dein Name schalle
An dem ganzen deutschen Rhein.
Deine Grossmut, ja Dein Auge
Flössen schon Vertrauen ein.
Hecker der als deutscher Mann
Vor der Freiheit sterben kann.

[Геккер, громко раздаётся твоё имя
По всему немецкому Рейну.
Твоё великодушие и даже один твой взгляд
Уже внушают доверие.
Геккер, как настоящий немец,
Умеет умереть за свободу.]

Я думаю, — этого достаточно. Затем вариант:

Hecker, Struve, Blenker, Zitz und Blum
Bringt die deutsche Fürste um.

[Геккер, Струве, Бленкер, Цитц и Блюм,
Уничтожьте немецких князей.]

Вообще говоря, поэзия прошлых революций, за исключением «Марсельезы», редко производит революционное впечатление в позднейшие времена, так как, для того чтобы воздействовать на массы, она должна отражать и предрассудки масс того времени. Отсюда — религиозная чепуха даже у чартистов.

Ф. Энгельс — Г. Шлютеру 15 мая
1885 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 467—
468.

ПОЭЗИЯ ЧАРТИСТОВ

1

Стихов я никаких не знаю — разве только «Царь-пар» из моего «Положения рабочего класса [в Англии]». Теперь здесь разыскивают английский подлинник этого стихотворения, но он, по-видимому, исчез так же, как сербский подлинник гётевской песни —

плач благородной жены Гассана-Аги, — с ним даже дело обстоит еще хуже, потому что последний все же еще существует в рукописном виде.

Ф. Энгельс — Э. Бернштейну 5 февраля 1884 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 351—352.

2

Хозяин крепостного был варваром и смотрел на крепостного, как на скотину; хозяин рабочего цивилизован; он смотрит на него, как на машину. Одним словом, положение того и другого приблизительно одинаково, и если одному хуже, чем другому, то несомненно хуже свободному рабочему. Рабы они оба, но только это рабство одного — нелицемерное, открытое, честное, а рабство другого — лицемерное и хитро скрыто от него самого и от всех других, рабство теологическое, худшее, чем старое крепостничество. Гуманные теории были правы, называя фабричных рабочих белыми рабами (white slaves). Но это лицемерное скрытое рабство признает, по крайней мере на словах, право на свободу; оно преклоняется перед свободолюбивым общественным мнением, и в этом его историческое преимущество перед старым рабством: признан, по крайней мере, принцип свободы, и угнетенные уже сами позаботятся о том, чтобы этот принцип был воплощен в жизнь. — В заключение приведу стихотворение, выражающее взгляд самих рабочих на фабричную систему. Оно написано Эдуардом П. Мидом из Бирмингама и верно передает господствующее среди рабочих настроение.

На свете есть царь, беспощадный тиран,
Не сказки старинной забытый кошмар,
Жестокый мучитель бесчисленных стран...
Тот царь называется: Пар.

Рука его грозно протянута вдаль,
Рука у него лишь одна,
Но рабскую землю сжимает, как сталь,
И тысячи губит она.

Как бешеный Молох, чудовищный бог,
Он храм свой поставил на горах костей
И пламенем вечным утробу зажег
И в пламени губит детей.

С толпой кровожадных жрецов-палачей,
Людьми он владеет, как вождь.
Они претворяют кровавый ручей
В чеканного золота дождь.

Они попирают ногами народ
 Во имя золотого тельца.
 Их тешат голодные слезы сирот
 И вздохи больного отца.

Предсмертные стоны вокруг алтаря
 Им нежат, как музыка, слух.
 В чертогах свирепого Пара-царя
 Там гаснет и тело и дух.

Там царствует ужас, там гибельный ад
 В чертогах царя роковых,
 Там тысячи мертвых положены в ряд,
 Они ждут живых...

Долой же слепую, бездушную власть!
 Вы, полчища белых рабов,
 Свяжите чудовища черную пасть
 И силу железных зубов!..

И слуг его наглых, утративших честь,
 И совесть продавших давно,
 Пускай поразит их народная месть
 С тельцом золотым заодно¹.

Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии.
 Сочинения, т. III, стр. 470—472.

ПЕСНИ ПЬЕРА ДЮПОНА

В 1846 г. городское население во Франции составляло 24,42%, сельское — 75,58%; в 1861 г. городское — 28,86%, сельское — 71,14%. За последние годы уменьшение процентной доли сельского населения еще значительнее. Уже в 1846 г. Пьер Дюпон поет в своих «Ouvriers»:

«Mal vêtus, logés dans des trous,
 Sous les combles, dans les décombres,
 Nous vivons avec les hiboux
 Et les larrons, amis des ombres».

«Плохо одетые, мы живем в лачугах, на чердаках, в развалинах вместе с совами и ворами, друзьями темноты».]

К. Маркс. Капитал, т. I. Примеч. 170.
 Госполитиздат, 1950, стр. 698—699.

¹ Перевод В. Г. Тана. Ред.

«ПЕСНЯ ТКАЧЕЙ» *

Чтобы сделать возможным сопоставление общего состояния немецких рабочих с общим состоянием французских и английских рабочих, «Пруссак» должен был бы сравнить *первую форму* английского и французского рабочего движения, его *начало*, с *только еще начинающимся немецким* движением. Он этого не сделал. И потому его рассуждения сводятся к банальностям вроде того, что *промышленность* в Германии еще не так развита, как в Англии, или, что движение в начале своего развития не похоже на последующие свои фазисы. Он хотел говорить об *особенностях* немецкого рабочего движения, однако на эту тему он решительно ничего не сказал.

Но пусть «Пруссак»* станет на правильную точку зрения, — он увидит тогда, что *ни одно* из французских и английских рабочих восстаний не имело столь *теоретического* и *сознательного* характера, как восстание силезских ткачей.

Прежде всего, вспомните *песню ткачей*, этот смелый *клич* борьбы, где нет даже упоминания об очаге, фабрике, округе, но где зато пролетариат сразу же с разительной определенностью, резко, без церемоний и властно заявляет во всеуслышание, что он противостоит обществу частной собственности. Силезское восстание *начинает* как раз тем, чем французские и английские рабочие восстания *кончают*, — тем именно, что осознается сущность пролетариата.

К. М а р к с. Критические заметки
к статье «Пруссака».
Сочинения, т. 1, стр. 443.

ГЕРОИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.
ИОГАНН-ФИЛИПП БЕККЕР

1

Дорогой Бебель!

Пишу тебе сегодня в связи с моими беседами со стариком Иоганном-Филиппом Беккером, который пробыл у меня тут десять дней и теперь, вероятно, вернулся через Париж (где он неожиданно застал свою дочь в гробу!) в Женеву. Меня очень порадовала встреча с этим богатырем, хотя и состарившимся физически, но все еще веселым и готовым к борьбе. Это герой нашей рейнско-

франкской саги, как она воплощена в «Песне о Нибелунгах», — ни дать, ни взять воскресший скрипач Фелькер.

Я давно уже предлагал ему написать свои воспоминания и, по его словам, ты и другие тоже поощряли его к этому, да и сам он не прочь, — он даже не раз принимался за работу, но попытки опубликовать их отрывками не встретили подлинного сочувствия (так было в «Neue Welt»*, куда он несколько лет тому назад послал ряд чудесных вещиц, но их признали недостаточно «новелистическими», как ему сообщил через Моттелера Либкнехт).

Ф. Энгельс — А. Бебелю 8 октября
1886 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 592.

2

Беккер был редким человеком. Его можно вполне охарактеризовать одним-единственным словом: здоровяк. Он был здоров телом и духом до конца своей жизни. Обладая могучим сложением, огромной физической силой и к тому же красивой внешностью, он, благодаря счастливым задаткам и здоровой деятельности, так же гармонически, как и свое тело, развил и свой не прошедший учебы, но отнюдь не необразованный ум. Он был одним из тех немногих людей, которым достаточно следовать своим природным инстинктам, чтобы легко идти в ногу со всем развитием революционного движения и на 78-м году жизни так же бодро стоять в первых рядах, как в 18-летнем возрасте. Мальчик, который уже в 1814 г. играл с проходившими казаками, а в 1820 г. видел казнь Занда, убийцы Коцебу, шел по пути развития от неустановившегося оппозиционера 20-х годов все дальше и еще в 1886 г. целиком стоял на высоте движения. К тому же он не был мрачным идейным невеждой, подобно большинству «серьезных» республиканцев 1848 г., — он был настоящим жизнерадостным сыном веселого Пфальца, не хуже всякого другого любившим вино, женщин и песни. Выросший на родине песни о Нибелунгах, около Вормса, он даже в старости походил на образы нашего древнего героического эпоса, с веселой насмешкой обращаясь к врагу между одним ударом меча и другим и сочиняя народные песни, когда некого было рубить: так, по всей вероятности, выглядел скрипач Фолькер.

Ф. Энгельс. Иоганн - Филипп Беккер.
Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 272—273.

ОТЗЫВ МАРКСА О СТИХОТВОРЕНИЯХ ИОГАННА-ФИЛИППА БЕККЕРА

Ваши два маленьких стихотворения о Лейбнице и «Все пу-
стыки» («Alles Wurst») мне чрезвычайно понравились; было бы
хорошо, если бы Вы (если Вы согласны на мое предложение)
приложили их к первому же письму к Вейдемейеру.

К. Маркс — Иоганну-Филиппу Бек-
керу 9 апреля 1860 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 351.

ПЕСНИ НЕМЕЦКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1848 года

1

Зрелище того, как вся эта банда* — вернее, свора — накиды-
вается на тебя с лаем и воем, а затем отскакивает под ударами
твоего хлыста, поистине великолепно. Какое счастье, что кроме
вас несколько слов произнес только Фольмар, а Зингер прину-
жден был резко ответить на все их подлые нападки против него
лично, тогда как вся масса смиренных держала язык за зубами.
Страх этих господ перед убийством государей прямо-таки смешон.

Они или их отцы пели когда-то:

Hatt wohl je ein Mensch so'n Pech
Wie der Bürgermeister Tschech,
Dass er diesen dicken Mann
Auf zwei Schritt nicht treffen kann.

[И случилось же на грех,
Что наш бургомистр Чех
В этакого толстяка
Не попал за два шага.]

Но тогда германская буржуазия сохраняла еще во всяком
случае жизненную силу, и разница сказывается еще и в том, что
в 1844 г. возникла песня, сочиненная баронессой Дросте, тогда
как теперь культуркампф ведется скучнейшим оружием и на-
правляется самыми немощными руками.

Ф. Энгельс — А. Бебелю 12 апреля
1886 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 549—550.

2

Словом, немецкие буржуа не строили себе никаких иллюзий
насчет прусской пленительности. Если с 1840 г. прусская геге-
мония стала пользоваться среди них успехом, то только в той
степени и потому, что прусская буржуазия благодаря своему

более быстрому экономическому развитию начинала экономически и политически возглавлять немецкую буржуазию и что Роттеки и Велькеры искони конституционного юга стали отесняться на задний план Кампгаузенами, Ганземанами и Мильде прусского севера, адвокаты и профессора — купцами и фабрикантами. И в самом деле, в прусских либералах последних лет перед 1848 г., особенно в рейнских, чувствовался совсем иной революционный дух, чем в провинциальных либералах юга. Тогда появились две лучшие со времени XVI века политические народные песни: песня о бургомистре Чехе и песня о баронессе фон Дросте-Фишеринг¹. Бунтарский дух этих песен теперь возмущает на старости лет тех самых людей, которые их в 1846 г. весело распевали:

Hatte ja ein Mensch so'n Pech
Wie der Bürgermeister Tschech,
Dass er diesen dicken Mann
Auf zwei Schritt nicht treffen kann!

[Кто не слышал, что за грех
Этот бургомистр Чех, —
В двух шагах он не попал
В толстяка, что здесь стоял.]

Ф. Энгельс. Роль насилия в истории.
Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 467.

3

Геккер, Струве, Бленкер, Блюм и Циц
Всех немецких государей² да повергнут ниц!

В этом припеве, которым южногерманское «народное ополчение» оглашало все дороги и все трактиры от Пфальца до швейцарской границы и который распевали на известный мотив «Окруженный морем», напоминающий не то хорал, не то звуки шарманки, — в этом припеве схвачен весь характер «грандиозного восстания за имперскую конституцию». Здесь обрисованы в двух строках его великие люди с их конечными целями, хваленой твердостью убеждений, благородной ненавистью к «тиранам» и одновременно все их понимание общественных и политических отношений.

Ф. Энгельс. Германская кампания за имперскую конституцию.
Сочинения, т. 7, стр. 113.

¹ Двоюродная сестра кельнского архиепископа Дросте-Фишеринга, баронесса Дросте-Гюльсгоф. *Ред.*

² Слова «немецких государей» были опущены при печатании журнала «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue» в Гамбурге по цензурным соображениям. *Ред.*

Тридцать шесть престолов сбросить надо,
 Чтоб немецкая республика цвела;
 Рушьте же их, братья, без пощады,
 Смело пулям подставляйте грудь!
 Умереть за республику —
 Наш великий, славный жребий, духом избранная цель!

Так распевали волонтеры в поезде, когда я ехал в Нейштадт, чтобы узнать там, где находится в данный момент главная квартира Виллиха.

Итак, умереть за республику — такова была, или, по крайней мере, должна была быть отныне избранная моим духом цель. Я чувствовал себя довольно странно с этой новой целью. Я вглядывался в лица волонтеров, молодых, красивых, лихих парней. Их вид отнюдь не говорил о том, что в данный момент умереть за республику составляет цель, избранную их духом.

Ф. Энгельс. Германская кампания.
 Сочинения, т. 7, стр. 169.

НАРОДНАЯ САТИРИЧЕСКАЯ ПЕСЕНКА ПРОТИВ ЛУИ БОНАПАРТА

Когда недавно Бонапарт с супругой был в Одеоне*, студенты, наполнявшие партер, пели весь вечер «Sire de Franc Boissy», особенно подчеркивая некоторые выразительные места. Рабочие в Париже поют песенку:

Voilà qu'il part, voilà qu'il part
 Le petit marchand de moutarde;
 Voilà qu'il part pour son pays
 Avec tous ses outils¹.

Чтобы все-таки знали, кто этот «petit marchand de moutarde»², полиция запретила песню.

Ф. Энгельс — К. Марксу 7 февраля 1856 г.
 Сочинения, т. XXII, стр. 110—111.

¹ — Вот уезжает, вот уезжает маленький торговец горчицей; он уезжает в родной свой край со своим товаром. *Ред.*

² — маленький торговец горчицей. *Ред.*

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ИТАЛЬЯНСКАЯ ПЕСНЯ СОРОКОВЫХ ГОДОВ

Ваше последнее описание того впечатления, которое произвел на Вас Дюссельдорф, заставило меня от души посмеяться. А для нас, филистерствующих вуппертальцев, Дюссельдорф был всегда маленьким Парижем, где благочестивые господа из Бармена и Эльберфельда содержали своих любовниц, ходили в театр и по-царски развлекались. Но там, где у человека живет своя собственная реакционная семья, небо кажется ему всегда свинцовым. Кроме того, процесс промышленного развития, захвативший также и Дюссельдорф, носит по всей Германии крайне гнетущий, смертельно скучный характер, так что я могу себе представить, что вуппертальская пустота и тоска овладели теперь и Дюссельдорфом.

Но в один прекрасный день мы их прогоним и снова запоем старую песню, которую пели 30 лет тому назад в Милане:

Nun, nun, semper nun
E se ciarrem la ciorra
La pagaremo nun!

[Мы, мы, всегда мы,
И если мы устроим попойку,
То заплатим за нее тоже мы!]

Но за ciorra [попойку] должны будут заплатить буржуа.

Ф. Энгельс — Теодору Куно 10 июня
1872 г.
Сочинения, т. XXVI, стр. 265—266.

АНГЛИЙСКИЙ ПАМФЛЕТИСТ ВИЛЬЯМ КОББЕТ

1

Г-н Коббет, внесший законопроект об ограничении рабочего дня*, — сын известного Вильяма Коббета и депутат от того же города, представителем которого был его отец. Как свой парламентский мандат, так и свою политическую программу он унаследовал от отца, и поэтому его политические взгляды хотя и независимы, но не вполне соответствуют современной расстановке партийных групп. Вильям Коббет был талантливейшим представителем или вернее «создателем» старого английского радикализма. Он первый разоблачил тайну наследственной партийной борьбы вигов и ториев, сорвал маску либерализма с паразитической олигархии вигов, боролся с крупным землевладением во

всех его формах, осмелял лицемерную алчность государственной церкви и атаковал финансовую плутократию в лице ее двух наиболее ярких проявлений «старой леди с Треднидльстрит» (Английский банк) и «мистера Мекворма и К^о» (Общество национальных кредиторов). Он предлагал аннулировать национальный долг, конфисковать церковные земли и отменить все виды бумажных денег. Он следил изо дня в день за покушениями центральной власти на местное самоуправление и беспощадно бичевал их как нарушение привилегий и вольностей английских подданных. Он не понимал, что это — неизбежный результат промышленной централизации. Он выставил все политические требования, которые были впоследствии объединены в национальной хартии. Но в его формулировке это была скорее политическая хартия мелкой промышленной буржуазии, чем промышленного пролетариата. Плебей по своим инстинктам и симпатиям, он умом редко поднимался над горизонтами мелкобуржуазной реформы. И только в 1834 г., после издания нового закона о бедных, Вильям Коббет начал догадываться, что существование крупной промышленной буржуазии так же вредно для масс, как существование крупных землевладельцев, банкиров, держателей государственных займов и духовенства государственной церкви. Если Вильям Коббет предвосхищал, таким образом, с одной стороны, современный чартизм, то, с другой стороны и в еще гораздо большей мере, он был закоренелым Джоном Буллем. Он был одновременно и самым консервативным и самым радикальным человеком в Великобритании — чистейшим воплощением старой Англии и наиболее смелым родоначальником молодой Англии. Он считал, что упадок Англии начинается с эпохи реформации, а последующая протрация английского народа — со времен так называемой славной революции 1688 г. Революция была для него поэтому не переходом к новому, а возвратом к старому, — не созданием новой жизни, а восстановлением «доброе старое время». Он не видел только, что его «эпоха упадка» английского народа в точности совпадает с началом восхождения среднего класса, с развитием современной торговли и промышленности и что вместе с ростом последней ухудшалось материальное положение народа и местное самоуправление гибло под натиском политической централизации. Глубокие перемены, сопровождающие разложение старого английского общества с XVIII века, поразили его воображение и наполнили горечью его сердце. Но если он видел следствия, он не понимал причин, не понимал тех новых социальных сил, которые делают свое дело. Он не видел современной буржуазии, а видел только ту часть аристократии, которая владеет

наследственной монополией на государственные должности и своим законодательством санкционирует все перемены, вызванные новыми потребностями и притязаниями среднего класса. Он видел машину, но не видел скрытую в ней двигательную силу. Поэтому в его глазах ответственность за все перемены, происшедшие с 1688 г., падала на вигов. Они были первоисточником упадка Англии и деградации английского народа. Отсюда его фанатическая ненависть к вигам и постоянные разоблачения их олигархии. Отсюда тот удивительный факт, что Вильям Коббет, бывший инстинктивным защитником народных масс против посягательств буржуазии, считался другими и сам считал себя борцом за интересы промышленной буржуазии против наследственной аристократии. Как писатель, он остается непревзойденным. Нынешний г-н Коббет, продолжающий в изменившейся обстановке политику своего отца, поневоле скатился до уровня либерального тория.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Борьба вокруг билля о десятичасовом рабочем дне.
Сочинения, т. IX, стр. 177—179.

2

Истинное начало Ост-индской компании не может быть отнесено к более раннему времени, чем 1702 год, — год, когда различные общества, претендовавшие на монопольную торговлю в Ост-Индии, объединились в одну компанию. До этого года самое существование Ост-индской компании в ее первоначальном виде неоднократно подвергалось опасности. Один раз ее деятельность была приостановлена на несколько лет в эпоху протектората Кромвеля, а второй раз она чуть не окончательно была распущена парламентским актом в царствование Вильгельма III. Лишь под властью этого голландского принца, когда виги взяли на откуп доходы британской империи, когда был вызван к жизни Английский банк, когда покровительственная система была прочно установлена в Англии и равновесие сил окончательно установилось в Европе, — лишь в это время существование Ост-индской компании было признано парламентом. Эта эра кажущейся свободы была в действительности эрой монополий, которые не создавались королевскими грамотами, как во времена Елизаветы и Карла I, а узаконивались и объявлялись национальными санкциями парламента. Эта эпоха в истории Англии имеет огромное сходство с эпохой Луи-Филиппа во Франции, когда старая земельная аристократия была разбита, а буржуазия оказалась способной занять ее место лишь под знаменем денежной плутократии или «haute finance». Ост-индская компания устранила простой народ от торговли с Ин-

дией в то самое время, когда палата общин устранила этот простой народ от парламентского представительства. Тут, как и в других случаях, мы имеем пример того, как первая решительная победа *буржуазии* над феодальной аристократией совпадает с наиболее выраженной реакцией против народа, — явление, заставившее не одного народного писателя, вроде Коббета, искать народную свободу скорее в прошлом, чем в будущем.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Ост-индская компания, ее история
и результаты.
Сочинения, т. IX, стр. 353—354.

3

Кобден доказывает, что в революционной войне* Англия была нападающею стороною. Конечно, в этом вопросе он не может претендовать на оригинальность, ибо по существу его изложение лишь повторяет, и притом в гораздо менее блестящей форме, выводы величайшего английского памфлетиста, покойного Вильяма Коббета.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Памфлет господина Кобдена.
Сочинения, т. IX, стр. 90.

4

Я всегда убеждался до сих пор в том, что все действительно сильные натуры, — назову хотя бы старого Левассера, Коббета, Роберта Оуэна, Лелевеля, генерала Меллине, — раз вступив на революционный путь, даже из поражений всегда черпали новые силы и становились тем решительнее, чем дольше они плыли в потоке истории.

К. Маркс — Иоганну-Филиппу Беккеру 9 апреля 1860 г.
Сочинения, т. XXV, стр. 350.

РАЗЛИЧНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ИСКУССТВЕ И ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК И НЕМЕЦКАЯ КУЛЬТУРА

Неуклюжесть немецкого языка в обиходе, при огромной гибкости его в процессе разработки труднейших тем, — частично причина (или же проявление?) того обстоятельства, что в большинстве отраслей немцы имеют крупнейших представителей, но зато массовая продукция немцев — самая отъявленная дрянь. В литературе: многочисленные серьезные поэты второго ранга в Англии, блестящие писатели средней руки, которыми переполнена почти вся французская литература, — нечто подобное едва ли не полностью отсутствует в Германии. наших поэтов второго сорта — спустя поколение почти невозможно уже читать. То же — в философии: наряду с Кантом и Гегелем — Герbart, Круг, Фриз и, наконец, Шопенгауер и Гартман. Гениальность великих находит свое дополнение в скудоумии образованной массы, поэтому нет более неправильного обозначения, чем характеристика немцев как «*народа мыслителей*». То же о миллионах литераторов. Только в областях, которые более или менее независимы от языка, дело обстоит в Германии иначе, и люди второго ранга представляют определенную ценность: естествознание и, в особенности, музыка. Нашу историческую литературу невозможно читать.

Ф. Энгельс. Материалы по истории Франции и Германии. Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 354—355.

БУРЖУАЗНЫЙ РОМАН

1

Вступление в брак в современной нам буржуазной среде происходит двояким образом. В католических странах родители по-прежнему подыскивают юному буржуазному сынку подходящую

жену и, разумеется, в результате этого происходит наиболее полное развитие присущего моногамии противоречия: пышный расцвет гетеризма со стороны мужа, пышный расцвет супружеской неверности со стороны жены. Католическая церковь, надо думать, отменила развод, лишь убедившись, что против супружеской неверности, как против смерти, нет никаких лекарств. В протестантских странах, напротив, молодому человеку из буржуазной среды, по общему правилу, предоставляется большая или меньшая свобода в выборе жены из своего класса; поэтому для заключения брака может служить поводом некоторая степень любви, как это, приличия ради, постоянно и предполагается в духе протестантского лицемерия. Здесь гетеризм практикуется мужем не столь энергично, а неверность жены встречается не так часто. Но так как при каждой форме брака люди остаются тем, чем были до него, а граждане протестантских стран в большинстве своем филистеры, то эта протестантская моногамия, даже если брать лучшие случаи, все же приводит в среднем только к невыносимо скучному супружескому сожителству, которое называют семейным счастьем. Лучшим зеркалом обоих этих видов брака служит роман: для католического — французский, для протестантского — немецкий. В том и другом «он получает»: в немецком молодой человек — девушку, во французском муж — рога. Не всегда при этом ясно, кто из них оказывается в худшем положении. Поэтому-то скука немецкого романа ужасает французского буржуа не менее, чем «безнравственность» французского романа — немецкого филистера. Впрочем, в последнее время, с тех пор как «Берлин становится мировым городом», немецкий роман начинает менее робко говорить о давно хорошо известном там гетеризме и супружеской неверности.

Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства.
Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 52—53.

2

С основанием таможенного союза немцы впервые достигли такого состояния, при котором они вообще смогли хотя бы только *понять* политическую экономию. С этих пор действительно начался импорт английской и французской экономии на потребу немецкой буржуазии. Вскоре ученые и бюрократия овладели импортированным материалом и обработали его в «немецком духе» таким способом, который не делает этому последнему чести. Из среды пестрой компании пописывающих пиратов промышленности, куп-

пов, школьных учителей и бюрократов возникла тогда немецкая экономическая литература, которая по своей пошлости, поверхностности, скудоумию, многословности и краже чужих мыслей может быть сравнима только с немецким романом.

Ф. Энгельс. Рецензия на книгу
К. Маркса «К критике политической
экономии».
Сочинения, т. XI, ч. II, стр. 353—354.

АНЦЕНГРУБЕР

1

Конечно, Анценгрубер местами идеализирует своих австрийских крестьян, и фон, на котором разыгрываются его превосходные сценки, сильно ограничен, но все же, читая его, делается больно за то, что этот чудесный народ отделен от остальной Германии, с которой, однако, его воссоединение возможно только, когда мы придем к власти.

Ф. Энгельс — Августу Бебелю 20 июня 1892 г.
Сочинения, т. XXIX, стр. 74.

2

Так хорошо, как я себя чувствовал после путешествия в Америку, затем после путешествия в Норвегию и в прошлом году после поездки по Шотландии и Ирландии, в этом году я не буду себя чувствовать. Но я рассчитываю с этим справиться, и тогда уже в будущем году свое возьму. В Вене я должен побывать непременно, а также, по возможности, и в австрийских Альпах. Швейцарские Альпы слишком густо населены швейцарцами и чересчур превращены в выставку, — мне же милее крестьяне Анценгрубера. И тогда я, надеюсь, застану тебя и твою жену в полном здравии и сам буду опять в состоянии карабкаться по горам. Итак, до будущего года!

Ф. Энгельс — Виктору Адлеру 19 августа 1892 г.
Сочинения, т. XXIX, стр. 106.

НЕСТРОЙ

Здесь все еще очень хорошо, умеренная летняя температура и свежий морской ветер, к тому же превосходное пиво и купанье в соленой воде — «истинное наслаждение» («e wohres Laubsal»),

как говорит швея у Нестера ¹. Эти вещицы заставили меня много посмеяться; особенно хорошо изображен патриотически настроенный провинциал * (Kleinstädter) [18]48 г.

Ф. Энгельс — Филиппу Паули 11 августа 1876 г.
Сочинения, т. XXVI, стр. 419.

ПАМЯТНИК АРМИНИЮ

Несколько дней тому назад директор местного акционерного литейного завода * (преимущественно для водопроводного и газопроводного производства) случайно обошел со мною этот завод. В общем он организован очень хорошо; применяется много машин вполне современных. Но, с другой стороны, часто в деталях применяются еще ручная обточка там, где англичане и шотландцы применяют автоматические машины. С тем же директором я пошел в мастерскую, где изготавливается Арминиева колонна*. Памятник изготавливается так же медленно, как сама Германия. Голова Арминия таких колоссальных размеров, что ты рядом с нею показался бы ребенком, она имеет глуповато-честный вид, а между тем господин Арминий был прежде всего дипломатом. Вестфальская честность служит ему только маской для очень тонкого ума. Незадолго до своего отъезда из Лондона я случайно опять познакомился с господином Арминием по гриммовскому изданию исторических источников, которое тебе знакомо.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 7 мая 1867 г.
Сочинения, т. XXIII, стр. 410—411.

КАРТИНЫ РЕЙНИКЕ

Многоуважаемый господин Дитц,

Я должен еще искренне поблагодарить Вас за роскошный подарок, который Вы прислали ко дню моего рождения. Картины Рейнике особенно порадовали меня: мне впервые приходится видеть немецкие жанровые картины из столичной жизни, в которых нет ни малейшей чопорности и жеманства, так упорно сопровождающих произведения большинства немецких мастеров жанровой и исторической живописи. У Рейнике же нет никакой позы, все дышит подлинной жизнью.

Ф. Энгельс — Иоганну Дитцу 13 декабря 1890 г.
Сочинения, т. XXVIII, стр. 269—270.

¹ Ошибка в тексте русского перевода. Очевидно, «Нестрой». *Примеч. составителя.*

РИХАРД ВАГНЕР

1

Здесь опять-таки повторяется старая история: вещи остаются на своем старом месте, а господин Дюринг страшно доволен, лишь только мы переменяем название. Если мы говорим о развитии цыпленка в яйце, то мы запутываем дело, ибо у нас лишь недостаточные знания о законах развития. Но если мы станем говорить о его композиции, то все будет ясно. Следовательно, впредь мы не будем говорить: «этот ребенок великолепно развивается», а — «он отлично компонируется», и мы можем поздравить господина Дюринга с тем, что он достойно стоит рядом с творцом «Кольца Нибелунгов» не только в смысле благородной самооценки, но также и как композитор будущего.

Ф. Энгельс. Анти-Дюринг.
Сочинения, т. XIV, стр. 75.

2

...Пипер сыграл мне кое-что из музыки будущего*. C'est affreux¹ и способно внушить страх перед «Будущим» с его поэзией и музыкой.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 12 февраля
1856 г.
Сочинения, т. XXII, стр. 112.

3

Чемоданы были выгружены и переданы человеку с тележкой, который должен был сопровождать нас к ближайшей, расположенной тут же у вокзала, перед городом, гостинице*. Но в этой гостинице оказалась свободной лишь одна комната, и одновременно хозяин гостиницы сообщил нам ужасающую весть, что мы вряд ли найдем где-нибудь в другом месте приют, так как город наводнен гостями отчасти вследствие конгресса мельников и пекарей, отчасти благодаря тому, что туда собрались люди со всех концов света, направляющиеся в Байрейт на дурацкое празднество государственного музыканта Вагнера.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 19 августа
1876 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 458.

¹ — Это ужасно. *Ред.*

4

«Восточный вопрос» (который окончится революцией в России, каков бы ни был исход войны против турок) и смотр социалистических боевых сил в собственном отечестве убедили, вероятно, немецкого культурного филистера, что на свете есть еще более важные вещи, чем вагнеровская музыка будущего.

К. Маркс — Вильгельму-Александр-у Фрейнду 21 января 1877 г.
Сочинения, т. XXVI, стр. 450—451.

5

Вы с Каутским, по-видимому, нагоняете друг на друга такое уныние, что из него можно было бы составить целый минорный концерт — это совсем как тромбоны у Вагнера, которые тоже всегда начинают жарить, когда приключится какая-нибудь беда.

Ф. Энгельс — Э. Бернштейну
15 мая 1885 г.
Сочинения, т. XXVII, стр. 465.

СВОБОДНЫЙ НАРОДНЫЙ ТЕАТР

Мое искреннее соболезнование по поводу закрытия «Свободного народного театра»*. Ниспровержение существующего строя свободы не могло не коснуться этого учреждения!

Ф. Энгельс — Францу Мериугу, конец апреля 1895 г.
Сочинения, т. XXIX, стр. 414.

ПОЛЬ ДЕ-КОК

Что касается великой науки знаменитых противников атеизма*, то очень хорошо, если ей будет предоставлена возможность важничать сколько угодно. В «Любовнике луны» Поль де-Кока тоже выведен такой таинственный ученый; но когда после долгих усилий и трудов раскусили наконец, в чем его наука, то оказалось, что она состоит из нескольких фокусов с бутылочными пробками. Сколько труда уже пришлось потратить, чтобы заставить знаменитого мужа продемонстрировать перед нами хоть несколько

образчиков своей науки! И каких великолепных! Теперь он дошел уже до ясновидения. Чего же лучше — дело идет на лад!

Ф. Энгельс — Э. Бернштейну [сентябрь 1884 г.].
Сочинения, т. XXVII, стр. 409—410.

АРТУР РАНК

Роман Ранка* очень недурен.

Ф. Энгельс — К. Марксу 22 октября 1869 г.
Сочинения, т. XXIV, стр. 239.

РЕНАН

1

А rgoros, в связи с Лазарем* я вспомнил о реновской «Жизни Иисуса». В некотором отношении это просто роман, полный пантеистически-мистических видений. Все же эта книга имеет и некоторые преимущества по сравнению с ее немецкими предшественниками, и так как она не толстая, ты должен ее прочесть. Это, естественно, результат немецких работ. Весьма достопримечательно. Здесь в Голландии немецкое критически-богословское направление настолько à l'ordre du jour¹, что попы откровенно исповедуют его с амвонов.

К. Маркс — Ф. Энгельсу 20 января 1864 г.
Сочинения, т. XXIII, стр. 174.

2

Занимаюсь здесь ранним христианством, читаю Ренана и библию. Ренан ужасно плоский, но как светский человек обладает кругозором более широким, чем немецкие университетские теологи. Впрочем, его книга* — роман, и к ней применимо то, что он сам говорит о Филострате: ее можно использовать как исторический источник, примерно так же, как можно использовать романы Александра Дюма-отца для изучения эпохи фронды. В отдельных частностях я поймал его на ужасающих ошибках, при этом он списывает у немцев с безграничным бесстыдством.

Ф. Энгельс — Виктору Адлеру 19 августа 1892 г.
Сочинения, т. XXIХ, стр. 106.

¹ — в порядке дня. *Ред.*

БУЛЬВЕР

Булвер колебался между героическим настроением своего «делателя королей»* и созерцательным настроением своего «Евгения Арама». В первом настроении он вызывал на бой Россию, во втором — сплетал миртовый венок вокруг головы Меттерниха.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Парламентские дебаты по вопросу
о целях войны.
Сочинения, т. X, стр. 444.

ИБСЕН

Тусси и Эвелинг в среду также уехали в Норвегию; удивляюсь, как такие горячие поклонники Ибсена могли до сих пор удержаться от посещения новой обетованной земли. Но не испытают ли они опять разочарования, как в Америке? Во всяком случае, как Америка в общественном отношении, так Норвегия по своим природным данным является основой того, что филистер называет «индивидуализмом». Через каждые две-три английские мили можно видеть на скалах рыхлую землю, плодами которой могла бы, *пожалуй*, кормиться целая семья; и действительно, на этих местах живут семьи, которые отрезаны от всего мира. Люди здесь, т. е. в деревне, красивы, сильны, смелы, ограничены и фанатически религиозны. Города похожи на голландские или немецкие приморские городки. В Бергене существует социал-демократическое товарищество, которое, к ужасу господствующих там трезвенников, требует для себя права продавать в своем клубе пиво. Я читал в «*Bergensposten*» статью, полную возмущения этим фактом.

Ф. Энгельс — Ф.-А. Зорге 9 августа
1890 г.
Сочинения, т. XXVIII, стр. 235.

КУПЕР

Г-н Делаод старается в своей брошюре изобразить себя шпионом куперовского романа*. Он утверждает, что в течение восьми лет парализовал деятельность тайных обществ и этим приобрел заслуги перед обществом. Но от куперовского шпиона до г-на Делаода далеко, очень далеко. Г-н Делаод, сотрудник «*Charivari*», член Центрального комитета Общества новых времен года

с 1839 г., соредактор «*Réforme*» со времени ее основания и в то же время платный шпион префекта полиции Делессера, никем не был так скомпрометирован, как скомпрометировал его Шеню.

К. Маркс и Ф. Энгельс.
Рецензии.
Сочинения, т. 7, стр. 281.

БИЧЕР-СТОУ

1

Письмо г-жи Бичер-Стоу * лорду Шефтсбери, независимо от своих внутренних достоинств, сослужило хорошую службу, заставив высказаться настроенные против Севера лондонские газеты и изложить перед публикой действительные причины их враждебного тона по отношению к Северу и плохо скрытых симпатий по отношению к Югу, что является довольно странным со стороны людей, притворяющихся крайними противниками рабства.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Американский вопрос в Англии.
Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 174.

2

Нас приближает к сути вопроса следующее замечание «*Examiner*»:

«Г-жа Стоу говорит: «Рабовладельческая партия, видя, что она больше не может пользоваться Союзом для осуществления своих намерений, решила разрушить его». В этих словах содержится предположение, что до этого рабовладельческая партия пользовалась Союзом для осуществления своих намерений, и было бы хорошо, если бы г-жа Стоу ясно показала, когда Север начал восставать против рабства».

Можно было бы полагать, что «*Examiner*» и другие оракулы общественного мнения в Англии достаточно знакомы с современной историей, чтобы не нуждаться в информации г-жи Стоу о таких чрезвычайно важных вопросах. Все растущее злоупотребление Союзом со стороны рабовладельцев, действовавших в союзе с северной демократической партией, является, так сказать, общей формулой истории Соединенных Штатов с начала текущего столетия.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Американский вопрос в Англии.
Сочинения, т. XII, ч. II, стр. 176.

АМЕРИКАНСКИЕ ПИСАТЕЛИ И РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ МОНОПОЛИЙ В США

Первой страной, где дела пойдут вновь *по восходящей линии*, будут *Северо-Американские Соединенные Штаты*. Только улучшение наступит здесь при совершенно изменившихся условиях, и притом изменившихся к худшему. Народ тщетно будет пытаться освободиться от монополизирующей силы и (поскольку дело идет *непосредственно о благополучии масс*) от губительного влияния крупных компаний, держащих в своих руках промышленность, торговлю, земельную собственность, железные дороги, финансы и разрастающихся все более и более ускоренными темпами со времени гражданской войны. Лучшие американские писатели * открыто провозглашают как неопровержимый факт, что хотя война за освобождение рабов и разбила цепи негров, зато, с другой стороны, она поработила белых производителей.

К. Маркс — Н. Ф. Даннелсону
15 ноября 1878 г.
«Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями».
Госполитиздат, 1951, стр. 98—99.

КОММЕНТАРИИ

Комментарии к разделам «Критический разбор романа Э. Сю «Парижские тайны», «Маркс и Энгельс в их отношениях с поэтами Гейне, Гервегом, Фрейлигратом, Веертом и Зибелем» и «Из произведений и писем молодого Энгельса» составлены А. Г. Выгодским и дополнены для настоящего издания Г. М. Фридлейдером; комментарии к остальным разделам составлены Г. М. Фридлендером. Для комментариев к тем произведениям К. Маркса и Ф. Энгельса, которые печатаются по второму русскому изданию их «Сочинений», использованы (с некоторыми сокращениями) примечания к этому изданию. Справки об именах, названиях произведений литературы и искусства, литературных и мифологических персонажах даются в соответствующих указателях в конце второго тома.

К стр. 7. *Минна Каутская* (1835—1912), которой адресовано письмо Энгельса, — мать Карла Каутского, социал-демократическая писательница 80—90-х гг. прошлого века, сотрудница теоретического органа немецкой социал-демократии «*Neue Zeit*» («Новое время»). М. Каутская в молодости была артисткой; в 1862 г. по болезни она вынуждена была оставить сцену и занялась литературной деятельностью. В 1878 г. появился ее первый роман «*Стефан из Грилленгофа*» («*Stefan vom Grillenhof*»), посвященный жизни и борьбе австрийского крестьянства. Роман этот был тепло принят Марксом и Энгельсом как одно из первых в Германии крупных литературных произведений, написанных писателем-социалистом. Как свидетельствует записка Маркса Каутской от 3 октября 1881 г., а также письма Энгельса к Бебелю и Каутскому от 25—27 августа того же года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVII, стр. 151—153, 155—156), Маркс и Энгельс считали произведения Каутской полезными для социал-демократического движения. По воспоминаниям Женни Лонге, Маркс назвал «*Стефана из Грилленгофа*» «одним из замечательнейших современных романов» (письмо Ж. Лонге к Ш. Лонге от 4 октября 1881 г.; опубликовано в книге Ф. П. Шиллера «Энгельс как литературный критик», М. — Л., 1933, стр. 123).

После «*Стефана из Грилленгофа*» Каутская написала еще несколько романов и новелл: «*Властвовать или служить?*» («*Herrschen oder dienen?*», 1882), «*Старые и новые*» («*Die Alten und die Neuen*», 1884), «*Виктория*» («*Victoria*», 1889), «*Елена*» («*Helene*», 1894) и др. Часть произведений Каутской вошла в посмертное собрание ее избранных произведений («*Gesammelte Schriften, Volktausgabe, Nürnberg, 1914, Bd. I—II*»), которое осталось незавершенным.

Летом 1885 г. М. Каутская побывала в Лондоне у сына и в это время лично познакомилась с Энгельсом.

В каждом из своих романов Каутская пыталась ставить какой-нибудь из важных вопросов современного ей рабочего движения. Однако слабость ее социалистического мировоззрения и близость к реформизму препятствовали ей в большинстве случаев подняться до глубокой реалистической постановки затронутых вопросов. Последние ее романы были сенсационными романами полубульварного типа (см. отзыв Энгельса о романе «*Елена*» в письме к Зорге от 21 марта 1894 г., т. II, стр. 272 настоящего издания).

В романе «*Старые и новые*», критическую оценку которого дает Энгельс, Каутская изображает тяжелую жизнь рабочего поселка на одном из австрийских соляных промыслов, борьбу рабочих с предпринимателями. Параллельно она рисует ряд картин из быта дворянско-буржуазной Вены. Своей задачей писательница ставила изображение борьбы

«старого» и «нового» в современном обществе. Однако «старое» и «новое» для нее — не столько социально-исторические, сколько абстрактные идеологические категории. Носители «старого» и «нового» в изображении Каутской — представители двух противоположных мировоззрений, — религии и атеизма, эгоизма и действенной любви, безропотной фаталистической покорности и горячей веры в могущество науки, в торжество социальной справедливости и лучшее будущее человечества. Новое мировоззрение выдвигают в борьбе со старым обществом положительные герои романа — незаконный сын барона Рейнтала, молодой ученый — атеист Арнольд, горячо верящий в то, что социальная справедливость воцарится на земле «без боя и меча», «единственно путем пропаганды идей», возлюбленная Арнольда, дочь свободомыслящего философа Барра, Эльза и ученик того же Барра, рабочий-социалист Георг.

В письме к Каутской Энгельс развивает то понимание реализма, связанное с критикой отвлеченной идеалистической тенденциозности, которое было сформулировано также в ряде других высказываний основоположников марксизма (см. в настоящем томе переписку с Лассалем о революционной трагедии, критику Энгельсом поэтов «истинного социализма» и т. д.). Правильно понятая коммунистическая идейность в искусстве требует не насильственного подчинения живых образов и наблюдений субъективному замыслу художника, а умения выразить наиболее глубокую революционную тенденцию самой объективной действительности. Единственным путем к последнему является правдивое полное и всестороннее изображение объективной диалектики общественной борьбы, то есть самый суровый и последовательный реализм. Подмена глубокого революционного понимания действительности субъективной тенденцией, «революционной фразой», в искусстве, точно так же как и в политике, всегда неразрывно связана с ограниченным пониманием целей и задач революционной борьбы пролетариата, с недостаточно высоким уровнем марксистского мировоззрения.

Письмо Энгельса произвело на Каутскую огромное впечатление. В ответном письме Энгельсу от 10 мая 1886 г. она писала: «Ваше письмо, проникнутое такой теплой сердечностью, в котором Вы столь любовно разбираете мои работы, считая их достойными обстоятельной критики, было для меня самым приятным, самым содержательным и, так как оно написано подобным человеком, также и самым лестным из всех, когда-либо полученных мною» (Ф. П. Шиллер, Энгельс как литературный критик, М.—Л., 1933, стр. 129).

Некоторыми мыслями, высказанными в письме Энгельса, Каутская воспользовалась позднее в одной из своих статей в «Neue Zeit». «Наши эстетика совершенно забывают, — писала она здесь, — что гениальнейшие писатели всех времен были тенденциозными писателями, которые вовсе не интересовались неопределенными и фантастическими явлениями, но скорее взирали на общество открытыми ясными глазами, признавали его несовершенство и задавали вопрос: «почему» и «зачем» («Neue Zeit», 1889, Jg. VII, S. 205).

Однако в своем творчестве Каутской так и не удалось преодолеть недостатки, указанные Энгельсом. Это отметил Ф. Меринг в некрологе, посвященном ей («Neue Zeit», 1912, Jg. XXXI, Bd. I, S. 457—458).

К стр. 10. *Маргарита Гаркнесс* — адресат настоящего письма Энгельса — английская писательница 80-х гг. прошлого века. Она входила в это время в социал-демократическую федерацию Гайндмана — группу социалистически настроенной английской буржуазной интеллиген-

ции. Гаркнесс принимала участие в органе социал-демократической федерации «Justice», где поместила несколько статей на социальные темы. Под псевдонимом «Джон Лоу» (John Law) она опубликовала также несколько повестей из жизни рабочих и лондонской бедноты — «Городская девушка» («City girl», 1887), «Безработный» («Out of work», 1888), «Капитан Лоуб» («Captain Lobe», 1889), «Манчестерские белошвейки» («Manchester shirtmaker», 1890) и др. М. Гаркнесс была лично знакома с младшей дочерью Маркса Элеонорой и бывала в доме Энгельса.

Письмо написано Энгельсом в ответ на письмо Гаркнесс, приславшей ему для отзыва через журналиста и издателя Г. Визетелли первую свою повесть «Городская девушка». Эту повесть Гаркнесс, так же как и следующий ее рассказ «Безработный», Энгельс ценил за их правдивость и сочувствие писательницы пролетариату. Стремясь познакомиться с «Городской девушкой» и «Безработным» немецких рабочих, Энгельс лично рекомендовал эти повести Гаркнесс для перевода своему старому товарищу, немецкому социалисту В. Эйхгофу, упоминаемому в письме в качестве «переводчика» Гаркнесс.

Письмо не датировано. Насколько можно судить по ответному письму Гаркнесс (от 5 апреля 1888 г.), оно написано Энгельсом в конце марта или начале апреля 1888 г.

Русский перевод «Городской девушки» (с предисловием А. Старцева) напечатан в журнале «Интернациональная литература», 1940, № 11/12, стр. 169—217.

В своем ответном письме Гаркнесс писала, между прочим: «...Многое из того, что Вы говорите о моей книжечке, очень справедливо, в особенности о недостатке в ней реализма» (Ф. П. Шиллер, Энгельс как литературный критик, М.—Л., 1933, стр. 108—109).

— *...как говорит Ваши переводчик...* — Письмо В. Эйхгофа к Энгельсу от 18 марта 1888 г., в котором содержится этот отзыв, см. в указанной книге Ф. Шиллера, стр. 107.

— *...в Вашем толковании Армии спасения...* — В статье «Армия спасения и социалисты» («Justice», 24 марта 1888 г.) Гаркнесс выступила против высокомерного третирования Армии спасения английскими мелкобуржуазными радикалами 80-х гг., призывая социалистов изучать методы работы Армии спасения, обеспечивающие ей влияние на массы, действовать с ней совместно, там, где это позволяют «общие интересы». Одним из героев «Городской девушки» является капитан Армии спасения Лоуб, образ которого стоит также в центре позднейшей повести Гаркнесс, названной его именем. Гаркнесс рисует в этих повестях практическую работу Армии спасения по оказанию помощи рабочему населению, показывает характерное для нее смешение искреннего участия к беднякам и религиозного ханжества.

К стр. 11. *Артур Грант* — герой повести Гаркнесс, сыгравший роковую роль в судьбе героини — «городской девушки», брошенной им работницы Нелли Амброс, которая ждет от него ребенка. В лице Гранта Гаркнесс рисует тип буржуазного фразера и карьериста, прячущего свою черствую натуру под маской политического радикала, мнимого «друга рабочих».

Об отношении основоположников марксизма к Бальзаку кроме настоящего письма см. стр. 525—528 настоящего тома.

К стр. 12. *...республиканцы — герои улицы Cloître Saint-Merri...* — Около монастыря Сен-Мери в Париже 6 июня 1832 г. происходили баррикадные бои между повстанцами — участниками республиканского «Общества прав человека» и войсками Луи-Филиппа. Бальзак рисует образ

республиканца Мишеля Кретьена в романе «Утраченные иллюзии» и в новелле «Тайны княгини Кадиньян».

К стр. 12. *Ист-Энд* — пролетарский квартал Лондона, в котором происходит действие «Городской девушки».

К стр. 13. «*Молодая Германия*» — группа умеренных буржуазно-демократических писателей в Германии 1830-х гг. (Л. Винбарг, К. Гуцков, Г. Лаубе, Т. Мундт, Г. Кюне), следовавших за Л. Бёрне и Г. Гейне в критике немецких порядков, пропаганде демократических и сенсимо-нистских идей. Вследствие идейной непоследовательности большинство писателей «Молодой Германии» в 1840-х гг. утратили свое прогрессивное значение. См. о «Молодой Германии» также т. II, стр. 164 и 531 настоящего издания.

— *...люди, стоявшие во главе партии движения...* — Речь идет о мелкобуржуазно-демократических деятелях революции 1848—1849 гг.

— *Оба рассматриваемые произведения...* — А. Шеню, «Заговорщики» (Париж, 1850); Л. Делаод, «Рождение республики в феврале 1848 г.» (Париж, 1850). Эти произведения содержали материал, разоблачающий моральную физиономию и поведение мелкобуржуазных революционеров 1848 г. во Франции.

К стр. 15. *Маркс и Энгельс в переписке с Лассалем по поводу его пьесы «Франц фон Зикинген»*. — Трагедия «Франц фон Зикинген» (русский перевод А. и С. Крыль, СПб., 1873; изд. 2, 1907) была написана Лассалем в 1858—1859 гг. В основу ее Лассаль положил исторические материалы о восстании швабских и рейнских рыцарей в 1522—1523 гг. Вождями этого восстания были Франц фон Зикинген и гуманист Ульрих фон Гуттен (см. стр. 349—353 настоящего тома).

Напечатанную трагедию Лассаль 6 марта 1859 г. послал Марксу, приложив к ней первое из помещенных в настоящей книге писем и рукопись, в которой он разъясняет сущность «трагической идеи», положенной им в основу драмы. Последнее письмо Лассалья (от 27 мая 1859 г.) является его ответом на критику «Зикингена» Марксом и Энгельсом. Письмо это, окончательно выяснившее всю глубину расхождений между Лассалем и основоположниками марксизма, было оставлено ими без ответа.

Переписка Маркса и Энгельса с Лассалем содержит освещение ряда важнейших вопросов искусства и политики. Ввиду обширности материала полезно дать сжатую характеристику главных проблем, которые в ней затрагиваются.

Избрав темой своей драмы восстание Зикингена — Гуттена, Лассаль хотел на судьбе этого восстания показать объективное трагическое содержание, свойственное, по его мнению, не одному только этому восстанию, но и вообще *всякой* революционной ситуации. Это трагическое содержание заключается, по Лассалю, в противоречии между революционными целями и оппортунистической тактикой вождей. Переходя к действию, они невольно ищут компромисса с существующим, с которым они бессознательно связаны и которое имеет за собой силу устойчивости и привычки. В превращении вождей революции — при переходе к действию — в «реальных политиков», влекущем за собой их разрыв с массой, коренятся те причины, которые, по мнению Лассалья, привели к поражению не только восстание Зикингена в XVI в., но и немецкую революцию 1848—1849 гг. Возможность такого превращения составляет для Лассалья главную опасность будущей немецкой революции.

В своих исторических оценках Лассаль исходит, таким образом, не из анализа классовых отношений, а из идеалистической схемы. Наиболее важным вопросом для него был вопрос о способности революционных вождей достаточно решительно противопоставить себя существующему порядку, чтобы увлечь за собой массу, играющую в революции пассивно-помогательную роль. В таком подходе к вопросам революционной тактики сказался идеализм Лассаля и его близость к идеям бонапартизма.

Совершенно иначе подходили к вопросам немецкой революции Маркс и Энгельс. Они искали решение вопроса в развитии объективных общественных противоречий данной эпохи, в политической и организационной зрелости движения народных масс. В противоположность Лассалю, Маркс и Энгельс усматривали объективный трагизм революционной ситуации 1848—1849 гг. не в оппортунизме мелкобуржуазных вождей, но прежде всего в слабости и неорганизованности немецкого пролетариата, который еще не мог сплотить вокруг себя крестьянство и закрепить победу над самодержавием и помещиками, в то время как немецкая буржуазия была уже неспособна к подлинному руководству революцией. Обращаясь к эпохе реформации, основоположники марксизма выдвигали на первый план не деятелей типа Зикингена, восставшего, по словам Маркса, в качестве «рыцаря и представителя гибнущего класса». Их интересовали в первую очередь Томас Мюнцер и крестьянское движение, развернувшееся на три года позднее восстания Зикингена, в 1525 г. Именно движение крестьян и революционных плебеев XVI в. представляло для Маркса и Энгельса известную аналогию с движением рабочих и крестьянских масс в 1848—1849 гг. Политическая и организационная слабость обоих этих движений составляла их трагический момент, явилась главной причиной их поражения. Анализ этой — основной — причины поражения немецкой революции 1848 г. привел Маркса и Энгельса к идее соединения пролетарской революции с «вторым изданием крестьянской войны» при руководящей роли пролетариата. Отсюда их упрек Лассалю, что «лютеранско-рыцарскую оппозицию» он поставил выше «плебейско-мюнцерской» (в переводе на язык XIX в. — буржуазно-демократическую революционность выше рабоче-крестьянской).

С различным отношением Лассаля, с одной стороны, и основоположников марксизма, с другой, к вопросам революционной борьбы связана та постановка проблемы взаимоотношения Шекспира и Шиллера, которая содержится в переписке. Лассаль считал, что успех революции зависит от героизма и «воодушевления» ее вождей. Такой взгляд основывался на отказе от углубленного понимания материальных проблем революции, от учета лежащих в ее основе реальных классовых интересов. В конечном итоге взгляды Лассаля опирались на идеи формальной буржуазной демократии, классическим провозвестником которых в драме был Шиллер. В противовес Лассалю Маркс и Энгельс как в политике, так и в искусстве, исходили из задач пролетарской партии, требуя реалистического понимания классового характера общественной борьбы, выдвижения в ней наиболее глубоких массовых интересов. Противопоставляя абстрактно-демократическому пафосу шиллеровских драм шекспировский реализм с его живостью и действенностью, Маркс и Энгельс предъявляли к драме требование широкого и всестороннего изображения исторического действия, уходящего своими корнями в народную почву. Они считали, что революционная трагедия должна опираться на понимание задач революционной борьбы широких народных масс, изображать эти массы со всеми присущими им в данную эпоху интересами и идеями. Отсюда их вывод о том, что драма будущего должна объединить высокую идейность

немецкой драмы с более богатым и полнокровным шекспировским реализмом.

Замечательную оценку переписки Маркса и Энгельса с Лассалем дал Ленин в статье 1911 г. «Принципиальные вопросы избирательной кампании». Ленин указал на преемственность «левоблоккистской тактики», истолкованной Марксом и Энгельсом как союз пролетариата и крестьянства в демократической революции, и тактики большевиков в русской революции. Ленин писал, что меньшевики своей ориентацией на либерально-буржуазную оппозицию, а не на рабоче-крестьянскую революционность, продолжили и углубили в новых условиях ошибку Лассалья (см. В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 374).

См. о переписке Маркса и Энгельса с Лассалем: Г. Лукач, Маркс и Энгельс в полемике с Лассалем по поводу «Зикингена» (в сборнике его статей: «Литературные теории XIX века и марксизм», М., 1937); Ф. Меринг, История германской социал-демократии, т. II, М., 1906, стр. 268—278; «Aus dem literarischen Nachlass von Marx, Engels und Lassalle», т. IV, Stuttgart, 1902, стр. 202; Г. Онкен, Фердинанд Лассаль, Спб., 1905, стр. 88—106.

К стр. 15. *...письмо относительно Энгельса...* — Письмо Маркса к Лассалю от 25 февраля 1859 г. с предложением книгоиздателю Ф. Дункеру взять на себя издание брошюры Энгельса «По и Рейн».

— *...заканчивал своего «Гераклита»...* — Ф. Лассаль, «Философия Гераклита Темного из Эфеса» (1858). См. отзыв Маркса об этом сочинении Лассалья в письме к Энгельсу от 1 февраля 1858 г. (Сочинения, т. XXII, стр. 298—300).

К стр. 16. *Графиня* — друг Лассалья, графиня фон Гатцфельд.

К стр. 17. *Для сцены я обработал ее отдельно...* — Лассаль намеревался поставить свою драму анонимно, но Берлинский придворный театр, куда он ее предложил, отвѣрг ее.

К стр. 18. *«И чего не видит разум умников...»* — Из стихотворения Шиллера «Слова веры» (строфа 3).

К стр. 19. *...в гегелевской логике цель обнаруживается... в самом средстве...* — См. Гегель, Сочинения, т. VI, «Наука логики»; т. II, «Субъективная логика», Соцэкгиз, М., 1939, стр. 200—203.

— *...как того требует Аристотель.* — См. Аристотель, «Поэтика», гл. XIII.

К стр. 21. *...в трирском походе...* — Не объявляя открыто войны императору и скрывая свои подлинные цели, Зикинген начал войну против одного из князей — архиепископа Трирского и при этом потерпел поражение. Трирский поход Зикингена изображен в третьем и четвертом действиях драмы Лассалья.

— *...настолько же выше Зикингена, насколько последний выше Гуттена в третьем акте.* — Гуттен (акт III, сцена 6) призывает Зикингена открыто поднять знамя борьбы за свободу, не учитывая реального соотношения сил и не заботясь о подготовке средств для борьбы. Бальтазар (акт V, сцена 2) советует Зикингену апеллировать к народу. В *крестьянской сцене* (акт V, сцена 3) один из крестьянских вожаков — Йосс Фриц — через посредство Гуттена предлагает Зикингену порвать с рыцарством и стать вождем борющихся крестьян. В *следующей сцене* (акт V, сцена 6) Зикинген, узнав от Бальтазара, что князья отвергли предложенные им условия, задумывает дерзкую вылазку с целью вырваться из осады. В этой вылазке его смертельно ранят.

К стр. 22. *...в заключительных словах Гуттена.* — «Векам грядущим мечь я завещаю!» (акт V, сцена 11).

К стр. 23. *...несколько строк от вас...* — Речь идет о письме Энгельса к Лассалю от 14 марта 1859 г. (Сочинения, т. XXV, стр. 244—245).

— *Ваши небольшие поручения...* — Речь идет о поручениях, связанных с изданием брошюры Энгельса «По и Рейн».

— *Труд Маркса.* — Книга «К критике политической экономии», печатавшаяся в это время в Берлине, в издании Дункера. О ней упоминается и в конце последнего письма Лассалья (стр. 51 настоящего тома).

— *...Маркс пишет мне...* — Имеется в виду письмо Маркса от 16 марта 1859 г. (Сочинения, т. XXV, стр. 246).

К стр. 24. *...«кузен из Голландии»...* — Речь идет о муже сестры Маркса Луизы — Я. К. Юте, гостившем у Маркса в Лондоне с 16 по 22 февраля 1859 г.

— *Я получил письмо от Фридендера.* — Речь идет о переговорах, которые велись Марксом с одним из редакторов венской газеты «Пресса» («Presse») Максом Фридендером (кузеном Лассалья), предлагавшем ему сотрудничество в «Presse».

К стр. 26. *«Вся гамма ощущений»...* — «Франц фон Зикинген» (акт III, сцена 6).

К стр. 29. *...Вы проводите различие между сценической и литературной драмой.* — Мысль эта была развита Лассалем в предисловии к «Францу фон Зикингену».

К стр. 30. *...автобиографии Гуттена...* — Имеется в виду акт III, сцена 6 драмы Лассалья — рассказ Гуттена Марии о пережитых испытаниях.

К стр. 32. *«Союзный башмак» и «Бедный Конрад»* — два крупнейших крестьянских заговора, подготовивших Великую крестьянскую войну 1525—1526 гг.

К стр. 34. *Ты б мог изведать...* — «Франц фон Зикинген» (акт V, сцена 2).

— *Швабский союз рыцарей, городов и князей* был основан в 1488 г. для охраны страны от раздора; распался в 1534 г.

К стр. 35. *...идея крестьянской войны... была... реакционной...* — Ошибочная оценка крестьянской войны Лассалем тесно связана с его представлением о том, что по отношению к борющемуся пролетариату все остальные общественные классы составляют «единую реакционную массу». Представление это явилось одним из источников оппортунизма Лассалья.

К стр. 40. *«Новый Карстганс»* — политический памфлет XVI в., который в прошлом приписывался Гуттену. Впоследствии было высказано предположение, что автором его является Эколампаций. Карстганс — образ замученного тяжелым трудом и стремящегося к освобождению крестьянина.

К стр. 43. *Ландштуль* — замок Зикингена, осажденный его противниками, в котором он погиб.

К стр. 45. *...созывает... в Ландау...* — Зикинген и Гуттен организовали в 1522 г. в Ландау союз рейнского, швабского и франкского дво-

рянства, заключенный на шесть лет. Официальной целью этого союза была самозащита.

К стр. 52. *...твою о fortification...* — Речь идет о статье Энгельса «Фортификация», написанной для VII тома «Новой Американской Энциклопедии» (Сочинения, т. XI, ч. II, стр. 492—516).

К стр. 53. *Ancien régime* (франц.) — старый (дореволюционный феодальный) порядок.

К стр. 54. «*Kölnische Zeitung*» («Кельнская газета») — была в 1848—1849 гг. органом прусской либеральной буржуазии; вела ожесточенную борьбу против руководимой Марксом и Энгельсом «Новой Рейнской газеты» (1848—1849) — боевого органа пролетарского крыла демократии, поднимавшего массы на борьбу с контрреволюцией.

К стр. 56. *...в своем «трусливом героизме»...* — См. Шекспир, «Юлий Цезарь» (акт V, сцена I).

— *...о которой говорит один немецкий писатель...* — Имеется в виду Гегель.

— *Булонская экспедиция* (6 августа 1840 г.) — неудачная попытка высадки во Франции, предпринятая Луи-Наполеоном (будущим Наполеоном III), с целью захвата власти.

К стр. 58. «*Kreuzzeitung*» («Крестовая газета») — общеупотребительное название «Новой Прусской газеты». Реакционная прусская газета, основанная в 1848 г., орган юнкерства.

— «*Père Duchesne*» («Отец Дюшен») — революционный листок, издававшийся в 1789—1794 гг. Эбером, одним из представителей левого крыла якобинцев.

— *...пародия на 18 брюмера...* — Речь идет о контрреволюционном перевороте 2 декабря 1851 г. Настоящее письмо, написанное Марксом на следующий день после захвата власти Наполеоном III, является зародышем сочинения Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», главную идею которого он здесь намечает.

К стр. 61. Именем *Крапулинского* — героя стихотворения Гейне — Маркс презрительно называет Луи-Наполеона.

К стр. 62. *Да что мне, просить Христа ради...* — Из баллады Гейне «Два гренадера».

К стр. 63. *...в плену у «воюющих пруссаков»...* — Речь идет о Наполеоне III, взятом в плен прусскими войсками при Седане.

— *...здесь уже не место фразе о «единой реакционной массе»...* — Фраза эта, отражающая ошибочное понимание задач революционного пролетариата, принадлежит Лассалю.

К стр. 64. *...эти люди...* — Энгельс имеет в виду террористов-народовольцев.

— *...II том...* — Речь идет о втором (и далее — о третьем) томе «Капитала».

К стр. 65. *В Ливерпуле был нанесен превосходный удар...* — Речь идет о ливерпульском конгрессе тред-юнионов в сентябре 1890 г.

— *...рабочая партия заявила о себе...* — Во время парламентских выборов 1892 г. в Англии рабочие депутаты в ряде округов собрали большинство голосов.

— *Гомруль* — умеренная либерально-буржуазная программа самоуправления Ирландии в рамках Британской империи.

— «*Workman's Times*» («Рабочий Таймс») — рабочий еженедельник, издававшийся в 1890—1894 гг. в Хаддерфилде, Лондоне и Манчестере под редакцией Д. Бергесса.

— *О фабианцах* см. т. II, стр. 381—382 настоящего издания.

К стр. 66. *...из жизни царских домов Микен и Фив...* — На мифах из истории микенского и фиванского царских родов основано действие ряда трагедий великих греческих драматургов (трилогия «Орестея» Эсхила, «Электра» Софокла, «Ифигения в Авлиде» и «Ифигения в Тавриде» Еврипида основаны на микенском круге мифов; «Семеро против Фив» Эсхила, «Эдип-царь», «Эдип в Колонне», «Антигона» Софокла — на фиванском).

К стр. 67. *...после схваток какого-то Блума с каким-то Штенцелем...* — Речь идет о дебатах по польскому вопросу во франкфуртском Национальном собрании в августе 1848 г.

К стр. 68. «*Понятый мир*» («Die begriffene Welt») — журнал, издававшийся В. Иорданом в Лейпциге в 1845—1846 гг.

— В *соборе св. Павла* заседало франкфуртское национальное собрание.

К стр. 71. «*Дым и звук*» — Гёте, «Фауст» (ч. I, сцена 16; «Сад Марты»).

К стр. 74. *...стр. 314... внизу.* — G.-W.-F. Hegel, «Die Naturphilosophie», Sämtliche Werke, Bd. IX, Herausg. v. H. Glockner, Stuttgart, 1927, S. 340.

К стр. 76. *...сделанное Менением Агриппой сравнение патрицеев с желудком...* — По рассказу Плутарха и Тита Ливия, патриций Менений Агриппа, стремясь переубедить плебеев, которые в результате конфликта с патрициями хотели оставить Рим, произнес речь, в которой провел аналогию между обществом и человеческим организмом. Он доказывал, что существование богачей так же необходимо для бедняков, как существование желудка — для членов тела (ср. Шекспир, Кориолан, акт I, сцена 1).

К стр. 78. *Что касается моей работы...* — Речь идет о работе Маркса над «Капиталом».

— *...четвертую книгу...* — Имеются в виду «Теории прибавочной стоимости».

К стр. 79. *Методом Якова Гримма...* — Я. Гримм издавал некоторые свои произведения отдельными выпусками по мере их написания.

К стр. 80. «*Sozialdemokrat*» («Социал-демократ») — еженедельная социал-демократическая газета, центральный орган германской социал-демократии в эпоху исключительного закона против социалистов; выходила с 1879 по 1890 г.

— *...работу Маркса и мою от 1847 г. ...* — См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 3, стр. 457—544 и т. II, стр. 93—159 настоящего издания.

К стр. 81. *...все мы старались придать этой полемике веселый характер.* — В 1872 г. немецкий буржуазный экономист Луйо Brentano выступил в органе германских промышленников «Конкордия» с анонимной статьей под названием «Как цитирует Карл Маркс». Brentano обвинил

Маркса в том, что он в Учредительном манифесте I Интернационала, а позднее в первом томе «Капитала» будто бы неправильно цитировал речь английского либерального министра Гладстона (1863) в Палате общин, «присочинив» к ней фразу, в которой Гладстон признал, что рост национального дохода в Англии всецело ограничивается имущими классами и происходит за счет обнищания пролетариата. Статья Брентано представляла собой грязную попытку дискредитации научного авторитета Маркса.

Выпад Брентано открыл продолжительную полемику, в которой с 1884 г. на стороне Брентано принял участие также кембриджский экономист С. Тейлор. Брентано отвечал Маркс, а после его смерти — Элеонора Маркс и Ф. Энгельс. Статьи Маркса и Энгельса неопровержимо доказали абсолютную точность цитаты Маркса. «То обстоятельство, — писал Энгельс, подводя итог всей полемике, — что Брентано и К^о из многих тысяч цитат в произведениях Маркса присосались наподобие пиявок только к этой единственной цитате, доказывает, что они прекрасно знают, «как цитирует Карл Маркс», — а именно, что он цитирует правильно» (Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 185).

К стр. 82. «*Star*» («Звезда») — ежедневная лондонская газета; орган английских радикалов.

— «*Neue Welt*» («Новый мир») — журнал, выходивший под редакцией Б. Гейзера и отражавший взгляды оппортунистического крыла германской социал-демократии.

— ...газета... — Речь идет о газете «Социал-демократ» (см. примеч. к стр. 80).

К стр. 83. ...главу о фабричном законодательстве. — Речь идет о французском переводе I тома «Капитала», выполненном Руа и отредактированном Марксом (1872).

К стр. 84. *Критика Г. Джорджа, посланная тебе Марксом...* — См. письмо Маркса к Зорге от 20 июня 1881 г. (Сочинения, т. XXVII, стр. 137—140).

— ...перевод «Манифеста»... — Речь идет об американском издании «Манифеста Коммунистической партии».

— ...я не желаю себе лучшего переводчика, чем Вы. — В письме говорится о переводе на немецкий язык «Нищеты философии» Маркса, который был выполнен Бернштейном в 1884 г.

К стр. 94. ...см. Дюро... — Маркс имеет в виду книгу французского экономиста Дюро де ла Малль «Политическая экономия римлян» (Dureau de la Malle, «Economie Politique des Romains», Paris, 1840, v. I, p. 58). Дюро цитирует здесь книгу В. Джэкоба «Историческое исследование производства и потребления драгоценных металлов» (1831).

К стр. 102. *И тогда может явиться какой-нибудь Барт...* — Намек на вульгарно-буржуазную «критику марксизма» в книге П. Барта «Философия истории Гегеля и гегельянцев до Маркса и Гартмана» («Die Philosophie der Geschichte Hegels und der Hegelianer bis auf Marx und Hartmann», Lpz., 1890).

К стр. 103. «*Легенда о Лессинге*» Ф. Меринга была впервые опубликована в 1892 г. в органе немецкой социал-демократии «Новое время» («*Neue Zeit*»); в 1893 г. она вышла отдельным изданием с приложением статьи «Об историческом материализме».

— ...передовые статьи... — Речь идет о статьях в газете «*Neue Zeit*».

К стр. 106. *Меркантилисты* — школа экономистов XV—XVIII вв. (У. Стаффорд, Т. Мен и другие). Источник богатства меркантилисты искали не в процессе производства, а в процессе обращения, отождествляя богатство с деньгами.

— *Физиократы* — буржуазная экономическая школа XVIII в., главнейшими представителями которой во Франции были Ф. Кене и А. Тюрго. Физиократы положили основание научному анализу капиталистического производства путем перенесения вопроса о происхождении прибавочной стоимости из области обращения в область непосредственного процесса производства. Однако учение физиократов сложилось в феодально-земледельческой Франции XVIII в.; они считали единственным производительным видом труда — сельскохозяйственный труд и относили промышленников и промышленных рабочих к «непроизводительному классу». По выражению К. Маркса, теория буржуазного производства приняла, таким образом, у физиократов «феодальную внешность». Подробный анализ системы физиократов содержится в первой части «Теории прибавочной стоимости» К. Маркса.

К стр. 108. ...*историческое введение к моей «Крестьянской войне»*... — Речь идет о первой главе названной работы Энгельса (Сочинения, изд. 2, т. 7, стр. 346—358). Задуманная и начатая Энгельсом в 80-х гг. переработка «Крестьянской войны в Германии» не была им завершена.

К стр. 116. ...*«централизацию» Гейнцен позаимствовал от нас*... — Классическая характеристика вклада, сделанного Марксом в теорию борьбы общественных классов, составляет часть указаний, данных Марксом И. Вейдемейеру для использования в статье против мелкобуржуазного республиканца К. Гейнцена, выступавшего с критикой взглядов Маркса. В прошлом федералист, Гейнцен после 1848 г. под влиянием «Новой Рейнской газеты» выдвинул требование единой Германской республики.

К стр. 120. *Уже его первое сочинение*... — В первом своем сочинении «Опыт о народонаселении» (1798) Мальтус выдвинул теорию абсолютного перенаселения и пропагандировал ограничение рождаемости в среде рабочего класса как единственное средство борьбы с нищетой. Теория Мальтуса как апология капиталистической эксплуатации получила широкое распространение, несмотря на то, что она не содержала и тени научности и была целиком заимствована у предшествующих экономистов (Тоунсенда, Стюарта и других).

К стр. 121. *Его сочинения 1815 г.* ... — «Observations on the Effects of Corn-Laws», 1815; «Enquiry into the Nature and Progress of Rent», 1815.

К стр. 123. *Фридрих Энгельс — Паулю Эрнсту*. — Адресат настоящего письма Энгельса — П. Эрнст — немецкий писатель и публицист, известный впоследствии преимущественно как драматург (он стоял во главе школы декадентского неоклассицизма). В конце 80-х гг., на заре своей литературной деятельности, Эрнст, принадлежавший тогда в литературе к движению немецкого натурализма, идейно примыкал к социал-демократической партии и сотрудничал в теоретическом органе немецкой социал-демократии «Neue Zeit». В 1889—1892 гг. он напечатал здесь несколько статей по вопросам литературы и театра, в частности о творчестве Г. Ибсена. Мирозозрение Эрнста этого периода представляло собой смесь социалистических воззрений и элементов анархизма.

Письмо Энгельса является ответом на просьбу Эрнста (выраженную

последним в письме к Энгельсу от 31 мая 1890 г.) высказать свое мнение по поводу позиции, занятой Эрнстом в полемике с австрийским писателем-импрессионистом Г. Баром о положении женщины и женском движении в скандинавских странах (письмо Эрнста см. в книге Ф. Шиллера «Энгельс как литературный критик», М.—Л., 1933, стр. 158—159).

Поводом к полемике между Эрнстом и Баром послужили статьи Л. Маргольм «Женщины в скандинавской литературе» (L. Marholm, «Die Frauen in der skandinavischen Dichtung»), напечатанные в журнале немецких импрессионистов «Свободная сцена» («Freie Bühne», 1890, № 6, 9 и 13), одним из редакторов которого был Бар. В этих статьях Маргольм критиковала идеи женского движения, выраженные в «Кукольном доме» Ибсена и драме Бьернсена «Перчатка». Идеям норвежских драматургов Маргольм противопоставляет натуралистическую мистику Стриндберга.

Маргольм отвечал Эрнст в статье «Женский и социальный вопрос» («Frauenfrage und soziale Frage», там же, № 15). В своей статье Эрнст указывал на социальный характер женского движения, на связь между осуществлением женского равноправия и освобождением пролетариата. Но из этих правильных общих положений Эрнст делал полуанархистские выводы. Классовую борьбу пролетариата он отрывал от демократического общественного движения в широком смысле этого слова. Поэтому Эрнст соглашался с Маргольм в ее критике скандинавского женского движения и женских образов норвежских писателей. В произведениях этих писателей Эрнст видел выражение бессильного отчаяния, охватившего норвежское мещанство, поставленное историческим развитием «между молотом и наковальней» и ведущее безнадежную борьбу за сохранение своей экономической независимости.

Возражая Эрнсту, Бар в ответной статье «Эпигоны марксизма» («Die Epigonen des Marxismus», там же, № 17) развил выдвинутое Маргольм внеисторическое решение женского вопроса, который он считал в первую очередь «вопросом пола». Женский вопрос, как писал Бар, не является вопросом социальным. Кроме социального и биологического типа (влияний среды и наследственности) в каждой женщине нужно различать еще «третью женщину» — «женщину как таковую» (над этой «третьей женщиной» Бара иронизирует Энгельс в конце своего письма). Женский вопрос Бар характеризовал в духе декадентской эротики как «вечную проблему между мужчиной и женщиной», которые «никогда не поймут друг друга».

Критикуя статью Эрнста, Бар обвинял последнего в искажении взглядов Маркса. Эти взгляды, по утверждению Бара, совпадают со взглядами Золя, а также Тэна и других позитивистов, рассматривающих человека не как социальное, а как биологическое существо. Анализ общественных отношений сводится у Маркса якобы к изучению среды и наследственности. Обвинение Бара по адресу Эрнста в искажении взглядов Маркса вызвало обращение Эрнста к Энгельсу.

Получив письмо Энгельса, Эрнст не понял содержащейся в нем критики. Он выступил с новой статьей против Бара («Frauenfrage und Geschlechtsfrage», там же, № 21), в которой заявил, что Энгельс нашел взгляды, высказанные им ранее, «очень близкими» к пониманию Маркса.

В том же 1890 г. Эрнст примкнул к мелкобуржуазно-анархистской ультралевой оппозиции «молодых» в немецкой социал-демократии. Характеристику этой оппозиции Энгельс дал в статье «Ответ редакции газеты «Sächsische Arbeiter-Zeitung» (Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 61—63). Отзыв Энгельса об этом «литературно-студенческом бунте» см. также в

отрывках из писем к К. Шмидту и П. Лафаргу от 27 октября 1890 г., напечатанных во II томе, стр. 277—278 настоящего издания.

Статья Энгельса с критикой оппозиции «молодых» вызвала возражения Эрнста, на которые Энгельс ответил в статье «Ответ г. Паулю Эрнсту» (см. стр. 126—128 настоящего тома).

В последующие годы своей литературной деятельности П. Эрнст склонился к реакции. В конце жизни он примкнул к фашизму.

К стр. 124. ...«не имеют отечества»... — Энгельс имеет в виду знаменитые слова из «Манифеста Коммунистической партии» (Сочинения, изд. 2, т. 4, стр. 444).

К стр. 130. *Брут, Гракхи, Публикола* — популярные в эпоху Великой французской революции героические образы античной республиканской добродетели, к памяти которых часто обращались ораторы и поэты революции. Цезаризм был официальным прообразом наполеоновского консулата и империи.

К стр. 131. *Ты доказал, что рецепция римского завещания первоначально... основывалась...* — Речь идет о книге Ф. Лассалья «Система приобретенных прав» («System der erworbenen Rechte», 1861), вторая часть которой посвящена истории римского и германского наследственного права. Рецепция римского завещания — создание буржуазного права наследования, которое во многом опиралось на законы древнеримского наследственного права.

— *Три единства* — краеугольный камень теории драмы французского классицизма XVII в., которая требовала, чтобы действие в драме не превышало по своей длительности суток (единство времени), чтобы оно совершалось в одном и том же месте (единство места) и развивалось из единого волевого устремления (единство действия).

Закон трех единств был теоретически сформулирован в XVI в. в Италии, откуда перешел во Францию, где он был канонизирован Буало в его «Поэтическом искусстве» (1674). Для обоснования этого закона Буало и его преемники ссылались на древнегреческую драму и на «Поэтику» Аристотеля. Позднее французский филолог XVII в. Андре Дасье в критических примечаниях к своему переводу «Поэтики» Аристотеля (1692) показал, что из трех единств классицистической поэтики Аристотелем упоминаются только два (единства времени и действия), причем обязательным Аристотель считал лишь соблюдение последнего.

К стр. 135. Маркс дает здесь противопоставление антропоморфических божеств античной (греческой и римской) мифологии и индуистральных «божеств» нового — буржуазного — мира.

Вулкан — древнеримский бог огня и кузнечного искусства; Юпитер — верховный бог древнеримской мифологии и в то же время бог небесного света, грома и молнии; Гермес — вестник богов в греческой мифологии, одновременно бог стад, богатства и торговли; Фама — греческо-римская богиня молвы. Маркс противопоставляет им продукты капиталистической организации промышленности и обмена: современный металлургический завод Roberts et Co, громоотвод, известный французский банк Cr dit Mobilier и Printinghousesquare — типографию газеты «Times» в Лондоне.

К стр. 148. «Чем каждый может стать, тем он и становится...» — Из книги М. Штирнера «Единственный и его собственность» (1844), критику которой Маркс и Энгельс дали в «Немецкой идеологии» (раздел «Святой

Макс»). Основоположники марксизма иронически называют Штирнера — Санчо, характеризуя его как сражающегося против идеалистических признаков Санчо-Пансу. В книге «Единственный и его собственность» Штирнер из философского идеализма младогегельянцев сделал выводы в духе мелкобуржуазного анархизма. Он выдвинул точку зрения «Единственного», «эгоиста» — личности, отвергающей применение к ней каких бы то ни было объективных общественных норм. «Эгоизм» Штирнера, отрицающий почву для социальной борьбы и революционной организации, был свидетельством поворота младогегельянского идеализма к романтической реакции, прикрытой внешне радикальной фразой.

Маркс и Энгельс высмеяли в «Немецкой идеологии» мелкобуржуазную анархическую иллюзию Штирнера, рассматривавшего человека (деятельность и сознание которого могут развиваться лишь в обществе, на основе определенной общественной организации труда) как «Несравнимого», «Единственного».

К стр. 149. ...как рассказывает Сервантес... — М. Сервантес, «Дон-Кихот», ч. 1, М., 1951, стр. 145.

К стр. 152. ...пошлая басня Менения Агриппы... — См. примеч. к стр. 76.

К стр. 161. Светлое жилище, называемое Прометеем у Эсхила одним из тех великих даров... — См. Эсхил, «Прикованный Прометей», эпизодий 2, ст. 485—487. «Греческая трагедия», Гослитиздат, М., 1950, стр. 24.

К стр. 165. Левеллер — уравнитель. Левеллеры — мелкобуржуазная радикальная партия в эпоху английской революции 1648—1650 гг. — ...Золото, металл... — Шекспир, «Тимон Афинский» (акт IV, сцена 3).

К стр. 166. ...деньги — зло... — Софокл, «Антигона», эпизодий I, ст. 302—309. «Греческая трагедия», Гослитиздат, М., 1950, стр. 407.

К стр. 167. «Тьфу, пропасть...» — Гёте, «Фауст» (ч. 1, сцена 4; «Кабинет Фауста»).

К стр. 172. ...«что вся тварь сделалась собственностью...» — Из памфлета Мюнцера «Хорошо обоснованная защитительная речь и ответ безбожной, сытно живущей плоти виттенбергской» («Hoch verurtsachte Schutzrede und Antwort wider das geistlose, sanftlebende Fleisch zu Wittenberg», 1524), обращенного против Лютера.

К стр. 174. Рикардо видел из цитируемых им положений Смита... — См. Д. Рикардо, «Начала политической экономии», гл. 21. Сочинения, т. I, Госполитиздат, М., 1955, стр. 243. «Все, что остается после удовлетворения потребностей, имеющих определенную границу, затрачивается на удовлетворение тех потребностей, которые не могут быть полностью удовлетворены, а кажутся вообще не имеющими границ. Бедняк, для того чтобы добыть пищу, изощряется в удовлетворении этих прихотей богатых; и для того, чтобы добыть ее наверняка, он соперничает с другими такими же бедняками в дешевизне и совершенстве своего труда» (слова А. Смита, цитируемые Рикардо).

К стр. 175. Аристотель в «Республике»... — См. «Политика» Аристотеля, кн. I, гл. III, перев. С. А. Жебелева, М., 1911, стр. 19. Аристотель противопоставляет здесь домашнее хозяйство, целью которого является при-

обретение средств к жизни, торговле, целью которой является «накопление денег», стремящегося к «беспредельному богатству».

— ...*оба движения обращения Т—Д—Т и Д—Т—Д...* — Т—Д—Т — товарное обращение («превращение товара в деньги и обратное превращение денег в товар, продажа ради купли»). Д—Т—Д — денежное обращение («превращение денег в товар и обратное превращение товара в деньги, купля ради продажи»); *δίκη* — справедливость; *λέρδος* — корысть.

К стр. 179. *Привожу здесь эти стихи в переводе Штольберга...* — Этот перевод был доставлен Марксу Фрейлигратом — см. об этом письмо Фрейлиграта к Марксу от 22 апреля 1859 г. в книге: Ф. Фрейлиграт, Избранные произведения, Гослитиздат, М., 1956, стр. 328.

К стр. 184. ...*сделало «чистоган единственной связью между людьми».* — Перефразированное выражение из «Прошедшего и настоящего» Т. Карлейля (см. стр. 443 настоящего тома).

К стр. 187. *«Révolutions de France et de Brabant»* («Революции во Франции и в Брабанте»), 1789—1791 — еженедельник, представлявший собой серию памфлетов якобинца К. Демулена.

К стр. 190. ...*против смитовского различия между производительным и непроизводительным трудом...* — А. Смит считал производительными лишь те виды труда, которые служат накоплению капитала (см. об этом стр. 194—195 настоящего тома).

К стр. 197. *Здесь мы опять наталкиваемся на ту чепуху...* — Речь идет о книге П. Росси «Курс политической экономии» (P. Rossi, «Cours d'économie politique», Bruxelles, 1842).

К стр. 198. *Тут Гарнье ударяется в «мораль».* — Речь идет о примечаниях Ж. Гарнье к сделанному им французскому переводу «Исследования о природе и причинах богатства народов» А. Смита (v. V, Paris, 1802).

К стр. 200. *«Отчуждение»* — термин, который Маркс заимствовал из философской терминологии Гегеля и наполнил иным, материалистическим и революционным содержанием. Маркс обозначает с его помощью превращение человеческой деятельности в классовом обществе в чуждую и враждебную человеку силу, подчиняющую себе производителя.

К стр. 203. *Нет ничего легче, как назвать равенство и неравенство, сходство и несходство — рефлексивными определениями...* — Отрывок направлен против М. Штирнера.

К стр. 206. *Моргартен, Земпах и Муртен* — сражения XIV в., принесшие победы швейцарцам. *Марафон, Платея и Саламин* — знаменитые битвы древнегреческой истории.

— *Их борьба против Австрии...* — Борьба, которая велась швейцарскими соединенными кантонами в течение XIII—XIV вв. против австрийской империи Габсбургов. Легендарная клятва на горе Грютли (1307), выстрел альпийского охотника Вильгельма Телля, убившего, по преданию, австрийского наместника Гесслера, и победа при Моргартене (1315), — эпизоды этой борьбы.

К стр. 207. *Грансон... и Нанси.* — При Грансоне швейцарцы в 1476 г. одержали победу над бургундским герцогом Карлом Смелым. При Нанси (1477) Карл Смелый был убит.

К стр. 208. *Но теперь, кажется, эта чистота нравов будет разрушена до основания.* — В ноябре 1847 г. в Швейцарии началась граждан-

ская война между демократическими кантонами и «Зондербундом» — реакционным союзом семи швейцарских кантонов, пользовавшимся поддержкой Меттерниха и иезуитов. Энгельс приветствовал в своей статье «борьбу цивилизованной, промышленной, современно-демократической Швейцарии против грубой христианско-германской демократии скотоводческих первобытных кантонов» (Сочинения, изд. 2, т. 4, стр. 349).

К стр. 210. *В стране три политических центра...* — Речь идет о территории современной Югославии.

К стр. 213. *Если мука — ключ отрады...* — Гёте «К Зулейке», «Западно-восточный диван», цикл «Книга Тимура».

К стр. 215. *Философ производит идеи, поэт — стихи...* — Настоящий отрывок представляет собой резюме марксовой критики французского экономиста А. Шторха (см. в настоящем томе, стр. 190—194). Шторх доказывал на основании тривиально-апологетических рассуждений о естественной «производительности» всякого труда ошибочность взглядов А. Смита, который отрицал производительный — с капиталистической точки зрения — характер духовного труда (поскольку последний не создает прибавочной стоимости).

К стр. 217. *«То, что мы называем в этом мире злом...»* — См. В. Мандевилле, «The Fable of the Bees», third ed., London, 1724, p. 428.

— *...когда семья была на одно мгновение почти совсем отменена законом.* — Маркс и Энгельс имеют в виду ряд законов в области семейного права, принятых революционным правительством в 1793 г. Законы эти, дававшие супругам равные права на семейное имущество, уничтожавшие отцовскую власть и приравнивавшие внебрачных детей к законным наследникам, находились в резком противоречии с обычными принципами буржуазного семейного права, получившими свое классическое выражение в Наполеоновском кодексе.

К стр. 232. *«Система природы».* — См. примеч. к стр. 500.

К стр. 233. *«Собственность» Прудона...* — Речь идет о брошюре «Что такое собственность» (1840).

К стр. 235. *Критика.* — «Критикой», или «критической критикой» Маркс и Энгельс иронически называли Б. Бауэра и группу его друзей — младогегельянцев (см. примеч. к т. II, стр. 7 настоящего издания).

— *...предал огню здания и памятники.* — Речь идет о Парижской Коммуне.

К стр. 236. *...бесцельно подожгли Капитолий в Вашингтоне и летний дворец китайского императора...* — Капитолий в Вашингтоне был подожжен английскими войсками в 1814 г.; летний дворец китайского императора — сокровищница национального искусства — был сожжен англичанами в 1860 г., во время грабительской войны Англии и Франции против Китая.

— *...сжигали при помощи керосина целые города...* — Речь идет о сожжениях франко-прусской войны 1870—1871 гг.

К стр. 237. *Г. Курбе* во время Парижской Коммуны был членом Коммуны и председателем федерации художников.

— *Вандомская колонна* — колонна на Вандомской площади в Париже, установленная в 1806—1810 гг. в память побед Наполеона I и увенчанная его статуей. 16 мая 1871 г. по декрету Коммуны была низвергнута как символ милитаризма. В 1875 г. восстановлена победившей реакцией.

— «Soig» («Вечер») — политическая газета; в 1870—1871 гг. — орган Тьера.

— *Триумфальная арка* в Париже на площади Карусель, перед Тюильрийским дворцом; воздвигнута в 1806 г. в честь побед Наполеона I.

К стр. 242. *О категории обладания см. статью Гесса в сборнике «Двадцать один лист».* — Маркс имеет в виду статью М. Гесса «Философия действия» (M. Hess, «Philosophie der Tat»), помещенную в изданном Г. Гервегом сборнике «Двадцать один лист из Швейцарии» («Ein und zwanzig Bogen aus der Schweiz», Teil I, Zürich und Winterthur, 1843, S. 322—329).

К стр. 242—245. Отрывок направлен против Штирнера (см. о нем примеч. к стр. 148).

К стр. 247. «*Организация труда касается лишь таких работ...*» — Эта и следующие цитаты из книги М. Штирнера «Единственный и его собственность» (1844) (см. примеч. к стр. 148).

К стр. 248. *В качестве примера организации труда в «Союзе»...* — Речь идет о выдвинутом Штирнером в качестве положительного идеала анархическом «Союзе эгоистов». В свой «союз» Штирнер перенес в завуалированной форме буржуазные общественные отношения.

К стр. 250. *...лишь ничтожную долю своих фресок.* — «Реквием» Моцарта был закончен после смерти композитора его учеником Эюсмайером; Рафаэль написал свои фрески вместе с учениками.

— *...так называемые организаторы труда...* — Имеются в виду социалисты-утописты 30—40-х гг., в частности Р. Оуэн, Ш. Фурье и их последователи.

К стр. 257. *На стр. 185...* — Речь идет о вышеназванной книге М. Штирнера.

К стр. 276. «*Г-н Гладстон преподносит своим читателям...*» — См. Л.-Г. Морган, «Древнее общество», изд. Института народов Севера при ЦИК СССР, Л., 1934, стр. 144; книга Гладстона «Juventus Mundi» вышла в 1869 г. в Лондоне.

— *...назв. соч., I, 27...* — Г. Ф. Шёман, «Греческие древности» (G.-F. Schömann, «Griechische Altertümer», Bd. I, Berlin, 1855, S. 27).

К стр. 278. «*Построй людей по племенам...*» — Гомер, «Илиада», II, ст. 362—363.

К стр. 279. *...Дионисий изображает нам совет героической эпохи...* — См. стр. 274 настоящего тома.

— *...у Эсхила фиванский совет...* — См. стр. 275 настоящего тома.

— *...в «Молящих защиты»...* — См. стр. 275 настоящего тома.

К стр. 280. *Он говорит с иронией...* — См. примеч. к стр. 276.

— *На это его положение указывает... Одиссей...* — См. стр. 280 и примеч. к стр. 281 настоящего тома.

К стр. 281. *...Ахиллес, говоря о подарках... эту задачу всегда возлагает... на сынов ахейя.* — «Илиада», I, ст. 127—128, 161—162, 368 и др. — *Даже лично несвободные люди, как, например, свинопас Эвмей, являются «божественными».* — См. «Одиссея», XIV, ст. 3, 48 и др.

— *...«в той же «Одиссее» название «герой» дается... герольду Милию,*

так же как и слепому певцу Демодоксу. — «Одиссея», VIII, ст. 472; XVIII, ст. 424.

К стр. 281. Фукидид определенно называет... — «История Пелопоннесской войны», I, гл. 13.

— ...Аристотель говорит... — «Политика», III, гл. 10, перев. Жебелева, М., 1911, стр. 138—139.

— Морган впервые подвергает исторической критике... — Л.-Г. Морган, «Древнее общество», II, гл. 7, Л., 1934, стр. 109—129.

К стр. 282. Я сказал далее, что рассуждения г. Ткачева являются ребяческими... — В своей третьей статье об «Эмигрантской литературе» (Сочинения, т. XV, стр. 231—240) Энгельс критиковал позицию, занятую П. Л. Лавровым в его журнале «Вперед» по отношению к исключению бакунистов из Интернационала. Характеризуя вред, который анархизм Бакунина принес международному рабочему движению, а также русской революции, Энгельс остановился здесь на полемике Лаврова против Ткачева, который развивал в своей брошюре «Задачи революционной пропаганды» (1874) взгляды, сходные с Бакуниным. В ответ Ткачев опубликовал в Цюрихе «Открытое письмо П. Ткачева Ф. Энгельсу». Ткачев утверждал здесь, что, критикуя взгляды Бакунина и самого Ткачева, Энгельс будто бы дискредитирует в их лице русское революционное движение...

К стр. 283. ...Und seine ganze Ignoranz... — Г. Гейне, «Кобес I» (цикл «Последние стихотворения»).

— ...Гладстоновской книги о Гомере... — «Studies on Homere and Homeric Age» (1858).

К стр. 285. «С мужем, ею убитым, она в кровном родстве не была». — Эсхил, «Эвмениды», эпизодий 4, ст. 687. «Греческая трагедия», Гослитиздат, М., 1950, стр. 183.

К стр. 286. ...брак пуналуа... — Форма группового брака, открытая Морганом. Анализ ее Энгельс дает в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» (глава II).

К стр. 288. О, как ужасно понимание... — Софокл, «Эдип-царь», ст. 316—317 (Софокл, Трагедии, т. I, «Academia», М. — Л., 1936, стр. 15).

— В делах наживы зряч... — Там же, ст. 388—389, стр. 18.

— ...Телемак обрывает свою мать... — Гомер, «Одиссея», I, ст. 352—356.

К стр. 289. ...у Эсхила Агамемнон поступает с Кассандрой... — В трагедии «Агамемнон».

— Из одного места у Плутарха... можно заключить — согласно Шёману... — G.-F. Schömann, «Griechische Altertümer», Bd. I, B., 1855, S. 268.

290. ...Аристофан упоминает о молосских собаках... — Аристофан, «Женщины на празднике Фесмофорий», ст. 417—418.

— ...во время Геродота фабриковались... согласно Ваксмуту... — Wachsmut, «Hellenische Altertumskunde», Bd. II, Halle, 1846, S. 52 со ссылкой на «Историю» Геродота, кн. VIII, 105.

— У Эврипида жена обозначается словом *oikigeta*... — Еврипид, «Орест», ст. 920.

К стр. 295—298. Греческая пластика; Греческое просвещение и т. д. — Перепечатываемые здесь отрывки из докторской диссертации Маркса и из подготовительных работ к ней относятся к той ступени идей-

ного развития Маркса, когда он еще стоял на позициях гегелевского идеализма. Они написаны в значительной мере под влиянием круга идей, относящихся к характеристике греческой культуры, которые были развиты Гегелем в его лекциях по эстетике и по истории философии.

Анализируя в своей диссертации (и относящихся к ней подготовительных работах об эпикурейской и стоической философии) различные философские учения, возникшие в эпоху разложения античной демократии, Маркс рассматривал разложение последней как исторически неизбежный процесс, обусловленный внутренними противоречиями самой античной культуры. Но основу этого процесса Маркс, подобно другим радикальным ученикам Гегеля, искал в начале 40-х гг. не в материальных условиях общественной жизни, а в развитии самосознания.

Сущность классического периода греческой культуры молодой Маркс вслед за Гегелем видел в живом и свободном единстве народной «субстанции» и отдельных индивидуумов. С разложением греческой демократии разлагается и единство индивидуального и общенародного интересов. Античная демократия приобретает теперь формальный характер, связь индивидуальности и целого утрачивается, на первый план выступают частные материальные интересы отдельных общественных слоев и лиц. Принцип частного интереса лег, по Марксу, в основу философии Эпикура; он получил также яркое отражение в римской поэзии: овеянный народной фантазией пластический поэтический идеал, соответствующий классической ступени греческой культуры, уступает здесь свое место механическому взгляду на природу и общество (см. далее характеристику Лукреция на стр. 304 настоящего тома). Этого краткого изложения общего хода идей ранних работ Маркса, посвященных античному миру, достаточно, чтобы уяснить в общих чертах связь и различие между мыслями данных отрывков и позднейшими высказываниями Маркса об античности.

Анализ докторской диссертации Маркса, с точки зрения изложенной в ней концепции истории античной культуры, см. в книгах: М и х. Л и ф ш и ц, Вопросы искусства и философии, Гослитиздат, М., 1935, стр. 169—180; А. С о г н ц, Karl Marx und Friedrich Engels. Leben und Werk, Bd. I, Aufbau-Verlag, Berlin, 1945, S. 161—181.

К стр. 295. *...подобно тому, как атом освобождается от своего относительного существования...* — По учению Эпикура одним из видов движения атома является отклонение падающего атома от прямой линии. Как показывает Маркс в данном отрывке, закон отклонения атома, отличающий натурфилософию Эпикура от физики Демокрита, представляет собой частное выражение в области физики основной общей идеи всей эпикурейской философии, стремившейся в условиях распада античной демократии утвердить принцип свободы и независимости частного единичного лица.

— *Очень много острили по поводу этих богов Эпикура...* — Характеризуя богов Эпикура как «пластических богов греческого искусства», Маркс опирается на следующее замечание Винкельмана: «Красота богов в зрелом возрасте обозначается соединением мужественной силы и юношеской радости, а последняя выражается отсутствием нервов и мускулов, мало заметных в молодости. Сюда же относится выражение божественного довольства, не имеющего нужды в материальных частях, необходимых для питания тела. Это, верно, и хотел сказать Эпикур, говоря о богах, что у них есть тело, но особого рода, и кровь, но тоже особого рода. Цицерон находит это темным и непонятным» (И. Винкельман, «История искусства древности», Изогиз, М., 1933, стр. 144).

К стр. 296. *Цицерон, как римлянин, вправе высмеивать их...* — См. Цицерон, «О природе богов», I, 38—39.

— *...это учение о богах, уничтожающее страх...* — Плутарх, «О том, что, следуя Эпикуру, невозможно жить счастливо».

— *Гирканское море.* — Так в древности называлось Каспийское море.

— *«То, что лучше всего, не нуждается в действии...»* — Аристотель, «О небе», II, 12.

К стр. 298. *«Нечестив не тот, кто отвергает богов толпы...»* — Из письма Эпикура к Менойкею; см. Диоген Лаэртский «О жизни знаменитых философов», X, 122—123.

— *По правде, всех богов я ненавижу...* — Эсхил, «Прикованный Прометей», «Греческая трагедия», Гослитиздат, М., 1950, стр. 44.

— *Знай хорошо, что я б не променял...* — Там же.

— *...утверждение автора...* — Автором цитируемой Марксом статьи в «Кельнской газете» был один из ее редакторов — немецкий реакционный публицист К. Г. Гермес.

К стр. 302. *Святой Макс* — М. Штирнер. См. примеч. к стр. 148.

— *Святой Бруно* — Б. Бауэр. См. примеч. к тому II, стр. 7 настоящего издания.

К стр. 304. *Лукреций Кар.* — Характеристику подготовительных работ к докторской диссертации Маркса, из которой извлечены высказывания Маркса о Лукреции см. в примеч. к стр. 295—298.

— *Зевс вырос под шумную военную пляску куретов...* — Миф рассказывает, что Зевс был рожден Реей на острове Крите тайно от его отца, бога Кроноса, пожиравшего своих детей. Чтобы Кронос не слышал криков новорожденного, мифологические существа — куреты — загнули их шумом пляски и стуком оружия.

К стр. 305. *...громовой песне Лукреция...* — Лукреций, «О природе вещей», кн. I.

— *«Блаженство не есть награда за добродетель...»* — Спиноза, «Этика», ч. V, теорема 42.

К стр. 306. *...подобен «мрачной заботе» Горация...* — Гораций, «Лирические стихотворения», кн. III, ода I, ст. 40.

— *То же говорит и Страбон...* — Цитируемую характеристику германцев и кельтов см. Страбон. «География», перев. Мищенко, М., 1879, кн. IV, 2 и кн. VII, 1—4, стр. 197 и 292.

— *Мы уже не говорим о негодующих и дышащих мутью стихах Овидия.* — См. Овидий, «Письма с Понта», кн. III, 4 (Руфину). Овидий призывает здесь римлян отомстить германцам за нанесенное им Арминием поражение, предвещая предстоящий триумф Германика.

К стр. 307. *Одним из наших лучших источников о первых христианах является Лукиан...* — См. сочинения Лукиана «О кончине Перигрина» и «Друг отечества, или Поучение» (Лукиан, Собрание сочинений, т. II. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 479 и 498).

К стр. 308. *Он мог бы, между прочим, найти у Лукиана подробное описание...* — См. диалоги Лукиана, «Пир, или Лапифы», «Киник» и «О философах, состоящих на жаловании» (ук. соч., т. II, стр. 299 и 597; т. I, стр. 689).

К стр. 311. *«Народные правды»* — сборник законов и судебных постановлений раннего средневековья.

К стр. 315. *«Братья будут между собой враждовать...»* — См. «Прорицание провидицы», ст. 44—45, «Эдда», т. I, изд. М. и С. Сабашниковых, М., 1917, стр. 105.

К стр. 317. Цитируемый Энгельсом ответ *Кримгильды* — см. «Песнь о Нибелунгах», X, ст. 567 («Der Nibelunge Not», herausg. v. K. Lachmann, Berlin, 1826, S. 68).

— *Морган, надеюсь, будет готов...* — Речь идет о работе Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (написанной «в связи с исследованиями Л.-Г. Моргана» (1884).

К стр. 318. *...отзыв Маркса о Рихарде Вагнере...* см. в следующем отрывке.

— *В одном письме, написанном весной 1882 г.* — Письмо Маркса, которое цитирует Энгельс, в полном виде неизвестно.

— *Вагнеровский текст «Нибелунгов».* — Либретто немецкого композитора Р. Вагнера к тетралогии «Кольцо Нибелунгов», написанной на мотивы древнегерманской мифологии и поэзии.

— *«Эгисдрекка, или Словесная распря Локи» («Lokasenna»).* — Сказание, входящее в древнейшую Эдду. См. цитируемые Энгельсом слова Локи («Эдда», т. I, перев. С. Свириденко, изд. М. и С. Сабашниковых, М., 1917, стр. 178 и 179).

— *«Сага Инглинга» («Inglinga-saga»).* — Первая часть норвежской королевской саги («Heimskringla») Снорри Стюрлюсона (1178—1241), повествующая о происхождении и истории легендарного королевского рода инглингов. Легендарные мотивы саги Инглинга восходят к более ранним мифам и героическим сагам. Место, которое имеет в виду Энгельс, находится в конце четвертой главы саги Инглинга («Heimskringla edr Noregs Konunga Sögar» ad Snorra Sturlusuni, Hauniae, 1777, стр. 8).

К стр. 325. *В саге о Ниале повествуется* — см. «Сага о Ниале», гл. 157. «Исландские саги», Гослитиздат, М., 1956, стр. 749—751.

К стр. 327. *В указанном сочинении...* — Smith G., «Irish History and Irish Character», Oxford — London, 1861.

К стр. 328. *Милезии, или скотты* — название группы кельтских племен, завоевавших древнюю Ирландию и Шотландию.

К стр. 329. *Вскачь Олоф мчится...* («Рыцарь Олоф»), «Господин Ион». — См. Altdänische Heldenlieder, Balladen und Märchen, übersetzt von W.-G. Grimm, Heidelberg, 1811, S. 91, 32.

Вторая баллада рассказывает о том, как рыцарь Ион провел брачную ночь с невестой своего друга Лаве, а затем, одержав над Лаве победу на турнире, взял ее в жены.

К стр. 330. *Латинская и романская литература...* — Страницы в скобках относятся к источнику, которым пользовался Энгельс, делая эти выписки. Н. Martin, «Histoire de France», v. III (А. Мартэн, «История Франции с самых древних времен до 1789 года», т. III, изд. 4, Париж, 1855).

К стр. 333. *Вульгата* — латинский перевод библии.

К стр. 334. *...Вольфрам фон Эшенбах оставил три чудесные песни...* — См. Wolfram von Eschenbach, herausg. v. A. Leitzmann, 2 Aufl., Halle a. S., 1911, H. 5, S. 179—187.

— *Три героические поэмы Вольфрама* — «Парциваль», «Виллехальм фон Оранзе» и «Титурель» (последняя не окончена).

21 Маркс и Энгельс об искусстве, т. 1

К стр. 334. *Средневековый испанский романс*. — Энгельс имеет в виду «Romance del conde Claros, hijo de Reynaldos de Montalvan» (см. Silva di romances viejo, publ. por J. Grimm, Vienna, 1815, стр. 202—203).

К стр. 335. *Для Вейтлинга это несчастье...* — В своих «Гарантиях гармонии и свободы» (ч. I, гл. 11) Вейтлинг выдвинул идею создания в будущем обществе единого «мирового языка» (W. Weitling, «Garantien der Harmonie und Freiheit», Akademie-Verlag, Berlin, 1955, S. 93—95).

К стр. 336. *...как это придется сделать и père Виллиху, если он еще больше увлечется литературной борьбой.* — В связи с инсценированным на основании полицейских фальшивок в 1853 г. в Кельне судом над группой членов Союза коммунистов Маркс выступил с «Разоблачениями о кельнском процессе коммунистов». Характеризуя махинации прусской полиции, Маркс останавливался здесь, между прочим, на неблагоприятной роли, которую сыграли в процессе члены авантюристской фракции Виллиха — Шаппера (исключенные в 1852 г. из Союза) и лично Виллих. Возражая Марксу, Виллих опубликовал в Америке ряд статей, содержавших грубые нападки на Маркса. Виллиху отвечали Вейдемейер и Клусс, а позднее и Маркс в памфлете «Рыцарь благородного сознания» (1853).

К стр. 338. *Об изобретениях смотри ниже.* — См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIV, стр. 441—442.

К стр. 339. *Манифест.* — Имеется в виду «Манифест Коммунистической партии».

К стр. 340. *...как Данте ожидал этого от германских императоров-разбойников...* — См. Данте, «Ад», I, 102; «Рай», XXX, 137—138.

— «Культуркампф» (борьба за культуру). — Так буржуазные либералы называли конфликт между Бисмарком и католическим духовенством в 1872—1875 гг.

К стр. 341. *Узнаешь ты, как солон хлеб не свой...* — Данте, «Рай», XVII, 58—60. Данте был изгнан из Флоренции в 1302 г. как один из вождей партии гибеллинов (сторонников императорской власти) и находился в эмиграции до конца жизни.

К стр. 342. *...одна из самых жестоких пыток изгнанника — это необходимость сталкиваться со всяким сбродом.* — Данте, «Рай», XVII, 61—69.

— *...затянутый им против меня скандал...* — Речь идет о клеветническом обвинении, напечатанном в газете «National Reformers» 7 января 1872 г. См. ответ Маркса (Сочинения, т. XIII, ч. II, стр. 383).

К стр. 343. *...апофеоз Вольтера в Париже.* — Апофеоз Вольтера был отпразднован в Париже 30 марта 1778 г., незадолго до смерти писателя. В этот день присутствовавший на премьере трагедии «Ирина» Вольтер был увенчан лавровым венком. После спектакля на сцене состоялось торжественное коронование его бюста.

К стр. 344. *Только города остались верны Венцеславу...* — Речь идет о германских городах в конце XIV в.

К стр. 346. *Лютер... сочинил текст и мелодию того пропитанного чувством победы хорала, который стал марсельезой XVI века.* — Хорал Лютера «Господь — наша крепость» («Eine feste Burg ist unser Gott») стал в Германии в эпоху Великой крестьянской войны 1525—1526 гг. боевым гимном восставших крестьян и плебеев.

К стр. 347. *Здесь теперь все стали любителями искусства...* — В 1857 г. в Манчестере, где жил в это время Энгельс, была организована художественная выставка.

— *«Трибуна»* — выходившая под редакцией Ф. Дана американская демократическая газета «Нью-йоркская трибуна», в которой Маркс принимал участие в качестве корреспондента с 1851 по 1856 г.

К стр. 349. *Альбрехт Дюрер... развил эту систему ронделей до ее высшего совершенства.* — Эти идеи развиты Дюрером в его трактате об укреплениях («*Etliche Underricht zu Befestigung der Stett, Schloz und Flecken*», Nürnberg, 1527).

К стр. 353. *...впадаешь... в стиль передовой статьи...* — Речь идет о главах, написанных К. Каутским для коллективного труда «История социализма», который он редактировал совместно с Э. Бернштейном.

К стр. 354. *...курфюрста Августа.* — Речь идет об Августе Саксонском.

— *Сатира «Соловей»* была издана Лессингом в 1773 г. в первом выпуске «Материалов к истории и литературе из сокровищ герцогской библиотеки в Вольфенбюттеле».

К стр. 356. *Английская капиталистическая лига XIX столетия...* — Имеется в виду организованная в 1853 г. английскими текстильными промышленниками (с целью «противиться всем требованиям, предъявляемым организованными группами рабочих») «Ассоциация для содействия промышленности в деле успокоения рабочих в Манчестерском округе».

К стр. 357. *Сейчас же после заключения мира...* — Речь идет о мире в Брегиньи, заключенном в 1360 г. (во время Столетней войны) между Англией и Францией.

К стр. 359. *Чистое благое пожелание, требование «справедливости».* — Энгельс противопоставляет идеалистической точке зрения Дюринга учение научного социализма.

— *...о твоём «Море»...* — К. Каутский, «Т. Мор и его утопия» (1888). Русский перевод, М., 1924.

К стр. 360. *...Карл Каутский показал...* — См. К. Каутский, «Т. Мор и его утопия», М., 1924, стр. 80—84.

К стр. 361. *Какое различие между «гордыми земледельцами Англии»...* («Fight, gentleman of England, fight, bold yeoman!»). Шекспир, «Ричард III» (акт V, сцена III).

К стр. 362. *Вольтер... называл Шекспира пьяным дикарем...* — в «Рассуждении о древней и новой трагедии», предисловии к трагедии «Семирамида» (1748).

— *Коалиционное министерство Эбердина*, объединявшее умеренных тори («пилитов») и вигов, находилось у власти в Англии в 1852—1855 гг.

К стр. 363. *...«война с Россией»...* — Речь идет о Крымской войне 1853—1856 гг.

— *...толстую книгу о «шекспиромании»...* — R. Benedix, «Die Shakespeareomanie», Zug Abwehr, Stuttgart, 1873. Книга направлена против шекспировского влияния на немецкую драму.

К стр. 364. *...в примечании педанта Джонсона сказано...* — Имеются в виду примечания теоретика английского классицизма Сэмюэля Джонсона к изданному им в 1765 г. собранию сочинений Шекспира.

К стр. 364. *О трагедии Руге «Новый мир»... я получил... любопытные сведения.* — А. Ruge, «Neue Welt». Trauerspiel in 5 Aufzügen mit einem Vorspiel «Goethe's Ankunft in Walhalla», 1856.

К стр. 365. «Трибуна» — См. примеч. к стр. 347.

— *...чем Помпей был на деле.* — См. Шекспир, «Бесплодные усилия любви» (акт V, сцена 2).

К стр. 366. «...я требую уплаты по векселю». — Шекспир, «Венецианский купец» (акт IV, сцена 1).

— *«Да, грудь его; так сказано в расписке!»* — Там же.

— *...гипотеза Даумера о христианском причащении.* — См. примеч. к т. II, стр. 231 настоящего издания.

К стр. 368. *...столяру Снэгу, игравшему роль льва...* — См. Шекспир, «Сон в летнюю ночь» (акт V, сцена 1).

К стр. 369. *Этот-то орган власти...* — Речь идет о Центральной хунте — центральном органе правительственной власти Испании в период борьбы против наполеоновского господства.

К стр. 370. *Воззвания этих хунт к нации...* — Имеются в виду провинциальные хунты (органы государственной власти, возглавлявшие борьбу отдельных испанских провинций против Наполеона) во время войны за независимость 1808—1814 гг.

— *...охарактеризовать испанскую литературу эпитетом восточной.* — См. Sismondi, «De la littérature du midi de l'Europe», t. III, Paris, 1819, p. 100 (chapitre XXIII).

— *«Magico prodigioso»* — «Маг-чудодей».

К стр. 371. *Сервантес где-то рассказывает... В одной новелле Сервантеса...* — Оба эпизода из Сервантеса, на которые ссылается Маркс, проводя ироническую параллель между героями Сервантеса и прусскими либералами 1848 г., заимствованы из «Новеллы о беседе двух собак, Сципиона и Бергансы» (см. Сервантес, «Назидательные новеллы», «Academia», М. — Л., 1934, т. II, стр. 296—301 и 343—345).

К стр. 374. *...старая книга... Бернье...* — Речь идет об «Истории последних политических переворотов в государстве Великого Могола» (1670). Русский перевод, М. — Л., 1936.

— *«Réflexions etc.» Рошфуко.* — Речь идет о сборнике мыслей («Réflexions, ou Sentences et maximes morales») французского писателя XVII в. Ларошфуко. Цитируемые Марксом мысли Ларошфуко — № 267 («Серьезность есть таинство тела...»), № 19 («Мы все имеем достаточно сил...»), № 93 («Старики любят...»), № 192 («Когда пороки нас оставляют...»), № 254 («Умеренность...»), № 304 («Мы часто прощаем...»), № 312 («Любовники и любовницы»). (См. в русском переводе С. Касаткина в изд. Суворина «Дешевая библиотека», Спб., б. г., стр. 5, 18, 35, 53, 57, 58).

К стр. 375. *...Стерн списал у Рошфуко!* — См. гл. XI первого тома «Жизни и мнений Тристрама Шенди», Гослитиздат, М. — Л., 1949, стр. 27, где приводится изречение «одного французского остроумца».

К стр. 376. *Пьер Бейль... возвестил появление атеистического общества...* — Относящиеся сюда высказывания Бейля были собраны Л. Фейербахом в 4-й главе его сочинения о П. Бейле (P. Bayle, «Ein Beitrag zur Geschichte der Philosophie und Menschlichkeit», Berlin, 1848, стр. 56—72). Для характеристики Бейля Маркс пользовался книгой Фейербаха.

— *Что касается твоей работы...* — Речь идет о книге Лассалья «Система приобретенных прав» («System der erworbenen Rechte», 1861).

— *...я процитирую здесь только следующие места...* — Отрывки из «Новой науки» Вико, которые приводит Маркс, см. Д. Вико, «Основания новой науки об общей природе наций», Гослитиздат, Л., 1940, стр. 200, 428 и 431 («La science nouvelle par Vico». Traduit par l'auteur de l'Essai sur la formation du dogme catholique, Paris, 1845, стр. 171, 363, 367).

К стр. 377. *В своей «Новой науке» Вико говорит...* — См. стр. 141—142 указанного французского и стр. 170 русского издания.

— *Венская «Пресса», берлинская «Национальная газета»* — буржуазные газеты второй половины XIX в.

К стр. 378. *...по выражению Гегеля, мир был поставлен на голову...* — См. Гегель, «Философия истории» (Сочинения, т. VIII, Соцэкгиз, М. — Л., 1935, стр. 413).

К стр. 379. *...и Гизо забывает...* — Речь идет о сочинении Гизо «Почему удалась английская революция?» (1850). Гизо утверждал, что английская революция, в отличие от французской, имела религиозный характер и не порывала с традициями прошлого.

К стр. 380. *Мы уже упоминали...* — См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 2, стр. 142.

К стр. 381. *...и за это удостоился похвалы Гегеля...* — См. Гегель, «Лекции по истории философии», кн. 3 (Сочинения, т. XI, Соцэкгиз, М. — Л., 1935, стр. 393—395).

К стр. 383. *...и Бауэр, или критика...* — См. примеч. к стр. 235.

— Места из «Истории философии» Гегеля, на которые ссылается Маркс, см. Гегель, «Лекции по истории философии», ч. III (Сочинения, т. XI, Соцэкгиз, М. — Л., 1935, стр. 383—387).

— Цитируемый отрывок из «Феноменологии духа» см. G.-W.-F. Hegel, «Phänomenologie des Geistes», Sämtliche Werke, Bd. II, Hg. v. H. Glockner, Stuttgart, 1927, S. 442—444.

— О «Hallische Jahrbücher» см. примеч. к т. II, стр. 208 настоящего издания.

К стр. 388. *...в своей «Книге»...* — Имеется в виду «Единственный и его собственность» (см. примеч. к стр. 148).

— *Таможенный союз*, объединивший постепенно все германские государства, за исключением Австрии, был основан в 1834 г. Вызванный к жизни необходимостью создания общегерманского рынка, он способствовал и политическому объединению Германии. Главенствующую роль в союзе играла Пруссия.

К стр. 391. *Робинзон у Маркса...* — См. следующие два отрывка.

К стр. 393. *...Кэри, стр. 104...* — Имеется в виду сочинение Кэри «Принципы политической экономии» (1837—1840).

К стр. 394. *Свифт... пишет...* — См. Д. Свифт, «Памфлеты», Гослитиздат, М., 1955, стр. 151.

К стр. 395. *«Письмо суконщика».* — См. там же, стр. 118—146.

— *Смит на стр. 138...* — Речь идет о книге: G. Smith, «Irish history and Irish character», Oxford and London, 1861.

К стр. 396. *...основатель первого в Ирландии дома для умалишенных...* — См. стихи на смерть д-ра Свифта (Д. Свифт, «Памфлеты», Гослитиздат, М., 1955, стр. 266).

К стр. 396. *...Bernar de Mandeville говорит...* — См. «The Fable of the Bees», 5 ed., London, 1728, стр. 212, 213, 328.

К стр. 397. *...той же самой главы...* — А. Смит, «Богатство народов», т. I, гл. I, Союзгиз, М., 1935, стр. 14.

К стр. 398. *Still her old empire to restore she tries...* — А. Pope, «Dunciad», Published by m-r Warburton, London, s. a., Book I, v. 15 (p. 10).

— *«Теперь там правит Дунс второй...»* — Там же, v. 6 (p. 5).

— *...ни одна из этих вещей не может сравниться с фогтовской Лаузиадой.* — «Лаузиадой» Маркс называет клеветническую брошюру Фогта «Мой процесс против «Всеобщей газеты» (см. примеч. к т. II, стр. 325 настоящего издания).

— Берк. — Ср. другой отзыв Маркса о Берке («Капитал», т. I, 1950, стр. 764, примеч.).

К стр. 400. *...для Луи Бонапарта в Италии.* — В 1859 г. Франция в союзе с Сардинией вела войну против Австрии. Война (закончившаяся присоединением к Франции Савойи и Ниццы) велась Наполеоном III под демагогическими лозунгами свободы «от Альп до Адриатики» и борьбы с австрийским деспотизмом. Это привлекло к Наполеону III симпатии части деятелей буржуазного национально-освободительного движения.

— *Нет ничего гнуснее этой обезьяны...* — В письмах Вольтера к его друзьям не раз встречается образ «обезьяны, превращающейся в тигра», обычно применяемый писателем для характеристики нравственного облика клерикальных фанатиков и реакционеров (см. письмо герцогу Ришелье от 19. VIII 1766 г.; письмо к Де-Сабанону от 30. VIII 1766 г. (Oeuvres complètes de Voltaire, Correspondence générale, v. XI, 1786, pp. 11 et 22)).

К стр. 401. *...вызвал вчера массовую демонстрацию...* — Речь идет об организованной чартистами 24 июня 1855 г. демонстрации протеста против «билля о воскресном отдыхе», направленного против интересов трудящихся.

К стр. 402. *И когда Штарке объявляет все это идеализмом...* — Речь идет о книге К.-Н. Штарке «Людвиг Фейербах» (С.-N. Starcke, «Ludwig Feuerbach», Stuttgart, 1885), появление которой вызвало работу Энгельса о Фейербахе (1886).

К стр. 403. Комментарий Гегеля к «Племяннику Рамо» Дидро — См. G.-W.-F. Hegel, «Phänomenologie des Geistes», Sämtliche Werke, Hg. v. Glockner, Bd. II, Stuttgart, 1927, S. 397—405 (отрывки, цитированные Марксом, см. S. 404—405 и 401—402).

— *Комментарий господина Жюля Жанена.* — La fin d'une monde et du neveu de Rameau, Paris, 1861.

К стр. 404—405. *...в первом своем изложении...* — Энгельс имеет в виду трактат Руссо «О причинах неравенства между людьми» («Discours sur l'origine de l'inégalité parmi les hommes», 1754).

— Цитируемые Энгельсом положения: «*Все дальнейшие успехи...*» — См. Ж.-Ж. Руссо, «О причинах неравенства», «Библиотека Светоча», Спб., 1907, стр. 77; «*Обработка металлов...*» — там же, стр. 78; «*С точки зрения поэта...*» — там же; «*Бесспорно — и это составляет основной закон...*» — там же, стр. 91; «*Тут — высшая степень неравенства...*» — там же, стр. 104; «*Если его изгоняют...*» — там же, стр. 104—105.

— *Мы здесь... имеем уже у Руссо... рассуждение, как две капли воды*

схожее с рассуждением Маркса в «Капитале»... — См. стр. 221—224 настоящего тома.

— на стр. 271 «Курса философии». — Речь идет о «Курсе философии» Э. Дюринга.

К стр. 406. *Абстракцией политического человека* Маркс называет характерную для многих идеологов буржуазного общества иллюзию самостоятельности политических отношений, которые кажутся им вполне независимыми от материальных экономических отношений между людьми. Это представление нашло в XVIII в. свое классическое выражение в теории общественного договора Руссо. Последний полагал, что общественное устройство является первоначально результатом свободного соглашения, «договора» между индивидами, решившими ограничить свои индивидуальные права и возможности в интересах общественного целого. В статье «К еврейскому вопросу» (1844) и в «Святом семействе» Маркс раскрыл социально-политическое содержание этой иллюзии.

В сфере частных (или, как говорили просветители XVIII в.) «гражданских» отношений, то есть прежде всего отношений собственности, каждый член буржуазного общества действует в качестве изолированного и эгоистического индивида, в качестве своего рода «человека-атома». Материальные потребности и узкокорыстные частные интересы исчерпывают здесь все реальные экономические связи между людьми. В противоположность этому политическая жизнь выступает в сознании отдельного буржуа как некая сфера проявления долга, идеальных гражданских обязанностей, сфера, требующая возвышения над эгоизмом и своекорыстием «частной» жизни. Противоречие, существующее в буржуазном мире «между купцом и гражданином, между поденщиком и гражданином, землевладельцем и гражданином, между живым индивидом и гражданином», характеризуется молодым Марксом в терминах гегелевской «Философии права» как противоречие между «буржуа» (bourgeois) и «гражданином» (citoyen). В мировоззрении просветителей XVIII в., идейно подготовивших французскую революцию, важную роль играло требование подчинения частного интереса — общественному, подчинения буржуа — гражданину. В феодальном обществе материальное положение индивида определялось теми или иными сословными, цеховыми и другими правами и привилегиями. Буржуазная революция, осуществляя «политическую эмансипацию» общества от всех институтов феодализма, от всех регламентаций и ограничений, впервые узаконяет взаимную независимость политического и гражданского быта, частных и общественных интересов («сведение человека, с одной стороны, к члену гражданского общества... с другой, к политическому гражданину...»). Но, для того чтобы сломить реакционные силы феодального общества, буржуазная революция, по выражению Маркса, в свою очередь нуждалась «в героизме, самопожертвовании, терроре», в подчинении своекорыстия частных собственников потребностям политической жизни, следовательно, — в торжестве человека-«гражданина» над человеком-«буржуа».

В той мере, в какой борьба буржуазии с феодализмом была общенародным делом, этот идеал подчинения частной жизни сфере гражданского долга, имел, хотя и ограниченное, но прогрессивное историческое содержание. Поэтому Маркс и Энгельс, критикуя идеологию отвлеченной гражданственности, всегда отличали великих писателей Просвещения от их эпигонов — мелкобуржуазных революционеров XIX в., сохранявших гражданские иллюзии Просвещения и выдвигавших идеал «политической эмансипации» как решение всех социальных вопросов уже в эпоху сложившегося

капитализма. Противоположностью «политической эмансипации» служит для Маркса «человеческая эмансипация», осуществляемая пролетариатом, в результате которой исчезает прежний антагонизм между человеком и гражданином, между частными и общественными интересами.

К стр. 407. *Эмоциональная потребность Тиндаля...* — Запрещая богу доступ к природе, английский физик Тиндаль в силу непоследовательности сохранял ему место в мире эмоций.

— *В этом разделе...* — Речь идет о статье К. Каутского, написанной к столетию Французской революции, «Классовые противоречия в 1789 году», «Neue Zeit», 1889, № 1—4.

К стр. 411. «...эту мертвую собаку — Спинозу». — Слова эти были употреблены Мендельсоном в споре с Якоби о том, был ли Лессинг спинозистом (см. F.-H. Jacobi, «Briefe über die Lehre des Spinoza Werke», Bd. IV, Abt. I, S. 91).

— *Клопшток*. — Оба отрывка извлечены из полемики с М. Штирнером. См. примеч. к стр. 148.

К стр. 412. *...критику моей книги...* — Речь идет о рецензии на первый том «Капитала».

К стр. 413. *...как уже заметил Шиллер...* — См. эпиграмму Шиллера «Моральные болтуны».

— *...Энци. Предисл. 19.* — См. Гегель, «Энциклопедия философских наук», ч. I, «Логика» (Сочинения, т. I, М. — Л., 1929, стр. 352) — «Лессинг сказал в свое время, что со Спинозой обходятся, как с мертвой собакой».

К стр. 414. *Бонапарта...* — Речь идет о Наполеоне III.

— *Историческая школа права.* — Реакционное направление в исторической и правовой науке, возникшее в Германии в конце XVIII в. в качестве ответа на идеи буржуазных просветителей. Историческая школа была тесно связана с философским и литературным движением немецкого романтизма. В противовес выдвинутому просветителями идеальному представлению о нормах буржуазного права как об «естественных правах человека» историческая школа выступила с отрицанием вечных, абсолютных правовых норм. Ученые исторической школы выдвинули теорию развития права каждого народа, основанного на медленном органическом процессе развития его национального «духа». Составляя единое целое с национальным духом народа, правовой строй, согласно их учению, не может быть насильственно изменен или разрушен, так как изменение его означало бы разрушение живого «организма» народной жизни. Учение об историческом происхождении государства и права вело, таким образом, юристов «исторической школы» к отрицанию общественного прогресса, к защите феодального строя только на основании того, что он некогда сложился исторически.

— *Г. Гуго* — немецкий юрист XVIII в., предвосхитивший в своей борьбе с идеями буржуазного Просвещения многие идеи, вошедшие позднее в теорию исторической школы. Но в то же время взгляды Гуго были еще лишены мистической оболочки. Опорой для отрицания прогресса у Гуго служил скептицизм XVIII в.

К стр. 417. *Статья «Философский манифест исторической школы права»* написана Марксом в связи с занятием министерского поста главой «исторической школы» — Савиньи. Статья эта тесно связана с борьбой руководимой Марксом в начале 1840-х гг. «Рейнской газеты» против феодально-романтической реакции. Указывая на рассудочный скептицизм Гуго как на ядро взглядов «исторической школы», Маркс имел в виду резче

подчеркнуть реакционное содержание, скрытое под оболочкой различного рода средневековых романтических утопий.

К стр. 419. *...по выражению Карлейля...* — См. примеч. к стр. 436—471.

К стр. 420. *«Молодая Англия»* — группа английских аристократов-тори (Дизраэли, Бортунк, лорд Эшли и другие) образовалась в начале 40-х гг. XIX в. Выражая недовольство земельной аристократии усилением экономического и политического могущества буржуазии, «Молодая Англия» стремилась подчинить своему влиянию рабочий класс и опереться на него в борьбе против буржуазии.

К стр. 424. *«Congrès de Vérona»* — сочинение Шатобриана о Веронском конгрессе (Париж, 1838). Веронский конгресс (1822) — последний из международных конгрессов Священного союза, созданный в связи с развитием революционного движения в Испании. Шатобриан присутствовал на конгрессе в качестве дипломатического представителя Франции.

К стр. 425. *Лайбахский конгресс* держав «Священного союза» состоялся в 1821 г.

К стр. 429. *Венский конгресс* состоялся в 1814—1815 гг.

— *Паломником ко гробу господиню* Маркс называет Шатобриана, намекая на его «Путешествие из Парижа в Иерусалим» (1811).

К стр. 430. *Книга Сент Вева о Шатобриане.* — «Шатобриан и его литературная группа в эпоху империи» (*«Chateaubriand et son groupe littéraire sous l'Empire»*, 2 vol., P., 1861).

К стр. 431. *...в Ульфиле...* — Имеется в виду выполненный Ульфиллой готский перевод Библии — важнейший памятник готского языка.

— *У Мейера...* — Речь идет о неопубликованном письме З. Мейера к Марксу.

— *...доводит его...* — Имеется в виду Э. Дюринг.

К стр. 432. См. новеллу Арнима «Изабелла Египетская» в сборнике «Немецкая романтическая повесть» т. II, «Academia», М. — Л., 1935, стр. 77.

К стр. 433. *...хотя бы в «Воспоминаниях» старого Арндта...* — См. оценку этих «Воспоминаний» в статье Энгельса «Эрнст-Моритц Арндт» в т. II стр. 491 настоящего издания.

— *«Что такое отечество немца?»* — Из стихотворения Арндта «Отечество немца».

— *...Эрфурт.* — Речь идет о германском парламенте, созданном в Эрфурте 20 марта 1850 г. для принятия проекта конституции «Малой Германии», в составе двадцати государств под гегемонией Пруссии. Эта робкая попытка Фридриха-Вильгельма IV приступить к объединению Германии провалилась. Уже 29 апреля 1850 г. прусское правительство распустило эрфуртский парламент.

— Во франкфуртском соборе св. Павла заседало в 1848—1849 гг. германское национальное собрание, обнаружившее бессилие немецкой буржуазии и ее страх перед народом.

— *Другая шайка, как Блинд...* — В этом письме Маркс анализирует политическую позицию немецких мелкобуржуазных демократов в конце 1850-х гг.

К стр. 434. *На следующее утро я прошел... по направлению к Шатонёфу...* — Речь идет о путешествии, которое Энгельс, вынужденный вследствие полицейских преследований покинуть Кельн (где он издавал

совместно с Марксом «Новую Рейнскую газету»), совершил в октябре — ноябре 1848 г., направляясь пешком из Парижа в Швейцарию.

К стр. 434. *На зеленом берегу Луары...* — из оперы Вебера «Эврианта» (текст Гельмины фон Шези, 1823).

К стр. 435. *Книга Варнгагена очень меня заинтересовала...* — Речь идет о IV томе «Дневников» Варнгагена фон Энзе, вышедших из печати под редакцией приятельницы Лассалья Людмилы Ассинг. IV том дневников Варнгагена содержит подробное описание событий революции 1848 г. (март — апрель) в Берлине. Следует учесть, что в это время (1862) Маркс ожидал возможного развязывания революционного движения в Германии, считая при этом, что первый акт новой революции «будет заключать в себе далеко не отрадное повторение глупостей 1848—49 годов» (К. Маркс — Л. Кугельману 28 декабря 1862 г.). Этим объясняется интерес Маркса к книге Варнгагена, которая могла сыграть известную положительную роль в осознании исторического опыта немецкой революции.

— Именем *«poet-laureate»* Байрон презрительно назвал Соути в посвящении к «Дон-Жуану».

— *...ругательную и хвастливую историю испанской войны.* — Речь идет о войне Испании против Франции Наполеона I (см. R. Southy, «History of the Peninsular War», 3 vol., L., 1823—1832).

К стр. 436—471. *Томас Карлейль.* — В «Положении рабочего класса в Англии» Энгельс пишет о «Молодой Англии»: «Цель «Молодой Англии» — восстановление старой «peppy England» с ее блестящими сторонами и романтическим феодализмом; эта цель, разумеется, неосуществима и даже смешна, — это — насмешка над всем историческим развитием. Но добрые намерения, с которыми эти люди восстают против существующего строя, против существующих предрассудков, мужество, с которым они признают всю низость существующего, чего-нибудь да стоят. Совсем особняком стоит полунемец, полуангличанин *Томас Карлейль*, который, начав как тори, зашел значительно дальше всех вышеупомянутых лиц. Он глубже всех английских буржуа понял причины социального неустойчивости и требует организации труда. Я надеюсь, что Карлейль, который уже нащупал правильный путь, окажется также в состоянии пойти по этому пути. Шлю ему наилучшие пожелания от своего имени и от имени многих других немцев» (Сочинения, изд. 2, т. 2, стр. 513).

Приведенная оценка Карлейля показывает, почему Энгельс в январе 1844 г. нашел нужным поместить в «Немецко-французских ежегодниках» специальную статью о книге Карлейля «Прошедшее и настоящее», — книге, в которой Карлейль, по словам Энгельса, «превосходно рисует английскую буржуазию и ее отвратительную алчность» (там же, стр. 496). Выделив сочувственно в книге Карлейля резкую оценку буржуазной Англии, Энгельс в то же время подверг беспощадной критике романтические идеалы Карлейля и его апологию средневековой Англии.

В последующие годы романтическая критика капитализма приняла у Карлейля открыто реакционные формы. «Февральская революция, — пишет Энгельс, — сделала из Карлейля законченного реакционера; справедливый гнев против филистеров сменился у него ядовитым филистерским брюзжанием на историческую волну, выбросившую его на берег» (там же, стр. 513). Под влиянием разочарования в революции и вражды к рабочему движению Карлейль после 1848 г. пришел к реакционно-аристократическому «культу героев», к восхвалению капиталистов в качестве «естественных вождей» нации и «капитанов промышленности». Эту последнюю ступень в развитии Карлейля Маркс и Энгельс критически оха-

рактизовали в статье о его «Современных памфлетах» (1850) и в последующих отзывах о Карлейле.

К стр. 437. ...с 1828 г. ... начала сама себя разрушать... — Речь идет об отмене в 1828 г. акта о присяге, согласно которому занимать государственные должности могли лишь лица, принадлежавшие к англиканской церкви.

К стр. 446. «*Laisser faire, laisser aller*» («Предоставьте свободу действий») — формула буржуазных экономистов-фритредеров, сторонников свободной торговли.

К стр. 453. ...прежним Шеллингом, а не Шеллингом периода «откровения»... — Философия Шеллинга в 1790—1800-х гг. сыграла важную роль в развитии немецкой классической философии. Она подготовила переход от Канта и Фихте к объективному идеализму Гегеля. Впоследствии Шеллинг, все более отклонявшийся в сторону реакции, выступил с проповедью подчинения разума вере («Философия откровения»). В 1842 г. он в качестве реакционного антипода Гегеля был призван прусским правительством на кафедру в Берлинский университет.

К стр. 454. *Тезисы Фейербаха в «Анекдотах» и сочинения Б. Бауэра дают все, что относится к этому вопросу.* — Указанные Энгельсом произведения Фейербаха («Предварительные тезисы к реформе философии») и Бауэра (сочинения начала 1840-х гг., посвященные критике евангелий) сыграли для своего времени прогрессивную роль. Они выдвинули, в противовес точке зрения Гегеля (видевшего в истории процесс развития независимого от людей «разума» — мирового духа), взгляд на религию и историческую действительность как на продукт человеческой деятельности. Эту сторону взглядов Бауэра и Фейербаха и имеет в виду Энгельс.

— ...преддверие к точке зрения нашего журнала. — Имеются в виду «Немецко-французские ежегодники» (1844), на страницах которых Маркс и Энгельс провозгласили задачу слияния философии, теоретического социализма и рабочего движения.

К стр. 460. ...основание колоний внутри страны... — Колониями внутри страны (*home-colonies*) Р. Оуэн называл коммунистические общины.

К стр. 461. *На последнем произведении Гизо...* — Маркс и Энгельс имеют в виду рецензию на книгу Гизо «Почему удалась английская революция?» (Сочинения, изд. 2, т. 7, стр. 218—223). Рецензии на произведения Гизо и Карлейля были написаны основоположниками марксизма для журнала, который они издавали в Лондоне в 1850 г. в качестве продолжения «Новой Рейнской газеты». На примере двух выдающихся представителей буржуазной общественной мысли Маркс и Энгельс отметили начало поворота буржуазной литературы — под влиянием исторического выступления пролетариата в 1848 г. — к открытой общественно-политической реакции.

К стр. 469. ...Карлейль представляет нам еще доказательство того, как высоко парящее благородство превращается немедленно в неприкрытую низость... — Мысль о превращении «благородного» сознания в «низменное» была развита Гегелем в «Феноменологии духа» (см. G.-W.-F. Hegel, «Phänomenologie des Geistes», *Sämtliche Werke*, Bd. II, Hrsgb. v. H. Glockner, Stuttgart, 1927, S. 395). В идеалистической форме Гегель изображает здесь различные aristократии и соответствующих ей моральных норм, превращение их в результате развития богатства в самостоятельную и всеподчиняющую силу, в чисто иллюзорное прикрытие корыстных материальных интересов. Маркс не раз возвращается в своей характеристике роман-

тизма и вульгарной демократии к этой идее Гегеля, чтобы подчеркнуть лживость отвлеченно-романтического фразерства, способного служить прикрытием для любой ступени низости мысли и поведения. Мысль о превращении «благородного» сознания в «низменное», проходящая через статью о Карлейле, встречается у Маркса также в характеристике Кинкеля (см. т. II, стр. 170 настоящего издания) в памфлете «Рыцарь благородного сознания», направленном против Виллиха (Сочинения, т. VIII, стр. 559).

К стр. 469. *In partibus infidelium* (буквально: «В стране неверующих») — добавление к титулу католических епископов, назначавшихся на чисто номинальные должности епископов нехристианских стран.

К стр. 472. ...«*aristocracy of rogues*». — См. стр. 471 настоящего тома.

К стр. 474. ...*союза народов, который... воспел ваш бессмертный Беранже*. — См. песню Беранже «Священный союз народов» («*La sainte alliance des peuples*»).

— *Ламартин во временном правительстве...* — После февральской революции 1848 г. Ламартин занимал пост министра иностранных дел в республиканском временном правительстве.

К стр. 475. *Исполнительная комиссия* — правительство Французской республики, созданное Учредительным собранием 10 мая 1848 г. вместо сложившего свои полномочия временного правительства — существовала до 24 июня 1848 г., когда для подавления июньского восстания парижского пролетариата была установлена диктатура Кавеньяка.

К стр. 476. *На столбцах вашей газеты...* — Выдержка из манифеста Ламартина была напечатана в чартистской газете «*Northern star*» («Северная звезда») № 523 от 30 октября 1847 г.

К стр. 478. Газета «*Le bien public*» («Общественное благо»), в издании которой принимал участие Ламартин, выходила в 1843—1848 гг. в Маконе (с мая по декабрь 1848 г. в Париже).

К стр. 480. *История Рискон-Ту...* — Процесс, сфабрикованный правительством Бельгии в августе 1848 г. в Антверпене против бельгийских демократов. Поводом для него послужил эпизод с возвращающимся на родину бельгийским легионом, который излагает Энгельс.

К стр. 481. *Из сочинений на ту же тему...* — О контрреволюционном перевороте 2 декабря 1851 г., истории которого посвящена работа Маркса «18 брюмера Луи-Бонапарта».

К стр. 482. *Бонапартовская история*. — Имеется в виду неудачное покушение Орсины на Наполеона III 14 января 1858 г. (и второе покушение на него же 21 января). Наполеон III ответил на них установлением режима террора.

— *Гора*. — Речь идет о партии мелкобуржуазных республиканцев во французском Национальном собрании 1848—1852 гг.

— *Письмо Бонапарта*. — В этом письме, опубликованном в сентябре 1849 г., Бонапарт связывал правительство папы конституционными гарантиями. В ответ папа издал обращение, в котором отвергал всякое ограничение своей власти.

— ...«*затаенными взмахами крыльев...*» — Из стихотворения Г. Гервега «С гор» (из его «Стихов живого человека»).

К стр. 483. *...война принимает неприятный характер.* — Речь идет о франко-прусской войне 1870—1871 гг.

К стр. 484. *Мы с большим удовольствием прочли ваши статьи...* — Статьи Д. Бовио содержат ответ на выступления В. Гюго, осуждавшего некоторые мероприятия Парижской Коммуны (декреты о сохранении заложников и о разрушении Вандомской колонны).

— *...афера с Виктором Гюго окончилась ничем...* — Речь идет о мелко-буржуазно-республиканской демонстрации в связи с похоронами В. Гюго.

К стр. 485. *«Битва или смерть...»* — Из введения к историческому очерку Жорж Санд «Ян Жижка» (1843).

— *...произвел сильное впечатление на общественное мнение...* — О романе Эжена Сю «Парижские тайны» см. II том, стр. 7 настоящего издания.

К стр. 486. *28 апреля, 10 марта* — 1850 г.

— Отмена всеобщего избирательного права, введенного в 1848 г., была проведена во Франции под давлением буржуазной реакции (*партии порядка*) 31 мая 1850 г.

К стр. 494. *Я — дух, который вечно отрицает...* — Гёте, «Фауст» (ч. I, сцена 3; «Кабинет Фауста»).

— *У меня имеется целая пачка памфлетов Бруно Бауэра, написанных им во время русской войны.* — Во время Крымской войны 1853—1856 гг. Бауэр написал ряд памфлетов о войне и об отношениях России и Европы. В январе 1857 г. Маркс собирался посвятить памфлетам Бауэра специальную статью, оставшуюся незаконченной (начало статьи Маркса и список памфлетов Б. Бауэра см. в «Летописях марксизма», кн. 6, М., 1928).

— *«История первобытного христианства».* — Как части этого труда можно рассматривать поздние сочинения Бауэра: «Филон, Штраус, Ренан и первоначальное христианство» (1874) и «Христос и Цезари» (1877).

— *...Лассаль придумал только слова (а не открыл самый закон...)* — Речь идет о так называемом «железном законе заработной платы», псевдонаучный характер которого показали Маркс и Энгельс.

К стр. 495. *...выражение Гёте...* — Энгельс приводит далее строку из стихотворения Гёте «Божественное» («Das Göttliche»).

— *...софокловы «вечные незыблемые законы...»* — Софокл, «Антигона», эпизодий II, стр. 456. «Греческая трагедия», Гослитиздат, М., 1950, стр. 413.

— *...опровержение всех кощунственных выпадов социализма против собственности.* — Речь идет о книге: А. Thiers, «De la propriété», Paris, 1848.

К стр. 496. *...в следующем диалоге...* — Маркс цитирует стихотворение Гёте «За чтением катехизиса» («Katechisation») (см. стр. 509 настоящего тома).

— *Галлер и Гёте.* — В полемике с Галлером Гёте доказывал, что между внешней оболочкой и сущностью вещей нет разрыва и что сущность вещей познаваема. См. стихотворения Гёте, «Наоборот. Физику» («Allerdings. Dem Physiker») и «Ультиматум» («Ultimatum») (цикл «Бог и мир»). См. стр. 500 настоящего тома.

К стр. 497. *...стр. 75 и сл. ...* — Энгельс ссылается на работу Э. Геккеля «Антропогенез» (1874).

— *Я переработаю статью о грюновском Гёте.* — Эта статья Энгельса, которая помещена далее, на стр. 498, первоначально предназначалась для «Немецкой идеологии», где она, по-видимому, составляла вторую (или

третью) главу II тома. «Журнал», о котором говорит Энгельс, по всей вероятности, «Немецкая Брюссельская газета» («Deutsche Brüsseler Zeitung»), в которой Маркс и Энгельс принимали участие в 1847 г. и где с сентября по декабрь 1847 г. была напечатана статья Энгельса о книге Грюна.

К стр. 498. Карл Грюн. «О Гёте с человеческой точки зрения». — Статья Энгельса, написанная в конце 1846 — начале 1847 г., представляет большой интерес для характеристики отношений Маркса и Энгельса к Гёте. Вместе с тем она составляет одно из звеньев той борьбы против слабых сторон «немецкой идеологии» и против мелкобуржуазного «истинного социализма», которую Маркс и Энгельс вели в 1845—1847 гг., закладывая основы коммунистического рабочего движения.

Одной из важнейших тенденций критики «немецкой идеологии» Марксом и Энгельсом было стремление показать, что «общечеловеческие» идеалы младогегельянцев и «истинных социалистов» на деле были лишь отвлеченно-философским выражением интересов буржуазных классов. Путь к подлинно революционным общественным идеалам — так учили основоположники марксизма, — требует разрыва с отвлеченной, надклассовой «общечеловеческой» точкой зрения, трезвого понимания классовой противоположности между буржуазией и пролетариатом, перехода на точку зрения пролетарской классовой борьбы за коммунизм. Статья Энгельса о книге Грюна отражает эту общую тенденцию критики Марксом и Энгельсом эпигонов немецкого идеализма. Критикуя лживость «общечеловеческой» интерпретации Гёте в книге Грюна, фактически означавшей низведение великого поэта до уровня рядового мещанина, Энгельс указывает, что единственным путем к правильной оценке Гёте является освещение его творчества с точки зрения реальной исторической перспективы борьбы классов в Германии. Такое освещение включает в себя как один из своих элементов революционную критику гуманизма Гёте, развитие его в сторону более высокого социалистического гуманизма.

«Стоическое» примирение с немецкой действительностью, характеризующее второй период творчества Гёте, вызвало ожесточенные нападки на Гёте немецких либералов 20—30-х гг. в лице В. Менцеля (в его книге «Немецкая литература», 1828) и Л. Берне (см. его рецензию на переписку Гёте с Беттиной; 51-е «Парижское письмо» (1834) и др.). Для немецких либералов Гёте был одновременно и слишком революционен и недостаточно «либерален». Восставая против язычества великого поэта, против его отращения к национализму и романтическому спиритуализму, либеральные критики Гёте упрекали его в поэтическом «индифферентизме», в безразличии к либеральному общественному движению буржуазных классов.

Совершенно иначе подходили к оценке творчества Гёте Маркс и Энгельс. Защищая «величайшего немецкого поэта» и против мещанской апологетики Грюна и против узкой и ограниченной критики Менцеля или Берне, Маркс и Энгельс рассматривали слабые стороны мировоззрения и творчества Гёте как отражение слабых сторон, присущих всей классической ступени «немецкой идеологии». Глубокое сознание всемирно-исторического краха мелкобуржуазной революционности переплеталось в мировоззрении Гёте с филистерским страхом перед революцией. Рассматривая его стремление преодолеть «немецкое убожество» «изнутри», на идеалистический лад, как самую слабую сторону «немецкой идеологии», Маркс и Энгельс призывали наследников немецкой классической культуры к последовательной революционной борьбе против жизненного строя, вызвавшего трагедию «величайшего немца».

— «Социальное движение во Франции и Бельгии»... — «Die soziale Bewegung in Frankreich und Belgien», Darmstadt, 1845. Разбор этой книги Грюна Маркс и Энгельс дали в «Немецкой идеологии» (Сочинения, изд. 2, т. 3, стр. 489—534).

К стр. 499. *С тобою схож лишь дух...* — Гёте, «Фауст» (ч. I, сцена I; «Ночь»).

К стр. 500. *По поводу приписываемой Гольбаху «Системы природы»*... — «Система природы» П. Гольбаха (1770) — главное произведение французского материализма XVIII в. — была в первом издании из осторожности приписана авторству умершего в 1760 г. секретаря Французской Академии Ж.-Б. Мирабо.

— *Разве природы ядро...* — Из стихотворения Гёте «Ультиматум» (цикл «Бог и мир»).

К стр. 501. «Катон Аддисона закалывает себя... за сто лет до Вертера»... — Трагедия Д. Аддисона «Катон» была написана в 1713 г., «Страдания молодого Вертера» Гёте — в 1774 г.

К стр. 502. *Союзные постановления 1819 г.* изданы на конференции представителей государств Германского союза в Карлсбаде (Карловы Вары). Они предусматривали введение предварительной цензуры, установление строжайшего надзора над университетами, учреждение центральной следственной комиссии для преследования «демагогов». Вдохновителем этих реакционных мер был австрийский канцлер Меттерних.

К стр. 503. *Сравни, например, «Историю философии» Гегеля...* — См. Гегель, «Лекции по истории философии», кн. III (Сочинения, т. XI, Соцэкгиз, М. — Л., 1935, стр. 383, 384, 387).

— *...в более ранних своих произведениях...* — Речь идет о статье К. Грюна «Политика и социализм» в журнале «Рейнский ежегодник по вопросам социальной реформы», т. I, 1845.

— *...известное рассуждение о правах человека...* — См. работу К. Маркса «К еврейскому вопросу» (Сочинения, изд. 2, т. I, стр. 339—406); часть этого рассуждения напечатана на стр. 406 настоящего тома.

К стр. 503—504. «Право новое, родное...», «законам и правам...» — Гёте, «Фауст» (ч. I, сцена 4; «Кабинет Фауста»).

К стр. 504. *...других работ того же направления.* — Имеются в виду работы Маркса и Энгельса.

— *...со стр. 204 и 205 «Deutsch-französische Jahrbücher».* — См. работу К. Маркса «К еврейскому вопросу» (Сочинения, изд. 2, т. I, стр. 403—404).

— *...о сенсуализме и материализме...* — См. стр. 380—385 настоящего тома.

К стр. 506. *...автор присваивает себе лавры Людвига Баварского.* — См. Ludwigs des Ersten, Königs von Bayern, Gedichte, Bd. III, München, 1839, S. 92.

— *Гомункул* (уменьшительное от лат. слова «homo» — человек). — Так во второй части «Фауста» Гёте называется человек, искусственным путем изготовленный в реторте учеником Фауста, Вагнером.

К стр. 510. *...la propriété c'est la vol* (собственность есть кража) — слова Бриссо, одного из главарей жирондистов, которые популяризировал Прудон своим памфлетом «Что такое собственность?» (1840).

К стр. 510. *О горшке молока.* — В комедии Гёте «Гражданин-генерал» (представляющей собой ироническое изображение французской революции) деревенский цирюльник Шнапс, выдающий себя за «якобинского генерала», овладевает горшком молока и к великой досаде хозяев-крестьян уплетает молоко, вызывая этим потасовку.

К стр. 511. *«Авантюры? Зачем употребляю я это глупое слово?..»* — Гёте, «Письма из Швейцарии», отдел первый (в первом издании письма эти были приписаны Гёте Вертеру — герою его одноименного романа).

К стр. 512. *...Гёте напечатал... статью...* — Речь идет о рецензии Гёте на книгу А. фон Йоха «О награждении и наказаниях по турецким законам» («Франкфуртские ученые известия», 1772). Гёте разграничивает здесь понятия свободы (которая не отрицает внутренней необходимости) и личного произвола.

— *...Гёте в своей докторской диссертации...* — Докторская диссертация была написана Гёте на латинском языке в Страсбурге в 1770—1771 гг. Сформулированный Энгельсом тезис был положен молодым Гёте в основу его диссертации. Докторский диспут состоялся 6 августа 1771 г. Ср. «Поэзия и правда», кн. XI (Гёте, Собр. соч., т. X, Л., 1937, стр. 29—33).

К стр. 513. *О печальной судьбе твоей, Франция...* — Гёте, «Венецианские эпиграммы», № 54.

К стр. 514. *По поводу... «Эмигрантов».* — Имеется в виду повесть «Разговоры немецких эмигрантов».

— *Нет, не германцу пристало...* — Гёте, «Герман и Доротея», песнь IX.

— *...бесчувственностью, с которой... Гегель смотрит на «мирные цветочки»...* — См. Гегель, «Философия истории» (Сочинения, т. VIII, Соцэкгиз, М. — Л., 1935, стр. 20—36 (Введение)).

К стр. 515. *Да это ж все тот же старый помет!* — Гёте, «Кроткие ксении», 5.

— *«Ничто не внушает большего отвращения...»* — Гёте, «Изречения в прозе. О естествознании. Отдельные размышления и афоризмы».

— *...«чрево» французской палаты...* — Имеется в виду реакционное большинство французской палаты депутатов времен Луи-Филиппа, поддерживавшее правительство Гизо.

К стр. 517. *...в одном месте своих воспоминаний...* — «Поэзия и правда», кн. VII (Гёте, Собр. соч., т. IX, М., 1935, стр. 303).

— *За то анархия в наш век...* — Гёте, «Кроткие ксении», 4.

К стр. 520. *...эту сцену...* — Гёте, «Фауст» (ч. I, сцена I; «Ночь»).

К стр. 521. *«Он на ничто поставил дело...»* — Перефразированные строки из стихотворения Гёте «Vanitas! Vanitatum vanitas!» («Суета! Суета сует!»).

К стр. 522. *«...лавочник с душой миролюбивой...»* — «Goddam, Poésie en quatre chants», Oeuvres choisies de Parny, Paris, 1830, t. 2, p. 214—215.

К стр. 523. *Титания в стране чудес и фей...* — Гёте, «Предостережение» (из цикла «В эпиграмматическом духе»).

— *...«категорический императив»...* — По Канту, моральным является лишь тот поступок, который совершается не во имя удовлетворения определенной жизненной потребности, но во имя чистого морального идеала, безусловного нравственного долга. Этот долг Кант называет «категорическим императивом».

С конца 1780-х гг. Шиллер находился под влиянием кантовского учения о нравственности. Классическое выражение этого учения дает его стихотворение «Идеал и жизнь», где поэт из «узкой, душевной жизни» призывает бежать в мир идеала.

— ...см., например, «Феноменологию». — G.-W.-F. Hegel, «Phänomenologie des Geistes», Sämtliche Werke, Bd. II, Hg. v. H. Glockner, Stuttgart, 1927, S. 471—484.

К стр. 524. *Восстание 1745 г.* — В 1745 г. в Шотландии произошло восстание, имевшее своей целью реставрацию Стюартов (восстание яковитов). На стороне восставших шотландских землевладельцев в мятеже приняли участие горные кланы верхней Шотландии. На истории разложения шотландских горных кланов и яковитских восстаний XVIII в. основано действие ряда романов Вальтера Скотта («Веверлей», «Роб-Рой» и др.).

— *Этот клан — говорит Морган...* — См. Л.-Г. Морган, «Древнее общество», Л., 1934, стр. 204.

К стр. 525. *...Гобсек рисуется уже впадшим в детство...* — См. новеллу «Гобсек» («Сцены из частной жизни»).

— *...Бальзак... метко изображает, как мелкий крестьянин даром совершает всевозможные работы для своего ростовщика...* — Маркс имеет в виду образы Кюрткюиса и деревенского ростовщика Ригу (Бальзак, Крестьяне, ч. I, гл. 12—13, Собрание сочинений, т. 12, Гослитиздат, М., 1954, стр. 406—442).

— *Общество десятого декабря* — тайная организация, созданная из общественных подонков, которая сыграла роль военной силы для Луи-Наполеона при подготовке контрреволюционного переворота 2 декабря 1851 г.

К стр. 526. *Люди же, прочитавшие известный роман Бальзака...* — Маркс имеет в виду роман Бальзака «Утраченные иллюзии». Вторая часть этого романа рисует жизнь и нравы французских журналистов времен Реставрации. Один из персонажей Бальзака, мелкий журналист и темный делец Люпо, из сочинителя газетных объявлений, «материально и духовно беспризорного балбеса» стал владельцем либеральной газеты и «имеющим лишние деньги демократом». Его карьера может служить во многом близкой аналогией к карьере редактора прусской «Nationalzeitung» Цабеля.

— «Morning Chronicle» («Утренняя хроника»), «Daily News» («Ежедневные новости»), «Times» («Времена») — английские буржуазные газеты; первые две в 1850-х гг. были либеральными, третья — консервативным органом.

К стр. 527. *Что сказать о человечке...* — Речь идет о выходе из России Эдварде Пиндаре (который в начале 50-х гг. помогал Энгельсу в его занятиях русским языком).

— *Он не понял ни манифеста...* — Подразумевается «Коммунистический манифест».

К стр. 528. В «*Curé de village*» Бальзака написано... — См. H. de Balzac, Oeuvres complètes, éd. Calmann Lévy, P., 1882, v. XIV, p. 180.

К стр. 529. О том, что Маркс «восторгался гениальностью, с какой Диккенс рисовал социальную сторону жизни» — см. в книге Д. Спарго, «Карл Маркс. Жизнь и деятельность», изд. «Мысль», Л., 1924, стр. 208.

Здесь же приводятся сведения об интересе Маркса к некоторым другим английским писателям (Шелли, Кольриджу, Китсу, Л. Хенту) и Вашингтону Ирвингу.

К стр. 531. *Русская литература*. — К. Маркс и Ф. Энгельс очень живо интересовались Россией и придавали огромное значение русскому освободительному движению. «Маркс и Энгельс были полны самой радужной веры в русскую революцию и ее могучее всемирное значение», — писал В. И. Ленин (Сочинения, т. 12, стр. 335).

Чтобы иметь возможность самостоятельно следить за экономическим и политическим развитием России, за движением русской науки и освободительной мысли основоположники марксизма изучили русский язык. Энгельс начал заниматься русским языком в 1851—1853 гг.; с указанного времени он периодически возвращался к этим занятиям, стремясь углубить свои знания. Среди русских книг, которыми Энгельс пользовался при изучении русского языка, были «Евгений Онегин» и «Медный всадник» Пушкина (см. М. П. Алексеев, Словарные записи Ф. Энгельса к «Евгению Онегину» и «Медному всаднику» — «Пушкин. Исследования и материалы. Труды 3-й Всесоюзной Пушкинской конференции», Изд. АН СССР, М. — Л., 1953, стр. 9—161). Маркс начал изучать русский язык несколько позднее — в конце 1869 — начале 1870 г. Первыми книгами, прочитанными им по-русски были «Тюрьма и ссылка» Герцена и «Положение рабочего класса в России» Флеровского. Свободно владея русским языком, основоположники марксизма в 70—80-е гг. систематически следили за выходящей русской литературой. Русскими книгами Маркса и Энгельса снабжали представители русского революционного движения и некоторые русские ученые (П. Л. Лавров, Г. А. Лопатин, М. М. Ковалевский, Н. Ф. Даниельсон и другие). В библиотеках Маркса и Энгельса было довольно большое количество русских книг главным образом по русской истории, социальным отношениям, экономике, аграрному вопросу. Кроме того, Маркс мог пользоваться русскими книгами в библиотеке Британского музея.

Большой материал о связях Маркса и Энгельса с русскими общественными деятелями и их интересе к русской культуре содержится в сборнике «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», изд. 2, Госполитиздат, 1951.

Предметом занятий Маркса были в первую очередь русские аграрные отношения, которые он изучал всесторонне. Им было прочитано большое число официальных изданий, содержащих данные аграрной статистики, ряд книг, освещающих ход крестьянской реформы 1861 г., положение крестьян при крепостном праве, историю русской поземельной общины, пореформенные отношения в деревне. Маркс читал работы Костомарова, Семевского, Беляева, Чичерина, Сергеевича, Калачева, Самарина, Кошелева, Янсона, Ковалевского, Скребицкого, Скалдина, Энгельгардта, Семенова-Тян-Шанского, Кауфмана, Зибера, Даниельсона и других.

Конспекты и выписки из русских книг, прочитанных Марксом и Энгельсом, опубликованы в XI—XIII томах «Архива Маркса и Энгельса» (Госполитиздат, 1948—1955).

Особенно внимательно Маркс изучал сочинения Н. Г. Чернышевского. Его «Письма без адреса» Маркс читал дважды — в рукописи (1871—1873) и после появления заграничного печатного издания книги Чернышевского (1874), выходу которой Маркс способствовал, передав присланную ему рукопись «Писем без адреса» П. Л. Лаврову (см. «Архив Маркса и Энгельса», т. XI, Госполитиздат, 1948, стр. 3—20; 172—199).

Так же обстоятельно Маркс изучал экономические работы Чернышевского (см. заметки Маркса — Н. Г. Чернышевский, Избранные сочинения, т. III, Соцэжгиз, М., 1937). Маркс оказал помощь русским революционерам в организации первого заграничного издания романа Чернышевского «Пролог» (1877).

Кроме Чернышевского из русских классиков Маркс и Энгельс были знакомы с Ломоносовым, Державиным, Пушкиным, Грибоедовым, Гоголем, Герценом, Добролюбовым, Некрасовым, Щедриным и другими.

После смерти Маркса основная часть русских книг из его библиотеки была передана Энгельсом П. Л. Лаврову. Она составила ядро парижской библиотеки русской революционной эмиграции. Позднее русская часть библиотеки Маркса и Энгельса попала в архив германской социал-демократии, содержалась там в большом беспорядке и из нее сохранились лишь отдельные книги. Имеются два описания этой библиотеки — статья Ф. Гинзбург в четвертом томе серии «Группа «Освобождение труда»» (М., 1926) под названием «Русская библиотека Маркса» и статья Б. Николаевского «Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса» (Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 4, М. — Л., 1929). Обе указанные статьи дают довольно подробный обзор подчеркиваний и отметок Маркса. Вот список тех известных нам русских книг библиотеки Маркса и Энгельса, которые представляют наибольший интерес с точки зрения изучения их литературных взглядов:

А. И. Герцен, Юрьев день! Юрьев день! (1853, листовка); Тюрьма и ссылка, 1854.

Н. В. Флеровский, Положение рабочего класса в России, 1869.

Н. Г. Чернышевский, Дополнение и примечания к первой книге Политической экономии Д. С. Милля, Женева, 1869; Очерки из политической экономии (по Миллю), Женева, 1870; Статьи об общественном владении землей, Женева, 1872; Труден ли выкуп земли? Женева, 6 г.; Письма без адреса, Цюрих, 1874; Кавеньяк, Женева, 1874; Борьба партий во Франции, Женева, 1875; Пролог, Лондон, 1877; Сборник статей по крестьянскому вопросу из разных журналов.

Н. А. Некрасов, Стихотворения (год издания неизвестен).

П. В. Анненков, Замечательное десятилетие (оттиск из журн. «Вестник Европы», 1880, № 1—5).

М. Е. Салтыков-Щедрин, Господа Ташкентцы, 1873; Дневник провинциала в Петербурге, 1876; Убежище Монрепо, 1880; За рубежом (изд. 80-х гг.).

Замечания Маркса на полях «Замечательного десятилетия» Анненкова см. «Русская мысль», 1903, кн. VIII, стр. 61—63. В конце «Убежища Монрепо» Щедрина по поводу последней главы этого сочинения Маркс написал: «La dernière partie de la Предостережение est très faible, généralement l'auteur n'est pas fort heureux dans ses conclusions positives» (Заключительная часть «Предостережения» очень слаба: да и вообще автор не слишком счастлив в своих «положительных» выводах) (См. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 4, М. — Л., 1929, стр. 393).

К стр. 532. *Ваш перевод моей брошюры...* — В. И. Засулич в 1884 г. перевела на русский язык брошюру Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке».

— *Слово о полку Игореве.* — См. о настоящем письме К. Маркса статью А. С. Орлова «Переписка Маркса и Энгельса по поводу «Слова о полку Игореве»» (в сборнике «Памяти К. Маркса», Л., 1933, стр. 641—655).

К стр. 532. *Сборник героической поэзии чехов*, который упоминает Маркс, — сделанный в 1829 г. деятелями чешского национального движения В. Ганкой и В. Свободой немецкий перевод изданной ими «Краледворской рукописи», которую Ганка и Свобода выдавали за часть недошедшего до нас сборника героических чешских песен XIII в. На самом деле песни эти были написаны самими издателями. В поэме «Забой и Славой», о которой говорится в письме, описывается освобождение чехов от власти иноземного короля героями Забоем и Славоем.

К стр. 533. *...письмо ad Slavica*. — Речь идет о предыдущем письме. О занятиях Энгельса изучением славянских языков и литературы см. заметку Н. Wendel, «F. Engels und die Slavistik» («Slavia», 1922, Ročn, I, Sešit 1, стр. 188—189).

К стр. 535. *Стихи Державина* — из «Песни Е. И. В. Екатерине II на победы графа Суворова-Рымникского в 1794 г.» (ст. 135—136). См. Г. Р. Державин, «Стихотворения», «Библиотека поэта», Л., 1933, стр. 192.

— *В поэме Пушкина...* — «Евгений Онегин», гл. I, строфа 7. См. об изучении Марксом и Энгельсом «Евгения Онегина» в указанной выше статье М. П. Алексеева (примеч. к стр. 531 настоящего тома), который высказывает предположение, что на данный отрывок из «Евгения Онегина» впервые Марксу указал Энгельс.

— *Но ценою этой «свободы рук» на Востоке...* — Речь идет о свободе рук на Востоке, которую предоставил России по Тильзитскому миру (1807) Наполеон под условием присоединения ее к континентальной блокаде.

К стр. 539. *...когда появился «Капитал», он давно уже находился в Средне-Вилуйске, среди якутов.* — Вследствие неправильной информации Энгельс допускает здесь неточность. В 1867 г., когда вышел первый том «Капитала», Чернышевский находился на каторге в Александровском заводе, Забайкальской области, откуда в 1872 г. он был переведен в Вилуйск.

— *«Введение лучшего порядка дел...»* — Из «Заметок о журналах» за апрель 1857 г. (Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. IV, Гослитиздат, М., 1948, стр. 741—743; цитировано с сокращениями и неточностями).

К стр. 540. *«Если уральцы...»* — Из статьи о книге Гакстгаузена «Исследования о внутренних отношениях народной жизни... России» (1857) (Н. Г. Чернышевский, там же, стр. 345; цитировано с некоторыми сокращениями).

К стр. 541. *...как формулировал мысль Чернышевского Маркс в одном письме...* — Энгельс имеет в виду письмо Маркса в редакцию «Отечественных записок» (1877). См. стр. 538 настоящего тома.

К стр. 542. *Вторая статья...* — Маркс и Энгельс имеют в виду статью в изданной Нечаевым и Бакуниным анонимной анархистской брошюре «Издание общества народная расправа», № 1, лето 1869 г., Москва» (на самом деле листок был издан в Женеве).

— *...заграничному русскому органу Интернационала...* — Имеется в виду «Народное дело» (1868—1869), журнал русской секции в Женеве, защищавший программу и организацию Интернационала.

К стр. 543. *...Чернышевский с печалью признавался...* — См. начало статьи Чернышевского «Критика философского предубеждения против

общинного владения» (1858) (Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. V, Гослитиздат, М., 1950, стр. 357—361).

— *Мы видели...* — См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIII, ч. II, стр. 639—640.

— *Представителями либеральной партии были Герцен... и значительное число мирных реформаторов...* — Маркс и Энгельс неправильно относят здесь Герцена к «либеральной партии». Как показал В. И. Ленин, «при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 12).

К стр. 544. *«Молодая Россия»* (май 1862) — революционная прокламация, написанная П. Г. Заичневским и призывавшая народ к свержению самодержавия.

К стр. 545. *Флеровский в лучшем положении...* — Арестованный в 1862 г., В. В. Флеровский в 1863 г. был выслан в Астрахань и с этого времени находился в ссылке; в 1868—1870 гг. жил под надзором полиции в Твери.

— *Мне бы хотелось напечатать что-нибудь о жизни, личности и т. д. Чернышевского...* — Замысел написать статью о Чернышевском возник у Маркса, по-видимому, в начале 1877 г. (см. письмо Н. И. Утина к Марксу от 11—15 апреля 1872 г., «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», изд. 2, Госполитиздат, 1951, стр. 58). Н. И. Утин обещает здесь в следующем письме написать Марксу о «биографиях двух апостолов», то есть Чернышевского и Добролюбова. В декабре 1872 г. — августе 1873 г. Маркс получил от Н. Ф. Даниельсона ряд биографических сведений о Чернышевском (см. там же, стр. 88—89, 92, 94—96), однако Даниельсон так и не смог собрать для задуманного Марксом очерка всех необходимых данных, поэтому статья осталась неосуществленной.

— *...другую сторону его деятельности...* — Речь идет о деятельности Чернышевского-революционера.

— *Во втором томе моего сочинения...* — Имеется в виду «Капитал».

К стр. 546. *«Sozialdemokrat»*. — См. примеч. к стр. 80.

К стр. 547. *Щедрин*. — Н. Ф. Даниельсон систематически знакомил Маркса с произведениями Щедрина (см. «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», изд. 2, Госполитиздат, 1951, стр. 92, 130). См. примеч. к стр. 531.

— *Из книги Флеровского я прочел первые 150 страниц...* — Маркс читал эту книгу по-русски. См. примеч. к стр. 531.

К стр. 549. *...критику, которую дает «Русское Богатство» на мою книгу...* — Как видно из письма Г. В. Плеханова к Энгельсу от 20 февраля 1895 г. (ответом на которое является данное письмо), Плеханов посылал Энгельсу статью Л. Зака «Исторический материализм» («Русское Богатство», 1895, № 1. См. «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», изд. 2, Госполитиздат, 1951, стр. 339). Поэтому подстрочное примечание редакции Сочинений Маркса и Энгельса к этому месту неправильно.

— *«Статьи на международные темы»...* — F. Engels, «Internationales aus dem «Volksstaat» (1871—1875), Berlin, 1894 (См. Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 388—401).

К стр. 549. *...беднягу Флеровского, который воображает, что столы и кровати мыслят...* — Энгельс имеет здесь в виду философские взгляды Флеровского, изложенные в книге «Философия бессознательного, дарвинизм и реальная истина» (1878).

К стр. 550. *...в этом сочинении.* — Речь идет о книге Флеровского «Положение рабочего класса в России».

К стр. 551. *Я посылаю им...* — Речь идет об органе Германского рабочего союза газете «Sozial-demokrat», основанной в 1864 г., в которой ученик Лассалья, Швейцер, проводил оппортунистическую тактику компромисса с юнкерской монархией. Помещая на страницах этой газеты песню «Барин Тидман», Энгельс в комментарии к ней подчеркивал необходимость для немецких рабочих вести непримиримую борьбу с юнкерством.

К стр. 555. *Революционная поэзия прошлого.* — В 1885 г. во время исключительного закона против социалистов заграничное издательство германской социал-демократической партии приступило к изданию шеститомника революционных стихотворений под общим заглавием «Вперед». В качестве приложения к последнему тому издательство намеревалось дать серию стихов и песен, сыгравших историческую роль во время различных революционных движений, начиная с Великой крестьянской войны 1525 г. По этому поводу издательство обратилось через Г. Шлютера к Энгельсу с просьбой сообщить: 1) существовали ли в период расцвета английского чартистского движения революционные песни, имевшие всеобщее распространение, 2) известны ли Энгельсу произведения такого рода из эпохи различных крестьянских движений XV—XVI вв., 3) какие революционные песни были популярны у народных масс Германии в 1848 г. В настоящем письме Энгельс отвечает на эти вопросы.

— «*Волшебный рожок юноши*» — сборник немецких народных песен, изданный романтиками А. Арнимом и К. Brentано в 1806—1808 гг.

— «*Сыны Британии...*» — начальная строфа Марсельезы лейстерских чартистов, сочиненной рабочим певцом Д. Г. Бремвичем (1842). Вот полный текст этой песни в стихотворном переводе:

«Сын бритов в рабстве изнемог,
Его ж свободным создал бог!
Жизнь и свобода — всех судьба, —
Господь не создавал раба.
Его деянья-чудеса
Провозглашают небеса,
Чужда для них людей борьба, —
Господь не создавал раба.
Он создал дивный небосвод,
Где царственно луна плывет,
И наша ей странна мольба, —
Господь не создавал раба.
И люди все пред ним равны,
Все бога верные сыны,
Свободы всем дана судьба, —
Лишь человек создал раба».

К стр. 556. *Шлезвиг-Голштиния* — патриотическое стихотворение М. Г. Кемница «Шлезвиг-Голштейн, окруженный морем» («Schleswig-Holstein Meerumschlungen», 1844), ставшее песней борцов за освобождение Шлезвиг-Голштейна от датского господства. Националистический харак-

тер стихотворения Кемница вызвал при появлении его иронический отзыв Энгельса в письме к Марксу от 18 сентября 1846 г. (см. т. II, стр. 239 настоящего издания). *Песнь о Геккере* — популярная в 1848—1849 гг. немецкая революционная песня, относящаяся к баденскому республиканскому восстанию (апрель 1848 г.), во главе которого стояли вожди южногерманской буржуазной демократии Ф. Геккер и Г. Струве. В другом месте Энгельс отмечает мелкобуржуазные ограниченные черты, отразившиеся в цитируемом им варианте припева к этой песне («Геккер, Струве, Бленкер, Цитц и Блюм...»). См. стр. 562 настоящего тома.

К стр. 559. *«Песня ткачей»* — боевая песня силезских ткачей во время восстания 1844 г. (полный текст ее на языке оригинала см. в сборнике К. Магх, F. Engels, *Über Kunst und Literatur*, Verlag B. Henschel u. Sohn, Berlin, 1948, S. 501—502; русск. перевод (сокращенный) — Ф. Меринг, *История германской социал-демократии*, т. I, Спб., 1906, стр. 245—246).

В сокращенном и переработанном виде «Песня ткачей» вошла в драму Гауптмана «Ткачи» (1893).

— «Пруссак» — псевдоним А. Руге.

К стр. 560. *«Neue Welt»* («Новый мир») — журнал, издававшийся зятем Либкнехта, Б. Гейзером, который был в 1882—1887 гг. одним из главнейшей оппортунистического крыла германской социал-демократии.

К стр. 561. *...вся эта банда...* — Энгельс говорит здесь о депутатах реакционно-юнкерских и либерально-буржуазных партий германского рейхстага, принимавших участие в прениях по поводу закона против социалистов в 1886 г.

К стр. 563. *Одеон* — театр в Париже.

К стр. 564. *...внесший законопроект об ограничении рабочего дня...* — Речь идет о прениях по этому вопросу в английской палате общин в июле 1853 г., которые не привели ни к каким положительным результатам.

К стр. 567. *...в революционной войне...* — Речь идет о памфлете Кобдена «1793 и 1853 — три письма» (1853), в первой части которого анализируется война Англии против Франции в годы Великой французской революции.

К стр. 571. *...особенно хорошо изображен патриотически настроенный провинциал...* — См. политические комедии Нестроя, «Свобода в Кревинкеле» (1848), «Леди и портной» (1849) и др. (J. Nestroy, *Die politischen Komödien*, Werke, Bd. 5, Wien, 1925).

— *...директор местного... завода...* — Письмо написано Марксом из Ганновера.

— *...Арминиева колонна.* — Речь идет о памятнике Армиию (Герману) в Тевтобургском лесу около Детмольда, установленному по проекту Э. фон Банделя. Памятник этот был заложен в 1838 г. и открыт в 1875 г. Немецкая националистическая реакция воспользовалась созданием памятника Армиию для пропаганды шовинистических и милитаристских идей.

К стр. 572. *...кое-то из музыки будущего.* — Маркс иронически называет так музыку Вагнера (пользуясь определением самого композитора).

— *...к ближайшей... гостинице...* — Письмо написано Марксом из Карлсбада (Карловых Вар).

К стр. 573. «Свободный народный театр» («Freie Volksbühne»), основанный в Берлине в 1890 г., находился под влиянием немецкой социал-демократической партии. Ф. Меринг был одним из его руководителей.

— ...великой науки знаменитых противников атеизма... — Речь идет о статьях Б. Гейзера (см. примеч. к стр. 560) в журнале «Neue Welt». Ср. подробную оценку этих статей в более раннем письме Энгельса к Э. Бернштейну от сентября 1884 г. (Сочинения, т. XXVII, стр. 408).

К стр. 574. Роман Ранка... — Имеется в виду «Роман одного заговора» («Le roman d'une conspiration», 1869).

— ...в связи с Лазарем... — Так Маркс иронически называет Лассалья.

— ...его книга... — «Жизнь Иисуса». Позднее Энгельс писал, что Ренан изготовил «церковно-исторический роман «Origines de Christianisme» («Происхождение христианства») на основе беспримерной даже в современной журналистике вульгаризации немецкой критики Библии» (Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 410—411).

К стр. 575. «Делатель королей». — Имеется в виду Варвик, герой романа Бульвера «Последний барон» (1843).

— ...шпионом куперовского романа. — Герой романа Купера «Шпнион» — северо-американский патриот, выполняющий тайные задания Вашингтона.

К стр. 576. Письмо Бичер-Стоу одному из деятелей английского феодального социализма лорду Шефтсбери было опубликовано в 1861 г. Бичер-Стоу призывала в нем английский народ поддержать северные штаты в их борьбе с рабовладельческим Югом.

К стр. 577. Лучшие американские писатели... — Об интересе Маркса в 1860-х гг. к американской литературе (в частности, к Уитмену) см. в книге Д. Спарго, «К. Маркс, его жизнь и деятельность», Л., 1924, стр. 190. Следует иметь в виду, что сведения, приводимые Спарго, нельзя считать вполне достоверными.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Вступительная статья V

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

Идейность и реализм	7
Проблема революционной трагедии	15
Маркс и Энгельс в переписке с Лассалем по поводу его пьесы «Франц фон Зикинген»	15
Рукопись о трагической идее, приложенная Лассалем к письму от 6 марта 1859 г.	17
Трагическое и комическое в реальной истории	53
Идеалистическое понимание трагического	67
Эстетика Гегеля	72
Различные замечания	75
Теоретическое мышление и художественное освоение мира . .	75
Мысль и язык	76
Роль материала в искусстве	76
Импровизация и поэзия	77
О значении литературного стиля	77
О литературной полемике	81
О переводе	83

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ

Общественное бытие и общественное сознание	89
Природные условия и развитие культуры	95
Письма Энгельса против вульгаризации исторического материализма	98
Работа Франца Меринга «Легенда о Лессинге» в оценке Энгельса . .	103
Классовые отношения и классовая идеология	110
Передовые мыслители и защитники корыстных интересов господствую-	
щих классов	118
Рикардо и Мальтус	118
О научном и вульгарном понимании классовой идеологии	123
Историческая преемственность и ее противоречия	129
Неравномерность исторического развития и вопросы искусства . . .	134

ИСКУССТВО В КЛАССОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Возникновение искусства	139
Историческое развитие художественного чувства	139

	<i>Стр.</i>
Роль труда в процессе возникновения искусства	142
Художественное творчество и эстетическое восприятие	143
Общественное разделение труда	145
Разделение труда и общественное сознание	145
Личные способности и общественные условия	148
Калечащее действие разделения труда. Мануфактура	150
Умственный и физический труд	151
Отчуждение труда и положение трудящегося в капиталистическом обществе	154
Меновая стоимость, деньги и мировая культура	162
Господство количества над качеством	162
Деньги — безличная форма богатства	163
Извращающая сила денег	166
Эстетическая форма богатства. Золото и серебро	172
Капитализм и античное общество	174
Античный мир и капиталистическое накопление	174
Античный взгляд на разделение труда	175
Древнее рабство и капиталистическая жажда прибавочной стоимости	178
Капитализм и феодальное общество	182
Разложение феодально-патриархальных связей и господство чистогана	182
Феодальная и капиталистическая собственность	185
Капитализм и духовное творчество	190
Искусство и поэзия в их отношении к буржуазному способу производства	190
Труд художника в капиталистическом обществе	194
Противоречия буржуазной цивилизации	200
«Отчуждение» общественных сил	200
Свобода и рабство в буржуазном обществе	200
Человек и машина при капитализме	201
Историческое значение наемного труда	202
Конкуренция и мировая культура	203
Поэзия первобытных нравов и проза буржуазной цивилизации	205
Прогрессивное развитие и патриархальная ограниченность	205
Разрушение патриархального строя в Индии	211
Буржуазная цивилизация и преступление	215
Разложение семьи	217
Три ступени общественного развития	218
Историческая миссия рабочего класса	225
Пролетариат и богатство	225
Рабочий класс и прогрессивное развитие общества	227

	<i>Стр.</i>
Рабочий класс и культура	230
Пролетарская революция и вандализм буржуазии	235

ИСКУССТВО И КОММУНИЗМ

Гуманистическое содержание пролетарской революции	241
Уничтожение частной собственности и духовное развитие человечества	241
Уничтожение частной собственности и развитие личности	242
Критика уравнительного коммунизма	245
Искусство в коммунистическом обществе	247
Индивидуальность и общество	252
Аскетизм и наслаждение	258
Труд и игра	260
Царство свободы и материальный труд	261

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ В ОТДЕЛЬНЫХ ЗАМЕЧАНИЯХ
МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

Древний мир	269
Первые шаги человеческой культуры	269
Начало мифологии и эпоса	270
Эпическая традиция древних семитов	271
Искусство древних азиатских народов	271
Античная цивилизация	273
Древнейшее греческое общество и его отражение в поэмах Гомера	273
Отдельные замечания о Гомере	282
Разложение первобытного родового строя и греческая трагедия	283
Греческая трагедия	287
Положение женщины в Греции по свидетельству античных писателей	288
Античное рабство и мировая культура	291
Идеальное и реальное в греческой культуре	294
Греческая пластика	295
Греческое просвещение	297
Религия и культура в древнем мире	298
Умственные течения эпохи распада античного мира	300
Идеал мудрости и красоты в философии стоиков	302
Лукреций Кар	304
Гораций	305
Овидий	306
Сатира Персия	307

	<i>Стр.</i>
Лукиан	307
Средние века	309
Культура германских племен	309
Общность духовной культуры германских племен	312
Поэзия Древней Скандинавии	312
Песнь о Гильдебранде	313
Отражение родового быта в поэзии древних германцев	313
Изображение любви в античной и средневековой литературе	315
Рихард Вагнер и немецкий народный эпос	317
Литература Древней Ирландии	319
Датская поэзия раннего средневековья	329
Французская литература XII века	330
Южнофранцузское раннее Возрождение	332
Борьба религиозного и светского мировоззрения в провансальской литературе	333
Рыцарская любовная лирика	333
Трубадур Гильом Аквитанский	334
Средневековый испанский романс	334
Иранская литература позднего средневековья	335
Эпоха Возрождения	337
Конец средних веков и начало нового времени	337
Итальянская культура от Данте до Гарибальди	338
Данте	339
Петрарка	342
Боккаччо	343
Поэзия мейстерзингеров	344
Итальянские гуманисты XV века Энео Сильвио, Пикколomini и Поджо Браччолини	344
Высокое Возрождение	345
Тициан	347
Ариосто	347
Пьетро Аретино	348
Альбрехт Дюрер	348
Ульрих фон Гуттен	349
Полемика Лютера	353
Сатира эпохи Реформации	354
Меланхтон	354
Себастьян Франк	354
Историческое значение Реформации	355
Мениппова сатира	356
Крестьянские уравнивательные идеи в Англии. Джон Болл. «Жалоба Петра-Пахаря» Вильяма Ленгленда	357

	<i>Стр.</i>
Томас Мор	358
Френсис Бэкон. Поэтический характер материализма эпохи Возрождения	360
Шекспир	361
Испанская литература. Кальдерон	369
Сервантес	371
XVII век	373
Бертон	373
Мильтон	373
Ирландская литература XVII века	374
Бернье	374
Ларошфуко	374
Пьер Бейль	375
Оригинальный мыслитель конца XVII — начала XVIII века Джамбаттиста Вико	376
Эпоха Просвещения	378
Историческая роль эпохи Просвещения	378
Предшественники французского Просвещения в Англии	379
Материализм просветителей XVIII века	380
Просвещение и диалектика	385
Утилитарная философия эпохи Просвещения	386
Даниэль Дефо	391
Свифт	394
Мандевиль	396
Сатирическая поэзия XVIII века. Поп. Джон Уолкот	398
Берк	398
Вольтер	399
Дидро	402
Руссо	403
Аббат Прево	407
Бомарше	407
Положение Германии и немецкая культура после Тридцатилет- ней войны	408
Готтшед	410
Лессинг	411
Клопшток	411
Моисей Мендельсон	412
Николай	413
Геснер	413
Иоганн-Якоб Энгель	414
Реакционный натурализм в общественной мысли XVIII века	414

	<i>Стр.</i>
Романтизм	418
Кризис идеалов эпохи Просвещения	418
Переход от просвещения к романтизму	419
Критика капиталистического прогресса с точки зрения прошлого.	
Феодальный социализм	420
Мелкобуржуазная критика капитализма	421
Писатели Реставрации	423
Шатобриан	424
Фридрих Шлегель	430
Якоб Гримм	431
Арним	432
Арндт	433
Уланд	433
Романтические настроения двадцатых годов	434
Варнгаген фон Энзе	434
Соути	435
Шелли и Байрон	435
Томас Карлейль	436
Беранже	473
Александр Дюма	474
Ламартин	474
Виктор Гюго	481
Жорж Санд	485
Эжен Сю	485
Запоздалые отголоски романтизма. Бруно Бауэр	487
Классический реализм конца XVIII — первой половины XIX века	489
Германия в эпоху Гёте и Шиллера	489
Гёте	493
Шиллер. Слабые стороны его поэзии	523
Вальтер Скотт	524
Бальзак	525
Английские реалисты середины XIX века	529
Шарлотта Бронте (Керрер Белл). Джордж Эллиот	529
Чарльз Ливер	530
Русская литература	531
Русский язык	531
Слово о полку Игореве	532
Славянская филология	534
Державин	535
А. С. Пушкин	535
Чернышевский и Добролюбов	536
Чернышевский как ученый и критик	538

	<i>Стр.</i>
Чернышевский и русская община	538
Революционная роль Чернышевского	542
Щедрин	547
Н. Флеровский	547
Революционная народная песня, политическая поэзия, памфлет . .	551
Стародатская народная песня	551
Барин Тидман. Перевод с датского Ф. Энгельса	552
Брейский викарий. Перевод с английского Ф. Энгельса	553
Революционная поэзия прошлого	555
Поэзия чартистов	556
Песни Пьера Дюпона	558
«Песня ткачей»	559
Героические образы рабочего движения. Иоганн-Филипп Беккер	559
Отзыв Маркса о стихотворениях Иоганна-Филиппа Беккера	561
Песни немецкой революции 1848 года	561
Народная сатирическая песенка против Луи Бонапарта	563
Революционная итальянская песня сороковых годов	564
Английский памфлетист Вильям Коббет	564
Различные замечания об искусстве и литературе XIX века	568
Немецкий язык и немецкая культура	568
Буржуазный роман	568
Анценгрубер	570
Нестрой	570
Памятник Арминию	571
Картины Рейнике	571
Рихард Вагнер	572
Свободный народный театр	573
Поль де Кок	573
Артур Ранк	574
Ренан	574
Бульвер	575
Ибсен	575
Купер	575
Бичер-Стоу	576
Американские писатели и развитие капиталистических монополий в США	577

«К. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС ОБ ИСКУССТВЕ»

Том 1

Редактор

В. М. МУРЯН

Оформление художника

В. И. СМЕРНОВА

Художественный редактор

Э. Э. РИНЧИНО

Технические редакторы

Е. И. ШИЛИНА

Г. К. АЛЕКСАНДРОВ

Корректоры

А. А. ПОЗИНА

В. П. НАЗИМОВА

*

Сдано в набор 6/V 1957 г. Подписано в печать 27/VIII 1957 г.
Форм. бум. 60 × 92¹/₁₆. Печ. л. 39,5. Уч.-изд. л. 37,563.
Тираж 75 000 экз. Первый завод — 50 000 экз. Ш-08017.

«ИСКУССТВО»

Москва, И-51, Цветной бульвар, 25.

Изд. № 4058. Заказ тип. 414.

Цена 10 р. 70 к.

Ленинградский Совет народного хозяйства.

Управление полиграфической промышленности.

Типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.